Фюстель-де-Куланжъ.

ДРЕВНЯЯ
ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩИНА.

(La Cité Antique).

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О КУЛЬТѢ, ПРАВѢ, УЧРЕЖДЕНІЯХЪ ГРЕЦІИ И РИМА.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К[о],
Пименовская улица, соб. домъ.

1895.

ДРЕВНЯЯ

ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩИНА.

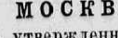
Фюстель-де-Куланжъ.

ДРЕВНЯЯ
ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩИНА.

(La Cité Antique).

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
О КУЛЬТѢ, ПРАВѢ, УЧРЕЖДЕНІЯХЪ ГРЕЦІИ И РИМА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО XIV ИЗДАНІЯ
Н. Н. Спиридонова.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Гражданская община.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Перевороты.

КНИГА ПЯТАЯ.

Муниципальный порядокъ исчезаетъ.

ДРЕВНЯЯ
ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩИНА

ВВЕДЕНІЕ.

О необходимости изученія первобытныхъ вѣрованій древнихъ для познанія ихъ учрежденій.

Такъ какъ здѣсь предполагается показать, на основаніи какихъ началъ и законовъ управлялись общества греческое и римское, то римляне и греки соединены вмѣстѣ въ одномъ и томъ же изслѣдованіи: эти два народа, вѣтви одной и той же расы, говорили языками, развившимися изъ одного общаго языка, имѣли много общихъ учрежденій и пережили рядъ сходныхъ переворотовъ.

Особенное вниманіе будетъ обращено на то, чтобы показать коренныя и существенныя различія, какими древніе народы вѣчно будутъ разниться отъ современныхъ обществъ. Наша система воспитанія, переносящая насъ съ дѣтства въ среду грековъ и римлянъ, пріучаетъ насъ приравнивать ихъ къ себѣ, судить ихъ исторію своею и объяснять наши перевороты ихними. То, что нами получено отъ нихъ, то, что ими намъ завѣщено, заставляетъ насъ предполагать большое сходство между ними и нами; мы съ трудомъ можемъ смотрѣть на нихъ какъ на чужихъ, и мы видимъ въ нихъ почти всегда самихъ себя. Отсюда вышло много заблужденій. Мы не замедлимъ ошибиться относительно этихъ древнихъ народовъ, если будемъ смотрѣть на нихъ сквозь мнѣнія и факты нашего времени.

Ошибки же въ этомъ дѣлѣ не безопасны. Наши поколѣнія не рѣдко испытывали смуты подъ вліяніемъ идеи, составившейся у нихъ о Греціи и Римѣ. Дурно понятыя учрежденія древней общины привели къ мысли воскресить ихъ къ жизни у насъ. Составилось ложное мнѣніе о свободѣ у древнихъ и изъ-за одного этого едва не погибла свобода новѣйшихъ народовъ. Послѣднія 80 лѣтъ въ исторіи Франціи ясно показали, что одна изъ самыхъ значительныхъ преградъ на пути развитія современнаго общества кроется въ привычкѣ имѣть всегда передъ глазами греческую и римскую древность.

Чтобъ узнать истину объ этихъ древнихъ народахъ, надлежитъ изучать ихъ, забывъ о себѣ, какъ будто бы они были

совершенно намъ чужды, съ тѣмъ же безпристрастіемъ и безкорыстіемъ, съ какимъ мы стали бы изучать древнюю Индію или Аравію. Такимъ образомъ наблюдаемые Греція и Римъ представятся намъ съ характеромъ совершенно недоступнымъ для подражанія. Нѣтъ ничего похожаго на нихъ въ новѣйшія времена; ничего похожаго не можетъ быть и въ будущемъ.

Мы постараемся показать, на какихъ основахъ зиждились эти общества, и тогда будетъ ясно видно, что эти основы болѣе не въ состояніи управлять человѣчествомъ. Отчего это такъ? Почему условія управленія людьми уже болѣе не тѣ, какъ встарину? Важныя перемѣны, время отъ времени возникающія въ строѣ общества, не могутъ быть дѣломъ ни случайности, ни одного только произвола. Причина ихъ порождающая должна быть могущественна, и причина эта неизбѣжно коренится въ самомъ человѣкѣ. Если законы человѣческой ассоціаціи теперь иные, чѣмъ въ древности, это оттого, что въ самомъ человѣкѣ кое-что измѣнилось. Дѣйствительно одна часть нашего существа измѣняется изъ вѣка въ вѣкъ: это— наше познаніе. Оно вѣчно въ движеніи, почти всегда прогрессирующемъ, и благодаря ему наши учрежденія и наши законы подвержены перемѣнѣ. Человѣкъ не мыслитъ болѣе такъ, какъ онъ мыслилъ 25 вѣковъ тому назадъ, и именно отъ этого законы, имъ управляющіе, теперь иные, чѣмъ встарину.

Исторія Греціи и Рима есть свидѣтельство и примѣръ тѣсной связи, существующей всегда между понятіями человѣческаго ума и соціальнымъ бытомъ народовъ. Взгляните на учрежденія древнихъ, не размышляя о ихъ вѣрованіяхъ: вы ихъ найдете темными, непонятными, необъяснимыми. Откуда эти патриціи и плебеи, патроны и кліэнты, эвпатриды и ѳеты, и какъ появились тѣ родовыя неизгладимыя различія, какія мы находимъ у этихъ классовъ? Какой смыслъ имѣютъ эти учрежденія лакедемонянъ, кажущіяся намъ столь противоестественными? Какъ объяснить странныя несправедливости древняго частнаго права: въ Коринѳѣ, въ Ѳивахъ —запретъ продавать землю, въ Аѳинахъ, въ Римѣ—неравномѣрность въ наслѣдованіи между братомъ и сестрою? Что именно разумѣли юристы подъ именемъ *агнаціи* и *рода?* Откуда эти перевороты въ правѣ и въ политикѣ? Что за странный патріотизмъ, поглощавшій иногда всѣ естественныя чувства? Въ чемъ заключалась та свобода, о которой было такъ много рѣчи? Какъ случилось, что учрежденія, столь далекія отъ нашего современнаго пониманія, могли установиться и властвовать долгое время? Какое именно высшее начало дало имъ власть надъ человѣческимъ умомъ?

Но рядомъ съ этими учрежденіями и этими законами—поставьте вѣрованія; факты тотчасъ станутъ яснѣе и объясненіе ихъ представится само собою. Если, восходя къ началу этой расы, т.-е. ко времени, когда слагались ея учрежденія,

будетъ обращено должное вниманіе на понятіе этого племени о человѣческомъ существѣ, о жизни, о смерти, о загробномъ существованіи, о божественномъ началѣ, — то будетъ уловлена тѣсная связь между этими мнѣніями и древними нормами частнаго права, между обрядами, вытекавшими изъ этихъ вѣрованій, и политическими учрежденіями.

Сравненіе вѣрованій и законовъ показываетъ, что первоначальная религія опредѣлила греческую и римскую семью, установила бракъ и власть отца, обозначила степени родства и освятила право собственности и право наслѣдства. Эта же религія, расширивъ и продолживъ семью, образовала болѣе значительную ассоціацію, гражданскую общину, и царила въ ней такъ же властно, какъ въ семьѣ. Изъ нея вышли всѣ учрежденія, какъ и все частное право, древнихъ. Отъ нея гражданская община получила свои начала, свои нормы, свои обычаи, свое управленіе. Но, съ теченіемъ времени, эти древнія вѣрованія измѣнялись и забывались; частное право и политическія учрежденія измѣнялись также рука объ руку съ ними. Тогда наступилъ рядъ переворотовъ и соціальныя преобразованія слѣдовали правильно за перемѣнами сознанія.

Слѣдовательно, прежде всего надо изучить вѣрованія этихъ народовъ, а знать древнѣйшія изъ нихъ для насъ особенно важно. Учрежденія и вѣрованія, встрѣчаемыя нами въ цвѣтущія эпохи Греціи и Рима, суть лишь развитіе предшествовавшихъ вѣрованій и учрежденій; ихъ корни надо искать въ глубинѣ прошедшаго. Народы греческіе и италійскіе безмѣрно древнѣе Ромула и Гомера. Время образованія вѣрованій и установки учрежденій кроется въ эпохѣ болѣе древней, въ старинѣ незапамятной.

Но есть ли надежда достичь познанія этого отдаленнаго прошлаго? Кто скажетъ намъ, что именно думали люди за 10 или 15 вѣковъ до нашей эры. Можно ли уловить то, что такъ неуловимо и подвижно,—вѣрованія и мнѣнія? Мы знаемъ то, что думали восточные арійцы 35 вѣковъ назадъ; но мы знаемъ это изъ гимновъ Ведъ, несомнѣнно, весьма древнихъ, и изъ законовъ Ману, менѣе древнихъ, но гдѣ также можно различить мѣста, относящіяся къ эпохѣ крайне отдаленной. Но гдѣ же гимны древнихъ эллиновъ? У нихъ, какъ и у италійцевъ, были древнія пѣсни, древнія священныя книги; но изъ всего этого ровно ничего не дошло до насъ. Какая память можетъ сохраниться для насъ объ этихъ поколѣніяхъ, не оставившихъ намъ ни одного писаннаго текста?

Къ счастью, прошлое никогда не умираетъ совершенно для человѣка. Человѣкъ можетъ легко забыть его, но онъ носитъ его всегда въ себѣ самомъ. Каковъ бы онъ ни былъ въ данную эпоху, онъ есть продуктъ и произведеніе всѣхъ предшествовавшихъ эпохъ. Если углубиться въ его душу, можно тамъ отыскать и различить эти различныя эпохи по тѣмъ слѣдамъ, какіе каждая изъ нихъ оставила въ ней.

Посмотримъ внимательно на грековъ временъ Перикла, на римлянъ временъ Цицерона; они носятъ въ себѣ явные отпечатки и вѣрные слѣды вѣковъ самыхъ отдаленныхъ. Современникъ Цицерона (я говорю преимущественно о человѣкѣ изъ народа) обладалъ воображенiемъ полнымъ легендъ; легенды эти достались ему въ наслѣдство отъ эпохи болѣе древней и свидѣтельствуютъ объ образѣ мыслей того времени. Современникъ Цицерона пользуется языкомъ, корни словъ котораго относятся къ глубочайшей древности; этотъ языкъ, выражая мысли древнихъ вѣковъ, сложился по ихъ образцу и, сохранивъ ихъ отпечатокъ, передаетъ его изъ вѣка въ вѣкъ. Внутреннiй скрытый смыслъ корня можетъ иногда открыть древнее мнѣнiе или древнiй обычай; мысли измѣнились и воспоминанiя исчезли; но остались слова, непреложные свидѣтели исчезнувшихъ вѣрованiй. Современникъ Цицерона совершаетъ обряды при жертвоприношенiи, при погребенiи, при заключенiи брака; эти обряды—древнѣе его, а доказательство этому въ томъ, что они не соотвѣтствуютъ его вѣрованiямъ въ данное время. Но если взглянуть ближе на обряды, на произносимыя имъ при этомъ слова, въ нихъ можно непремѣнно найти слѣдъ того, во что вѣрили люди за 15 или 20 вѣковъ до него.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ДРЕВНІЯ ВѢРОВАНІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вѣрованія о душѣ и о смерти.

До самыхъ послѣднихъ временъ въ исторiи Грецiи и Рима имѣлся у простого народа цѣлый рядъ мыслей и обычаевъ, несомнѣнно принадлежавшихъ эпохѣ очень древней, по которымъ мы можемъ узнать, какихъ мнѣнiй держался издревле человѣкъ о своей собственной природѣ, о душѣ, о таинствѣ смерти.

Какъ бы глубоко мы ни погружались въ исторiю индо-европейской расы, изъ которой вышли племена греческiя и италiйскiя, мы не отыщемъ свидѣтельства, что было когда-либо время, когда эта раса вѣрила, что все кончено для человѣка послѣ этой краткой земной жизни. Самыя древнiя поколѣнiя, задолго до появленiя какихъ-либо философовъ, вѣровали во вторую жизнь послѣ смерти. Они смотрѣли на смерть не какъ на уничтоженiе жизни, но какъ на простую перемѣну бытiя.

Но гдѣ и какъ протекала эта вторичная жизнь? Можетъ быть вѣровали, что безсмертный духъ, покинувъ однажды тѣлесную оболочку, спѣшилъ одушевить собою новое существо? Нѣтъ; вѣрованiе въ переселенiе душъ (метемпсихозу) не могло никогда укорениться въ умахъ греко-италiйскихъ племенъ; оно не было самымъ древнимъ мнѣнiемъ восточныхъ арiйцевъ, такъ какъ гимны Ведъ ему противорѣчатъ. Быть-можетъ, вѣровали въ то, что духъ поднимался къ небу, къ области свѣта? Также нѣтъ; мысль, что души удаляются въ небесное жилище, сравнительно недавняго происхожденiя на Западѣ; жизнь небесная понималась лишь какъ награда великихъ людей и благодѣтелей человѣчества. Согласно древнѣйшимъ вѣрованiямъ италiйцевъ и грековъ, душа проводила свою вторую жизнь въ томъ же мiрѣ; она оставалась вблизи людей и продолжала жить подъ землею [1]. —

Довольно долгое время господствовало также вѣрованiе,

---

[1]) *Sub terra censebant reliquam vitam agi mortuorum.* Цицеронъ, *Tusc.*, I., 16. Это вѣрованiе настолько было сильно, прибавляетъ Цицеронъ, что, даже когда установился обычай сжигать трупы, продолжали вѣрить, что мертвые живутъ подъ землею.—Эврипидъ, *Альцеста*, 163; *Гекуба*, passim.

что въ это второе существованіе душа оставалась связанною съ тѣломъ. Она родилась вмѣстѣ съ нимъ и не разлучалась съ нимъ и по смерти; вмѣстѣ съ нимъ она покоилась въ могилѣ.

Какъ ни древни эти вѣрованія, о нихъ остались для насъ непреложныя свидѣтельства. Свидѣтельства эти — тѣ погребальные обряды, которые, порожденные одновременно съ этими вѣрованіями, на много пережили ихъ и нынѣ даютъ намъ возможность проникнуть въ ихъ значеніе.

Обряды погребенія показываютъ ясно, что, опуская тѣло въ могилу, вѣрили, что вмѣстѣ съ нимъ хоронятъ нѣчто живое. Вергилій, всегда такъ точно и тщательно описывающій религіозныя церемоніи, оканчиваетъ разсказъ о погребеніи Полидора такими словами: „Мы погребаемъ душу въ могилѣ" [1]). То же выраженіе находимъ у Овидія и Плинія Младшаго; это не значитъ, что оно отвѣчало идеямъ этихъ писателей о душѣ, но значитъ только то, что съ незапамятныхъ временъ оно обращалось въ языкѣ, свидѣтельствуя о древнихъ и общепринятыхъ вѣрованіяхъ [2]).

Былъ обычай въ концѣ похороннаго обряда, трижды призывать душу покойника по имени, какое онъ носилъ. Ей высказывалось пожеланіе счастливой жизни подъ землею. Трижды ей повторялось: „Будь счастлива, прощай", прибавляя: „Пусть будетъ тебѣ легко подъ землею" [3]).

До такой степени вѣрили, что существо будетъ продолжать жить подъ землею, и что оно сохранитъ и въ могилѣ чувство благосостоянія и страданія! На гробницѣ писалось, что здѣсь покоится человѣкъ, — выраженіе, пережившее эти вѣрованія и изъ вѣка въ вѣкъ дожившее до насъ. И мы еще употребляемъ его, хотя уже никто теперь не думаетъ, что безсмертное существо покоится въ могилѣ. Но въ древности вѣрили такъ сильно, что человѣкъ жилъ тамъ, что никогда не упускали изъ виду зарыть вмѣстѣ съ нимъ и предметы ему необходимые: одежды, посуду, оружіе [4]). На его могилу возливалось

---

[1]) Вергилій, *Энеида*, III, 67: *animamque sepulcro condimus.*

[2]) Овидій, *Fast.*, V, 451: *tumulo fraternas condidit umbras.* — Плиній, *Ep.*, VII, 27: *manes rite conditi.* — Описаніе Вергилія относится къ употребленію кенотафовъ, т.-е. пустыхъ гробницъ; было допущено, въ случаѣ невозможности отыскать тѣло родственника, устроить ему церемонію, воспроизводившую въ точности всѣ погребальные обряды, и вѣровали, что этимъ дѣйствіемъ въ могилѣ погребается душа за отсутствіемъ тѣла. Эврипидъ, *Елена*, 1061, 1240. Схоліастъ *ad Pindar. Pyth.*, IV, 284. Вергилій, VI, 505; XII, 214.

[3]) *Иліада*, XXIII, 221. Эврипидъ, *Альцеста*, 479: Κοῦφα σοὶ χθὼν ἐπάνωθεν πέσοι. Павзаній, II, 7, 2. — *Ave atque vale,* Катуллъ, С. 10. Сервій, *ad Aeneid.*, II, 640; III, 68; XI, 97. Овидій, *Фасты*, IV, 852; *Метаморфозы*, X, 63. — *Sit tibi terra levis; tenuem et sine pondere terram;* Ювеналъ, VII, 207; Марціалъ, I, 89; V, 35; IX, 30.

[4]) Эврипидъ. *Альцеста*, 637, 638; *Орестъ*, 1416—1418; Виргилій, *Aen.*, VI, 221; XI, 191—196. — Относительно Аѳинъ древній обычай приносить дары усопшимъ засвидѣтельствованъ Ѳукидидомъ, II, 34; εἰσφέρει τῷ ἑαυτοῦ ἕκαστος. Законъ Солона запрещалъ погребеніе болѣе трехъ одеждъ съ усопшимъ (Плу-

вино, чтобъ утолить его жажду, ставили пищу, чтобы насытить его голодъ [1]), убивали лошадей и рабовъ съ тою мыслью, чтобъ эти существа, погребенныя заодно съ усопшимъ, и по смерти служили ему въ могилѣ, какъ они дѣлали то при жизни [2]). Послѣ взятія Трои греки спѣшатъ вернуться на родину; каждый изъ нихъ уводитъ съ собою по прекрасной плѣнницѣ; тогда Ахиллъ, уже подъ землею, требуетъ свою плѣнницу, и ему отдаютъ Поликсену [3]).

Одинъ стихъ Пиндара сберегъ для насъ любопытный слѣдъ этихъ воззрѣній древнихъ поколѣній. Фриксъ былъ принужденъ покинуть Грецію и убѣжалъ въ Колхиду. Въ этой странѣ онъ умеръ, но и мертвый онъ жаждалъ вернуться въ Грецію. Онъ явился во снѣ Пеліасу и повелѣлъ ему итти въ Колхиду и взять оттуда его душу. Безъ сомнѣнія, эта душа тосковала по родной землѣ, по семейной усыпальницѣ; но, привязанная къ плотскимъ останкамъ, она не могла покинуть безъ нихъ Колхиды [4]).

Изъ этого первоначальнаго вѣрованія возникла необходимость погребенія. Для того, чтобы водворить душу въ подземномъ жилищѣ, нужномъ ей для посмертной жизни, надлежало тѣло, съ которымъ она оставалась связанною, предать землѣ. Душа, не имѣвшая могилы, не имѣла жилища. У ней не было постояннаго мѣстопребыванія и она была скиталицей. Напрасно жаждала она покоя, столь желаннаго послѣ волненій и трудовъ жизни; ей суждено было вѣчно бродить и скитаться въ видѣ лара или призрака, никогда не останавливаясь для отдыха, никогда не получая необходимыхъ для себя приношеній и пищи. Несчастная, она скоро становилась злотворною. Она мучила живыхъ, насылала на нихъ болѣзни, опустошала ихъ жатвы, пугала ихъ страшными явленіями, чтобы склонить ихъ къ погребенію ея тѣла и ея самой. Отсюда народилось вѣрованіе въ привидѣнія, въ пришельцевъ съ того свѣта [5]). Вся древность была убѣждена, что безъ погребенія душа несчастна, и что чрезъ обрядъ похоронъ она навсегда дѣлалась счастливой. Погребальная церемонія совер-

---

тархъ, *Солонъ*, 21). Лукіанъ упоминаетъ еще объ этомъ обрядѣ: „Сколько одеждъ и убранствъ сожжено или зарыто вмѣстѣ съ мертвыми, какъ будто бы они имъ могли пригодиться подъ землею". При погребеніи Цезаря, въ эпоху большого суевѣрія, древній обычай былъ еще соблюденъ; на костеръ были возложены одежды, оружіе, утварь (Светоній, *Caesar*, 84). Тацитъ, *Ann.*, III, 3.

[1]) Эврипидъ, *Ифигенія въ Тавридѣ*, 163. Вергилій, *Энеида*, V, 76—80; VI, 225.

[2]) *Иліада*, XXI, 27—28; XXIII, 165—176. Вергилій, *Энеида*, X, 519—520; XI, 80—84, 197. — Тотъ же обычай и въ Галліи; Цезарь, Записки о Гальск. войнѣ, V, 17.

[3]) Эврипидъ, *Гекуба*, 40—41, 107—113, 637—638.

[4]) Пиндаръ. *Pythiq.*, IV, 284. Изд. Гейне; смотри Схоліаста.

[5]) Цицеронъ, *Тускул.*, I, 16. Эврипидъ, *Troad.*, 1085. Геродотъ, V, 92. Вергилій, VI, 371, 379. Горацій, *Оды*. I, 23. Овидій, *Фасты*, V, 483. Плиній, *Письма*, VII, 27. Светоній, *Калиг.*, 59. Сервій, *ad Aen.*, III, 68.

шалась отнюдь не для того, чтобы показать печаль, но въ видахъ успокоенія и счастья усопшаго [1]).

Обратимъ вниманіе, что одного преданія тѣла землѣ не было достаточно. Нужно было еще соблюсти опредѣленные издавна обряды и произнести установленныя молитвы. У Плавта мы находимъ исторію объ одномъ пришельцѣ изъ могилы [2]); то была душа скитающаяся поневолѣ, оттого что ея тѣло было предано землѣ безъ соблюденія обрядовъ. Светоній разсказываетъ, что тѣло Калигулы было предано землѣ безъ совершенія погребальной церемоніи, а оттого душа его бродила по свѣту и являлась живымъ до тѣхъ поръ, пока не было рѣшено вырыть трупъ и снова похоронить его съ соблюденіемъ обрядовъ [3]). Эти два примѣра ясно показываютъ, какое дѣйствіе приписывали обрядамъ и установленнымъ формуламъ погребальной церемоніи. Безъ нихъ души оставались скитающимися по землѣ и являлись живымъ; слѣдовательно, только благодаря похороннымъ обрядамъ, онѣ водворялись и погребались въ могилахъ. И подобно тому, какъ существовали формулы, обладавшія силой успокоенія усопшихъ, древніе обладали и другими, имѣвшими силу тревожить умершія души и, по желанію, вызывать ихъ изъ могилъ.

У древнихъ писателей можно замѣтить, какъ сильно мучила человѣка боязнь, что, послѣ его смерти, не будутъ выполнены всѣ погребальные обряды, подобающіе усопшему. Это служило источникомъ мучительнаго безпокойства [4]). Сама смерть внушала меньше страха, чѣмъ лишеніе погребенія. Это оттого, что здѣсь дѣло шло о вѣчномъ покоѣ, о вѣчномъ благополучіи. Мы не должны слишкомъ удивляться на аѳинянъ, казнившихъ всѣхъ полководцевъ, выигравшихъ морскую битву, но не позаботившихся о погребеніи убитыхъ. Эти полководцы, ученики философовъ, вѣроятно, уже различали душу отъ тѣла и, не думая, чтобъ участь послѣдняго была связана съ судьбой первой, полагали, что для трупа безразлично гдѣ ни сгнить, въ землѣ или въ водѣ. И изъ-за пустой обрядности собрать и предать землѣ убитыхъ они не захотѣли испытать начинавшейся бури. Но толпа, которая, даже въ Аѳинахъ, оста-

1) *Иліада*, XXII, 358. *Одиссея*, XI, 73.

2) Плавтъ. *Mostellaria*, III, 2.

3) Светоній, *Калигула*, 59; *Satis constat, priusquam id fieret, hortorum custodes umbris inquietatos... nullam noctem sine aliquo terrore transactam.*

4) Въ *Иліадѣ*, XXII, 338—344, Гекторъ проситъ своего побѣдителя не лишать его погребенія: „Заклинаю тебя жизнью, твоими родителями, не предавай моего тѣла собакамъ; но прими золото отъ моего отца и отдай ему мой трупъ для того, чтобы троянцы и троянки воздали мнѣ подобающія почести погребальнаго костра“. — Точно также у Софокла Антигона пренебрегаетъ смертью, „только бы ея братъ не остался безъ погребенія“ (Софоклъ, *Антигона*, 467).—То же чувство выражено Вергиліемъ, IX, 213. Горацій, *Оды*, I, 18, ст. 24—36. Овидій, *Héroïdes*, X, 119—123; *Tristes*, III, 3, 45. — Также въ проклятіяхъ самое ужасное, что можно было пожелать врагу, это—умереть безъ погребенія (Вергилій, *Эн.*, IV, 620).

валась вѣрною древнимъ вѣрованіямъ, обвинила полководцевъ въ нечестіи и осудила на смерть. Своею побѣдой они спасли Аѳины; но своею небрежностью они погубили тысячи душъ. Родственники убитыхъ, тревожась о вѣковѣчной мукѣ, предстоявшей этимъ душамъ, явились въ судъ въ траурномъ одѣяніи и потребовали мщенія [1]).

Въ древнихъ общинахъ законъ поражалъ выдающихся преступниковъ наказаніемъ наиболѣе ужаснымъ, — лишеніемъ погребенія [2]). Такимъ образомъ наказывалась душа и обрекалась на вѣковѣчную муку.

Надо замѣтить, что у древнихъ утвердилось еще другое мнѣніе о пребываніи усопшихъ. Они воображали себѣ область тоже подземную, но несравненно большей величины, чѣмъ могила, въ которой жили вмѣстѣ всѣ души, вдали отъ своихъ тѣлъ, и гдѣ мученія и блаженства были распредѣлены сообразно той жизни, какую велъ человѣкъ на землѣ. Но похоронные обряды, только-что нами описанные, находятся въ очевидномъ разногласіи съ этими вѣрованіями: несомнѣнное доказательство того, что въ эпоху установленія этихъ обрядовъ не существовало еще вѣры въ Тартаръ и Элизіумъ. Первымъ мнѣніемъ этихъ древнихъ поколѣній было убѣжденіе, что человѣческое существо жило въ могилѣ, что душа не отдѣлима отъ тѣла и что она оставалась прочно связанною съ той частью земли, гдѣ зарыты кости. Человѣку не предстояло давать никакого отчета за прожитую жизнь. Какъ только онъ предавался землѣ, ему уже нечего было ждать ни награды, ни кары. Мнѣніе, конечно, грубое, но таково было начало понятія о будущей жизни.

Существо, жившее подъ землею, не было освобождено отъ человѣческаго естества настолько, чтобы не нуждаться въ пищѣ. И вотъ въ опредѣленные дни въ году приносилась пища на каждую могилу [3]),

Овидій и Вергилій оставили намъ описанія этой церемоніи, сохранившейся неприкосновенною въ обычаѣ до ихъ времени, хотя вѣрованія уже измѣнились. Они разсказываютъ, что

1) Ксенофонтъ, *Элленика*, I, 7 (Греч. Ист.).

2) Эсхилъ, *Семь противъ Ѳивъ*, 1013. Софоклъ, *Антигона*, 198. Эврипидъ, *Phen.*, 1627—1632.—Лизій, *Эпитаф.*, 7—9. Всѣ древнія общины прибавляли къ наказанію значительныхъ преступниковъ лишеніе погребенія.

3) По латынѣ это называлось *inferias ferre, parentare, ferre solemnia*. Цицеронъ, *О законахъ*, II, 21: *majores nostri mortuis parentari voluerunt*. Лукрецій, III, 52: *Parentant et nigras mactant pecudes et Manibus divis inferias mittunt*. Вергилій, *Эн.*, VI, 380: *tumulo solemnia mittent*; IX, 214: *absenti ferat inferias decoretque sepulcro*. Овидій, *Amor.*, I, 13, 3: *annua solemni caede parentat avis*. — Эти жертвы, по праву надлежавшія мертвымъ, назывались *Manium jura*, Цицеронъ, *О зак.*, II, 21. Цицеронъ намекаетъ на это въ *pro Flacco*, 38, и въ первой Филиппикѣ, 6.—Эти обычаи еще соблюдались во времена Тацита (*Ист.*, II, 95). Тертулліанъ порицаетъ ихъ, какъ еще бывшіе въ полной силѣ въ его время: *Defunctis parentant, quos escam desiderare praesumant (De resurr. carnis, I); Defunctos vocas securos, si quando extra portam cum obsoniis et matteis parentans ad busta recedis (De testim. animae, 4).*

могила украшалась травою и цвѣтами, уставлялась кушаньями, плодами, солью, и на ней совершали возліяніе молока, вина, а иногда и жертвенной крови [1]).

Было бы крайне ошибочно предположить, что эта погребальная тризна была лишь дань воспоминанія. Пища, приносимая семьею, назначалась исключительно для усопшаго. Доказательствомъ этому служитъ то, что молоко и вино выливались на землю могилы, а для того, чтобы твердая пища могла дойти до мертваго, выкапывалось отверстіе; въ случаѣ закланія жертвы, она вся сожигалась, дабы никто изъ живыхъ не могъ отвѣдать её, затѣмъ произносились опредѣленныя священныя заклятія, приглашающія усопшаго отвѣдать пищу и питье; даже если вся семья присутствовала при этой тризнѣ, она не притрогивалась до пищи; и наконецъ, уходя съ могилы, весьма заботились оставить въ сосудахъ немного молока и хлѣба, и считалось большимъ нечестіемъ для человѣка тронуть этотъ маленькій запасъ, разсчитанный на нужды покойника.

Эти древнія вѣрованія жили долгое время и изложенія ихъ встрѣчаются еще у величайшихъ писателей Греціи. „Я возливаю на могильную землю,—говоритъ Ифигенія у Эврипида,—молоко, медъ, вино, такъ какъ это приноситъ отраду мертвымъ“ [2]). „Сынъ Пелея, говоритъ Неоптолемъ, прими это питье, угодное мертвымъ, приди и отвѣдай этой крови“ [3]). Электра возливаетъ вино и говоритъ: „Питье проникло въ землю, мой отецъ получилъ его“ [4]). Вотъ просьба Ореста, обращенная къ его умершему отцу: „О, отецъ, пока я живъ, ты получишь блестящія жертвы, но, если я умру, ты не будешь имѣть своей доли въ приношеніяхъ, питающихъ мертвыхъ“ [5]). Подшучи-

---

1) *Solemnes tum forte dapes et tristia dona*
Libabat cineri Andromache manesque vocabat
Hectoreum ad tumulum.
(Вергилій, *Эн.*, III, 301—303).
— Hic duo rite mero libans carchesia Baccho
Fundit humi, duo lacte novo, duo sanguine sacro
Purpureisque jacit flores ac talia fatur:
Salve, sancte parens, animaeque umbraeque paternae.
(Вергилій, *Эн.*, V, 77—81).
Est honor et tumulis; animas placate paternas.
... Et sparsae fruges parcaque mica salis
Inque mero mollita ceres violaeque solutae.
(Овидій, *Фасты*, II, 535—542.)

2) Эврипидъ, *Ифигенія въ Тавридѣ*, 157—163.

3) Эврипидъ, *Гекуба*, 536; *Электра*, 505.

4) Эсхилъ, *Хоэфоры*, 162.

5) Эсхилъ, *Хоэфоры*, 482 — 484. — Въ *Персахъ* Эсхилъ надѣляетъ Атоссу мыслями грековъ: „Я несу моему супругу эти приношенія, веселящія мертвыхъ, молоко, медъ и виноградъ; призовемъ душу Дарія и выльемъ эти напитки; ихъ вберетъ въ себя земля и они дойдутъ до подземнаго бога“ (*Персы*, 610—620).— Когда жертвы предлагались божествамъ, обитающимъ въ небѣ, то люди участвовали въ трапезѣ; но когда онѣ приносились мертвымъ, то все мясо сожигалось (Павзаній, II, 10).

ванія Лукіана свидѣтельствуютъ, что обычаи эти существовали еще въ его время: „Люди воображаютъ, что души выходятъ наружу къ приносимой пищѣ и питаются дымомъ сжигаемаго мяса и виномъ вылитымъ на могилы“ [1]). У грековъ передъ каждою могилой было мѣсто, назначенное для закланія жертвы и сожиганія ея мяса [2]). У римской гробницы была также своя *culina*, мѣсто приготовленія пищи исключительно для мертвыхъ [3]). Плутархъ разсказываетъ, что послѣ битвы при Платеѣ убитые воины были погребены на мѣстѣ битвы, и платейцамъ было поручено справлять ежегодно похоронное жертвенное поминовеніе. Вслѣдствіе этого, въ день годовщины они направлялись большой процессіей, съ главными властями во главѣ, къ холму, подъ которымъ покоились убитые. Они несли имъ приношенія, молоко, вино, масло, ароматы и закалывали жертву. Когда приношенія помѣщались на могилу, платейцы произносили заклятіе, призывавшее усопшихъ отвѣдать жертвы. Эта церемонія совершалась еще во времена Плутарха, которому удалось видѣть ее въ 600 годовщину [4]). Лукіанъ объясняетъ намъ, вслѣдствіе какого мнѣнія зародились эти обычаи. „Усопшіе,—пишетъ онъ,—питаются отъ приношеній, помѣщаемыхъ нами на ихъ могилахъ, и пьютъ выливаемое на землю вино, такъ что мертвецъ, которому нѣтъ приношеній, осужденъ на вѣчный голодъ“ [5]).

Вотъ древнія вѣрованія, кажущіяся намъ ложными и смѣшными. Однако они властвовали надъ человѣкомъ въ теченіе долгаго ряда поколѣній. Они царили въ душахъ; и вскорѣ увидимъ, что они управляли и обществомъ, и что большинство домашнихъ и соціальныхъ учрежденій древнихъ вышли изъ этого источника.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Культъ мертвыхъ.

Эти вѣрованія очень рано дали основаніе правиламъ жизни. Такъ какъ мертвые нуждались въ пищѣ и питьѣ, то отсюда вытекла обязанность живыхъ удовлетворять этой потребности. Забота о пищѣ, приносимой мертвымъ, не была предоставлена на произволъ и измѣнчивыя чувства человѣка; она была обязательна. Такъ образовалась цѣлая религія смерти, догма-

---

1) Лукіанъ, *Харонъ*, 22. — Овидій, *Фасты*, II, 566: *posito pascitur umbra cibo.*

2) Лукіанъ, *Харонъ*, 22: „Они выкапываютъ ямы вблизи могилъ и тамъ готовятъ пищу для мертвыхъ“.

3) Фестъ, слово *culina: culina vocatur locus in quo epulae in funere comburuntur.*

4) Плутархъ, *Аристидъ*, 21: παρακαλεῖ τοὺς ἀποθανόντας ἐπὶ τὸ δεῖπνον καὶ τὴν αἱμοκουρίαν.

5) Лукіанъ, *О плачѣ*, 9.

ты которой могли быть очень скоро позабыты, но обряды ея продолжались вплоть до полнаго торжества христіанства.

Мертвые считались священными существами [1]). Древніе давали имъ самыя почтительныя названія, какія только могли выдумать. Они называли ихъ добрыми, святыми, блаженными [2]). Они питали къ нимъ все благоговѣніе, какое только доступно человѣку по отношенію къ божеству, внушающему къ себѣ любовь или ужасъ. По ихъ мысли каждый усопшій былъ богъ [3]).

Такое обоготвореніе было свойственно не однимъ только великимъ людямъ: между умершими не было различій. Цицеронъ говоритъ: „Наши предки хотѣли, чтобы люди, покинувшіе эту жизнь, сопричислялись къ сонму боговъ" [4]). Даже не было необходимости быть человѣкомъ добродѣтельнымъ, — злой точно также становился богомъ, какъ и добрый; только и въ своей загробной жизни онъ сохранялъ въ себѣ всѣ порочныя наклонности, свойственныя ему при жизни на землѣ [5]).

Греки охотно давали умершимъ названіе подземныхъ боговъ. У Эсхила одинъ сынъ такъ призываетъ своего усопшаго отца: „О ты, ставшій богомъ подъ землею". Эврипидъ говоритъ объ Альцестѣ: „Прохожій остановится у ея могилы и скажетъ: теперь она блаженное существо" [6]). Римляне называли своихъ мертвыхъ богами Манами. „Воздавайте богамъ Манамъ должное, — говоритъ Цицеронъ: это люди, покинувшіе жизнь; считайте ихъ за существа [7]) божественныя".

Гробницы были храмами этихъ божествъ. Оттого то носили онѣ на себѣ священную надпись: Dis Manibus — богамъ Манамъ, а по гречески θεοῖς χθονίοις (богамъ подземнымъ). Здѣсь-то и жилъ погребенный богъ, Manesque sepulti, говоритъ Вергилій [8]). Передъ могилою находился алтарь для совершенія жертвоприношенія, какъ и передъ храмами боговъ [9]).

1) Ὅσιον τοὺς μεθεστῶτας ἱεροὺς νομίζειν, Плутархъ, *Солонъ*, 21.

2) Χρηστοί, μάκαρες, Аристотель цит. Плутархомъ, *Quest. rom.*, 52; *grecq.*, 5.— μάκαρες χθόνιοι, Эсхилъ, *Хоэфоры*, 475.

3) Эврипидъ, *Phenic.*, 1321: τοῖς θανοῦσι χρὴ τὸν οὐ τεθνηκότα τιμὰς διδόντα χθόνιον εὖ σέβειν θεόν. — Одиссея, X, 526: εὐχῇσι λίσῃ κλυτὰ ἔθνεα νεκρῶν. - Эсхилъ, *Хоэфоры*, 475: „О блаженные, обитающіе подъ землею, услышьте мой призывъ: спѣшите на помощь къ вашимъ дѣтямъ и облегчите имъ побѣду". Въ этомъ смыслѣ Эней называетъ своего умершаго отца *Sancte parens, divinus parens*. Вер., Эн., V, 80; V, 47. — Плутархъ, *Римск. Вопр.*, 14: θεὸν γεγονέναι τὸν τεθνηκότα λέγουσι. — Корнелій Непотъ, отрывки, XII: *parentabis mihi et invocabis deum parentem*.

4) Цицеронъ, *О законахъ*, II, 22.

5) Святый Августинъ, *Градъ Божій*, VIII, 26; IX, 11.

6) Эврипидъ, *Альцеста, 1015*: νῦν δ' ἐστὶ μάκαιρα δαίμων χαῖρ', ὦ πότνι', εὖ δὲ δοίης.

7) Цицеронъ, *О законахъ*, II, 9. Варронъ, у Св. Августина, Градъ Божій, VIII, 26.

8) Вергилій, *Эн.*, IV, 34.

9) Эврипидъ, *Троянки*, 96: τύμβους δ' ἱερὰ τῶν κεκμηκότων. *Электра*, 505–510. — Вергилій, *Эн.*, VI, 177: *Aramque sepulcri*; III, 63: *Stant Manibus arae*; III, 305: *Et geminas, causam lacrymis, sacraverat aras*; V, 48: *Divini ossa parentis condidimus terra moestasque sacravimus aras*. Грамматикъ Ноній Марцеллъ говоритъ, что гробница называлась храмомъ у древнихъ, и дѣйствительно Вергилій употребляетъ слово *templum* (храмъ) при описаніи гробницы или пустой могилы (кенотафа), устроенной Дидоною въ память своего мужа (*Энеида*, IV, 457). — Плутархъ, *Римск. Воп.*, 14: Ἐπὶ τῶν τάφων ἐπιστρέφονται, καθάπερ θεῶν ἱερὰ τιμῶντες τὰ τῶν πατέρων μνήματα.

Это почитаніе мертвыхъ мы находимъ у эллиновъ, у латинянъ, у сабинянъ [1]), у этрусковъ; находимъ его также у арійцевъ въ Индіи. Гимны Ригъ-Веды упоминаютъ о немъ. Книга законовъ Ману говоритъ, что культъ мертвыхъ самый древній по происхожденію у людей. Уже изъ этой книги видно, что идея переселенія душъ образовалась позднѣе надъ этимъ первоначальнымъ вѣрованіемъ; еще раньше — время образованія религіи Брамы, однако и при культѣ Брамы и при ученіи о переселеніи душъ культъ мертвыхъ предковъ продолжаетъ существовать, полный жизни и силы, и вынуждаетъ издателя законовъ Ману считаться съ собою и внести свои повелѣнія въ священную книгу. Не малою странностью этой удивительной книги является то, что она носитъ въ себѣ правила относительно древнихъ вѣрованій, тогда какъ она, очевидно, была составлена въ эпоху первенства совершенно противоположныхъ, одержавшихъ верхъ, вѣрованій. Это доказываетъ, что если не мало времени потребно для преобразованія человѣческихъ вѣрованій, то еще больше его требуется для измѣненія внѣшнихъ порядковъ и законовъ. Даже и теперь, послѣ стольких вѣковъ и переворотовъ, индусы продолжаютъ приносить жертвы предкамъ. У индо-европейской расы нѣтъ ничего древнѣе, а также устойчивѣе этихъ идей и обрядовъ.

Такое почитаніе было одинаково какъ въ Индіи, такъ и въ Греціи и въ Италіи. Индусъ долженъ былъ приносить Манамъ жертву, что называлось *срадда*. „Пусть глава дома совершитъ сраддy изъ риса, молока, корней и плодовъ, чтобы обратить на себя благоволеніе Мановъ". Индусъ вѣрилъ, что Маны предковъ присутствуютъ при предложеніи жертвы, возсѣдаютъ вокругъ него и питаются предложенною пищей. Онъ вѣрилъ также, что этотъ обрядъ доставлялъ мертвымъ большую радость: „Когда срадда совершена согласно обрядамъ, предки приносящаго жертву испытываютъ полное довольство [2]).

Такимъ образомъ, восточные арійцы вначалѣ думали совершенно одинаково съ западными относительно таинственной судьбы человѣка по смерти. Прежде вѣры въ переселеніе душъ, требовавшей уже точнаго различенія и души тѣла, существовала вѣра въ смутное и неопредѣленное бытіе человѣческаго существа, недоступнаго зрѣнію, но вещественнаго и требующаго отъ смертныхъ пищи и питья.

Индусъ, какъ и грекъ, смотрѣлъ на умершихъ какъ на

1) Варронъ, *De lingua lat.*, V, 74.

2) *Законы Ману*, I, 95; III, 82, 122, 127, 146, 189, 274.

существа божественныя, пребывающія въ блаженномъ состояніи. Но для ихъ блаженства требовалось соблюденіе одного условія: надлежало, чтобы тщательно соблюдались жертвенныя приношенія живущими.

Если исполненіе срадды по усопшемъ прекращалось, душа умершаго выходила изъ своего мирнаго жилища, дѣлалась странствующей по землѣ душою и мучила живыхъ; такъ что, если Маны были дѣйствительно богами, то лишь настолько, насколько живые чествовали ихъ культомъ [1].

Греки и римляне были тѣхъ же мнѣній. Какъ только прекращались могильныя жертвы, приносимыя усопшимъ, умершіе тотчасъ покидали гробницы; они дѣлались блуждающими тѣнями и въ безмолвіи ночи раздавались ихъ вопли. Они упрекали живущихъ въ нечестивомъ нерадѣніи, старались наказать ихъ, насылали на нихъ болѣзни или поражали землю безплодіемъ. Они не давали живымъ ни минуты покоя, пока не возстановлялись могильныя жертвы [2]. Жертвоприношеніе, предложеніе пищи и возліяніе вина снова заставляли ихъ вернуться въ могилы и возвращали имъ покой и божескія свойства. Тогда человѣкъ снова былъ въ мирѣ съ ними [3].

Если покойникъ становился злымъ существомъ, когда о немъ забывали и нерадѣли, за то, когда его чествовали, онъ былъ богомъ-покровителемъ. Онъ питалъ любовь къ приносившимъ ему пищу и, чтобы отблагодарить ихъ, продолжалъ принимать участіе въ земныхъ дѣлахъ,—и часто онъ былъ очень полезенъ. Хотя и мертвый, онъ могъ быть дѣятельнымъ и сильнымъ. Къ нему обращались съ просьбами, у него искали поддержки и благоволенія. Если на пути встрѣчалась гробница, то было въ обычаѣ остановиться и сказать: „Ты, ставшій подъ землею богомъ, будь ко мнѣ милостивъ“ [4].

---

[1]) Это почитаніе, воздаваемое мертвымъ, выражалось по-гречески словами: ἐναγίζω, ἐναγισμός. Поллуксъ, VIII, 91; Геродотъ, I, 167; Плутархъ, *Аристидъ*, 21; *Катонъ*, 15; Павзаній, IX, 13, 3. Слово ἐναγίζω значило жертвы, предложенныя мертвымъ, θύω—жертвоприношеніе небеснымъ богамъ; это различіе указано Павзаніемъ, II, 10, 1, и схоліастомъ Эврипида, *Phénic.*, 281. Плутархъ, *Римск .воп.*, 34: χοὰς καὶ ἐναγισμοὺς τοῖς τεθνηκόσι..., χοὰς καὶ ἐναγισμὸν φέρουσιν ἐπὶ τὸν τάφον.

[2]) У Геродота, I, 167, разсказъ о двухъ душахъ фокейцевъ, надѣлавшихъ безпокойствъ цѣлой странѣ, пока по нимъ не установили годовщину, и нѣсколько подобныхъ же исторій у Геродота и Павзанія, VI, 6, 7. Также у Эсхила: Клитемнестра, извѣщенная, что Маны Агамемнона негодуютъ на нее, поспѣшно посылаетъ пищу на его могилу. Вотъ также римская легенда, разсказанная Овидіемъ, *Фасты*, II, 549–556: „Однажды было забыто совершеніе *parentalia*, тогда души вышли изъ могилъ и съ воемъ бѣгали по улицамъ города и по полямъ Лаціума, пока на ихъ могилахъ имъ не были принесены жертвы.“

[3]) Овидій, *Фасты*, II, 518: *Animas placate paternas.*—Вергилій, *Эн.*, VI, 379: *Ossa piabunt et statuent tumulum et tumulo solemnia mittent.* — Сравните греческое ἱλάσκομαι (Павзаній, VI, 6, 8).—Титъ Ливій, I, 20: *Justa funebria placandosque manes.*

[4]) Эврипидъ, *Альцеста*, 1004 (1016). „Существуетъ вѣрованіе, что, если мы нерадѣемъ о мертвыхъ и пренебрегаемъ ихъ почитаніемъ, они причиняютъ намъ

О степени могущества, какое древніе приписывали мертвымъ, можно судить по слѣдующей молитвѣ Электры къ Манамъ своего отца: „Сжалься надо мною и братомъ Орестомъ; верни его въ эту страну; услышь мою мольбу, отецъ; прими мои возліянія и исполни мои желанья“. Эти могучія божества даютъ не одни вещественныя блага; такъ Электра прибавляетъ: „Сотвори мнѣ сердце болѣе невинное и руки болѣе чистыя, чѣмъ сердце и руки моей матери“ [1]). Такъ и индусъ проситъ у Мановъ „да возрастетъ въ семьѣ его число людей добродѣтельныхъ, и да пребудетъ у него излишекъ для раздачи“.

Эти человѣческія души, возводимыя по смерти въ степень божества, назывались у грековъ также *демонами* или *героями* [2]). латины называли ихъ Ларами, Манами [3]), Геніями. „Наши предки думали,—говоритъ Апулей,—что Манъ, когда они бывали зловредными, слѣдовало звать Ларвами, Ларами же называли ихъ тогда, когда они бывали благотворными и милостивыми“ [4]). У другого читаемъ: „Геній и Ларъ это одно и то же существо: такъ думали наши предки“ [5]). И у Цицерона: „Что греки называютъ демонами, мы зовемъ Ларами“ [6]).

Эта религія мертвыхъ была, какъ кажется, самою древней у этого племени. Прежде чѣмъ понять и обоготворить Индру или Зевса, человѣкъ обоготворилъ мертвыхъ; онъ впервые почувствовалъ къ нимъ страхъ и обратился съ молитвою. Возможно, что религіозное чувство началось именно здѣсь. Быть-можетъ, именно при видѣ смерти, у человѣка впервые блеснула мысль о сверхъестественномъ и возникла жажда надежды на большее, чѣмъ онъ видѣлъ. Смерть была для него первою тайной, и она поставила его на путь другихъ. Она подняла его мысль отъ видимаго къ невидимому, отъ преходящаго къ вѣчному, отъ человѣческаго къ божественному.

зло, но что, напротивъ, они приносятъ добро, если мы ихъ умилостивляемъ своими жертвами“. Порфирій, *De abstin.*, II, 37. См. Горацій, *Оды*, II, 23; Платонъ, *Законы*, IX, стр. 926, 927.

[1]) Эсхилъ, *Хоэфоры*, 122—145.

[2]) Возможно, что первоначально слово ἥρως значило умершій человѣкъ. Языкъ надписей есть языкъ народный и въ немъ то болѣе удерживается древнее значеніе словъ, а онъ иногда употребляетъ слово ἥρως съ тѣмъ простымъ значеніемъ, какое мы даемъ слову „покойникъ“: ἥρως χρηστὲ χαῖρε, Бекъ, *Corp. inscr.*, №№ 1629, 1723, 1781, 1782, 1784, 1786, 1789, 3398. Ф. Леба, *Monum. de Morée*, стр. 205. См. Ѳеогнита, изд. Велькера, 513, и Павзаній, VI, 6, 9. У ѳиванцевъ было древнее выраженіе, значившее умереть, ἥρωα γίνεσθαι (Арист., отрывки, изд. Хейца, ч. IV, ст. 260; Плутархъ, *Proverb. quibus Alex. usi sunt*, с. 47).—Греки называли также душу умершаго демономъ (δαίμων). Эврипидъ, *Альцеста*, 1140, и *Схоліастъ*. Эсхилъ, *Персы*, 620: δαίμονα Δαρεῖον. Павзаній, VI, 6: δαίμων ἀνθρώπου.

[3]) *Manes Virginiae* (Титъ Ливій, III, 58). *Manes conjugis* (Вергилій, VI, 119). *Patris Anchisae Manes* (id., X, 534). *Manes Hectoris* (id., III. 303). *Dis Manibus Martialis, Dis Manibus Acutiae* (Орелій, №№ 4440, 4441, 4447, 4459 и д.). *Valerii deos manes* (Титъ Ливій, III, 19).

[4]) Апулей, *De deo Socratis*. Сервій, *ad Aeneid.*, III, 63.

[5] Ценсоринъ, *De die natali*, 3.

[6]) Цицеронъ, *Тимей*, 11.—Діонисій Галикарнасскій переводитъ *Lar familiaris* черезъ: κατ᾽οἰκίαν ἥρως. (*Antiq. rom.*, IV, 12).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Священный огонь.

Въ каждомъ домѣ грека или римлянина находился алтарь: на этомъ алтарѣ необходимо было постоянно держать немного пепла и горячихъ угольевъ [1]). Хозяину дома вмѣнялось въ священную обязанность день и ночь поддерживать огонь. Горе тому дому, гдѣ онъ случайно потухнетъ. Каждый вечеръ уголья покрывались сверху пепломъ, чтобы помѣшать имъ выгорѣть совсѣмъ; при пробужденіи утромъ первою заботою было оживить этотъ огонь и разжечь новыми сучками. Огонь переставалъ блистать на алтарѣ только, когда погибала вся семья; угасшій очагъ, угасшая семья, были равнозначущими выраженіями у древнихъ [2]).

Ясно, что этотъ обычай поддерживать неугасимый огонь на алтарѣ былъ въ зависимости отъ какого-либо древняго вѣрованія. Правила и обряды, соблюдавшіеся по этому поводу, показываютъ, что то былъ не маловажный обычай. Было запрещено поддерживать этотъ огонь всякимъ деревомъ, но религія указывала среди деревьевъ тѣ, какія могли быть употребляемы для возженія на алтарѣ, и тѣ, которыми пользоваться вмѣнялось въ нечестіе [3]). Религія говорила еще, что огонь этотъ долженъ оставаться вѣчно чистымъ [4]); въ буквальномъ смыслѣ это значило, что въ него нельзя бросать ничего грязнаго, а въ переносномъ значеніи, что предъ лицемъ его нельзя допустить ничего дурного. Былъ одинъ день въ году, у римлянъ это было 1 марта, когда каждая семья обязана была потушить свой священный огонь и тотчасъ же возжечь новый [5]). Но при добываніи новаго огня надлежало тщательно исполнить существовавшіе обряды. Особенно слѣдовало остерегаться получать огонь изъ кремня, ударяя по немъ желѣзомъ. Единственными дозволенными способами добыть огонь были — или собрать въ одну точку теплоту солнечныхъ лучей или быстро тереть другъ о друга два куска дерева, опредѣленнымъ образомъ, до тѣхъ поръ, пока они не

1) Греки называли этотъ алтарь различными именами, βῶμος, ἐσχάρα, ἑστία. Послѣднее имя получило господство въ употребленіи и впослѣдствіи такъ стала называться богиня Веста. Латины называли тотъ же алтарь *vesta*, *ara* или *focus*. *In primis ingressibus domorum vestae, id est arae et loci, solent haberi* (Ноній Марцеллъ, изд. Quicherat, 53).

2) *Гомеров. гимны*, XXIX. *Орфеев. гимны*, LXXXIV. Гезіодъ, *Труды*, 679. Эсхилъ, *Агам.*, 1056. Эврипидъ, *Разъяр. Геркулесъ*, 503, 599. Θукидидъ, I, 136. Аристофанъ, *Плутосъ*, 795. Катонъ, *De re rusti.*, 143. Цицеронъ, *Pro domo*, 40. Тибуллъ, I, 1, 4. Горацій, *Эподы*, II, 43. Овидій, А., А., I, 637. Вергилій, II, 512.

3) Вергилій, VII, 71: *castis taedis*. Фестъ, сл. *felicis*. Плутархъ, *Нума*, 9.

4) Эврипидъ, *Разъяр. Герк.*, 715. Катонъ, *De re rust.*, 143. Овидій, *Фасты*, III, 698.

5) Макробій, *Сатурн.*, I, 12.

затлятся [1]). Эти разнообразныя правила доказываютъ достаточно ясно, что, по мнѣнію древнихъ, здѣсь дѣло шло не объ одномъ только полученіи и сохраненіи огня, какъ полезнаго и пріятнаго начала; они видѣли въ огнѣ, горѣвшемъ на ихъ алтаряхъ, нѣчто совсѣмъ иное.

Этотъ огонь былъ чѣмъ-то божественнымъ; его обоготворяли и ему воздавали божеское поклоненіе. Въ жертву ему приносилось все, что могло считаться пріятнымъ для бога: цвѣты, плоды, ароматы, вино [2]). Просили его о покровительствѣ, считая его могущественнымъ. Обращались къ нему съ горячими молитвами, прося о вѣчныхъ предметахъ человѣческихъ желаній, о здоровьѣ, богатствѣ, счастьѣ. Одна изъ этихъ молитвъ, сохранившаяся для насъ въ собраніи орфеевскихъ гимновъ, содержитъ въ себѣ слѣдующее: „Пусть мы будемъ вѣчно цвѣтущими, вѣчно счастливыми, о огонь; ты же, вѣчный, прекрасный, всегда юный, питающій насъ властелинъ, прими благосклонно наши приношенія и воздай намъ за нихъ безмятежное счастіе и здоровіе“ [3]). Такимъ образомъ, въ очагѣ заключенъ былъ богъ благодѣтельный, поддерживавшій жизнь человѣка, богъ щедрый, питавшій его отъ даровъ своихъ, богъ могучій, охранявшій домъ и семью. Во время опасности около него искали убѣжища. Когда дворецъ Пріама былъ уже во власти враговъ, Гекуба увлекаетъ стараго царя къ алтарю: „Твое оружіе не защититъ тебя, — говоритъ она, но этотъ алтарь будетъ всѣмъ намъ охраною“ [4]).

Посмотрите на Альцесту, готовую умереть, отдавъ свою жизнь для спасенія своего мужа. Она подходитъ къ очагу и обращается къ нему въ такихъ выраженіяхъ: „О божество, владыка этого дома, въ послѣдній разъ преклоняюсь я предъ тобою и обращаюсь къ тебѣ съ молитвою; скоро сойду я въ жилище мертвыхъ. Блюди же дѣтей моихъ, что останутся безъ матери; дай моему сыну нѣжную супругу, а дочери — благороднаго мужа. И пусть не умрутъ они, какъ я, преждевременно, но да проведутъ долгую жизнь въ полномъ счастіи“ [5]). Онъ же и обогащалъ семью. Плавтъ въ одной изъ своихъ комедій рисуетъ намъ его, соразмѣряющаго свои дары съ почитаніемъ, ему воздаваемымъ [6]). Греки называли его богомъ богатства, κτήσιος [7]). Отецъ призывалъ его на дѣтей своихъ и просилъ его „дать имъ здоровье и изобиліе благъ

1) Плутархъ, *Нума*, 9; Фестъ, изд. Мюллера, 106.

2) Овидій, А. А., I, 637: *dentur in antiquos thura merumque focos*. Плавтъ, *Ильнники* II, 39—40; *Mercator*, V, 1, 5. Тибуллъ, I, 3, 34. Горацій, *Оды*, XXIII, 2, 3—4. Катонъ, *De re rust.*, 143. Плавтъ, *Aulaire*, прологъ.

3) Орфеев гимны, 84.

4) Вергилій, *Энеида*, II, 523. Горацій, *Послов.*, I, 5. Овидій, *Элегіи*, IV, 8, 22.

5) Эврипидъ, *Альцеста*, 162—168.

6) Плавтъ, *Aululaire*, прологъ.

7) Θεὸς κτήσιος. *Евстафій*, in Odyss., стр. 1756 и 1814. Ζεὺς κτήσιος, о которомъ онъ часто упоминаетъ, есть домашній богъ, это — очагъ.

земныхъ“ [1]). Въ несчастіи человѣкъ роптал на свой очагъ, и обращался къ нему съ упреками; въ счастіи, онъ приносилъ ему благодарность. Воинъ, вернувшійся съ войны, благодарилъ его за то, что избѣжалъ погибели. Эсхилъ изображаетъ намъ Агамемнона, вернувшагося изъ подъ Трои, счастливаго, покрытаго славою: а онъ спѣшитъ благодарить не Зевса, и не въ храмъ онъ спѣшитъ принести свой восторгъ и благодарность,—онъ приноситъ благодарственную жертву очагу въ своемъ собственномъ домѣ [2]). Человѣкъ никогда не выходилъ изъ своего жилища, не помолившись своему очагу; возвратясь, онъ долженъ былъ преклониться предъ очагомъ, прежде чѣмъ повидаться съ женою и обнять дѣтей [3]).

Слѣдовательно, огонь очага былъ провидѣніемъ семьи. Служеніе ему было весьма просто. Главнымъ правиломъ было то, чтобы на алтарѣ постоянно было нѣсколько горячихъ угольевъ, такъ какъ съ угаснимъ огнемъ угасалъ и богъ. Въ опредѣленное время дня на очагъ возлагались сухія травы и дрова; тогда богъ проявлялся въ блестящемъ пламени [4]). Ему приносились жертвы и сущность всякаго жертвоприношенія заключалась въ поддержаніи и оживленіи этого священнаго огня, въ питаніи и развитіи бога. Для этого ему преимущественно приносили дерева; затѣмъ возливали на алтарь воспламенявшееся вино Греціи, масло, ароматныя смолы, жиръ жертвенныхъ животныхъ. Богъ, принявши эти приношенія, пожиралъ ихъ; удовлетворенный и лучезарный, онъ подымался вверхъ на алтарѣ и освѣщалъ лучами своего почитателя [5]). Въ это именно время и надлежало обращаться къ нему съ молитвою; молитвенный гимнъ выливался изъ сердца человѣка.

Принятіе пищи было особенно религіознымъ дѣйствіемъ. Тутъ предсѣдалъ богъ. Вѣдь онъ пекъ хлѣбъ и приготовлялъ пищу; оттого надлежало совершать ему молитву въ началѣ и въ концѣ ѣды. Прежде чѣмъ приступить къ ѣдѣ, на алтарь возлагались первыя части пищи; прежде чѣмъ начать пить, совершали возліяніе вина. То была доля бога. Никто не сомнѣвался, что онъ здѣсь на лицо, что онъ ѣстъ и пьетъ; да и на самомъ дѣлѣ, развѣ не возрастало замѣтно пламя, какъ будто бы питаясь предложенной пищей? Такимъ образомъ, принятіе пищи было раздѣлено между человѣкомъ и богомъ: то былъ священный обрядъ, которымъ они входили въ обще-

1) Изей, *De Cironis hered.*, 16: ηὔχετο ἡμῖν ὑγίειαν διδόναι καὶ κτῆσιν ἀγαθήν.
2) Эсхилъ, *Агамемн.*, 851—853.
3) Катонъ, *De re rust.*, 2. Эврипидъ, *Разъяр. Герк.*, 523.
4) Вергилій, *Эн.*, I, 704: *Flammis adolere Penates.*
5) Вергилій, *Георг.*, IV, 383—385:

Ter liquido ardentem perfudit nectare vestam,
Ter flamma ad summum tecti subjecta reluxit.

Сервій такимъ образомъ объясняетъ эти два стиха: *id est, in ignem vinum purissimum fudit, post quod quia magis flamma convaluit bonum omen ostendit.*

ніе другъ съ другомъ [1]). Эти древнія вѣрованія, съ теченіемъ вѣковъ, исчезли изъ памяти людей, но оставили надолго за собою обычаи, обряды, опредѣленныя выраженія, безъ которыхъ не могъ обойтись даже невѣрующій. Горацій, Овидій, Ювеналъ ужинали еще передъ своимъ очагомъ, совершали возліянія и творили молитву [2]).

Такое почитаніе священнаго огня свойственно не однимъ только народамъ Греціи и Италіи. Оно также жило и на Востокѣ. Законы Ману, въ редакціи дошедшей до насъ, показываютъ намъ религію Брамы, окончательно сложившуюся и даже клонящуюся къ упадку; но они сохранили слѣды и остатки религіи болѣе древней, религіи очага, которую культъ Брамы низвелъ на второй планъ, но все-таки не могъ уничтожить. У брамана имѣется очагъ, который онъ обязанъ держать неугасимымъ день и ночь; каждое утро и каждый вечеръ, онъ питаетъ его деревомъ, но точно также, какъ у грековъ, не всякимъ деревомъ, а только опредѣленными породами, указанными религіею. Подобно тому, какъ греки и италійцы приносили ему въ жертву вино, Индусъ возливаетъ ему перебродившійся напитокъ, называемый *сома*. Обѣдъ, принятіе пищи, также и здѣсь есть дѣйствіе религіозное, и обряды его тщательно описаны въ законахъ Ману. Какъ и въ Греціи, обращаются съ мольбами къ очагу; также предлагаютъ ему первыя части отъ пищи, рисъ, масло, медъ. Сказано: „браманъ не долженъ вкушать риса новой жатвы до тѣхъ поръ, пока не принесетъ сперва часть его очагу. Священный огонь алчетъ зерна и, когда его не почтутъ, онъ погубитъ жизнь нерадиваго брамана“. Индусы, подобно грекамъ и римлянамъ, воображали себѣ боговъ, жаждущихъ не только почестей и уваженія, но также пищи и питія. Человѣкъ полагалъ, что на немъ лежитъ долгъ утолять ихъ голодъ и жажду, чтобъ избѣжать ихъ гнѣва.

У индусовъ это божество огня часто называлось *Agni*, Агни. Въ Ригъ-Ведѣ содержится много посвященныхъ ему гимновъ. Въ одномъ изъ нихъ говорится: „О Агни, ты — жизнь, ты — покровитель человѣка... За наши хваленія, дай отцу семьи, покланяющемуся тебѣ, дай славу и довольство... Агни, ты — мудрый защитникъ и отецъ, тебѣ мы обязаны жизнью, мы—

1) Плутархъ, *Римск. вопр.*, 64: ἱερόν τι ἡ τράπεζα. Id., *Symposiaca*, VII, 4, 7: τράπεζα ὑπ' ἐνίων ἑστία καλεῖται. Id. ibid, VII, 4, 4: ἀπαρχὰς τῷ πυρὶ ἀποδιδόντας. — Овидій, *Фасты*, VI, 300: *Et mensae credere adesse deos.* VI, 630: *In ornatum fundere vina focum*, II, 634: *Nutriat incinctos mixta patella Lares.* Плавтъ, *Aulularia*, II, 7, 16; Горацій, *Оды*, III, 23: *Cam.*, II, 3, 166; Ювеналъ, XII, 87—90; Плутархъ, *De Fort. Rom.*, 10.—Сравнить *Hymne homérique*, XXIX, 6. Плутархъ, отрывки, *Коммент. на Гезіода*. 44. Сервій, *in Aeneida*, I, 730: *Apud Romanos, caena edita, silentium fieri solebat quoad ea quae de coena libata fuerant ad focum ferrentur et igni darentur ac puer deos propitios nuntiasset.*

2) *Ante larem proprium vescor vernasque procaces Pasco libatis dapibus* (Горацій, *Cam.*, II, 6, 66). Овидій, *Фасты*, II, 631—633. Ювеналъ, XII, 83—90.

твоя семья". Огонь очага, какъ и въ Греціи,—хранительная сила. Человѣкъ проситъ у него изобилія: „Сотвори, пусть вѣчно будетъ щедра земля къ намъ". У него просятъ о здоровьи: „Дай мнѣ насладиться свѣтомъ и достичь старости, подобно солнцу на закатѣ". У него просятъ даже мудрости: „О Агни, ты ведешь добрымъ путемъ человѣка, сбившагося на худой... Если совершили мы грѣхъ, если мы удалились отъ тебя, прости насъ". Этотъ огонь очага, какъ и въ Греціи, былъ непремѣнно чистъ; браману строго на строго запрещено бросать въ него что-либо грязное и даже грѣть на немъ ноги [1]). Какъ и въ Греціи, виновный не могъ подходить къ своему очагу, пока не очистится отъ вины.

Важнымъ доказательствомъ древности этихъ вѣрованій и этихъ обрядовъ является то обстоятельство, что они одновременно встрѣчаются и у людей, жившихъ по берегамъ Средиземнаго моря, и у народовъ полуострова Индостана. Нѣтъ сомнѣнія, что греки не заимствовали эту религію у индусовъ, или индусы у грековъ. Но греки, италійцы и индусы принадлежали къ одной и той же расѣ; ихъ предки, въ эпоху весьма отдаленную, жили вмѣстѣ въ Средней Азіи. Тамъ-то, впервые, они выработали себѣ эти вѣрованія и установили эти обряды. Такимъ образомъ, религія священнаго огня относится къ эпохѣ отдаленной и покрытой мракомъ, когда еще не было ни грековъ, ни италійцевъ, ни индусовъ, а были только арійцы. Когда племена разъединились другъ отъ друга, они унесли съ собою этотъ культъ, одни на берега Ганга, другіе на берега Средиземнаго моря. Позднѣе у однихъ изъ племенъ, не имѣвшихъ никакихъ сношеній другъ съ другомъ, возникло почитаніе Брамы, у другихъ—Зевса, у третьихъ—Януса; каждая вѣтвь создала себѣ своихъ боговъ. Но всѣ они сохранили, какъ древній завѣтъ, первобытную религію, зачатую ими и усвоенную въ общей колыбели ихъ расы.

Еслибы существованіе этого культа у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ не доказывало достаточно его глубокую древность, можно было бы найти иныя доказательства для него въ религіозныхъ обрядахъ грековъ и римлянъ. Во всѣхъ жертвоприношеніяхъ, даже въ совершавшихся въ честь Зевса или Аѳины, первое воззваніе всегда обращалось къ очагу [2]). Всякая молитва, къ какому бы то ни было богу, должна была начинаться и кончаться молитвою, обращенною къ очагу [3]). Въ Олимпіи первое жертвоприношеніе отъ всей Греціи совершалось очагу, второе – Зевсу [4]). Такъ и въ Римѣ первая почесть воздавалась всегда Вестѣ, которая была не что̀ иное,

[1]) То же предписаніе въ религіи римлянъ: pedem in focum non imponere. Варронъ у Нонія, стр. 479, изд. Quicherat, p. 557.

[2]) Порфирій, *De abstin.*, II, стр. 106; Плутархъ, *De frigido*, 8.

[3]) *Гомер. гимны*, 29; ibid., 3, 33. Платонъ, *Кратилъ*, 18. Гезихій, ἀφ᾽ ἑστίας. Діодоръ, VI, 2. Аристофанъ, *Птицы*, 865.

[4]) Павзаній, V, 14.

какъ очагъ [1]); Овидій говоритъ объ этомъ божествѣ, что оно занимаетъ первое мѣсто въ религіозныхъ обрядахъ людей. Точно также мы читаемъ въ гимнахъ Ригъ-Веды: „Прежде всѣхъ прочихъ боговъ надлежитъ обращаться къ Агни. Мы станемъ произносить чтимое имя его прежде имени всѣхъ прочихъ безсмертныхъ. О Агни, какого бы бога мы ни чествовали жертвою, всегда сожженіе жертвы относится къ тебѣ". Такимъ образомъ, достовѣрно извѣстно, что въ Римѣ во времена Овидія, въ Индіи во времена брамановъ, огонь очага шелъ еще впереди всѣхъ прочихъ боговъ, и не потому, что Юпитеръ и Брама не пріобрѣли еще достаточно значительной важности въ религіи людей, но еще помнилось, что огонь очага былъ на много старше этихъ боговъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ онъ занималъ первое мѣсто въ почитаніи и боги болѣе новые и значительные не были въ силахъ отодвинуть его на задній планъ.

Символы этой религіи измѣнялись съ вѣками. Когда народы Греціи и Италіи усвоили привычку представлять себѣ личныхъ боговъ и давать каждому изъ нихъ собственное имя и человѣческую наружность, древній культъ очага подпалъ подъ общій законъ, которому человѣческій разумъ, въ этотъ періодъ, подчинялъ всякую религію. Алтарь очага былъ олицетворенъ; его назвали ἑστία, Vesta (Веста); названіе было одно и тоже по-латыни и по-гречески и состояло собственно изъ слова, которое на общемъ первоначальномъ языкѣ означало алтарь. Путемъ весьма обыкновеннымъ, имя нарицательное перешло въ имя собрвенное. Мало по-малу сложилась и легенда. Это божество стало представляться въ видѣ женщины, оттого что слово, означавшее алтарь, было рода женскаго. Наконецъ, дошли до представленія этой богини въ видѣ статуй. Но никогда нельзя было изгладить слѣдъ первоначальнаго вѣрованія, согласно которому это божество было просто огонь очага; самъ Овидій былъ принужденъ согласиться, что Веста не что иное какъ „живое пламя" [2]).

При сближеніи этого культа священнаго огня съ культомъ мертвыхъ, о которомъ мы выше говорили, обнаружится тѣсная связь между ними.

Замѣтимъ сначала, что огонь, поддерживаемый на очагѣ, не былъ, по мнѣнію людей, огнемъ вещественной природы. Въ немъ видѣли не одно только чисто физическое явленіе, которое грѣетъ или сжигаетъ, видоизмѣняетъ тѣла, плавитъ металлы и становится могучимъ орудіемъ человѣческой изобрѣтательности. Огонь очага - совсѣмъ иной природы. Это—огонь чистый, который можетъ быть полученъ лишь посредствомъ опредѣленныхъ обрядовъ и поддержанъ лишь опредѣленными сортами дерева. Этотъ огонь—цѣломудренный; со-

[1]) Цицеронъ, *De nat. Deor.*, II, 27. Овидій, *Фасты*, VI, 304.

[2]) Овидій, *Фасты*, VI, 291.

вокупленіе половъ должно быть удалено отъ него [1]). У него просятъ не только богатства и здоровья, но также чистоты сердца, умѣренности, мудрости. „Сдѣлай насъ богатыми и цвѣтущими, говорится въ одномъ орфеевскомъ гимнѣ; сдѣлай насъ также мудрыми и цѣломудренными". Огонь очага, слѣдовательно, есть что-то вродѣ нравственнаго существа. Правда, онъ блеститъ, свѣтитъ, согрѣваетъ и печетъ священную пищу, но въ то же время онъ — мысль и совѣсть; онъ понимаетъ обязанности и блюдетъ за ихъ исполненіемъ. Его можно было бы назвать человѣкомъ, такъ какъ у него, какъ и у человѣка, двойственная природа: физически — онъ свѣтитъ, движется, живетъ, несетъ изобиліе, готовитъ пищу, питаетъ тѣло; нравственно онъ чувствуетъ и любитъ, онъ даетъ человѣку чистоту, правитъ красотою и добромъ, питаетъ душу. Можно сказать, что онъ поддерживаетъ человѣческую жизнь въ двойномъ ряду своихъ проявленій. Онъ — одновременно источникъ богатства, здоровья, добродѣтели. Это — поистинѣ богъ человѣческой природы. Позднѣе, когда этотъ культъ былъ оттѣсненъ на второй планъ Брамою или Зевсомъ, огонь очага остался тѣмъ, что въ божественномъ наиболѣе доступно человѣку. Онъ сдѣлался его посредникомъ передъ богами физической природы; на него была возложена обязанность возносить къ небесамъ молитвы и жертвы и приносить свыше людямъ божескія милости. Еще позднѣе, когда изъ этого миѳа священнаго огня создалась великая Веста, она стала богиней-дѣвственницей; она не являла собою въ мірѣ ни плодородія, ни могущества; она сдѣлалась порядкомъ, но не строгимъ отвлеченнымъ, математическимъ порядкомъ, ни непреложнымъ и роковымъ закономъ, ἀνάγκη (необходимость), уже съ раннихъ поръ подмѣченнымъ среди явленій физической природы, — она сдѣлалась порядкомъ нравственнымъ. Она представлялась какъ бы чѣмъ-то вродѣ всеобщей души, уряжавшей различный ходъ міровъ, подобно тому, какъ человѣческая душа управляетъ нашими органами.

Такимъ образомъ, мысль первобытныхъ поколѣній проглядываетъ и здѣсь. Принципъ этого культа лежитъ внѣ физической природы и мѣсто его въ томъ маленькомъ таинственномъ мірѣ, который зовется человѣкомъ.

Это приводитъ насъ къ почитанію мертвыхъ. Оба эти культа одинаковой древности. Они были связаны такъ тѣсно, что вѣра древнихъ дѣлала изъ нихъ одну религію. Очагъ, демоны, герои, боги Лары, — все было перемѣшано [2]). Изъ двухъ мѣстъ Плавта и Колумелы видно, что въ обыкновенной рѣчи говорили безразлично — очагъ или домашній Ларъ, а изъ Цицерона также видно, что не было различія между очагомъ и

[1]) Гезіодъ, *Opera*, 678—680. Плутархъ, Коммент. на Гезіода, отр. 43.
[2]) Тибуллъ, II, 2. Горацій, *Оды*, IV, 11, 6. Овидій, *Элегіи*, III, 13; V, 5. Греки давали своимъ домашнимъ богамъ или героямъ прозвище ἐφέστιοι или ἐστιοῦχοι.

Пенатами, ни между Пенатами и богами Ларами [1]). У Сервія мы читаемъ: „Подъ очагами древніе разумѣли боговъ Ларовъ, иначе могъ ли Вергилій ставить безразлично — то очагъ вмѣсто Пенатовъ, то Пенатовъ вмѣсто очага" [2]). Въ одномъ знаменитомъ мѣстѣ Энеиды, Гекторъ говоритъ Энею, что передаетъ ему троянскихъ Пенатовъ и передаетъ ему огонь очага. Въ другомъ мѣстѣ Эней, призывая боговъ, называетъ ихъ въ то же время Пенатами, Ларами и Вестою [3]).

Впрочемъ, мы уже видѣли, что тѣ, кого древніе называли Ларами или Героями, были не что иное какъ души умершихъ, которымъ человѣкъ приписывалъ силу сверхестественную и божескую. Воспоминаніе о какомъ-либо изъ этихъ священныхъ мертвецовъ навсегда оставалось связаннымъ съ очагомъ. Поклоняясь одному, нельзя забыть другого. Они сливались между собою въ почитаніи людей и въ ихъ молитвахъ. Потомки, говоря объ очагѣ, любили припоминать имя предка: „Оставь это мѣсто, — говоритъ Орестъ Еленѣ, — и подойди выслушать слова мои къ древнему очагу Пелопса" [4]). Точно также Эней, говоря объ очагѣ, перевозимомъ имъ черезъ моря, называетъ его именемъ Лара Ассарака, какъ бы видя въ этомъ очагѣ душу своего предка.

Грамматикъ Сервій, большой знатокъ древностей греческихъ и римскихъ (въ его время ихъ изучали гораздо больше, чѣмъ во времена Цицерона), говоритъ, что существовалъ весьма древній обычай погребать мертвыхъ въ домахъ, и онъ прибавляетъ: „Вслѣдствіе этого обычая также и въ домахъ почитаются Лары и Пенаты" [5]).

Эта фраза показываетъ ясно древнѣйшую связь между культомъ мертвыхъ и очагомъ. Слѣдовательно, можно думать, что домашній очагъ былъ въ своемъ началѣ лишь символомъ культа мертвыхъ, что подъ этимъ камнемъ очага покоился предокъ, что въ честь его возжигался огонь на очагѣ и что этотъ огонь, казалось, поддерживалъ въ немъ жизнь и представлялъ собою его душу вѣчно бодрствующую.

Но то только догадка, и доказательствъ къ тому у насъ нѣтъ. Достовѣрно одно, что древнѣйшія поколѣнія той расы, откуда вышли греки и римляне, исповѣдывали культъ мертвыхъ и очага, древнѣйшую религію, усвоившую себѣ боговъ не изъ физической природы, но изъ внутри самого человѣка, и имѣвшую предметомъ своего поклоненія невидимое существо, присущее въ насъ, силу моральную и разумную, которая одухотворяетъ насъ и управляетъ нашею плотью.

[1]) Плавтъ, *Aulul.*, II, 7, 16: *In foco nostro Lari*, Columèle, XI, 1, 19: *Larem focumque familiarem.* Цицеронъ, *Pro domo*, 41. *Pro Quintio*, 27, 28.
[2]) Сервій, *in Aen.*, III, 134.
[3]) Вергилій, *Эн.*, II, 297; IX, 257—258; V, 744.
[4]) Эврипидъ, *Орестъ*, 1420—1422.
[5]) Сервій, *in Aen.*, V, 64; VI, 152. См. Платонъ, *Миносъ*, стр. 315: Εθαπτον ἐν τῇ οἰκίᾳ τοὺς ἀποθανόντας.

Эта религія была не всегда одинаково властна надъ человѣческою душою; она слабѣла мало по малу, но она не исчезла. Порожденная въ первые вѣка арійской расы, она такъ глубоко и сильно укоренилась въ нѣдрахъ ея, что даже блестящая религія лучезарнаго греческаго Олимпа была не въ силахъ искоренить ее: для этого понадобилось христіанство.

Мы вскорѣ увидимъ, какое могущественное дѣйствіе оказала эта религія на домашнія и общественныя учрежденія древнихъ. Она возникла и установилась въ ту отдаленную эпоху, когда раса вырабатывала свои учрежденія, и она указала тотъ путь, по которому затѣмъ и пошли народы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Домашняя религія.

Въ древней домашней религіи мало общаго съ религіями, возникшими позднѣе въ человѣчествѣ, далеко ушедшемъ впередъ. Уже много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество стало допускать религіозное ученіе только при наличности слѣдующихъ двухъ условій: во-первыхъ, чтобъ оно возвѣщало единаго бога; во-вторыхъ, чтобъ оно обращалось ко всѣмъ людямъ и было доступно всѣмъ, не отталкивая ни одного класса, ни одного народа. Но религія первобытныхъ эпохъ не выполняла ни одного изъ этихъ условій. Она не только не являла человѣческому почитанію единаго бога, но даже и самые боги ея не принимали поклоненія всѣхъ людей. Они не были богами человѣческаго рода. Они не походили ни на Браму, который былъ все-таки богомъ цѣлой значительной касты, ни на Зевса всеэллинскаго, который былъ богомъ цѣлой націи. Въ этой первоначальной религіи каждый богъ могъ чтиться только въ одной семьѣ. Религія была чисто домашняя, семейная.

Надо хорошенько уяснить себѣ этотъ пунктъ, иначе нельзя будетъ вполнѣ понять тѣсной связи, образовавшейся между древними вѣрованіями и строемъ греческой и римской семьи.

Почитаніе мертвыхъ ничѣмъ не походило на почитаніе святыхъ христіанами. Однимъ изъ главныхъ правилъ культа мертвыхъ было то, что каждая семья могла воздавать почитаніе только мертвымъ, принадлежавшимъ по крови къ этой семьѣ. Только ближайшій родственникъ покойника могъ совершить похороны согласно требованію религіи. Что касается до погребальныхъ приношеній, совершавшихся, впослѣдствіи, въ установленные сроки, то только семья усопшаго имѣла право участвовать въ нихъ и всякій посторонній неизбѣжно исключался [1]).

---

[1]) Законъ Солона запрещалъ слѣдовать съ плачемъ за погребальнымъ шествіемъ посторонняго человѣка (Плутархъ, *Солонъ*, 21). Онъ разрѣшалъ жен-

Было мнѣніе, что мертвый принимаетъ приношеніе только изъ рукъ родственниковъ, что онъ желаетъ поклоненія только однихъ своихъ потомковъ. Присутствіе человѣка чуждаго семьѣ тревожило покой мановъ. Оттого законъ запрещалъ постороннему приближаться къ могилѣ [1]). Коснуться ногою могилы, хотя бы нечаянно, считалось святотатственнымъ дѣломъ, за которое надлежало умилостивить покойника и очиститься самому. Само слово, которымъ древніе обозначали культъ мертвыхъ, знаменательно; греки называли это πατριάζειν [2]), латины — parentare. Это оттого, что жертва и молитва обращались каждымъ только къ своимъ отцамъ. Культъ мертвыхъ былъ въ сущности культъ предковъ [3]). Лукіанъ, насмѣхаясь надъ мнѣніями простонародья, объясняетъ ихъ, однако, очень ясно, когда говоритъ: „Усопшій, не оставившій по себѣ сына, не получитъ приношеній и ему предстоитъ вѣчный голодъ“ [4]).

Какъ въ Индіи, такъ и въ Греціи приношеніе мертвому могло быть сдѣлано только прямыми его потомками. Законъ индусовъ, подобно аѳинскому закону, запрещалъ доступъ постороннему, хотя бы другу, къ могильной жертвѣ. Было до такой степени важно, чтобы приношенія совершались только кровными потомками усопшаго, а не другими, что существовалъ разсказъ о томъ, что маны, въ ихъ подземномъ пребываніи, часто повторяли такое желаніе: „Пусть родятся безпрерывно изъ нашего потомства сыновья, чтобы во вѣки вѣковъ подносить намъ риса, варенаго на молокѣ, меду и очищеннаго масла!“ [5]).

Отсюда слѣдуетъ, что въ Греціи и Римѣ, равно какъ и въ Индіи, на сынѣ лежала обязанность совершать возліянія и жертвоприношенія манамъ своего отца и всѣхъ своихъ предковъ [6]). Пренебреженіе подобною обязанностью считалось самымъ тяжкимъ изъ нечестій, потому что перерывъ такого служенія пагубно отзывался на мертвыхъ и нарушалъ ихъ блаженство. Такое нерадѣніе было настоящимъ отцеубій-

---

щинамъ сопровождать мертваго только до третьей степени кровнаго родства, ἐντὸς ἀνεψιαδῶν (Демосѳенъ, *in Macartatum*, 62—63). Цицеронъ, *De legibus*, II, 26. Варронъ L. L., VI, 13, *Ferunt epulas ad sepulcrum quibus jus ibi parentare*. Гай, II, 5, 6: *Si modo mortui funus ad nos pertineat*.

[1]) Οὐκ ἔξεστιν ἐπ' ἀλλότρια μνήματα βαδίζειν (законъ Солона, у Плутарха, *Солонъ*, 21). *Pittacus omnino accedere quemquam vetat in funus aliorum* (Цицеронъ, *De legib.*, II, 26).

[2]) Поллуксъ, III, 10.

[3]) По крайней мѣрѣ сначала, потому что впослѣдствіи города имѣли также своихъ мѣстныхъ національныхъ героевъ, какъ мы это увидимъ дальше. Мы увидимъ также, что усыновленіе создавало искусственное родство и давало право почитать родъ предковъ.

[4]) Лукіанъ. *De luctu*.

[5]) *Законы Ману*, III, 138; III, 274.

[6]) Это на греческомъ языкѣ называется ποιεῖν τὰ νομιζόμενα (Эсхинъ, *in Timarch.*, 40; Динархъ, *in Aristog.*, 18). Плутархъ, *Катонъ*, 15: χρὴ τοῖς γονεῦσιν ἐναγίζειν. Посмотрите, какъ упрекаетъ Динархъ Аристогена за то, что тотъ не совершилъ годичной жертвы своему отцу, умершему въ Эретріи. Динархъ, *in Aristog.*, 18.

ствомъ, повтореннымъ столько разъ, сколько было предковъ въ семьѣ.

Если же, напротивъ, жертвы совершались всегда согласно обрядамъ, если пища въ установленные сроки приносилась на могилу, тогда предокъ дѣлался богомъ-покровителемъ. Враждебный всѣмъ, кто не былъ его потомкомъ, отгоняя ихъ отъ своей могилы и поражая ихъ болѣзнями, если они къ ней приближались, онъ былъ добръ къ своимъ и всегда готовъ притти къ нимъ на помощь.

Постоянный обмѣнъ взаимныхъ услугъ происходилъ между живыми и мертвыми той же семьи. Предокъ получалъ отъ своихъ потомковъ рядъ погребальныхъ жертвъ, такъ сказать единственное возможное ему наслажденіе въ загробной жизни. Потомокъ получалъ отъ предка ту помощь и силу, въ какихъ онъ нуждался въ этой жизни. Ни живой не могъ обойтись безъ мертваго, ни мертвый безъ живого. Отъ этого между всѣми поколѣніями одной и той же семьи устанавливалась могучая связь и дѣлала изъ нихъ вѣчно нераздѣльное цѣлое.

Каждая семья имѣла свою усыпальницу, куда мертвые сходили на покой одинъ послѣ другого, но всѣ въ одно мѣсто. Здѣсь должны были погребаться только кровные мертвые и никто изъ постороннихъ [1]). Здѣсь справлялись обряды и годовщины. Здѣсь каждая семья, казалось, видѣла своихъ священныхъ предковъ. Во времена очень древнія, могила находилась во владѣніи семьи, среди жилья, недалеко отъ выхода, „для того,—говоритъ одинъ древній,—чтобы сыновья, входя и выходя изъ своего жилища, каждый разъ проходили мимо отцовъ своихъ и каждый разъ обращались къ нимъ съ возва-

[1]) Древнее употребленіе семейныхъ могилъ засвидѣтельствовано самымъ основательнымъ образомъ. Слова: τάφος πατρῷος, μνῆμα πατρῷον, μνῆμα τῶν προγόνων,—постоянно попадаются у грековъ, равно какъ у латиновъ *Tumulus patrius, monumentum gentis*. Демосѳенъ, *in Eubuliden*, 28: τὰ πατρῷα μνήματα ὧν κοινωνοῦσιν ὅσοιπερ εἰσὶ τοῦ γένους. Законъ Солона запрещалъ хоронить тамъ человѣка другой семьи, *ne alienum inferat* (Циц. *De leg.*, II, 26). Демосѳенъ, *in Macartatum*, 79, описываетъ могилу, „въ которой покоятся всѣ потомки Вуселоса; она зовется гробницей Вуселидовъ; это было большое пространство, окруженное стѣною, согласно древняго правила". Гробница Лакіадовъ, μνήματα Κιμώνια, указана Марцеллиномъ, біографомъ Ѳукидида, и Плутархомъ, *Кимонъ*, 4.—Существуетъ древній разсказъ, показывающій, насколько считали важнымъ погребеніе въ семейной усыпальницѣ; разсказывали, что лакедемоняне, приготовившись къ битвѣ съ мессенцами, привязали каждый къ своей правой рукѣ особыя указанія, съ собственнымъ именемъ и именемъ отца, на тотъ случай, чтобы по смерти можно было узнать тѣло и перенести въ отчую могилу; эта черта древнихъ нравовъ сохранена для насъ Юстиномъ, III, 5. Эсхилъ дѣлаетъ указаніе на тотъ же обычай, когда онъ говоритъ, разсказывая о недавно погибшихъ воинахъ, что они будутъ перенесены въ могилы отцовъ своихъ, τάφων πατρῴων λαχαί... (*Семь противъ Ѳивъ*, 914). — У римлянъ также были семейныя усыпальницы. Цицеронъ, *De offic.* I, 17: *Sanguinis conjunctio, eadem habere monumenta majorum, iisdem uti sacris, sepulcra habere communia.* Какъ и въ Греціи было запрещено хоронить въ нихъ чужого человѣка. Цицеронъ, *De legib.*, II, 22: *Mortuum extra gentem inferri fas negant.* Смотрите у Овидія, *Элегіи*, IV, 3, 45; Светоній, *Неронъ*, 50; *Тиберій*, 1; Цицеронъ, *Tuscul.*, I, 7; Дигестъ, XI, 7; XLVII, 12, 5.

ніемъ!" Такимъ образомъ, предокъ оставался въ средѣ родныхъ; невидимый, но постоянно присутствующій, онъ продолжалъ быть членомъ семьи и оставаться ея отцомъ. Онъ, безсмертный, блаженный, божественный, продолжалъ принимать участіе въ томъ, что оставилъ смертнаго на землѣ; онъ зналъ нужды живыхъ и помогалъ имъ въ ихъ немощахъ. И тотъ, кто еще былъ живъ, кто еще трудился, кто, по древнему выраженію, не разсчелся еще съ бытіемъ, тотъ въ лицѣ предковъ своихъ имѣлъ надежныхъ путеводителей и покровителей. Посреди затрудненій, онъ взывалъ къ ихъ мудрости, въ печали онъ просилъ у нихъ утѣшенія, въ опасности—поддержки, за грѣхи—прощенія.

Конечно, намъ крайне трудно въ настоящее время понять, какъ человѣкъ могъ поклоняться своему отцу или дѣду. Сотворить изъ человѣка бога кажется намъ противнымъ религіи. Намъ почти такъ же трудно понять древнія вѣрованія этихъ людей, какъ было бы трудно имъ представить себѣ наши. Но вспомнимъ, что у древнихъ недоставало идеи творенія; оттого таинство рожденія было для нихъ тѣмъ же, чѣмъ таинство творенія теперь для насъ. Родоначальникъ казался имъ божескимъ существомъ и они поклонялись своему предку. Такое чувство должно было быть очень естественнымъ и очень сильнымъ, потому что оно является основаніемъ религіи при началѣ всѣхъ почти человѣческихъ обществъ; мы находимъ его у китайцевъ, у древнихъ гетовъ и скиѳовъ, у народовъ Африки и у племенъ Новаго Свѣта [2]).

Священный огонь, столь тѣсно связанный съ культомъ мертвыхъ, обладалъ существенною особенностью быть исключительною собственностью каждой отдѣльной семьи. Онъ представлялъ собою предковъ [3]), онъ былъ провидѣніемъ данной семьи и не имѣлъ ничего общаго съ огнемъ сосѣдней семьи, который въ свою очередь былъ тоже провидѣніемъ. Каждый очагъ покровительствовалъ только своимъ.

Вся религія была заключена въ нѣдрахъ дома. Отправленіе ея не было публично. Напротивъ, всѣ обряды исполнялись среди одного семейства [4]). Очагъ никогда не помѣщался ни внѣ дома, ни даже вблизи наружныхъ дверей, гдѣ посторонній могъ бы легко увидать его. Греки помѣщали его постоянно въ оградѣ [5]), что защищало его отъ соприкосновенія и даже отъ взоровъ постороннихъ. Римляне скрывали его въ глубинѣ дома. Всѣ эти боги, очагъ, Лары, Маны назывались бога-

[1]) Эврипидъ, *Елена*, 1163—1168.

[2]) У этрусковъ и римлянъ существовалъ обычай въ каждой благочестивой семьѣ хранить изображенія предковъ, размѣщенныя вокругъ атріума. Были ли эти изображенія простые семейные портреты или идолы—неизвѣстно.

[3]) Ἑστία πατρῴα, *focus patrius*. Также и въ Ведахъ Агни еще призывается иногда подъ именемъ семейнаго бога.

[4]) Изей, *De Cironis hereditate*, 15—18.

[5]) Эта ограда называлась ἕρκος.

ми сокровенными или внутренними [1]). Для всѣхъ обрядовъ этой религіи требовалась тайна, *sacrificia occulta*, говоритъ Цицеронъ [2]); какъ только какая-либо церемонія была замѣчена постороннимъ, она была уже осквернена и нарушена однимъ этимъ взглядомъ.

Для домашней религіи не существовало ни однообразныхъ правилъ, ни общаго устава. Всякая семья пользовалась полною независимостью. Никакая внѣшняя власть не имѣла права руководить ея вѣрою и культомъ. Отецъ семьи былъ единственный жрецъ и, какъ жрецъ, онъ не зналъ никакой іерархіи. Понтифексъ въ Римѣ или архонтъ въ Аѳинахъ имѣлъ полное право наблюдать, совершаетъ ли отецъ семьи всѣ религіозные обряды, но онъ не могъ предписать ему ни малѣйшаго въ нихъ измѣненія. *Suo quisque ritu sacrificium faciat*, таково было общее правило [3]). Каждая семья соблюдала свои собственные обряды, свои отдѣльные праздники, свои обычные молитвы и гимны [4]). Отецъ, единственный истолкователь и выполнитель своей религіи, только одинъ имѣлъ право обучать ей и не властенъ былъ обучать никого, кромѣ сына. Обряды, слова молитвы, гимны, составлявшіе существенную часть домашней религіи, были родовымъ наслѣдіемъ, священною собственностью, которою семья не дѣлилась ни съ кѣмъ и которую даже открывать постороннимъ строго воспрещалось. Также было и въ Индіи: „Я силенъ на враговъ,—говоритъ браманъ, — гимнами, доставшимися мнѣ по наслѣдству и переданными мнѣ отцомъ“ [5])

Такимъ образомъ, религія царила не въ храмѣ, но въ домѣ; у каждаго были свои боги; каждый богъ покровительствовалъ одной только семьѣ и былъ богомъ только въ одномъ домѣ. Нельзя разумно предположить, чтобы религія подобнаго рода открыта была людямъ могучимъ воображеніямъ одного изъ нихъ или чтобъ она преподавалась имъ кастою жрецовъ. Она самородно возникла въ человѣческомъ умѣ, и колыбель ея—въ семьѣ; каждая семья создала себѣ своихъ боговъ.

Такая религія могла распространиться только рожденіемъ. Отецъ, давая жизнь сыну, давалъ ему вмѣстѣ вѣру, культъ, право возжигать очагъ, приносить погребальныя жертвы, читать установленныя молитвы. Рожденіемъ установлялась таинственная связь между новорожденнымъ и всѣми богами его семьи. Эти боги сами входили въ составъ его семьи, θεοὶ

1) Θεοὶ μύχιοι, *dii Penates*. Цицеронъ, *De nat. Deor.*, II, 27: *Penates, quod penitus insident*. Сервій, *Aen.*, III, 12: *Penates ideo appellantur quod in penetralibus aedium coli solebant*.

2) Цицеронъ, *De arusp. resp.*, 17.

3) Варронъ, *De ling. lat.*, VII, 88.

4) Гезіодъ, *Opera*, 701. Макробій, *Sat.*, I, 16. Циц., *De legib.*, II, 11: *Ritus familiae patrumque servare*.

5) *Ригъ-Веда*, пер. Ланглуа на фр. Т. I, ст. 113. Законы Ману часто упоминаютъ объ особыхъ обрядахъ въ каждой семьѣ: VIII, 3; IX, 7.

ἐγγενεῖς; то была ихъ кровь, θεοὶ σύναιμοι [1]). Такимъ образомъ, рождаясь на свѣтъ, ребенокъ несъ съ собою право поклоняться имъ и приносить жертвы; точно также впослѣдствіи, когда смерть возведетъ и его на степень бога, ему предстояло въ свою очередь стать въ рядъ этихъ семейныхъ боговъ.

Но надо замѣтить ту особенность этой религіи, что она переходила только отъ мужчины къ мужчинѣ, что безъ всякаго сомнѣнія, зависѣло отъ того, какъ люди понимали рожденіе. Вѣрованіе первобытныхъ вѣковъ, какъ оно встрѣчается въ Ведахъ и насколько замѣтны слѣды его въ правѣ греческомъ и римскомъ, сводилось къ тому, что производительная сила исключительно принадлежала отцу. Одинъ отецъ владѣлъ таинственнымъ началомъ бытія и передавалъ искру жизни. Изъ этого древняго убѣжденія вытекло, что принято было за правило передавать домашнюю религію всегда отъ мужчины и къ мужчинѣ и допускать къ участію въ ней женщину только чрезъ посредство отца или мужа; отсюда произошло и то, наконецъ, что по смерти она не имѣла равной доли съ мужчиною въ культѣ и жертвенныхъ приношеніяхъ. Отсюда также вытекли, какъ мы увидимъ далѣе, и другія весьма важныя послѣдствія въ частномъ правѣ и въ строѣ семьи.

1) Софоклъ, *Антиг.*, 199; *ibid.*, 659. Сравни πατρῷοι θεοί у Аристофана, *Осы*, 388; Эсхилъ, *Персы*, 404; Софоклъ, *Электра*, 411; θεοὶ γενέθλιοι, Платонъ, *Законы*, V, 729; *Di generis*, Овидій, *Фасты*, II, 631.

КНИГА ВТОРАЯ.

СЕМЬЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Религія была основнымъ началомъ строя древней семьи.

Если мы перенесемся мыслью въ среду этихъ древнихъ поколѣній, то мы въ каждомъ домѣ найдемъ алтарь, а вокругъ него все семейство въ сборѣ. Оно собиралось сюда каждое утро, чтобы принести очагу свои первыя молитвы, каждый вечеръ, чтобы воззвать къ нему въ послѣдній разъ. Въ теченіе дня оно еще разъ сходилось вокругъ него для обѣда, который и совершался благочестиво послѣ молитвы и возліянія. Во всѣхъ этихъ религіозныхъ обрядахъ хоромъ пѣлись гимны, унаслѣдованные отъ отцовъ.

Внѣ дома на сосѣднемъ полѣ находится ихъ семейная могила; это—второе жилище той же семьи. Тамъ вмѣстѣ почиваютъ нѣсколько поколѣній предковъ, не разлученныхъ самою смертью. Они живутъ вмѣстѣ въ загробномъ бытіи и по прежнему составляютъ нераздѣльную семью.

Живыхъ и умершихъ членовъ той же семьи отдѣляетъ другъ отъ друга только разстояніе въ нѣсколько шаговъ между домомъ и могилой. Въ опредѣленные дни, указанные каждому его домашней религіей, живые собираются на могилѣ предковъ. Они приносятъ имъ погребальныя жертвы, возливаютъ молоко и вино, возлагаютъ на могилу хлѣбъ и плоды или сожигаютъ для нихъ жертву. Въ обмѣнъ за эти приношенія они требуютъ ихъ покровительства, величаютъ ихъ своими богами и просятъ ихъ ниспослать полямъ плодородіе, дому благополучіе, сердцамъ—добродѣтель.

Основнымъ началомъ древней семьи не было одно рожденіе. Это доказывается тѣмъ, что сестра въ семьѣ не то, что братъ, что выдѣленный сынъ (emancipatus), или выданная замужъ дочь перестаютъ быть ея членами; наконецъ, это доказывается многими важными предписаніями законовъ греческихъ и римскихъ, которыя намъ предстоитъ изучить впослѣдствіи.

Начало семьи и не въ одной естественной привязанности. Ни право греческое. ни право римское не принимаютъ въ разсчетъ этого чувства: оно можетъ существовать въ глубинѣ сердецъ, но оно ничего не значитъ въ правѣ. Отецъ можетъ любить свою дочь, но не можетъ завѣщать ей свое иму-

щество. Законы о наслѣдствѣ, такъ сказать, наиболѣе вѣрно передавшіе мысли древнихъ о семейномъ строѣ, находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи и съ порядкомъ рожденія и съ естественною привязанностью [1]).

Историки римскаго права, замѣтивъ совершенно справедливо, что ни рожденіе, ни привязанность не составляли основанія римской семьи, рѣшили, что это основаніе должно лежать во власти мужа и отца. Они возводятъ эту власть до степени первичнаго установленія. Но они совсѣмъ не объясняютъ, какъ она образовалась, такъ какъ нельзя допустить, что въ основаніе ея легло превосходство въ силѣ мужа надъ женою, а отца надъ дѣтьми; помѣстить, такимъ образомъ, силу въ основаніе права—значитъ грубо ошибиться. Впрочемъ, мы увидимъ далѣе, что власть отца или мужа вовсе не была первою причиной, а напротивъ,—слѣдствіемъ; она вытекла изъ религіи и религіей же была установлена. Слѣдовательно, она не можетъ быть основнымъ началомъ строя семьи.

Членовъ древней семьи соединяетъ нѣчто болѣе властное, чѣмъ рожденіе, чѣмъ чувство или физическая сила: это—религія очага и предковъ. Благодаря ей, семья образуетъ нѣчто цѣлое и въ этой жизни и въ загробной. Древняя семья — общество скорѣе религіозное, чѣмъ естественное. Дальше мы увидимъ, что женщина причислялась къ семьѣ лишь настолько, насколько священный обрядъ брака посвящалъ ее въ культъ; мы увидимъ также, что сынъ исключался изъ семьи, если онъ отказывался отъ исполненія культа или выдѣлялся; что, напротивъ, усыновленный считался истиннымъ сыномъ, потому что, хотя ему и недоставало узъ крови,—у него было нѣчто лучшее: общность культа; что отъ этого наслѣдникъ, отказавшійся отъ исполненія культа семьи наслѣдодателя, лишался права наслѣдованія; что, наконецъ, родство и право наслѣдованія обусловлены не рожденіемъ, но правами, установленными религіею, участіемъ въ общемъ культѣ.

Можно сомнѣваться, религіею ли создалась семья, но несомнѣнно, что отъ нея она получила главныя правила; оттого-то строеніе древней семьи было совсѣмъ иное, еслибъ въ основу ея легли одни только естественныя чувства.

Древній греческій языкъ употреблялъ одно весьма знаменательное слово для обозначенія семьи:—ἐπίστιον, слово буквально означающее все находящееся *вокругъ очага*. Семья была такая группа лицъ, которымъ религіею было позволено обращаться съ молитвою къ одному и тому же очагу и приносить могильныя жертвы однимъ и тѣмъ же предкамъ [2]).

---

1) Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь о правѣ наиболѣе древнемъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что эти древніе законы измѣнились.

2) Геродотъ, V, 73, вмѣсто того, чтобы сказать 700 семей, употребляетъ выраженіе ἑπτακόσια ἐπίστια. Въ другомъ мѣстѣ, I, 176, чтобъ обозначить 80 семействъ, онъ говоритъ ὀγδώκοντα ἑστίαι. То же выраженіе у Плутарха, *Romulus*, 9.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бракъ.

Бракъ былъ, вѣроятно, первымъ учрежденіемъ, установленнымъ домашнею религіею.

Надо замѣтить, что религія очага и предковъ, передаваясь отъ мужчины къ мужчинѣ, не была, однако, исключительною принадлежностью одного мужескаго пола: въ культѣ участвовала и женщина. Дочерью - она присутствовала при религіозныхъ дѣйствіяхъ своего отца, женою—при обрядахъ мужа.

Уже по одному этому можно судить о существенномъ характерѣ брачнаго союза у древнихъ. Двѣ семьи живутъ вблизи другъ друга, но боги у нихъ разные. Въ одной изъ нихъ молодая дѣвушка съ самаго дѣтства принимаетъ участіе въ религіи своего отца; она обращается съ мольбою къ его очагу; каждодневно совершаетъ она ему возліянія, въ дни праздниковъ убираетъ его цвѣтами и зеленью, молитъ у него покровительства и благодаритъ его за благодѣянія. Этотъ отчій очагъ — ея богъ. Когда же молодой человѣкъ изъ сосѣдней семьи беретъ ее къ себѣ въ жены, ей предстоитъ нѣчто большее, чѣмъ простой переходъ изъ одного дома въ другой. Ей предстоитъ покинуть родительскій очагъ и начать молиться отнынѣ очагу мужа. Ей предстоитъ перемѣнить религію, исполнять другіе обряды, говорить иныя молитвы. Ей предстоитъ покинуть бога своего дѣтства и отдаться подъ власть другого, неизвѣстнаго. Ей нѣтъ надежды остаться вѣрною первому, поклоняясь второму, такъ какъ въ этой религіи было непреложнымъ закономъ, что одно и то же лицо не могло поклоняться ни двумъ очагамъ, ни двумъ разнымъ поколѣніямъ предковъ. „Со времени брака, говоритъ одинъ древній; женщина не имѣетъ болѣе ничего общаго съ семейною религіею своихъ отцовъ: она приноситъ жертвы очагу мужа" [1]).

Такимъ образомъ, бракъ для молодой дѣвушки былъ важнымъ дѣломъ; не менѣе важенъ онъ былъ и для мужчины. Религія вѣдь утверждала, что только рожденный у очага, имѣлъ право служить ему; а онъ, однако, собирался привести чужую къ своему очагу; съ нею предстояло ему совершать религіозные обряды своего культа, ей надо было открыть обряды и установленныя формы: родовое наслѣдіе семьи; а нѣтъ ничего дороже этого наслѣдства; эти боги, эти обычаи, эти гимны, доставшіеся ему отъ отцовъ его, — они покровительствуютъ ему въ жизни, они даютъ ему богатство, счастіе, добродѣтель. Однако вмѣсто того, чтобы блюсти лично для себя это благодѣтельное могущество, какъ дикій бережетъ своего идола или свой амулетъ, онъ собирается допустить женщину раздѣлить его съ собою.

---

1) Дицеархъ, цитированный Стефаномъ Византійскимъ, с. πάτρα.

Итакъ, проникая въ мысли этихъ древнихъ людей, видишь, какое важное значеніе имѣлъ для нихъ брачный союзъ и насколько необходимо было тутъ вмѣшательство религіи. Молодую дѣвушку надлежало какимъ-либо священнымъ обрядомъ посвятить въ культъ, который ей предстояло чтить съ этого времени. Чтобы стать жрицею этого очага, съ которымъ не связывали ее узы рожденія, она нуждалась въ нѣкотораго рода посвященіи и воспринятіи.

Бракъ и былъ такимъ священнымъ обрядомъ, который долженъ былъ принести эти важныя послѣдствія. Писателямъ латинскимъ и греческимъ свойственно часто обозначать бракъ словами, указывающими на религіозное дѣйствіе [1]). Поллуксъ, жившій во времена Антониновъ, но пользовавшійся недоступною болѣе для насъ древнею литературою, говоритъ, что въ давнія времена вмѣсто обозначенія брака его особымъ именемъ (γάμος), обозначали его просто словомъ τέλος, что значило священный обрядъ [2]); какъ будто бы въ эти отдаленныя времена бракъ былъ священнымъ дѣйствіемъ по преимуществу.

Религія, освящавшая бракъ, не была религіею Юпитера, Юноны или прочихъ боговъ Олимпа. Обрядъ совершался не въ храмѣ, онъ исполнялся въ домѣ и присутствовалъ при немъ семейный богъ. Правда, когда религія небесныхъ боговъ стала преобладающей, нельзя было обойтись безъ того, чтобы не обратиться съ призывомъ и къ нимъ въ свадебныхъ моленіяхъ; даже вошло въ обычай предварительно посѣщать храмы и приносить этимъ богамъ жертвы, что называлось приготовленіемъ къ браку [3]). Но главная и существенная часть церемоніи должна была всегда исполняться передъ домашнимъ очагомъ.

У грековъ обрядъ брака состоялъ, такъ сказать, изъ трехъ дѣйствій. Первое совершалось передъ очагомъ отца, ἐγγύησις; третье у очага мужа, τέλος; второе служило переходомъ отъ одного къ другому, πομπή.

1. Въ родительскомъ домѣ, въ присутствіи жениха, отецъ, окруженный, обыкновенно, всею семьею, приносилъ жертву. Окончивъ жертвоприношеніе, онъ провозглашалъ, произнося священную клятву, что онъ даетъ свою дочь въ жены тому-то. Это провозглашеніе необходимо для брака. Иначе молодая дѣвушка не могла бы отправиться тотчасъ же на поклоненіе очагу мужа, еслибъ отецъ, предварительно, не отрѣшилъ ее отъ отчаго очага. Для того, чтобы вступить въ новую религію, она должна быть свободною отъ всякихъ узъ и отъ всякой связи со своею первою религіею [4]).

---

1) Θύειν γάμον, sacrum nuptiale.

2) Поллуксъ, III, 3, 38.

3) Προτέλεια, προγάμια. Поллуксъ, III, 38.

4) Геродотъ, VI, 130. Изей, *De Philoctem. hered.*, 14. Демосѳенъ передаетъ нѣсколько словъ этого заклятія: ἐγγυῶ ἐπὶ δικαίοις δάμαρτα εἶναι *(in Stephanum,*

2. Дѣвушка переводится въ домъ мужа. Иногда самъ мужъ ведетъ ее [1]). Въ нѣкоторыхъ городахъ обязанность привести невѣсту возлагалась на одного изъ тѣхъ лицъ, облеченныхъ священнымъ характеромъ, которыя назывались у грековъ κήρυκες [2]) (вѣстниками). Молодую дѣвушку обыкновенно сажали на колесницу [3]), лицо ея закрывалось покрываломъ, на голову надѣвался вѣнокъ. Вѣнокъ, какъ намъ часто придется видѣть, употреблялся во всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ. Платье невѣсты—бѣлаго цвѣта. Цвѣтъ этотъ требовался для всѣхъ одеждъ, надѣвавшихся въ религіозныхъ обрядахъ. Впереди несутъ факелъ — это брачный факелъ [4]). Во все время пути вокругъ нея поется священный гимнъ съ припѣвомъ ὦ ὑμήν, ὦ ὑμέναιε. Гимнъ этотъ назывался *гименеемъ* и значеніе этого священнаго пѣснопѣнія было такъ велико, что его имя усвоилось всей брачной церемоніи [5]).

Дѣвушка не входитъ сама въ свое новое жилище. Мужу надо похитить ее, притвориться, что онъ ее беретъ силою, а она должна закричать и женщины, которые ее сопровождаютъ, должны дѣлать видъ, что ее защищаютъ. Къ чему этотъ обрядъ? Означаетъ ли онъ стыдливость дѣвушки? Едва ли это вѣроятно; до стыдливости еще далеко, такъ какъ въ этомъ домѣ предстояло сперва совершиться религіозной церемоніи. Не имѣется ли въ виду показать этимъ, что женщина, готовящаяся совершить жертвоприношеніе этому очагу, сама по себѣ не имѣетъ на то никакого права, что она приближается къ нему не по своей волѣ, и что надо хозяину дома и божества самому ввести ее туда своею собственной властью? Какъ бы то ни было, послѣ притворной борьбы, женихъ беретъ ее на руки, переноситъ ее черезъ двери, тщательно стараясь, чтобы ея ноги не коснулись порога [6]).

Все предшествующее есть лишь предверіе и приготовленіе къ самой церемоніи. Священнодѣйствію предстоитъ начаться внутри дома.

3. Подходятъ къ очагу, новобрачную ставятъ предъ лицомъ домашняго божества. Ее кропятъ очистительной водой, она прикасается къ священному огню [7]). Тутъ же произносятся

II, 18). Эта часть брачной церемоніи называлась также ἔκδοσις, *traditio*, Поллуксъ, III, 35. Демосѳенъ, *pro Phormione*, 32.

1) Поллуксъ, III, 41.

2) Плутархъ, *Quest. Grecq.*, 27.

3) Плутархъ, *Quest. Rom.*, 29. Фотій, *Lex*, 52: παραλαβόντες αὐτὴν ἐκ τῆς πατρῴας ἑστίας ἐπὶ τὴν ἅμαξαν ἄγουσιν εἰς τὴν τοῦ γαμοῦντος.

4) Иліада, XVIII, 492. Гезіодъ, *scutum*, 275. Эврипидъ, ***Ифигенія въ*** Авлидѣ 732; ***Финикіянки*** 344; ***Елена***, 722—725. Поллуксъ, III, 41. Лукіанъ, *Aëtion*, 5.

5) Иліада, XVIII, 495. Гезіодъ, *scutum*, 280. Аристофанъ, *Aves*, 1720; *Pax*, 1332. Поллуксъ, III, 37; IV, 80. Фотій, *Biblioth.*, с. 239.

6) Плутархъ, ***Ликургъ*** 15; ἐγάμουν δι' ἁρπαγῆς. Діонисій Галикарнасскій, II, 30: οὐκ ἐφ' ὕβρει τῆς ἁρπαγῆς, ἀλλ' ἐπὶ γάμῳ γενομένης, ἑλληνικόν καὶ ἀρχαῖον τὸ ἔθος καὶ τρόπον συμπάντων καθ' οὓς συνάπτονται γάμοι ταῖς γυναιξὶν ἐπιφανέστατον.

7) *Ignem undamque jugalem* (Валер. Флаккъ, ***Аргонавты***, VIII, 245).

молитвы; затѣмъ уже новобрачные съѣдаютъ сообща хлѣба и немного плодовъ [1]).

Это вкушеніе пищи, которое начинается и оканчивается возліяніемъ и молитвою, это раздѣленіе пищи предъ лицомъ очага соединяетъ новобрачныхъ во взаимное религіозное общеніе и въ общеніе съ домашними богами [2]).

Римскій бракъ весьма похожъ на греческій и подобно ему содержитъ въ себѣ три дѣйствія: *traditio*, *deductio in domum*, *confarreatio*.

1. Дѣвушка покидаетъ родительскій очагъ. Такъ какъ она связана съ этимъ очагомъ не по личному праву, но черезъ посредство отца, то только одна отеческая власть можетъ освободить ее отъ этихъ узъ. Такимъ образомъ traditio (выдача)—необходимая формальность [3]).

2. Молодая дѣвушка приводится къ дому жениха. Какъ и въ Греціи, она закрыта покрываломъ; на головѣ у нея вѣнокъ и впереди несется свадебный факелъ [4]). Вокругъ нея поется древній религіозный гимнъ. Слова этого гимна, конечно, измѣнились со временемъ, соображаясь съ измѣненіями вѣрованій, а также и языка; но священный припѣвъ всегда оставался одинъ и тотъ же: то было слово *Talassio*, смыслъ котораго для римлянъ временъ Горація былъ такъ же непонятенъ, какъ греки не понимали слова ὑμέναιε и которое, по всей вѣроятности было завѣтнымъ священнымъ остаткомъ древней формулы [5]).

Шествіе останавливается передъ домомъ жениха. Тутъ невѣстѣ подаютъ огня и воды. Огонь—эмблема домашняго божества, вода — та очистительная вода, которая служитъ въ семьѣ для всѣхъ религіозныхъ дѣйствій [6]). Чтобы ввести невѣсту въ домъ, надо, какъ и въ Греціи, изобразить насильственное похищеніе [7]). Женихъ долженъ взять ее на руки и перенести черезъ порогъ такъ, чтобы ея ноги его не коснулись.

3. Тогда невѣста подводится къ очагу, туда, гдѣ всѣ пе-

1) Плутархъ, *Солонъ*, 20: *Praec. conjug.*, I. Тотъ же обычай у Македонянъ; Квинтъ Курцій, VIII, 16: *Jussit afferri patrio more panem; hoc erat apud Macedones sanctissimum coeuntium pignus; quem divisum gladio uterque libabat.*

2) Отсюда это выраженіе у Платона, ταῖς μετὰ θεῶν καὶ ἱερῶν γάμων ἐλθούσαις εἰς τὴν οἰκίαν. (*Законы*, VIII, стр. 841); другое выраженіе у Плутарха, εἰς κοινωνίαν γένους ἐλθεῖν τὰ μέγιστα καὶ τιμιώτατα λαμβάνοντας καὶ διδόντας. (*Жизнь Тезея*, 10). Тотъ же писатель говоритъ, что узы брака самыя священныя, οὐκ ἔστι ἱερωτέρα κατάζευξις. (*Amatorius*, 4).

3) Относительно особенныхъ формъ *traditio* и *sponsio* въ римскомъ правѣ, любопытенъ текстъ Сервія Сульпиція у Авла Геллія, IV, 4.—Плавтъ, *Aululaire*, II, 2, 41—49; II, 3, 4; *Trinumus*, V, 4; Цицеронъ, *ad Atticum*, I, 3.

4) Овидій, *Фасты*, II, 558—561.

5) Плутархъ, *Romulus*, 15.

6) Варронъ, *De ling. lat.*, V, 61. Плутархъ, *Римск. вопр.*, 1. Сервій, *ad Aeneida*, IV, 167.

7) Плутархъ, *Римск. вопр.*, 29; *Romulus*, 15. Макробій, *Saturn.*, I, 15. Фестъ, сл. *rapi*.

наты, гдѣ всѣ домашніе боги, гдѣ всѣ изображенія собраны вокругъ священнаго огня. Новобрачные, какъ и въ Греціи, приносятъ общую жертву, совершаютъ возліяніе, произносятъ нѣсколько молитвъ и вкушаютъ вмѣстѣ хлѣба изъ крупичатой муки (*panis farreus*) [1].

Вкушеніемъ этого хлѣба посреди чтенія молитвъ предъ лицемъ и предъ очами семейныхъ боговъ заключается священный союзъ брачущихся [2]. Отнынѣ они пріобщены къ одному и тому же культу. У жены тѣ же боги, тѣ же обычаи, тѣ же молитвы, тѣ же праздники, какъ и у мужа. Отсюда древнее опредѣленіе брака, сохраненное намъ законовѣдами: *Nuptiae sunt divini juris et humani communicatio* (бракъ есть сообщеніе божескаго и человѣческаго права); или другое: *Uxor socia humanae rei atque divinae* (жена — помощница мужа въ дѣлахъ человѣческихъ и божескихъ [3]). Это значитъ, что жена перешла въ религію мужа, — жена, которую сама боги, какъ говоритъ Платонъ, ввели къ нему въ домъ.

Вступивъ, такимъ образомъ, въ бракъ, женщина чтитъ и культъ мертвыхъ; но уже не своимъ предкамъ приноситъ она могильныя жертвы: на это она не имѣетъ болѣе права. Бракъ совершенно отрѣшилъ ее отъ семьи отца и навсегда разорвалъ всѣ ея религіозныя отношенія къ ней. Предкамъ своего мужа приноситъ она жертвы; она теперь изъ ихъ семьи и они стали ея предками. Бракъ былъ для нея вторымъ рожденіемъ, съ этого времени она какъ бы дочь своего мужа, filiae loco (замѣсто дочери), говорятъ законовѣды. Нельзя принадлежать одновременно ни къ двумъ разнымъ семьямъ, ни къ двумъ домашнимъ религіямъ; жена всецѣло принадлежитъ семьѣ мужа и исповѣдуетъ его религію. Послѣдствія этого правила мы увидимъ въ правѣ наслѣдованія.

Установленіе священнаго брака у индо-европейской расы должно быть такъ же древне, какъ и домашняя религія, потому что одно немыслимо безъ другого. Эта религія научила человѣка, что брачный союзъ нѣчто иное, чѣмъ простое половое отношеніе и случайная страсть; она соединила двухъ супру-

[1]) Плиній, *Естест. Истор.*, XVIII, 3, 10: *In sacris nihil religiosius confarreationis vinculo erat, novaeque nuptae farreum praeferebant.* Діонисій Галикарн., II, 22: ἐκάλουν τοὺς ἱεροὺς γάμους φαρράκια ἀπὸ τῆς κοινωνίας τοῦ φαρρός. — Тацитъ, *Лѣт.*, IV, 16; XI, 26—27. Ювеналъ, X, 329—336. Сервій, *ad Aen.*, IV, 103; *ad Georg.*, I, 31. Гай, I, 110—112. Ульпіанъ, IX. Дигестъ, XXIII, 2, 1. — У этрусковъ бракъ также совершался при помощи священныхъ дѣйствій (Варронъ, *De re rust.*, II, 4). — Тѣ же обычаи и у древнихъ индусовъ (*Законы Ману*, III, 27—30, 172; V, 152; VIII, 227; IX, 194. Митакхара въ пер. Оріанна на франц., стр. 166, 167, 236).

[2]) Впослѣдствіи мы скажемъ о другихъ формахъ брака, употребительныхъ у римлянъ и обходившихся безъ участія религіи. Здѣсь же намъ достаточно сказать, что священный бракъ намъ кажется древнѣйшимъ, такъ какъ онъ соотвѣтствуетъ наиболѣе древнимъ вѣрованіямъ и сталъ исчезать только по мѣрѣ ихъ упадка.

[3]) Дигестъ, XXIII, 2. Кодексъ Юстин., 32, 4. Діон. Галикарнасскій. II, 25: κοινωνὸς χρημάτων καὶ ἱερῶν.

говъ могучими узами одной религіи, одной вѣры. Церемонія брака была такъ торжественна и порождала такія важныя послѣдствія, что не должно удивляться, что люди того времени считали его позволительнымъ и возможнымъ для одной только женщины въ каждомъ домѣ. Такая религія не могла допустить полигаміи (многоженства).

Понятно также, что подобный союзъ былъ нерасторжимъ и разводъ былъ почти невозможенъ [1]). Римское право дозволяло, правда, расторженіе брака, заключеннаго чрезъ *coëmptio* (по найму, для вида), или чрезъ *usus* (простое сожительство), но расторженіе религіознаго брака было крайне трудно. Для этого разрыва необходимо было исполненіе новаго священнаго обряда, такъ какъ одна религія могла разрѣшить ею же наложенныя узы. Дѣйствіе *confarreationis* могло быть уничтожено только чрезъ *diffarreatio*. Супруги, пожелавшіе развестись въ послѣдній разъ являлись предъ общимъ очагомъ; при этомъ присутствовали жрецъ и свидѣтели. Супругамъ предлагался, какъ, нѣкогда, въ день брака, хлѣбъ изъ крупичатой муки [2]) Но, вѣроятно вмѣсто того, чтобы подѣлить его, они отказывались. Затѣмъ вмѣсто молитвы они произносили „странныя, ужасныя, полныя ненависти и злобы [3]) слова" нѣчто вродѣ проклятія, чрезъ которое жена отрекалась отъ религіи и боговъ мужа. Тогда религіозныя узы разрывались. Съ прекращеніемъ религіознаго общенія по полному праву прекращалось всякое иное общеніе, и бракъ былъ расторгнутъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Непрерывность семьи; запрещеніе безбрачія; расторженіе брака въ случаѣ безплодія. Неравенство между сыномъ и дочерью.

Вѣрованія относительно мертвыхъ и воздававшійся имъ культъ опредѣлили собою строй древней семьи и дали ей большинство ея установленій. Выше мы видѣли, что человѣкъ послѣ своей смерти считался существомъ блаженнымъ и божественнымъ, но подъ условіемъ, чтобы живые постоянно приносили ему могильныя жертвы. Если же эти приношенія прекращались, то мертвый испытывалъ злую участь и ниспадалъ до степени злосчастнаго и злотворнаго демона. Въ то время, когда древнія поколѣнія впервые начали рисовать себѣ будущую жизнь, они не помышляли ни о наградахъ, ни о

[1]) По крайней мѣрѣ вначалѣ. Діонисій Галикарн., II, 25, говоритъ, что ничто не могло нарушить такой бракъ. — Право развода довольно рано появилось въ аттич. правѣ.

[2]) Фестъ, сл. *Diffarreatio*, Поллуксъ, III, 3, ἀποπομπή. Въ одной надписи читаемъ: *Sacerdos confarreationum et diffarreationum*. Ореллій, № 2648.

[3]) Φρικώδη, ἀλλόκοτα, σκυθρωπά. Плутархъ, *Римск. вопр.*, 50.

карѣ; они думали, что блаженство покойника зависѣло не отъ образа, веденной имъ на землѣ, жизни, но отъ поведенія его потомковъ по отношеніи къ нему. Итакъ, всякій отецъ ждалъ отъ своего потомства цѣлаго ряда могильныхъ жертвъ, обезпечивавшихъ покой и блаженство его манамъ.

Это мнѣніе было основнымъ началомъ семейнаго права у древнихъ. Отсюда вытекло прежде всего то правило, что каждая семья должна длиться вѣчно. Мертвымъ было необходимо, чтобъ ихъ потомство не прекращалось. Въ обитаемой ими могилѣ у нихъ было только одно безпокойство, именно объ этомъ. Ихъ единственною мыслію, какъ и единственнымъ интересомъ, было то, чтобы всегда существовалъ на землѣ человѣкъ ихъ крови для принесенія имъ могильныхъ жертвъ. Индусъ вѣритъ, что у его мертвецовъ одно желаніе: „пусть всегда родятся въ нашемъ потомствѣ сыновья, которые носили бы намъ рису, молока и меду". Индусъ говоритъ еще: „прекращеніе семьи уничтожаетъ ея религію; предки, лишенные приношеній пищи, дѣлаются несчастными" [1]).

Народы Италіи и Греціи долгое время думали точно такъ же. Если мы и не находимъ въ ихъ писаніяхъ столь же яснаго изложенія ихъ вѣрованій, какое мы находимъ въ древнихъ книгахъ Востока, то, по крайней мѣрѣ, ихъ законы достаточно свидѣтельствуютъ о ихъ древнихъ мнѣніяхъ. Въ Аѳинахъ законъ возлагалъ на перваго магистрата города обязанность надзора за тѣмъ, чтобы не угасла ни одна семья [2]). Точно также римскій законъ слѣдилъ крайне внимательно, чтобы не прекратился никакой домашній культъ [3]). Въ рѣчи одного аѳинскаго оратора читаемъ: „нѣтъ человѣка, который бы, зная, что ему предстоитъ умереть, настолько не радѣлъ бы о самомъ себѣ, что допустилъ бы оставить свою семью безъ потомковъ,—тогда не будетъ никого, кто воздалъ бы ему подобающее мертвымъ служеніе" [4]). У каждаго, такимъ образомъ, былъ свой личный большой интересъ оставить по себѣ сына, принявъ во вниманіе, что тутъ дѣло шло о его безсмертномъ блаженствѣ. То же самое было и долгомъ относительно предковъ, такъ какъ ихъ благополучіе длилось лишь до тѣхъ поръ, пока не прекращалась семья. Законы Ману называютъ старшаго сына „рожденнымъ для выполненія долга".

Здѣсь мы касаемся одной изъ самыхъ замѣчательныхъ сторонъ древней семьи. Образовавшая ее религія властно требуетъ, чтобъ она не прекращалась. Угасшая семья значитъ прекратившійся культъ. Надо представить себѣ эти семьи въ то время, когда эти вѣрованія еще не измѣни-

1) Багавадъ-Гита, I, 40.
2) Изей, *De Apollod. hered.*, 30. Демосѳенъ, *in Macart.*, 75.
3) Цицеронъ, *De legibus*, II, 19: *Perpetua sint sacra.* Діонисій, IX, 22: ἵνα μὴ ἱερὰ ἐκλείφθη πατρῷα.
4) Изей, VII, *De Apollod. her.*, 30.

лись. Каждая изъ нихъ владѣетъ своею религіей и богами, — драгоцѣннымъ залогомъ, который она обязана блюсти. Величайшимъ несчастьемъ, грозившимъ для ея благочестія, было опасеніе за прекращеніе рода. Тогда ея религіи предстояло исчезнуть съ лица земли и очагу потухнуть, а цѣлому ряду ея мертвецовъ впасть въ забвеніе и вѣчное злосчастье. Главный интересъ человѣческой жизни состоялъ въ продолженіи потомства въ видахъ продолженія культа.

Въ силу этихъ мнѣній, безбрачіе должно было считаться одновременно и великимъ нечестіемъ, и личнымъ несчастьемъ: нечестіемъ — потому, что не вступившій въ бракъ губилъ блаженство своихъ семейныхъ мановъ; личнымъ несчастьемъ— потому, что ему не предстояло получить никакого посмертнаго культа и познать то, „въ чемъ состоитъ блаженство мановъ". Это было какъ бы гибелью одновременно и для него и для его предковъ.

Можно предположить, что за отсутствіемъ законовъ долгое время было достаточно однихъ религіозныхъ вѣрованій для устраненія безбрачія. Сверхъ того, кажется, что какъ только явились законы, они объявили безбрачіе дѣломъ дурнымъ и подлежащимъ наказанію. Діонисій Галикарнасскій, изслѣдовавшій древнія лѣтописи Рима, увѣряетъ, что онъ знаетъ древній законъ, принуждавшій молодыхъ людей жениться [1]).

Трактатъ о „Законахъ" Цицерона, воспроизводящій подъ философской формой почти всегда древніе законы Рима, содержитъ въ себѣ одно постановленіе, запрещающее безбрачіе [2]) Въ Спартѣ законы Ликурга подвергали суровому наказанію человѣка, который не женится [3]). Извѣстно изъ многочисленныхъ разсказовъ, что, когда законы перестали запрещать безбрачіе, оно все еще жило въ обычаѣ. Изъ одного мѣста у Поллукса надо заключить, что во многихъ греческихъ городахъ безбрачіе наказывалось какъ преступленіе [4]). Это было согласно съ вѣрованіемъ: человѣкъ не принадлежалъ самому себѣ, но своей семьѣ. Онъ былъ членомъ цѣлаго ряда предковъ и этотъ рядъ не долженъ на немъ окончиться. Онъ не случайно родился на свѣтъ, его намѣренно произвели для продолженія культа и онъ не долженъ былъ покидать этой жизни безъ твердой увѣренности, что культъ продолжится и послѣ него.

Но недостаточно было родить сына. Сынъ, которому надлежало продолжить семейную религію, долженъ быть плодомъ религіознаго брака. Незаконнорожденный, побочный сынъ, то, что греки называли νόθος, а латины—*spurius*, не могъ выполнить роли, налагаемой религіей на сына. Дѣйствительно, узы

1) Діонисій Галикарнасскій, IX, 22.
2) Цицеронъ, *De legib.*, III, 2.
3) Плутархъ, *Lycurg.*, 15; *Поговорки лакедемонянъ*; *Жизнь Лизандра*, 30: ἀγαμίου δίκη.
4) Поллуксъ, III, 48.

крови не составляли еще семьи, требовалась еще связь религіозная. Такъ что сынъ, рожденный отъ женщины, не связанной съ культомъ мужа обрядомъ брака, не могъ самъ по себѣ принимать участія въ культѣ [1]). Онъ не имѣлъ права приносить могильныхъ жертвъ и не могъ быть продолжателемъ семьи. Далѣе мы увидимъ, что, по той же самой причинѣ, онъ не имѣлъ правъ и на наслѣдство.

Такимъ образомъ бракъ былъ обязателенъ. Его конечною цѣлью не было удовольствіе, его главнымъ предметомъ не былъ союзъ двухъ существъ, нравящихся другъ другу и желавшихъ соединиться вмѣстѣ, чтобы дѣлить пополамъ и радость и горе этой жизни. Цѣль брака въ глазахъ религіи и закона заключалась въ томъ, чтобы, соединяя двухъ существъ въ лонѣ одной и той же домашней религіи, породить третье существо, способное продолжать семейный культъ. Это прекрасно видно изъ священной формулы, произносившейся при обрядѣ брака: *Ducere uxorem liberum quaerendorum causa* (брать жену для порожденія дѣтей), говорили римляне; παίδων ἐπ' ἀρότῳ γνησίων, говорили греки [2]).

Такъ какъ бракъ заключался только ради продолженія семьи, то расторженіе его при неплодіи жены казалось вполнѣ справедливымъ. Разводъ въ такомъ случаѣ былъ положительнымъ правомъ у древнихъ и даже, можетъ быть, обязанностью. Въ Индіи религія предписывала: „замѣнить неплодную жену другою по истеченіи восьми лѣтъ“ [3]). Нѣтъ никакого формальнаго текста, который бы доказывалъ, что подобное обязательство имѣло силу въ Греціи или Римѣ Однако Геродотъ упоминаетъ о двухъ спартанскихъ царяхъ, принужденныхъ развестись со своими женами изъ-за ихъ неплодія [4]). Что касается до Рима, достаточно извѣстна исторія Кальвирія Руга, разводъ котораго впервые упоминается въ римскихъ лѣтописяхъ. „Кальвирій Руга,—говоритъ Авлъ-Геллій,—человѣкъ знатнаго происхожденія, разошелся съ своей женой по разводу, вслѣдствіе того, что не могъ имѣть отъ нея дѣтей. Онъ нѣжно любилъ ее и вполнѣ былъ доволенъ ея поведеніемъ, но онъ принесъ свою любовь въ жертву религіозному уваженію клятвы, такъ какъ онъ поклялся (при совершеніи брака), что онъ беретъ ее въ жены съ тѣмъ, чтобъ имѣть отъ нея дѣтей“ [5]).

Религія учила, что семья не должна прекращаться; всякая любовь, всякое естественное право должны были уступать этому безусловному требованію. Если бракъ былъ безплоденъ по винѣ мужа, семья все-таки должна была имѣть про-

1) Изей, VI, *De Philoct. her.*, 44. Демосѳенъ, *in Macartatum*, 51.

2) Менандръ, 185; Демосѳенъ, *in Neaeram*, 122. Лукіанъ, *Тимонъ*, 17. Эсхилъ, *Агамемнонъ*, 1207. Альцифронъ, I, 16.

3) *Законы Ману*, IX, 81.

4) Геродотъ, V, 39; VI, 61.

5) Авлъ-Геллій, IV, 3. Валерій-Максимъ, II, 1, 4. Діонисій, II, 25.

долженіе. Тогда братъ или родственникъ мужа долженъ былъ замѣнить его и жена обязана была отдаться ему. Ребенокъ, который рождался потомъ, считался сыномъ мужа и продолжалъ его культъ. Таковы были правила древнихъ индусовъ; то же самое мы находимъ въ законахъ Аѳинъ и Спарты [1]). Вотъ какую власть имѣла эта религія. Вотъ до какой степени религіозный долгъ шелъ впереди всего.

Съ тѣмъ большимъ правомъ древнее законодательство предписываетъ вдовѣ бракъ съ ближайшимъ родственникомъ ея мужа, если она не имѣла отъ него дѣтей. Родившійся сынъ считался сыномъ покойнаго [2]).

Рожденіе дочери не выполняло цѣль брака. Въ самомъ дѣлѣ, дочь не могла продолжать культа по той причинѣ, что со дня своего замужства она отрѣшилась отъ семьи, отъ культа отца и принадлежала семьѣ и религіи своего мужа. Семья, какъ и культъ, продолжался только мужчинами; важный фактъ, послѣдствія котораго будутъ видны далѣе.

Слѣдовательно, ожидали именно сына, который былъ необходимъ; онъ требовался и для семьи, и для очага, и для предковъ. „Имъ,—говорятъ древніе законы индусовъ,—отецъ уплачиваетъ свой долгъ манамъ предковъ и самому себѣ обезпечиваетъ безсмертіе“. Этотъ сынъ былъ не менѣе драгоцѣненъ и въ глазахъ грековъ, такъ какъ впослѣдствіи онъ долженъ былъ приносить жертвы и блюсти своимъ культомъ семейную религію. Вотъ почему древній Эсхилъ называетъ сына спасителемъ родительскаго очага [3]).

Появленіе этого сына въ семьѣ ознаменовывалось религіознымъ обрядомъ. Сперва надлежало отцу принять его. Какъ глава и пожизненный блюститель очага, какъ представитель предковъ, онъ долженъ былъ заявить, принадлежитъ ли новопоявившійся членъ къ семьѣ или нѣтъ. Рожденіе означало только связь физическую; заявленіе отца утверждало связь нравственную и религіозную. Эта формальность была одинаково обязательна въ Римѣ, въ Греціи и въ Индіи.

Для сына былъ необходимъ, какъ мы выше видѣли для жены, родъ посвященія. Оно происходило вскорѣ послѣ рожденія, на девятый день—въ Римѣ, на десятый—въ Греціи, въ Индіи же—на десятый или на двѣнадцатый [4]). Въ этотъ день отецъ собиралъ всю семью, призывалъ свидѣтелей и приносилъ жертву своему очагу. Дитя представлялось домашнимъ богамъ. Жена держала его на рукахъ и обходила съ нимъ нѣсколько разъ вокругъ священнаго огня [5]). Эта церемонія

1) Плутархъ, *Солонъ*, 20. Ксенофонтъ, *Лакедем. респ.*, I. Плутархъ, *Ликургъ*, 15. *Законы Ману*, IX, 121.

2) *Законы Ману*, IX, 69, 146. Тоже у евреевъ, *Второзаконіе*, 25.

3) Эсхилъ, *Хоэфоры*, 264. То же у Эврипида (*Phénic.*, 16). Гай проситъ Аполлона даровать ему дѣтей мужского пола, παίδων ἀρσένων κοινωνίαν.

4) Аристофанъ, *Птицы*, 922. Демосѳенъ, *in Baeot. de dote*, 28. Макробій, *Сатурн.*, I, 17. *Законы Ману*, II, 30.

5) Платонъ, *Ѳесѳетъ*. Лизій въ Гарпократіонѣ; сл. ἀμφιδρόμια.

совершалась съ двоякою цѣлью: во-первыхъ, чтобъ очистить ребенка [1]), такъ сказать, снять съ него нечистоту, лежавшую на немъ, по мнѣнію древнихъ, уже вслѣдствіе одного факта беременности, а во-вторыхъ, чтобы посвятить его въ домашній культъ. Съ этой минуты ребенокъ былъ принятъ въ ту священную общину и малую церковь, что звалась семьею. Онъ раздѣлялъ ея религію, исполнялъ ея обряды, имѣлъ право произносить ея молитвы; онъ чтилъ ея предковъ, а впослѣдствіи и самъ становился въ ней чтимымъ предкомъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Усыновленіе и выходъ изъ семьи (emancipatio).

Обязанность продолжать безъ перерыва домашній культъ послужила основаніемъ права усыновленія у древнихъ. Та же самая религія, принуждавшая человѣка къ женитьбѣ, присуждавшая разводъ въ случаѣ безплодія, замѣнявшая мужа, въ случаѣ неспособности или преждевременной смерти, ближайшимъ родственникомъ, доставляла семьѣ еще одно послѣднее средство для избѣжанія страшнаго несчастія отъ прекращенія рода: это средство—право усыновлять.

„Кому природа не дала сына, можетъ усыновить себѣ посторонняго съ тѣмъ, чтобы не прекращались могильныя жертвы“. Такъ говоритъ древній законодатель индусовъ [2]). У насъ сохранилась любопытная рѣчь одного аѳинскаго оратора въ процессѣ, въ которомъ оспаривалась у пріемнаго сына законность его усыновленія. Защитникъ показываетъ намъ прежде всего, для чего именно происходило усыновленіе: „Менеклесъ,—говоритъ онъ,—не хотѣлъ умереть бездѣтнымъ; онъ стремился оставить послѣ себя кого-нибудь, кто похоронилъ бы его и совершалъ бы по немъ обряды похороннаго культа“. Затѣмъ онъ показываетъ, что произойдетъ, если судъ отвергнетъ усыновленіе, —что произойдетъ не съ нимъ, а съ тѣмъ, кто его усыновилъ; Менеклесъ умеръ, но однако главную роль играетъ интересъ Менеклеса. „Если вы отвергнете мое усыновленіе, то окажется, что Менеклесъ умеръ, не оставивъ сына, вслѣдствіе чего никто не будетъ совершать жертвы въ честь его, никто не сотворитъ ему могильныхъ приношеній, и, наконецъ, онъ останется безъ культа“ [3]).

Усыновить пріемыша значило обезпечить непрерывность семейной религіи, благоденствіе очага, продолженіе могильныхъ

---

[1]) *Puer lustratur*. Макробій, *Сатурн.*, I, 17.
[2]) *Законы Ману*, IX, 10.
[3]) Изей, *De Menecl. hered.*, 10—46. Тотъ же ораторъ въ своей рѣчи о наслѣдствѣ Астифила, 7, указываетъ на одного человѣка, усыновившаго себѣ сына съ тѣмъ, чтобы тотъ ἐπὶ τοὺς βωμοὺς τοὺς πατρῴους βαδίζεται καὶ τελευτήσαντι αὐτῷ καὶ τοῖς ἐκείνου προγόνοις τὰ νομιζόμενα ποιήσει.

приношеній, покой душамъ предковъ. Единственное основаніе усыновленія — въ необходимости предупредить исчезновеніе культа. Вслѣдствіе этого оно было дозволено только тому, у кого не было сына. Законъ индусовъ положителенъ въ этомъ отношеніи [1]), столь же положителенъ законъ аѳинскій. Вся защитительная рѣчь Демосѳена противъ Леохареса служитъ тому доказательствомъ [2]). Никакой точный текстъ не доказываетъ, что то же самое было и въ древнемъ правѣ римскомъ, и мы знаемъ, что во времена Гая одинъ и тотъ же человѣкъ могъ имѣть сыновей по крови и по усыновленію. Однако, кажется, что это не допускалось во времена Цицерона, потому что въ одной изъ своихъ рѣчей ораторъ выражается такъ: „на какомъ правѣ основано усыновленіе? Не слѣдуетъ ли, чтобъ усыновитель находился въ возрастѣ уже недоступномъ для дѣторожденія и чтобъ раньше усыновленія онъ принималъ мѣры къ тому, чтобъ имѣть дѣтей? Усыновлять это значитъ требовать у религіи и закона того, въ чемъ отказала природа“ [3]). Цицеронъ нападаетъ на усыновленіе Клодія, основываясь на томъ, что человѣкъ, усыновившій его, имѣлъ уже сына, и говоритъ, что такое усыновленіе противно религіозному праву.

Усыновляя посторонняго, надлежало, прежде всего, посвятить его въ свой культъ, „ввести его въ свою семейную религію, сблизить его съ пенатами“ [4]). Усыновленіе совершалось при посредствѣ священной церемоніи, весьма сходной съ той, которой сопровождалось рожденіе сына.

Черезъ это новичокъ допускался къ очагу и пріобщался къ религіи. Боги, священные предметы, обряды, молитвы: все дѣлалось у него общимъ съ его пріемнымъ отцомъ. О немъ говорили: *in sacra transiit*, онъ перешелъ въ культъ своей новой семьи [5]).

Уже однимъ этимъ онъ отступался отъ служенія прежнему культу [6]). Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что, согласно древнимъ вѣрованіямъ, одинъ и тотъ же человѣкъ не могъ ни приносить жертвы двумъ очагамъ, ни чтить два ряда предковъ. Какъ только онъ принимался въ новый домъ, родительскій домъ становился ему чужимъ. У него не было болѣе ничего общаго съ очагомъ, видѣвшимъ его рожденіе, и онъ уже не могъ приносить могильныя жертвы своимъ кровнымъ

---

[1]) *Законы Ману*, IX, 168. 174. *Даттака-Сандрика*, пер. Оріанна, ст 260.
[2]) У Изея, *De Meneclis hered.*, 11—14.
[3]) Цицеронъ, *Pro domo*, 13, 14. Сравнить, что говоритъ Авл-Геллій относительно адрогаціи, что было усыновленіемъ *hominis sui juris: arrogationes non temere nec inexplicate committuntur; nam comitia, arbitris pontificibus, praebentur; aetasque ejus qui arrogare vult an liberis gignendis idonea sit consideratur.* (Авлъ-Геллій, V, 19).
[4]) Ἐπὶ τὰ ἱερὰ ἄγειν. Изей, *De Apollodor. her.*, 1. *Venire in sacra*, Цицеронъ, *Pro domo*, 13; *in penates adsciscere*, Тацитъ, *Истор.*, I, 15.
[5]) Валерій-Максимъ, VII, 7. Цицеронъ, *Pro domo*, 13: *est heres sacrorum*.
[6]) *Amissis sacris paternis*, Цицеронъ, *Pro domo*.

предкамъ. Узы рожденія порвались. Связь новая религіозная получила преобладающее значеніе [1]). Человѣкъ становился до такой степени чуждымъ для своей прежней семьи, что если онъ умиралъ, его родной отецъ не имѣлъ права позаботиться объ его погребеніи и проводить его трупъ до могилы. Усыновленный не могъ уже вернуться назадъ въ прежнюю семью; а если законъ и дозволялъ ему это, то только въ томъ случаѣ, если онъ, имѣя сына, оставлялъ его за себя въ усыновившей семьѣ. Думали, что такъ какъ продолженіе этой семьи обезпечено, то онъ могъ изъ нея выйти. Но въ этомъ случаѣ онъ порывалъ всякую связь съ своимъ собственнымъ сыномъ [2]).

Усыновленію соотвѣтствовала эманципація (выходъ изъ семьи). Для того чтобы войти въ новую семью, было необходимо выйти изъ прежней, такъ сказать, отречься отъ своей религіи [3]). Главнымъ слѣдствіемъ выхода было отступленіе отъ семейнаго культа. Римляне называли это дѣйствіе весьма знаменательнымъ словомъ: *Sacrorum detestatio* [4]). Выдѣленный сынъ не былъ болѣе, ни по религіи, ни по праву, членомъ родной семьи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О родствѣ. О томъ, что римляне называли агнаціей.

Платонъ говоритъ, что родство—общее служеніе однимъ и тѣмъ же семейнымъ богамъ [5]). Два брата, говоритъ Плутархъ,—два человѣка, на которыхъ лежитъ одинаковый долгъ совершать однѣ и тѣ же жертвы, служить однимъ и тѣмъ же богамъ и которые по смерти погребаются въ общей могилѣ [6]). Когда Демосѳенъ хочетъ доказать, что два человѣка—родня между собою, онъ указываетъ на то, что они исповѣдуютъ одинъ и тотъ же культъ и приносятъ погребальныя жертвы на одной и той же могилѣ. Въ самомъ дѣлѣ, родство основалось на семейной религіи. Два человѣка могли считаться родственниками, когда у нихъ были одни боги, одинъ очагъ, одна общая могильная жертва. Ранѣе мы замѣтили, что право жертвоприношенія очагу передавалось лишь отъ мужчины къ мужчинѣ и что культъ мертвыхъ относился только къ пред-

[1]) Титъ Ливій, XLV, 40: *Duo filii quos, duobus aliis datis in adoptionem, solos sacrorum heredes retinuerat domi.*

[2]) Изей, *De Philoct. her.*, 45; *De Aristarchi her.*, 11. Демосѳенъ, *in Leocharem*, 68. Антифонъ, 15. Гарпократіонъ, изд. Беккера, стр. 140.—Сравнить *Законы Ману*, IX, 142.

[3]) *Consuetudo apud antiquos fuit ut qui in familiam transiret prius se abdicaret ab ea in qua natus fuerat.* Сервій, *ad Aen.*, II, 156.

[4]) Авлъ-Геллій, XV, 27. Платонъ, *Законы*, XI, 928. Лукіанъ, XXIX. Поллуксъ, IV, 93.

[5]) Платонъ, *Законы*, V, стр. 729: ξυγγένεια θεῶν κοινωνία.

[6]) Плутархъ, *De frat. amore*, 7.

камъ по мужской линіи. Изъ этого религіознаго правила слѣдовало, что не могло быть родства по женщинамъ. По мнѣнію древнихъ поколѣній, женщина не передавала ни жизни, ни культа. Сынъ все получалъ отъ отца. Къ тому же нельзя было принадлежать одновременно къ двумъ разнымъ семьямъ, поклоняться двумъ различнымъ очагамъ; у сына, слѣдовательно, не было иной вѣры и иной семьи, кромѣ отцовской [1]). Да и какимъ образомъ могъ бы имѣть онъ семью со стороны матери? Сама его мать, въ тотъ день, когда исполнялись священные обряды брака, отреклась вполнѣ отъ своей родной семьи; съ этого времени она приносила могильныя жертвы предкамъ своего супруга, какъ бы ставши его дочерью, и не приносила ихъ болѣе своимъ кровнымъ, потому что уже не считалась болѣе ихъ потомкомъ. Она не сохранила связи ни религіозной, ни правовой съ тою семьею, гдѣ она родилась. Тѣмъ болѣе не было ничего общаго съ этою семьей у ея сына.

Основаніемъ родства не былъ вещественный фактъ рожденія, а культъ. Въ Индіи это вполнѣ очевидно. Тамъ глава семьи дважды въ мѣсяцъ совершаетъ могильныя жертвы; онъ приноситъ одинъ хлѣбъ манамъ своего отца, другой дѣду, третій прадѣду со стороны отца и никогда тѣмъ, отъ кого онъ происходитъ со стороны матери. Затѣмъ, поднимаясь все выше по той же линіи, онъ чтитъ приношеніемъ предка четвертой, пятой и шестой степени. Но жертва послѣднему значительно легче: она ограничивается простымъ возліяніемъ воды и нѣсколькими зернами риса. Такова могильная жертва, и совершеніемъ этихъ обрядовъ обусловливается родство. Когда два человѣка, совершая каждый отдѣльно свои могильныя приношенія, могутъ, разбираясь каждый въ своихъ шести предкахъ, найти изъ нихъ одного общаго имъ обоимъ, то эти два лица между собой родные. Они зовутъ другъ друга *саманодакас*'ами, если общій предокъ — изъ тѣхъ, кому приносится только возліяніе воды, и *сапиндас*'ами, если онъ изъ тѣхъ, кто чествуется хлѣбомъ [2]). По нашему счету родство сапиндас'овъ восходитъ до седьмой степени, а саманодакас'овъ до четырнадцатой. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ родство узнается по жертвѣ, приносимой общему предку. Притомъ очевидно, что въ этой системѣ родство по женскому колѣну не можетъ быть допущено.

Точно также и на Западѣ. Много было споровъ о томъ, что именно римскіе правовѣды разумѣли подъ агнаціей. Но споръ легко рѣшить,—стоитъ только сопоставить агнацію съ домашней религіей. Такъ какъ религія передавалась лишь отъ мужчины къ мужчинѣ, то, по свидѣтельстку всѣхъ древнихъ правовѣдовъ, два лица могли быть агнатами между собою въ томъ только случаѣ, если, восходя все по мужскому

[1]) *Patris, non matris familiam sequitur*, Дигестъ, кн. 50, гл. 16, § 196.

[2]) *Законы Ману*, V, 60; *Митакхара*, пер. на фр. Оріанна, стр. 213.

колѣну, они находили какихъ-либо общихъ предковъ [1]. Агнація, слѣдовательно, подчинялась тому же правилу, какъ и культъ. Между этими двумя вещами было явное соотношеніе. Агнація была не что иное какъ родство въ томъ видѣ, какъ оно было вначалѣ установлено религіею.

Чтобы лучше уяснить эту истину, представимъ таблицу римской семьи.

Луцій Корнелій Сципіонъ, умершій около 250 л. до Р. Х.			
П. Корнелій Сципіонъ.			Кн. Корнелій Сципіонъ.
П. Корнелій Сципіонъ Африканск.		Л. Корнелій Сципіонъ Азіатск.	П. Корнелій Сципіонъ Назика.
П. Корнелій Сципіонъ.	Корнелія замуж. за Семпроніемъ Гракхомъ.	Л. Корнелій Сципіонъ Азіат.	П. Кор. Сцип. Назика Коркулумъ.
П. Корнелій Сципіонъ Эмиліанъ, рожд. въ семьѣ Эмилія и вошедшій по усынов. въ семью Корнелія.	Тиверій и Кай Гракхъ.	Л. Корнелій Сципіонъ Азіат.	П. Корн. Сцип. Назика Серапіонъ.

Въ этой таблицѣ пятое поколѣніе, жившее около 140 года до Р. Х., представлено четырьмя лицами. Всѣ ли они родня между собою? Согласно нашимъ современнымъ понятіямъ — да, а по мнѣнію римлянъ — не всѣ. Въ самомъ дѣлѣ, разсмотримъ, у всѣхъ ли былъ одинъ и тотъ же семейный культъ, т.-е. приносили ли они жертвы однимъ и тѣмъ же предкамъ. Положимъ, что третій Сципіонъ Азіатскій, оставшійся одинъ въ живыхъ отъ своей вѣтви, приноситъ въ опредѣленный день могильную жертву; восходя по мужскому колѣну, онъ находитъ своимъ третьимъ предкомъ Публія Сципіона; точно также Сципіонъ Эмиліанъ, принося жертву, встрѣтитъ въ ряду своихъ предковъ того же самаго Публія Сципіона, слѣдовательно Сципіонъ Азіатскій и Сципіонъ Эмиліанъ — родственники между собою; у индусовъ лица въ этой степени родства назывались *сапиндас*'ами.

Съ другой стороны, Сципіонъ Серапіонъ считаетъ своимъ четвертымъ предкомъ Луція Корнелія Сципіона, который также четвертый предокъ и Сципіону Эмиліану. Слѣдовательно, они родня между собою; у индусовъ ихъ назвали бы самано-дакас'ами. На юридическомъ и религіозномъ языкѣ Рима, эти три Сципіона — агнаты; первые два между собою — въ шестой степени, третій же съ ними — въ восьмой.

Совсѣмъ иное съ Тиверіемъ Гракхомъ. Согласно нашимъ современнымъ обычаямъ, онъ считался бы ближайшимъ родственникомъ Сципіона Эмиліана, но у древнихъ онъ не считался его родственникомъ даже въ отдаленной степени. Дѣйствительно, для Тиверія безразлично, что онъ сынъ Корнеліи, дочери Сципіона. Ни онъ, ни сама Корнелія не принадлежатъ къ этой семьѣ по религіи. У него нѣтъ другихъ предковъ кромѣ Семпроніевъ и имъ однимъ онъ приноситъ могильныя жертвы. Восходя въ ряду своихъ предковъ, онъ встрѣчаетъ одного только Семпронія. Сципіонъ Эмиліанъ и Тиверій Гракхъ, слѣдовательно, не агнаты. Узы крови — недостаточны для признанія этого родства: тутъ необходима связь семейной религіи. Отсюда понятно, почему въ глазахъ римскаго закона два единокровные брата — агнаты между собою, а два единоутробные — не агнаты Нельзя даже сказать, что происхожденіе по мужской линіи было непреложнымъ началомъ, на которомъ зиждилось родство. Не по рожденію, а только по культу распознавались агнаты. Дѣйствительно, сынъ, отрѣшенный эманципаціей отъ культа, не былъ агнатомъ своему отцу; посторонній же, усыновленный, т.-е. принятый въ культъ, становился агнатомъ усыновителю и даже всей его семьѣ. Вотъ до чего вѣрно, что родство зиждилось на религіи.

1) Гай, I, 156: *Sunt agnati per virilis sexus personas cognatione juncti, veluti frater ex eodem patre natus, fratris filius, néposve ex eo, item patruus et patrui filius et nepos ex eo.* Ibid., III, 10. Ульянъ, XXVI. Институціи Юстиніана, III, 2.

Конечно, наступило время, какъ для Индіи и Греціи, такъ и для Рима, когда родство по культу не считалось болѣе единственнымъ дозволеннымъ родствомъ. По мѣрѣ того, какъ это древнее вѣрованіе ослабѣвало, голосъ крови говорилъ все громче, и родство по рожденію было признано правомъ. Римляне называли *cognatio* то родство, которое вполнѣ не зависѣло отъ правилъ домашней религіи. Читая труды правовѣдовъ отъ Цицерона до Юстиніана, мы видимъ, какъ соперничаютъ между собою эти двѣ системы родства и какъ оспариваютъ другъ у друга свое преобладаніе въ правѣ. Но во времена Двѣнадцати Таблицъ было извѣстно одно лишь родство по агнаціи и оно одно давало права на наслѣдство. Далѣе мы увидимъ, что то же самое было и у грековъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Право собственности.

Объ этомъ древнемъ установленіи, мы не должны составлять себѣ понятія по тому, что мы видимъ теперь вокругъ себя. Древніе основали право собственности на началахъ чуждыхъ современному поколѣнію; отъ этого произошло то, что и законы, ограждавшіе его, чувствительно разнятся отъ нашихъ.

Извѣстны племена, которымъ никогда не удалось достичь до установленія у себя частной собственности; другимъ удалось это, но только путемъ долгихъ и тяжелыхъ усилій. Въ самомъ дѣлѣ, не легкая задача — рѣшить при началѣ общежитія, имѣетъ ли право отдѣльное лицо присвоивать себѣ въ

собственность землю и установлять между собою и участкомъ земли настолько сильную связь, чтобы можно было сказать: эта земля—моя, эта земля составляетъ какъ бы меня самого. Татары понимаютъ право собственности, когда дѣло идетъ о стадахъ, и не понимаютъ его относительно земли. У древнихъ германцевъ, согласно нѣкоторымъ писателямъ, земля не находилась въ личномъ владѣніи. Каждый годъ племя назначало каждому изъ своихъ членовъ участокъ земли для обработки и мѣняло его на другой на слѣдующій годъ. Германецъ былъ собственникомъ жатвы, но не земли. Такъ дѣло идетъ и теперь у нѣкоторыхъ племенъ семитической расы и у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ.

Напротивъ, племена Греціи и Италіи съ самой глубокой древности всегда знали и соблюдали частную собственность. Нѣтъ ни одного историческаго воспоминанія о той эпохѣ, когда бы была общность земли [1]). И незамѣтно ничего подобнаго тому годичному передѣлу полей, который былъ въ обычаѣ у германцевъ. Есть даже одно явленіе весьма замѣчательное. Въ то время, какъ племена, не дающія отдѣльному лицу право собственности на землю, оставляютъ за нимъ, по крайней мѣрѣ, право на владѣніе плодами своего труда, т.-е. собранною жатвою, у грековъ замѣчается нѣчто противоположное. Въ нѣкоторыхъ городахъ граждане обязаны были складывать вмѣстѣ свои сборы съ полей, или, по крайней мѣрѣ, большую часть изъ нихъ, и потреблять ихъ сообща [2]). Отдѣльное лице, слѣдовательно, не было полнымъ, единственнымъ владѣльцемъ собраннаго имъ хлѣба; но въ то же самое время, по очень странному противорѣчію, онъ былъ полнымъ собственникомъ земли. Земля принадлежала ему въ большей степени, чѣмъ жатва. Понятіе права собственности у грековъ, повидимому, шло путемъ совершенно противоположнымъ тому, какой кажется естественнымъ. Оно приложилось не сначала къ жатвѣ, а потомъ къ землѣ, а наоборотъ.

Въ обществахъ греческомъ и римскомъ три учрежденія являются твердо установленными и укрѣпленными съ самыхъ глубокихъ временъ: то — домашняя религія, семья и право собственности. Три эти учрежденія имѣли съ самаго начала явныя взаимныя отношенія и, повидимому, находились въ неразрывной связи.

---

[1]) Нѣкоторые историки держались того мнѣнія, что въ Римѣ собственность была сперва общественною и сдѣлалась частною только при Нумѣ. Это заблужденіе выходитъ изъ ложнаго толкованія трехъ текстовъ: Плутарха (*Нума*, 16), Цицерона (*Республика*, II, 14) и Діонисія (II, 74). Эти три автора дѣйствительно говорятъ, что Нума раздавалъ земли гражданамъ; но они указываютъ очень ясно, что дѣлежъ этотъ коснулся только земель, присоединенныхъ къ первоначальной Римской территоріи послѣдними завоеваніями его предшественника, *agri quos bello Romulus ceperat*. Что касается до *Ager Romanus* т.-е. территоріи, окружавшей Римъ на 5 миль кругомъ (Страбонъ, V, 3, 2), то она была въ частной собственности съ самаго возникновенія города. Діонисій, II, 7. Варронъ, *De re rustica*, I, 10. Ноній Марцеллъ, IV, 10.

[2]) Такъ на Критѣ каждый отдавалъ на общій столъ десятую часть жатвы. Атеней, IV, 22. Точно также въ Спартѣ каждый обязанъ былъ доставлять изъ собственныхъ средствъ показанное количество муки, вина, плодовъ,—для расходованія на общій столъ (Арист., *Полит.*, II, 7, изд. Дидо, стр. 515. Плутархъ, *Ликургъ*, 12. Дицеархъ, въ Атенеѣ, IV, 10).

Идея частной собственности заключалась въ самой религіи. У каждой семьи были свой очагъ и свои предки. Боги эти принимали поклоненія только отъ нея одной и только ей одной покровительствовали; они были ея собственностью.

Между этими богами и землею древніе люди усматривали таинственныя отношенія. Возьмемъ сначала очагъ: этотъ алтарь—символъ осѣдлой жизни; на это указываетъ его имя [1]). Его надо помѣстить на землѣ и, поставленный, онъ уже не долженъ болѣе мѣнять своего мѣста. Семейный богъ требуетъ постояннаго жилища. Къ тому же физически затруднительно переносить камень, на которомъ блеститъ это божество; съ религіозной же стороны это еще труднѣе и дозволяется человѣку лишь въ случаѣ крайней необходимости, когда его гонитъ врагъ, или земля не въ силахъ прокормить его. Очагъ ставится съ тою мыслію и надеждою, что онъ вѣчно останется на одномъ и томъ же мѣстѣ. Тутъ водворяется божество не на одинъ только день и не на одну лишь короткую жизнь человѣка, но навсегда, пока будетъ длиться родъ и пока останется въ живыхъ кто-нибудь для поддержки огня приношеніемъ. Такимъ образомъ, очагъ овладѣваетъ землею. Этотъ участокъ земли онъ беретъ въ свое владѣніе; онъ—его полная собственность.

Семья, по обязанности и по вѣрѣ, остающаяся постоянно собранною вокругъ своего алтаря, также прочно прикрѣпляется къ землѣ, какъ и самъ алтарь. Идея жилища приходитъ сама собой. Семья связана съ очагомъ, а очагъ съ землею; слѣдовательно, тѣсныя соотношенія устанавливаются между землею и семьей. Тутъ должно быть ея постоянное жилище, съ которымъ она не должна и думать разстаться, если только не принудитъ ее къ тому высшая сила. Подобно очагу, ей надлежитъ вѣчно занимать это мѣсто. Оно принадлежитъ ей; оно ея собственность и собственность не одного только человѣка, но цѣлой семьи, члены которой должны преемственно рождаться и умирать, именно здѣсь.

Прослѣдимъ мысль древнихъ. Два очага представляютъ собою двухъ отдѣльныхъ божествъ, которыя никогда не соединятся и не сольются во едино. Это до такой степени вѣрно, что даже бракъ между двумя семьями не установляетъ связи между ихъ богами. Каждый очагъ долженъ быть вполнѣ одинокъ, т.-е. строго разобщенъ отъ всего посторонняго; чужой человѣкъ не долженъ подходить къ нему, когда совершаются

---

[1]) Ἑστία, ἵστημι, *stare*. См. Плутархъ, *De primo frigido*, 21. Макробій, I, 23. Овидій, *Фасты*, VI, 299.

священные обряды, не долженъ даже смотрѣть на него издали: оттого этихъ боговъ зовутъ богами сокровенными, μύχιοι, или богами ввутренними, *Penates*. Для исполненія этого правила надлежало имѣть вокругъ очага ограду на нѣкоторомъ разстояніи. Безразлично, изъ чего она состояла: изгородь ли, деревянный заборъ, или каменная стѣна. Какова бы она ни была, она указываетъ на границу, отдѣляющую область одного очага отъ области другого. Эта ограда считалась священною [1]). Считалось нечестіемъ переступить черезъ нее. Самъ богъ блюдетъ ее и оберегаетъ: оттого и бога называютъ ἑρκεῖος [2]) (оградным). Такая ограда, поставленная и охраняемая религіей — вѣрнѣйшій символъ, самый несомнѣнный знакъ права собственности.

Перенесемтесь къ первымъ вѣкамъ арійской расы. Священная ограда, называемая греками ἕρκος и латинами *herctum*, заключала въ себѣ довольно большое пространство, гдѣ у семьи былъ домъ, гдѣ находились ея стада и небольшое воздѣланное поле. Въ срединѣ возвышался очагъ-покровитель. Перейдемъ къ вѣкамъ позднѣйшимъ. Народы дошли до Греціи и Италіи и выстроили себѣ города. Жилища сблизились между собою; однако они не смежны. Священная ограда еще существуетъ, но уже въ меньшихъ размѣрахъ; чаще всего она ограничивается маленькою стѣной, канавою, бороздою, или просто полосою земли незначительной ширины. Во всякомъ случаѣ два дома не должны соприкасаться между собою: смежность считалась невозможною. Одна и та же стѣна не можетъ быть общею двумъ домамъ; иначе тогда исчезла бы священная ограда, оберегающая домашнихъ боговъ. Въ Римѣ свободный промежутокъ, непремѣнно раздѣлявшій два дома, по закону долженъ былъ быть не менѣе двухъ съ половиною футовъ, и пространство это посвящено „оградному божеству“ [3]).

Изъ этихъ древнихъ религіозныхъ правилъ вытекла невозможность, возникновенія у древнихъ общинной жизни. Фаланстеръ никогда не былъ извѣстенъ древнему міру. Самому Пиѳагору не удалось ввести учрежденія, которымъ противилась сокровенная религія людей. Ни въ одну историческую эпоху у древнихъ нельзя найти ничего похожаго на тѣ черты общинной деревенской жизни, которая царила во Франціи въ XII

---

1) Ἕρκος ἱερὸν, Софоклъ, *Трахин.*, 606.

2) Въ эпоху, когда этотъ древній культъ былъ почти уничтоженъ болѣе блестящею религіей Зевса и когда Зевса слили воедино съ божествомъ очага, новый богъ получилъ названіе ἑρκεῖος. Тѣмъ не менѣе справедливо, что, вначалѣ, настоящимъ хранителемъ ограды былъ домашній богъ. Діонисій Галикарнасскій подтверждаетъ это, говоря (I, 67), что θεοὶ ἑρκεῖοι—тѣ же Пенаты. Это видно, впрочемъ, изъ сравненія одного текста у Павзанія (IV, 17) съ текстомъ Эврипида (*Троянки*, 17) и Вергилія (*Aen.*, II, 1514); эти три мѣста относятся къ одному и тому же факту и показываютъ, что Ζεὺς ἑρκεῖος—не что иное какъ домашній очагъ.

3) Фестъ, сл. *Ambitus*, Варронъ. *О латин. яз.*, V, 22. Сервій, *ad. Aen.*, II, 469.

вѣкѣ. Каждая семья въ древнемъ мірѣ, имѣя своихъ отдѣльныхъ боговъ и свой особый культъ, должна была имѣть и свое отдѣльное мѣсто на землѣ, свое особое жилище, свою исключительную собственность.

Греки говорили, что очагъ научилъ человѣка искусству строить дома [1]). Дѣйствительно, человѣкъ, привязанный религіей къ одному мѣсту, съ которымъ считалъ долгомъ уже никогда не разставаться, долженъ былъ скоро притти къ мысли возвести на этомъ мѣстѣ прочное строеніе. Палатка удобна для араба, кибитка—для татарина, но для семьи съ домашнимъ очагомъ требуется постоянное жилище. За хижиной, построенной изъ земли, или дерева, скоро появились дома изъ камня. Стали строиться не на одну короткую жизнь человѣка, а на семью, чьи поколѣнія должны были наслѣдовать другъ другу въ томъ же жилищѣ.

Домъ всегда помѣщался внутри священной ограды. У грековъ четыреугольникъ, образованный этой оградой, дѣлился на двое: первая часть былъ дворъ, домъ же занималъ вторую часть. Очагъ, помѣщенный посреди всего пространства, находился въ глубинѣ двора, вблизи входа въ домъ. Въ Римѣ расположеніе было иное, но основаніе его — все то же. Очагъ оставался помѣщеннымъ посреди ограды, но постройки окружали его со всѣхъ четырехъ сторонъ, такъ что онъ замыкался ими въ небольшомъ внутреннемъ дворѣ.

Вполнѣ понятна мысль, внушившая именно эту систему постройки: стѣны возведены вокругъ очага на его защиту и укрываніе, и можно вполнѣ сказать вмѣстѣ съ греками, что религія научила строить дома.

Въ этомъ домѣ семья—хозяйка и собственница; домашнее божество обезпечиваетъ ей это право. Домъ освященъ постояннымъ присутствіемъ боговъ; онъ—храмъ, ихъ оберегающій. „Что священнѣе человѣческаго жилья?—говоритъ Цицеронъ.— Тамъ находится алтарь, тамъ сіяетъ священный огонь, тамъ святыня и религія“ [2]). Считалось святотатствомъ входить въ домъ съ дурными намѣреніями. Домашній кровъ былъ ненарушимъ. По римскому повѣрью домашнее божество препятствовало вору и устраняло врага [3]).

Перейдемъ къ другому предмету культа, къ могилѣ, и мы увидимъ, что съ нею связывались тѣ же понятія. Могила имѣла очень важное значаніе въ религіи древнихъ, потому что съ одной стороны былъ обязателенъ культъ предковъ, а съ другой стороны главный обрядъ этого культа, т.-е. могильная жертва, долженъ былъ совершаться на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ покоились предки [4]). У семьи было общее мѣсто

---

1) Діодоръ, V, 68.

2) Цицеронъ, *Pro domo*, 41.

3) Овидій, *Фасты*, V, 141.

4) Таково было, по крайней мѣрѣ, древнее правило, такъ какъ вѣрили, что могильная жертва служила пищею мертвымъ. См. Эврипидъ, *Троянки*, 381.

погребенія, куда ея членамъ предстояло сойти на вѣчный покой, одному послѣ другаго. Относительно общей могилы соблюдалось то же правило, какъ и для очага: не дозволялось хоронить въ общемъ мѣстѣ погребенія лицъ изъ двухъ разныхъ семей, подобно тому, какъ не дозволялось соединять два очага въ одномъ домѣ. Одинаковымъ нечестіемъ считалось помѣстить трупъ умершаго внѣ его семейной могилы или похоронить въ этой могилѣ тѣло посторонняго [1]). Домашняя религія и въ жизни и по смерти отдѣляла каждую семью отъ всѣхъ прочихъ и строго устраняла всякій признакъ общенія. Семейныя могилы не должны быть смежными, какъ и жилища; у каждой могилы, подобно дому, было нѣчто вродѣ разобщающей ограды.

Во всемъ этомъ выясняется характеръ частной собственности. Мертвые, это—боги, которые принадлежатъ семьѣ, и которыхъ она одна имѣетъ право чтить своимъ поклоненіемъ. Эти мертвецы взяли въ свое обладаніе землю, они живутъ подъ этой насыпью, и никто, чуждый ихъ семейству, не можетъ и подумать смѣшаться съ ними. При томъ никто не вправѣ лишить ихъ занятой ими земли: могила у древнихъ не можетъ быть ни уничтожена, ни перемѣщена [2]), это строжайше запрещено закономъ. Такимъ образомъ, участокъ земли во имя религіи становится предметомъ вѣчной собственности для всякой семьи. Семья усвоила себѣ въ собственность эту землю, схоронивъ въ ней своихъ мертвыхъ; здѣсь она основала свое пребываніе навсегда. Живой потомокъ этой семьи можетъ вполнѣ законно сказать: эта земля моя. И она дѣйствительно его, даже не отдѣлима отъ него, и онъ не имѣетъ права отъ нея отступиться. Земля, гдѣ покоятся мертвые, неотъемлема и неотчуждаема. Римскій законъ требуетъ, что если семья продаетъ поле, гдѣ находится ея мѣсто погребенія, то все-таки она остается собственницею могилъ и сохраняетъ навсегда право ходить полемъ для совершенія обрядовъ своего культа [3]).

По древнему обычаю, мертвые погребались не на кладбищахъ и не при дорогахъ, но на полѣ каждой семьи. Этотъ обычай древнихъ временъ засвидѣтельствованъ закономъ Солона и подтверждается многими мѣстами у Плутарха [4]). Изъ одной защитительной рѣчи Демосѳена видно, что въ его

---

[1]) Цицеронъ, *De legib.*, II, 22; II, 26. Гай, *Инстит.*, II, 6; *Дигестъ*, кн. XLVII, гл. 12. Надо замѣтить, что рабъ и кліентъ, какъ мы увидимъ далѣе, составляли часть семьи и погребались въ общей могилѣ. Правило, предписывавшее, чтобы каждый погребался въ семейной гробницѣ, подлежало исключенію въ томъ случаѣ, если само государство (*cité*) совершало публичные похороны.

[2]) Ликургъ, *противъ Леократа*, 25. Въ Римѣ для перенесенія гробницы требовалось соизволеніе верховныхъ жрецовъ. Пдиній, *Письма*, X, 73.

[3]) Цицеронъ, *De legib.*, II, 24; *Дигестъ*, кн. XVIII, гл. 1, 6.

[4]) *Законъ Солона*, приведенный Гаiемъ въ *Дигестѣ*, X, 1, 13. Плутархъ, *Аристидъ*, 1; *Кимонъ*, 19. Марцеллинъ, *Жизнь Ѳукидида*, § 17.

время каждая семья хоронила своихъ мертвыхъ на своемъ
собственномъ полѣ, и при покупкѣ имѣнія въ Аттикѣ въ немъ
находили рядъ могилъ древнихъ владѣльцевъ [1]). Относитель-
ю Италіи тотъ же обычай засвидѣтельствованъ для насъ
однимъ изъ законовъ Двѣнадцати Таблицъ, текстами двухъ
правовѣдовъ и слѣдующею фразой Сикула Флакка: „Въ древ-
ности было два способа помѣщать могилы: одни помѣщали
ее на краю поля, другіе на его срединѣ“ [2]).

Въ силу этого обычая, понятіе собственности легко распро-
странилось съ могильнаго холма, подъ которымъ покоились
мертвые, на все поле, окружавшее эти могилы. Въ книгѣ Като-
на можно найти воззваніе римлянина, воздѣлывающаго землю,
съ просьбою къ манамъ охранять его поле, беречь отъ во-
ровъ и произвести на немъ обильную жатву. Такимъ обра-
зомъ, души умершихъ распространяли свое благотворное дѣй-
ствіе, а вмѣстѣ съ нимъ право собственности до предѣловъ
владѣнія. Благодаря имъ, семья являлась единственною вла-
дѣтельницей своего поля. Погребеніе установило неразрыв-
ную связь семьи съ землею, т.-е. собственность.

У большинства первобытныхъ обществъ право собствен-
ности обосновано религіей. Въ Библіи Господь говоритъ Ав-
рааму: „Азъ есмь Богъ изведый тя отъ страны Халдейскія,
яко дати тебѣ землю сію наслѣдствовати“, а затѣмъ Моисею:
„и введу васъ въ землю на нюже простроххъ руку мою, дати
Аврааму, Исааку и Іакову; и дамъ ю вамъ въ наслѣдіе“.

Такимъ образомъ, Богъ, первоначальный обладатель по пра-
ву творенія, передаетъ человѣку право на владѣніе частью
земли [3]). Есть нѣчто подобное и у древнихъ народовъ, на-
селявшихъ Грецію и Италію. Правда, не религіею Юпитера
обоснована у нихъ собственность, быть-можетъ потому, что
она тогда еще и не существовала. Боги, передавшіе каждой
семьѣ свое право на землю, были боги домашніе: очагъ и
маны. Первая религія, овладѣвшая душами людей, устано-
вила у нихъ также и собственность.

Достаточно ясно, что частная собственность была такимъ
учрежденіемъ, безъ котораго не могла обойтись домашняя
религія. Эта религія предписывала помѣщать отдѣльно и жи-
лище и мѣсто погребенія: общинная жизнь была вслѣдствіе
того невозможна. Та же религія повелѣвала, чтобъ очагъ
былъ прочно связанъ съ землею, и что могила не можетъ быть

---

[1]) Демосѳенъ, *in Calliclem*, 13, 14. Онъ описываетъ могилу Вуселидовъ:
„довольно большой холмъ, огороженный по древнему обычаю, гдѣ покоятся
вмѣстѣ всѣ потомки Вуселоса“ (Дем., *in Macart.*, 79).

[2]) Сикулъ Флаккъ, изд. Гетца, стр. 4, 5. См. *Fragm. terminalia*, изд. Гетца,
стр. 147. Помпоній, *au Digeste*, кн. XLVII, гл. 12, 5. Павелъ, *au Digeste*,
VIII, 1, 14. *Digeste*, XIX, 1, 53: *Si vendidisti fundum in quo sepulcrum la-
buisti*, XI, 7, 2, § 9; XI, 7, 43 и 46.

[3]) То же преданіе у этрусковъ: „*Quum Jupiter terram Etruriae sibi vindi-
cavit, constituit jussitque metiri campos signarique agros*“. *Auctores rei agra-
riae*, въ отрывкѣ съ заглавіемъ: *Idem Vegoiae Arrunti*, изд. Лахманна, стр. 350.

ни разрушена, ни перемѣщена. Устраните собственность,— очагъ потеряетъ осѣдлость, семьи перемѣшаются между собою, мертвые будутъ покинуты и останутся безъ почестей. Неподвижный очагъ и постоянное мѣсто погребенія передали семьѣ во владѣніе землю; земля какъ бы напиталась и проникласъ религіей очага и предковъ. Вотъ какимъ путемъ древній человѣкъ могъ обойти разрѣшеніе задачъ слишкомъ для него затруднительныхъ. Безъ спора, безъ труда, безъ всякаго колебанія онъ сразу, въ силу однихъ своихъ вѣрованій, дошелъ до понятія права собственности,—такого права, откуда вышла вся цивилизація, такъ какъ черезъ него человѣкъ заботится объ улучшеніи земли и самъ становится лучше.

Право собственности, на первыхъ порахъ, ограждено было не законами, но религіей. Каждое владѣніе было подъ охраной оберегавшихъ его домашнихъ божествъ [1]). Каждое поле должно быть окружено, какъ и всякое жилище, оградою, отдѣлявшею его отъ владѣнія прочихъ семей. Эта ограда—не каменная стѣна, а просто полоса земли шириною въ нѣсколько футовъ, которая должна оставаться невоздѣланною и незапаханною. Это пространство было священно: римскій законъ считаетъ его не отчуждаемымъ [2]), оно принадлежало религіи. Въ опредѣленные дни мѣсяца и года отецъ семьи обходилъ вокругъ своего поля по этой межѣ; онъ гналъ передъ собою животныхъ, назначенныхъ къ жертвѣ, пѣлъ гимны и затѣмъ совершалъ жертвоприношенія [3]). Этимъ обрядомъ онъ разсчитывалъ пріобрѣсть благоволеніе своихъ боговъ къ своему полю и дому; особенно же обнаруживалъ онъ свое право собственности свершеніемъ религіознаго шествія вокругъ своего поля. Путь, по которому шли жертвы, и пѣлись гимны, былъ ненарушимою границей владѣнія.

На этой чертѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, человѣкъ помѣщалъ нѣсколько большихъ камней, или древесныхъ пней, которые назывались *термами*. Что это были за межевые знаки и какія идеи съ ними связывались, можно судить потому, какъ людское благочестіе водружало ихъ въ землю. „Вотъ какъ,—говоритъ Сикуллъ Флаккъ,—дѣлали наши предки: сначала они вырывали небольшую яму и, помѣстивъ Терма на краю ея, украшали его цвѣтами и зеленью. Затѣмъ они совершали жертвоприношеніе; заклавши жертву, они собираютъ кровь въ яму; туда же бросали горящіе угли (вѣроятно возженные на священномъ огнѣ очага), хлѣбныя зерна, хлѣбъ, плоды и возливали вино и медъ. Когда это сгорало въ ямѣ, на теплую еще золу ставили камень или деревянный столбъ“ [1]). Этотъ обрядъ очевидно имѣлъ своею цѣлью сдѣлать изъ Терма священнаго представителя домашняго культа. Для того, чтобы сохранить за нимъ подобное свойство, надъ нимъ ежегодно совершался священный обрядъ съ возліяніемъ вина и чтеніемъ молитвъ. Водрузить Термъ въ землю значило какъ бы водворить въ землю семейную святыню для указанія, что земля эта навсегда дѣлалась собственностью опредѣленной семьи. Впослѣдствіи, съ помощью поэзіи, Термъ обратился въ личнаго и самостоятельнаго бога.

¹) *Lares agri custodes,* Тибуллъ, I, 1, 23. *Religio Larum posita in fundi villaeque conspectu.* Цицеронъ, *De legib.*, II, 11.

²) Цицеронъ, *De legib.*, I, 21.

³) Катонъ, *De re rust.*, 141. *Script. rei agrar.*, изд. Гетца, стр. 308. Діонисій Галикар., II, 74. Овидій, *Фасты*, II, 639. Страбонъ, V, 3.

Обычай ставить Термы, или священные межевые знаки на поляхъ, былъ, кажется, во всеобщемъ употребленіи у всей индо-европейской расы. Онъ существовалъ у индусовъ въ самой глубокой древности, и священные обряды установленія границъ имѣли у нихъ большое сходство съ описанными Сикуломъ Флаккомъ въ Италіи [2]). Еще прежде Рима мы встрѣчаемъ Термы у сабинянъ [3]); мы находимъ ихъ также и у этрусковъ. У эллиновъ также были священные пограничные знаки, называюшіеся ὅροι, θεοὶ ὅριοι [4]).

Термъ, водруженный въ землю съ соблюденіемъ обрядовъ, не могъ быть перемѣщенъ съ своего мѣста никакою силою въ мірѣ. Ему надлежало оставаться тутъ навѣки. Это религіозное начало выразилось въ Римѣ такой легендой. Юпитеръ, захотѣвшій очистить себѣ мѣсто для храма на Капитолійскомъ холмѣ, не могъ удалить оттуда бога Терма. Такое древнее преданіе показываетъ, насколько священна была собственность; неподвижный Термъ означаетъ собою не что иное какъ ненарушимость собственности.

Термъ дѣйствительно стерегъ и оберегалъ поле и его границы. Сосѣдъ не смѣлъ приближаться къ нему слишкомъ близко: „иначе тогда,—говоритъ Овидій,—богъ, чувствуя толчокъ отъ плуга или заступа, восклицалъ: стой, это мое поле, а вотъ—твое“ [5]). Чтобы завладѣть полемъ какой-либо семьи, надо было опрокинуть или перемѣстить межевой знакъ, а знакъ этотъ считался богомъ. Древній римскій законъ гласилъ: „и человѣкъ, и волы, коснувшіеся плугомъ Терма, да будутъ обречены подземнымъ богамъ“ [6]); это значило, что человѣка и воловъ надлежало принести въ искупительную жертву. Законъ этрусковъ, отъ имени религіи, гласитъ такъ: „Кто прикоснется или перемѣститъ межевой знакъ, тотъ будетъ осуж-

¹) Сикуллъ Флаккъ, *De conditione agrorum,* изд. Лахманна, стр. 141; изд. Гетца, стр. 5.

²) *Законы Ману,* VIII, 245. Врихаспати, приводимыя Sicé, *Индусское законод.*, стр. 159.

³) Варронъ, *О лат. яз.*, V, 74.

⁴) Поллуксъ, IX, 9. Гезихій, ὅρος. Платонъ, *Законы*, VIII, стр. 842. Плутархъ и Діонисій переводятъ *terminus* черезъ ὅρος. Слово τέρμων существовало и въ греческомъ языкѣ. Эврипидъ, *Электра*, 96.

⁵) Овидій, *Фасты*, II, 677.

⁶) Фестъ, сл. *terminus,* изд. Мюллеръ, стр. 368: *Qui terminum exarasset, et ipsum et boves sacros esse.*

денъ богами; погибнетъ его домъ, угаснетъ его племя; его земля не принесетъ ему плодовъ. Градъ, ржа, засуха истребятъ его жатву; члены виновнаго покроются язвами и впадутъ въ истощеніе" [1]).

У насъ нѣтъ текста аѳинскаго закона о томъ же предметѣ; отъ него уцѣлѣли только три слова, значущія, „не преступай межи". Но Платонъ, повидимому, дополняетъ мысль законодателя, говоря: „первымъ закономъ для насъ должно быть слѣдующее: пусть никто не коснется межи, отдѣляющей его поле отъ сосѣдняго, потому что она должна быть сохранена въ цѣлости. Пусть никто не пошатнетъ камня, отдѣляющаго дружбу отъ непріязни, который люди обязались клятвой сохранять на его мѣстѣ" [2]).

Изъ всѣхъ этихъ вѣрованій, обычаевъ и законовъ вполнѣ очевидно, что именно домашняя религія научила человѣка присвоивать себѣ землю въ собственность и обезпечила его право на нее.

Легко понять, что право собственности, понятое и установленное такимъ образомъ, много полнѣе и безусловнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ въ нашихъ современныхъ обществахъ, гдѣ оно основано совсѣмъ на иныхъ началахъ. Собственность была настолько неотдѣлима отъ домашней религіи, что семья не могла отступиться ни отъ той, ни отъ другой. И жилище, и поле были какъ бы воплощены въ семьѣ, и она не могла ни утратить ихъ, ни уступить по доброй волѣ. Платонъ, въ своемъ трактатѣ о законахъ, не хотѣлъ вносить новшества, воспрещая владѣльцу продавать его поле, онъ только приводилъ на память древній законъ. Все заставляетъ думать, что въ древнія времена собственность была неотчуждаема. Положительно извѣстно, что въ Спартѣ формально запрещалось продавать землю [3]). То же запрещеніе было внесено въ законы Локра и Левкада [4]). Фидонъ Коринѳскій, законодатель IX вѣка, предписывалъ, чтобы число семей и собственности оставалось неизмѣннымъ [5]). Это предписаніе могло быть исполнено только въ томъ случаѣ, еслибы семьямъ было запрещено не только продавать ихъ семейные участки, но даже дѣлить ихъ. Законъ Солона, послѣдовавшій за Фидоновымъ черезъ семь или восемь поколѣній, не запрещалъ уже продажу собственности, но наказывалъ продавца тяжелымъ

---

1) *Script. rei agrar.*, изд. Гетца, стр. 258; изд. Лахманна, стр. 351.

2) Платонъ, *Законы*, VIII, стр. 842.

3) Аристотель, *Политика*, II, 6, 10 (изд. Дидо, стр. 512). Плутархъ, *Instituta laconica*, 22.

4) Аристотель, *Политика*, II, 4, 4.

5) Аристотель, *Политика*, II, 3, 7. Этотъ законъ древняго законодателя не касается равенства имущества, потому что Аристотель прибавляетъ: „хотя бы собственности и были неравны". Онъ имѣлъ своею цѣлью единственно удержаніе собственности въ семьѣ —Въ Ѳивахъ также число собственниковъ оставалось неизмѣннымъ. Аристотель, *Полит.*, II, 9, 7.

возмездіемъ, потерею правъ гражданина [1]). Наконецъ, Аристотель говоритъ вообще, что во многихъ городахъ древніе законодатели запрещали продажу земель [2]).

Подобные законы не должны насъ удивлять. Положите основаніе собственности на правѣ труда—и человѣкъ властенъ будетъ отъ нея отказаться. Положите ея основаніе на религіи и эта власть отъ него отнимется: связь болѣе могучая и сильная, чѣмъ людская воля, соединяетъ его съ землею. Притомъ это поле, гдѣ находятся могилы, въ которыхъ покоятся божественные предки, и гдѣ семья вѣчно должна совершать установленные обряды,—не составляетъ собственности отдѣльнаго человѣка, но цѣлой семьи. Право на эту землю пріобрѣтено не лицемъ дѣйствительно живущимъ,—оно установлено домашнимъ божествомъ. Отдѣльный человѣкъ владѣетъ ею какъ бы по довѣренности; принадлежитъ же она тѣмъ, кто уже умеръ, и тѣмъ, кому предстоитъ родиться. Она сплотилась съ этой семьей и не можетъ отъ нея отдѣлиться. Разлучить ихъ—значитъ нарушить культъ и оскорбить религію. У индусовъ собственность, основанная также на религіи, была также неотчуждаема [3]).

Римское право знакомо намъ только со времени Двѣнадцати Таблицъ; но въ это время продажа собственности, очевидно, была дозволена. Однако есть основаніе предполагать, что въ первыя времена Рима, а также и ранѣе его основанія, въ Италіи земля была неотчуждаема, также какъ и въ Греціи. Хотя не сохранилось никакого свидѣтельства о такомъ древнемъ законѣ, но всетаки можно, по крайней мѣрѣ, различить тѣ смягченія, какія вносились въ него мало-помалу. Законъ Двѣнадцати Таблицъ, оставивъ за могилой характеръ неотчуждаемости, допустилъ продажу поля. Затѣмъ былъ допущенъ раздѣлъ собственности при наличности нѣсколькихъ родныхъ братьевъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы при этомъ была совершена новая священная церемонія,—одна религія могла совершить раздѣлъ того, что нѣкогда сама же религія объявила недѣлимымъ. Наконецъ, было позволено и продавать владѣніе; но для этого снова потребовались формальности священнаго характера. Подажа могла состояться въ присутствіи *libripens*'а, съ соблюденіемъ всѣхъ символическихъ обрядовъ *манципаціи*. Нѣчто сходное можно подмѣтить и въ Греціи: тамъ продажа дома, или земли сопровождалась жертвоприношеніемъ богамъ [4]). Всякій переходъ недвижимой собственности изъ рукъ въ руки, повидимому, требовалъ религіознаго освященія.

---

1) Человѣкъ, отчуждившій свое родовое наслѣдіе, ὁ τὰ πατρῷα κατεδηδοκώς, наказывался ἀτιμία (безчестіемъ). Эсхинъ, *in Timarchum*, 30; Діогенъ Лаэрцій, *Солонъ*, I, 55.

2) Аристотель, *Полит.*, VI, 2, 5.

3) *Митаккара*, пер. Оріанна, стр. 50. Правило это исчезло мало-помалу, когда водворился браманизмъ.

4) Отрывокъ изъ Теофраста, цитированный Стобеемъ, *Serm.*, 42.

Если человѣку было невозможно или, по крайней мѣрѣ, затруднительно отступиться отъ своей земли, тѣмъ болѣе нельзя было отнимать ее у него насильно. Отчужденіе собственности въ видахъ общественной пользы было незнакомо древнимъ. Конфискація допускалась лишь по приговору изгнанія [1]), т.-е. когда человѣкъ, лишенный своего званія гражданина, не могъ болѣе владѣть никакимъ правомъ на родной землѣ. Отчужденіе собственности за долги никогда не употреблялось въ древнемъ правѣ городскихъ общинъ [2]). Законъ Двѣнадцати Таблицъ не щадитъ должника; но, однако, онъ не допускаетъ отбирать его собственность въ пользу заимодавца. Самъ человѣкъ отвѣчаетъ за долгъ, а не его земля, такъ какъ она неотдѣлима отъ семьи. Легче взять самого человѣка въ рабство, чѣмъ отнять у него право собственности на землю, принадлежащую скорѣе его семьѣ, чѣмъ ему самому; должникъ отдавался въ руки кредитора; его земля какъ бы слѣдовала за нимъ также въ неволю. Господинъ, пользуясь въ свою выгоду физическими силами человѣка, пользуется въ то же время и плодами его земли, но онъ отнюдь не становится ея собственникомъ. Такъ высоко и ненарушимо стояло право собственности у древнихъ! [3]).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Права наслѣдованія.

1. Основаніе и свойство права наслѣдованія у древнихъ.

Право собственности, установившееся ради совершенія наслѣдственнаго культа, не могло прекратиться вмѣстѣ съ краткимъ существованіемъ отдѣльнаго лица. Человѣкъ умираетъ, но культъ остается; очагъ не долженъ угаснуть, могила не

1) Это правило исчезло въ демократическую эпоху городовъ.

2) Законъ элейцевъ запрещалъ брать землю подъ закладъ: Аристотель, *Polit.*, VII, 2. Залогъ недвижимости былъ неизвѣстенъ въ древнемъ римскомъ правѣ. То, что говорится о залогѣ въ аѳинскомъ правѣ, предшествовавшемъ Солону, основано лишь на одномъ невѣрно понятомъ словѣ Плутарха. Залогъ появился въ аттическомъ правѣ много позднѣе, да и то только въ видѣ продажи подъ условіемъ выкупа.

3) Въ статьѣ закона Двѣнадцати Таблицъ о несостоятельномъ должникѣ мы читаемъ: *si volet suo vivito:* значитъ должникъ, ставъ почти рабомъ, сохранилъ еще кое что за собою; если у него была собственность, она у него не отнималась. Сдѣлки, извѣстныя въ римскомъ правѣ подъ именами *mancipatio* съ *fiducia* и *pignus* (ввѣреніе собственности и залогъ) были до Сервіева иска обходными средствами для обезпеченія кредитора въ уплатѣ долга; косвенно онѣ доказываютъ, что отчужденія за долги не существовало. Позднѣе, когда было отмѣнено тѣлесное рабство, надлежало найти средство для захвата имущества должника. Это было не легко, но различія между *владѣніемъ* и *собственностью* доставили къ тому средство. Кредиторъ получилъ отъ претора право продавать не собственность, *dominium*, но имущество должника, *bona*. Только тогда подъ видомъ скрытаго отчужденія должникъ лишился пользованія своею собственностью.

должна быть заброшена. Домашняя религія продолжала существовать непрерывно, а вмѣстѣ съ ней и право собственности.

Семейный культъ и семейная собственность были тѣсно связаны въ вѣрованіяхъ и законахъ у древнихъ. Въ правѣ греческомъ, равно какъ и въ правѣ римскомъ, не было исключенія изъ неизмѣннаго правила, что нельзя пріобрѣсть ни собственности безъ культа, ни культа безъ собственности. „Религія предписываетъ,— говоритъ Цицеронъ,— чтобы имущество и культъ каждой семьи были нераздѣльны, и чтобы забота о совершеніи жертвоприношеній всегда падала на того, кому достается наслѣдство“ [1]). Въ Аѳинахъ вотъ въ какихъ выраженіяхъ одинъ истецъ отстаиваетъ доставшееся ему наслѣдство: „Подумайте хорошенько, господа судьи, рѣшите, кому изъ насъ, мнѣ или моему противнику, надлежитъ наслѣдовать имущество Филоктемона и приносить жертвы на его могилѣ“ [2]). Можно ли яснѣе сказать, что забота о культѣ неотдѣлима отъ наслѣдства? То же самое было и въ Индіи: „Всякій наслѣдующій, кто бы онъ ни былъ, обязанъ совершать приношенія на могилѣ“ [3]).

Изъ этого основанія вышли всѣ правила права наслѣдованія въ древнемъ мірѣ. Во-первыхъ, такъ какъ домашняя религія, какъ мы видѣли, передавалась по наслѣдству отъ мужчины къ мужчинѣ, то же самое было и съ собственностью. Сынъ есть природный и законный продолжатель культа, къ нему же переходитъ по наслѣдству и имущество. Отсюда вытекаетъ и порядокъ наслѣдованія; и то не результатъ простого договора, заключеннаго между людьми. Онъ вытекаетъ изъ ихъ вѣровѣнія, изъ ихъ религіи, изъ всего, что такъ властно надъ ихъ душами. Сынъ наслѣдуетъ вовсе не по личной волѣ отца. Отцу нѣтъ надобности дѣлать завѣщаніе; сынъ наслѣдуетъ по своему собственному полному праву, *ipso jure heres exsistit*, говоритъ правовѣдъ. Онъ даже необходимый наслѣдникъ, *heres necessarius* [4]). Онъ не принимаетъ и не отказывается отъ наслѣдства. Наслѣдованіе въ собственности, а также и въ культѣ, для него — столько же обязанность, сколько и право. Хочетъ ли онъ или нѣтъ, наслѣдство достается ему, какое бы оно ни было, со всѣми лежащими на немъ обязательствами и долгами. Согласіе вступить во владѣніе или отказаться отъ него не допускалось для сына въ греческомъ правѣ и было внесено лишь много позднѣе въ право римское.

1) Цицеронъ, *De legibus*, II, 19—20. Фестъ, сл. *everriator* (изд. Мюллера, стр. 77). *Everriator vocatur, qui, accepta hereditate, justa facere defuncto debet; si non fecerit, suo capite luat.*

2) Изей, VI, 51. Платонъ, *Законы*, V, стр. 740. Онъ называетъ наслѣдника — διάδοχος θεῶν.

3) *ЗаконыМану*, IX, 186.

4) *Дигеста*, кн. XXXVIII, гл. 16, 14.

На римскомъ юридическомъ языкѣ сынъ зовется *heres suus*, какъ будто бы хотѣли сказать *heres sui ipsius*. Въ самомъ дѣлѣ онъ наслѣдуетъ самому себѣ. Между отцомъ и имъ нѣтъ ни дара, ни завѣщанія, ни передачи собственности. Тутъ одно лишь продолженіе, *morte parentis continuatur dominium*. Уже при жизни отца сынъ былъ совладѣльцемъ и поля, и дома, *vivo quoque patre dominus existimatur* [1]).

Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о наслѣдствѣ у древнихъ, не нужно представлять себѣ владѣніе переходящимъ изъ однихъ рукъ въ другія. Владѣніе такъ же неизмѣнно и неподвижно, какъ очагъ и могила, съ которымъ оно связано; преходитъ только человѣкъ. По мѣрѣ того, какъ семья развивается въ своихъ поколѣніяхъ, онъ является въ урочный часъ продолжить культъ и заботиться о владѣніи.

2. Наслѣдуетъ сынъ, а не дочь.

Здѣсь древніе законы кажутся намъ на первый разъ странными и несправедливыми. Невольно удивляешься, когда видишь, что по римскому праву замужняя дочь не наслѣдуетъ отцу, а по праву греческому она ему не наслѣдуетъ и въ дѣвушкахъ. Что касается до участія въ наслѣдствѣ родственниковъ, то здѣсь, повидимому, на первый взглядъ существуетъ отношеніе еще болѣе противоестественное и несправедливое. Это происходитъ отъ того, что всѣ эти законы вытекаютъ не изъ логики или разума и не изъ чувства справедливости, но изъ вѣрованій и религіи, царившихъ въ душахъ людей.

Правиломъ культа было то, что онъ передавался отъ мужчины къ мужчинѣ; правило наслѣдства состояло въ томъ, что оно пріурочивалось къ культу. Дочь неспособна продолжать религію отца, такъ какъ она, выходя замужъ, отрекается отъ культа отца и усвоиваетъ себѣ культъ супруга: слѣдовательно, она не имѣетъ никакого права на наслѣдство. Еслибъ случилось, что какой-либо отецъ оставилъ бы свое имущество дочери, пришлось бы отдѣлить собственность отъ культа, что не допускалось. Къ тому же дочь не могла бы выполнить самой первой обязанности наслѣдника, которая состоитъ въ продолженіи ряда могильныхъ жертвъ, потому что приносить жертвы ей надлежало однимъ только предкамъ своего мужа. Слѣдовательно, сама религія запрещала ей наслѣдовать отцу.

Таково основное правило древности; оно одинаково властно для законодателей Индіи, Греціи и Рима. Три народа имѣютъ одни и тѣ же законы, и не потому, что они заимствовали ихъ другъ отъ друга, но оттого, что они создали свои законы на основаніи однихъ и тѣхъ же вѣрованій.

„По смерти отца,—говоритъ кодексъ Ману,—да раздѣлятъ братья между собою наслѣдство“; къ этому законодатель при-

[1]) *Институціи*, III, 1, 3; III, 9, 7; III, 19, 20.

бавляетъ совѣтъ братьямъ одѣлить приданымъ своихъ сестеръ; это доказываетъ, что послѣднія сами по себѣ не имѣли никакого участія въ отцовскомъ наслѣдствѣ.

То же самое въ Аѳинахъ. Аттическіе ораторы въ своихъ рѣчахъ часто выставляли на видъ, что дочь не участвуетъ въ наслѣдствѣ [1]). Самъ Демосѳенъ служилъ образцомъ приложенія этого правила, такъ какъ у него была сестра, а мы знаемъ изъ его собственныхъ писаній, что онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ отцовскаго имѣнія; его отецъ оставилъ только седьмую часть въ приданое дочери.

Что касается Рима, то постановленія первоначальнаго права намъ совершенно неизвѣстны. Отъ этихъ отдаленныхъ эпохъ до насъ не дошелъ ни одинъ текстъ закона относительно участія дочери въ наслѣдствѣ; у насъ нѣтъ никакого доказательства аналогичнаго аѳинскимъ рѣчамъ; намъ приходится отыскивать незамѣтные слѣды первобытнаго права въ правѣ болѣе позднемъ и сильно измѣнившемся. Гай и Юстиніановы институціи указываютъ еще на то, что дочь участвуетъ въ наслѣдствѣ въ томъ случаѣ, если она въ моментъ смерти отца находилась на его попеченіи [2]): слѣдовательно, она не наслѣдница, если она уже вышла замужъ съ соблюденіемъ всѣхъ религіозныхъ обрядовъ. Слѣдовательно, если предположить, что, незамужняя, она могла раздѣлить отцовское наслѣдство съ братомъ, то, конечно, она теряла на то право, какъ только *confarreatio* отрѣшало ее отъ семьи отца, чтобы связать съ семьей мужа. Правда, если она была не замужемъ, законъ не лишалъ ее формально ея доли въ наслѣдствѣ; но надо еще знать, могла ли она на самомъ дѣлѣ быть наслѣдницей. Не надо упускать изъ виду того, что она, эта дочь, была поставлена подъ опеку своего брата или другихъ родственниковъ и въ этой опекѣ оставалась всю жизнь; къ тому же эта опека древняго права была установлена не въ интересахъ дочери, но имѣла своимъ предметомъ сохраненіе имущества въ семьѣ [3]); наконецъ, дѣвушкѣ нельзя было ни въ какомъ возрастѣ ни выйти замужъ, ни перемѣнить семьи безъ согласія и одобренія опекуна. Эти прекрасно доказанные факты позволяютъ предполагать, что если не въ законахъ, то по крайней мѣрѣ въ обычаяхъ и нравахъ существовалъ рядъ затрудненій, препятствовавшихъ дочери быть настолько же

[1]) У Изея, *in Xenoenetum*, 4, мы видимъ отца, оставляющаго по себѣ сына, двухъ дочерей и еще одного выдѣленнаго сына; наслѣдуетъ одинъ первый сынъ. У Лизія, *pro Mantintheo*, 10, мы видимъ двухъ братьевъ, подѣлившихъ между собою отцовское наслѣдіе, а своихъ двухъ сестеръ одѣлившихъ лишь приданымъ. По аѳинскому обычаю приданое составляло незначительную часть отцовскаго имѣнія. Демосѳенъ, *in Baeotum, de dote*, 22—24, также указываетъ на то, что дочери не участвуютъ въ наслѣдствѣ. Наконецъ, Аристофанъ, *Aves*, 1653—1654, ясно говоритъ, что дочь, если у нея есть братья — не наслѣдница.

[2]) Гай, III, 1—2; *Инстит. Юстин.*, II, 19, 2.

[3]) Это прекрасно показано Гидомъ (Gide) въ его *Étude sur la condition de la femme*, стр. 114.

полной собственницей ея части въ отцовскомъ наслѣдствѣ, какъ ея братъ. У насъ нѣтъ доказательствъ, что дочь лишалась наслѣдства, но у насъ есть увѣренность, что замужемъ она уже не наслѣдовала отцу, а незамужняя не могла никогда располагать тѣмъ, что получила въ наслѣдство. Если она и была наслѣдницей, то только временно подъ извѣстными ограниченіями, почти только въ видѣ простого пользованія; она не имѣла права ни завѣщать, ни отчуждать безъ соизволенія брата или родственниковъ, которымъ надлежало послѣ ея смерти наслѣдовать ея имущество, а при жизни ея оберегать его [1]).

Надо сдѣлать еще идругое замѣчаніе. Юстиніановы институціи помнятъ еще древнее правило, уже вышедшее изъ употребленія, но еще не забытое, которое предписывало, чтобы наслѣдство всегда переходило отъ мужчины къ мужчинѣ [2]). Несомнѣнно, въ силу только этого правила, женщина по гражданскому праву не могла никогда быть утверждена наслѣдницей. Чѣмъ далѣе въ древность углубимся мы отъ эпохи Юстиніана, тѣмъ болѣе приблизимся мы къ основному правилу, исключающему женщину отъ участія въ наслѣдованіи. Во времена Цицерона, отецъ, оставляя сына и дочь, имѣлъ право завѣщать дочери не болѣе третьей части своего состоянія; если же единственной наслѣдницей была только дочь, она не могла получить болѣе половины. Къ тому же надлежитъ замѣтить, что дочь получала треть или половину отцовскаго наслѣдства только въ томъ случаѣ, если отецъ оставилъ завѣщаніе въ ея пользу; по личному же ея праву ей не достается ничего [3]). Наконецъ, за полтора вѣка до Цицерона, Катонъ, желая возстановить древніе обычаи, провелъ законъ Воконія, запрещавшій: 1) назначать полной наслѣдницей женщину, хотя бы то была единственная дочь, замужняя или незамужняя; 2) завѣщать женщинамъ болѣе половины наслѣдства [4]). Законъ Воконія только возобновилъ законы болѣе древніе, такъ какъ иначе нельзя себѣ представить, какимъ образомъ онъ былъ принятъ современниками Сципіоновъ, еслибъ онъ не опирался на древнія начала, пользовавшіяся еще уваженіемъ. Онъ возстановляетъ то, что ослабилось временемъ. Притомъ въ законѣ Воконія самое замѣчательное то, что онъ ничего не говоритъ по поводу наслѣдства *ab intestat*. Подобное молчаніе отнюдь не значитъ, что въ этомъ случаѣ дочь являлась законной наслѣдницей, потому что нельзя допустить, чтобъ за-

---

1) Гай, I, 192.

2) *Институціи*, III, 1, 15; III, 2, 3: *Ita jura constitui ut plerumque hereditates ad masculos confluerent*.

3) Цицеронъ, *De rep.*, III, 7.

4) Цицеронъ, *in Verr.*, II, 1, 42: *Ne quis heredem virginem neque mulierem faceret*. Id., 43: *Si plus legarit quam ad heredes perveniat, non licet*. Титъ Ливій, *Epitom.*, XLI; Гай, II, 226 и 274; Св. Августинъ, *De civit. Dei*, III, 21: *Ne quis heredem feminam faceret, nec unicam filiam*.

конъ запрещалъ дочери наслѣдовать отцу по завѣщанію, если она и безъ завѣщанія была наслѣдницей по полному праву. Такое умолчаніе скорѣй всего свидѣтельствуетъ о томъ, что законодателю не для чего было упоминать о наслѣдствѣ *ab intestat*, въ виду того, что на этотъ счетъ оставалось еще въ силѣ древнее право.

Такимъ образомъ, хотя и нельзя утверждать, что дочь была совершенно исключена изъ участія въ наслѣдствѣ, тѣмъ не менѣе, однако, достаточно извѣстно, что древній римскій законъ, точно также и законъ греческій, обезпечивалъ дочери положеніе болѣе низкое, чѣмъ сыну, и то было естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ началъ, установленныхъ религіей.

Правда, люди рано нашли средство помирить религіозное предписаніе, запрещавшее дочери быть наслѣдницей, съ естественнымъ чувствомъ отца, желавшаго, чтобы она могла воспользоваться его состояніемъ. Это особенно поразительно въ греческомъ правѣ.

Аѳинское законодательство явно добивалось того, чтобы дочь, если не будетъ наслѣдницей, по крайней мѣрѣ вышла замужъ за наслѣдника. Если, напримѣръ, покойный оставлялъ сына и дочь, законъ разрѣшалъ брачный союзъ между братомъ и сестрой, если только они не были рождены отъ одной матери.

Братъ, единственный наслѣдникъ, могъ, по собственному выбору, или жениться на сестрѣ, или наградить ее приданымъ [1]).

Если у отца была только одна дочь, то онъ могъ усыновить себѣ сына и дать ему въ жены свою дочь. Онъ могъ также назначить по завѣщанію наслѣдника, который бы женился на его дочери [2]).

Если отецъ единственной дочери умиралъ, не свершивъ ни усыновленія, ни завѣщанія, древнее право требовало, чтобъ его наслѣдникомъ былъ ближайшій его родственникъ [3]), ноэтотъ наслѣдникъ былъ обязанъ жениться на его дочери. Въ силу этого правила законъ разрѣшалъ и даже

---

1) Демосѳенъ, *in Eubulidem*, 20. Плутархъ, *Ѳемистоклъ*, 32. Корнелій Непотъ, *Кимонъ*, I. Надо замѣтить, что законъ не дозволялъ брака ни съ единоутробнымъ братомъ, ни съ выдѣленнымъ. Можно было выйти только за брата единокровнаго, потому что только одинъ онъ былъ наслѣдникъ отцу.

2) Изей, *De Pyrrhi hered.*, 68.

3) Это распоряженіе древняго аттическаго права не было уже въ силѣ въ IV вѣкѣ. Слѣдъ его однако замѣтенъ въ рѣчи Изея, *De Cironis hereditate*. Предметъ процесса таковъ: Киронъ умеръ, оставивъ по себѣ одну дочь; братъ его предъявилъ права на наслѣдство. Изей защищалъ интересы дочери. У насъ нѣтъ рѣчи его противника, очевидно, настаивавшаго, на основаніи древняго права, что дочь — не наслѣдница; но авторъ ὑποθέσις'а, помѣщеннаго вначалѣ рѣчи Изея, указываетъ намъ, что этотъ весьма искусный адвокатъ выставлялъ въ данномъ случаѣ плохое основаніе: его положеніе, говоритъ онъ, согласно съ равенствомъ естественнымъ, но оно противно закону.

требовалъ заключенія брака между дядей и племянницей [1]). Мало того, если эта дочь была уже замужемъ, она была обязана покинуть своего мужа и вновь выйти замужъ за наслѣдника своего отца [2]). Наслѣдникъ также могъ быть уже женатымъ, и онъ тоже обязанъ былъ развестись съ своею женой и жениться на родственницѣ [3]). Тутъ мы видимъ, до какой степени древнее право, сообразуясь прежде всего съ религіозными вѣрованіями, шло наперекоръ природѣ [4]).

Необходимость удовлетворить требованіе религіи на-ряду съ желаніемъ сохранить интересы единственной дочери, заставило прибѣгнуть къ другому обходу. Въ этомъ отношеніи право индусовъ удивительно сходится съ правомъ аѳинянъ. Въ законахъ Ману читаемъ: „У кого нѣтъ сыновей, тотъ можетъ поручить своей дочери родить ему сына, который сталъ бы его собственнымъ и почтилъ бы его похороннымъ обрядомъ“. Для этого отецъ долженъ заранѣе предупредить мужа, берущаго за себя его дочь, произнося такое заклятіе: „даю тебѣ свою дочь, всю въ драгоцѣнностяхъ; у ней нѣтъ брата, но пусть сынъ, родящійся отъ нея, будетъ моимъ сыномъ и справитъ по мнѣ погребеніе“ [5]). Тотъ же обычай былъ въ Аѳинахъ; отецъ могъ продолжать свое потомство чрезъ свою дочь, отдавъ ее замужъ подъ этимъ условіемъ. Сынъ, родившійся отъ подобнаго брака, считался сыномъ отца жены; онъ наслѣдовалъ его культъ, совершалъ вмѣстѣ съ нимъ религіозные обряды, а впослѣдствіи онъ же заботился о его могилѣ [6]). По праву индусовъ этотъ ребенокъ наслѣдовалъ своему дѣду, какъ бы его сынъ; совершенно то же самое было и въ Аѳинахъ. Когда отецъ выдавалъ замужъ свою единственную дочь, подъ условіемъ, только что нами описаннымъ, то наслѣдникомъ его являлись не дочь и не зять, *а сынъ этой дочери* [7]). Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ тотчасъ же лично вступалъ во владѣніе наслѣдствомъ своего дѣда со стороны матери, хотя бы его отецъ и мать были еще въ живыхъ [8]).

Эти странныя послабленія со стороны религіи и закона подтверждаютъ вышеприведенное нами правило. Дочь не

[1]) Изей, *De Pyrrhi hered.*, 64, 72—75; Изей, *De Aristarchi hered.*, 5, Демосѳенъ, *in Leocharem*, 10. Единственная дочь называлась ἐπίκληρος, что неправильно переводится „наслѣдница“; первоначальное и существенное значеніе этого слова — *то, что берется вмѣстѣ съ наслѣдствомъ*. По точному праву дочь—не наслѣдница; дѣйствительно наслѣдникъ получаетъ наслѣдство σὺν αὐτῇ, какъ гласитъ законъ, приведенный въ рѣчи Демосѳена, *in Macartatum*, 51, Изей, III, 42: *De Aristarchi hered.*, 13.

[2]) Изей, *De Pyrrhi hered.*, 64; *De Aristarchi hered.*, 19.

[3]) Демосѳенъ, *in Eubulidem*, 41; *in Onetorem*, 1.

[4]) Всѣ эти обязанности постепенно ослабѣли и измѣнились. Демосѳенъ, *in Macart.*, 54; Изей, *de Cleonymi hered.*, 39.

[5]) *Законы Ману*, IX, 127, 136. Васишта, XVII, 16.

[6]) Изей, *De Cironis hered.*, I, 15, 16, 21, 24, 25, 27.

[7]) Его звали не внукомъ, а особымъ именемъ θυγατριδοῦς.

[8]) Изей, *De Cironis her.*, 31; *De Arist. her.*, 12. Демосѳенъ, *in Stephanum*, II, 20.

была способна наслѣдовать; но, вслѣдствіе естественнаго смягченія этого принципа, единственная дочь разсматривалась какъ посредница, чрезъ которую могла продолжаться семья. Она не наслѣдовала сама, но чрезъ нее передавался культъ и наслѣдство.

3. О наслѣдованіи по боковой линіи.

Человѣкъ умиралъ бездѣтнымъ; чтобъ узнать, кто наслѣдникъ его имѣнію, надлежало рѣшить, кто обязанъ былъ продолжать его культъ.

Домашняя религія передавалась по крови отъ мужчины къ мужчинѣ. Потомство мужской линіи установляло между двумя лицами ту религіозную связь, которая позволяла одному продолжать культъ другого. Такъ называемое родство, какъ мы выше видѣли, было не что иное какъ выраженіе такой связи. Люди были родственниками оттого, что у нихъ былъ одинъ и тотъ же культъ, одинъ и тотъ же первоначальный очагъ, одни и тѣ же предки. Родиться отъ одной матери еще не считалось родствомъ; религія не допускала родства по женщинамъ. Дѣти двухъ сестеръ или брата и сестры, не состояли ни въ какой связи между собою и не принадлежали ни къ одной и той же религіи, ни къ одной и той же семьѣ.

Эти основныя начала обусловили и порядокъ наслѣдованія. Если человѣкъ, лишась сына и дочери, оставлялъ послѣ своей смерти однихъ внучатъ, то ему наслѣдовалъ сынъ сына, а не дочери. За отсутствіемъ потомства ему наслѣдовалъ его братъ, а не сестра; или сынъ его брата, а не сестры. За отсутствіемъ братьевъ и племянниковъ, надлежало прослѣдить рядъ предковъ покойнаго по его мужской линіи, пока не найдется вѣтви, отдѣлившейся отъ семьи чрезъ мужчину; затѣмъ восходили по этой вѣтви отъ мужчины къ мужчинѣ до тѣхъ поръ, пока не находили кого-либо въ живыхъ: онъ то и былъ наслѣдникъ.

Эти правила были одинаково въ силѣ у индусовъ, у грековъ и у римлянъ. „Въ Индіи наслѣдство принадлежитъ ближайшему сапиндасу; если нѣтъ сапиндаса, то саманодакасѣ“ [1]). Но мы видѣли, что родство, означаемое этими двумя словами, было родство религіозное или родство по мужчинамъ, и соотвѣтствовало римской агнаціи.

Теперь вотъ аѳинскій законъ: „Если человѣкъ умретъ бездѣтнымъ, то наслѣдуетъ братъ покойнаго, если только онъ— его единокровный братъ; а нѣтъ брата, то сынъ его: *такъ какъ наслѣдство всегда переходитъ къ мужчинамъ и къ ихъ потомкамъ по нисходящему колѣну*“ [2]). На этотъ древній законъ ссылались еще во времена Демосѳена, несмотря на то, что

[1]) *Законы Ману*, IX, 186, 187.

[2]) Демосѳенъ, *in Macart.*, 51; *in Leocharem*. Изей, VII, 20.

онъ уже испыталъ измѣненія и что въ это время уже стали допускать родство по женщинамъ.

Двѣнадцать Таблицъ опредѣляли точно такъ же, что если кто умретъ, не оставивъ *своего наслѣдника*, то право наслѣдованія принадлежало его ближайшему агнату. Но мы видѣли, что чрезъ женщинъ не было никогда агнатства. Древнее римское право въ точности опредѣляло, что племянникъ наслѣдуетъ по *patruus*, т.-е. по брату отца, и не наслѣдуетъ по *avunculus*, т. е. по брату матери [1]). Если мы обратимся къ составленной нами таблицѣ семьи Сципіоновъ, то замѣтимъ, что такъ какъ Сципіонъ Эмиліанъ умеръ бездѣтнымъ, его наслѣдству надлежало перейти не къ Корнеліи, его теткѣ, и не къ Каю Гракху, который по нашимъ современнымъ понятіямъ доводился ему двоюроднымъ братомъ, но къ Сципіону Азіатскому, бывшему его ближайшимъ родственникомъ по древнему праву.

Во времена Юстиніана законодатель не считался болѣе съ этими древними законами, они казались ему несправедливыми, и онъ упрекалъ въ излишней строгости право Двѣнадцати Таблицъ, „всегда отдававшее предпочтеніе мужскому поколѣнію и исключавшее изъ участія въ наслѣдствѣ всѣхъ тѣхъ, кто былъ связанъ съ покойнымъ только черезъ женщинъ“ [2]). Право дѣйствительно несправедливое, если хотите, потому что оно ставило ни во что естественныя отношенія, но право удивительно логическое, потому что, исходя изъ того начала, что наслѣдство связано культомъ, оно устраняло отъ наслѣдства всѣхъ, кому религія не дозволяла продолжать культъ.

4. *Послѣдствія эманципаціи и усыновленія.*

Впереди мы видѣли, что эманципація и усыновленіе влекли за собою для человѣка перемѣну культа. Выдѣлъ отрѣшалъ его отъ отцовскаго культа, усыновленіе же посвящало его въ религію другой семьи. Здѣсь также древнее право сообразовалось съ религіозными правилами. Сынъ, исключенный эманципаціей изъ культа отца устранялся также и отъ наслѣдства [3]). Наоборотъ, посторонній пріемышъ, пріобщенный къ культу какой-либо семьи усыновленіемъ, становился ей замѣсто сына, продолжалъ ея культъ и наслѣдовалъ ея достояніе. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ древнее право считалось болѣе съ узами религіи, чѣмъ рожденія.

Такъ какъ было противно религіи имѣть одному и тому же человѣку два домашнихъ культа, то и нельзя было также одному наслѣдовать двумъ семьямъ. Такимъ образомъ, пріемный сынъ, наслѣдуя семьѣ, его усыновившей, не наслѣдовалъ уже своей семьѣ. Аѳинское право очень точно на этотъ счетъ. Судебныя рѣчи аѳинскихъ ораторовъ часто указываютъ намъ на людей, усыновленныхъ какою-либо семьею и желавшихъ также наслѣдовать и той, гдѣ они рождены. Но законъ препятствуетъ этому. Усыновленный можетъ наслѣдовать своей родной семьѣ, только вернувшись въ нее обратно; вернуться же онъ можетъ, только отрѣшась отъ усыновившей семьи. Выйти же изъ этой семьи ему возможно только на двухъ условіяхъ: во-первыхъ, онъ терялъ право на наслѣдство этой семьи; а во-вторыхъ, чтобъ съ его выходомъ не прекратился домашній культъ, ради продолженія котораго онъ былъ усыновленъ: взамѣнъ себя онъ долженъ былъ оставить въ этой семьѣ своего сына [1]). Сынъ беретъ на себя попеченіе о культѣ и вступаетъ во владѣніе имуществомъ; тогда отецъ можетъ вернуться въ свою родную семью и быть ея наслѣдникомъ. Но за то эти отецъ и сынъ не могутъ уже наслѣдовать другъ другу,—они не принадлежатъ къ одной семьѣ и не считаются родственниками.

1) Институціи, III, 2, 4.
2) Институціи, III, 3.
3) Изей, *De Aristarchi hered.*, 45 и 11; *De Astyph. her.*, 33.

Ясно, какая мысль была у древняго законодателя при установленіи такихъ подробныхъ правилъ. Онъ не считалъ возможнымъ двумъ наслѣдствамъ соединиться въ одномъ и томъ же лицѣ, вслѣдствіе того, что одно и то же лицо не могло исполнять двухъ домашнихъ культовъ.

5. *Завѣщаніе не было извѣстно вначалѣ.*

Право завѣщать, т.-е. распоряжаться по смерти своимъ имуществомъ, чтобы передать его не природному наслѣднику, а кому-либо другому, находилось въ полномъ противорѣчіи съ религіозными вѣрованіями, составлявшими основаніе права собственности и права наслѣдованія. Собственность была неотдѣлима отъ культа, а культъ переходилъ по наслѣдству; можно ли было думать о завѣщаніи? Къ тому же собственность принадлежала не отдѣльному лицу, а семьѣ, потому что человѣкъ пріобрѣталъ ее не по праву труда, но исполненіемъ домашняго культа. Связанная съ семьею, она переходила отъ умершаго къ живому, не по волѣ или выбору усопшаго, но въ силу высшихъ правилъ, установленныхъ религіею.

Древнее право индусовъ незнакомо съ завѣщаніемъ. Право аѳинское до Солона запрещало его положительно [2]), и самъ Солонъ допустилъ его только для бездѣтныхъ [3]). Завѣщаніе долго было неизвѣстно или запрещаемо въ Спартѣ, и было допущено только послѣ Пелопонесской войны [4]). Сохранилось

1) Гарпократіонъ, сл. ὅτι οἱ ποιητοί. Демосѳенъ, *in Leocharem*, 66—68.
2) Плутархъ, *Солонъ*, 21.
3) Изей, *de Pyrrhi hered.*, 68. Демосѳенъ, *in Stephanum*, II, 14.
4) Плутархъ, *Agis*, 5.

воспоминаніе о томъ времени, когда въ Коринѳѣ и Ѳивахъ [1]) было то же самое. Очевидно, что право завѣщать по своему произволу свое имущество не считалось сначала правомъ естественнымъ; постояннымъ правиломъ древнихъ вѣковъ было то, что вся собственность должна была оставаться въ семьѣ, съ какой связала её религія.

Платонъ въ своемъ трактатѣ о законахъ, который, по большей части, не что иное какъ толкованіе на аѳинскіе законы, выясняетъ очень точно мысль древнихъ законодателей. Онъ предполагаетъ, что человѣкъ на смертномъ ложѣ требуетъ себѣ права сдѣлать завѣщаніе и восклицаетъ: „О боги, не жестоко ли, что я не властенъ распорядиться своимъ добромъ, какъ хочу и въ чью пользу мнѣ вздумается,—оставить одному меньше, другому больше, согласно привязанности, какую отъ нихъ видѣлъ!“ Законодатель отвѣчаетъ этому мужу: „Тебѣ ли рѣшать такія дѣла, когда ты нынче живъ, а завтра умеръ, когда ты только прохожій на землѣ? Ты не господинъ ни самому себѣ, ни своему имѣнью, и ты и твое достояніе—все это принадлежитъ семьѣ, т.-е. твоимъ предкамъ и твоему потомству.“ [2]).

Древнее римское право для насъ очень темно; оно было темно уже и для Цицерона. Все, что мы знаемъ о немъ, не восходитъ далѣе Двѣнадцати Таблицъ, которыя, конечно, не первобытное право Рима и отъ которыхъ къ тому же намъ остались лишь отрывки. Этотъ кодексъ разрѣшаетъ завѣщаніе; но отрывокъ, относящійся къ этому предмету, слишкомъ коротокъ и очевидно не достаточно полонъ для того, чтобы мы могли узнать настоящее постановленіе законодателя по этому поводу; утверждая право завѣщанія, онъ могъ ограничить его разными оговорками и условіями, которыя намъ неизвѣстны [3]). До Двѣнадцати Таблицъ у насъ нѣтъ ни одного текста закона, который бы разрѣшалъ совершеніе завѣщанія. Но въ языкѣ сохранилось воспоминаніе о той порѣ, когда оно не было еще извѣстно: такъ сынъ назывался *собственнымъ и необходимымъ наслѣдникомъ*; это выраженіе, употребительное еще у Гая и Юстиніана, находится уже въ нѣкоторомъ разногласіи съ законодательствомъ ихъ времени и представляетъ собою несомнѣнно остатокъ отъ той отдаленной эпохи, когда сынъ не могъ ни лишиться наслѣдства, ни отказаться отъ него. Такимъ образомъ, отецъ не властенъ былъ свободно располагать своимъ состояніемъ. Завѣщаніе хотя и было извѣстно, но обставлено большими затрудненіями. Для этого требовалось много формальностей. Прежде всего завѣщатель не могъ

[1]) Аристотель, *Полит.*, II, 3, 4.

[2]) Платонъ, *Законы*. XI.

[3]) *Uti legassit, ita jus esto*. Еслибъ изъ закона Солона до насъ дошли только слова διάθεσθαι ὅπως ἂν ἐθέλῃ (пусть завѣщаетъ по желанію), мы также подумали бы, что завѣщаніе допускалось во всѣхъ возможныхъ случаяхъ; но законъ прибавляетъ ἂν μὴ παῖδες ὦσι (если только бездѣтенъ).

при своей жизни соблюсти завѣщанія въ тайнѣ; человѣкъ, лишавшій наслѣдства свою семью и нарушавшій законъ, установленный религіею, обязанъ былъ совершить завѣщаніе явно, всенародно и при своей жизни испытать на себѣ всю беззаконность такого поступка. Но это еще не все: воля завѣщателя должна быть еще утверждена высшею властью, т.-е. народомъ, собраннымъ по куріямъ подъ предсѣдательствомъ главнаго жреца [1]). Мы не думаемъ, что то была лишь простая формальность, особенно въ первые вѣка. Эти комиціи по куріямъ были самымъ торжественнымъ собраніемъ въ Римѣ; было бы легкомысленно утверждать, что народъ созывался подъ предсѣдательствомъ своего религіознаго главы только для присутствованія простымъ свидѣтелемъ при чтеніи завѣщанія. Можно думать, что народъ подавалъ тутъ голоса, а если пособразить, то это было даже необходимостью: въ самомъ дѣлѣ, существовалъ общій законъ, строго установлявшій порядокъ наслѣдованія; для того, чтобъ измѣнить этотъ порядокъ въ отдѣльномъ случаѣ, требовалось новое узаконеніе. Такимъ исключительнымъ закономъ было завѣщаніе. Право завѣщать не признавалось вполнѣ за человѣкомъ и не могло быть за нимъ признано до тѣхъ поръ, пока общество оставалось подъ властью древней религіи. По религіознымъ вѣрованіямъ древнихъ вѣковъ, человѣкъ являлъ собою кратковременнаго представителя того постояннаго безсмертнаго существа, которое называлось семьею. Культъ и собственность передавались ему только на храненіе, и его право на нихъ прекращалось вмѣстѣ съ его жизнію.

6. *Нераздѣльность родового имѣнія.*

Намъ надо перенестись за предѣлы временъ, сохранившихъ о себѣ память въ исторіи, къ тѣмъ глубокимъ по старинѣ вѣкамъ, когда установились домашнія учрежденія и подготовились учрежденія общественныя. Отъ этой эпохи не осталось никакого писаннаго свидѣтельства, но законы, управлявшіе тогда людьми, оставили по себѣ нѣкоторые слѣды въ правѣ эпохъ позднѣйшихъ.

Въ эти отдаленныя времена замѣчается одно установленіе, господствовавшее судя повсему очень долго и значительно повліявшее на будущій строй человѣческихъ обществъ, такъ что безъ него нельзя даже и понять этого строя, именно—нераздѣльность родового имѣнія въ связи съ правомъ старшинства.

Древняя религія установляла различіе между сыномъ старшимъ и младшимъ: „старшій,—говорили древніе арійцы,—

[1]) Ульпіанъ, XX, 2. Гай, I, 102, 119. Авлъ Геллій, XV, 27. Завѣщаніе (*calatis comitiis* (при народной сходкѣ) было конечно самою древнею формою; во времена Цицерона она была уже забыта (*De orat.*, I, 53.).

рожденъ для исполненія долга къ предкамъ, другіе родились отъ любви“. Въ силу этого превосходства по происхожденію, старшій по смерти отца пользовался преимуществомъ управлять всѣми священными церемоніями домашняго культа; онъ совершалъ могильныя жертвы и произносилъ установленныя молитвы, „такъ какъ право произносить молитвы принадлежитъ перворожденному изъ сыновей“. Слѣдовательно, старшій былъ наслѣдникомъ гимновъ, продолжателемъ культа, религіозным главою семьи. Изъ этого вѣрованія вытекло правовое постановленіе: одинъ старшій наслѣдовалъ имѣніе. Такъ одинъ древній текстъ, внесенный послѣднимъ собирателемъ законовъ Ману въ этотъ кодексъ, гласитъ слѣдующее: „Старшій получаетъ во владѣніе все родовое наслѣдіе, и всѣ другіе братья живутъ подъ его властью, какъ жили подъ властью отца. Старшій сынъ исполняетъ долгъ къ предкамъ, посему и долженъ всѣмъ обладать“ [1]).

Греческое право вышло изъ тѣхъ же религіозныхъ вѣрованій, какъ и право индусовъ: слѣдовательно, не удивительно найти и тамъ въ самомъ началѣ право старшинства. Въ Спартѣ собственность съ самого начала была нераздѣльною, и младшій сынъ не имѣлъ въ ней своей доли. То же самое было и во многихъ древнихъ законодательствахъ, изученныхъ Аристотелемъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ разсказываетъ, что ѳивянское законодательство рѣшительно предписывало, чтобы число земельныхъ участковъ оставалось неизмѣннымъ, а это, конечно, исключало раздѣлъ между братьями. Древній законъ Коринѳа требовалъ также, чтобы число семей было неизмѣнно, что возможно только въ томъ случаѣ, если право старшинства препятствовало семьямъ въ ихъ раздѣлахъ при каждомъ новомъ поколѣніи [2]).

У аѳинянъ нельзя надѣяться найти въ силѣ во времена Демосѳена это древнее установленіе, но въ эту эпоху все же существовало такъ называемое преимущество старшаго [3]). Оно состояло, повидимому, въ правѣ удерживать за собою внѣ раздѣла отчій домъ; выгода значительная въ матеріальномъ отношеніи и еще болѣе значительная съ точки зрѣнія религіи, такъ какъ отчій домъ хранилъ въ себѣ древній очагъ семьи. Тогда какъ младшему сыну, во времена Демосѳена, приходилось возжигать новый очагъ, старшій, будучи единственнымъ настоящимъ наслѣдникомъ, оставался во владѣніи отцовскимъ очагомъ и могилами предковъ; онъ одинъ сохранялъ за собою и званіе семьи [4]). То — слѣды былого вре-

---

[1]) *Законы Ману,* IX, 105—107, 126. Это древнее правило видоизмѣнялось по мѣрѣ ослабленія старой религіи. Въ уложеніи Ману есть уже статьи, дозволяющія раздѣлъ наслѣдства.

[2]) Аристотель, *Полит.*, II, 9, 7; II, 3, 7; II, 4, 4.

[3]) Πρεσβεία, Демосѳенъ, *Pro Phorm.*, 34. Во времена Демосѳена πρεσβεία было пустымъ словомъ и уже давно наслѣдство дѣлилось поровну между братьями.

[4]) Демосѳенъ, *in Boeotum, de nomine.*

мени, когда исключительно ему доставалось все родовое имѣніе.

Можно замѣтить, что хотя несправедливость права старшинства и не казалась рѣзкою умамъ беззавѣтно подвластнымъ религіи, но она все-таки сглаживалась у древнихъ многими обычаями. То младшій усыновлялся другою семьею и ей наслѣдовалъ, то онъ женился на единственной дочери, то, наконецъ, получалъ участокъ земли какой-нибудь угасшей семьи. За отсутствіемъ всѣхъ этихъ средствъ, младшіе сыновья отсылались въ колоніи.

Что касается Рима, то здѣсь мы не находимъ никакого закона относительно права старшинства. Отсюда однако не надо заключать, что оно было неизвѣстно въ древней Италіи. Законъ могъ исчезнуть и воспоминаніе о немъ сгладиться. Но позволительно думать, что оно было въ силѣ раньше извѣстныхъ намъ временъ, такъ какъ существованіе *рода* (genus) римскаго и сабинскаго было бы безъ него необъяснимо. Какимъ образомъ одна семья могла бы дойти до того, что содержала въ себѣ многія тысячи свободныхъ людей, какъ, напримѣръ, семья Клодіевъ, или нѣсколько сотъ ратныхъ патриціевъ, какъ семья Фабіевъ, еслибы право старшинства не поддерживало единство ея чрезъ длинный рядъ поколѣній и не пріумножало бы ее изъ вѣка въ вѣкъ, мѣшая ея распаденію? Это древнее право старшинства доказывается здѣсь своими послѣдствіями, или, такъ сказать, своими дѣлами.

Надо уяснить себѣ при этомъ, что право старшинства не было лишеніемъ младшаго въ пользу старшаго. Въ законахъ Ману смыслъ этого права объясняется такъ: „Пусть старшій питаетъ къ своимъ младшимъ братьямъ любовь отца къ своимъ сыновьямъ, а послѣдніе въ свой чередъ пусть уважаютъ его какъ отца“. По понятію древнихъ вѣковъ право старшинства содержало въ себѣ общинную жизнь. Въ основаніи его лежало пользованіе благами всѣми братьями сообща подъ верховнымъ главенствомъ старшаго. Нераздѣльность родового имѣнія представлялась какъ нераздѣльность семьи. И мы можемъ думать, что въ этомъ смыслѣ оно употреблялось въ древнемъ правѣ Рима или по крайней мѣрѣ въ его нравахъ и что отъ него получилъ свое начало римскій родъ [1]) (*genus*).

---

[1]) Древній латинскій языкъ сохранилъ слѣдъ этого дѣленія, который, какъ онъ ни слабъ, а заслуживаетъ вниманія. Земельный родовой участокъ назывался *sors* (жребіемъ или долей); *sors patrimonium significat,* говоритъ Фестъ; слово *consortes* (соучастники, дольщики) прилагалось поэтому къ тѣмъ, у кого былъ одинъ общій участокъ и кто жилъ на той же землѣ; а между тѣмъ древній языкъ обозначалъ этимъ словомъ и братьевъ, и весьма дальнихъ родственниковъ, что свидѣтельствуетъ о времени, когда родовое наслѣдіе и семья были нераздѣльны (Фестъ, сл. *sors*. Цицеронъ, *in Verrem*, II, 3, 23. Титъ Ливій, XLI, 27. Веллейй, I, 10. Лукрецій, III, 772; VI, 1280).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Семейная власть.

1. *Начала и свойства отцовской власти у древнихъ.*

Семья получила свои законы не отъ гражданской общины. Еслибы частное право было установлено послѣдней, то, весьма вѣроятно, оно стало бы не тѣмъ, чѣмъ мы его видѣли. Она установила бы право собственности и право наслѣдованія на иныхъ началахъ, такъ какъ не въ ея интересѣ сдѣлать землю неотчуждаемой и родовое наслѣдіе — недѣлимымъ. Законъ, позволяющій отцу продать или даже убить своего сына,—законъ, находимый нами какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ, — выдуманъ не гражданской общиной. Она скорѣй сказала бы отцу: „Жизнь и свобода жены твоей и твоего ребенка не принадлежатъ тебѣ; я беру ихъ подъ свое покровительство, даже противъ тебя; не тебѣ судить ихъ и убивать ихъ, если они провинились: ихъ судьею буду одна я". Если гражданская община не говоритъ такимъ образомъ, то это очевидно оттого, что здѣсь нѣтъ ей власти. Частное право существовало раньше ея. Когда она приступила къ писанію своихъ законовъ, она нашла это право уже готовымъ, живущимъ и укоренившимся въ нравахъ, могущественнымъ отъ общаго признанія. И гражданская община усвоила его, не въ силахъ будучи поступить иначе и осмѣлившись измѣнить его только спустя долгое время. Древнее право не было созданіемъ какого-либо законодателя; напротивъ, оно въ готовомъ видѣ было дано законодателю. Родилось оно въ семьѣ. Оно вышло самостоятельнымъ и вполнѣ готовымъ изъ древнихъ началъ семейнаго строя. Оно вытекло изъ религіозныхъ вѣрованій, общепринятыхъ въ первоначальный періодъ этихъ народовъ и безгранично властвовавшихъ надъ ихъ умомъ и волею.

Семья состоитъ изъ отца, матери, дѣтей, рабовъ. Подобная кучка людей, какъ она ни мала, нуждается въ порядкѣ. Кому же должна принадлежать верховная власть? Отцу? Нѣтъ. Въ каждомъ домѣ есть нѣчто выше отца:—это семейная религія, это — тотъ богъ, котораго греки зовутъ очагомъ-владыкой, ἑστία δέσποινα, котораго латины называютъ *Lar familiae Pater* [1]). Это внутреннее божество, или, что то же самое, вѣрованіе, живущее въ душѣ человѣческой, и было самою неоспоримою властью; она-то и опредѣлила семейное чиноначаліе.

Отецъ первенствуетъ у очага; онъ его возжигаетъ и поддерживаетъ; онъ его жрецъ. Во всѣхъ религіозныхъ дѣйствіяхъ высшая обязанность выполняется имъ; онъ закалываетъ жертву; онъ произноситъ установленную молитву, обращающую на него и на его семью благоволеніе боговъ. Имъ продолжается семья и культъ, и въ немъ одномъ воплощается какъ бы весь рядъ его потомковъ. Имъ держится домашній культъ, и онъ вправѣ сказать подобно индусу: „Я самъ богъ". Придетъ смерть, и онъ станетъ божественнымъ существомъ, къ которому съ молитвою будутъ обращаться потомки.

Женщину религія ставитъ не такъ высоко. Правда, она принимаетъ участіе въ религіозныхъ дѣйствіяхъ, но она не хозяйка очага. Свою религію она исповѣдуетъ не отъ рожденія; она приняла ее, вступая въ бракъ. Отъ мужа научилась она молитвѣ; она не представительница своихъ предковъ, потому что происходитъ не отъ нихъ. И сама она никогда не будетъ предкомъ; сойдя въ могилу, она не дождется особаго поклоненія. По смерти, какъ и въ жизни, она считается только частью своего мужа.

Право греческое, право римское и право индійское, вытекшія изъ этихъ вѣрованій, единогласно считаютъ женщину неполноправною во все время ея жизни. Никогда не можетъ имѣть она собственнаго очага; никогда не можетъ она имѣть своего собственнаго культа. Въ Римѣ ей дается названіе *materfamilias*, но она теряетъ его, какъ только умираетъ мужъ [1]). Никогда не имѣя своего очага, она лишена того, что даетъ власть въ семьѣ. Никогда она не повелѣваетъ; даже никогда не свободна и не хозяйка самой себѣ, *sui juris*. Она всегда при чужомъ очагѣ, всегда повторяетъ молитву другого. Для всѣхъ дѣйствій религіозной жизни ей нуженъ глава, а для всѣхъ прочихъ дѣйствій гражданской жизни—опекунъ.

Законъ Ману гласитъ: „Женщина въ дѣтствѣ зависитъ отъ отца, въ зрѣломъ возрастѣ—отъ мужа, по смерти мужа—отъ своихъ сыновей, а нѣтъ сыновей,—отъ ближайшихъ родственниковъ со стороны мужа, такъ какъ женщина никогда не должна распоряжаться собой по своему усмотрѣнію" [2]). Законы греческіе и римскіе гласятъ то же самое. Дѣвушкой она подвластна отцу, по смерти отца—своимъ братьямъ или своимъ агнатамъ [3]); замужемъ она—подъ опекою мужа; умеръ мужъ,—она уже не ворочается въ свою прежнюю семью, такъ какъ навсегда отреклась отъ нея священнымъ обрядомъ брака [4]); вдовою она остается подъ опекой агнатовъ своего мужа т. е. своихъ собственныхъ сыновей, если они есть [5]),

[1]) Плавтъ, *Mercator*, V, 1, 5: *Dii Penates familiaeque Lar Pater.* — Начальный смыслъ слова Lar—тотъ же, что господинъ, царь, владыка.

[1]) Фестъ, изд. Мюллера, стр. 125: *Materfamiliae non ante dicebatur quam vir eius paterfamiliae dictus esset... Nec vidua hoc nomine appellari potest.*

[2]) *Законы Ману*, V, 147, 148.

[3]) Демосѳенъ, *in Onctorem*, I, 7; *in Baeotum, de dote*, 7; *in Eubulidem*, 40. Изей, *de Meneclis hered.*, 2 и 3. Демосѳенъ, *in Stephanum*, II, 18.

[4]) Въ случаѣ развода она возвращалась къ своимъ. Демосѳенъ, *in Eubul.*, 41,

[5]) Демосѳенъ, *in Stephanum*, II, 20; *in Phaenippum*, 27; *in Macartatum*, 75. Изей, *de Pyrrhi hered.*, 50.—Одиссея, XXI, 350—353.

или, если ихъ нѣтъ, то подъ опекою ближайшихъ родственниковъ [1]). Ея мужъ имѣетъ такую власть надъ нею, что можетъ до своей смерти назначить ей опекуна и даже выбрать второго мужа [2]).

Для обозначенія власти мужа надъ женою у римлянъ существовало весьма старинное выраженіе, сохраненное правовѣдами: это—слово *manus*. Не легко открыть его начальный смыслъ. Комментаторы толкуютъ его въ смыслѣ физической силы, какъ будто бы жена ставилась подъ мощную руку мужа. По всей видимости, они ошибаются. Власть мужа надъ женою никоимъ образомъ не вытекала изъ большей физической силы перваго; она происходила, какъ и все частное право, изъ религіозныхъ вѣрованій, ставящихъ мужчину выше женщины. Доказательство этому въ томъ, что женщина, не вступившая въ бракъ по священному обряду и вслѣдствіе того не пріобщенная къ культу, не подлежала власти мужа [3]). Бракъ создавалъ подчиненность, а въ то же время и достоинство женщины. До такой степени вѣрно то, что строй семьи сложился отнюдь не подъ вліяніемъ права сильнаго.

Перейдемъ къ ребенку. Здѣсь уже сама природа говоритъ достаточно громко; она требуетъ для ребенка покровителя, воспитателя и учителя. Религія за одно съ природою; она говоритъ, что отецъ будетъ главой культа, а сынъ станетъ помогать ему въ его священныхъ обязанностяхъ. Но природа требуетъ такого подчиненія лишь на извѣстное число лѣтъ, а религія требуетъ болѣе. Природа дѣлаетъ сына совершеннолѣтнимъ, религія этого не допускаетъ. Согласно древнимъ правиламъ, очагъ недѣлимъ, недѣлима и собственность. По смерти отца братья не расходятся. Тѣмъ болѣе не властны они покинуть его при жизни. По строгому первобытному праву, сыновья остаются связанными съ очагомъ отца и вслѣдствіе того подлежатъ его власти; пока онъ живъ, они—несовершеннолѣтніе.

Понятно, что подобное правило могло держаться лишь до тѣхъ поръ, пока древняя домашняя религія была еще въ полной силѣ. Эта безконечная подчиненность сына отцу рано исчезла въ Аѳинахъ. Въ Римѣ древнее право сохранялось въ точности: сынъ никогда не могъ имѣть отдѣльнаго очага при жизни отца; даже женатый и имѣя уже дѣтей, онъ все еще оставался подвластнымъ [4]).

---

1) Гай, I, 145—147, 190; IV, 118; Ульпіанъ, XI, 1 и 27.

2) Демосѳенъ, *in Aphobum*, I, 5; *pro Phormione*, 8.

3) Цицеронъ, *Topic.*, 14. Тацитъ, *Лнт.*, 16. Авлъ Геллій, XVIII, 6. Далѣе будетъ видно, что въ извѣстную эпоху и по причинамъ, о которыхъ мы скажемъ потомъ, были придуманы новые виды брака, съ которыми были связаны тѣ же юридическія послѣдствія, какія влекъ за собою священный бракъ.

4) Когда Гай говоритъ объ отеческой власти: *Jus proprium est civium Romanorum,* то это надо понимать, что во времена Гайя *римское право* признавало эту власть только за *римскимъ гражданиномъ;* это не значитъ, что она не существовала ранѣе и не признавалась правомъ иныхъ городовъ. Это объ-

Впрочемъ, съ властью отца было то же, что съ властью мужа,—ея началомъ и условіемъ былъ семейный культъ. Сынъ, рожденный отъ наложницы, не былъ подвластенъ отцу. Между отцомъ и имъ не было религіознаго общенія: стало-быть не было ничего, что одному предоставляло власть, а другому повелѣвало послушаніе. Званіе отца само по себѣ не давало никакого права.

Благодаря домашней религіи, семья сдѣлалась маленькимъ организованнымъ цѣлымъ, небольшимъ союзомъ людей, имѣвшимъ своего главу и свое правленіе. Ничто въ современномъ обществѣ не можетъ дать намъ понятія объ отцовской власти. Въ ту отдаленную древность отецъ былъ не только человѣкомъ силы и покровителемъ, имѣвшимъ возможность заставить себя слушаться; онъ былъ также жрецомъ, наслѣдственнымъ хозяиномъ очага, продолжателемъ предковъ, родоначальникомъ потомковъ, хранителемъ таинственныхъ обрядовъ культа и сокровенныхъ формулъ молитвы. Вся религія вмѣщалась въ немъ одномъ.

Даже имя, какимъ онъ назывался *pater*, весьма поучительно. Слово это одно и то же на языкахъ греческомъ, латинскомъ и санскритскомъ; отсюда можно уже заключить, что слово это современно той эпохѣ, когда предки эллиновъ, италійцевъ и индусовъ жили еще вмѣстѣ въ Центральной Азіи. Какой былъ его смыслъ и какое понятіе представляло оно тогда уму людей? Это можно узнать, такъ какъ оно сохранило свое первоначально значеніе въ формулахъ религіознаго языка и юридическаго. Когда древніе, призывая Юпитера, называли его: „*pater hominum Deorumque*", они не хотѣли этимъ сказать, что Юпитеръ былъ на самомъ дѣлѣ отцомъ боговъ и людей, потому что никогда не считали его за отца, а напротивъ были увѣрены, что родъ человѣческій существовалъ до него. То же названіе *pater* давалось Нептуну, Аполлону, Бахусу, Вулкану и Плутону, которыхъ люди конечно не считали своими отцами [1]); точно также имя *mater* прилагалось Минервѣ, Діанѣ и Вестѣ, считавшимся богинями-дѣвственницами. Въ юридическомъ языкѣ названіе *pater* или *paterfamilias* также могло прилагаться къ человѣку бездѣтному, неженатому и не достигшему даже брачнаго возраста [2]). Слѣ-

---

яснится впослѣдствіи тѣмъ, что мы скажемъ о законномъ положеніи лицъ, подвластныхъ Риму. По аѳинскому праву, до Солона, отецъ могъ продавать своихъ дѣтей (Плутархъ, *Солонъ*, 13 и 23).

1) Авлъ Геллій, V, 12: *Jupiter... Sic et Neptunuspater conjuncte dictus est et Saturnuspater et Marspater*. Лактанцій, *Инстит.*, IV, 3: *Jupiter a precantibus pater vocatur, et Saturnus et Janus et Liber et caeteri*. Плутонъ названъ *Dis pater* (Варронъ, *De ling. lat.*, V, 66; Цицеронъ, *De nat. deor.*, II, 26). То же слово прилагалось и къ богу Тибру въ молитвахъ; *Tiberine Pater, te, Sancte, precor* (Титъ Ливій, II, 10). Вергилій называетъ Вулкана *Pater Lemnius*, богомъ Лемны.

2) Ульпіанъ, къ *Дигестъ*, I, 6, 4: *Patresfamiliarum sunt qui sunt suae potestatis, sive puberes, sive impuberes*.

довательно, идея рожденія не связывалась съ этимъ словомъ. Для этого древній языкъ имѣлъ въ своемъ употребленіи другое слово, которое обозначало именно отца и которое, будучи такъ же старо, какъ и слово *pater*, встрѣчается, подобно ему, въ языкахъ греческомъ, римскомъ и индійскомъ (gânitar, γεννητήρ, genitor). Слово *pater* имѣло другой смыслъ. Въ языкѣ религіозномъ его прилагали ко всѣмъ богамъ; въ языкѣ права— ко всякому человѣку, не зависѣвшему ни. отъ кого и имѣвшему власть надъ семьею и имуществомъ, *paterfamilias*. Поэты намъ показываютъ, что слово это употреблялось въ отношеніи ко всѣмъ тѣмъ, кому хотѣли оказать уваженіе. Рабъ и кліэнтъ величали имъ своего господина; оно было однозначно со словами *rex*, ἄναξ, βασιλεύς. Оно заключало въ себѣ не идею рожденія, но идею могущества, власти и величія.

Подобное слово, прилагаясь къ отцу семейства, мало-помалу обратилось въ его нарицательное имя, — фактъ очень знаменательный и обращающій на себя серьезное вниманіе всякаго желающаго изучить древнія учрежденія. Одной исторіи этого слова достаточно, чтобы дать намъ понятіе о власти отца надъ семьей и о чувствѣ благоговѣйнаго уваженія, какое оказывалось ему, какъ жрецу и властелину.

2. Исчисленіе правъ, входившихъ въ составъ отцовской власти.

Законы греческіе и римскіе признали за отцомъ ту безграничную власть, какою облекла его религія. Весьма многочисленныя и разнообразныя права, врученныя ему, могутъ быть раздѣлены на три отдѣла, сообразно тому, разсматривать ли отца семьи какъ религіознаго главу, или какъ хозяина собственности, или какъ судью.

I. Отецъ—высшая глава домашней религіи: онъ совершаетъ всѣ обряды культа, какъ хочетъ, или, вѣрнѣе, какъ усвоилъ отъ отца. Никто въ семьѣ не оспариваетъ у него священнаго первенства. Сама гражданская община и ея жрецы не властны измѣнить его культъ. Какъ жрецъ очага, онъ не знаетъ надъ собой никакой высшей власти.

Въ качествѣ религіознаго главы, на немъ лежитъ отвѣтственность за непрерывность культа, а слѣдовательно и за непрерывность семьи. Все, что касается этой непрерывности, составляющей его первѣйшую заботу и его первый долгъ,— зависитъ отъ него одного. Отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ правъ:

Право признать ребенка при рожденіи, или отъ него отказаться. Право это предоставляется отцу греческими законами [1]) наравнѣ съ законами римскими. При всей своей жестокости, оно не состоитъ въ противорѣчіи съ началами се-

[1]) Геродотъ, I, 59. Плутархъ, *Алкивіадъ*, 23; *Агезилай*, 3.

мейнаго строя. Кровное происхожденіе, даже безспорное, еще недостаточно, чтобы получить доступъ въ священный кругъ семьи: для этого требуется согласіе главы и посвященіе въ культъ. Пока ребенокъ еще не связанъ съ семейной религіей, онъ ничто для отца.

Право развестись съ женою или въ случаѣ безплодія, такъ какъ семья не должна угаснуть, или въ случаѣ прелюбодѣянія, потому что семья и потомство должны быть чистыми отъ всякой подмѣси.

Право выдавать замужъ свою дочь, т.-е. уступать другому свою власть надъ нею. Право женить сына; отъ брака сына зависитъ непрерывность семьи. Право эманципировать, т.-е. исключать или выдѣлять сына изъ семьи и культа. Право усыновлять, т.-е. вводить посторонняго къ домашнему очагу.

Право назначать при смерти опекуна женѣ и дѣтямъ.

Надо замѣтить, что всѣ эти права предоставлялись одному отцу, и никто изъ прочихъ членовъ семьи не имѣлъ ихъ. Жена не имѣла права на разводъ, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе древней эпохѣ. Даже вдовой, она не могла ни усыновлять, ни выдѣлять. Она никогда не была опекуншей даже своихъ дѣтей. Въ случаѣ развода дѣти оставались съ отцомъ, даже дочери. Никогда у нея не было власти надъ собственными дѣтьми. При замужствѣ ея дочери у нея не спрашивалось согласіе [1]).

II. Выше мы видѣли, что вначалѣ собственность была понята не какъ личное право, но какъ право семейное. Имѣніе принадлежало, какъ прямо говоритъ Платонъ и какъ косвенно говорятъ всѣ древніе законодатели, предкамъ и потомкамъ. Эта собственность по своей природѣ недѣлима. Въ каждой семьѣ могъ быть у ней только одинъ владѣлецъ, именно сама семья, и только одинъ пользующійся ею, именно отецъ. Этимъ основаніемъ объясняются многіе порядки древняго права.

Такъ какъ собственность не могла дѣлиться и всецѣло возлежала на отцѣ, то ни жена, ни сынъ не имѣли лично никакой собственности. Отдѣльное владѣніе приданымъ было тогда неизвѣстно. Приданое жены принадлежало все безъ остатка мужу, который пользовался надъ этимъ приданымъ не только правами управителя, но и собственника. Все, что жена могла пріобрѣсть во время брачной жизни, поступало въ руки мужа; даже становясь вдовой, она не получала обратно своего приданаго [2]).

Сынъ находился въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и жена: онъ не обладалъ ничѣмъ лично. Никакой даръ, сдѣланный имъ, не имѣлъ цѣнности по той причинѣ, что у него не было ни-

[1]) Демосѳенъ, *in Eubul.*, 40 и 43. Гай, I, 155. Ульпіанъ, VIII, 8. *Институціи*, I, 9. *Дигестъ*, кн. I, гл. 1, 11.

[2]) Гай, II, 98. Всѣ эти порядки первобытнаго права замѣнились впослѣдствіи правомъ преторскимъ.—Въ Аѳинахъ также, во времена Изея и Демосѳена, приданое отдавалось назадъ въ случаѣ развода. Въ этой главѣ мы говоримъ о правѣ наиболѣе древнемъ.

какой собственности. Онъ ничего не могъ пріобрѣсти; плоды его труда, барышъ отъ его торговли принадлежали отцу. Если кѣмъ-либо постороннимъ было сдѣлано завѣщаніе въ его пользу, то наслѣдство получалъ не онъ, а отецъ. Этимъ объясняется текстъ римскаго закона, запрещающій всякую продажную сдѣлку между отцомъ и сыномъ. Еслибъ отецъ продалъ что-либо сыну, это значило бы, что онъ продалъ самому себѣ, потому что все, что пріобрѣтаетъ сынъ, принадлежитъ отцу [1]).

Какъ изъ римскаго права, такъ и изъ аѳинскихъ законовъ видно, что отецъ могъ продать сына [2]). Отецъ могъ располагать всей собственностью семьи, а самъ сынъ могъ разсматриваться какъ собственность, такъ какъ его руки и его трудъ были источникомъ дохода. Слѣдовательно, отецъ могъ по своему собственному усмотрѣнію сохранять за собою это орудіе, или уступить другому. Уступить—это и значило продать сына. Находящіеся въ нашемъ распоряженіи тексты римскаго права не уясняютъ намъ вполнѣ сущность такого запродажнаго условія, а также и встрѣчавшіяся, повидимому, въ немъ оговорки.

Достовѣрно извѣстно, что сынъ, проданный такимъ образомъ, не становился вполнѣ рабомъ покупщика. Отецъ могъ упомянуть въ условіи, что сынъ можетъ быть имъ выкупленъ. Тогда онъ сохранялъ свою власть надъ нимъ и, выкупивъ его, могъ продать снова [3]). Законъ Двѣнадцати Таблицъ разрѣшалъ это дѣйствіе до трехъ разъ, но объявлялъ, что послѣ тройной продажи сынъ, наконецъ, освободится отъ власти отца [4]). Изъ этого можно судить, до какой степени неограниченна [5]) власть отца въ древнемъ правѣ.

III. Плутархъ разсказываетъ намъ, что въ Римѣ женщины не могли являться на судъ, даже какъ свидѣтельницы [6]). У правовѣда Гайя читаемъ: „Надо знать, что нельзя ничего требовать по суду отъ лицъ, подвластныхъ другому, т.-е. ни отъ жены, ни отъ сына, ни отъ раба; такъ какъ эти лица не могли имѣть никакой собственности, то съ полнымъ основаніемъ было сдѣлано заключеніе, что они не могутъ ничего искать судебнымъ порядкомъ. Если вашъ сынъ, находящійся подъ вашей властью, совершилъ какое-либо преступленіе, то судебный искъ предъявляется къ вамъ. Проступокъ, совершенный сыномъ противъ отца, не подлежитъ судебному разбирательству" [1]). Изъ всего этого легко заключить, что ни жена, ни сынъ не могутъ быть ни истцами, ни защитниками, ни обвинителями, ни обвиненными, ни даже свидѣтелями. Изъ всей семьи только отецъ могъ являться предъ судомъ города. Общественное правосудіе существовало только для него. Онъ же отвѣчалъ и за преступленія, совершенныя его семейными.

[1]) Цицеронъ, *De legib.*, I, 20. Гай, II, 87, *Дигеста*, кн. XVIII, гл. 1, 2.

[2]) Плутархъ, *Солонъ*, 13. Діонисій Галикар., II, 26. Гай, I, 117, 132; VI, 79. Ульпіанъ, X, 1. Титъ-Ливій, XLI, 8. Фестъ, сл. *Deminutus*.

[3]) Гай, I, 140: *Quem pater ea lege vendidit, ut sibi remanciparetur, tunc pater potestatem propriam reservare sibi videtur*.

[4]) *Si pater filium ter venumduit, filius a patre liber esto* (у Ульпіана, *Fragm.*, X, 1).

[5]) Когда сынъ совершалъ какой либо проступокъ, отецъ могъ освободиться отъ личной отвѣтственности, выдавъ его въ видѣ удовлетворенія лицу пострадавшему: Гай, I, 140: *Quem pater ex noxali causa mancipio dedit, velut qui furti nomine damnatus est et eum mancipio actori dedit... hunc actor pro pecunia habet*. Въ этомъ случаѣ отецъ терялъ свою власть. Цицер., *pro Coecina*, 34; *de Oratore*, I, 40.

[6]) Плутархъ, *Publicola*, 8.

Если гражданская община не оказывала правосудія женѣ или сыну, это оттого, что судъ для нихъ былъ домашній. Ихъ судьею былъ глава семьи въ силу своей мужней или отцовской власти отъ имени семьи и предъ лицомъ домашнихъ боговъ [2]).

Титъ Ливій разсказываетъ, что сенатъ, желая искоренить въ Римѣ Вакханаліи, постановилъ смертную казнь противъ всѣхъ, кто приметъ въ нихъ участіе. Постановленіе было легко исполнимо по отношенію гражданъ, но относительно женщинъ, бывшихъ не менѣе виновными, представилось большое затрудненіе: женщины не были подсудны гражданской общинѣ,—одна семья имѣла право судить ихъ. Сенатъ принялъ во вниманіе это древнее правило и оставилъ мужьямъ и отцамъ право произносить смертный приговоръ женщинамъ [3]).

Право суда, какимъ пользовался глава семьи въ домѣ было полно и окончательно. Онъ могъ присудить къ смерти, какъ и судья гражданской общины; никакая власть не имѣла права измѣнить его приговоръ. „Мужъ,—говоритъ Катонъ Старшій,—судья своей жены; его власть безгранична; ему возможно все, что онъ захочетъ. Если она въ чемъ провинится, онъ ее наказываетъ; если выпьетъ вина—осуждаетъ; если вступила въ связь съ другимъ человѣкомъ—онъ ее убиваетъ". То же самое право распространялось и на дѣтей. Валерій-Максимъ упоминаетъ объ Атиліи, убившемъ свою дочь, виновную въ распутствѣ, и всѣмъ извѣстенъ отецъ (Фульвій), умертвившій своего сына за участіе въ заговорѣ Катилины [4]).

Подобныхъ фактовъ не мало въ исторіи Рима. Но было бы ошибочно думать, что у отца было неограниченное право убивать свою жену и своихъ дѣтей. Онъ былъ ихъ судья. Если онъ ихъ присуждалъ къ смерти, то лишь въ силу своего

[1]) Гай, II, 96; IV, 77, 78.

[2]) Настало время, когда подсудность эта видоизмѣнилась обычаемъ; отецъ совѣтовался со всею семьей и такимъ образомъ возводилъ ее на степень судилища подъ своимъ главенствомъ. Тацитъ, XIII, 72. *Дигестъ*, книга XXIII, гл. 4, 5. Платонъ, *Законы*, IX.

[3]) Титъ Ливій, XXXIX, 18.

[4]) Катонъ, у Авла Геллія, X, 23; Валерій-Максимъ, VI. 1, 3—6. Аѳинскій законъ точно также позволялъ мужу убить преступную въ прелюбодѣяніи жену (Схол., къ Горацію, *Сат.*, II, 7, 62), а отцу продать въ рабство распутную дочь (Плутархъ, *Солонъ*, 23).

судебнаго права. Такъ какъ отецъ семьи одинъ подлежалъ суду гражданской общины, то жена и сынъ не могли найти другого судьи, кромѣ него. Въ своей семьѣ онъ былъ единственный судья.

Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что отцовская власть не была силою произвольною, какою она была бы, если бы получила свое начало изъ права сильнаго. Ея основаніе было въ вѣрованіяхъ, коренившихся въ глубинѣ душъ, и ея предѣлы совпадали съ этими вѣрованіями. Напримѣръ, отецъ имѣлъ право изгнать сына изъ семьи, но онъ зналъ, что если онъ это сдѣлаетъ, семьѣ грозитъ опасность прекратиться, а манамъ его предковъ впасть въ вѣчное забвеніе. Онъ имѣлъ право усыновить посторонняго, но религія запрещала ему это, если у него былъ сынъ. Онъ былъ единственнымъ собственникомъ имущества, но онъ не имѣлъ права, по крайней мѣрѣ вначалѣ, отчуждать его. Онъ могъ развестись съ своей женою, но для этого нужна была рѣшимость расторгнуть религіозные узы, установленные бракомъ. Такимъ образомъ религія налагала на отца семьи столько же обязанностей, сколько ввѣряла ему правъ.

Такова была долгое время древняя семья. Для правильнаго ея строя, для установленія въ ней порядка, суда, управленія и для точнаго опредѣленія во всѣхъ подробностяхъ частнаго права, — было вполнѣ достаточно вѣрованій, владѣвшихъ въ то время умами, и не было никакой надобности въ участіи права силы, или въ принудительности общественной власти.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Древняя нравственность семьи.

Исторія изучаетъ не одни только внѣшнія явленія и учрежденія; настоящимъ предметомъ ея изученія является человѣческая душа. Она должна стремиться узнать, во что вѣровала, какъ мыслила и что чувствовала эта душа въ различные вѣка жизни человѣческаго рода.

Въ началѣ этой книги мы описали тѣ древнія вѣрованія, какія человѣкъ составилъ себѣ о своей судьбѣ по смерти. Затѣмъ мы сказали, какимъ путемъ эти вѣрованія породили домашнія учрежденія и частное право. Намъ остается найти и узнать дѣйствіе этихъ вѣрованій на нравственность первобытныхъ обществъ. Хотя едва ли можно предположить, что древняя религія пробудила въ человѣческомъ сердцѣ нравственныя чувства, тѣмъ не менѣе, однако, позволительно думать, что она способствовала ихъ укрѣпленію, усилила ихъ вліяніе и упрочила ихъ власть и ихъ право на руководство человѣческимъ поведеніемъ.

Религія первобытныхъ вѣковъ была исключительно домашнею, какъ и нравственность. Религія не говорила человѣку, указывая ему на другого: это братъ твой. Она говорила ему, указывая на него: это—чужой; ему не слѣдъ принимать участіе въ священныхъ дѣйствіяхъ у твоего очага; онъ не долженъ приближаться къ твоимъ семейнымъ могиламъ, у него иные боги, и онъ не можетъ слиться съ тобой въ общемъ моленіи; твои боги не примутъ его поклоненія и видятъ въ немъ себѣ недруга; онъ недругъ и тебѣ.

Въ религіи очага человѣкъ никогда не молитъ бога за другихъ людей; онъ обращается къ нему съ мольбою для себя и для своихъ. Сохранилась одна греческая пословица, какъ бы воспоминаніе и остатокъ древней обособленности человѣка въ молитвѣ. Во времена Плутарха эгоисту обыкновенно говорили: ты служишь очагу [1]). Это значило: ты удаляешься отъ согражданъ, у тебя нѣтъ друзей, твои ближніе для тебя—ничто, ты живешь лишь для себя и для своихъ. Эта пословица указывала на то время, когда вся религія сосредоточивалась у очага и когда кругозоръ нравственности и доброжелательства не выходилъ изъ узкаго круга семьи.

Естественно, что идея нравственности имѣла такъ же свое начало и свое развитіе, какъ и идея религіи. Богъ первыхъ поколѣній у этой расы былъ незначителенъ; люди возвеличили его мало-по-малу. Также и нравственность; сначала очень узкая и несовершенная, она незамѣтно расширилась до того, что достигла, развиваясь постепенно, до провозглашенія обязанности любви ко всѣмъ людямъ. Ея отправной точкой была домашняя религія, и именно подъ дѣйствіемъ ея вѣрованій впервые предстали глазамъ человѣка его обязанности.

Представьте себѣ эту религію очага и могилы въ эпоху ея полной силы. Человѣкъ видитъ вблизи себя божество. Оно присутствуетъ какъ само сознаніе во всѣхъ его дѣлахъ. Человѣкъ, немощное существо, находится передъ глазами неразлучающагося съ нимъ свидѣтеля. Онъ никогда не чувствуетъ себя одинокимъ; рядомъ съ нимъ и въ домѣ и въ полѣ у него есть покровители, чтобы поддержать его въ трудахъ жизни, и судьи, чтобы наказать его за худыя его дѣла. „Лары, —говорятъ римляне, —страшныя божества, на которыхъ лежитъ обязанность наказывать смертныхъ и блюсти за всѣмъ происходящимъ внутри дома“. — „Пенаты, —говорили они еще, —это—оживляющіе насъ боги; они питаютъ наше тѣло и руководятъ нашей душой“ [2]).

Очагу любили давать названіе непорочнаго [3]) и думали, что онъ заповѣдуетъ людямъ хранить чистоту. Ни одно дѣйствіе, матеріально или нравственно нечистое, не должно совершаться въ виду очага.

1) Ἑστίᾳ θύεις. Псевдо-Плутархъ, изд. Дубнера, V, 167. Евстафій, *in Odyss.*, VII, 247.

2) Плутархъ, *Римск. Вопр.*, 51. Макробій, *Сатур.*, III. 4.

3) Ἁγνοῖς ἑστίας βάθροις, Эврипидъ, *Неистовый Герк.*, 705.

Отсюда, повидимому, вышли первыя понятія грѣха, возмездія, искупленія. Человѣкъ, чувствовавшій себя виновнымъ, не могъ приблизиться къ своему очагу; самъ богъ отвергалъ его. Если кто-либо совершилъ убійство человѣка, ему навсегда запрещалось приносить жертвы, совершать возліянія, творить молитвы, блюсти похоронную тризну. Богъ настолько строгъ, что не допускаетъ никакихъ оправданій, не знаетъ различія между невольнымъ убійствомъ или умышленнымъ преступленіемъ. Рука, запятнанная кровью, не можетъ болѣе прикасаться къ священнымъ предметамъ [1]). Чтобы человѣкъ могъ снова вернуться къ культу, вступить во владѣніе своимъ божествомъ, ему надлежитъ по меньшей мѣрѣ, очиститься искупительною церемоніей [2]). Религія эта знаетъ состраданіе; у нея есть обряды для уничтоженія душевной нечистоты; узкая и грубая, она умѣетъ утѣшить человѣка въ самыхъ его прегрѣшеніяхъ.

Если она совершенно не вѣдаетъ обязанности милосердія, по крайней мѣрѣ она съ удивительной ясностью указываетъ человѣку его семейныя обязанности. Она дѣлаетъ бракъ обязательнымъ; безбрачіе—преступленіе въ глазахъ религіи, вмѣняющей въ первую и самую святую обязанность продолженіе семьи. Союзъ, предписываемый ею, можетъ свершиться не иначе какъ въ присутствіи домашнихъ божествъ. Это священный нерасторжимый религіозный союзъ между мужемъ и женою. Человѣкъ не считалъ себя вправѣ пренебречь этими обрядами и сдѣлать изъ брака простой договоръ, основанный на взаимномъ согласіи, какимъ онъ и сдѣлался подъ конецъ греческаго и римскаго общества. Древняя религія запрещала ему это, и осмѣлься онъ это сдѣлать, она бы его наказала, потому что сынъ, родившійся отъ такого брака, разсматривался какъ незаконнорожденный, т.-е. какъ существо, которому нѣтъ мѣста у очага: онъ не имѣетъ права совершать ни одного религіознаго дѣйствія, онъ не въ правѣ уже молиться [3]).

Эта же религія заботливо блюдетъ чистоту семьи. Въ ея глазахъ самое важное преступленіе, могущее совершиться,— прелюбодѣяніе. Согласно главному правилу культа очагъ передается отъ отца къ сыну, а прелюбодѣяніе вноситъ безпорядокъ въ рожденіе. Другое правило состоитъ въ томъ, что могила должна заключать въ себѣ только членовъ одной семьи; сынъ же отъ невѣрной жены является постороннимъ, которому предстоитъ быть погребеннымъ въ семейной могилѣ. Всѣ основанія религіи нарушены; культъ оскверненъ; очагъ сталъ нечистымъ, а каждое приношеніе на могилѣ становится

---

1) Геродотъ, 1, 35. Вергилій, *Эн.*, II, 719; Плутархъ, *Тезей*, 12.

2) Геродотъ, I, 35; Эсхилъ, *Хоэфоры*, 96; церемонія описана Аполлоніемъ Родосскимъ, IV, 704—707.

3) Изей, *De Philoct. heredit.*, 47; Демосѳенъ, *in Macartatum*, 51.

нечестіемъ. Мало того, прелюбодѣяніе разрываетъ рядъ потомковъ. Семья даже безъ вѣдома людей живущихъ угасаетъ, и нѣтъ болѣе блаженства для ея предковъ. Вотъ отчего индусъ говоритъ: „Сынъ, родившійся отъ прелюбодѣянія, уничтожаетъ и при жизни и по смерти жертвы, принесенныя манамъ“ [1]).

Вотъ почему законы Греціи и Рима даютъ отцу право отказаться отъ новорожденнаго. Вотъ почему они такъ строги и неумолимы къ прелюбодѣянію. Въ Аѳинахъ мужу позволялось убить виновнаго. Въ Римѣ мужъ, единственный судья жены, осуждалъ ее на смерть. Религія была такъ строга, что человѣкъ не имѣлъ даже права даровать полное прощеніе и, по меньшей мѣрѣ, былъ обязанъ развестись съ женой [2]).

Вотъ первые установленные и освященные законы домашней нравственности. Вотъ недопускавшая противорѣчія религія, возвѣстившая мужчинѣ и женщинѣ, что они соединены навѣки, что изъ этого союза вытекаютъ строгія обязанности, забвеніе которыхъ повлекло бы за собой послѣдствія весьма тяжкія для этой жизни и для будущей. Отсюда серьезный священный характеръ брачнаго союза у древнихъ и та семейная чистота, которая у нихъ долго сохранялась.

Домашняя нравственность предписываетъ еще и другія обязанности. Женѣ она говоритъ, что ея долгъ повиноваться мужу, а его долгъ повелѣвать. Ихъ обоихъ она учитъ почитать другъ друга. У жены есть свои права, какъ и мѣсто у очага; на ней лежитъ обязанность заботиться, чтобы не угасъ послѣдній. На ней главнымъ образомъ лежитъ долгъ наблюдать, чтобы онъ всегда оставался чистымъ; она взываетъ къ нему съ молитвой; она приноситъ ему жертвы [3]): слѣдовательно и у ней есть священная служебная обязанность. Безъ жены домашній культъ не полонъ и недостаточенъ. Для грека большое несчастіе имѣть очагъ безъ жены [4]). У римлянъ присутствіе женщины было такъ необходимо при совершеніи жертвоприношенія, что жрецъ терялъ свой священный санъ овдовѣвъ [5]).

Можно думать, что именно этому участію въ домашнемъ служеніи очагу мать семьи была обязана тѣмъ почтеніемъ, которымъ она все время пользовалась въ обществѣ греческомъ

---

1) *Законы Ману*, III, 175.

2) Демосѳенъ, *in Neoer.*, 86. Правда, что хотя эта первоначальная нравственность и осуждала прелюбодѣяніе, но допускала кровосмѣшеніе, чему способствовала сама религія. Бракъ запрещался совсѣмъ въ иныхъ случаяхъ, чѣмъ у насъ: такъ было позволено жениться на сестрѣ (Корнелій Непотъ, *proœmium: Жизнь Кимона*, I; Минуцій Феликсъ, *Octavius*, 30), но запрещалось жениться на женщинѣ изъ другого города.

3) Катонъ, *de Re rust.*, 143: *Rem divinam faciat... Focum purum habeat.* Макробій, I, 15, *in fine*: *Nupta in domo viri rem facit divinam.* Срав. Діонисій Галикарн., II, 22.

4) Ксенофонтъ, *Лакедем. Правл.*, IX, 5: γυναικὸς κενὴν ἑστίαν.

5) Плутархъ, *Римск. Вопр.*, 50. Діон. Галикарн., II, 22.

и римскомъ. Такъ напримѣръ, жена носитъ въ семьѣ то же прозваніе, какъ и мужъ; латины говорятъ: *pater familias* и *mater familias*, греки — οἰκοδεσπότης и οἰκοδέσποινα, индусы—*grihapati*, *grihapatni*. Отсюда же идетъ формула, произносимая женою въ обрядѣ римскаго брака: *Ubi tu Caius, ego Caia*—формула, говорящая намъ, что если въ домѣ и не было равной власти, то по крайней мѣрѣ было равное достоинство [1]).

Что касается сына, то мы видѣли, что онъ подвластенъ отцу, который вправѣ продать его, или осудить на смерть. Но въ культѣ и у сына есть свои обязанности: онъ участвуетъ въ религіозныхъ церемоніяхъ; его присутствіе въ нѣкоторые опредѣленные дни до такой степени необходимо, что римлянинъ, не имѣвшій сына, принужденъ былъ кого-нибудь фиктивно усыновлять на эти дни съ тѣмъ, чтобы исполнить священные обряды [2]). Посмотрите же, какую могучую связь установила религія между сыномъ и отцомъ! Существуетъ вѣрованіе въ загробную жизнь въ могилѣ, въ жизнь тихую и блаженную, если только тщательно будутъ исполняться могильныя жертвы. Такимъ образомъ отецъ знаетъ, что его участь по смерти будетъ зависѣть отъ попеченія сына объ его могилѣ, и сынъ съ своей стороны знаетъ, что его умершій отецъ станетъ божествомъ и что этому божеству онъ долженъ будетъ молиться.

Легко угадать, сколько взаимнаго уваженія и привязанности вносили въ семью эти вѣрованія. Древніе называли семейныя добродѣтели благочестіемъ *(pietas)*: послушаніе сына къ отцу, любовь его къ матери, все это было благочестіе, *pietas erga parentes*; любовь отца къ ребенку, нѣжность матери — также благочестіе, *pietas erga liberos*. Въ семьѣ все было божественно. Чувство долга, естественная привязанность, религіозная идея, все это сливалось во едино и выражалось однимъ и тѣмъ же словомъ.

Быть-можетъ покажется страннымъ считать добродѣтелью привязанность къ дому; но такъ было у древнихъ. Это чувство было у нихъ глубоко и могущественно. Вспомните Анхиза, который при видѣ объятой пожаромъ Трои не хочетъ однако покинуть своего древняго жилища. Вспомните Улисса, которому предлагаются всѣ сокровища и даже безсмертіе, но у него одно желаніе—вернуться къ огню своего очага. Возь-

[1]) Поэтому грубо ошибаются тѣ, кто говоритъ о печальномъ подчиненіи римской женщины *in manu mariti*. Слово *manus* выражаетъ идею не грубой силы, а власти, одинаково приложимой какъ отъ отца къ сыну, или отъ брата къ сестрѣ, такъ и отъ мужа къ женѣ. Титъ Ливій, XXXIV, 2: *feminas in manu esse parentum, fratrum, virorum*. Женщина, вышедшая замужъ согласно религіознымъ обрядамъ, была хозяйкою въ домѣ. *Nupta in domo viri dominium adipiscitur* (Макробій, I, 15, *in fine)*; Діонисій Галикарн., II, 25, такъ описываетъ положеніе женщины: „Повинуясь во всемъ мужу, она была подобно ему хозяйкою дома“.

[2]) Діонисій Галикарн., II, 20, 22.

мемъ Цицерона; здѣсь говоритъ уже не поэтъ, а государственный человѣкъ: „Здѣсь моя вѣра, здѣсь мой родъ, здѣсь слѣдъ отцовъ моихъ; не могу выразить, какой восторгъ наполняетъ здѣсь мое сердце и чувства“ [1]). Надо мысленно перенестись въ среду древнихъ поколѣній, чтобы понять во всей полнотѣ, насколько властны и сильны были нѣкогда эти чувства, ослабѣвшія уже во времена Цицерона. Для насъ домъ—просто жилище, убѣжище; мы легко покидаемъ и скоро забываемъ его, а если и привязываемся къ нему, то только силою привычки и воспоминанія. Наша религія не заключена въ дому; нашъ Богъ—Богъ вселенной, и мы находимъ Его вездѣ. У древнихъ было иначе: внутри своего дома находили они свое главное божество, свое провидѣніе, покровительствовавшее имъ, принимавшее ихъ молитвы и исполнявшее ихъ желанія. Внѣ своего жилища человѣкъ не ощущалъ бога; богъ сосѣда—былъ богъ враждебный. Оттого-то человѣкъ и любилъ такъ свой домъ, какъ нынѣ свою церковь [2]).

Такимъ образомъ вѣрованія первобытныхъ вѣковъ способствовали нравственному развитію этой части человѣчества. Ея боги предписывали чистоту и запрещали пролитіе человѣческой крови. Понятіе справедливости если и не родилось отъ этой вѣры, то по крайней мѣрѣ ею укрѣпилось. Боги принадлежали сообща всѣмъ членамъ одной и той же семьи; семья такимъ образомъ оказалась скрѣпленною могучими узами и члены ея учились любить и уважать другъ друга. Боги жили внутри каждаго дома, и человѣкъ любилъ свой домъ, свое прочное постоянное жилище, доставшееся ему отъ отцовъ и передаваемое имъ, какъ святилище, своимъ дѣтямъ.

Древняя нравственность, обусловленная этими вѣрованіями, не знала милосердія, но она учила, по крайней мѣрѣ, семейнымъ добродѣтелямъ. Обособленность семьи у этого племени служило началомъ нравственности. Тамъ впервые явились обязанности ясныя, точныя, непреложныя, но ограниченныя тѣснымъ кругомъ. Намъ надо будетъ помнить на всемъ протяженіи этой книги узкій характеръ первобытной нравственности, потому что гражданское общество, основанное позднѣе на тѣхъ же началахъ, усвоило себѣ тотъ же характеръ, а этимъ объясняются многія странныя черты древней жизни [3]).

[1]) Цицеронъ, *De legib.*, II, 1.; *Pro domo*, 41.

[2]) Отсюда начало неприкосновенности и святости домашняго крова у древнихъ. Демосѳенъ, *in Androt.*, 52; *in Evergum*, 60; *Дигестъ*, *de in jus voc.*, II. 4.

[3]) Нужно ли замѣчать, что въ этой главѣ мы старались уловить древнѣйшую нравственность народовъ, изъ которыхъ образовались потомъ греки и римляне? Нужно ли прибавлять, что нравственность эта впослѣдствіи измѣнилась, особенно у грековъ? Уже въ *Одиссеѣ* мы находимъ иные чувства и нравы, какъ будетъ показано въ этой книгѣ дальше.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Родъ (gens) въ Римѣ и въ Греціи.

У римскихъ правовѣдовъ и греческихъ писателей мы находимъ слѣды одного древняго учрежденія, которое, повидимому, имѣло большую силу въ первые вѣка греческаго и италійскаго общества, но которое, мало-помалу ослабѣвая, оставило лишь едва замѣтные слѣды въ послѣднюю эпоху ихъ исторіи. Мы говоримъ о томъ, что латины называли *gens*, а греки γένος. Не мало было споровъ о природѣ и строеніи рода (*gens*). Быть-можетъ небезполезно объяснить сначала, въ чемъ состоитъ трудность задачи.

Родъ, какъ мы увидимъ далѣе, представлялъ собою нѣчто цѣлое съ устройствомъ вполнѣ аристократическимъ; благодаря внутренней его организаціи, патриціи въ Римѣ и эвпатриды въ Аѳинахъ долго сохраняли свои исключительныя права. Когда же народная партія одержала верхъ, она не замедлила изъ всѣхъ силъ напасть на это древнее учрежденіе. Еслибъ она была въ состояніи совершенно его уничтожить, то весьма вѣроятно, что намъ не осталось бы о немъ ни малѣйшаго воспоминанія. Но оно было удивительно живуче и слишкомъ прочно укоренилось въ нравахъ. Его нельзя было уничтожить сразу. Такимъ образомъ удовольствовались его измѣненіемъ: у него отняли все, въ чемъ состоялъ его существенный характеръ, и оставили за нимъ только внѣшнія формы, ничѣмъ не стѣснявшія новый порядокъ вещей. Такъ въ Римѣ плебеи надумали составить изъ себя роды (*gentes*) по примѣру патриціевъ; въ Аѳинахъ была попытка уничтожить роды (γένη), слить ихъ между собою и замѣнить ихъ *демами*, установленными по ихъ образцу. Мы объяснимъ всѣ эти явленія, когда будемъ говорить о переворотахъ. Здѣсь намъ будетъ достаточно замѣтить, что глубокое измѣненіе, внесенное демократіей въ строеніе *рода*, способно ввести въ заблужденіе тѣхъ, кто захотѣлъ бы познакомиться съ его первоначальнымъ устройствомъ. Дѣйствительно, почти всѣ дошедшія о немъ до насъ свѣдѣнія относятся ко времени, когда онъ уже испыталъ преобразованія, и мы узнаемъ изъ нихъ о немъ только то, что уцѣлѣло отъ него послѣ переворотовъ.

Предположимъ, что спустя двадцать вѣковъ погибли бы всѣ свѣдѣнія о среднихъ вѣкахъ, такъ что не осталось бы никакого свидѣтельства о томъ, что предшествовало революціи 1789 года, и что несмотря на то какой-либо историкъ того времени захотѣлъ бы составить себѣ понятіе о древнихъ учрежденіяхъ. Единственные документы, имѣвшіеся у него въ рукахъ, показали бы ему дворянство девятнадцатаго вѣка, т.-е. нѣчто совсѣмъ отличное отъ феодальнаго строя. Но онъ понялъ бы, что въ этотъ промежутокъ совершилась великая революція, и заключилъ бы изъ этого съ полнымъ основаніемъ, что это учрежденіе подобно всѣмъ другимъ должно было испытать преобразованія. Дворянское сословіе, о которомъ онъ узналъ изъ своихъ текстовъ, было бы для него только тѣнью или измѣнившимся образомъ другого дворянства, несравненно болѣе могущественнаго. Затѣмъ, еслибъ онъ вглядѣлся со вниманіемъ въ жалкіе остатки древняго памятника, въ нѣкоторыя выраженія, сохранившіяся въ языкѣ, въ кое-какіе термины, уцѣлѣвшіе отъ закона, въ смутныя воспоминанія, или безполезныя сожалѣнія, быть-можетъ ему удалось бы угадать кое-что о феодальномъ строѣ и составить себѣ понятіе о средневѣковыхъ учрежденіяхъ, весьма не далекое отъ истины. Конечно, затрудненіе было бы велико; но оно также велико и для современнаго историка, поставившаго себѣ цѣлью изученія древняго рода, потому что и у историка также нѣтъ другихъ свѣдѣній о родѣ, кромѣ тѣхъ, которыя относятся къ тому времени, когда *gens* былъ уже не болѣе, какъ тѣнь самого себя.

Мы начнемъ съ разбора всего, что древніе писатели передаютъ намъ о родѣ, т.-е. съ разбора того, что осталось отъ рода въ то время, когда онъ былъ уже сильно измѣненъ. Затѣмъ съ помощью этихъ остатковъ попытаемся представить себѣ истинный строй древняго *рода*.

1. *Что древніе писатели сообщаютъ намъ о родѣ?*

Слѣдя за римской исторіей во время Пуническихъ войнъ, мы встрѣтимъ трехъ лицъ, называвшихся Клавдій Пульхеръ, Клавдій Неронъ и Клавдій Центонъ. Всѣ три они принадлежатъ къ одному и тому же роду, къ роду Клавдіевъ.

Демосѳенъ въ одной изъ своихъ судебныхъ рѣчей приводитъ семь свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что они принадлежатъ къ одному роду—Вритидовъ. Въ этомъ примѣрѣ замѣчательно то, что эти семь лицъ, упомянутыя, какъ члены одного рода, числились по записямъ въ шести различныхъ демахъ; это показываетъ, что *родъ* (γένος) не соотвѣтствовалъ вполнѣ дему и не былъ подобно ему простымъ административнымъ дѣленіемъ [1]).

Итакъ, вотъ первый достовѣрный фактъ: *роды* (*gentes*) существовали въ Римѣ и въ Аѳинахъ. Можно было бы привести примѣры относительно многихъ другихъ городовъ Греціи и Италіи и сдѣлать изъ этого то заключеніе, что, по всей видимости, учрежденіе это было всеобще у древнихъ народовъ.

Каждый *родъ* владѣлъ своимъ особымъ культомъ. Въ

[1]) Демосѳенъ, *in Neoer.*, 71. Плутархъ, *Ѳемистоклъ*, I. Эсхинъ, *De falsa legat.*, 147. Бёкъ, *Corp. inscr.*, № 385. Россъ, *Demi Attici*, 24. Родъ (gens) у грековъ часто назывался πάτρα: Пиндаръ, *passim*.

Греціи члены одного и того же *рода* распознавались потому, что „они приносили общія жертвы съ давнихъ поръ“ [1]). Плутархъ сообщаетъ о мѣстѣ для жертвоприношеній *рода* Ликомедовъ, а Эсхинъ говоритъ намъ объ алтарѣ *рода* Вутадовъ [2]).

Въ Римѣ также каждый *родъ* долженъ былъ совершать свои религіозныя дѣйствія; день, мѣсто, обряды—все это опредѣлялось его особою религіей [3]). Капитолій осажденъ галлами; нѣкто Фабій выходитъ изъ него и пробирается чрезъ линію враговъ, облаченный въ священное одѣяніе, со святынею въ рукахъ: онъ идетъ совершить жертву на алтарѣ своего *рода*, помѣщавшемся на Квириналѣ. Во вторую Пуническую войну другой Фабій, названный щитомъ Рима, отражалъ наступленіе Ганнибала; несомнѣнно, для государства весьма важно, чтобъ онъ не покидалъ своего войска; однако онъ оставляетъ его подъ начальствомъ неопытнаго Минуція, — насталъ день годовщины жертвоприношенія его *рода*, и ему надо спѣшить въ Римъ для исполненія священнаго обряда [4]).

Культъ долженъ былъ длиться изъ поколѣнія въ поколѣніе; оставить по себѣ сыновей для его продолженія было обязанностью. Личный врагъ Цицерона, Клавдій, покинулъ свой *родъ*, чтобы войти въ плебейскую семью; Цицеронъ говоритъ ему: „Зачѣмъ подвергаешь ты религію рода Клавдіевъ опасности угаснуть по твоей винѣ“? [5])

Боги рода (*Dii gentiles*) покровительствовали только своему роду и только отъ него жаждали себѣ поклоненія. Посторонній не могъ быть допущенъ къ участію въ религіозныхъ обрядахъ. Было мнѣніе, что если посторонній принималъ участіе въ жертвѣ или просто только присутствовалъ при жертвоприношеніи, то этимъ оскорблялись родовые боги и всѣ члены *рода* совершали тѣмъ великое нечестіе.

Подобно тому, какъ каждый *родъ* исповѣдывалъ свой культъ и чтилъ свои праздники, у него было также и общее мѣсто погребенія. Въ одной рѣчи Демосѳена говорится: „Человѣкъ этотъ, потерявъ дѣтей, похоронилъ ихъ въ могилѣ отцовъ своихъ, въ могилѣ общей всѣмъ членамъ его *рода* (*gens*)“. Далѣе въ той же рѣчи онъ говоритъ, что никто изъ постороннихъ не могъ быть погребеннымъ въ этой могилѣ. Въ другой своей рѣчи тотъ же ораторъ упоминаетъ о могилахъ, гдѣ *родъ* Вуселидовъ хоронитъ своихъ членовъ и каждогодно совершаетъ могильную жертву: „это мѣсто погребенія—довольно обширное поле, окруженное оградой по древнему обычаю“ [1]).

1) Гарпократіонъ, слово γεννῆται.
2) Плутархъ, *Ѳемистоклъ*, I. Эсхинъ, *De falsa legat.*, 147.
3) Цицеронъ, *De arusp. resp*, 15. Діон. Галик., XI, 14. Фестъ, сл. *Pro-pudi*, изд. Мюллера, стр. 238.
4) Титъ Ливій. V, 46; XXII, 18. Валерій Максимъ, I, 1, 11. Полибій, III. 94. Плиній, XXXIV, 13. Макробій, III, 5.
5) Цицеронъ, *Pro domo*, 13.

У римлянъ было то же самое. Веллей говоритъ о могилѣ рода Квинтиліановъ, а Светоній сообщаетъ намъ, что могила рода Клавдіевъ находилась на склонѣ Капиталійскаго холма [2]). Древнее право Рима считаетъ членовъ одного рода правоспособными наслѣдовать другъ другу. Двѣнадцать Таблицъ гласятъ, что въ случаѣ отсутствія сына и агнатовъ естественнымъ наслѣдникомъ является членъ того же рода (*gentilis*). Въ этомъ законодательствѣ *gentilis* считается такимъ образомъ ближе когната, т.-е. родственника по женской линіи [3]).

Члены одного рода связаны между собою тѣснѣйшими узами. Общаясь въ исполненіи однихъ и тѣхъ же священныхъ обрядовъ, они и во всѣхъ нуждахъ жизни помогаютъ взаимно другъ другу. Весь *родъ* отвѣчаетъ за долгъ одного изъ своихъ членовъ; онъ выкупаетъ плѣнника, или платитъ штрафъ за обвиненнаго. Если одинъ изъ его членовъ вступаетъ въ общественную должность, онъ дѣлаетъ складчину для уплаты расходовъ, связанныхъ съ исполненіемъ всякой должности [4]).

Обвиняемый сопровождается на судъ всѣми лицами своего *рода*. Это означаетъ взаимную отвѣтственность, установленную закономъ, между человѣкомъ и тѣмъ цѣлымъ, котораго онъ является единицею. Судиться съ кѣмъ-либо изъ своего *рода*, или даже свидѣтельствовать на него, считалось противнымъ религіи. Нѣкто Клавдій, личность довольно значительная, былъ личнымъ врагомъ децемвиру Аппію-Клавдію; когда этотъ послѣдній былъ привлеченъ къ суду и подвергался опасности умереть, Клавдій явился защищать его и умолялъ за него народъ, предупредивъ однако, что онъ дѣлаетъ это не по любви, но изъ обязанности [5]).

Если членъ рода не имѣлъ права потребовать своего сочлена на судъ гражданской общины, то только оттого, что внутри самого рода существовалъ для него судъ. У каждаго рода дѣйствительно былъ глава, бывшій въ то же время его судьею, его жрецомъ и военачальникомъ [6]). Извѣстно, что когда сабинская семья Клавдіевъ переселилась въ Римъ, то три тысячи составлявшихъ ее лицъ повиновались одному начальнику. Впослѣдствіи, когда Фабіи одни предпринимаютъ войну противъ веевъ, мы видимъ, что у этого рода есть глава, который говоритъ отъ его имени въ сенатѣ и предводительствуетъ имъ на войнѣ [7]).

Въ Греціи также у каждаго рода былъ свой начальникъ;

1) Демосѳенъ, *in Macart.*, 49; *in Eubul.*, 28.
2) Светоній, *Тиверій*, I. Веллей, II, 119.
3) Гай, III, 17. *Дигестъ*, III, 3, 1.
4) Титъ Ливій, V, 32. Діон. Галик., *Отрыв.*, XIII, 5. Аппій. *Annib.*, 28.
5) Титъ Ливій, III, 58. Діонисій, XI, 14.
6) Діон. Галик., II, 7.
7) *Idem*, IX, 5.

убѣждающія насъ въ этомъ надписи показываютъ, что этотъ родоначальникъ носилъ обыкновенно титулъ архонта [1]). Наконецъ и въ Римѣ и въ Греціи *родъ* сходился на собранія; онъ издавалъ приказы, обязательные для его членовъ и признававшіеся даже самой гражданскою властью [2]).

Вотъ собраніе обычаевъ и законовъ, оставшихся еще въ силѣ, когда *родъ* уже обезсилѣлъ и почти совершенно исказился. Это были уже послѣдніе остатки этого древняго установленія [3]).

2. *Разборъ нѣкоторыхъ мнѣній, составленныхъ для объясненія римскаго рода.*

Много системъ было предложено для уясненія себѣ этого предмета, давно уже спорнаго между учеными. Одни говорятъ: „*Родъ* (*gens*) ничто иное, какъ сходство имени. По мнѣнію другихъ, *родъ* — выраженіе взаимнаго отношенія между одной семьею, являющейся въ качествѣ патрона и другими семьями, ея кліэнтами. Каждое изъ этихъ двухъ мнѣній содержитъ въ себѣ часть истины, но ни одно изъ нихъ не отвѣчаетъ цѣлому ряду фактовъ, законовъ и обычаевъ, только что нами исчисленныхъ.

По другой теоріи, слово *gens* означаетъ какъ бы искусственное родство: *родъ*—это политическая ассоціація многихъ семействъ, вначалѣ чуждыхъ другъ другу; за отсутствіемъ кровной связи гражданская община установила между ними фиктивную связь, родство по договору.

Здѣсь является первое возраженіе. Если родъ ничто иное, какъ искусственный союзъ, какъ объяснить то, что его члены имѣютъ право наслѣдовать другъ другу? Почему *gentilis* предпочитается когнату? Выше мы уже видѣли правила наслѣдованія и нами было сказано, какая тѣсная и необходимая связь установлена была религіей между правомъ наслѣдованія и родствомъ по мужской линіи. Есть ли возможность предполагать, чтобы древній законъ отступилъ отъ этого основанія съ тѣмъ, чтобы допустить къ наслѣдованію *gentiles*, еслибъ они были совершенно чужими другъ другу?

Самымъ существеннымъ и несомнѣннымъ признакомъ рода является то, что у него, какъ и у семьи,—свой культъ. Легко замѣтить что богъ, котораго чтитъ каждый родъ,—почти всегда

1) Бёкъ, *Corp. inscr.*, №№ 397, 399, Россъ, *Demi Attici*, 24.

2) Титъ Ливій, VI, 20. Светоній, *Тиверій*, 1. Россъ, *Demi Attici*, 24.

3) Цицеронъ пытается дать опредѣленіе *роду*: *Gentiles sunt qui inter se eodem nomine sunt, qui ab ingenuis oriundi sunt, quorum majorum nemo servitutem servivit* (Цицер., *Topiques*, 6). Такое опредѣленіе неполно; оно указываетъ скорѣе на нѣкоторые внѣшніе признаки, чѣмъ на существенныя особенности. Цицеронъ, принадлежавшій къ разряду плебеевъ, имѣлъ смутное понятіе о *родѣ* (*gens*) древнихъ временъ; онъ говоритъ, что царь Сервій былъ его *gentilis* (*meo regnante gentili*, *Tusculanes*, I, 16), а нѣкій Верруцинъ почти *gentilis* Верреса (*in Verrem*, II, 77).

какой-нибудь обоготворенный предокъ и что алтарь, гдѣ родъ совершаетъ жертвоприношеніе, — какая-нибудь могила. Въ Аѳинахъ Эвмольпиды поклоняются Эвмольпосу, своему родоначальнику; Фиталиды чествуютъ героя Фиталеса, Вутады—Вутеса, Вуселиды—Вуселеса, Лакіады—Лакіоса и Аминандриды—Кекропса [1]). Въ Римѣ Клавдіи происходятъ отъ Клауза; Цециліи почитаютъ главу своего рода въ героѣ Цекулѣ, Кальпурніи поклоняются Кальпуру, Юліи — Іулу и Клеліи—Клелу [2]).

Правда, весьма позволительно думать, что многія изъ этихъ родословныхъ выдуманы позже; но надо также сознаться, что подобный подлогъ не имѣлъ бы никакого смысла, еслибъ у настоящихъ *родовъ* не существовало обычая признавать общаго предка и воздавать ему поклоненіе. Ложь всегда стремится подражать правдѣ.

Къ тому же совершить подобный подлогъ было бы не такъ легко, какъ намъ кажется. Этотъ культъ не былъ одной только пустой формальностью для вида. Однимъ изъ наиболѣе строгихъ правилъ религіи былъ долгъ чтить въ качествѣ предковъ только тѣхъ, отъ кого происходишь въ дѣйствительности; совершать этотъ культъ по отношенію къ постороннему считалось великимъ нечестіемъ. Слѣдовательно, если родъ сообща поклонялся одному предку, это значило, что онъ былъ искренно убѣжденъ въ своемъ дѣйствительномъ отъ него происхожденіи. Создать поддѣльную могилу, установить годичныя торжества и могильныя жертвы въ честь мнимыхъ предковъ—значило бы вносить ложь въ область самую священную для древнихъ, значило бы смѣяться надъ религіей. Подобная поддѣлка стала возможною во времена Цезаря, когда древняя религія семьи была уже всѣми забыта. Но если перенестись въ то время, когда эти вѣрованія были сильны, немыслимо себѣ представить, чтобы многія семьи, соединясь для общаго обмана, сказали бы другъ другу: мы сдѣлаемъ видъ, что у насъ общій предокъ; мы воздвигнемъ ему гробницу, установимъ ему приношеніе жертвъ, а наши потомки будутъ поклоняться ему во вѣки. Подобная мысль должна была и явиться тамъ, гдѣ она была бы отринута, какъ мысль преступная.

При рѣшеніи трудныхъ задачъ, предъявляемыхъ намъ исторіею, полезно отыскать въ выраженіяхъ языка всѣ указанія и объясненія, какія изъ нихъ можно вывести. Иное установленіе иногда объясняется однимъ словомъ, его обозначающимъ. Слово *gens* значитъ то же, что *genus*, такъ что ихъ можно употреблять одно вмѣсто другого и безразлично сказать *gens Fabia* и *genus Fabium*[3]). Оба эти слова соотвѣтствуютъ глаголу *gignere* и существительному *genitor*, точно такъ же, какъ γένος

1) Демосѳенъ, *in Macart.*, 79. Павзаній, I, 37.

2) Фестъ, слова *Coeculus*, *Calpurnii*, *Cloelia*.

3) Титъ Ливій, II, 46: *genus Fabium*.

соотвѣтствуетъ глаголу γεννᾶν и существительному γονεύς. Всѣ эти слова заключаютъ въ себѣ понятіе происхожденія. Греки обозначали членовъ одного γένος словомъ ὁμογάλακτες, что значитъ *вскормленный тѣмъ же молокомъ* [1]). Сравните со всѣми этими словами тѣ, которыя мы имѣемъ обыкновеніе переводить словомъ семья, по-латыни *familia*, по-гречески οἶκος. Ни то, ни другое не заключаетъ въ себѣ смысла рожденія или родства. Истинное значеніе слова семья — собственность; оно означаетъ поле, жилище, деньги, рабовъ и вотъ почему Двѣнадцать Таблицъ, говоря о наслѣдствѣ, выражаются: *familiam nancitor*, пусть получитъ собственность. Что касается до слова οἶκος, ясно, что оно не представляетъ уму ничего иного, кромѣ понятія собственности или жилья. Однако эти слова мы обыкновенно переводимъ словомъ „семья". Но можно ли допустить, чтобы выраженія, внутренній смыслъ которыхъ означаетъ жилище и собственность, могли употребляться для обозначенія семьи, а что другія выраженія, истинный смыслъ которыхъ значитъ происхожденіе, рожденіе, отцовство, означали лишь искусственную ассоціацію? Конечно это было бы несогласно съ ясностью и точностью древнихъ языковъ. Несомнѣнно, что греки и римляне со словами *gens* и γένος связывали понятіе общаго происхожденія. Это значеніе могло забыться, когда измѣнился самъ *родъ*, но сохранилось самое слово во свидѣтельство его.

Такимъ образомъ система, принимающая родъ за искусственную ассоціацію имѣетъ противъ себя: 1) древнее законодательство, которое даетъ членамъ одного рода (*gentiles*) право наслѣдовать другъ другу, 2) религіозныя вѣрованія, допускавшія общность культа только тамъ, гдѣ была общность рожденія; 3) выраженія языка, указывающія въ родѣ на общее происхожденіе. Другой недостатокъ этой системы состоитъ въ томъ, что она предполагаетъ, будто человѣческія общества могли начаться договоромъ или искусственнымъ союзомъ, чего отнюдь не можетъ признать за истину историческая наука.

3. Родъ — просто семья, сохранившая свою первоначальную организацію и единство.

Все доказываетъ намъ, что *родъ* былъ связанъ узами рожденія. Справимся еще разъ съ языкомъ: названія *родовъ* въ Греціи, такъ же какъ и въ Римѣ, всѣ имѣютъ форму обычную въ обоихъ языкахъ для именъ отцовскихъ. Клавдій значитъ сынъ Клавза, а Вутадъ—сынъ Вутеса.

Всѣ считающіе *родъ* за искусственную ассоціацію исходятъ изъ ложнаго основанія. Они предполагаютъ, что въ родѣ насчитывалось всегда нѣсколько семействъ съ разными

[1]) Филохоръ, въ *Отрывкахъ Греч. Ист.*, т. I, стр. 399. Поллуксъ, VIII, 11.

именами, и охотно приводятъ въ примѣръ *родъ* Корнеліевъ, который дѣйствительно заключалъ въ себѣ Сципіоновъ, Лентуловъ, Коссовъ и Суллъ. Но такъ было не всегда. Родъ Марціевъ, повидимому, всегда состоялъ изъ одной линіи. То же самое долгое время было съ родомъ Лукреціевъ и съ родомъ Квинтиліановъ. Конечно, трудно сказать, какія семьи составляли родъ Фабіевъ, такъ какъ всѣ Фабіи, извѣстные въ исторіи, очевидно принадлежатъ къ одной вѣтви; сначала они всѣ носили прозваніе Вибулана; затѣмъ они всѣ мѣняютъ его на названіе Амбуста, которое впослѣдствіи замѣняется именемъ Максима или Дорсо.

Извѣстно, что по римскому обычаю каждый патрицій носилъ три имени. Такъ, напримѣръ, онъ назывался Публій Корнелій Сципіонъ. Не безполезно узнать, какое изъ этихъ трехъ словъ считалось настоящимъ именемъ. Публій—это *proenomen*, *имя предшествующее*; Сципіонъ—это *agnomen*, *имя добавочное*. Подлинное же имя, *nomen*, Корнелій, но это имя было въ то же время и названіемъ цѣлаго *рода*. Еслибъ у насъ было только одно это свѣдѣніе о древнемъ *родѣ*, то и его намъ было бы достаточно, чтобъ утвердительно сказать, что Корнеліи были прежде Сципіоновъ, а не утверждать, какъ часто говорится, что семья Сципіоновъ соединилась съ другими семьями для образованія рода Корнеліевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ изъ исторіи, что *родъ* Корнеліевъ долгое время былъ нераздѣльнымъ и что всѣ его члены носили одинаковое прозвище (*cognomen*) Малугинскаго (*Maluginensis*) и Косса. Только во времена диктатора Камилла одна изъ вѣтвей усвоиваетъ прозвище Сципіона; немного позднѣе другая вѣтвь получаетъ прозваніе Руфа и вскорѣ мѣняетъ его на прозваніе Суллы. Лентулы являются лишь въ эпоху самнитскихъ войнъ, Цетеги—во вторую пуническую войну. То же было и съ родомъ Клавдіевъ. Всѣ Клавдіи остаются связанными въ одну семью и всѣ прозываются Сабинами, или Региллъскими, что означаетъ ихъ общее происхожденіе. Въ продолженіе семи поколѣній ни одна вѣтвь не выдѣляется изъ этой многочисленной семьи, и только въ восьмомъ поколѣніи, т.-е. во время первой Пунической войны впервые отдѣлились три вѣтви и усвоили себѣ три прозванія, которыя и стали для нихъ наслѣдственными, именно: Клавдіевъ Пульхровъ, продолжавшихся два вѣка, Клавдіевъ Центовъ, не замедлившихъ угаснуть, и Клавдіевъ Нероновъ, продлившихся до временъ Имперіи.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что родъ не былъ союзомъ семей, но семьею въ собственномъ смыслѣ этого слова. Онъ могъ безразлично состоять или изъ одной линіи, или распасться на многія вѣтви; но всегда это была одна и та же семья.

Впрочемъ легко дать себѣ отчетъ въ образованіи античнаго рода и въ его природѣ, если только принять во вниманіе древ-

нія установленія, разобранныя нами выше. Тогда станетъ ясно, что *родъ* естественно вытекалъ изъ домашней религіи и частнаго права древнихъ вѣковъ. Въ самомъ дѣлѣ, что предписываетъ первобытная религія? Она предписываетъ, чтобы предокъ, т.-е. первый человѣкъ, похороненный въ могилѣ, вѣчно чествовался какъ богъ и чтобы его потомки, собираясь каждый годъ вблизи священнаго мѣста его успокоенія, приносили ему могильную жертву. Неугасимый очагъ и вѣчно чтимая могила — вотъ центръ, вокругъ котораго приходится жить всѣмъ поколѣніямъ и который соединяетъ въ одинъ союзъ всѣ вѣтви семьи, какъ бы многочисленны онѣ ни были. Что говоритъ частное право первыхъ вѣковъ? Разсматривая власть въ древней семьѣ, мы видѣли, что сыновья не отдѣлялись отъ отца. Изучая законы перехода наслѣдства, мы узнали, что, благодаря принципу нераздѣльности владѣнія, младшіе братья не отдѣлялись отъ старшаго. Очагъ, могила, отцовское достояніе, все это вначалѣ было недѣлимо. Слѣдовательно, недѣлима была и семья. Время не подраздѣляло ее на вѣтви. Эта недѣлимая семья, непрерывно развивавшаяся и передававшая изъ вѣка въ вѣкъ свой культъ и свое имя, и была въ дѣйствительности античный *родъ* (*gens*). Родъ—семья, но семья, сохранившая единство, предписанное ей религіею, и достигшая полнаго развитія, доступнаго ей по частному праву древнихъ [1]).

Принявъ эту истину, мы поймемъ все, что говорятъ намъ древніе писатели о родѣ. Тѣсная солидарность, замѣченная нами въ средѣ его членовъ, ничуть не удивительна: они родные по рожденію. Культъ, исполняемый ими сообща, не выдумка: онъ дошелъ до нихъ отъ предковъ. Такъ какъ они

1) Мы не вернемся уже къ тому, что сказали выше (кн. II, глава V) объ *агнаціи*. Можно было видѣть, что *агнація* и *родство по роду* (*gentilitas*) вытекали изъ одяихъ основаній. Текстъ закона Двѣнадцати Таблицъ, присуждавшій наслѣдство членамъ одного рода (*gentiles*), если нѣтъ *агнатовъ*, не мало затруднялъ правовѣдовъ и заставлялъ предполагать, что могло быть существенное различіе между этими двумя видами родства. Но это существенное различіе не обнаруживается ни въ одномъ текстѣ. Считались *агнатами* (*agnati*), равно какъ и *gentiles* по происхожденію по мужской линіи и по религіозной связи. Между тѣмъ и другимъ было различіе лишь въ степени, появившееся съ того времени, когда отдѣлились вѣтви изъ общаго рода. *Agnatus* былъ членъ вѣтви, *gentilis* — членъ рода. Тогда между выраженіями *gentilis* и *agnatus* установилось то же различіе, какъ между словами *gens* и *familia*. *Familiam dicimus omnium agnatorum*, говоритъ Ульпіанъ въ *Дигестѣ*, кн. I, гл. 16, § 195. Когда кто-либо доводился агнатомъ какому-нибудь человѣку, то тѣмъ самымъ онъ былъ и членомъ его рода (*gentilis*): но можно было быть изъ одного рода, не будучи агнатомъ. Законъ Двѣнадцати Таблицъ отдавалъ наслѣдство, если не было агнатовъ, *gentilibus* покойнаго, т.-е. людямъ одного съ нимъ рода, но не одной съ нимъ вѣтви или семьи (*familia*). Далѣе мы увидимъ, что въ семью былъ введенъ новый элементъ кліэнтства: отсюда образовалась правовая связь между родомъ и кліэнтомъ; эта правовая связь называлась также *gentilitas*. Напримѣръ, у Цицерона, *De oratore*, выраженіе *jus gentilitatis*, означаетъ отношеніе между *родомъ* и кліэнтами. Такимъ образомъ одно и то же слово означало двѣ различныя вещи, что нужно различать и намъ.

одной семьи, то у нихъ общее мѣсто погребенія. По той же причинѣ законъ Двѣнадцати Таблицъ объявляетъ ихъ правоспособными наслѣдовать другъ другу. Такъ какъ у нихъ у всѣхъ было сначала общее недѣлимое родовое наслѣдіе, то былъ обычай и даже необходимость, что цѣлый родъ отвѣчалъ за долгъ одного изъ своихъ членовъ, платилъ выкупъ за плѣннаго или штрафъ за приговореннаго къ нему судомъ. Всѣ эти правила установились сами собою еще тогда, когда *родъ* сохранялъ свое единство; когда же онъ распался, они, разумѣется, не могли вполнѣ исчезнуть. Отъ древняго религіознаго единства семьи остались долгіе слѣды и въ годичныхъ жертвоприношеніяхъ, на которыя собирались разрозненныя ея члены, и въ законодательствѣ, признававшемъ ихъ права на наслѣдство, и въ нравахъ, побуждавшихъ ихъ ко взаимной помощи.

Членамъ одного и того же рода было вполнѣ естественно носить общее имя, да такъ оно и было. Употребленіе названій по отцу относится къ глубокой древности и видимо связано съ древней религіей. Единство родства и культа обозначалось единствомъ имени. Каждый родъ передавалъ изъ поколѣнія въ поколѣніе имя своего предка и сохранялъ его такъ же тщательно, какъ и свой культъ. То, что у римлянъ называлось *nomen*, и было тѣмъ именемъ предка, которое обязаны были носить всѣ потомки и члены его рода. Насталъ день, когда каждая вѣтвь, ставъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ независимою, обозначила свою обособленность усвоеніемъ особаго прозвища (*cognomen*). Къ тому же каждое лице должно различаться и своимъ отдѣльнымъ наименованіемъ, и вотъ у каждаго было свое собственное имя, *agnomen*, какъ напримѣръ Кай или Квинтъ; но настоящимъ именемъ было названіе рода; именно оно носилось оффиціально; именно оно и было священно; восходившее до перваго предка, оно должно было длиться все время, пока не угасла семья и не потухъ очагъ.— То же было и въ Греціи; римляне и греки еще разъ сходятся въ этомъ отношеніи. Каждый грекъ, если только онъ принадлежалъ къ древней и правильно устроенной семьѣ, носилъ три имени, какъ и патрицій въ Римѣ. Одно изъ этихъ именъ было его личное, другое было именемъ его отца, и такъ какъ эти два имени обыкновенно чередовались между собою, то оба вмѣстѣ они равнялись наслѣдственному *cognomen*, обозначавшему въ Римѣ отдѣльную вѣтвь *рода*; наконецъ третье имя было названіе цѣлаго *рода*. Такъ говорили: Мильтіадъ, сынъ Кимона, Лакіадъ, а въ слѣдующемъ поколѣніи, Кимонъ, сынъ Мильтіада, Лакіадъ, Κιμῶν Μιλτιάδου Λακιάδης. Лакіады составляли собою γένος, какъ Корнеліи — *gens*. Такимъ образомъ были роды Вутадовъ, Фиталидовъ, Вритидовъ, Аминандридовъ и пр. Можно замѣтить, что Пиндаръ, прославляя своихъ героевъ, всегда вспоминаетъ имя ихъ рода (γένος). Это имя у грековъ обыкновенно оканчивалось ιδης или αδης и та-

кимъ образомъ являлось въ формѣ прилагательнаго, точно такъ же, какъ названіе *рода* у римлянъ всегда оканчивалось на *ius*. Это и было настоящимъ именемъ; въ обыденной рѣчи можно было называть человѣка по его личному имени, но на оффиціальномъ языкѣ политики или религіи надлежало обозначать человѣка его полнымъ наименованіемъ и особенно не позабыть имени рода [1]). Стóитъ замѣтить, что исторія именъ шла у древнихъ совсѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ у христіанскихъ обществъ. Въ средніе вѣка вплоть до XII вѣка, настоящимъ именемъ считалось имя, данное при крещеніи, или личное собственное имя. Имена же отцовъ вошли въ употребленіе много позднѣе, какъ и названія земель и прозвища. У древнихъ было совершенно наоборотъ. Это различіе, если на него обратить вниманіе, происходитъ изъ различій двухъ религій. Для древней домашней религіи семья была истиннымъ тѣломъ, настоящимъ живымъ существомъ, нераздѣльнымъ членомъ которой являлся каждый отдѣльный человѣкъ; оттого имя предка было первое, усвоенное по времени и первое по важности. Новая религія, наоборотъ, признала за отдѣльнымъ человѣкомъ его собственную жизнь, полную свободу, личную независимость и не противилась нисколько его обособленію отъ семьи; оттого имя, даваемое при крещеніи, было первымъ и долгое время единственнымъ названіемъ.

4. Расширеніе семьи. Рабство и кліэнтство.

Все, что мы замѣтили въ семьѣ, — ея семейная религія, боги, которыхъ она сама создала себѣ, законы, которые она сама дала себѣ, право старшинства, на которомъ она основалась, ея единство, ея развитіе изъ вѣка въ вѣкъ до образованія *рода* (*gens*), ея судъ, ея священнослужительство, ея внутреннее управленіе, — все это невольно переноситъ нашу мысль къ той первобытной эпохѣ, когда семья была независима отъ всякой высшей власти и когда не существовало еще гражданской общины.

Взгляните на семейную религію, на этихъ боговъ, принадлежавшихъ одной только семьѣ и простиравшихъ свое попеченіе лишь до ограды дома, на этотъ тайный культъ, на эту религію, не хотѣвшую распространенія, на эту древнюю мораль, предписывавшую полную обособленность семей: ясно, что подобныя вѣрованія могли зародиться въ умахъ людей лишь въ такую эпоху, когда еще не сложились большія общества. Если религіозное чувство удовлетворилось столь узкимъ опредѣленіемъ божественнаго, то это оттого, что ассоціація человѣческая была соотвѣтственно узка. Время, когда

[1]) Правда, впослѣдствіи демократія замѣнила названіе демы названіемъ γένος, но это было простое подражаніе античному порядку.

люди вѣровали въ однихъ семейныхъ боговъ, было также временемъ, когда существовали однѣ семьи. Правда, эти вѣрованія могли держаться и позже и даже весьма долго, когда уже сложились націи и государства. Человѣкъ не легко освобождается отъ мнѣній, разъ имъ вполнѣ овладѣвшихъ. Слѣдовательно, эти вѣрованія могли еще жить, хотя уже были въ противорѣчіи съ соціальнымъ бытомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть болѣе противорѣчащимъ, какъ жить въ гражданскомъ обществѣ и имѣть въ каждой семьѣ особыхъ боговъ? Но ясно, что такое противорѣчіе было не всегда, что въ эпоху, когда эти вѣрованія укрѣпились въ умахъ и стали достаточно могущественными для созданія религіи, они вполнѣ соотвѣтствовали соціальному состоянію людей. Итакъ, единственное соціальное состояніе, могущее быть съ ними въ согласіи, — такое, гдѣ семья живетъ независимо и обособлено.

Въ такомъ-то состояніи, повидимому, долгое время жила арійская раса. Гимны Веды подтверждаютъ это относительно той вѣтви, изъ которой произошли индусы; древнія вѣрованія и древнее частное право свидѣтельствуютъ о томъ же относительно другихъ отраслей, изъ которыхъ вышли греки и римляне.

Если сравнивать политическія установленія восточныхъ арійцевъ съ такими же установленіями у арійцевъ западныхъ, то нельзя найти почти никакого сходства между ними. Если же, напротивъ, сравнивать установленія домашнія у этихъ различныхъ народовъ, то можно замѣтить, что семья была построена на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ въ Греціи и въ Индіи; основанія же эти, какъ мы показали выше, были такого страннаго свойства, что невозможно предположить, будто это сходство было дѣйствіемъ одной случайности; наконецъ, не одни только эти установленія носятъ на себѣ черты полнаго сходства, но даже слова, ихъ обозначающія, часто одни и тѣ же на разныхъ языкахъ, на какихъ говоритъ эта раса отъ Ганга до Тибра. Отсюда можно вывести двоякое заключеніе: во-первыхъ, что появленіе домашнихъ установленій у этой расы предшествовало той эпохѣ, когда отдѣлились отъ нея различныя вѣтви; во-вторыхъ, что, напротивъ, появленіе политическихъ учрежденій произошло уже послѣ такого раздѣленія. Первыя утвердились еще въ тѣ времена, когда раса жила въ своей древней колыбели, въ Центральной Азіи; вторыя слагались постепенно въ разныхъ странахъ, куда приводило ее переселеніе.

Слѣдовательно, можно провидѣть длинный періодъ, когда люди не знали иной общественной формы, кромѣ семьи. Тогда создалась домашняя религія, которая не могла бы возникнуть въ обществѣ, иначе построенномъ, и которая должна была долго задерживать соціальное развитіе. Тогда же установилось древнее частное право, которое впослѣдствіи оказа-

лось въ разладѣ съ интересами расширившагося общества, но которое находилось въ полной гармоніи съ состояніемъ общества, его породившимъ.

Перенесемся же мыслію въ среду этихъ древнихъ поколѣній, воспоминанія о которыхъ еще не могли совершенно изгладиться и которыя завѣщали свои вѣрованія и свои законы послѣдующимъ поколѣніямъ. У каждой семьи была своя религія, свои боги, свое служеніе. Религіозная обособленность для нея—законъ; ея культъ блюдется въ тайнѣ. Даже по смерти, въ своемъ загробномъ существованіи,—семьи продолжаютъ свою обособленность; каждая продолжаетъ жить отдѣльно въ своей могилѣ, куда нѣтъ доступа постороннему. У каждой семьи есть также своя собственность, т. е. свой участокъ земли, который связанъ съ нею неразрывно самою религіей: ея боги Термы стерегутъ ограду этой земли, ея маны пекутся о ней. Обособленность и разомкнутость собственности настолько обязательны, что два владѣнія не могутъ быть смежными одно съ другимъ и должны имѣть промежъ себѣ полосу земли, никому не принадлежащую и для всѣхъ заповѣдную. Наконецъ, у каждой семьи есть свой глава, подобный царю у народа. У ней—свои законы, конечно не писанные, но запечатлѣнные религіозною вѣрой въ сердцѣ каждаго человѣка. У ней свой внутренній судъ, надъ которымъ нѣтъ иного высшаго. Все, что безусловно необходимо человѣку въ его матеріальной или нравственной жизни, все это заключено для него въ семьѣ. Извнѣ ему ничего не нужно; семья—это организованное государство, это самоуправляющееся общество.

Семья древнихъ вѣковъ не ограничивалась скромными размѣрами современной семьи. Въ большихъ обществахъ семья расчленяется и уменьшается, но въ отсутствіи всякаго иного общества она расширяется, развивается, вѣтвится, не раздѣляясь. Многія младшія вѣтви остаются собранными вокругъ старшей, вблизи единаго очага и общей могилы.

Въ составъ древней семьи вошелъ еще другой элементъ. Взаимная нужда, ощущаемая бѣднякомъ въ богатомъ, а богачемъ въ бѣдномъ, породила прислугу. Въ подобномъ патріархальномъ быту слуги или рабы—одно и то же. Въ самомъ дѣлѣ понятно, что начало добровольной службы, которая могла бы прекратиться по волѣ слуги, несовмѣстима съ такимъ состояніемъ общества, гдѣ семья живетъ обособленно. Къ тому же домашняя религія не позволяетъ допускать въ семью посторонняго. Слѣдовательно, нужно какое-либо средство, чтобы сдѣлать слугу членомъ и составною частью семьи. Это достигалось особымъ видомъ посвященія посторонняго въ семейный культъ

Любопытный обычай, долго державшійся въ аѳинскихъ домахъ, показываетъ намъ, какимъ образомъ рабъ входилъ въ семью. Его подводили къ очагу, ставили предъ лицомъ домашняго божества, на голову ему возливали очистительную

воду и сообща вкушали съ нимъ хлѣбъ и плоды [1]). Такая церемонія имѣла большое сходство съ обрядомъ брака и усыновленія. Несомнѣнно она знаменовала, что вновь допущенный, чужой еще наканунѣ, отнынѣ дѣлается членомъ семьи и соучастникомъ въ общей религіи. Такимъ образомъ рабъ присутствовалъ при совершеніи молитвы и участвовалъ въ празднествахъ [2]). Очагъ оказывалъ ему покровительство; религія боговъ Ларовъ была столько же его, какъ и его хозяина [3]). Вотъ отчего раба надлежало хоронить на мѣстѣ семейнаго погребенія.

Но тѣмъ самымъ, что слуга пріобрѣталъ культъ и право молитвы, онъ терялъ свою свободу. Религія была удерживающей его цѣпью. Онъ былъ связанъ съ семьею на всю свою жизнь и даже навсегда по смерти.

Его хозяинъ могъ извлечь его изъ рабскаго состоянія и обращаться съ нимъ какъ съ свободнымъ. Но слуга не покидалъ оттого семьи; онъ былъ связанъ съ ней культомъ, онъ не могъ безъ нечестія бросить ее. Подъ именемъ *отпущенника* или *кліэнта* онъ продолжалъ признавать власть главы или патрона и сохранять къ нему извѣстныя обязанности. Онъ вступалъ въ бракъ съ его соизволенія, и дѣти, рожденныя отъ брака, продолжали оставаться въ томъ же подчиненіи [4]).

Такимъ образомъ въ лонѣ большой семьи возникало опредѣленное число меньшихъ, подвластныхъ семей. Римляне приписывали установленіе кліэнтства Ромулу, какъ будто подобное учрежденіе могло быть дѣломъ одного человѣка. Кліэнтство много древнѣе Ромула. Притомъ же оно существовало повсюду въ Греціи такъ же, какъ и во всей Италіи [5]).

Не государственный строй ввелъ его и установилъ; напро-

---

[1]) Демосѳенъ, *in Stephanum*, I, 74. Аристофанъ, *Плутосъ*, 768. Оба эти писателя ясно намекаютъ на обрядъ, но ни одинъ его не описываетъ. Схоліастъ Аристофана прибавляетъ къ тому нѣкоторыя подробности. Замѣтьте, какъ Клитемнестра у Эсхила принимаетъ въ домъ новую рабу: „Войди въ этотъ домъ; Юпитеру угодно допустить тебя совершать омовенія очистительной водою съ моими рабынями у моего домашняго очага“. *Агамемнонъ*, 1035—1038.

[2]) Аристотель, I, 5: „Рабамъ еще болѣе, чѣмъ лицамъ свободнымъ, надлежитъ почитать и соблюдать праздники и жертвы“. Цицеронъ, *De legibus*, II, 8: *Ferias in famulis habento*. Въ праздничные дни запрещалось заставлять раба работать.

[3]) Цицеронъ, *De legib.*, II, 11: *Neque ea, quae a majoribus prodita est quum dominis, tum famulis religio Larum, repudianda est*. Рабъ могъ даже священнодѣйствовать отъ имени хозяина; Катонъ, *De re rustica*, 83

[4]) Относительно обязанностей отпущенниковъ въ римскомъ правѣ смотри *Дигестъ*, XXXVII, 14, *De jure patronatus*; XII, 15, *De obsequiis parentibus et patronis praestandis*; XIII, 1, *De operis libertorum*,— греческое право относительно кліэнтовъ и отпущенниковъ измѣнилось еще ранѣе, чѣмъ римское, такъ что намъ осталось слишкомъ мало свѣдѣній о древнемъ положеніи этихъ двухъ классовъ людей; смотри Хризиппа въ Атенеѣ, VI, 93, и любопытное мѣсто у Платона, *Законы*, XI, стр. 915. Повидимому, отпущенникъ все время сохранялъ обязанности къ своему бывшему хозяину.

[5]) Кліэнты у сабиновъ (Титъ Ливій, II, 16; Діонисій, V, 40); у этрусковъ (Діонисій, IX, 5); у грековъ (Діонисій, II, 9).

тивъ, какъ мы увидимъ далѣе, онъ исподволь стремился его съузить и разрушить. Кліэнтство — установленіе домашняго права, и оно существовало уже въ семьяхъ, прежде чѣмъ появилась гражданская община.

Отнюдь не слѣдуетъ судить о кліэнтствѣ временъ древнѣйшихъ по тому, что мы видимъ во времена Горація. Очевидно, что кліэнтъ долгое время былъ просто слугою, прикрѣпленнымъ къ своему хозяину или патрону. Но у него было нѣчто, придававшее ему достоинство: именно, онъ принималъ участіе въ культѣ, онъ былъ пріобщенъ къ религіи семьи. У него были тотъ же очагъ, тѣ же праздники, та же святыня (*sacra*), какъ и у патрона. Въ Римѣ въ знакъ религіозной общности онъ принималъ названіе семьи. Въ ней онъ считался членомъ по усыновленію. Отсюда тѣсная связь и взаимныя обязанности между патрономъ и кліентомъ. Древній римскій законъ гласитъ: „Если патронъ сотворитъ зло кліэнту, да будетъ онъ проклятъ, *sacer esto*, смертію да умретъ“ [1]). Патронъ обязанъ помогать кліэнту всѣми средствами и всѣми силами, находящимися въ его распоряженіи: какъ жрецъ — своею молитвою, какъ воинъ — своимъ оружіемъ, какъ судья — закономъ. Впослѣдствіи, когда гражданская община потребуетъ кліэнта на судъ, патрону вмѣнится въ обязанность защищать его; патрону вмѣнится также въ обязанность открыть кліэнту таинственныя формулы закона, которыя могли бы обезпечить кліэнту выигрышъ его дѣла [2]). На судѣ будетъ допущено свидѣтельство противъ когната, но отнюдь не противъ кліэнта [3]); обязанности по отношенію къ кліэнтамъ будутъ постоянно считаться много выше обязанностей къ когнатамъ [4]). Почему? Потому, что когнатъ, связанный только по женской линіи, совсѣмъ не родственникъ и не участвуетъ въ семейной религіи. У кліэнта же, напротивъ, имѣется общеніе въ культѣ; какъ бы низокъ онъ ни былъ, онъ все же находится въ истинномъ родствѣ, которое состоитъ, по выраженію Платона, въ поклоненіи однимъ и тѣмъ же семейнымъ богамъ.

Кліэнтство — та священная связь, какую установила религія и какую ничто не могло нарушить. Ставъ однажды клиентомъ какой-либо семьи нельзя болѣе бросить ее. Кліэнтство первобытныхъ временъ не есть добровольное и преходящее отношеніе между двумя людьми; оно наслѣдственно; кліэнтство переходило по обязанности отъ отца къ сыну [5]).

---

[1]) Законъ XII Таблицъ, приведенный Сервіемъ, *ad Aen.*, VI, 609. Вергилій: *Aut fraus innexa clienti*. — Объ обязанностяхъ патрона у Діонисія, II, 10.

[2]) *Clienti promere jura*, Горацій, *Epit.*, II, 1, 104. Цицеронъ, *De orat.*, III, 33.

[3]) Катонъ у Авла-Геллія, V, 3; XXI, 1: *Adversus cognatos pro cliente testatur; testimonium adversus clientem nemo dicit.*

[4]) Авлъ-Геллій, XX, 1: *Clientem tuendum esse contra cognatos.*

[5]) Эта истина, по нашему мнѣнію вполнѣ доказывается двумя свѣдѣніями, переданными намъ: одно — Плутархомъ, другое — Цицерономъ. Гереній, призванный въ свидѣтели противъ Марія, ссылался, что противно древнимъ законамъ свидѣтельствовать патрону на своего кліэнта; а такъ какъ, вѣроятно, удивились, что Марій, бывшій уже трибуномъ, названъ кліэнтомъ, то онъ прибавилъ, что дѣйствительно „Марій и его семья были въ глубокой древности кліэнтами семьи Геренніи“. Судьи удивляются подобной отговоркѣ, но Марій возразилъ, что въ тотъ день, когда онъ былъ выбранъ на общественную должность, онъ вышелъ изъ кліэнтства. „Это не совсѣмъ была правда, — прибавляетъ историкъ, — потому что не всякая общественная должность освобождала отъ условій кліэнтства; такое преимущество принадлежитъ только курульнымъ должностямъ“ (Плутархъ, *Жизнь Марія*, 5). Слѣдовательно, кліэнтство было за этимъ единственнымъ исключеніемъ обязательно и наслѣдственно; Марій забылъ о немъ, Геренніи помнили. — Цицеронъ упоминаетъ объ одномъ процессѣ, происходившемъ въ его время между Клавдіями и Марцеллами: первые въ качествѣ стоящихъ во главѣ рода Клавдія претендовали, въ силу древняго права, чтобы Марцеллы были ихъ кліэнтами, хотя послѣдніе уже два вѣка находились въ первыхъ рядахъ государства; Клавдіи настаивали на утвержденіи, что связь кліэнтства не можетъ быть разрушена. — Эти два случая, избѣжавшіе забвенія, даютъ намъ возможность составить себѣ понятіе о томъ, что такое было первобытное кліэнтство.

Изъ всего этого видно, что семья древнѣйшихъ вѣковъ съ ея старшею вѣтвью и нѣсколькими младшими, со слугами и кліэнтами, могла составлять весьма многочисленную группу людей. Благодаря религіи, поддерживавшей ея единство, благодаря частному праву, дѣлавшему ее недѣлимою, благодаря законамъ кліэнтства, прикрѣплявшимъ къ ней ея слугъ, она составляла въ концѣ-концовъ весьма обширное общество съ наслѣдственнымъ главою въ своей вершинѣ. Изъ неопредѣленнаго числа подобныхъ обществъ состояла, повидимому, въ теченіе долгаго ряда вѣковъ арійская раса. Тысячи подобныхъ маленькихъ группъ жили обособленно, мало общаясь между собою; не нуждаясь другъ въ другѣ и не будучи связаны вмѣстѣ ни религіей, ни политикой; каждая изъ нихъ имѣла свой участокъ земли, свое внутреннее управленіе и своихъ боговъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГРАЖДАНСКАЯ ОБЩИНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Фратрія и курія. Триба.

До сихъ поръ мы не дали, да и теперь не можемъ дать никакого хронологическаго указанія. Въ исторіи древнихъ обществъ эпохи гораздо легче обозначаются послѣдовательнымъ преемствомъ идей и учрежденій, чѣмъ годами.

Изученіе древнихъ основаній частнаго права дало намъ возможность провидѣть за предѣлами временъ, такъ называемыхъ историческихъ, цѣлый рядъ вѣковъ, въ теченіе которыхъ семья была единственною формой общежитія. Семья могла заключать тогда въ себѣ многія тысячи человѣческихъ существъ. Но въ этихъ предѣлахъ человѣческое общежитіе было крайне узко; крайне стѣснено относительно нуждъ матеріальныхъ, потому что было трудно одной семьѣ обходиться своими силами въ виду всѣхъ превратностей жизни; крайне стѣснено также и въ отношеніи духовныхъ потребностей нашей природы, потому что мы видѣли, какъ несовершенна была нравственность въ этомъ маленькомъ мірѣ и какъ недостаточно было познаніе божественнаго.

Ограниченность первобытнаго общества соотвѣтствовала его узкому понятію о божествѣ. У каждой семьи были свои боги, и человѣкъ не признавалъ и не чтилъ другихъ божествъ, кромѣ домашнихъ. Но онъ не могъ долго довольствоваться этими богами, слишкомъ несовершенными въ предѣлахъ достижимаго разумѣнія. Если ему нужно было еще много вѣковъ, чтобы дойти до представленія о Богѣ, какъ единомъ Существѣ, несравненномъ и безконечномъ, то по крайней мѣрѣ онъ долженъ былъ незамѣтно приближаться къ этому идеалу, расширяя изъ вѣка въ вѣкъ свое о немъ понятіе и раздвигая понемногу кругозоръ, отдѣляющій для него Божественное Существо отъ предметовъ земного міра.

Такимъ образомъ религіозная идея и человѣческое общество росли въ одно и то же время.

Домашняя религія запрещала двумъ семьямъ смѣшиваться и сливаться въ одно. Но было вполнѣ возможно, что нѣсколько

ко семей, ничѣмъ не поступаясь въ своей отдѣльной религіи, соединялись, по крайней мѣрѣ, для отправленій другого культа, имъ общаго. Такъ и случилось. Извѣстное число семей составили группу, которая по-гречески называлась фратріей, а по-латыни куріей [1]). Существовала ли между семьями одной и той же группы связь по рожденію? Невозможно сказать навѣрное. Несомнѣнно лишь то, что этотъ новый союзъ не могъ сложиться безъ соотвѣтственнаго расширенія религіозной идеи. Въ эпоху своего соединенія эти семьи имѣли уже понятіе о божествѣ, превышавшемъ ихъ семейныхъ боговъ, общаго всѣмъ имъ и охранявшемъ своимъ могуществомъ цѣлый союзъ. Они воздвигли ему жертвенникъ, зажгли священный огонь и установили религіозные обряды [2]).

У каждой куріи и фратріи былъ свой жертвенникъ и свой богъ покровитель. Религіозныя дѣйствія были такія же, какъ и въ семьѣ; они состояли существеннымъ образомъ изъ вкушенія пищи сообща; пища приготовлялась на самомъ жертвенникѣ и была, слѣдовательно, священна; ее вкушали при чтеніи извѣстныхъ молитвъ; божество присутствовало тутъ и получало свою долю пищи и напитковъ [3]).

Религіозные обѣды куріи долгое время существовали въ Римѣ; Цицеронъ упоминаетъ о нихъ, Овидій ихъ описываетъ [4]). Во времена Августа они сохраняли еще всѣ свои древнія формы. „Я видѣлъ въ этихъ священныхъ мѣстахъ,— говоритъ одинъ историкъ той эпохи,—обѣдъ, приготовленный предъ божествомъ; столы, по обычаю предковъ, деревянные, а сосуды—изъ глины. Пища состояла изъ хлѣбовъ, печеній, изъ крупичатой муки и плодовъ. Я видѣлъ, какъ творились возліянія не изъ золотыхъ или серебряныхъ сосудовъ, но изъ глиняныхъ; я удивлялся на этихъ людей нашего времени, остающихся вѣрными обрядамъ и преданіямъ отцовъ“ [5]). Въ

---

1) Этотъ способъ образованія фратріи ясно указанъ въ любопытномъ отрывкѣ Дицеарха (*Отрывки греч. ист.*, изд. Дидо, т. II, стр. 238). У Гомера на фратріи указывается какъ на обще-греческое учрежденіе; Иліада, II, 362 — Поллуксъ, III, 52. Демосѳенъ, *in Macartatum*, 14; Изей. *de Philoct. hered.*, 10.—Фратріи были въ Ѳивахъ (Схоліастъ Пиндара, *Isthm.*, VI, 18); въ Коринѳѣ (ibid , *Olymp.*, VIII, 127); въ Ѳессаліи (ibid, *Isthm.*, X, 85); въ Неаполѣ (Страбонъ, V, стр. 246); на Критѣ (Бёкъ, *Corp. inscr.*, № 2555). Нѣкоторые историки думаютъ, что спартанскіе ὦβαι соотвѣтствуютъ аѳинскимъ фратріямъ.—Слова фратрія и курія считались однозначными; Діон. Галикар. (II, 85) и Діонъ Кассій (отр. 14) переводятъ одно другимъ.

2) Демосѳенъ, *in Macart.*, 14, и Изей, *De Apollod. hered.*, упоминаютъ объ алтарѣ фратріи и о жертвоприношеніи, на немъ совершавшемся. — Поллуксъ, III, 52.

3) Φρατριακὰ δεῖπνα (Атеней, V, 2); *Curiales mensae* (Фестъ, стр. 64).

4) Цицеронъ, *De orat.*, I, 7: *dies curiae, convivium*. Овидій, *Фасты*, VI, 305. Діонисій, II, 65.

5) Діонисій, II, 23. Вопреки его словамъ, тутъ вкрались нѣкоторыя перемѣны. Обѣды по куріямъ были уже только пустою формальностью, годною для однихъ жрецовъ. Члены куріи охотно отъ нихъ уклонялись, и даже вошло въ обычай замѣнять общій столъ раздачею съѣстныхъ припасовъ и денегъ; Плавтъ, *Aululaire*, V, 69 и 137.

Аѳинахъ въ празничные дни, какъ, напримѣръ, во время Апатурій и Фаргелій, каждая фратрія собиралась вокругъ своего очага; закалывалась жертва; мясо, зажаренное на священномъ огнѣ, дѣлилось между всѣми членами фратріи и тщательно заботились при этомъ, чтобы никто изъ постороннихъ не принялъ къ томъ участія [1]).

Кое-какіе обычаи, продлившіеся до конца греческой исторіи, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на природу древней фратріи. Такъ мы видимъ, что во времена Демосѳена, для того чтобы принадлежать къ какой-либо фратріи, надо было родиться отъ законнаго брака въ одной изъ семей, ее составлявшихъ, потому что религія фратріи, какъ и семейная, передавалась лишь съ кровью. Юный аѳинянинъ представлялся фратріи своимъ отцомъ, клятвенно утверждавшимъ, что онъ его сынъ; пріемъ новаго члена совершался въ религіозной формѣ. Фратрія приносила жертву, мясо которой жарилось на жертвенникѣ въ присутствіи всѣхъ членовъ. Если они отказывали въ пріемѣ новичка, на что они имѣли право въ случаѣ сомнѣнія въ законности его рожденія, они должны были сбросить жертвенное мясо съ алтаря. Если они этого не дѣлали, а, напротивъ, подѣляли его съ новымъ членомъ, то это знаменовало, что юноша принятъ и сталъ навсегда членомъ союза [2]). Обряды эти объясняются тѣмъ вѣрованіемъ древнихъ будто всякая пища, изготовленная на жертвенникѣ и затѣмъ подѣленная между разными лицами, устанавливала между ними нерасторжимую связь и священный союзъ, прекращавшійся только съ жизнію [3]).

У каждой фратріи или куріи имѣлся свой глава, куріонъ,

---

[1]) Изей, *de Apollod. hered.*, 15—17, описываетъ одинъ изъ этихъ обѣдовъ; въ другомъ мѣстѣ (*de Astyph. hered.*, 33) онъ говоритъ объ одномъ человѣкѣ, вышедшемъ изъ своей фратріи, вслѣдствіе усыновленія, и съ тѣхъ поръ считавшемся въ ней чужимъ; напрасно присутствовалъ онъ на каждомъ священномъ общемъ обѣдѣ, ему не давали ни части отъ жертвеннаго мяса. Лизій, *Отрыв.*, 10 (изд. Дидо, т. II, стр. 255): „Если кто-либо изъ чужерожденныхъ присоединится къ какой-нибудь фратріи, всякій аѳинянинъ можетъ преслѣдовать его за то судомъ".

[2]) Демосѳенъ, *in Macartatum*, 13—15. Изей, *De Philoct. hered.*, 21 — 22; *de Cironis hered.*, 18.

[3]) Такое мнѣніе было основаніемъ древняго гостепріимства. Мы не будемъ описывать это любопытное установленіе, а скажемъ только, что здѣсь большое участіе принимала религія. Человѣкъ, успѣвшій проникнуть къ очагу, не могъ считаться болѣе вполнѣ чужимъ; онъ сталъ ἐφέστιος (Софоклъ, *Трахин.*, 262; Эврипидъ, *Іонъ*, 654; Эсхилъ, *Эвмениды*, 577; Ѳукидидъ, I, 137). Тотъ, кто подѣлилъ свой священный обѣдъ съ своимъ гостемъ, навсегда оставался съ нимъ въ религіозномъ общеніи; вотъ почему Эвандръ говоритъ троянцамъ: *Communem vocate Deum* (Вергилій, *Энеида*, VIII, 275).—Вотъ примѣръ мудрой нелогичности человѣческой души: домашняя религія была создана не для чужеземца; въ сущности она даже отталкивала его, но тѣмъ самымъ чужеземецъ, разъ ею принятый, становился лицомъ священнымъ. Какъ только онъ прикоснулся къ очагу, по необходимости, онъ перестаетъ быть чужимъ и постороннимъ; одинъ и тотъ же принципъ, который вчера устранялъ его, теперь требуетъ, чтобъ онъ отнынѣ и навсегда остался членомъ семьи.

магистръ куріи (curio, magister curiae), или фратріархъ, чьей главною обязанностью было распоряжаться жертвоприношеніями. Можетъ-быть, ихъ полномочія вначалѣ были шире. Фратрія собиралась на сходки и совѣщанія и могла издавать постановленія [1]). Въ ней, какъ и въ семьѣ, былъ свой богъ, свой культъ, свое священство, судъ и управленіе. То было маленькое общество, построенное по типу семьи.

Союзъ естественно продолжалъ расширяться, разумѣется, тѣмъ же способомъ. Нѣсколько курій или фратрій соединились вмѣстѣ и образовали трибу.

Этотъ новый кругъ имѣлъ также свою религію; въ каждой трибѣ имѣлся свой жертвенникъ и особый богъ покровитель [2]).

Богъ трибы обыкновенно былъ той же природы, какъ и богъ фратріи или семьи. То былъ обоготворенный человѣкъ, *герой*. По его имени называлась триба: вотъ отчего греки называли его „героемъ, дающимъ прозванія" (ἥρως ἐπώνυμος). Въ честь его ежегодно совершался праздникъ. Главною частью религіозной церемоніи былъ обѣдъ, на которомъ присутствовала вся триба [3]).

Триба, какъ и фратрія, имѣла собранія и издавала постановленія, которымъ должны были подчиняться всѣ ея члены. Она имѣла право суда надъ своими членами. У ней былъ глава, *tribunus*, φιλοβασιλεύς [4]). Изъ дошедшихъ до насъ установленій трибы видно, что вначалѣ она сложилась вполнѣ независимымъ обществомъ и что тогда надъ нею не было никакой высшей общественной власти [5]).

---

[1]) О *curio* или *magister curiae*, см. Діонисій, II, 64; Варронъ, *De lingl. at.*, V, 83; Фестъ, стр. 126. Фратріархъ упомянутъ у Демосѳена, *in Eubul.*, 23. Совѣщанія и подача голосовъ описаны у Демосѳена, *in Macart.*, 82. Многія надписи содержатъ постановленія, изданныя фратріями; см. *Corpus inscr. attic.*, т. II, изд. Кёлера, №№ 598, 599, 600.

[2]) Φυλίων θεῶν ἱερά (Поллуксъ, VIII, 110).

[3]) Φυλετικὰ δεῖπνα (Атеней, V, 2); Поллуксъ, III, 67; Демосѳенъ, *in Boeot., de nom.*, 7. О четырехъ древнихъ трибахъ въ Аѳинахъ и объ ихъ отношеніяхъ къ фратріямъ и родамъ, см. у Поллукса, VIII, 109—111, и у Гарпократіона, слово τριττύς, по Аристотелю. Существованіе древнихъ трибъ, числомъ три или четыре, было общимъ явленіемъ во всѣхъ греческихъ гражданскихъ общинахъ—какъ въ дорическихъ, такъ и въ іонійскихъ: Иліада, II, 362 и 668; *Одиссея*, XIX, 177; Геродотъ, VI, 161; V, 68 и 69. Надо различать религіозныя трибы первыхъ временъ отъ трибъ чисто мѣстныхъ временъ позднѣйшихъ. Только одни первыя были въ связи съ фратріями и родами.

[4]) Поллуксъ, VIII, 111: οἱ φιλοβασιλεῖς, ἐξ Εὐπατριδῶν ὄντες μάλιστα τῶν ἱερῶν ἐπεμελοῦντο. Аристотель, отрывокъ приводимый Фотіемъ, слово ναυκραρία.

[5]) Политическая и религіозная организація трехъ первоначальныхъ трибъ въ Римѣ оставила по себѣ мало слѣдовъ. Извѣстно только, что онѣ состояли изъ курій и родовъ, и у каждой изъ нихъ былъ свой *tribunus*. Сохранились ихъ названія Рамновъ, Тиціевъ, Люцеровъ, равно какъ и нѣкоторые обряды ихъ культа. Трибы эти были настолько значительными союзами, что гражданской общинѣ нельзя было не ослабить ихъ и не лишить независимости. Плебеи также старались ихъ уничтожить.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Новыя религіозныя вѣрованія.

1. Божества физической природы.

Прежде чѣмъ перейти отъ образованія трибъ къ возникновенію гражданскихъ общинъ, надо упомянуть объ одномъ важномъ факторѣ въ умственной жизни этихъ древнихъ поколѣній.

Изслѣдуя древнѣйшія вѣрованія этихъ народовъ, мы нашли религію, имѣвшую своимъ предметомъ предковъ, а главнымъ символомъ очагъ; ею создалась семья и были установлены первые законы. Но у этой расы во всѣхъ ея отдѣльныхъ вѣтвяхъ имѣлась еще другая религія, гдѣ главными лицами были Зевесъ, Гера, Аѳина, Юнона,—религія греческаго Олимпа и римскаго Капитолія.

Изъ этихъ двухъ религій первая брала своихъ боговъ изъ человѣческой души, вторая — изъ физической природы. Если чувство жизненной силы и присущаго ему сознанія внушило человѣку первую идею о божественномъ, то зрѣлище окружающей и подавляющей его безпредѣльности дало его религіозному чувству иное теченіе.

Человѣкъ первобытныхъ временъ всегда находился лицомъ къ лицу съ природою; привычки цивилизованной жизни не стояли еще преградою между ними. Его взоръ прельщался ея красотами или ослѣплялся ея величіемъ; онъ радовался свѣту, боялся тьмы, и когда онъ замѣчалъ возвращеніе „святой ясности небесъ“ [1], онъ испытывалъ чувство признательности. Его жизнь была въ рукахъ природы: то онъ поджидалъ благодѣтельной тучи съ дождемъ, отъ котораго зависѣла его жатва; то онъ страшился грозы или бури, могущихъ уничтожить его трудъ и надежду цѣлаго года. Каждую минуту онъ чувствовалъ свою слабость и несравненную силу того, что его окружало. Онъ испытывалъ постоянно по отношенію къ этой могущественной природѣ какую-то смѣсь благоговѣнія, любви и страха. Чувство это не сразу привело его къ понятію Единаго Бога, Вседержителя міра. У него еще не было понятія о мірѣ; онъ не зналъ, что земля, солнце, звѣзды—части единаго цѣлаго; ему не приходила мысль, что всѣ они могли управляться Единымъ Существомъ. При первыхъ попыткахъ разобраться во внѣшнемъ мірѣ, человѣкъ представилъ его себѣ чѣмъ-то вродѣ полнаго безначалія, гдѣ враждующія силы борются другъ съ другомъ. Такъ какъ онъ судилъ о внѣшнихъ вещахъ по самому себѣ,—а въ себѣ онъ чувствовалъ свободное существо,—то онъ видѣлъ подобныя же личности въ каждой части созданія, въ землѣ, въ растеніи, въ тучѣ, въ водѣ, въ солнцѣ; онъ приписывалъ имъ мысль, волю, произволъ; чувствуя ихъ могущество и подчиняясь ихъ власти, онъ признавалъ свою зависимость; онъ сталъ молиться имъ и служить; онъ сдѣлалъ себѣ изъ нихъ боговъ.

[1] Софоклъ, *Антигона*, 879. Въ Ведахъ зачастую встрѣчается та же мысль.

Такимъ образомъ у этой расы религіозная идея явилась въ двухъ различныхъ видахъ. Съ одной стороны человѣкъ связалъ божественный характеръ съ принципомъ невидимаго, съ сознаніемъ, съ тѣмъ, что онъ предугадывалъ о душѣ, съ тѣмъ, что онъ чувствовалъ въ себѣ священнымъ. Съ другой стороны, онъ приложилъ идею божественнаго къ внѣшнимъ предметамъ, которые онъ созерцалъ, любилъ или которыхъ страшился, къ физическимъ силамъ, которыя были господами его счастія и его жизни.

Эти два разряда вѣрованій повели къ основанію двухъ религій, просуществовавшихъ такъ же долго, какъ и общества греческое и римское. Они не враждовали между собою, но жили въ мирномъ согласіи, подѣливъ между собою власть надъ человѣкомъ; однако они никогда не смѣшивались. У нихъ всегда были вполнѣ различные догматы, часто противорѣчившіе другъ другу, совершенно различные обряды и церемоніи. Культъ олимпійскихъ боговъ и культъ героевъ или мановъ никогда не имѣли ничего общаго между собою. Какая именно изъ этихъ двухъ религій была первою по времени, нельзя сказать навѣрное. Нельзя даже утвердительно сказать, что одна возникла раньше, другая позднѣе. Достовѣрно только, что одна изъ нихъ, а именно религія мертвыхъ, возникнувъ въ эпоху крайне отдаленную, осталась навсегда неподвижною въ своихъ обрядахъ, тогда какъ ея догматы постепенно забывались. Другая религія, а именно — религія физической природы, свободно развивалась въ теченіе вѣковъ, мало по-малу измѣняя свои преданія и ученія и постоянно расширяя свою власть надъ человѣкомъ.

2. Соотношеніе этой религіи съ развитіемъ человѣческаго общества.

Можно думать, что первые зачатки религіи природы весьма древни, быть-можетъ такъ же древни, какъ и культъ предковъ, но такъ какъ она отвѣчала болѣе общимъ и высокимъ понятіямъ, то ей потребовалось много больше времени, чтобы сложиться въ опредѣленное ученіе [1]). Вполнѣ вѣрно, что она не сразу, въ одинъ день, явилась на свѣтъ и не вышла вполнѣ готовою изъ головы какого-либо человѣка. Въ началѣ этой религіи не видно ни вдохновеннаго ея установителя, ни со-

[1]) Нужно ли напоминать о всѣхъ греческихъ и италійскихъ преданіяхъ, выставлявшихъ религію Юпитера—юною и сравнительно недавнею? Въ Греціи и Италіи сохранилось воспоминаніе о томъ времени, когда человѣческія общества уже существовали, а религія эта еще не сложилась. Овидій, *Фасты*, II, 289; Вергилій, *Георг.*, I, 126; Эсхилъ, *Эвмениды;* Павзаній, VIII, 8. Есть также вѣроятность, что у индусовъ *Питріи* предшествовали *Девамъ*.

словія жрецовъ. Она родилась въ различныхъ умахъ дѣйствіемъ естественной ихъ силы. Каждый создалъ ее по-своему. Между всѣми этими богами, возникшими изъ разныхъ умовъ, оказалось сходство, потому что понятія въ человѣкѣ слагались одинаковымъ почти способомъ; но между ними оказалось также и большое разнообразіе, потому что каждый умъ былъ творцомъ особыхъ боговъ. Отсюда вышло то слѣдствіе, что эта религія долгое время оставалась смутною, а количество ея боговъ было безчисленно.

Однако предметы, которые могли бы стать объектомъ обоготворенія, не очень многочисленны. Плодотворное солнце, кормилица земля, туча то благотворная, то губительная,— вотъ главныя силы, изъ которыхъ можно было создать боговъ. Но каждый изъ этихъ предметовъ породилъ изъ себя тысячи боговъ, потому что одна и та же физическая сила, разсматриваясь съ различныхъ точекъ зрѣнія, получила отъ человѣка различныя имена. Такъ, напримѣръ, солнце здѣсь называлось Иракломъ (славнымъ), тамъ — Фебомъ (блестящимъ), а въ третьемъ мѣстѣ — Аполлономъ (прогоняющимъ тьму); одинъ называлъ его возвышеннымъ (Гиперіонъ), другой спасительнымъ (Алексикакосъ); и долгое время группы людей, давшія эти различныя имена блестящему свѣтилу, не догадывались, что у нихъ одно и то же божество.

Въ сущности всякій поклонялся лишь небольшому числу божествъ; но боги одного не были богами другого. Правда, имена могли имѣть между собою сходства; многіе люди могли, каждый отдѣльно, назвать своего бога Аполлономъ или Иракломъ, потому что слова эти принадлежали къ обычному языку и были только прилагательными, обозначавшими божественное существо по тому или другому изъ его выдающихся свойствъ. Но подъ этимъ общимъ именемъ разныя группы людей не могли все-таки предполагать одного бога. Считались тысячи разныхъ Юпитеровъ; было множество Минервъ, Діанъ и Юнонъ, имѣвшихъ между собой мало общаго. Каждый изъ этихъ образовъ былъ созданъ свободнымъ творчествомъ отдѣльнаго лица и былъ въ нѣкоторомъ родѣ его собственностью; отсюда произошло то, что боги эти были долго независимы одни отъ другихъ и каждый изъ нихъ имѣлъ свое особое преданіе и свой отдѣльный культъ [1].

Такъ какъ первое появленіе такихъ вѣрованій относится къ эпохѣ, когда люди жили еще въ семейномъ быту, то и эти новые боги имѣли сначала, подобно демонамъ, героямъ и ларамъ, характеръ домашнихъ божествъ. Каждая семья сама

[1]) Если часто случалось, что подъ многими именами представлялось одно и то же божество или одно и то же понятіе, то случалось и такъ, что одно общее имя скрывало въ себѣ различныя божества: Посейдонъ Гиппіосъ, Посейдонъ Фитальміосъ, Посейдонъ Эректейскій, Посейдонъ Эгейскій, Посейдонъ Геликонскій—были все различные боги съ разными аттрибутами и разными поклонниками.

создала себѣ своихъ боговъ и берегла ихъ для себя, какъ помощниковъ и покровителей, чьими милостями она не хотѣла дѣлиться съ посторонними. Подобная мысль часто встрѣчается въ гимнахъ Веды. Несомнѣнно, что она присутствовала и въ умахъ арійцевъ западныхъ, потому что она оставила видимые слѣды въ ихъ религіи. Какъ скоро какая-либо семья, олицетворяя какую-нибудь физическую силу, творила себѣ изъ нея бога, она тотчасъ присоединяла его къ своему очагу, включала въ число своихъ пенатовъ и прибавляла нѣсколько словъ въ честь него къ своей обычной молитвѣ. Вотъ почему у древнихъ часто попадаются такія выраженія: боги, возсѣдающіе у моего очага, Юпитеръ моего очага, Аполлонъ отцовъ моихъ [1]). „Заклинаю тебя,—говоритъ Текмесса Аяксу— именемъ Юпитера, возсѣдающаго у твоего очага“. Волшебница Медея говоритъ у Эврипида: „Клянусь Гекатою, моей владычицей богиней, мною чтимой и пребывающей въ святилищѣ моего очага“. Вергилій, описывая все наиболѣе древнее въ религіи Рима, указываетъ на Геркулеса, пріобщеннаго къ очагу Эвандра, который чтитъ его какъ домашнее божество.

Отсюда произошли многія тысячи мѣстныхъ культовъ, между которыми никогда не могло установиться единство; отсюда эти раздоры боговъ, наполняющіе все язычество и олицетворяющіе раздоры семей, общинъ и городовъ. Отсюда также то безчисленное множество боговъ и богинь, которыхъ только меньшая часть намъ извѣстна, потому что много изъ нихъ погибло, не оставивъ даже воспоминанія о своемъ имени, такъ какъ семьи, имъ поклонявшіяся, угасли или города, соблюдавшіе ихъ культъ, были разрушены.

Не мало времени понадобилось на то, чтобъ эти боги могли выйти изъ предѣла семьи, гдѣ они зачались и считались за родовое наслѣдіе. Извѣстно даже, что многіе изъ нихъ никогда не освободились отъ такихъ домашнихъ узъ. Элевсинская Деметра осталась частнымъ божествомъ семейства Эвмольпидовъ. Аѳина, богиня аѳинскаго акрополя, принадлежала семьѣ Вутадовъ. У римскихъ Потиціевъ былъ семейнымъ божествомъ Геркулесъ, а у Науціевъ—Минерва [2]). Весьма вѣроятно, что культъ Венеры долго оставался исключительной принадлежностью семьи Іула и что богиня эта не имѣла общественнаго культа въ Римѣ.

Въ концѣ концовъ божество какой-либо семьи, постепенно увеличивая свое вліяніе на воображеніе людей, показалось имъ настолько могущественнымъ въ соотвѣтственномъ благополучіи и благоденствіи этой семьи, что вся гражданская община пожелала усвоить его себѣ и посвятить ему обще-

[1]) Ἑστιοῦχοι, ἐφέστιοι πατρῷοι. Ὁ ἐμὸς Ζεύς. Эврипидъ, *Гекуба*, 345; *Медея*, 395. Софоклъ, *Аяксъ*, 492. Вергилій, VIII, 543. Геродотъ, I, 44.

[2]) Титъ Ливій, IX, 29: *Potitii, gens cujus familiare fuerat sacerdotium Herculis*. Діонисій, II, 69. Въ семьѣ Авреліевъ также чтился культъ солнца (Фестъ, слово *Aureliam*, изд. Мюллера, стр. 23).

ственный культъ для снисканія его милостей. Такъ было съ Деметрой Эвмольпидовъ, съ Аѳиною Вутадовъ, съ Геркулесомъ Потиціевъ. Но когда какая-нибудь семья соглашалась такимъ образомъ подѣлиться съ другими своимъ божествомъ, она, по крайней мѣрѣ, сохраняла за собою право священства. Можно замѣтить, что санъ жреца каждаго бога долго оставался наслѣдственнымъ и не могъ выходить изъ данной семьи [1]). Это слѣдъ того времени, когда самъ богъ былъ собственностью этой семьи, ее одну охранялъ и отъ нея одной принималъ служеніе.

Такимъ образомъ можно справедливо сказать, что вторая религія сначала вполнѣ соотвѣтствовала соціальному состоянію людей. Ея колыбелью была семья и она долгое время оставалась въ ея тѣсныхъ предѣлахъ. Для будущихъ успѣховъ человѣческаго общежитія она была много удобнѣе, чѣмъ культъ мертвыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, предки, герои, маны—были такія божества, которыя по самой своей сущности могли быть почитаемы лишь ограниченнымъ числомъ людей и которыя на вѣки установляли непереходимую границу между семьями. Религія естественныхъ боговъ была значительно шире. Никакой законъ не мѣшалъ распространенію любого изъ этихъ культовъ; внутренняя сущность этихъ боговъ не требовала служенія одной только семьи и не отталкивала отъ себя посторонняго. Люди должны были нечувствительно прійти, наконецъ, къ соображенію, что Юпитеръ одной семьи былъ въ сущности тѣмъ же существомъ и тѣмъ же самымъ понятіемъ, какъ Юпитеръ другой, а этого они не могли никогда подумать о двухъ ларахъ, о двухъ предкахъ, или о двухъ очагахъ.

Прибавимъ, что новая религія принесла съ собой и иную нравственность. Она не ограничивалась поученіемъ человѣка его семейнымъ обязанностямъ. Юпитеръ былъ богъ гостепріимства; подъ его покровительствомъ находились странники, нищіе, „почтенные бѣдняки", съ которыми надлежало обходиться „какъ съ братьями". Всѣ эти боги часто принимали на себя человѣческій образъ и являлись смертнымъ. Иногда они дѣлали это съ тѣмъ, чтобы помочь имъ въ ихъ борьбѣ или принять участіе въ ихъ битвахъ, но часто и для того, чтобы заповѣдать имъ согласіе и научить ихъ взаимопомощи.

По мѣрѣ того, какъ развивалась эта вторая религія, общество должно было увеличиваться въ ростѣ. Въ то же время вполнѣ очевидно, что эта религія, сначала слабая, впослѣдствіи чрезвычайно расширилась. Вначалѣ она какъ бы пріютилась въ семьяхъ подъ защитой домашняго очага. Тамъ новый богъ нашелъ себѣ тѣсную храмину (*cella*) вблизи священнаго алтаря съ тѣмъ, чтобы хотя часть благоговѣнія, питаемаго людьми къ очагу, доставалась и на его долю. Мало по-малу этотъ богъ, усвоивъ бо́льшую власть надъ душами, отрекся отъ подобной зависимости; онъ покинулъ домашній очагъ; онъ получилъ свое собственное жилище и собственныя жертвоприношенія Это жилище (ναός, отъ ναίω—обитаю) было сначало устроено по образцу древняго святилища; оно находилось, какъ и раньше храмина (*cella*), напротивъ очага, но храмина расширилась, украсилась и стала храмомъ. Очагъ остался у входа въ обитель бога, но въ сравненіи съ ней онъ казался слишкомъ ничтожнымъ. Онъ, занимавшій прежде первое мѣсто, теперь сталъ не болѣе какъ принадлежностью. Онъ пересталъ быть богомъ и снизошелъ до степени алтаря, орудія для жертвоприношенія. Ему поручалось сжигать жертвенное мясо и относить приношенія вкупѣ съ молитвою къ величавому божеству, изображеніе котораго царило въ храмѣ.

[1]) Геродотъ, V, 64, 65; VII, 153; IX, 27. Пиндаръ, *Isthm.*, VII, 18. Ксенофонтъ, *Греческ. Ист.*, VI, 8. Платонъ, *Законы*, VI, стр. 759. Плутархъ, *Тезей*, 23; *Жизнь десяти ораторовъ*, *Ликургъ*, 11. Филохоръ, стр. 158—411. Діодоръ, V, 58. Павзаній, I, 37; IV, 15; VI, 17; X, I. Аполлодоръ, III, 13. Юстинъ, XVIII, 5. Цицеронъ, *De divinatione*, I, 41. Страбонъ, IX, стр. 421; XIV, стр. 634. Тацитъ, *Лѣтоп.*, II, 54.

Какъ только начинаютъ строиться эти храмы и растворять свои врата предъ толпою поклонниковъ, можно быть увѣреннымъ, что понятія людей расширились, а ихъ общество разрослось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Образованіе гражданской общины.

Триба, подобно семьѣ и фратріи, сложилась съ тѣмъ, чтобы быть независимымъ цѣлымъ, потому что у ней имѣлся свой особый культъ, исключавшій отъ участія всякаго посторонняго. Однажды составившись, она не могла принять въ себя ни одной новой семьи. Тѣмъ болѣе не могли слиться между собой во-едино двѣ трибы,—тому препятствовала ихъ религія. Но подобно тому, какъ многія фратріи соединились въ одну трибу, такъ и многія трибы могли соединиться между собою, заключить союзъ подъ условіемъ, чтобы культъ каждой изъ нихъ оставался ненарушимъ. Въ тотъ день, когда возникъ подобный союзъ, гражданская община начала свое существованіе.

Нѣтъ надобности отыскивать причины, побудившія многія сосѣднія трибы къ соединенію. Иногда союзъ былъ добровольный, иногда заключался силою одной какой-нибудь трибы или могучею волей одного лица. Достовѣрно, что связью новой ассоціаціи служила также религія. Трибы, соединившись для образованія гражданской общины, не преминули зажечь священный огонь и создать общую религію.

Такимъ образомъ человѣческое общество у арійскаго племени росло вовсе не на подобіе расходящагося круга, захва-

тывающаго все большую и большую область,—напротивъ, мелкія группы, сложившіяся задолго прежде, сами соединяются другъ съ другомъ. Нѣсколько семей составили фратрію, нѣсколько фратрій — трибу, нѣсколько трибъ — гражданскую общину. Семья, фратрія, триба, гражданство, все это—общества, совершенно сходныя между собою, родившіяся одно изъ другого цѣлымъ рядомъ союзовъ.

Надо замѣтить, что, по мѣрѣ заключенія союзовъ между этими группами, ни одна изъ нихъ, однако, не теряла ни своей обособленности, ни своей независимости. Хотя многія семьи и соединились въ одну фратрію, но каждая изъ нихъ оставалась при томъ же строѣ, какъ и въ эпоху своей полной разобщенности; въ ней не произошло никакихъ перемѣнъ ни въ культѣ, ни въ священствѣ, ни въ правѣ собственности, ни въ семейномъ судѣ. Затѣмъ вступили въ союзъ между собою куріи, но каждая изъ нихъ сохранила свой культъ, свои праздники, своего главу и свои собранія Эти трибы перешли къ образованію гражданской общины, но трибы отъ того не распались и каждая изъ нихъ продолжала оставаться связнымъ цѣлымъ, какъ будто бы гражданства и не существовало. Въ религіозномъ отношеніи существовало множество мелкихъ культовъ, надъ которыми установился одинъ общій; въ политическомъ отношеніи продолжалъ дѣйствовать цѣлый рядъ мелкихъ правительствъ, но надъ ними возвысилось и укрѣпилось одно общее для всѣхъ.

Гражданство было федераціей; вотъ отчего, по крайней мѣрѣ, въ теченіе многихъ вѣковъ ему приходилось признавать религіозную и гражданскую независимость трибъ, курій и семей и вотъ почему оно не имѣло вначалѣ права вмѣшиваться въ частныя дѣла ни одного изъ этихъ небольшихъ союзовъ. Заглядывать внутрь семьи ему не было надобности; оно не было судьею тому, что въ ней происходило; оно оставляло за отцомъ право и обязанность судить жену, сына и кліэнта. Вотъ почему частное право, возникшее въ эпоху семейной разобщенности, могло существовать въ гражданской общинѣ и подверглось измѣненію лишь много позднѣе.

Такой образъ происхожденія древнихъ гражданскихъ общинъ подтверждается весьма долго державшимся обычаемъ. Если мы взглянемъ на войско гражданской общины въ первое время ея возникновенія, мы найдемъ, что оно дѣлится на трибы, куріи, семьи [1]), „такъ что,—говоритъ одинъ древній,—каждый воинъ имѣетъ своимъ сосѣдомъ въ битвѣ того, съ кѣмъ онъ во время мира совершаетъ возліянія и творитъ жертвы на одномъ и томъ же алтарѣ“ [2]). Если мы взглянемъ

[1]) Гомеръ, *Иліада*, II, 362. Варронъ, *De ling. lat.*, V, 89. Въ Аѳинахъ существовалъ обычай распредѣлять воиновъ по трибамъ и демамъ. Геродотъ, VI, 111; Изей, *de Meneclis hered.*, 42; Лизій, *pro Mantitheo*, 15.

[2]) Діонисій Галикарнасскій, II, 23.

на народное собраніе въ первые вѣка Рима, мы увидимъ, что голоса подаются по куріямъ и *родамъ* (*gentes*). Если мы взглянемъ на культъ, то увидимъ въ Римѣ шесть весталокъ, по двѣ на каждую трибу; въ Аѳинахъ архонтъ совершаетъ большую часть жертвоприношеній отъ имени всей гражданской общины, но остаются еще нѣсколько религіозныхъ обрядовъ, которые должны быть исполнены сообща главами всѣхъ трибъ [2]).

Такимъ образомъ гражданство не есть собраніе отдѣльныхъ лицъ, но конфедерація многочисленныхъ группъ, сложившихся прежде его и продолжающихъ свое существованіе. Изъ аттическихъ ораторовъ видно, что каждый аѳинянинъ принадлежалъ одновременно къ четыремъ различнымъ обществамъ: онъ былъ членомъ семьи, фратріи, трибы и гражданской общины. Не въ одно время и не въ одинъ день вступалъ онъ во всѣ четыре, какъ напримѣръ французъ, который, съ минуты своего рожденія, принадлежитъ одновременно и семьѣ, и общинѣ, и департаменту, и отечеству. Фратрія и триба—не административныя дѣленія. Человѣкъ вступаетъ въ различное время въ эти четыре общества, въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы восходя отъ одного къ другому. Сперва ребенокъ принимается въ семью посредствомъ священнаго обряда, совершаемаго на десятый день послѣ рожденія. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ вступаетъ въ фратрію при новой церемоніи, которую мы уже описывали выше. Наконецъ въ возрастѣ отъ шестнадцати до восемнадцати лѣтъ онъ является для поступленія въ гражданство. Въ этотъ день передъ алтаремъ и дымящимся на немъ жертвеннымъ мясомъ онъ даетъ клятву, въ которой между прочимъ обязуется чтить всегда религію гражданской общины [3]). Начиная съ этого дня, онъ посвященъ въ общественный культъ и становится гражданиномъ [4]). Посмотрите на молодого аѳинянина, восходящаго со ступени на ступень, отъ культа къ культу, и предъ вами предстанетъ образъ той постепенности, съ какой развивалось человѣческое общежитіе. Путь, обязательный для этого юноши, тотъ самый, какимъ вначалѣ шло все общество.

Одинъ примѣръ сдѣлаетъ эту истину болѣе ясной. Намъ осталось достаточно преданій и воспоминаній объ аѳинскихъ древностяхъ, чтобы мы могли ясно видѣть, какъ сложилась аѳинская община. Вначалѣ, говоритъ Плутархъ, Аттика дѣ-

[1]) Авлъ-Геллій, XV, 27.

[2]) Поллуксъ, VIII, 111.

[3]) Ἀμυνῶ ὑπὲρ ἱερῶν καὶ ὁσίων... καὶ ἱερὰ τὰ πάτρια τιμήσω (Поллуксъ, VIII, 105—106).

[4]) Изей, *de Cironis hered.*, 19; *pro Euphileto*, 3. Демосѳенъ, *in Eubulidem*, 46. Необходимость быть внесеннымъ въ списки фратріи ранѣе, чѣмъ войти въ составъ гражданской общины, по крайней мѣрѣ для временъ отдаленныхъ, вытекаетъ изъ закона, приводимаго Динархомъ (*Oratores attici*, колл. Дидо, т. II, стр. 462).

лилась на семьи [1]). Нѣкоторыя изъ этихъ семей первобытной эпохи, какъ напримѣръ Эвмольпиды, Кекропиды, Гефиреи, Ѳиталиды, Лакіады, продолжались въ слѣдующіе вѣка. Тогда еще не существовала аѳинская община; но каждая семья, окруженная своими младшими вѣтвями и своими кліэнтами, занимала извѣстную область и жила на ней въ полной независимости. У каждой была своя собственная религія: Эвмольпиды, жившіе въ Элевсисѣ, поклонялись Деметрѣ; Кекропиды, обитавшіе на горной возвышенности, гдѣ позднѣе возникли Аѳины, считали своими богами-покровителями Посейдона и Аѳину. Рядомъ съ ними на небольшомъ холмѣ Ареопага богомъ-покровителемъ считался Аресъ; въ Мараѳонѣ богомъ былъ Геркулесъ, въ Празіяхъ—Аполлонъ, другой Аполлонъ—въ Фоліяхъ, въ Кефалѣ—Діоскуры и такъ далѣе во всѣхъ другихъ мѣстахъ [2]).

Каждая семья подобно тому, какъ имѣла своего бога и свой жертвенникъ, имѣла и своего особаго главу. Когда Павзаній посѣтилъ Аттику, онъ нашелъ въ маленькихъ мѣстечкахъ древнія преданія, сохранившіяся вмѣстѣ съ культомъ; преданія эти повѣдали ему, что въ каждомъ мѣстечкѣ былъ нѣкогда свой царь еще ранѣе, чѣмъ Кекропсъ царствовалъ въ Аѳинахъ [3]). Не уцѣлѣло ли это воспоминаніе отъ той отдаленной эпохи, когда громадныя патріархальныя семьи, подобныя кланамъ кельтовъ, имѣли каждая своего наслѣдственнаго главу, бывшаго въ то же время жрецомъ и судьею? Сотня мелкихъ общинъ жили, такимъ образомъ, разрозненно, не зная между собою ни религіозныхъ ни политическихъ связей, владѣя каждая своею областью, ведя частыя войны и находясь, наконецъ, въ такой степени отчужденности другъ отъ друга, что даже бракъ между ними былъ не всегда возможенъ [4]).

Но потребности или влеченія сблизили ихъ между собою. Незамѣтнымъ образомъ онѣ соединились въ маленькія группы, по четыре, по шести вмѣстѣ. Такъ мы находимъ преданія о томъ, какъ четыре мѣстечка въ равнинѣ Мараѳона вступили между собою въ союзъ для общаго почитанія Аполлона Дельфійскаго; жители Перея, Фалера и двухъ сосѣднихъ мѣстечекъ соединились въ свою очередь и сообща построили храмъ Геркулесу [5]). Въ концѣ концовъ эта сотня мелкихъ самостоятельныхъ государствъ сошла на двѣнадцать союзовъ. Такая перемѣна, посредствомъ которой народонаселеніе Аттики перешло изъ семейнаго патріархальнаго быта къ общежитію болѣе широкому, приписывалось преданіемъ дѣятель-

1) Κατὰ γένη, Плутархъ, *Тезей*, 24, 13.
2) Павзаній, I, 15; 1, 31; 1, 37; II, 18.
3) Павзаній, I, 31: τῶν ἐν τοῖς δήμοις φάναι πολλοὺς ὡς καὶ πρὸ τῆς ἀρχῆς τῆς Κέκροπος ἐβασιλεύοντο.
4) Плутархъ, *Тезей*, 13.
5) Плутархъ, *Тезей*, 14. Поллуксъ, VI, 105. Стефанъ Византійскій, слово ἐχελίδαι.

ности Кекропса; подъ этимъ должно разумѣть только то, что она окончилась совершенно въ эпоху, къ которой относятъ его царствованіе, т.-е. около шестнадцатаго вѣка до нашей эры. Впрочемъ извѣстно, что Кекропсъ царствовалъ лишь въ одномъ изъ двѣнадцати союзовъ, именно въ томъ, который впослѣдствіи сталъ Аѳинами; одиннадцать остальныхъ были вполнѣ независимы. Каждый изъ нихъ имѣлъ своего бога покровителя, свой алтарь, свой священный огонь и своего особаго главу [1]).

Прошло нѣсколько поколѣній, пока группа Кекропидовъ незамѣтно пріобрѣла болѣе значенія. Отъ этого періода сохранилось воспоминаніе о кровавой борьбѣ, которую они выдержали противъ Эвмольпидовъ Элевсинскихъ и результатомъ которой было подчиненіе послѣднихъ съ единственнымъ правомъ блюсти наслѣдственное священство при своемъ божествѣ [2]). Можно предполагать, что были и другія войны, и другія побѣды, о которыхъ не осталось воспоминанія. Утесъ Кекропидовъ, на которомъ мало-помалу развился культъ Аѳины и который, наконецъ, усвоилъ себѣ имя своего главнаго божества, одержалъ верхъ надъ одиннадцатью другими общинами. Тогда явился Тезей, наслѣдникъ Кекропидовъ. Всѣ преданія единогласно утверждаютъ, что онъ соединилъ двѣнадцать группъ въ одну общину. Въ самомъ дѣлѣ, ему удалось ввести во всей Аттикѣ культъ Аѳины Поліады, такъ что съ того времени вся страна совершала вмѣстѣ панаѳинейскія жертвоприношенія. До него у каждаго мѣстечка былъ свой священный огонь и свой пританей; онъ же хотѣлъ, чтобы пританей Аѳинъ былъ религіознымъ центромъ всей Аттики [3]). Съ тѣхъ поръ утвердилось аѳинское единство; въ религіозномъ отношеніи каждое мѣстечко сохранило свой древній культъ, но кромѣ того всѣ приняли еще одинъ культъ—общій; въ политическомъ отношеніи каждая сохранила своихъ начальниковъ, своихъ судей, свое право собранія, но за то надъ всѣми этими мѣстными правительствами воцарилось верховное правленіе гражданской общины [4]).

1) Филохоръ, приводимый Страбономъ, IX, стр. 609: Κέκροπα πρῶτον ἐς δώδεκα πόλεις συνοικίσαι τὸ πλῆθος. Ѳукидидъ, II, 15. Поллуксъ, VIII, 111.
2) Павзаній, I, 38.
3) Ѳукидидъ, II, 15: ὁ Θησεὺς καταλύσας τῶν ἄλλων πόλεων τὰ βουλευτήρια καὶ τὰς ἀρχὰς.... ἓν βουλευτήριον ἀποδείξας καὶ πρυτανεῖον... Плутархъ, *Тезей*, 24. Павзаній, VIII, 2, 1.
4) Плутархъ и Ѳукидидъ говорятъ, что Тезей разрушилъ мѣстные пританеи и уничтожилъ суды въ мѣстечкахъ. Во всякомъ случаѣ, если онъ и пытался это сдѣлать, очевидно, что онъ не имѣлъ въ томъ успѣха, потому что долго послѣ него мы встрѣчаемъ еще и мѣстные культы и собранія родовыхъ царьковъ. Бёкъ, *Corp. inscr.*, 82, 85. Демосѳенъ, *in Theocrinem*. Поллуксъ, VIII, 111.—Мы оставляемъ въ сторонѣ легенду объ Іонѣ, которой многіе современные историки придали, какъ намъ кажется, слишкомъ много значенія, выставляя ее за признакъ иноземнаго нашествія въ Аттику. Это вторженіе не подтверждается ни однимъ документомъ. Еслибъ Аттика была завоевана выходцами изъ Пелопонеса, невѣроятно, чтобъ аѳиняне такъ свято берегли свои

Изъ этихъ точныхъ воспоминаній и преданій, такъ свято хранимыхъ Аѳинами, вытекаютъ, какъ намъ кажется, двѣ равно очевидныя истины: во-первыхъ, что гражданская община была союзомъ группъ, сложившихся много раньше; во-вторыхъ, что общество развивалось лишь по мѣрѣ того, какъ расширялась религія. Нельзя сказать, что именно прогрессъ религіозный повлекъ за собою прогрессъ общественный; достовѣрно одно, что они оба возникли въ одно время и притомъ съ замѣчательнымъ согласіемъ.

Надо понять всю чрезвычайную трудность, которую должны были одолѣть первобытные народы для основанія правильнаго общества. Нелегко установить общественную связь между человѣческими существами, до такой степени различными, свободными и непостоянными. Для того, чтобы дать имъ общія правила для руководства, чтобъ установить начальство и добиться повиновенія, чтобы покорить страсть разуму, а разумъ личный—разуму общественному, требуется, конечно, нѣчто болѣе могущественное, чѣмъ физическая сила, нѣчто болѣе почтенное, чѣмъ интересъ, болѣе положительное, чѣмъ философская теорія, болѣе устойчивое, чѣмъ простое согласіе,—требуется нѣчто такое, что было бы одинаково присуще всѣмъ сердцамъ и одинаково въ нихъ могущественно.

Это нѣчто и есть вѣрованіе. Надъ человѣческою душой нѣтъ ничего болѣе могущественнаго. Вѣрованіе — созданіе нашего духа, но мы не властны измѣнять его по нашему усмотрѣнію. Оно — наше произведеніе, а мы видимъ въ немъ божественное; оно—дѣйствіе нашей силы, а оно сильнѣе насъ. Оно всегда въ насъ, никогда не покидаетъ насъ и постоянно бесѣдуетъ съ нами. Если оно намъ велитъ повиноваться, мы повинуемся; если указываетъ обязанности, мы ихъ исполняемъ. Человѣкъ можетъ покорить природу, но онъ самъ подчиненъ своей мысли.

Такъ древнее вѣрованіе повелѣвало человѣку чтить предка; культъ предка собралъ семью вокругъ алтаря. Отсюда первая религія, первыя молитвы, первыя понятія долга и первая нравственность. Отсюда также начало собственности и неизмѣнный порядокъ наслѣдованія; отсюда, наконецъ, все частное

имена Кекропидовъ, Эрехфидовъ, и чтобы, напротивъ, считали себѣ за безчестіе названіе іонійцевъ (Геродотъ, 1, 143). Тѣмъ, кто вѣритъ въ это вторженіе іонійцевъ и къ тому же думаетъ, что знатность эвпатридовъ происходитъ отсюда, можно еще отвѣтить, что большая часть знатныхъ аѳинскихъ семей восходятъ къ эпохѣ болѣе древней, чѣмъ та, къ которой относятъ прибытіе Іона въ Аттику. Развѣ это значитъ, что аѳиняне не іонійцы по большей части? Они конечно принадлежатъ къ этой вѣтви эллинской расы; Страбонъ говоритъ, что въ отдаленныя времена Аттика называлась *Іоніей* или *Іадой*, но напрасно дѣлать сына Ксута, миѳическаго героя Эврипида, главою этихъ Іонійцевъ. Они несравненно старѣе Іона и ихъ имя древнѣе можетъ быть имени эллиновъ. Напрасно производить отъ этого Іона всѣхъ эвпатридовъ и представлять этотъ классъ завоевателями, насильно покорившими себѣ побѣжденный народъ. Это мнѣніе не опирается ни на одно древнее свидѣтельство.

право и весь строй домашней организаціи. Впослѣдствіи вѣрованіе расширилось, а съ нимъ одновременно расширилось и общежитіе. По мѣрѣ того, какъ люди начинаютъ чувствовать, что у нихъ есть общіе боги, они соединяются въ обширныя группы. Нормы, найденныя и установленныя въ семьѣ, послѣдовательно прилагаютая къ фратріи, къ трибѣ, къ гражданской общинѣ.

Окинемъ взоромъ путь, пройденный человѣкомъ. Вначалѣ семья живетъ обособленно и человѣкъ вѣдаетъ однихъ только семейныхъ боговъ, θεοὶ πατρῷοι, *dii gentiles*. Надъ семьею образуется фратрія съ своимъ богомъ, θεὸς φράτριος, *Juno curialis*. Затѣмъ идетъ триба и богъ трибы, θεὸς φύλιος. Дѣло доходитъ, наконецъ, до гражданской общины (*civitas*), и возникаетъ понятіе о божествѣ, провидѣніемъ котораго блюдется весь городъ; θεὸς πολιεύς, *penates publici*. Послѣдовательность въ вѣрованіяхъ, послѣдовательность и въ образованіи ассоціаціи. Религіозная идея у древнихъ была вдохновителемъ и организаторомъ обществъ.

Преданія индусовъ, грековъ, этрусковъ говорятъ, что сами боги открыли людямъ общественные законы. Подъ этой формой легенды заключена истина. Общественный законъ, дѣйствительно, былъ дѣломъ боговъ, но сами эти боги, столь могучіе и благотворные, были не что иное какъ людскія вѣрованія.

Вотъ какимъ образомъ появилось у древнихъ государство; изслѣдованіе это было необходимо для насъ, чтобы безъ замедленія составить себѣ понятіе о природѣ и учрежденіи гражданской общины. Но здѣсь надо сдѣлать оговорку. Если первыя гражданскія общины образовались путемъ союза мелкихъ общественныхъ группъ, сложившихся раньше, это вовсе не значитъ, чтобы всѣ, извѣстныя намъ гражданскія общины возникли такимъ же способомъ. Когда общественная организація была найдена, не было никакой надобности проходить каждому новому городу этотъ длинный и трудный путь съ самаго начала. Часто могло быть даже такъ, что все шло обратнымъ порядкомъ. Когда какой-нибудь глава выходилъ изъ города, уже сложившагося съ тѣмъ, чтобы основать другой, онъ обыкновенно уводилъ съ собою только незначительное число своихъ согражданъ и присоединялъ къ нимъ многихъ другихъ людей, сошедшихся къ нему изъ разныхъ мѣстъ и принадлежавшихъ, быть-можетъ, даже къ разнымъ народностямъ. Но этотъ глава устанавливалъ новое государство по образцу только-что покинутаго. Слѣдовательно, онъ дѣлилъ свой народъ на трибы и фратріи. У каждой изъ этихъ маленькихъ общественныхъ группъ имѣлся свой алтарь, свои праздники и жертвы; каждая изъ нихъ придумывала себѣ какого-нибудь древняго героя, котораго чтила своимъ культомъ и въ свое происхожденіе отъ котораго она сама въ концѣ концовъ увѣровала.

Часто случалось еще, что люди въ какой-либо странѣ жили безъ закона и порядка или оттого, что общественное устройство не могло у нихъ утвердиться, какъ, напримѣръ, въ Аркадіи, или оттого, что оно было искажено и разрушено слишкомъ рѣзкими переворотами, какъ, напримѣръ, въ Киренѣ и Ѳуріяхъ. Если какой-нибудь законодатель брался установить между эти людьми порядокъ, онъ всегда начиналъ съ раздѣла ихъ на трибы и фратріи, какъ будто бы не было никакого иного общественнаго типа, кромѣ этого. Въ каждомъ изъ такихъ подраздѣленій онъ ставилъ героя-эпонима (героя, дающаго прозванія), установлялъ жертвоприношенія, составлялъ преданія. Такъ начинали всегда, когда хотѣли основать правильное общество [1]). Такъ дѣлаетъ и самъ Платонъ, создавая въ своемъ воображеніи образцовую гражданскую общину.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Городъ.

Гражданская община и городъ не были у древнихъ однозначными словами. Гражданская община была религіознымъ союзомъ семей и трибъ; городъ былъ мѣстомъ единенія, мѣстомъ жительства, а главнымъ образомъ святилищемъ этого союза.

О древнихъ городахъ ненадо судить по тому, что представляютъ намъ города, возникающіе въ наше время. Сначала выстраивается нѣсколько домовъ: это поселокъ; понемногу число домовъ увеличивается и поселокъ становится городомъ; дѣло кончается тѣмъ, что если позволяетъ мѣсто, его окружаютъ валомъ или стѣною. У древнихъ городъ слагался не постепенно, благодаря медленному возрастанію числа людей и построекъ, но онъ основывался сразу, весь вдругъ, въ одинъ день.

Для этого было нужно впередъ сложиться гражданской общинѣ, что было дѣломъ крайне труднымъ и требовавшимъ много времени. А разъ семьи, фратріи и трибы пришли къ соглашенію относительно союза и общаго культа, тогда тотчасъ же возникалъ городъ, какъ святилище общаго культа. Оттого основаніе города всегда было религіознымъ актомъ.

Для перваго примѣра возьмемъ самый Римъ, вопреки общему мнѣнію о недостовѣрности его древнѣйшей исторіи. Часто повторялось, что Ромулъ былъ главою авантюристовъ, что онъ создалъ свой народъ, созвавъ къ себѣ разбойниковъ и бродягъ, и что эти люди, собранные безъ всякаго выбора, построили кое-какъ нѣсколько хижинъ для храненія своей до-

1) Геродотъ, IV, 161. Платонъ, *Законы*, V, 738; VI, 771. Такъ что когда Ликургъ преобразуетъ гражданскую общину Спарты онъ первымъ дѣломъ начинаетъ строить новый храмъ, а во вторыхъ дѣлитъ всѣхъ гражданъ на φῦλαι и на ὠβαί; политическіе законы пришли уже потомъ (Плутархъ, *Ликургъ*, 6).

бычи. Но древніе писатели представляютъ намъ событія совсѣмъ иначе, и намъ кажется, что для всякаго, желающаго изучить древность, первое правило не отступать ни на шагъ отъ свидѣтельствъ, дошедшихъ къ намъ отъ нея. Эти писатели говорятъ, правда, объ убѣжищѣ, т.-е. о священной оградѣ, куда Ромулъ допускалъ всѣхъ, приходившихъ къ нему, слѣдуя этимъ примѣру многихъ основателей городовъ [1]). Но это убѣжище не было городомъ; оно даже было открыто только послѣ полнаго основанія и постройки города [2]). То - придатокъ къ Риму, а не—Римъ; оно даже не составляло части города Ромула, потому что находилось на склонѣ Капитолійскаго холма, тогда какъ городъ занималъ вершину Палатинскаго [3]). Надо ясно различать двойной составъ римскаго народонаселенія. Въ убѣжищѣ живетъ весь сбродъ безъ рода и племени; на холмѣ Палатинскомъ живутъ потомки Альбы, т.-е. люди, сложившіеся въ общество, распредѣленные по *родамъ* и по куріямъ, имѣющіе домашніе культы и законы. Убѣжище — родъ поселка, или предмѣстья, гдѣ строились хижины безъ всякаго порядка; на холмѣ же Палатинскомъ возвышается городъ религіозный и святой.

Древность изобилуетъ свѣдѣніями объ основаніи этого города: ихъ можно найти у Діонисія Галикарнасскаго, почерпавшаго ихъ у писателей болѣе древнихъ; ихъ можно найти у Плутарха, у Овидія, въ его Фастахъ, у Тацита, у старшаго Катона, изучившаго древнія лѣтописи, и у двухъ другихъ писателей, которые должны намъ особенно внушать довѣріе, у ученаго Варрона и у ученаго же Веррія Флакка, сохраненнаго намъ отчасти Фестомъ; оба они очень свѣдущи въ римскихъ древностяхъ, вполнѣ правдивы, чужды легковѣрія и достаточно хорошо знакомы съ пріемами исторической критики. Всѣ эти писатели передали намъ воспоминаніе о религіозной церемоніи, ознаменовавшей основаніе Рима, и мы не вправѣ откинуть столь значительное число свидѣтельствъ.

Не рѣдко попадаются у древнихъ факты для насъ удивительные; но развѣ это можетъ быть достаточнымъ мотивомъ для утвержденія, что все это басни, особенно, если эти факты, столь далекіе отъ современныхъ идей, находятся въ пол-

1) Титъ Ливій, 1, 8: *Vetere consilio condentium urbes.*

2) Титъ Ливій, 1, 8: послѣ разсказа объ основаніи города на Палатинѣ, о его первыхъ учрежденіяхъ и объ его ростѣ Титъ Ливій прибавляетъ: *deinde asylum aperit.*

3) Городъ, *urbs*, занималъ Палатинъ: это опредѣленно подтверждается Діонисіемъ, II, 69. Плутархъ, *Ромулъ*, 9. Титъ Ливій, I, 7 и 33. Варронъ, *De ling. lat.*, VI, 34. Фестъ, слово *Quadrata*, стр. 258. Авлъ-Геллій, XIII, 14. Тацитъ, *Лѣтоп.*, XII, 24, даетъ планъ первоначальной ограды, въ которую Капитолій не былъ заключенъ. — Напротивъ, *asylum* былъ расположенъ на склонѣ Капитолійскаго холма. Титъ Ливій 1, 8. Страбонъ, V, 3, 2. Тацитъ, *Исторіи*, III, 71. Діонисій, II, 15. То было впрочемъ только *lucus* или ἱερὸν ἄσυλον, какъ повсюду въ Италіи и Греціи.

номъ согласіи съ идеями древнихъ? Мы видѣли въ ихъ частной жизни религію, руководившую всѣми ихъ поступками; затѣмъ мы видѣли, что эта религія собрала ихъ въ общество: что же въ томъ удивительнаго, если основаніе города считалось также священнымъ актомъ и если самъ Ромулъ долженъ былъ совершить тѣ же обряды, которые совершались вездѣ?

Первою заботой основателя было отыскать мѣсто для новаго города. Выборъ этотъ — дѣло очень важное; отъ него, какъ думали, зависѣла судьба народа, и онъ всегда предоставлялся на рѣшеніе боговъ. Еслибы Ромулъ былъ грекъ, онъ посовѣтовался бы съ Делфійскимъ оракуломъ; еслибъ онъ былъ самнитъ, онъ пошелъ бы по слѣду священнаго животнаго — волка или зеленаго дятла. Латинъ, сосѣдъ этрусковъ, посвященный въ тайны птицегаданія, проситъ боговъ открыть ему свою волю по полету птицъ. Боги указываютъ ему на холмъ Палатинскій.

Насталъ день основанія; тогда прежде всего онъ совершаетъ жертвоприношеніе. Его товарищи, собравшись вокругъ него, разводятъ костеръ изъ хвороста и каждый прыгаетъ черезъ небольшой огонь [2]). Этотъ обрядъ объясняется тѣмъ, что народу надо быть чистымъ для предстоящаго священнодѣйствія; древніе же вѣрили, что, прыгая черезъ священное пламя, можно очиститься отъ всякой физической и нравственной нечистоты.

Когда этой предварительной церемоніей народъ приготовился къ великому дѣлу основанія, Ромулъ выкапываетъ небольшую круглую яму и бросаетъ въ нее землю, принесенную изъ Альбы [3]). Затѣмъ каждый изъ его спутниковъ подходитъ въ свою очередь и бросаетъ, какъ и онъ, немного земли, принесенной изъ мѣста, откуда онъ родомъ. Этотъ обычай замѣчателенъ; онъ открываетъ намъ у людей одну мысль, которую необходимо замѣтить. Прежде чѣмъ сойтись на Палатинѣ, всѣ они жили въ Альбѣ, или въ иномъ изъ сосѣднихъ городовъ. Тамъ былъ ихъ очагъ; тамъ жили, умерли и погребены ихъ предки. Религія же запрещала покидать землю, гдѣ былъ очагъ и гдѣ покоились предки. Слѣдовательно, для освобожденія себя отъ всякаго нечестія, каждый изъ этихъ людей долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости и унести съ собою въ видѣ небольшого количества земли — священную землю, въ которой покоились его предки и съ которою были связаны ихъ маны. Человѣкъ могъ перемѣщаться, только унося съ собою свою землю и своихъ предковъ. Этотъ обрядъ надлежалъ быть исполненнымъ для того, чтобы можно было сказать, указывая на новое свое мѣсто: это также земля от-

1) Цицеронъ, *De divin.*, I, 17. Плутархъ, *Камиллъ*, 32. Плиній, XIV, 2; XVIII, 12.

2) Діонисій, I, 88.

3) Плутархъ, Ромулъ, 11. Діонъ Кассій, *Отрыв.*, 12. Овидій, *Фасты*, IV, 821. Фестъ, слово *Quadrata*.

цовъ моихъ, *terra patrum*, *patria;* здѣсь мое отечество, потому что здѣсь маны моей семьи.

Яма, въ которую каждый такимъ образомъ бросалъ горсть земли, называлась *mundus;* это слово обозначало на древнемъ религіозномъ языкѣ область мановъ [1]), откуда по древнему преданію души мертвыхъ выходили три раза въ годъ, горя желаніемъ хоть на единый мигъ увидать бѣлый свѣтъ [2]). Не проскальзываетъ ли ясно въ этомъ преданіи истинная мысль древнихъ? Бросая въ яму часть земли своего древняго отечества, они думали заключить въ нее также и души своихъ предковъ. Эти души, собранныя въ ней, должны были получить вѣчный культъ и охранять своихъ потомковъ. На этомъ самомъ мѣстѣ поставилъ Ромулъ алтарь и развелъ на немъ огонь. Онъ сталъ очагомъ новаго города [3]).

Вокругъ этого очага долженъ возвышаться городъ подобно тому, какъ стѣны дома высятся вокругъ домашняго. Ромулъ проводитъ борозду для обозначенія городской стѣны. Здѣсь также малѣйшія подробности основаны на обрядѣ. Основатель долженъ употребить въ дѣло мѣдный сошникъ; плугъ его везется бѣлымъ быкомъ и бѣлой коровой. Ромулъ съ покрываломъ на головѣ и въ священномъ одѣяніи самъ держится за плугъ и управляетъ имъ при пѣніи молитвъ. Его путники слѣдуютъ за нимъ въ глубокомъ и благоговѣйномъ молчаніи. По мѣрѣ того, какъ поднимаются пласты земли, ихъ тщательно откладываютъ во внутрь черты, чтобы ни одна частица священной земли не оставалась внѣ города [4]).

Такая черта, проведенная религіей, ненарушима: ни посторонній, ни гражданинъ — не вправѣ переступить ее. Перепрыгнуть чрезъ эту борозду считалось большимъ нечестіемъ;

1) Плутархъ, *Ромулъ*, 11: καλοῦσι δὲ τὸν βόθρον τοῦτον μοῦνδον. Фестъ, изд. Мюллера, стр. 156: *mundum... inferiorem ejus partem consecratam diis manibus*. Сервій, *ad Aen.*, III, 134: *aras Inferorum (vocant) mundos.*

2) Выраженіе *mundus patet* обозначало тѣ три дня въ которые маны выходили изъ ихъ жилищъ. Варронъ, у Макробія, *Сатурн.*, I, 16: *mundus quum pater, Deorum tristium atque inferum quasi janua patet*. Фестъ, изд. Мюллера, стр. 156: *mundum ter in anno patere putabant... clausum omni tempore praeter hos tres dies quos religiosos judicaverunt quod his diebus ea quae occulta religionis deorum manium essent, in lucem adducerentur*.

3) Овидій, Фасты, IV, 823. *Fossa repletur humo plenaeque imponitur ara, et novus accenso fungitur igne focus.* Очагъ впослѣдствіи былъ перемѣщенъ. Когда три города: Палатинскій, Капитолійскій и Квиринальскій — слились въ одинъ, тогда общій очагъ или храмъ Весты помѣщенъ былъ на нейтральной почвѣ, между тремя холмами.

4) Плутархъ, *Ромулъ*, 11. Діонисій Галикар., I, 88. Овидій, *Фасты*, IV, 825 и слѣд. — Варронъ, *De ling. lat.*, V, 143: *Oppida condebant in Latio, Etrusco ritu; junctis bobus, tauro et vacca interiore, aratro circumagebant sulcum; hoc faciebant religionis causa, die auspicato. Terram unde exculpserant fossam vocabant et introrsum jactam murum.* Фестъ, изд. Мюллера, стр. 375: *Urvat... ab eo sulco qui fit in urbe condenda sulcro aratri.* Правила эти были настолько употребительны, что Вергилій, описывая основаніе одного города, начинаетъ разсказъ описаніемъ этого обряда: *Interea Aeneas urbem designat aratro* (V, 755).

римское преданіе говоритъ, что братъ основателя совершилъ подобное святотатство и заплатилъ за него жизнію [1]).

Но чтобы можно было входить въ городъ и выходить изъ него, борозда прерывалась въ нѣсколькихъ мѣстахъ; для этого Ромулъ приподнималъ и несъ плугъ. Эти промежутки назывались *portae* (переносами); то были городскія ворота [2]).

На священной бороздѣ, или тотчасъ за нею возводились потомъ стѣны, считавшіяся также священными [3]). Безъ соизволенія верховныхъ жрецовъ никто не могъ коснуться ихъ, даже для починки. По обѣ стороны стѣны нѣсколько шаговъ земли отдавались религіи; это называлось *pomoerium*; на ней нельзя было ни пройтись плугомъ, ни воздвигнуть постройки [4]).

Такова была церемонія основанія Рима, если вѣрить множеству древнихъ свидѣтельствъ. И если кто спроситъ, какимъ образомъ воспоминаніе объ этомъ могло сохраниться до передавшихъ намъ его писателей, то только потому, что эта церемонія ежегодно возобновлялась въ памяти народа годичнымъ праздникомъ, называвшимся днемъ рожденія Рима [5]) (*dies natalis urbis*). Праздникъ этотъ соблюдался во всю древность изъ года въ годъ, а римскій народъ празднуетъ его еще и нынѣ въ то же число, какъ и нѣкогда, 21 апрѣля: настолько вѣрными древнимъ обычаямъ остаются люди среди безконечныхъ перемѣнъ.

Было бы неосновательно предположить, что подобные обряды впервые были выдуманы Ромуломъ. Напротивъ, очевидно, что не мало городовъ и раньше Рима было основано такимъ же образомъ. Варронъ говоритъ, что обряды эти общи и въ Лаціумѣ и въ Этруріи. Катонъ Старшій, изучившій

1) Плутархъ, *Римск. вопросы*, 27.

2) Катонъ, приводимый Сервіемъ: *Urbem designat aratro; quem Cato in Originibus dicit morem fuisse; conditores enim civitatis taurum in dextra, vaccam intrinsecus jungebant; et incincti ritu Sabino, id est, togae parte caput velati, parte succincti, tenebant stivam incurvam ut glebae omnes intrinsecus caderent; et ita sulco ducto loca murorum designabant, aratrum suspendentes circa loca portarum* (Сервій, *ad Aen.*, V, 755).

3) Цицеронъ, *De nat. deorum.*, III, 40: *muri urbis quos vos, pontifices, sanctos esse dicitis, diligentiusque urbem religione quam moenibus cingitis.* Гай, II, 8: *Sanctae quoque res, velut muri et portae, quodammodo divini juris sunt.* *Дигестъ*, I, 8, 8: *muros esse sanctos;* ibid., 11: *Si quis violaverit muros, capite punitur.*

4) Варронъ, V, 143: *Postea qui fiebat orbis, urbis principium... postmoerium dictum, quo urbana auspicia finiuntur. Cippi pomoerii stant circum Romam.* Титъ Ливій, I, 44: *pomoerium... locus quem in condendis urbibus quondam Etrusci certis terminis inaugurato consecrabant, ut neque interiore parte aedificia moenibus continuarentur ac extrinsecus puri aliquid ab humano cultu pateret soli... Neque habitari, neque arari fas est.*—Авлъ Геллій, XIII, 14, даетъ опредѣленіе найденное имъ въ книгахъ авгуровъ: *Pomoerium est locus intra agrum effatum per totius urbis circuitum pene muros, regionibus (religionibus) certis determinatus, qui facit finem urbani auspicii.*

5) Плутархъ, *Ромулъ*, 12: καὶ τὴν ἡμέραν ταύτην ἑορτάζουσι Ῥωμαῖοι γενέθλιον τῆς πατρίδος ὀνομάζοντες. Плиній, *Естеств. Ист.*, XVIII, 66, 247: XI *Kalendas maias urbis Romae natalis. Corpus inscript. lat.*, т. I, стр. 340—341: *natalis dies urbis Romae.*

лѣтописи всѣхъ народовъ Италіи для сочиненія своей книги о началѣ Рима, сообщаетъ намъ, что подобные обряды исполнялись всѣми основателями городовъ. У этрусковъ существовали даже книги, въ которыхъ указывался полный чинъ этихъ церемоній [1]).

Греки, подобно римлянамъ, думали, что мѣсто для города должно быть выбрано и указано божествомъ. Такъ, когда они собирались основывать новый городъ, они всегда спрашивали совѣта у Дельфійскаго оракула [2]). Геродотъ указываетъ, какъ на беззаконный поступокъ, или какъ на безуміе со стороны спартанца Дорея что онъ дерзнулъ построить городъ, „не спросивъ совѣта оракула и не исполнивъ предписанныхъ обрядовъ“, и благочестивый историкъ не удивляется, что городъ, построенный такимъ образомъ, вопреки всѣмъ законамъ, не просуществовалъ болѣе трехъ лѣтъ [3]). Ѳукидидъ, вспоминая день основанія Трои, упоминаетъ о жертвоприношеніяхъ этого дня [4]). Тотъ же историкъ говоритъ намъ, что у аѳинянъ были свои особые обряды, всегда соблюдавшіеся при основаніи колоній [5]). Въ одной комедіи Аристофана есть достаточно точная картина происходившей въ подобномъ случаѣ церемоніи. Изображая забавное основаніе города Птицъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду обычаи, соблюдавшіеся людьми при основаніи городовъ: вотъ почему онъ вывелъ на сцену жреца, возжигающаго огонь и взывающаго къ богамъ, поэта, воспѣвавшаго гимны, и оракула, дававшаго предсказанія.

Павзаній разъѣзжалъ по Греціи около временъ Адріана, и, прибывъ въ Мессенію, онъ распросилъ жрецовъ объ основаніи города Мессены и передалъ намъ ихъ разсказъ [6]). Событіе было не очень древнее: оно случилось во времена Эпаминонда. Три вѣка назадъ мессеняне были изгнаны изъ своей страны и жили порознь между другими греками безъ отечества, но благочестиво храня свои обычаи и свою народную вѣру. Ѳивяне желали вернуть ихъ въ Пелопонесъ, чтобы помѣстить Спартѣ врага подъ бокомъ, но труднѣе всего было склонить мессенянъ. Эпаминондъ, имѣя дѣло съ суевѣрными людьми, рѣшилъ пустить въ ходъ предвѣщаніе оракула, повелѣвавшее народу вернуться въ свое древнее отечество. Чудесныя явленія подтверждали, что народные боги мессенянъ, измѣнившіе имъ въ эпоху завоеванія, вновь стали къ нимъ благосклонны. Тогда этотъ робкій народъ рѣшился вер-

1) Катонъ у Сервія, V, 755. Варронъ, L. L., V, 143. Фестъ, слово *Rituales*, стр. 285: rituales nominantur Etruscorum libri in quibus praescriptum est quo ritu condantur urbes, arae, aedes sacrentur, qua sanctitate muri.

2) Геродотъ, IV, 156. Діодоръ, XII, 12. Павзаній, VII, 2. Атеней, VIII, 62.

3) Атеней, V, 42.

4) Ѳукидидъ, V, 16.

5) Idem., III, 24.

6) Павзаній, IV, 27.

нуться въ Пелопонесъ вслѣдъ за войскомъ ѳивянъ. Но требовалось узнать, гдѣ должно построить новый городъ, потому что нечего было и думать о занятіи древнихъ городовъ страны: всѣ они были осквернены завоеваніемъ. Для выбора мѣста подъ городъ не представлялось обычнаго способа посовѣтоваться съ Дельфійскимъ оракуломъ, потому что Пиѳія была тогда на сторонѣ Спарты. Къ счастію, боги имѣли другіе способы открывать свою волю; одинъ мессенскій жрецъ видѣлъ сновидѣніе, въ которомъ явился ему одинъ изъ боговъ его народа и сказалъ ему, что онъ поселится на горѣ Итомѣ и зоветъ туда же народъ. Такимъ образомъ мѣсто для новаго города было указано, оставалось еще узнать обряды, необходимые для его основанія, а мессеняне ихъ позабыли; усвоить же обряды ѳивянъ, или какого-либо другого народа они не могли, такъ что рѣшительно не знали, какъ построить городъ. Сонъ кстати помогъ другому мессенянину: боги приказали ему отправиться на гору Итомъ, найти тамъ тисъ рядомъ съ миртой и раскопать землю въ этомъ мѣстѣ. Онъ повиновался и откопалъ урну, а въ этой урнѣ находились оловянные листочки, на которыхъ оказался начертаннымъ полный обрядъ священной церемоніи. Жрецы тотчасъ списали его и внесли въ свои книги. Немедленно распространилось убѣжденіе, что урна была зарыта на томъ мѣстѣ однимъ изъ древнихъ царей мессенскихъ еще раньше завоеванія страны.

Какъ только обряды были узнаны, началось основаніе. Сначала жрецы совершали жертвоприношенія, взывая къ древнимъ богамъ Мессеніи къ Діоскурамъ, къ Юпитеру Итомскому, къ древнимъ героямъ, къ знаменитымъ и чтимымъ предкамъ. Всѣ эти покровители страны, повидимому, покинули ее, по мнѣнію древнихъ, въ тотъ день, когда врагъ сталъ хозяиномъ края; теперь ихъ заклинали вернуться. Читались заклятія, которыя непремѣнно должны были заставить ихъ поселиться въ новомъ городѣ вмѣстѣ съ гражданами. Это было главное. Водворить съ собою боговъ было самое дорогое и завѣтное желаніе человѣка, и можно думать, что священная церемонія не имѣла иной цѣли. Подобно тому, какъ сотоварищи Ромула, вырывъ яму, мнили сложить туда мановъ своихъ предковъ, такъ современники Эпаминонда призывали къ себѣ своихъ героевъ, своихъ божественныхъ предковъ и боговъ страны, мнили заклятіями и обрядами прикрѣпить ихъ къ этой землѣ, которую готовились занять сами и заключить ихъ въ той предѣльной чертѣ, которую собирались провести вокругъ города. Вотъ отчего они говорили имъ: „Пойдемте съ нами, божественныя существа, и станемъ жить вмѣстѣ въ этомъ городѣ!“ Первый день былъ весь посвященъ жертвоприношеніямъ и молитвамъ. На другой день провели городскую черту въ то время, какъ народъ пѣлъ священные гимны.

Сначала, пожалуй, покажется удивительнымъ, когда узнаешь

изъ древнихъ авторовъ, что не было города самаго стариннаго, который бы не считалъ себя знающимъ своего основателя и время своего основанія. Это оттого, что ни одинъ городъ не могъ никогда утратить воспоминанія о священной церемоніи, ознаменовавшей его рожденіе, потому что каждый годъ онъ праздновалъ его годовщину, совершая жертвоприношенія. Аѳины, какъ и Римъ праздновали день своего рожденія [1].

Часто случалось, что колонисты или завоеватели поселялись въ городѣ уже выстроенномъ. Имъ незачѣмъ было строить домовъ, такъ какъ ничто не мѣшало имъ занять дома побѣжденныхъ. Но они все-таки должны были исполнить священный обрядъ основанія, т.-е. воздвигнуть свой собственный очагъ и помѣстить своихъ національныхъ боговъ въ новомъ жилищѣ. Вотъ отчего мы читаемъ у Ѳукидида и Геродота, что дорійцы основали Спарту, а іонійцы—Милетъ, хотя они нашли эти города уже выстроенными и весьма древними.

Такіе обычаи говорятъ намъ довольно ясно, что такое былъ городъ по мысли древнихъ. Окруженный священной оградою и разстилаясь вокругъ алтаря, онъ былъ тою священною обителью, что укрывала въ себѣ боговъ и людей гражданской общины. Титъ Ливій говоритъ о Римѣ: „Нѣтъ въ этомъ городѣ ни одного мѣста, не освященнаго религіей и не занятаго какимъ-либо божествомъ... Боги обитаютъ въ немъ“. Что Титъ Ливій говоритъ о Римѣ, всякій могъ сказать и про свой собственный городъ, потому что если онъ былъ основанъ согласно религіознымъ обрядамъ, онъ принялъ въ свою ограду боговъ покровителей, которые какъ бы срослись съ его почвой для того, чтобы никогда не покидать его. Каждый городъ былъ святилищемъ и могъ назваться святымъ [2]).

Такъ какъ боги были навсегда связаны съ городомъ, то и народъ не долженъ былъ покидать то мѣсто, гдѣ укрѣпились его боги. Въ этомъ отношеніи существовало взаимное обязательство, нѣчто вродѣ договора между богами и людьми. Плебейскіе трибуны сказали однажды, когда Римъ, опустошенный галлами, весь обратился въ груду развалинъ, что въ пяти миляхъ отъ него есть другой городъ совсѣмъ отстроенный, обширный и красивый, расположенный въ прекрасной мѣстности и лишенный жителей съ того времени, какъ римляне его завоевали; что поэтому слѣдуетъ покинуть разрушенный Римъ и переселиться въ Веіи. Но благочестивый Камиллъ отвѣтилъ имъ: „Нашъ городъ основанъ согласно ре-

---

1) Плутархъ, *Тезей*, 24: ἔθυσε τὰ Μετοίκια ἣν ἔτι καὶ νῦν θύουσι. — Цицеронъ, *pro Sextio*, 63, замѣчаетъ, что онъ отправился въ Брундизію въ тотъ самый день, который городъ праздновалъ, какъ день рожденія, *idem dies natalis coloniae Brundisinae*.

2) Ἴλιος ἱρή (*Иліада*), ἱεραὶ Ἀθῆναι (Аристофанъ, Всадн., 1319), Λακεδαίμονι δίῃ (Ѳеогнистъ, ст. 837); ἱερὰν πόλιν, говоритъ Ѳеогнистъ, упоминая о Мегарѣ. Павзаній, I, 26: ἱερὰ τῆς Ἀθηνᾶς ἐστιν ἡ πόλις.

лигіи. Сами боги указали мѣсто для него и водворили въ немъ отцовъ нашихъ. Хотя онъ и въ развалинахъ нынѣ, но все же онъ обитель нашихъ природныхъ боговъ". Римляне остались въ Римѣ.

Естественно, что нѣчто священное и божественное соединялось съ городами, построенными согласно волѣ боговъ [1]) и притомъ постоянно освящаемыми ихъ присутствіемъ. Римскія преданія, какъ извѣстно, обѣщали Риму вѣчность, такія же преданія были и у каждаго города. Всѣ города строились съ тѣмъ, чтобы остаться на вѣки.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Культъ основателя. Легенда объ Энеѣ.

Основателемъ считался человѣкъ, совершившій религіозный актъ, безъ котораго не могъ существовать ни одинъ городъ. Онъ воздвигъ тотъ очагъ, на которомъ вѣчно долженъ горѣть неугасимый священный огонь; онъ же своими молитвами и обрядами призвалъ боговъ и упрочилъ ихъ навсегда въ новомъ городѣ.

Вполнѣ понятно то почитаніе, какое воздавалось этому священному человѣку. При его жизни люди видѣли въ немъ творца культа и отца города; по смерти онъ становился общимъ предкомъ для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній; для города онъ былъ тѣмъ же, чѣмъ первый предокъ для семьи— родовымъ Ларомъ. Воспоминаніе о немъ было такъ же вѣчно, какъ и возженный имъ огонь очага. Ему посвящали культъ, его считали богомъ, и городъ чтилъ его какъ свое провидѣніе. На его могилѣ [2]) ежегодно возобновлялись жертвоприношенія и праздники.

Всѣмъ извѣстно, что Ромулъ былъ сопричисленъ къ лику боговъ, что у него былъ свой храмъ и свои жрецы. Сенаторы могли умертвить его, но не могли лишить его культа, на который онъ имѣлъ право, какъ основатель [3]). Каждый

[1]) Neptunia Troja, θεόδμητοι Ἀθῆναι. См. Θеогнистъ, ст. 755 (Велькеръ).

[2]) Пиндаръ. *Pyth.*, V, 117—132; *Olymp.*, VII, 143–145. Пиндаръ называетъ основателя „отцомъ священныхъ обрядовъ" (Hyporchemes, fr. 1). Обычай установлять культъ основателя подтверждается Геродотомъ, VI, 38: Μιλτιάδει τελευτήσαντι Χερσονησῖται θύουσιν, ὡς νόμος οἰκιστῇ. Діодоръ Сицилійскій, XI, 78: Ἱέρων ἐτελεύτησε καὶ τιμῶν ἡρωικῶν ἔτυχεν, ὡς ἂν κτίστης γεγονὼς τῆς πόλεως. Плутархъ, *Аратъ*, 53, описываетъ религіозныя почести и жертвоприношенія, установленныя въ честь Арата послѣ его кончины и прибавляетъ: ὥσπερ οἰκιστὴν ἐκήδευσαν.

[3]) Плутархъ, *Ромулъ*, 29. Діонисій, II, 63: τὸν Ῥωμύλον ἱεροῦ κατασκευῇ καὶ θυσίαις διετησίοις ἔταξε γεραίρεσθαι. Овидій, *Фасты*, II, 475—510. Цицеронъ, *De rep.*, II, 10; I, 41. Почти несомнѣнно, что съ тѣхъ самыхъ поръ начали слагаться гимны въ честь основателей; намъ чудится какъ бы отзвукъ этихъ древнихъ пѣсней въ нѣсколькихъ стихахъ Эннія, приводимыхъ Цицерономъ:

Simul inter
Sese sic memorant: o Romule, Romule die,
Qualem te patriae custodem Di genuerunt!

городъ возводилъ своего основателя на степень божества; Кекропсъ и Тезей, слывшіе, каждый въ свою очередь, основателями Аѳинъ, имѣли тамъ свои храмы. Абдера совершала жертвоприношенія въ честь своего основателя Тимезія; Ѳера боготворила Ѳерада, Тенедосъ—Тенеда, Делосъ—Анія, Кирена—Ватта, Милетъ—Милея, Амфиполь—Гагнона [1]). Во времена Пизистрата, нѣкто Мильтіадъ основалъ колонію въ Херсонесѣ Фракійскомъ; эта колонія, послѣ его смерти, установила въ честь его культъ „по принятому обычаю". Гіеронъ Сиракузскій, основатель города Этны, пользовался тамъ впослѣдствіи „культомъ основателя" [2]).

Всего дороже для каждаго города было воспоминаніе о его основаніи. Когда Павзаній посѣтилъ Грецію во второмъ вѣкѣ нашей эры, каждый городъ могъ сказать ему имя своего основателя, вмѣстѣ съ его родословной и главными событіями его жизни. Это имя и эти событія не могли исчезнуть изъ памяти, потому что они составляли часть религіи и ежегодно вспоминались въ священныхъ церемоніяхъ.

Сохранилась память о множествѣ греческихъ поэмъ, имѣвшихъ своимъ предметомъ основаніе города. Филохоръ воспѣвалъ основаніе Саламина, Іонъ—основаніе Хіоса, Критонъ—Сиракузъ, Зопиръ—Милета; Аполлоній, Гермогенъ, Гелланикъ, Діоклесъ сочиняли на тотъ же сюжетъ поэмы или разсказы. Возможно, что не было города, у котораго не было бы поэмы или, по крайней мѣрѣ, гимна, воспѣвавшаго священнодѣйствіе, даровавшее ему рожденіе.

Среди всѣхъ этихъ древнихъ поэмъ, имѣвшихъ своимъ предметомъ священное основаніе какого-либо города, есть одна, уцѣлѣвшая отъ погибели, потому что ея предметъ дѣлалъ ее драгоцѣнной и для всѣхъ народовъ и для всѣхъ вѣковъ. Какъ извѣстно, Эней основалъ Лавиніумъ, откуда вышли альбанцы и римляне, и вслѣдствіе этого на него смотрѣли какъ на первѣйшаго основателя Рима. О немъ существовалъ цѣлый рядъ преданій и воспоминаній, запечатлѣнныхъ уже въ стихахъ стараго Невія и въ разсказахъ древняго Катона. Вергилій взялся за этотъ предметъ и написалъ національную поэму римской гражданской общины.

Предметомъ Энеиды служитъ прибытіе Энея или, вѣрнѣе, перенесеніе боговъ изъ Трои въ Италію. Поэтъ воспѣваетъ мужа, переплывшаго моря, чтобъ основать городъ и внести своихъ боговъ въ Лаціумъ,

O pater, o genitor, o sanguen Dis oriundum,
Tu produxisti nos intra luminis oras.

[1]) Геродотъ, I, 168. Пиндаръ, *Пиѳики*, IV. Ѳукидидъ, V, 11. Страбонъ, XIV, 1. Цицеронъ, *De nat. Deorum*, III, 19. Плутархъ, *Греческ. Вопр.*, 28. Павзаній, I, 34; III, 1.

[2]) Геродотъ, VI, 38. Діодоръ, XI, 78. Культъ основателя существовалъ также, повидимому, и у сабинянъ: *Sabini etiam regem suum primum Sangum retulerunt in Deos* (Св. Августинъ, *Градъ Божій*, XVIII, 19).

dum conderet urbem
Inferretque Deos Latio.

Нельзя судить объ Энеидѣ по нашимъ современнымъ понятіямъ. Иногда слышатся жалобы, что въ Энеѣ нѣтъ смѣлости, отваги и страсти. Безконечно повторяющееся прозваніе „благочестивый“ крайне утомительно. Видя этого воина, такъ тщательно вопрошающаго своихъ Пенатовъ, призывающаго то и дѣло какое-нибудь божество, простирающаго руки къ небу, когда слѣдуетъ сражаться, мечущагося по всѣмъ морямъ, внимая оракулу, и проливающаго слезы при видѣ опасности, невольно удивляешься. Вмѣстѣ съ тѣмъ его упрекаютъ въ холодности къ Дидонѣ и обвиняютъ его жестокое сердце:

Nullis ille movetur
Fletibus, aut voces ullas tractabilis audit.

Но дѣло въ томъ, что здѣсь воспѣвается не воинъ или герой какого-нибудь романа. Поэтъ хочетъ изобразить жреца. Эней—это глава культа, священное лицо, божественный основатель, призванный спасти Пенатовъ родного города:

Sum pius Aeneas raptos qui ex hoste Penates
Classe veho mecum.

Его преобладающимъ качествомъ должно быть благочестіе, и эпитетъ, чаще всего прилагаемый къ нему поэтомъ, есть именно тотъ, который больше всего идетъ къ нему; его добродѣтель должна заключаться въ холодной и высокой безличности, дѣлающей изъ него не человѣка, но орудіе боговъ. Зачѣмъ искать у него страсть. Онъ не вправѣ имѣть ее, или долженъ побѣдить ее въ глубинѣ своего сердца.

Multa gemens multoque animum labefactus amore,
Jussa tamen Divum insequitur.

Уже у Гомера Эней былъ священной особой, великимъ жрецомъ, котораго народъ „чтилъ наравнѣ съ богомъ“, а Юпитеръ предпочитаетъ его Гектору. У Вергилія онъ хранитель и спаситель троянскихъ боговъ. Въ ту ночь, когда свершилось паденіе Трои, Гекторъ явился ему во снѣ. „Троя ввѣряетъ тебѣ своихъ боговъ, - сказалъ онъ ему, — найди для нихъ новый городъ“. Въ то же время онъ вручаетъ ему святыню, изваянія боговъ покровителей и огонь очага, навѣки неугасимый. Это сновидѣніе не было искусственнымъ украшеніемъ, внесеннымъ фантазіей поэта. Напротивъ это—основаніе, на которомъ построена вся поэма, потому что благодаря ему Эней сталъ хранителемъ боговъ своего родного города и узналъ свое святое призваніе.

Погибъ городъ Троя, но не погибла троянская община; благодаря Энею очагъ не потухъ, а боги продолжали чтиться культомъ. Гражданство и боги бѣгутъ съ Энеемъ, вмѣстѣ они скитаются по морямъ и ищутъ страну, гдѣ бы могли поселиться:

Considere Teucros
Errantesque Deos agitataque numina Trojae.

Эней ищетъ для своихъ отчихъ боговъ хоть небольшое, но постоянное жилище:

Dis sedem exiguam patriis.

Но выборъ этого жилища, съ которымъ навсегда будетъ связана судьба ея гражданъ, не зависитъ отъ людей: онъ принадлежитъ богамъ. Эней совѣтуется съ прорицателями и вопрошаетъ оракула; онъ не самъ указываетъ себѣ путь и назначаетъ себѣ цѣль; онъ отдаетъ себя въ руки божества:

Italiam non sponte sequor.

Ему хотѣлось бы остановиться во Фракіи, на Критѣ, въ Сициліи, въ Карѳагенѣ у Дидоны, но тому противятся судьбы, *fata obstant*. Между нимъ и его жаждою покоя, между нимъ и его любовью вѣчно стоитъ рѣшеніе боговъ, данное откровеніе, *fata*.

Не надо обманываться: настоящій герой поэмы не Эней, а Троянскіе боги, тѣ самые боги, которымъ суждено впослѣдствіи стать богами Рима. Предметъ Энеиды—борьба римскихъ боговъ противъ враждебнаго имъ божества. Всевозможныя препятствія встаютъ имъ на пути:

Tantae molis erat romanam condere gentem!

Едва не поглотила ихъ буря, едва не овладѣла ими любовь женщины, но они торжествуютъ надъ всѣмъ и достигаютъ назначенной цѣли:

Fata viam inveniunt.

Вотъ, что должно было особенно возбуждать интересъ у римлянъ. Въ этой поэмѣ они видѣли самихъ себя, своего основателя, свой городъ, свои учрежденія, свои вѣрованія, свое владычество: безъ этихъ боговъ не существовало бы и римскаго гражданства [1]).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Боги гражданской общины.

Не надо упускать изъ виду, что въ древніе вѣка связью всякаго общежитія былъ культъ. Подобно тому, какъ домаш-

[1]) Мы не станемъ разбирать здѣсь, отвѣчаетъ ли легенда объ Энеѣ какому-нибудь дѣйствительному событію; для насъ достаточно видѣть въ немъ одно вѣрованіе. Оно намъ показываетъ, что именно представляли себѣ древніе въ лицѣ основателя города, какое понятіе составляли они себѣ о *penatiger* (богоносецъ), а это для насъ всего важнѣе. Прибавимъ, что многіе города во Фракіи, на Критѣ, въ Эпирѣ, въ Киѳерѣ, въ Закинѳѣ, въ Сициліи и въ Италіи считали себя основанными Энеемъ и воздавали ему божескія почести.

ній очагъ собиралъ вокругъ себя членовъ одной семьи, точно также и гражданская община была собраніемъ всѣхъ, у кого были общіе боги покровители и кто совершалъ религіозные обряды у общаго алтаря.

Этотъ алтарь гражданской общины находился въ оградѣ особаго строенія, которое греки называли пританеемъ [1]), а римляне - храмомъ Весты [2]).

Не было ничего болѣе священнаго во всемъ городѣ, какъ этотъ алтарь, на которомъ священный огонь горѣлъ всегда неугасимо. Правда, глубокое благоговѣніе рано ослабѣло въ Греціи, потому что греческое воображеніе скоро увлеклось въ сторону прекрасныхъ храмовъ, роскошныхъ легендъ и прелестныхъ статуй. Но оно никогда не ослабѣло въ Римѣ. Римляне не переставали быть убѣжденными, что судьба города связана съ этимъ очагомъ, представлявшимъ ихъ боговъ [3]). Уваженіе, питаемое ими къ весталкамъ, доказываетъ важность ихъ священнаго званія [4]). Если консулъ, проходя, встрѣчался съ весталкой, онъ приказывалъ опустить передъ нею свои фасцы. Зато, если одна изъ нихъ допустила огонь потухнуть или осквернила культъ, измѣнивъ своему долгу цѣломудрія, тогда весь городъ, опасаясь лишиться своихъ боговъ, мстилъ весталкѣ, зарывая ее живою въ землю [5]).

Однажды храмъ Весты едва не погибъ при пожарѣ близъ лежащихъ домовъ; тогда Римъ былъ весь въ отчаяніи, чув-

---

[1]) Пританей былъ прежде всего зданіе, заключавшее въ себѣ очагъ. Поллуксъ, I, 7: ἑστία... οὕτω δ'ἂν κυριώτατα καλοίης τὴν ἐν πρυτανείῳ, ἐφ' ἧς τὸ πῦρ ἄσβεστον ἀνάπτεται. Павзаній, V, 15, 5: εν αὐτῷ τῷ πρυτανείῳ, οἴκημα ἔνθα ἡ ἑστία. Діонисій Галикарнасскій, II, 23, говоритъ, что въ греческихъ пританеяхъ находился общій очагъ фратрій, ὥσπερ ἐν τοῖς ἑλληνικοῖς πρυτανείοις ἑστία κοινὴ τῶν φρατριῶν. Схоліастъ Пиндара, *Немейск. оды*, XI; Схоліастъ Ѳукидида, II, 15. — Пританей имѣлся во всѣхъ греческихъ городахъ: въ Аѳинахъ (Ѳукид., II, 15; Павзаній, I, 18); въ Сикіонѣ (Герод., V, 67); въ Мегарѣ (Павз., I, 43); въ Герміонѣ (Павз., II, 35); въ Элидѣ (Павз., V, 15); въ Сифносѣ (Герод., III, 57); у ахейцевъ Фтіотовъ (Герод., VII, 197); въ Родосѣ (Полибій, XXIX, 5); въ Мантинеѣ (Павзаній, VIII, 9); въ Ѳазѣ (Атеней, 1, 58); въ Митиленѣ (Атеней, X, 24); въ Цизикѣ (Титъ Ливій, XLI, 20); въ Наукратисѣ (Атеней, IV, 32); въ Сиракузахъ (Цицеронъ, *in Verrem, De signis*, 53) и на Липарскихъ островахъ, гдѣ обитало греческое племя (Діодоръ, XX, 101). — Діонисій Галикарн. говоритъ, что считалось невозможнымъ основать городъ, не воздвигнувъ напередъ общаго очага (II, 65). Въ Спартѣ была жрица, носившая названіе ἑστια πόλεως (Бёкъ, Corp. inscr. gr., т. I, стр. 610).

[2]) Въ Римѣ храмъ Весты былъ ничто иное, какъ священный очагъ города. Цицеронъ, *De legibus*, II, 8: *Virgines Vestales custodiunto ignem foci publici sempiternum*. Ibid., II, 12: *Vesta quasi focus urbis*. Овидій, *Фасты*, VI, 291: *Nec tu aliud Vestam quam vivam intellige fammam*.

[3]) Титъ Ливій, XXVI, 27: *Conditum in penetrali fatale pignus romani imperii*. Цицеронъ, *Филиппики*, XI, 10: *Quo salvo salvi sumus futuri*.

[4]) *Virgines sanctae* (Горацій, *Оды*, I, 2, 27), *sanctissimum sacerdotium* (Цицеронъ, *Pro domo*, 53). Цицеронъ, *Pro Fonteno*, 20.

[5]) Титъ Ливій, XXVIII, 11. Фестъ, стр. 106: *Ignis Vestae si quando interstinctus esset, virgines verberibus afficiebantur a pontifice*. Огонь могъ быть снова возженъ только при соблюденіи древняго религіознаго обычая: *Mos erat tabulam felicis materiae tamdiu terebrare quousque ignem cribro aeneo virgo in aedem ferret* (Фестъ, *ibidem*).

ствуя всю свою будущность въ опасности. Когда опасность миновала, то сенатъ предписалъ консулу отыскать виновниковъ пожара, и консулъ тотчасъ же обвинилъ нѣсколькихъ жителей Капуи, находившихся тогда въ Римѣ. Онъ не имѣлъ противъ нихъ никакой улики, но онъ разсуждалъ такъ: „Пожаръ угрожалъ нашему очагу; этотъ пожаръ, грозившій уничтожить наше величіе и прервать нашу судьбу, могъ быть зажженъ только рукою нашихъ злѣйшихъ враговъ. А у насъ нѣтъ враговъ болѣе жестокихъ, чѣмъ жители Капуи; этотъ городъ теперь въ союзѣ съ Аннибаломъ и стремится, занявъ наше мѣсто, стать во главѣ Италіи. Слѣдовательно, именно эти люди и хотѣли разрушить нашъ храмъ Весты, нашъ вѣчный очагъ, этотъ вѣрный залогъ нашего будущаго величія“ [1]). Такимъ образомъ, консулъ подъ вліяніемъ религіозныхъ идей думалъ, что враги Рима не могли найти иного болѣе вѣрнаго средства побѣдить его, какъ только разрушивъ его очагъ. Въ этомъ открываются предъ нами вѣрованія древнихъ; общественный очагъ былъ святилищемъ гражданской общины. Онъ породилъ ее, онъ же и охранялъ ее.

Подобно тому какъ культъ домашняго очага сохранялся въ тайнѣ и одна только семья имѣла право принимать въ немъ участіе, такъ и культъ общественнаго очага былъ скрытъ отъ постороннихъ. Никто, кромѣ гражданъ, не могъ присутствовать при жертвоприношеніи; однимъ взглядомъ посторонняго осквернялся весь религіозный обрядъ [2]).

У каждой гражданской общины были свои особые боги, принадлежавшіе только ей одной. Эти боги были обыкновенно той же природы, какъ и боги первобытной семейной религіи. Подобно имъ они назывались Ларами, Пенатами, Геніями, Демонами, Героями [3]); подъ всѣми этими названіями скрывались человѣческія души, обоготворенныя по смерти. Мы видѣли вначалѣ, что въ индо-европейской расѣ человѣкъ прежде всего сталъ чтить культомъ ту невидимую и безсмертную силу, какую онъ ощущалъ въ самомъ себѣ. Эти Геніи и эти Герои были въ то же время и предками народа [4]). Тѣла умершихъ погребались или въ самомъ городѣ, или въ его владѣніяхъ, а такъ какъ согласно вѣрованіямъ, указаннымъ нами

---

[1]) Титъ Ливій, XXVI, 27.

[2]) Ἱερὰ ἀπόρρητα, ἀθέατα, ἄδηλα. Плутархъ, *Нума*, 9; *Камиллъ*, 20; Діонисій Галикарн., II, 66. Вергилій, *Энеида*, III, 408. Павзаній, V, 15. Аппій, *Междоус. война*, I, 54.

[3]) *Penates publici* (Титъ Ливій, III, 17); *Lares publici* (Плиній, *Ест. ист.*, XXI, 3, 8). *Et vigilant nostra semper in urbe Lares* (Овидій, *Фасты*, II, 616). Цицеронъ, *Pro Sextio*, 20: *Te, patria, testor, et nos, Penates patriique dii*. Макробій, *Сатурн.*, III, 4: *De diis Romanorum propriis, id est, Penatibus*, Сервій, *ad Aen.*, II, 35: *Genio urbis Romae*.

[4]) Плутархъ, *Аристидъ*, 11: οἱ μὲν γὰρ ἥρωες, οἷς ἐκέλευε θύειν, ἀρχηγέται Πλαταιέων ἦσαν. — Софоклъ, *Антигона*, 199: γῆν πατρῴαν καὶ θεοὺς ἐγγενεῖς. Эти боги часто назывались δαίμονες ἐγχώριοι. Сравни у латиновъ *dii indigetes* (Сервій, *ad Aen.*, XII, 794; Авлъ Геллій, II, 16).

выше, душа не покидала тѣла, то отсюда слѣдовало, что божественные покойники были крѣпко связаны съ землею, гдѣ покоились ихъ кости. Изъ глубины своихъ могилъ они блюли общину; они покровительствовали странѣ и были для нея въ нѣкоторомъ родѣ вождями и владыками. Это выраженіе „вожди страны“, примѣнительно къ мертвымъ, встрѣчается въ прорицаніи Пиѳіи къ Солону: „Чти служеніемъ вождей страны, усопшихъ, обитающихъ подъ землею“ [1]). Такія мнѣнія происходили отъ вѣры въ великую силу, приписываемую древними человѣческой душѣ по смерти. Всякій, оказавшій большую услугу гражданской общинѣ, начиная съ того, кто положилъ ея основаніе, до того, кто даровалъ ей побѣду или улучшилъ ея законы, — всякій становится для нея богомъ [2]). Даже не было нужно быть великимъ человѣкомъ, или настоящимъ благодѣтелемъ; достаточно было живо поразить воображеніе своихъ современниковъ и сдѣлаться предметомъ народнаго преданія для того, чтобы стать героемъ, т.-е. могущественнымъ мертвецомъ, чья охрана желательна, а гнѣвъ страшенъ. Ѳивяне продолжали въ теченіе десяти вѣковъ совершать жертвоприношенія Этеоклу и Полинику [3]). Жители Аканфа чтили культомъ одного перса, умершаго у нихъ во время нашествія Ксеркса [4]). Ипполитъ чтился какъ богъ въ Треаенахъ [5]). Пирръ, сынъ Ахилла, слылъ божествомъ въ Дельфахъ единственно потому, что онъ тамъ умеръ и погребенъ [6]). Кротона почитала культомъ одного героя, единственно за то, что онъ былъ при своей жизни самымъ красивымъ человѣкомъ въ городѣ [7]). Аѳины обожали, какъ одного изъ своихъ покровителей, Эврисѳея, несмотря на то, что онъ былъ аргивяниномъ. Эврипидъ разъясняетъ намъ происхожденіе этого культа, когда онъ выводитъ на сцену Эврисѳея передъ его кончиной и заставляетъ его сказать аѳинянамъ: „Похороните меня въ Аттикѣ; я буду благосклоненъ къ вамъ и изъ нѣдръ земныхъ я стану покровителемъ всей вашей странѣ“ [8]). Вся трагедія „Эдипъ въ Колонѣ“ основана на этихъ вѣрованіяхъ: Креонъ и Тезей, т.-е. Ѳивы и Аѳины, оспариваютъ

---

[1]) Плутархъ, *Солонъ*, 9: ἀρχηγοὺς χώρας θυσίαις ἥρωας ἐνοίκους ἵλασο, οἳ φθίμενοι δέρκονται ἐς ἠέλιον δύνοντα. Эти послѣднія слова намекаютъ на обычай аѳинянъ хоронить покойниковъ лицомъ на западъ (Плутархъ, *Солонъ*, 10).

[2]) Въ честь Ликурга въ Спартѣ имѣлись особый храмъ, жрецы, празднества и гимны (Геродотъ, I, 65; Плутархъ, *Ликургъ*, 31; Эфоръ, у Страбона, VIII, 5, 5). Тезей считался богомъ въ Аѳинахъ, которыя воздвигли храмъ его праху. Аристоменъ чтился у жителей Мессеніи (Павзаній, IV, 33); Эакиды почитались въ Эгинѣ (Геродотъ, V, 80). У Павзанія можно найти много мѣстныхъ героевъ, почитавшихся въ гражданскихъ общинахъ.

[3]) Павзаній, IX, 18.

[4]) Геродотъ, VII, 117.

[5]) Діодоръ, IV, 62.

[6]) Павзаній, X, 23; Пиндаръ, *Немейск. оды*, VII, 65.

[7]) Геродотъ, V, 47.

[8]) Эврипидъ, *Гераклиды*, 1032.

другъ у друга тѣло человѣка, готоваго умереть и стать божествомъ; Эдипъ, согласно легендѣ, высказывается въ пользу Аѳинъ и самъ указываетъ мѣсто, гдѣ онъ хочетъ быть погребеннымъ: „Я не буду по смерти,—говоритъ онъ, – безполезнымъ для этой страны [1]), я стану защищать васъ отъ вашихъ враговъ; я буду для васъ оплотомъ, сильнѣйшимъ, чѣмъ тысячи воиновъ [2]); мое тѣло, покоящееся подъ землею, упьется кровью ѳивянъ“ [3]).

Всѣ мертвецы были оберегателями страны подъ условіемъ, чтобъ имъ совершался культъ. „Жители Мегары вопрошали однажды Дельфійскаго оракула, какъ добыть имъ благополучіе своему городу. Богъ отвѣтилъ, что они достигнутъ этого, если позаботятся совѣщаться всегда съ большинствомъ; жители поняли, что этими словами богъ указывалъ на мертвыхъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ гораздо больше, чѣмъ живыхъ: вслѣдствіе этого они выстроили зданіе для совѣщанія на самомъ мѣстѣ погребенія ихъ героевъ“ [4]). Для гражданской общины было большимъ счастіемъ обладать сколько-нибудь значительными покойниками. Мантинея съ гордостью говорила о прахѣ Аркада, Ѳивы—объ останкахъ Геріона, Мессена—Аристомена [5]). Чтобы добыть эти драгоцѣнные останки, прибѣгали иногда къ хитрости. Геродотъ разсказываетъ, какимъ обманомъ спартанцы завладѣли останками Ореста [6]). Правда, эти кости, съ которыми неразлучна была душа героя, немедленно даровали побѣду спартанцамъ. Какъ только Аѳины пріобрѣли могущество, они воспользовались имъ прежде всего, чтобы овладѣть костьми Тезея, погребеннаго на островѣ Скиросѣ, и воздвигнуть ему храмъ въ городѣ, чтобы увеличить число своихъ боговъ покровителей.

Кромѣ этихъ героевъ и геніевъ у людей были боги и другого рода, какъ-то: Юпитеръ, Юнона, Минерва, къ которымъ привлекалась ихъ мысль созерцаніемъ природы. Но мы видѣли, что эти созданія человѣческаго ума долгое время носили характеръ домашнихъ, или мѣстныхъ божествъ. Сначала ихъ не считали за боговъ — хранителей всего человѣческаго рода. Думали, что каждый изъ нихъ составляетъ собственность одной какой-либо семьи, или гражданской общины.

Такимъ образомъ вошло въ обычай, чтобы у каждой гражданской общины, помимо ея героевъ, имѣлся еще свой Юпитеръ, своя Минерва, или какое-либо другое божество, кото-

---

[1]) Софоклъ, *Эдипъ въ Колонѣ*, 627.

[2]) Idem., *ibidem*, 1524, 1525.

[3]) Idem., *ibidem*, 621, 622. Въ Аѳинахъ показывали могилу гдѣ покоились кости Эдипа и ἡρῷον, гдѣ ему приносились могильныя жертвы (Павзаній, I, 28; I, 30). Разумѣется у ѳивянъ была своя особая легенда объ Эдипѣ.

[4]) Павзаній, I, 43. Схожая легенда и такой же обычай встрѣчаются въ греческомъ городѣ Тарентѣ (Полибій, VIII, 30).

[5]) Павзаній, IV, 32; VIII, 9; VIII, 36.

[6]) Геродотъ, I, 67—68. Павзаній, III, 3.

рыхъ она присоединяла къ своимъ первымъ пенатамъ и къ своему очагу. Въ Греціи, въ Италіи было множество городскихъ божествъ, или поліадъ. У каждаго города были свои боги, въ немъ обитавшіе [1]).

Имена многихъ изъ этихъ божествъ позабыты; совершенно случайно сохранилось воспоминаніе о богѣ Сатрапесѣ, принадлежавшемъ городу Элидѣ, о богинѣ Дендимендѣ въ Ѳивахъ; о Сотейрѣ въ Эгіонѣ, о Вритомартидѣ на Критѣ, о Гивлеѣ въ Гивлѣ. Имена Зевса, Аѳины, Геры, Юпитера, Минервы, Нептуна намъ много извѣстнѣе и мы знаемъ, что они часто прилагались и къ этимъ божествамъ-поліадамъ. Но изъ того, что два отдѣльные города называли своего бога однимъ именемъ, остережемся сдѣлать заключеніе, что они поклонялись одному и тому же богу. Была Аѳина въ Аѳинахъ, была другая въ Спартѣ; это двѣ разныя богини [2]). У большинства городовъ городовымъ божествомъ считался Юпитеръ; но было столько же разныхъ Юпитеровъ, сколько городовъ.

Въ легендѣ о Троянской войнѣ мы видимъ одну Палладу, сражающуюся за грековъ, а у троянцевъ есть другая Паллада, принимающая ихъ поклоненія и покровительствующая своимъ почитателямъ [3]). Можно ли сказать, что одно и то же божество сражалось въ обоихъ войскахъ? Конечно нѣтъ, потому что древніе не присвоивали своимъ богамъ свойства вездѣсущности [4]). Города Аргосъ и Самосъ имѣли каждый своею городовою богинею Геру; это не была одна и та же богиня, потому что она представлялась въ этихъ двухъ городахъ съ разными аттрибутами. Въ Римѣ была Юнона; въ пяти миляхъ отъ него въ городѣ Веи была другая Юнона; это до такой степени различное божество, что мы видимъ какъ диктаторъ Камиллъ, который осаждалъ Веи, обращается ко враждебной Юнонѣ, заклиная ее покинуть Этрусскій городъ и перейти въ его лагерь. Овладѣвъ городомъ, онъ захватываетъ ея статую и, вполнѣ убѣжденный, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ овладѣлъ и богиней, набожно переноситъ ее въ Римъ.

---

1) Этихъ боговъ называли θεοὶ πολιεῖς (Поллуксъ, IX, 40), πολιοῦχοι (Эсхилъ, *Семь пр. Ѳивъ*, 109), πολῖται (Эсхилъ, ibid., 253), ἀστύνομοι (Эсхилъ, *Агамемн.*, 88).—Они оказывали особое покровительство городу; Витрувій, I, 7: *Quorum deorum in tutela civitas videtur esse*. Макробій, III, 9: *Constat omnes urbes in alicujus Dei esse tutela*. Гезихій: πολιοῦχοι, οἱ τὴν πόλιν σώζοντες καὶ οἱ ἄρχοντες αὐτῆς. Вергилій выражаетъ ту же мысль: *Di patrii, quorum semper sub numine Troja est* (IX, 246). Необходимость для всякаго вновь возникшаго города обзавестись городскимъ божествомъ указана у Аристофана, *Aves*, ст. 826: τίς δαὶ θεὸς πολιοῦχος ἔσται.—Божества эти жили въ той странѣ и владѣли ею; Демосѳенъ, *Pro corona*, 141: θεοὶ ὅσοι τὴν χώραν ἔχουσι τὴν Ἀττικήν. Плутархъ, *Аристидъ*, 18: θεοὶ οἳ τὴν λαταιΐδα ἔχουσι. Ликургъ, *in Leocratem*, 26: Ἀθηνᾶν τὴν χώραν εἰληχυῖαν.

2) Ѳукидидъ, I, 134. Павзаній, III, 17.

3) *Иліада*, VI, 88.

4) Въ Аѳинахъ была одна Ἀθηνῆ πολιάς, въ Тегеѣ—другая тоже Ἀθηνῆ πολιάς; послѣдняя обѣщала тегейцамъ, что городъ ихъ никогда не будетъ взятъ врагомъ (Павзаній, VIII, 47).

Съ тѣхъ поръ у Рима было двѣ Юноны покровительницы. То же случилось нѣсколько лѣтъ спустя съ Юпитеромъ, котораго другой диктаторъ принесъ изъ Пренеста, тогда какъ Римъ имѣлъ уже и безъ того своихъ трехъ, или четырехъ Юпитеровъ [1]).

Городъ, владѣвшій собственнымъ божествомъ, не желалъ, чтобы оно покровительствовало чужимъ и не допускалъ ихъ поклоняться ему. По большей части входъ въ храмъ былъ доступенъ только для гражданъ. Одни аргивяне имѣли право входить въ храмъ Геры Аргосской. Чтобы войти въ храмъ Аѳины въ Аѳинахъ, надлежало быть аѳиняниномъ [2]). Римляне, поклонявшіеся у себя двумъ Юнонамъ, не могли входить въ храмъ третьей Юноны, находившейся въ маленькомъ городкѣ Лавиніумѣ [3]).

Надо знать, что древніе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ рѣдкихъ избранныхъ умовъ, никогда не представляли себѣ Бога—Единымъ Сущимъ, правящимъ всею вселенною. Каждый изъ ихъ безчисленныхъ боговъ владѣлъ небольшой собственной областью: для одного это была семья, для другого—триба, для третьяго—гражданская община: вотъ предѣлы, въ которыхъ каждый изъ нихъ довольствовался своею властью. Что касается до Бога всего человѣческаго рода, то нѣкоторые философы могли о немъ догадываться, Элевсинскія таинства могли мелькомъ открывать его разумнѣйшимъ изъ посвященныхъ, но народная толпа не вѣровала въ него никогда. Долгое время человѣкъ понималъ божественное существо только какъ силу, лично ему покровительствующую, и каждый человѣкъ, или каждая группа людей жаждала имѣть своихъ боговъ. Даже теперь у потомковъ грековъ грубые деревенскіе жители съ усердіемъ молятся святынѣ, но сомнительно, имѣютъ ли они понятіе о Богѣ; каждый изъ нихъ хочетъ имѣть среди этихъ святыхъ своего отдѣльнаго покровителя, своего особаго заступника. Въ Неаполѣ у каждой части города имѣется своя Мадонна; лацароне преклоняетъ колѣна передъ Мадонной своей улицы и готовъ оскорбить изображеніе ея на сосѣдней; нерѣдко случается видѣть, какъ два носильщика ссорятся между собою и вступаютъ въ драку на ножахъ изъ-за достоинства своихъ Мадоннъ. Теперь это исключенія, встрѣчающіяся лишь у нѣкоторыхъ народовъ и въ извѣстныхъ классахъ, но у древнихъ это было общимъ правиломъ.

---

1) Титъ Ливій, V, 21, 22; VI, 29.—См. у Діона Кассія. LIV, 4, разсказъ, изъ котораго ясно видно что Юпитеръ Капитолійскій и Юпитеръ Громовержецъ—были два различные бога.

2) Геродотъ, V, 72; VI, 81. Въ Спартѣ была одна Аѳина и одна Гера (Плутархъ, *Ликургъ*, 6; Павзаній, III); но спартанецъ не смѣлъ вступать въ храмъ Аѳины, городской богини въ Аѳинахъ, ни въ храмъ Геры въ Аргосѣ.

3) Они пріобрѣли это право только послѣ завоеванія города. Титъ Ливій, VIII, 14.

У каждой гражданской общины было свое сословіе жрецовъ, не зависѣвшее ни отъ какой сторонней власти. Между жрецами двухъ различныхъ городовъ не было никакой связи, никакихъ сношеній, никакого обмѣна въ ученіяхъ, или обрядахъ. Если кто-нибудь переходилъ изъ одного города въ другой, то находилъ иныхъ боговъ, иные догматы, иные обряды. У древнихъ были служебныя книги, но книги одного города не имѣли ничего общаго съ книгами другого. У каждой гражданской общины было свое собраніе молитвъ и обрядовъ, хранимыхъ въ тайнѣ; она полагала, что осквернитъ свою религію и испортитъ себѣ будущность, если откроетъ ихъ постороннимъ. Такимъ образомъ, религія была всецѣло мѣстная, чисто гражданская, принимая это слово въ древнемъ смыслѣ, т.-е. особая для каждой гражданской общины [1]).

Вообще человѣкъ зналъ лишь боговъ своего родного города, ихъ однихъ чтилъ и имъ однимъ поклонялся. Каждый могъ сказать то, что въ одной трагедіи Эсхила чужеземецъ сказалъ аргивянамъ: „Мнѣ не страшны боги вашего края; я ничѣмъ имъ не обязанъ“ [2]).

Каждый городъ отъ своихъ боговъ ждалъ себѣ благополучія. Къ нимъ обращались въ минуты опасности. Ихъ призывали, говоря: „Боги этого города, не допустите ему погибнуть вмѣстѣ съ нашими домами и очагами.. Ты, обитающій такъ долго на нашей землѣ, ужели ты ей измѣнишь? Всѣ вы наша охрана, и не попустите насъ въ руки враговъ нашихъ“ [3]). Для того, чтобы обезпечить себѣ покровительство боговъ, люди установляли въ честь нихъ культы. Боги были алчны до приношеній, которыя и совершались имъ очень щедро, но подъ условіемъ, чтобы они заботились о спасеніи города. Не забудемте, что идея чисто - нравственнаго духовнаго поклоненія—недавняго происхожденія въ человѣчествѣ. Въ древніе вѣка культъ состоялъ въ питаніи бога, въ доставленіи ему всего, что касалось его чувствъ, какъ-то: мяса, хлѣба, вина, ароматовъ, одеждъ и драгоцѣнностей, пляски и музыки. Отъ него же требовали взамѣнъ благодѣяній и услугъ. Такъ въ Иліадѣ Хризей говоритъ своему богу: „Съ давнихъ поръ я приносилъ тебѣ въ жертвы тучныхъ быковъ; услышь же нынѣ мои мольбы и порази стрѣлами моихъ враговъ“. Такъ троянцы взываютъ къ своей богинѣ, приносятъ ей прекрасную одежду и обѣщаютъ принести въ жертву двѣнадцать тельцовъ, „если она спасетъ Иліонъ“ [4])· Между этими богами и людьми всегда существуетъ взаимный договоръ; благочестіе однихъ имѣетъ свое возмездіе, другіе ничего не даютъ даромъ. У Эсхила ѳивяне обращаются къ своимъ городскимъ божествамъ и говорятъ имъ: „Будьте намъ защитой; вѣдь наши интересы совпадаютъ съ вашими: если городъ въ благополучіи, онъ чтитъ боговъ своихъ. Покажите намъ, что вы любите нашъ городъ. Подумайте о народномъ культѣ, вамъ воздаваемомъ, и вспомните пышныя жертвы, вамъ принесенныя“ [1]). Эта мысль много разъ высказывалась древними; Ѳеогнистъ говоритъ, что Аполлонъ спасъ Мегару отъ нападенія персовъ затѣмъ, „чтобы его городъ приносилъ ему ежегодно пышныя гекатомбы“ [2]).

[1]) Общіе культы для многихъ городовъ установлялись лишь въ случаѣ федеративнаго союза; объ этомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи.
[2]) Эсхилъ, *Suppl.*, 858.
[3]) Эсхилъ, *Семь вождей*, ст. 69—73, 105, 109, 139, 168—170.
[4]) *Иліада*, I, 37 и слѣд.; VI, 93—96.

Оттого то городъ не позволялъ постороннимъ приносить жертвы своимъ городскимъ божествамъ или входить въ ихъ храмы [3]). Для того, чтобы обезпечить себѣ одному покровительство боговъ, каждый городъ долженъ былъ позаботиться, чтобы они не чтились культомъ никѣмъ изъ постороннихъ. Получая только здѣсь благоговѣйное поклоненіе, они, если хотѣли продолженія жертвъ и гекатомбъ, должны были защищать этотъ городъ, упрочить его существованіе навѣки и сдѣлать его богатымъ и могущественнымъ.

Обыкновенно боги много заботились о своемъ городѣ; посмотрите какъ у Вергилія, Юнона „хлопочетъ и старается“, чтобы ея Карѳагенъ сталъ современемъ владыкою міра. Каждый изъ этихъ боговъ, подобно Юнонѣ у Вергилія, носитъ въ своемъ сердцѣ заботу о величіи своего города. У этихъ боговъ тѣ же интересы, какъ у людей, ихъ согражданъ. Во время войны они идутъ въ битву посреди ихъ. У Эврипида есть одно лицо, которое говоритъ при приближеніи битвы: „Боги, сражающіеся за насъ ничѣмъ не хуже тѣхъ, которые на сторонѣ нашихъ враговъ“ [4]).

Никогда эгинеты не выступали въ походъ, не взявъ съ собой статуй своихъ національныхъ героевъ—эакидовъ. Спартанцы во всѣхъ своихъ военныхъ предпріятіяхъ брали съ собою Тиндаридовъ [5]). Во время битвы боги и граждане поддерживали взаимно другъ друга и, если битва оканчивалась побѣдою, значитъ, всѣ исполнили свой долгъ. Если же, напротивъ, сраженіе проигрывалось, то въ пораженіи обвиняли боговъ, ихъ упрекали въ томъ, что они плохо выполнили свою обязанность защитниковъ города; иногда дѣло доходило до того, что опрокидывали ихъ алтари и бросали камнями въ ихъ храмы [6]).

Если городъ былъ побѣжденъ, думали, что вмѣстѣ съ нимъ

[1]) Эсхилъ, *Семь вождей*, 76—77, 176—181.
[2]) Ѳеогнистъ, изд. Велькера, 759; изд. Буассонадъ. 777.
[3]) Едва ли надо оговариваться что эти древнія правила сильно смягчились съ теченіемъ времени; есть надписи, свидѣтельствующія, что чужестранцы приносили жертвы аѳинскимъ божествамъ; но эти надписи сравнительно позднѣйшаго происхожденія.
[4]) Эврипидъ, *Гераклиды*, 347.
[5]) Геродотъ, V, 65; V, 80.
[6]) Светоній, *Калигула*, 5. Сенека, *de Vita beata*, 36.

побѣждены и его боги [1]). Если городъ былъ взятъ, его боги также считались взятыми въ плѣнъ.

Правда, по этому послѣднему предмету мнѣнія были нерѣшительны и разнообразны. Многіе были убѣждены, что города никогда нельзя было взять, пока въ немъ пребывали его боги; если же онъ попадалъ въ руки непріятеля, то оттого, что его раньше покинули сами боги. Когда Эней видитъ, что греки овладѣли Троей, онъ восклицаетъ, что боги ушли изъ города, покинули свои храмы и свои алтари [2]). У Эсхила хоръ ѳивянокъ выражаетъ то же вѣрованіе, когда при приближеніи непріятеля онъ заклинаетъ боговъ не покидать города [3]).

Согласно этому мнѣнію, для того, чтобы овладѣть городомъ, надлежало удалить изъ него боговъ. Римляне употребляли для этого извѣстныя заклятія, записанныя въ ихъ священныхъ книгахъ и сохраненныя для насъ Макробіемъ: „О, ты, великій изъ великихъ, покровитель этого города, прошу тебя и умоляю, покинь его и этотъ народъ, оставь эти храмы и священныя мѣста и, удаляясь отъ нихъ, приди въ Римъ ко мнѣ и къ моимъ согражданамъ. Пусть нашъ городъ, наши храмы, наши святыни будутъ тебѣ пріятнѣе и дороже; возьми насъ подъ свою охрану. Если ты такъ сдѣлаешь, я воздвигну храмъ въ честь тебя“ [4]). Слѣдовательно, древніе были убѣждены, что существовали заклятія настолько дѣйствительныя и могущественныя, что если произнести ихъ вполнѣ точно и не измѣняя ни одного слова, богъ не могъ воспротивиться просьбѣ человѣка. Призванное такимъ образомъ божество, переходило къ непріятелю, и городъ доставался ему въ руки [5]).

Въ Греціи мы находимъ тѣ же мнѣнія и сходные обычаи.

---

[1]) Вергилій, *Энеида*, I, 68; *victosque Penates*.

[2]) Вергилій, *Энеида*, II, 351:

Excessere omnes adytis arisque relictis.
Di quibus imperium hoc steterat.

[3]) Эсхилъ, *Семь вождей*, 217—220. „Этеоклъ: Говорятъ, что когда городъ взятъ врагами, боги покидаютъ его. Хоръ: Пусть боги никогда не покинутъ насъ и пусть никогда не увидимъ мы, что Ѳивы взяты врагами и преданы пламени“.

[4]) Макробій, *Сатурн.*, III, 9. Плиній, *Естест. ист.*, XXVIII, 4, 18: „*In oppugnationibus ante omnia solitum a Romanis sacerdotibus evocari deum in cujus tutela id oppidum esset promittique illi eumdem aut ampliorem apud Romanos cultum*“.

[5]) О могуществѣ формулъ ἐπαγωγαί или καταδέσεις, см. Платонъ, *Законы*, XI, стр. 933; Эврипидъ, *Умоляющія*, 39. Эти формулы были такъ древни, что большинство словъ, встрѣчавшихся въ нихъ, были непонятны и даже не греческаго происхожденія; смотри у Гезихія, слово ἐφεσία. Древніе вѣрили, что можно принудить боговъ къ чему-нибудь; эту мысль Вергилій выражаетъ такими стихами:

Junonis magnae primum prece numen adora;
Junoni cane vota libens, dominamque potentem
Supplicibus supera donis (Эн., III, 427—440).

Молитва, *preces*, обѣты, *vota*, приношенія, *dona*,—вотъ три вещи, чѣмъ можно было побѣдить, *superare*, неблагосклонность богини.

Еще во времена Ѳукидида при осадѣ одного города обращались къ его богамъ, прося ихъ, чтобы они допустили взять его [1]). Часто вмѣсто того, чтобы воспользоваться заклятіемъ для привлеченія бога, греки предпочитали прямо похитить его статую. Всѣмъ извѣстно преданіе объ Улиссѣ, похитившемъ Палладу у троянцевъ. Въ другое время эгинеты, задумавъ начать войну съ Эпидавромъ, похитили сначала двѣ статуи боговъ, покровителей этого города, и перенесли ихъ къ себѣ [2]).

Геродотъ разсказываетъ, что аѳиняне желали войны съ эгинетами; но предпріятіе было рисковано, потому что у Эгины имѣлся герой покровитель столь же могущественный, какъ и вѣрный, именно Эакъ. Аѳиняне по зрѣломъ размышленіи отложили на тридцать лѣтъ исполненіе своего намѣренія; въ то же время они воздвигли въ своей странѣ храмъ въ честь того же Эака и посвятили ему культъ. Они были убѣждены, что если этотъ культъ продлится безъ перерыва тридцать лѣтъ, то богъ перестанетъ болѣе принадлежать эгинетамъ и перейдетъ къ аѳинянамъ. Въ самомъ дѣлѣ, имъ казалось, что богъ не могъ принимать такъ долго тучныя жертвы и не счесть себя обязаннымъ тѣмъ, кѣмъ онѣ приносились. Слѣдовательно Эакъ долженъ былъ, наконецъ, поневолѣ покинуть сторону эгинетовъ и доставить побѣду аѳинянамъ [3]).

У Плутарха есть другая такая исторія. Солону хотѣлось, чтобы Аѳины овладѣли небольшимъ островомъ Саламиномъ, принадлежавшимъ тогда мегарянамъ. Онъ вопросилъ оракула. Оракулъ отвѣтилъ ему: „Если ты хочешь завоевать островъ, ты долженъ сперва пріобрѣсть благосклонность героевъ-защитниковъ, на немъ обитающихъ“. Солонъ повиновался; отъ имени Аѳинъ онъ принесъ жертвы двумъ главнымъ саламинскимъ героямъ. Эти герои были подкуплены этими жертвами; они перешли на сторону аѳинянъ, и островъ, лишенный покровителей, былъ завоеванъ [4]).

Въ военное время если осаждающіе старались овладѣть божествами города, осажденные съ своей стороны старались ихъ удержать. Иногда, чтобы воспрепятствовать богу удалиться, его приковывали цѣпями. Иногда же его прятали отъ всѣхъ взоровъ, чтобы врагъ не могъ отыскать его. Или же противъ заклятія, которымъ врагъ пытался привлечь къ себѣ бога, употребляли другое заклятіе, имѣвшее силу его удерживать. Римляне придумали средство, которое казалось имъ очень надежнымъ: они хранили въ тайнѣ имя главнаго и самаго могущественнаго изъ своихъ боговъ покровителей. Они

---

[1]) Ѳукидидъ, II, 74.
[2]) Геродотъ, V, 83.
[3]) Геродотъ, V, 80.
[4]) Плутархъ, *Солонъ*, 9.

думали, что такъ какъ враги никогда не съумѣютъ назвать этого бога по имени, то онъ никогда не перейдетъ на ихъ сторону и городъ никогда не будетъ взятъ врагами [1]).

Изъ этого видно, какую странную идею о богахъ составили себѣ древніе. Долгое время они не могли постигнуть божество, какъ высшее могущество. У каждой семьи была своя семейная, у каждаго города—своя національная религія. Городъ былъ подобенъ небольшой церкви, имѣвшей своихъ боговъ, свои догматы и свой культъ. Эти вѣрованія кажутся намъ очень грубыми, но они принадлежатъ передовому народу тѣхъ временъ и они оказали на этотъ народъ и на народъ римскій такое сильное вліяніе, что большая часть ихъ учрежденій и ихъ исторіи вышли отсюда.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Религія гражданской общины.

1. Общественный столъ.

Выше было видно, что главнымъ обрядомъ домашняго культа считалось принятіе пищи, что называлось жертвоприношеніемъ. Отвѣдать пищи, приготовленной на алтарѣ, вотъ въ чемъ, повидимому, состояла первая форма, данная человѣкомъ религіозному акту. Потребность войти въ общеніе съ божествомъ удовлетворялась ѣдою, на которую оно приглашалось и отъ которой ему удѣляли часть.

Главный обрядъ культа гражданской общины также состоялъ изъ подобнаго рода принятія пищи. Оно должно было совершаться сообща всѣми гражданами въ честь боговъ покровителей. Обычай этихъ общественныхъ столовъ былъ повсемѣстенъ въ Греціи; думали, что благосостояніе гражданской общины зависѣло отъ его соблюденія [2]).

Въ Одиссеѣ мы находимъ описаніе одного изъ этихъ священныхъ пиршествъ; девять длинныхъ столовъ поставлены для пилосскаго народа; за каждымъ изъ нихъ возсѣдало пятьсотъ гражданъ и на каждомъ столѣ было принесено богамъ въ жертву по девяти быковъ. Это пиршество, называемое пиршествомъ боговъ, начинается и оканчивается возліяніями и молитвами [3]). Древній обычай общихъ столовъ упоминается

[1]) Плиній, *Естест. ист.*, XXVIII, 4, 18: *constat ideo occultatum in cujus dei tutela Roma esset, ne qui hostium evocarent.*—Макробій, *Sat.*, III, 9: *Ipsius urbis nomen etiam doctissimis ignotum est, caventibus Romanis ne, quod saepe adversus urbes hostium fecisse se noverant, idem ipsi hostili evocatione paterentur, si tutelae suae nomen divulgaretur.*—Сервій, *ad Aen.*, II, 351: „*Romani celatum esse voluerunt in cujus dei tutela Roma sit, ne suis nominibus dii Romani appellarentur, ne exaugurari possint*“.

[2]) Σωτήρια τῶν πόλεων σύνδειπνα. Атеней, V, 2. Поллуксъ, I, 34, упоминаетъ о δημοθοινίαι или πανθοινίαι въ числѣ религіозныхъ праздниковъ.

[3]) Одиссея, III, 5–9; 43—50. 339—341.

также и въ древнѣйшихъ аѳинскихъ преданіяхъ; разсказывали, что Орестъ, убійца своей матери, прибылъ въ Аѳины въ то самое время, когда вся гражданская община, собравшись вокругъ царя, готовилась приступить къ священнодѣйствію [1]).

Общественные столы встрѣчаются еще и во времена Ксенофонта; въ опредѣленные дни года городъ приноситъ многочисленныя жертвы, а народъ подѣляетъ между собою ихъ мясо [2]). Тѣ же обычаи существовали повсюду [3]).

Кромѣ этихъ громадныхъ пировъ, на которые собирались всѣ граждане и которые могли происходить только въ торжественные праздники, религія предписывала, чтобы ежедневно совершалось священное пиршество. Для этого нѣсколько лицъ, выбранныхъ гражданской общиной, должны были вкушать вмѣстѣ отъ ея имени въ пританеѣ, вблизи очага и предъ лицомъ боговъ покровителей. Греки были убѣждены, что если этотъ обѣдъ не будетъ исполненъ хоть одинъ только день, то государству грозитъ опасность лишиться милости своихъ боговъ [4]).

Въ Аѳинахъ жребій указывалъ на людей, которые должны были участвовать въ общихъ обѣдахъ, и законъ строго наказывалъ тѣхъ, кто уклонялся отъ выполненія этого долга [5]).

Граждане, возсѣдавшіе за священнымъ столомъ, облекались на это время какъ бы жреческимъ характеромъ. Ихъ называли *паразитами* (παράσιτος—нахлѣбникъ); это слово, которое впослѣдствіи сдѣлалось презрительнымъ выраженіемъ, сначала было священнымъ названіемъ [6]). Во времена Демосѳена паразиты уже исчезли, но пританы все еще были обязаны столоваться вмѣстѣ въ пританеѣ. Во всѣхъ городахъ имѣлись зданія для общихъ столовъ [7]).

Судя по тому, что происходило на этихъ обѣдахъ, въ нихъ

[1]) Атеней, X, 49, по Фанодему.

[2]) Ксенофонтъ, *Аѳинск. госуд.*, 3: θύουσι δημοσίᾳ ἡ πόλις ἱερεῖα πολλά, ἔστι δὲ ὁ δῆμος εὐωχούμενος καὶ διαλαγχάνων τὰ ἱερεῖα. Схоліастъ Аристофана, *Облака*, 386. Плутархъ, *Периклъ*, 11, и Исократъ, *Ареопагиты*, 29, сообщаютъ объ обычаѣ ἑστιάσεις въ Аѳинахъ.

[3]) Атеней, V, 2: οἱ νομοθέται τά τε φυλετικὰ δεῖπνα καὶ τὰ δημοτικὰ προσέταξαν καὶ τὰ φρατριακά. Тотъ же писатель упоминаетъ въ Аргосѣ о δημόσιαι θοῖναι, а въ Спартѣ—объ обѣдахъ κατὰ τὰς ἑορτάς, различавшихся отъ ежедневныхъ φειδίτια (Атеней, XI, 66). Онъ даетъ длинное описаніе священныхъ обѣдовъ въ городахъ Фигаліи и Наукратисѣ, сообщая объ обрядахъ, возліяніяхъ и гимнахъ (IV, 32). Онъ также говоритъ и объ общественныхъ столахъ въ Тарентѣ: ἡ πόλις καθ' ἕκαστον μῆνα βουθυτεῖ καὶ δημοσίᾳ ἑστιάσεις ποιεῖται (IV, 61). Онъ также намекаетъ на этотъ обычай, X, 25. Пиндаръ, въ XI Немейской одѣ, описываетъ священные обѣды въ Тенедосѣ. Діодоръ, XI, 72.

[4]) Атеней, V, 2.

[5]) Смотри декретъ, приводимый Атенеемъ, VI, 26: ὃς ἂν μὴ θέλῃ παρασιτεῖν, εἰσαγέτω εἰς τὸ δικαστήριον.

[6]) Плутархъ, *Солонъ*, 24: ἴδιον δὲ τοῦ Σόλωνος καὶ τὸ περὶ τῆς ἐν δημοσίῳ σιτήσεως ὑπερ αὐτὸς παρασιτεῖν κέκληκε.— Атеней, VI, 26.— Филохоръ, стр. 156; Клитодемъ, 11. Поллуксъ, VI, 35.

[7]) Демосѳенъ, *Pro corona*, 53. Аристотель, *Политика*, VII, 1, 19. Поллуксъ, VIII, 155. Павзаній, VI, 35.

легко признать религіозный обрядъ. Каждый участвующій имѣлъ на головѣ вѣнокъ. Дѣйствительно, то былъ древній обычай украшать себя вѣнкомъ изъ листьевъ или цвѣтовъ при исполненіи торжественнаго обряда религіи. „Чѣмъ болѣе будешь украшенъ цвѣтами, тѣмъ вѣрнѣе понравишься богамъ. Но если ты будешь совершать жертвоприношенія безъ вѣнка, они отвернутся отъ тебя“ [1]).— „Вѣнокъ,— говорилось еще,— это вѣстникъ счастливаго предзнаменованія, посылаемый молитвою къ богамъ передъ собою“ [2]). Участвующіе въ общественномъ обѣдѣ по той же причинѣ были одѣты въ бѣлое платье: бѣлый цвѣтъ считался священнымъ у древнихъ, его любили боги [3]).

Обѣдъ неизмѣнно начинался молитвою и возліяніями, причемъ пѣлись гимны [4]). Свойство пищи и родъ вина, подлежащаго къ употребленію, указывались сборникомъ обрядовъ каждаго города. Отступить въ чемъ-либо отъ обычая предковъ, подать какое-нибудь новое блюдо, или измѣнить ритмъ священныхъ гимновъ, считалось важнымъ нечестіемъ, за которое весь городъ былъ въ отвѣтѣ предъ богами. Религія даже указывала, какіе сосуды надлежало употреблять какъ для приготовленія пищи, такъ и за столомъ. Въ одномъ городѣ хлѣбъ долженъ былъ быть положенъ въ мѣдныя корзины, въ другомъ всѣ употребляемые сосуды должны были быть изъ глины. Даже самая форма хлѣба была неизмѣнно опредѣленною [5]). Эти правила древней религіи никогда не переставали соблюдаться, и священные обѣды сохранили навсегда свою первоначальную простоту. Вѣрованія, нравы, общественный бытъ — все измѣнилось, а эти обѣды все еще оставались неизмѣнными. Это оттого, что греки всегда очень тщательно берегли свою національную религію.

Къ этому надо прибавить, что когда участвующіе въ общемъ столѣ исполнили требованіе религіи, вкусивъ отъ предписанныхъ яствъ, то они могли немедленно начинать и другой обѣдъ, болѣе роскошный и вкусный. Такъ часто бывало въ Спартѣ [6]).

Обычай священныхъ обѣдовъ былъ въ силѣ въ Италіи, какъ и въ Греціи. Аристотель говоритъ, что въ древности онъ существовалъ у народовъ, называвшихся энотрами, осками и авзонами [7]). Вергилій два раза упоминаетъ о немъ въ своей Энеидѣ; старый Латинъ принимаетъ пословъ Энея

---

[1]) Отрывокъ изъ Сафо, въ Атенеѣ, XV, 16.

[2]) Отрывокъ изъ Херемона, въ Атенеѣ, XV, 19.

[3]) Платонъ, *Законы,* XII, 956. Цицеронъ, *De legib.*, II, 18. Вергилій, V, 70, 774; VII, 135; VIII, 274. Тоже у индусовъ въ религіозныхъ обрядахъ надлежало носить вѣнокъ и одѣваться въ бѣлое. *Законы Ману*, IV, 66, 72.

[4]) Гермій у Атенея, IV, 32: τοῦ ἱεροκήρυκος τὰς πατρίους εὐχὰς καταλέγοντος, συνσπένδοντες.

[5]) Смотри писателей приводимыхъ Атенеемъ, I, 58; IV, 32 и 32; XI, 66.

[6]) Атеней, IV, 19; IV, 20.

[7]) Аристотель, *Политика*, VII, 9, 2–3, изд. Дидо, стр. 611.

не у себя въ домѣ, но въ храмѣ, „освященномъ религіею предковъ; тамъ совершаются священныя пиршества, по закланіи жертвъ; тамъ всѣ родоначальники возсѣдаютъ вмѣстѣ за длинными столами“. Далѣе, когда Эней прибываетъ къ Эвандру, онъ находитъ его творящимъ жертвоприношеніе; царь окруженъ своимъ народомъ; всѣ украшены вѣнками изъ цвѣтовъ и, возсѣдая за однимъ общимъ столомъ, воспѣваютъ гимнъ въ честь божества своей общины [1]).

Этотъ обычай укрѣпился въ Римѣ. Всегда существовало въ немъ особое зданіе, гдѣ представители курій вкушали сообща. Въ опредѣленные дни сенатъ творилъ въ Капитоліи [2]) священный обѣдъ. Во время торжественныхъ праздниковъ столы разставлялись на улицахъ и весь народъ садился за нихъ. Вначалѣ этими обѣдами завѣдывали главные жрецы; впослѣдствіи эту обязанность возложили на особыхъ жрецовъ, называвшихся *epulones* [3]).

Эти древніе обычаи даютъ намъ понятіе о той тѣсной связи, которая соединяла между собою всѣхъ членовъ одной гражданской общины. Человѣческое общежитіе основано было на религіи; его символомъ былъ общій столъ. Надо представить себѣ одно изъ этихъ небольшихъ первоначальныхъ обществъ, собранное, или все, или покрайней мѣрѣ, въ лицѣ семейныхъ вождей, за однимъ общимъ столомъ; всѣ одѣты въ бѣломъ и на головѣ у каждаго вѣнокъ; всѣ сообща творятъ возліянія, читаютъ общую молитву, поютъ одни и тѣ же гимны, вкушаютъ ту же пищу, приготовленную на священномъ алтарѣ; среди нихъ присутствуютъ ихъ предки, и боги-покровители раздѣляютъ съ ними обѣдъ. Отсюда беретъ свое начало тѣсная духовная связь между членами общины. Возгорится вдругъ война,—и люди вспомнятъ, по выраженію одного древняго, что нельзя покидать въ битвѣ своего сосѣда, вмѣстѣ съ которымъ творились общія жертвоприношенія и общія возліянія, съ кѣмъ раздѣлялись священные обѣды [1]). Эти люди на самомъ дѣлѣ связаны между собою чѣмъ-то болѣе сильнымъ, чѣмъ выгода, чѣмъ договоръ, или привычка,—они связаны священнымъ общеніемъ, благочестиво совершаемымъ передъ лицомъ общихъ боговъ.

2. Праздники и календарь.

Во всѣ времена и во всѣхъ обществахъ человѣкъ желалъ чествовать своихъ боговъ празднествами; онъ установилъ из-

---

[1]) Вергилій, VII, 174 и слѣд.; VIII, 102–111, 283—305.

[2]) Діонисій, II, 23. Авлъ Геллій, XII, 8. Титъ Ливій, XL, 59.

[3]) Цицеронъ, *De oratore,* III, 19: *Pontifices veteres, propter sacrificiorum multitudinem tres viros epulones esse voluerunt... ut illud ludorum epulare sacrificium facerent.* Слово *epulum* говорилось собственно объ обѣдахъ въ честь боговъ. Фестъ, изд. Мюллера, стр. 78: *Epulones... datum his nomen quod epulas indicendi Jovi caeterisque diis potestatem haberent.* Титъ Ливій, XXV, 2; XXVII, 36; XXIX, 38; XXXIII, 42; XXXIX, 46; *in quo toto foro strata triclinia.* Цицеронъ, *pro Munera*, 36: *quum epulum populo Romano daret.*

вѣстные дни, въ которые хотѣлъ, чтобы въ его душѣ царило бы только одно религіозное чувство, не развлекаемое земными дѣлами и размышленіями. Изъ числа дней своей жизни онъ удѣлилъ часть для боговъ.

Каждый городъ былъ основанъ съ соблюденіемъ обрядовъ, имѣвшихъ, по мнѣнію древнихъ, силу укрѣпить въ его оградѣ народныхъ боговъ. Силу этихъ обрядовъ надо было возобновлять ежегодно путемъ новой религіозной церемоніи; это празднество называлось днемъ рожденія, и справлять его должны были всѣ граждане.

Все священное давало поводъ къ празднествамъ. Существовалъ праздникъ городской ограды, *amburbalia*. Справлялся праздникъ областной границы, *ambarvalia*. Въ эти дни граждане составляли большое шествіе, одѣтые въ бѣлыя платья и украшенные вѣнками изъ листьевъ; они обходили кругомъ города, или вокругъ своей земельной области, распѣвая молитвы; впереди шествовали жрецы и вели жертвенныхъ животныхъ, которыя въ концѣ обряда [2]) предавались закланію.

Затѣмъ наступалъ праздникъ основателя. Потомъ каждый изъ героевъ общины, каждая изъ тѣхъ душъ, къ которымъ люди обращались какъ къ покровителямъ, требовали себѣ поклоненія; былъ культъ у Ромула, у Сервія Туллія и у многихъ другихъ, кончая кормилицей Ромула и матерью Эвандра. Въ Аѳинахъ также справлялись празднества въ честь Кекропса, Эрехѳея и Тезея; тамъ также праздновался каждый герой края и воспитатель Тезея, и Эврисѳей, и Андрогей, и множество другихъ.

Сверхъ того соблюдались полевые праздники, или сельскіе, какъ то: праздникъ пашни, посѣва, праздникъ цвѣтенія, жатвы. Въ Греціи, какъ и въ Италіи каждое дѣйствіе въ жизни землевладѣльца сопровождалось жертвоприношеніями, и работы исполнялись при чтеніи священныхъ гимновъ. Въ Римѣ жрецы назначали каждый годъ день, въ который долженъ начаться сборъ винограда и день, въ который можно было отвѣдать молодого вина. Все было опредѣлено религіей. Религія предписывала даже стричь виноградники, говоря людямъ: нечестиво совершать богамъ возліянія виномъ изъ неподстриженаго виноградника [3]).

У каждой общины справлялся праздникъ каждому изъ божествъ, принятыхъ ею въ свои покровители, а такихъ часто

[1]) Діонисій, II, 23: μὴ καταλιπεῖν τὸν παραστάτην. ὧ συνέσπεισε καὶ συνέθυσε καὶ κοινῶν ἱερῶν μετέσχε.

[2]) Фестъ, слово *Amburbiales*, изд. Мюллера, стр. 5. Макробій, *Сатурн.*, III, 5. Описаніе праздника есть у Тибулла, кн. II, Элегія, I.

[3]) Плутархъ, *Нума*, 14: Μὴ σπένδειν θεοῖς ἐξ ἀμπέλων ἀτμήτων. Варронъ, L. L., VI, 16: *Aliquot locis videmiae primum ab sacerdotibus publice fiebant, ut Romae etiam nunc; nam flamen dialis auspicatur vindemiam et, ut jussit vinum legere, agna Iovi facit.* — Плиній, XVIII, 2: *Nec degustabant nova vina antequam sacerdotes primitias libassent.*—О праздникахъ, предшествовавшихъ жатвѣ, смотри у Вергилія, *Георгики*, I, 340 - 350.

было очень много. Какъ только въ общинѣ вводился культъ новаго божества надлежало найти въ году одинъ день, чтобъ посвятить его служенію. Главное отличіе религіозныхъ праздниковъ состояло въ запрещеніи работы [1]), въ обязанности веселиться и проводить время въ пѣсняхъ и народныхъ играхъ. Религія прибавляла: Остерегитесь въ эти дни вредить другъ другу [2]).

Календарь былъ не что иное, какъ послѣдовательность въ религіозныхъ праздникахъ. Оттого-то онъ установлялся жрецами. Въ Римѣ долгое время его не записывали: въ первый день мѣсяца главный жрецъ, совершивъ жертвоприношеніе, созывалъ народъ и объявлялъ какіе праздники приходятся въ текущемъ мѣсяцѣ. Это созываніе называлось *calatio*, откуда и беретъ свое начало данное этому дню [3]) названіе *calendae*.

Календарь не былъ установленъ ни по движенію луны, ни по видимому ходу солнца; онъ былъ установленъ лишь законами религіи, таинственными законами, извѣстными однимъ жрецамъ. Иногда религія предписывала сократить годъ, иногда удлинить его. Можно составить себѣ понятіе о первобытномъ календарѣ, если представить себѣ, что у альбанцевъ мѣсяцъ май имѣетъ двадцать два дня, а въ мартѣ ихъ тридцать шесть [4]).

Понятно, что календарь одного города не могъ походить ни въ чемъ на календарь другого города, потому что религія у нихъ была разная, оттого и праздники и боги всѣ различны. Длина года въ одномъ городѣ не была одинакова съ его длиною въ другомъ. Названія мѣсяцевъ были различны. въ Аѳинахъ они назывались иначе, чѣмъ въ Ѳивахъ, а въ Римѣ не такъ, какъ въ Лавиніумѣ. Это происходило оттого, что названіе каждаго мѣсяца заимствовалось обыкновенно отъ главнаго праздника, въ немъ заключавшагося, а праздники вездѣ были различны. Города не входили между собою въ соглашеніе ни для того, чтобы начинать годъ съ извѣстнаго времени, ни для того, чтобы вести счетъ годамъ съ опредѣленной эпохи. Въ Греціи Олимпійскій праздникъ сдѣлался въ концѣ концовъ общею датой, но это не мѣшало каждому городу имѣть свой особый годъ. Въ Италіи каждый городъ велъ счетъ годамъ со дня своего основанія.

[1]) Платонъ, *Законы*, II, стр. 584. Демосѳенъ, *in Midiam*, 10. Демосѳенъ, *in Timocratea*, 29: μὴ χρηματίζειν ὅτι ἂν μὴ περὶ τῆς ἑορτῆς ᾖ. — Цицеронъ, *De legibus*, II, 12: *Feriarium ratio in liberis requietem habet litium et jurgiorum, in servis operum et laborum.* Макробій, I, 16: *Affirmabant sacerdotes pollui ferias, si opus aliquod fieret.*

[2]) Демосѳенъ, *in Timocratea*, 29. Тоже предписаніе въ Римѣ; Макробій, *Сатурн.*, I, 15: *In feriis vim cuiquam inferre piaculare est.* Циц., *De leg.*, II, 12; *requietem jurgiorum.*

[3]) Варронъ, *De ling. lat.*, VI, 27. Сервій, *ad Aen.*, VIII, 654. Макробій, *Сатурн.*, I, 14; I, 15.

[4]) Ценсоринъ, *De die natali*, 22.

3. *Перепись и религіозное очищеніе (lustratio).*

Одна изъ наиболѣе важныхъ религіозныхъ церемоній городской общины называлась очищеніемъ [1]). Въ Аѳинахъ [2]) она совершалась ежегодно, а въ Римѣ черезъ каждые четыре года. Обряды, соблюдавшіеся при этомъ, и самое носимое ею названіе указываютъ, что эта священная церемонія должна была обладать силою заглаживать всѣ проступки противъ культа, совершенные гражданами. Въ самомъ дѣлѣ, крайне сложная религія была источниковъ вѣчнаго опасенія для древнихъ; такъ какъ вѣра и чистота намѣреній значили очень мало, а вся религія состояла лишь въ тщательномъ выполненіи безчисленныхъ предписаній, то надлежало всегда опасаться, какъ бы не провиниться въ какомъ-либо нерадѣніи, упущеніи или ошибкѣ, и никогда нельзя было быть увѣреннымъ, что не находишься подъ гнѣвомъ или местью какого-нибудь бога. Такимъ образомъ, для успокоенія человѣческаго сердца необходима была очистительная жертва. Магистратъ, на обязанности котораго лежало выполненіе этой церемоніи (въ Римѣ это былъ цензоръ, до цензора—консулъ, а до консула—царь), сперва убѣждался, при помощи ауспицій, благопріятствуютъ ли боги совершенію обряда. Затѣмъ онъ созывалъ народъ черезъ посредство особаго вѣстника, употреблявшаго при этомъ установленную формулу [3]). Въ назначенный день всѣ граждане собирались внѣ городскихъ стѣнъ; тамъ, при глубокомъ молчаніи, магистратъ три раза обходилъ вокругъ собранія, гоня предъ собою трехъ жертвенныхъ животныхъ: барана, свинью и быка *(suovetaurile)*; изъ соединенія этихъ трехъ животныхъ состояла очистительная жертва какъ у грековъ, такъ и у римлянъ. Жрецы и заклатели жертвы сопровождали шествіе; обойдя три раза, магистратъ читалъ установленныя молитвы и совершалъ жертвоприношеніе [4]). Съ этой минуты сглаживалась всякая нечистота, исправлялось всякое нерадѣніе культа, и городъ снова былъ въ полномъ согласіи со всѣми своими богами.

---

[1]) Это дѣйствіе называлось καθαίρειν или ἁγνεύειν πόλιν. Гиппонаксъ, изд. Берга, отрыв. 60.—По-латыни говорили *lustrare*. Цицеронъ, *De divin.*, I, 45: *quum censor populum lustraret.* — Сервій, *ad Aen.*, I, 283: *post quinquennium unaquaeque civitas lustrabatur.*

[2]) Діогенъ Лаэрцій, *Сократъ*, ἕκτῳ Θαργηλιῶνος, ὅτε καθαίρουσι τὴν πόλιν Ἀθηναῖοι. Гарпократіонъ, слово φάρμακος. Также каждый годъ очищался и домашній очагъ. Эсхилъ, *Хоэфоры*, 966.

[3]) Варронъ, *De ling. lat.*, VI, 86, 87.

[4]) Титъ Ливій, I, 44: *suovetaurilibus lustravit*. Діон. Галик., IV, 22: κελεύσας τοὺς πολίτας ἅπαντας συνελθεῖν... καθαρμὸν αὐτῶν ἐποιήσατο ταύρῳ καὶ κρίῳ καὶ τράγῳ. Цицеронъ, *De oratore*, II, 66: *lustrum condidit et taurum immolavit.*—Сервій, *ad Aen.*, III, 279; *lustrato populo dii placantur.* Ibid., VIII, 183. Валерій Максимъ передаетъ содержаніе молитвы, произносившейся цензоромъ: *Censor, quum lustrum conderet, inque solito fieri sacrificio scriba ex publicis tabulis solenne ei precationis carmen praeiret, dii immortales ut populi romani res meliores amplioresque facerent rogabantur* (Валерій-Максимъ, IV, 1, 10). Эти обычаи дожили до временъ имперіи; Вопискусъ, *Аврелій*, 20: *lustrata urbs, cantata carmina.*—Титъ Ливій, I, 44, повидимому, думаетъ, что обрядъ очищенія установленъ Сервіемъ, но онъ также древенъ, какъ самъ Римъ. Это подтверждается тѣмъ, что *lustratio* Палатина, т.-е. первоначальнаго города Ромула, продолжалось совершаться изъ года въ годъ; Варронъ, *De ling. lat.*, VI, 34: *Februatur populus, id est, lupercis nudis lustratur antiquum oppidum Palatinum gregibus humanis cinctum.* Сервій Туллій, очень можетъ быть, первый совершилъ *lustratio* надъ увеличеннымъ имъ городомъ, а главное—онъ установилъ перепись, которая хотя и стала сопутствовать очищенію, но отнюдь не смѣшивалась съ нею.

Для акта такого рода и такой важности были необходимы двѣ вещи: во-первыхъ, чтобы никто изъ постороннихъ не проскользнулъ въ среду гражданъ, что осквернило бы и уничтожило бы все значеніе священной церемоніи; во-вторыхъ, чтобы при этомъ присутствовали всѣ граждане безъ исключенія, иначе на гражданской общинѣ могла остаться какая-нибудь нечистота. Слѣдовательно этой религіозной церемоніи должна была предшествовать перепись гражданъ. Въ Римѣ и въ Аѳинахъ счетъ производился до крайности тщательно; весьма вѣроятно, что самое число гражданъ упоминалось магистратомъ въ установленной молитвѣ, подобно тому, какъ оно впослѣдствіи вносилось въ отчетъ, составлявшійся цензоромъ, исполнявшимъ обрядъ.

Человѣкъ, не внесенный въ списки этой церемоніи, наказывался потерею правъ гражданства. Такая строгость объясняетъ сама себя. Кто не принялъ участія въ религіозномъ актѣ, не очистился и за кого поэтому не было принесено ни молитвы, ни жертвы, не могъ быть членомъ гражданской общины. Для боговъ, присутствовавшихъ при этой церемоніи, онъ не былъ болѣе гражданиномъ [1]).

О важности этой церемоніи можно судить по той чрезмѣрной власти, какая присвоивалась совершавшему ее лицу. Цензоръ, прежде чѣмъ начать жертвоприношеніе, выстраивалъ народъ въ извѣстномъ порядкѣ, здѣсь сенаторы, дальше всадники, а тамъ народныя трибы. Полный владыка въ этотъ день, онъ назначалъ мѣсто каждому человѣку въ томъ или другомъ разрядѣ. Затѣмъ, когда всѣ были размѣщены согласно его предписаніямъ, онъ приступалъ къ совершенію священнаго акта. Отсюда выходило то, что начиная съ этого дня вплоть до слѣдующаго религіознаго очищенія (*lustratio*), каждый сохранялъ въ гражданской общинѣ разрядъ, указанный ему цензоромъ при этой церемоніи. Онъ оставался сенаторомъ, если былъ причисленъ въ тотъ день къ сенаторамъ; всадникомъ, если помѣщался среди всадниковъ. Простымъ

---

[1]) Онъ могъ подвергнуться тѣлесному наказанію и быть проданнымъ въ рабство; Діонисій, IV, 15; V, 75; Цицеронъ, *Pro Coecina*, 34. Граждане, выбывшіе изъ Рима должны были возвращаться ко дню очищенія; никакая причина не могла освободить ихъ отъ этой обязанности. Таково было правило вначалѣ; оно подверглось смягченію только въ послѣдніе вѣка республики; Веллеій, II, 7, 7; Титъ Ливій, XXIX, 37; Авлъ-Геллій, V, 19.

гражданиномъ онъ составлялъ часть трибы, въ рядахъ которой онъ помѣщался въ тотъ день, а если цензоръ отказывался допустить его къ участію въ священной церемоніи, то онъ переставалъ быть гражданиномъ. Такимъ образомъ мѣсто, какое каждый занималъ въ этомъ религіозномъ актѣ и на которомъ видѣли его боги, онъ продолжалъ сохранять за собою въ гражданской общинѣ въ продолженіе всѣхъ четырехъ лѣтъ. Вотъ откуда вела свое начало громадная власть цензоровъ.

При этой церемоніи присутствовали одни только граждане; но ихъ жены, ихъ дѣти, ихъ рабы, ихъ имущество движимое и недвижимое, все очищалось какъ бы въ лицѣ семейнаго главы. Для этого передъ жертвоприношеніемъ каждый долженъ былъ подать цензору списокъ зависящихъ отъ него лицъ и вещей [1]).

Религіозное очищеніе совершалось во времена Августа съ той же точностью и съ тѣми же самыми обрядами, какъ и въ отдаленнѣйшія времена. Жрецы продолжали видѣть въ немъ религіозное дѣйствіе. Люди же государственные видѣли въ немъ, по крайней мѣрѣ, прекрасную административную мѣру.

4. *Религія въ народномъ собраніи, въ сенатѣ, въ судѣ, въ войскѣ; тріумфъ.*

Въ общественной жизни не было ни одного дѣйствія, которое обходилось бы безъ посредства боговъ. Такъ какъ человѣкъ находился подъ властью той мысли, что они—или лучшіе его покровители, или злѣйшіе враги, то онъ и не осмѣливался никогда приступать къ дѣйствію, не убѣдившись въ ихъ къ нему благоволеніи.

Народъ собирался на собранія только въ дни, дозволенные ему религіей. Помнили, что городъ потерпѣлъ несчастіе въ такой-то день: несомнѣнно, это случилось оттого, что въ этотъ день боги были или въ гнѣвѣ или въ отсутствіи; конечно также, что они должны были находиться въ такомъ же состояніи ежегодно въ это время по причинамъ невѣдомымъ для смертнаго [2]). Такой день навсегда слылъ чернымъ, несчастнымъ; въ этотъ день не собирались на сходки, не судили, и общественная жизнь какъ бы пріостанавливалась [3]).

Въ Римѣ, прежде чѣмъ открыть какое либо собраніе, надлежало заручиться отъ авгуровъ увѣреніемъ въ благосклон-

---

1) Цицеронъ, *De legibus*, III, 3; *Pro Flacco*, 32. Титъ Ливій, I, 43. Діонисій, IV, 15; V, 75; Варронъ, *De ling. lat.*, VI, 93. Плутархъ, *Cato major*, 16.

2) Относительно этой мысли у древнихъ, смотрѣть Макробія, I, 16.

3) Относительно черныхъ или тяжелыхъ дней у грековъ см. у Гезіода, *Opera et dies*, ст. 710 и слѣд. Они назывались ἡμέραι ἀπόφραδες (Лизій, *Pro Phania*, отр. изд. Дидо, т. II, стр. 278). Геродотъ, VI, 106. Плутархъ, *De defectu oracul.*, 14. *De ει apud Delphos*, 20.

ности боговъ. Собраніе начиналось молитвою, которую произносилъ авгуръ, а за нимъ повторялъ консулъ [1]).

То же самое было у аѳинянъ: собраніе всегда начиналось священнодѣйствіемъ. Жрецы совершали жертвоприношенія. Затѣмъ очерчивался большой кругъ при возліяніи на землю очистительной воды, и въ этомъ священномъ кругу собирались граждане [2]). Прежде чѣмъ приступить къ обсужденію, произносилась молитва передъ безмолвнымъ народомъ [3]). Справлялись съ ауспиціями, и если они предвѣщали что-либо неблагопріятное, собраніе тотчасъ расходилось [4]).

Трибуна или каѳедра считались священнымъ мѣстомъ; ораторъ входилъ на нее съ вѣнкомъ на головѣ [5]), и долгое время требовалось обычаемъ, чтобы его рѣчь начиналась воззваніемъ къ богамъ.

Мѣстомъ собранія римскаго сената всегда былъ храмъ. Если бы засѣданіе происходило въ другомъ, а не въ этомъ священномъ мѣстѣ, то всѣ принятыя имъ рѣшенія обратились бы въ ничто, потому что тамъ не присутствовали бы боги [6]). Прежде чѣмъ открыть засѣданіе, предсѣдатель совершалъ жертвоприношеніе и произносилъ молитвы. Въ мѣстѣ собранія стоялъ алтарь, гдѣ каждый входившій сенаторъ творилъ возліянія, призывая боговъ [7]).

Аѳинскій сенатъ въ этомъ отношеніи весьма походилъ на римскій. Палата, гдѣ происходили его засѣданія, вмѣщала въ себѣ также алтарь, очагъ. Въ началѣ каждаго засѣданія совершалось священнодѣйствіе. Всякій входившій сенаторъ подходилъ къ алтарю и произносилъ молитву [8]).

---

1) Цицеронъ, *pro Murena*, 1. Титъ Ливій, V, 14; VI, 41; XXXIX, 15. Діонисій, VII, 59; IX, 41; X, 32. Плиній, въ панегирикѣ Трояну, 63, вспоминаетъ еще *longum carmen comitiorum*.

2) Эсхинъ, *in Timarchum*, 23: ἐπειδὰν τὸ καθάρσιον περιενέχθη καὶ ὁ κῆρυξ τὰς πατρίους εὐχὰς εὔξηται. Id., *in Ctesiph.*, 2—6. Поллуксъ, VIII, 104: περιεστίαρχοι ἐκάθαιρον χοιριδίοις τὴν ἐκκλησίαν. Отсюда выраженіе Аристофана, *Acharn.*, 44: ἐντὸς τοῦ καθάρματος, для обозначенія мѣста собранія. Динархъ, *in Aristog.*, 14.

3) Демосѳенъ, упоминаетъ объ этой молитвѣ, не передавая ея формулы, *De falsa legat.*, 70. Понятіе о ней можно составить по пародіи на нее у Аристофана въ *Thesmophoriazousae*, ст. 295—350.

4) Аристофанъ, *Ахарняне*, 171: διοσημία ἐστι.

5) Аристофанъ, *Thesmoph.*, 381, и Схоліастъ: στέφανον ἔθος ἦν τοῖς λέγουσι στεφανοῦσθαι πρῶτον. То былъ древній обычай. — Цицеронъ, *in Vatinium*, 10: *in Rostris, in illo augurato templo.* — Сервій, *ad Aen.*, XI, 301, говоритъ, что у древнихъ всякая рѣчь начиналась молитвою и въ доказательство приводитъ имѣвшіяся у него рѣчи Катона и Гракховъ.

6) Варронъ, у Авла-Геллія, XIV, 7: *Nisi in loco per augures constituto, quod templum appellaretur, senatusconsultum factum fuisset, justum id non esse.* Сервій, *ad Aen.*, I, 446; VII, 153: *Nisi in augusto loco consilium senatus habere non poterat.* Цицеронъ, *Ad diversos*, X, 12.

7) Варронъ, у Авла-Геллія, XIV, 7: *Immolare hostiam prius auspicarique debere qui senatum habiturus esset.* — Светоній, *Augustus*, 35. Діонъ Кассій, LIV, 30.

8) Андокидъ, *De suo reditu*, 15; *De mysteriis*, 44; Антифонъ, *Super choreuta*, 45. Ликургъ, *in Leocratem*, 122. Демосѳенъ, *in Midiam*, 114. Діодоръ, XIV, 4. Ксенофонтъ, *Helléri*, II, 3, 52.

Отправленіе правосудія въ гражданской общинѣ, какъ въ Римѣ, такъ и въ Аѳинахъ, происходило лишь въ дни, указанные религіею. Въ Аѳинахъ засѣданіе суда происходило вблизи алтаря и начиналось жертвоприношеніемъ [1]). Во времена Гомера судьи собирались „въ священномъ кругу“.

Фестъ говоритъ, что въ сборникахъ обрядовъ этрусковъ находились указанія, какъ поступать при основаніи города, при освященіи храма, при распредѣленіи курій и трибъ въ народномъ собраніи, при построеніи войска къ битвѣ. Все это заключено было въ сборникѣ, потому что все это прямо касалось религіи.

На войнѣ религія была по меньшей мѣрѣ столь же могущественна, какъ и въ мирное время. Въ италійскихъ городахъ были коллегіи жрецовъ, такъ называемыхъ феціаловъ *(fetialis)*, которые подобно вѣстникамъ (κήρυκες) у грековъ завѣдывали всѣми священными церемоніями, къ какимъ давали поводъ международныя отношенія. Феціалъ съ главой, покрытой шерстяной тканью, согласно обычаю, призвавъ въ свидѣтели боговъ, объявлялъ войну, произнося священное заклятіе [2]). Въ то же время консулъ въ жреческомъ одѣяніи приносилъ жертву и затѣмъ торжественно отворялъ храмъ древнѣйшаго и наиболѣе чтимаго въ Италіи божества, храмъ Януса [3]). Прежде чѣмъ выступить въ походъ передъ всѣмъ собраннымъ войскомъ полководецъ произносилъ молитвы и приносилъ жертвы. То же самое было въ Аѳинахъ и въ Спартѣ [4]).

Войско въ походѣ представляло собою подобіе гражданской общины, его религія слѣдовала за нимъ. Греки носили съ собою статуи своихъ боговъ. Всякое греческое и римское войско возило съ собою очагъ, на которомъ день и ночь поддерживался неугасимый священный огонь [5]). Римское войско,

---

1) Аристофанъ, *Vespae,* 860—865. *Иліада,* XVIII, 504.

2) У Тита Ливія, I, 32, можно видѣть „обряды“ объявленія войны. Сравнить: Діонисій, II, 72; Плиній, XXII, 2, 5; Сервій, *ad Aen.*, IX, 52; X, 14.—Діонисій, I, 21, и Титъ Ливій, I, 32, утверждаютъ, что установленіе это общее для многихъ италійскихъ городовъ. — Въ Греціи также война объявлялась черезъ κήρυξ, Ѳукидидъ, I, 29; Павзаній, IV, 5, 8. Поллуксъ, IV, 91.

3) Титъ Ливій, I, 19; точное и подробное описаніе церемоніи находимъ у Вергилія, VII, 601—617.

4) Діонисій, IX, 57: οἱ ὕπατοι εὐχὰς ποιησάμενοι τοῖς θεοῖς καὶ καθήραντες τὸν στρατὸν, ἐξῇεσαν ἐπὶ τοὺς πολεμίους. Ксенофонтъ, *Hellen.*, III, 4, 3; IV, 7, 2; V, 6, 5. См. у Ксенофонта, *Resp. Laced.*, 13 (14), рядъ жертвоприношеній, совершенныхъ вождемъ спартанскаго войска до выступленія изъ города и до перехода границы; онъ продолжалъ совершать жертвоприношенія каждое утро, прежде чѣмъ дать приказъ выступать. — При отплытіи флота, аѳиняне, какъ и римляне, приносили жертву. Сравнить: Ѳукидидъ, VI, 32, и Титъ Ливій, XXIX, 27.

5) Геродотъ, IX, 19. Ксенофонтъ, *Resp. Laced.*, 13. Плутархъ, *Ликургъ*, 22. Во главѣ всякаго греческаго войска шелъ πύρφορος, несшій священный огонь. (Ксеноф., *Resp. Laced.*, 13; Герод., VIII, 6; Поллуксъ, I, 35; Гезихій, слово πύρφορος). Также и въ римскомъ лагерѣ всегда находился зажженный очагъ (Діонисій, IX, 6). Этруски также носили очагъ съ войскомъ (Плутархъ, *Публикола,* 17); Титъ Ливій, II, 12, говоритъ о *accensus ad sacrificium foculus*. Сулла имѣлъ очагъ передъ своей палаткой (Юлій Обсеквенсъ, 116).

всегда сопровождалось авгурами и другими гадателями. При каждомъ греческомъ войскѣ имѣлся особый прорицатель.

Посмотримъ на римское войско въ ту самую минуту, когда оно строится къ битвѣ. Консулъ велитъ привести жертву и самъ поражаетъ ее сѣкирой; она падаетъ: ея внутренности должны указать волю боговъ. Гадатель изслѣдуетъ ихъ и, если признаки благопріятны, консулъ даетъ знакъ къ битвѣ. Самое искусное распоряженіе, самое благопріятное обстоятельство не служитъ ни къ чему, если боги не допускаютъ битвы. Сущность военнаго искусства у римлянъ состояла въ томъ, чтобы не быть вынужденными сражаться поневолѣ, вопреки волѣ боговъ. Вотъ почему они всегда дѣлали изъ своего лагеря родъ крѣпости.

Посмотримъ теперь на греческое войско и возьмемъ для примѣра битву при Платеѣ. Спартанцы выстроились въ линію, каждый на своемъ мѣстѣ битвы; у нихъ у всѣхъ на головахъ вѣнки, а флейтщики играютъ священные гимны. Царь, немного позади рядовъ, закалываетъ жертву. Но внутренности жертвы не даютъ благопріятныхъ признаковъ, и надо снова начинать жертвоприношеніе. Заколоты одно за другимъ два, три, четыре жертвенныхъ животныхъ. Въ это время приближается персидская конница, пускаетъ стрѣлы и убиваетъ довольно большое число спартанцевъ. Спартанцы остаются неподвижными со щитами въ ногахъ, даже не укрываясь отъ ударовъ непріятеля. Они ждутъ сигнала боговъ. Наконецъ жертвы даютъ благопріятные признаки; тогда спартанцы поднимаютъ щиты, берутся за мечи, сражаются и остаются побѣдителями [1]).

Послѣ каждой побѣды совершается жертвоприношеніе; вотъ начало тріумфа, столь извѣстнаго у римлянъ и не менѣе употребительнаго у грековъ. Этотъ обычай былъ слѣдствіемъ того мнѣнія, что побѣда принадлежитъ богамъ гражданской общины. Передъ битвою войско обращается къ нимъ съ молитвою, подобною той, какую мы читаемъ у Эсхила: „Боги обитатели, владыки нашей земли, обѣщаю вамъ, если успѣшенъ будетъ нашъ бой и городъ будетъ спасенъ, — обѣщаю залить алтари ваши кровью овецъ, принести въ жертву тучныхъ быковъ и выставить въ вашихъ священныхъ храмахъ трофеи, завоеванные оружіемъ“ [2]). Въ силу этого обѣщанія, побѣдитель долженъ былъ совершить жертвоприношеніе. Для свершенія его войско возвращалось въ городъ и, направляясь къ храму длинною процессіею, пѣло священный гимнъ (θρίαμβος) [3]).

Въ Римѣ церемонія была почти что та же. Войско процессіей направлялось къ главному храму города; жрецы шли во

---

1) Геродотъ, IX, 61—62.

2) Эсхилъ, *Семь вождей*, 252—260. Эврипидъ, Финик., 573.

3) Діодоръ, IV, 5. Фотій: θρίαμβος, ἐπίδειξις νίκης, πομπή.

главѣ шествія и вели жертвенныхъ животныхъ. Въ храмѣ полководецъ приносилъ жертвы богамъ. На пути туда всѣ воины были въ вѣнкахъ, какъ и подобаетъ въ священной церемоніи, и пѣли гимнъ, какъ и въ Греціи. Правда, настало время, когда солдаты не стѣснялись замѣнять гимнъ лагерными пѣснями и остротами на своего генерала, но они сохранили по крайней мѣрѣ обычай повторять по временамъ древній припѣвъ: *Jo triumphe* [1]). Этотъ-то священный припѣвъ и послужилъ названіемъ для церемоніи.

Такимъ образомъ, какъ во время мира, такъ и во время войны, религія входила во всѣ человѣческія дѣйствія. Она присутствовала повсюду; она со всѣхъ сторонъ окружала человѣка. Душа, тѣло, частная жизнь, жизнь общественная, обѣды, праздники, народныя собранія, суды, битвы: все это находилось подъ властью религіи гражданской общины. Она руководила всѣми дѣйствіями человѣка, распоряжалась всѣми минутами его жизни, опредѣляла всѣ его привычки. Она управляла всѣмъ человѣческимъ существомъ съ такою неограниченною властью, что ничто не ускользало отъ ея вліянія.

Думать, что эта древняя религія была однимъ обманомъ, или, такъ сказать, пустою комедіею, это значило бы имѣть превратное понятіе о человѣческой природѣ. Монтескьё утверждаетъ, что римляне создали свой культъ лишь для обузданія народа. Никогда религія не имѣла такого источника, и всякая религія, дошедшая до того, что держалась только однимъ основаніемъ общественной пользы, не могла долго существовать. Монтескьё говоритъ еще, что римляне подчинили религію государству; гораздо вѣрнѣе утверждать противное; нельзя прочесть нѣсколькихъ страницъ Тита Ливія, чтобы не поразиться полной зависимостью людей отъ ихъ боговъ. Ни римляне, ни греки не знали тѣхъ печальныхъ столкновеній между церковью и государствомъ, столь обыкновенныхъ въ другихъ обществахъ. Но это происходитъ единственно оттого, что въ Римѣ, какъ и въ Спартѣ и въ Аѳинахъ, государство было подчинено религіи. Это не значитъ, что всегда существовало сословіе жрецовъ, подчинявшихъ все своему владычеству. Древнее государство повиновалось не жрецу, но оно было подвластно самой религіи. Это государство и эта религія были такъ тѣсно слиты между собою, что было невозможно не только подумать о возможности столкновенія между ними, но даже нельзя было различить ихъ другъ отъ друга.

[1]) Титъ Ливій, XLV, 39: *Diis quoque, non solum hominibus, debetur triumphus... Consul proficiscens ad bellum vota in Capitolio nuncupat; victor, perpetrato bello, in Capitolio triumphans ad eosdem deos, quibus vota nuncupavit, merita dona populi romani traducit.* -- Титъ Ливій, V, 23; X, 7. Варронъ, *De ling. lat.*, VI, 68. Плиній, Ест. Ист., VII, 56; XXXIII, 7, 36.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Сборники обрядовъ и лѣтописи.

Сущность и достоинство религіи древнихъ не заключались въ возвышеніи человѣческаго ума до понятія абсолютнаго или въ открытіи жаждующему духу яркаго пути, въ концѣ котораго онъ могъ бы провидѣть Бога. Эта религія была безсвязнымъ собраніемъ мелкихъ вѣрованій, пустыхъ обычаевъ, тщательныхъ обрядовъ. Въ нихъ нечего доискиваться смысла; тутъ нечего думать и не въ чемъ давать себѣ отчета. Слово религія не означало того, что означаетъ теперь; подъ этимъ словомъ мы разумѣемъ рядъ догматовъ, ученіе о Богѣ, символъ вѣры относительно тайнъ, въ насъ пребывающихъ и насъ окружающихъ; у древнихъ то же слово означало собою обряды, церемоніи, дѣйствія внѣшняго служенія. Ученіе значило мало, важны были только обряды; только они были обязательны и необходимы. Религія была матеріальною связью, цѣпью, державшею человѣка въ неволѣ. Человѣкъ самъ создалъ ее и самъ ею управлялся. Онъ страшился ея и не дерзалъ ни разсуждать, ни спорить, ни разбирать ее. Боги, герои, мертвые требовали отъ него матеріальнаго культа, и онъ платилъ имъ свой долгъ, чтобы имѣть въ нихъ друзей, или, вѣрнѣе, чтобы не сдѣлать ихъ врагами.

На ихъ дружелюбіе человѣкъ разсчитывалъ мало. Боги были завистливы, раздражительны, не питали къ людямъ ни привязанности, ни благосклонности и охотно вступали съ ними въ борьбу [1]). Ни боги не любили человѣка, ни человѣкъ не любилъ своихъ боговъ. Онъ вѣрилъ въ ихъ существованіе, но иногда желалъ бы, чтобъ ихъ не существовало. Онъ страшился даже своихъ семейныхъ или народныхъ боговъ и боялся, что они предадутъ его. Избѣгнуть ненависти этихъ невидимыхъ существъ было его главною заботой. Во всю свою жизнь онъ старался умиротворить ихъ, *paces deorum quaerere*, говоритъ поэтъ. Но гдѣ средство удовлетворить ихъ? Гдѣ средство убѣдиться, что они довольны и что они заодно съ человѣкомъ? Думали найти его въ употребленіи опредѣленныхъ заклятій. Такая-то молитва, состоявшая изъ такихъ-то словъ, увѣнчалась успѣхомъ, о которомъ молили; это произошло несомнѣнно оттого, что она была услышана богомъ, что она оказала на него вліяніе, что она могущественна, могущественнѣе даже его самого, такъ какъ онъ не могъ ей воспротивиться. Вотъ и береглись таинственныя священныя выраженія подобной молитвы. Сынъ повторялъ ихъ послѣ отца. Какъ только научились писать, онѣ были записаны. У каждой семьи, или по крайней мѣрѣ у каждой религіозной семьи,

[1]) Плутархъ, *De defectu oraculor.*, 14: ἃ δρῶσιν ἄνθρωποι μηνίματα δαιμόνων ἀφοσιούμενοι καὶ πραΰνοντες οὓς ἀλάστορας καὶ παλαμναιοὺς ὀνομάζουσι.

была книга, въ которой были записаны всѣ заклятія, употреблявшіяся предками и которымъ боги не могли противиться. Вотъ оружіе, какое употреблялъ человѣкъ противъ непостоянства своихъ боговъ. Но нельзя было измѣнить ни одного слова, ни одного слога, ни ритма, которымъ они пѣлись, потому что тогда молитва теряла свою силу, и боги были свободны отъ ея выполненія [1]).

Но одного заклятія было не достаточно: требовались еще внѣшніе пріемы, подробности которыхъ были тщательно опредѣлены и неизмѣнны. Всѣ малѣйшія тѣлодвиженія жертвоприносителя и мельчайшія части его костюма были обусловлены правилами. При обращеніи къ одному богу надо было покрывать голову; обращаться къ другому надо было съ головою непокрытой; для третьяго бога пола тоги должна была быть закинута на плечо. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ надлежало быть босикомъ. Были молитвы, оказывавшіяся дѣйствительными только въ томъ случаѣ, если по произнесеніи ихъ человѣкъ повертывался вокругъ себя слѣва направо. Родъ жертвы, цвѣтъ ея шерсти, способъ ея закланія, форма ножа, родъ дерева, употреблявшагося при зажариваніи мяса, все это было обусловлено для каждаго бога религіей каждой семьи, или каждой гражданской общины. Напрасно-бы самое пылкое сердце приносило богамъ тучнѣйшія жертвы, если при этомъ былъ упущенъ хоть одинъ изъ безчисленныхъ обрядовъ жертвоприношенія,—онѣ не имѣли бы никакого значенія. Малѣйшая погрѣшность въ священнодѣйствіи становилась дѣломъ нечестія. Пустяшное измѣненіе оскверняло и возмущало всю отечественную религію и дѣлало изъ боговъ покровителей жестокихъ враговъ. Вотъ почему Аѳины отнеслись строго къ жрецу, измѣнившему что-то въ ихъ древнихъ обрядахъ [2]); вотъ почему римскій сенатъ лишалъ сана своихъ консуловъ и диктаторовъ, совершавшихъ какія либо ошибки въ жертвоприношеніи.

Всѣ эти заклятія и эти обряды были унаслѣдованы отъ предковъ, испытавшихъ на себѣ всю ихъ дѣйствительность. Здѣсь не было мѣста для нововведеній. Надо было положиться

1) О древнихъ гимнахъ, пѣвшихся у грековъ при совершеніи религіозныхъ обрядовъ, см Павзаній, I, 18; VII, 15, *in fine;* VII, 21; IX, 27, 29, 30. Цицеронъ, *De legibus*, II, 15, даетъ понять, что греческіе города тщательно хранили древніе ритмы, *antiquum vocum servare modum*. Платонъ, *Законы*, VII, стр. 799—800,—заодно съ древними правилами, когда онъ говоритъ, что гимны и ритмы должны быть неприкосновенны.—У римлянъ формулы молитвъ были установлены разъ навсегда; Варронъ, *De ling. lat.*, и Катонъ, *passim*. Квинтиліанъ, I, 11: *Saliorum carmina, vix sacerdotibus suis intellecta, mutari vetat religio et consecratis utendum est.*

2) Демосѳенъ, *in Neoeram,* 116, 117. Варронъ приводитъ нѣсколько словъ изъ *libri sacrorum*, сохранившейся въ Аѳинахъ и написанной архаическимъ языкомъ (De ling. lat., V, 97). — Относительно почтенія грековъ къ древнимъ обрядамъ смотрите нѣсколько любопытныхъ примѣровъ у Плутарха, *Quest. Grecq.*, 26, 31, 35, 36. 58. Древняя мысль прекрасно выражена Исократомъ, *Aréopagitique*, 29—30, и во всей рѣчи противъ Неэра.

на то, что дѣлали предки, и высшее благочестіе состояло въ подражаніи имъ. Перемѣна вѣрованій значила также очень мало: они могли свободно измѣняться въ теченіе вѣковъ и принимать тысячи разнообразныхъ формъ въ зависимости отъ образа мыслей мудрецовъ, или отъ народнаго воображенія. Но въ высшей степени было важно, чтобы не забылись заклятія или не искажались обряды. Оттого у каждой гражданской общины была своя особая книга, гдѣ и сберегалось все сюда относящееся.

Употребленіе священныхъ книгъ было распространено повсемѣстно: у грековъ, у римлянъ, у этрусковъ [1]). Иногда сборникъ обрядовъ былъ написанъ на деревянныхъ дощечкахъ, иногда на полотнѣ. Аѳины вырѣзывали свои обряды на мѣдныхъ доскахъ или на каменныхъ колоннахъ, чтобы сдѣлать ихъ неистребимыми [2]). У Рима были свои книги жрецовъ. свои книги авгуровъ, своя книга обрядовъ и собранія *Indigitamenta*. Не было города, который бы не владѣлъ собраніемъ древнихъ гимновъ въ честь своихъ боговъ [3]); измѣнялся языкъ, измѣнялись нравы и вѣрованія, но слова и ритмъ священныхъ пѣсенъ оставались неизмѣнными; и въ дни праздниковъ по-прежнему пѣли эти гимны, ничего въ нихъ не понимая.

Эти книги и эти гимны, записанные жрецами, береглись ими весьма тщательно; ихъ не показывали никогда чужеземцу. Открыть какой-либо обрядъ, или заклятіе, значило измѣнить религіи гражданской общины и предать ея боговъ врагамъ. Ради большей осторожности ихъ скрывали даже отъ гражданъ, и одни только жрецы могли ихъ знать.

По мысли этихъ народовъ, все древнее было священно и достойно глубокаго почтенія. Когда римлянинъ хотѣлъ сказать, что это ему дорого, онъ говорилъ: для меня это древне. У грековъ было подобное же выраженіе [4]). Города крѣпко держались своего прошедшаго, потому что въ этомъ прошломъ они находили всѣ основанія и всѣ правила своей религіи. Воспоминанія о прошломъ были имъ необходимы, потому что на нихъ и на преданіяхъ держался весь ихъ культъ. Оттого-то и исторія для древнихъ имѣла болѣе важное значеніе,

1) Павзаній, IV, 27. Плутархъ, *Contre Colotès*, 17. Плиній, *Естест. Ист.*, XIII, 21. Валерій - Максимъ, I, 1, 3. Варронъ, *L. L.*, VI, 16. Ценсоронъ, 17. Фестъ, слово *Rituales*.

2) Поллуксъ, VIII, 128: δέλτοι χαλκαῖ, αἵ, ἦσαν πάλαι ἐντετυπωμένοι οἱ νόμοι οἱ περὶ τῶν ἱερῶν καὶ τῶν πατρίων. Извѣстно, что одно изъ древнѣйшихъ значеній слова νόμος состояло въ понятіи обряда или религіознаго правила.—Лизій, *in Nicomachum*, 17: χρὴ θύειν τὰς θυσίας τὰς ἐκ τῶν κυρβέων καὶ τῶν στηλῶν κατὰ τὰς ἀναγραφάς.

3) Атеней, XIV, 68, приводитъ древніе гимны Аѳинъ: Эліанъ, II, 39,—гимны критянъ; Пиндаръ, *Pythiq.*, V, 134,—гимны Кирены; Плутархъ, *Тезей*, 16,—гимны боттійцевъ; Тацитъ, *Ann.*, IV, 43,—*vatum carmina*, сохранившіяся у спартанцевъ и мессенянъ.

4) Πάτριόν ἐστιν ἡμῖν. Слова эти часто попадаются у Ѳукидида и у ораторовъ Аттики.

чѣмъ теперь для насъ. Она существовала за долго до Геродота и Ѳукидита; писанная или устная, какъ простое преданіе или какъ книга, она была современницею возникновенія гражданскихъ общинъ. Не было самаго маленькаго или незначительнаго городка, который бы не старался какъ можно тщательнѣе сберечь воспоминаніе о всемъ, въ немъ происшедшемъ. Это дѣлалось не изъ тщеславія, но ради религіи. Городъ не считалъ себя вправѣ что-либо забывать, потому что все въ его исторіи было связано съ культомъ.

Исторія начиналась, въ самомъ дѣлѣ, священнымъ актомъ основанія и передавала священное имя основателя. Ея продолженіе состояло изъ легенды о богахъ общины и герояхъ покровителяхъ. Она сообщала время, происхожденіе, причину каждаго культа и объясняла темные его обряды. Въ ней описывались чудеса, совершенныя богами края, проявившими въ нихъ свое могущество, свое благоволеніе или немилость. Въ ней говорилось о священныхъ обрядахъ, которыми жрецы могли отклонить дурное предзнаменованіе, или умиротворить разгнѣванныхъ боговъ. Въ ней сообщалось, какія болѣзни посѣщали городъ и какими священными заклятіями удалось отъ нихъ избавиться; въ какой день былъ освященъ такой-то храмъ и почему установленъ тотъ, или другой праздникъ и торжество. Въ нее заносили всѣ событія, какія могли относиться къ религіи, побѣды, явившія въ себѣ помощь боговъ, сраженія, въ которыхъ принимали, по словамъ очевидцевъ, участіе сами боги, пораженія, ознаменовавшія собою ихъ немилость и гнѣвъ, ради чего приходилось установлять очистительныя жертвоприношенія. Все это писалось въ благочестивое поученіе потомковъ. Вся эта исторія служила вещественнымъ доказательствомъ существованія народныхъ боговъ, потому что содержавшіяся въ ней событія были видимою формой, подъ которою проявлялись эти боги изъ вѣка въ вѣкъ. Даже среди этихъ событій было много такихъ, которыя давали поводъ къ годичнымъ празднествамъ, т. е. къ установленію жертвоприношеній и священныхъ дней. Исторія гражданской общины сообщала ея гражданину все: и во что онъ долженъ вѣрить, и чему поклоняться.

Исторія эта писалась жрецами. Въ Римѣ были лѣтописи жрецовъ; нѣчто подобное было и у жрецовъ сабинскихъ, самнитскихъ и этрусскихъ [1]). У грековъ сохранилось воспоминаніе о книгахъ, или священныхъ лѣтописяхъ Аѳинъ, Спарты, Дельфъ, Наксоса, Тарента [2]). Когда Павзаній разъѣзжалъ по Греціи во времена Адріана, то жрецы каждаго города разсказывали ему древнюю мѣстную исторію; и они ее не выдумывали сами, но знали ее изъ своихъ лѣтописей.

Подобнаго рода исторія была всецѣло мѣстная. Она начиналась съ основанія города, потому что предшествовавшее этому не представляло собою никакого интереса для гражданской общины; оттого-то древніе ничего и не знали о происхожденіи своей расы. Исторія эта говорила только о событіяхъ, въ которыхъ принимала участіе гражданская община; все же остальное не составляло ея предмета. Каждая гражданская община имѣла свою особую исторію, какъ и религію, и календарь.

Можно думать, что эти лѣтописи были очень сухи и очень странны какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Онѣ были не созданіемъ искусства, но дѣломъ религіи. Впослѣдствіи явились писатели, разсказчики, какъ Геродотъ, и мыслители, какъ Ѳукидидъ. Тогда исторія вышла изъ рукъ жрецовъ и преобразовалась. Къ несчастію, эти прекрасныя, блестящія повѣствованія все же заставляютъ насъ жалѣть объ утратѣ древнихъ городскихъ лѣтописей и всего, что мы могли бы узнать изъ нихъ о вѣрованіяхъ и внутренней жизни древнихъ. Эти неоцѣненные документы, повидимому хранившіеся втайнѣ, не выходившіе изъ предѣловъ святилищъ и читавшіеся одними жрецами, никогда не снимавшими съ нихъ копій, — погибли всѣ до одного, и намъ остались отъ нихъ только слабыя воспоминанія.

Правда, воспоминанія эти для насъ драгоцѣнны. Безъ нихъ можетъ быть мы были бы вправѣ отвергнуть все, что разсказываютъ намъ Греція и Римъ о своей древности; всѣ эти разсказы, кажущіеся намъ такъ невѣроятными, оттого что они не подходятъ къ нашимъ привычкамъ, къ нашему образу мыслей и дѣйствія, — могли бы сойти за созданія человѣческой фантазіи. Но сохранившееся до насъ воспоминаніе о древнихъ лѣтописяхъ показываетъ намъ по крайней мѣрѣ то благочестивое уваженіе, какое древніе питали къ своей исторіи. Мы знаемъ, что въ этихъ лѣтописяхъ событія благоговѣйно записывались по мѣрѣ ихъ наступленія. Въ этихъ священныхъ книгахъ каждая страница была современницей событія, о которомъ на ней говорилось. Было физически невозможно исказить или поддѣлать эти документы, такъ какъ они находились подъ охраной жрецовъ, а религія была крайне заинтересована въ томъ, чтобъ они оставались неизмѣнными. Не легко было даже главному жрецу занести въ лѣтопись событіе завѣдомо противное истинѣ. Твердо вѣрили, что всякое событіе исходитъ отъ боговъ, что оно обнаруживаетъ ихъ волю

---

[1]) Діонисій, II, 49. Титъ Ливій, X, 33. Цицеронъ, *De divin.*, II, 41; I, 33; II, 23. Ценсоринъ, 12, 17. Светоній, *Claude*, 42. Макробій, I, 12; V, 19. Солинъ, II, 9. Сервій, VII, 678; VIII, 398. Письма Марка-Аврелія, IV, 4.

[2]) Древнія лѣтописи Спарты, ὦροι, παλαιόταται ἀναγραφαί упоминаются Плутархомъ, *adv. Coloten*, 17; Атенеемъ, XI, 49; Тацитомъ, *Ann.*, IV, 43. Плутархъ, *Солонъ*, 11, говоритъ о лѣтописяхъ въ Дельфахъ. Мессеняне также имѣли *Annales* и *monumenta sculpta aere prisco*, восходившія, по ихъ словамъ, ко временамъ дорійскаго нашествія (Тацитъ, *ibidem*). Діонисій Галик., *de Thucyd. hist.*, изд. Рейске, т. VI, стр. 819. Полибій указываетъ также на δημόσιαι τῶν πόλεων ἀναγραφαί (XII, 10).

и служитъ для послѣдующихъ поколѣній источникомъ благочестивыхъ воспоминаній и даже священнодѣйствій; всякое событіе, случившееся въ гражданской общинѣ, тотчасъ же дѣлалось религіей будущаго. Весьма понятно, что съ подобными вѣрованіями возможно было много невольныхъ ошибокъ, плодовъ легковѣрія, предрасположенія къ чудесному, вѣры въ родныхъ боговъ, но ложь намѣренная здѣсь немыслима, потому что она была бы нечестіемъ, осквернила бы святыню лѣтописей и исказила бы религію. Слѣдовательно, мы можемъ полагать, что если въ этихъ древнихъ книгахъ и не все было истиною, то по крайней мѣрѣ въ нихъ нѣтъ ничего такого, что не считалось бы за истину самимъ жрецомъ. А для историка, старающагося разсѣять мракъ этихъ далекихъ временъ, важнымъ мотивомъ довѣрія служитъ убѣжденіе, что если ему и придется имѣть дѣло съ заблужденіями, за то онъ нигдѣ не столкнется съ намѣреннымъ обманомъ. Самыя эти заблужденія имѣютъ для него ту выгоду, что они современны изучаемой имъ эпохѣ и могутъ открыть ему, если не подробности событій, то по крайней мѣрѣ искреннее вѣрованіе людей.

Наряду съ лѣтописями, — документами писанными и достовѣрными,— жило еще среди народа гражданской общины устное преданіе; не такое смутное и безразличное, какъ наше, но дорогое для городовъ, не измѣнявшееся по прихоти воображенія, да и едва ли доступное для измѣненія, такъ какъ оно составляло часть культа и состояло изъ разсказовъ и пѣсенъ, повторявшихся изъ года въ годъ на религіозныхъ праздникахъ. Эти священные гимны укрѣпляли воспоминанія и постоянно оживляли преданія.

Конечно, нельзя думать, чтобъ это преданіе обладало точностью лѣтописи. Желаніе восхвалить боговъ могло быть сильнѣе, чѣмъ любовь къ истинѣ. Но все же преданіе должно быть, по крайней мѣрѣ, какъ бы отраженіемъ лѣтописи и находиться обыкновенно въ согласіи съ ней. Потому что жрецы, составлявшіе и читавшіе лѣтописи, были тѣми самыми лицами, которыя руководили устройствомъ праздниковъ, гдѣ пѣлись древнія сказанія.

Но пришло время, когда лѣтописи были обнародованы; сперва Римъ открылъ свои, а затѣмъ и другіе италійскіе города; жрецы греческихъ городовъ не боялись уже разсказывать содержаніе [1]) своихъ. Стали изучать эти достовѣрные памятники. Образовалась школа ученыхъ, начиная съ Варрона и Верія Флакка, до Авла-Геллія и Макробія. На всю древнюю исторію пролился свѣтъ. Были исправлены нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ преданіе и повторенныя историками предыдущей эпохи. Узнали, напримѣръ, что Порсенна взялъ Римъ и что галлы взяли выкупъ золотомъ. Наступилъ вѣкъ исторической критики, но весьма замѣчательно, что эта критика, восходившая до источниковъ и изучавшая лѣтописи, не нашла ничего, что дало бы ей право отвергнуть всю совокупность историческихъ фактовъ, переданныхъ Геродотомъ, Титомъ Ливіемъ и другими историками.

¹) Цицеронъ, *de oratore*, II, 12: *Res omnes singulorum annorum mandabat litteris pontifex et proponebat domi ut potestas esset populo cognoscendi*. Сервій, *ad Aen.*, I, 373. Діонисій говоритъ, что ему извѣстны священныя книги и тайныя лѣтописи Рима (XI, 62).—Въ Греціи уже съ глубокой древности имѣлись *logographes*, которые вели и писали священныя лѣтописи въ городахъ; см. у Діонисія, *de Thucyd. histor.*, гл. 5, изд. Рейске, стр. 819.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Управленіе гражданской общины. Царь.

1. *Религіозная власть царя.*

Не надо воображать себѣ, что гражданская община при своемъ зарожденіи предварительно обдумывала то управленіе, какое ей слѣдуетъ установить, выработывала и обсуждала свои законы, устраивала и распредѣляла свои учрежденія. Совсѣмъ не такъ установились законы и образовались правительства. Политическія учрежденія гражданской общины появились на свѣтъ вмѣстѣ съ нею въ одинъ и тотъ же день; каждый членъ общины носилъ ихъ въ себѣ, потому что они находились въ зародышѣ въ вѣрованіи и въ религіи каждаго человѣка.

Религія предписывала, чтобъ у очага всегда былъ свой верховный жрецъ, но не допускала раздѣленія жреческой власти. Домашній очагъ имѣлъ своего верховнаго жреца,— отца семьи; очагъ куріи имѣлъ своего куріона или фратріарха; у каждой трибы точно также имѣлся свой религіозный глава, который у аѳинянъ назывался царемъ трибы. Религія гражданской общины также должна была имѣть своего представителя, своего жреца.

Этотъ жрецъ общественнаго очага носилъ названіе царя. Иногда ему давали и другія прозванія. Такъ какъ прежде всего онъ былъ жрецомъ пританея, то греки часто называли его пританомъ; иногда же они называли его архонтомъ. Подъ этими различными именами царя, притана, архонта мы должны видѣть одно и то же лицо, а именно главу культа; онъ поддерживаетъ огонь на очагѣ; онъ совершаетъ жертвоприношенія и произноситъ молитвы.

Очевидно, что древніе цари въ Италіи и въ Греціи были также и жрецами. У Аристотеля читаемъ: „Обязанность совершать общественныя жертвоприношенія отъ лица гражданской общины принадлежитъ по религіозному обычаю не особымъ жрецамъ, но людямъ, ведущимъ свой санъ отъ очага и которые зовутся здѣсь царями, тамъ пританами, а тамъ архонтами“ [1]). Такъ

¹) Аристотель, *Политика*, VI, 5, 11 (Дидо, стр. 600).—Діонисій Галикарн., II, 65: τὰ καλούμενα πρυτανεῖα ἐστὶν ἱερὰ καὶ θεραπεύεται πρὸς τῶν ἐχόντων τὸ μέγιστον ἐν ταῖς πόλεσι κράτος.

говоритъ Аристотель, знавшій лучше всѣхъ устройство греческихъ гражданскихъ общинъ. Этотъ точный текстъ доказываетъ прежде всего, что три слова—царь, пританей и архонтъ долгое время были синонимами; это до того вѣрно, что одинъ древній историкъ, Харонъ Лампсакскій, написавъ книгу о лакедемонскихъ царяхъ, далъ ей заглавіе: *Архонты иританы лакедемонянъ* [1]). Во-вторыхъ, текстъ этотъ доказываетъ, что лицо, называвшееся безразлично однимъ изъ этихъ именъ или можетъ быть всѣми тремя сразу, было именно жрецомъ гражданской общины и что культъ общественнаго очага былъ источникомъ его сана и его власти.

Такой жреческій характеръ первоначальной царской власти ясно указывается древними писателями. У Эсхила дочери Даная обращаются къ царю Аргоса съ такими словами: „Ты верховный пританъ, ты блюститель очага этого края“ [2]). У Эврипида Орестъ, убійца родной матери, говоритъ Менелаю: „Мнѣ надлежитъ по праву, какъ сыну Агамемнона, царствовать въ Аргосѣ“, а Менелай отвѣчаетъ ему: „Развѣ можешь, ты, убійца, касаться сосудовъ съ очистительной водой при жертвоприношеніяхъ? Развѣ можешь ты закалывать жертвы?“ [3]) Слѣдовательно главнѣйшею обязанностью царя было совершеніе религіозныхъ церемоній. Одинъ древній царь Сикіона былъ лишенъ своего сана, потому что, осквернивъ свои руки убійствомъ, онъ не могъ болѣе совершать жертвоприношеній [4]). Переставъ быть жрецомъ, онъ не могъ быть и царемъ.

Гомеръ и Вергилій изображаютъ намъ царей, постоянно занятыхъ исполненіемъ священныхъ обрядовъ. Изъ Демосѳена мы знаемъ, что древніе цари Аттики совершали сами всѣ жертвоприношенія, предписанныя религіей гражданской общины, а изъ Ксенофонта намъ извѣстно, что спартанскіе цари были религіозными вождями лакедемонянъ [5]). Лукумоны этрусковъ были вмѣстѣ и магистратами, и военачальниками, и верховными жрецами [6]).

Тѣмъ же были цари и въ Римѣ. Преданія всегда изображаютъ ихъ какъ жрецовъ. Первымъ царемъ былъ Ромулъ, который былъ „свѣдущъ въ искусствѣ гаданія“ [7]) и который

---

[1]) Свидасъ, слово Χάρων.

[2]) Эсхилъ, *Suppliantes*, 369 (357). Извѣстно, какое тѣсное отношеніе у древнихъ имѣлъ театръ съ религіей. Театральное представленіе было религіозной церемоніей и поэтъ-трагикъ долженъ былъ воспѣть одну изъ священныхъ легендъ гражданской общины. Вотъ почему мы находимъ у трагиковъ такъ много древнихъ преданій и даже отжившихъ формъ стараго языка.

[3]) Эврипидъ, *Орестъ*, 1594–1597.

[4]) Николай Дамасскій, въ *Fragm. hist. graec.*, т. III, стр. 394.

[5]) Демосѳенъ, *in Neoeram*, 74—81. Ксенофонтъ, *Resp. Laced.*, 13—14. Геродотъ, VI, 57. Аристотель, *Полит.*, III, 9, 2: τὰ πρὸς τοὺς θεοὺς ἀποδέδοται βασιλεῦσι.

[6]) Вергилій, X, 175. Титъ Ливій, V, 1. Ценсоринъ, 4.

[7]) Цицеронъ, *De nat. Deor.*, III, 2; *De rep.*, II, 10; *De Divinat.*, I, 17; II, 38. Смотри стихи Эннія у Цицерона, *de Div.*, I, 48.—Древніе изображали

основалъ городъ съ соблюденіемъ всѣхъ религіозныхъ обрядовъ. Вторымъ былъ Нума; „онъ исполнялъ,—говоритъ Титъ Ливій,— большую часть жреческихъ обязанностей, но предвидя, что его пріемники, вынужденные къ частымъ войнамъ, не всегда будутъ въ состояніи завѣдывать жертвоприношеніями, учредилъ верховныхъ жрецовъ, которые замѣняли бы царей на случай отсутствія ихъ изъ Рима“. Такимъ образомъ римское жречество было какъ бы выдѣленіемъ изъ первоначальной царской власти [1]).

Эти цари-жрецы вступали на царство съ религіознымъ обрядомъ. Новый царь, возведенный на вершину Капитолійскаго холма, садился на каменное сѣдалище, повернувшись лицомъ къ югу. По его лѣвую руку сидѣлъ авгуръ, съ головою покрытой священными повязками и держалъ въ рукѣ свой жезлъ. Онъ проводилъ по небу извѣстныя черты, произносилъ молитву и, возложивъ руку на голову царя, молилъ боговъ обнаружить ихъ согласіе явнымъ знаменіемъ. Потомъ, какъ только молнія или полетъ птицъ возвѣщали согласіе боговъ, новый царь вступалъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Титъ Ливій описываетъ подобную церемонію при воцареніи Нумы; Діонисій утверждаетъ, что она соблюдалась и для всѣхъ прочихъ царей, а послѣ царей для консуловъ; онъ прибавляетъ, что церемонія эта соблюдалась и въ его время [2]). Подобный обычай имѣлъ свое основаніе: такъ какъ царю предстояло сдѣлаться верховнымъ главою религіи, и отъ его молитвъ и жертвъ зависѣло благосостояніе всей общины, то, конечно, надлежало напередъ удостовѣриться, будетъ ли этотъ царь угоденъ богамъ.

Древніе не сообщаютъ намъ, какимъ образомъ спартанскіе цари вступали на царство; но все же они намъ говорятъ, что при этомъ совершалась религіозная церемонія [3]). Извѣстно изъ древнихъ обычаевъ, продержавшихся до конца спартанской исторіи, что гражданской общинѣ требовалась увѣренность въ томъ, что ея цари угодны богамъ. Поэтому она вопрошала самихъ боговъ, прося у нихъ *знаменія*, σημεῖον. Вотъ какого рода было это знаменіе, какъ описываетъ Плутархъ: „Каждое девятилѣтіе эфоры, выбравъ очень ясную, но безлунную ночь, садятся въ глубокомъ молчаніи, устремивъ глаза въ небо. Если они увидятъ звѣзду, пересѣкающую небо съ одного конца до другого, это — знакъ, что ихъ цари ви-

---

Ромула не въ военномъ одѣяніи, но въ одеждѣ жреца съ жезломъ въ рукѣ, *lituo pulcher trabeaque Quirinus* (Овидій, *Фасты*, VI, 375; Плиній, *Естеств. исторія*, IX, 39, 136).

[1]) Титъ Ливій, I, 20. Сервій, *ad Aen.*, III, 268: *majorum haec erat consuetude ut rex esset etiam sacerdos et pontifex.*

[2]) Титъ Ливій, I, 18. Діонисій, II, 6; IV, 80.—Вотъ почему Плутархъ, передавая рѣчь Тиверія Гракха, заставляетъ его сказать: ἥ γε βασιλεία τοῖς μεγίσταις ἱερουργίαις καθωσίωται πρὸς τὸ θεῖον (Плутархъ, *Tiberius*, 15).

[3]) Ѳукидидъ, V, 16, *in fine*.

новны въ какомъ-либо проступкѣ противъ боговъ. Тогда они лишали ихъ царской власти до тѣхъ поръ, пока рѣшеніе дельфійскаго оракула не возвращало имъ сана“ [1]).

2. *Политическая власть царя.*

Подобно тому, какъ въ семьѣ власть была нераздѣльна отъ священства и отецъ, какъ глава домашняго культа, былъ въ то же время судьею и господиномъ, точно также и верховный жрецъ гражданской общины былъ въ то же время ея политическимъ главою. Алтарь, по выраженію Аристотеля [2]), далъ ему санъ и достоинство. Такое соединеніе въ одномъ лицѣ обязанностей жреца и внѣшней власти ничуть не удивительно. Оно встрѣчается въ началѣ почти всѣхъ человѣческихъ обществъ, потому ли, что въ младенчествѣ народовъ только одна религія и могла добиться отъ нихъ послушанія или оттого, что наша природа испытываетъ вообще потребность не подчиняться никакой иной власти, кромѣ той, что лежитъ въ нравственной идеѣ.

Но мы уже сказали, до какой степени религія гражданской общины все собою обнимала и во все входила. Въ каждый моментъ своей жизни человѣкъ чувствовалъ себя въ зависимости отъ своихъ боговъ, а слѣдовательно и отъ жреца, стоящаго между нимъ и богами. Этотъ жрецъ заботился о священномъ огнѣ; одинъ только его ежедневный культъ, какъ говоритъ Пиндаръ, спасалъ гражданскую общину [3]) на каждый отдѣльный день. Ему одному были вѣдомы молитвенныя формулы, имѣвшія власть надъ богами; въ минуту битвы онъ закалывалъ жертву и низводилъ на войско покровительство боговъ. Вполнѣ естественно, что человѣкъ съ подобной властью принимался и признавался главою. Изъ того, что религія вмѣшивалась и руководила управленіемъ, правосудіемъ, войною, неизбѣжно слѣдовало, что жрецъ былъ въ одно и то же время правителемъ, судьею и военачальникомъ. „Спартанскіе цари,—говоритъ Аристотель [4]),—пользуются троякими правами: они совершаютъ жертвоприношенія, начальствуютъ на войнѣ и творятъ судъ“. Діонисій Галикарнасскій говоритъ о римскихъ царяхъ то же самое и въ тѣхъ же выраженіяхъ.

Основные порядки подобнаго монархическаго строя были очень просты и, чтобъ отыскать ихъ, не потребовалось много времени: они прямо вытекали изъ правилъ культа. Основатель, воздвигнувшій священный очагъ, естественно былъ его первымъ жрецомъ. Какъ извѣстно, наслѣдственность вначалѣ была непремѣннымъ правиломъ передачи этого культа; какъ

---

1) Плутархъ, *Agis*, 11.
2) Аристотель, *Политика*, VI, 5, 11: ἀπὸ τῆς κοινῆς ἑστίας ἔχουσι τὴν τιμήν.
3) Пиндаръ, *Немеянки*, XI, 1—5.
4) Аристотель, *Политика*, III, 9.

относительно семейнаго очага, такъ точно и очага гражданской общины, религія предписывала, чтобъ обязанность поддерживать его всегда переходила отъ отца къ сыну. Такимъ образомъ жречество было наслѣдственно, а вмѣстѣ съ нимъ и власть [1]).

Одна очень извѣстная черта древней исторіи Греціи доказываетъ какъ нельзя лучше, что царская власть принадлежала вначалѣ человѣку, воздвигшему очагъ гражданской общины. Извѣстно, что народонаселеніе іонійскихъ колоній не состояло изъ однихъ аѳинянъ, но представляло изъ себя смѣсь пелазговъ, эолянъ, авантовъ и кадмейцевъ. Однако очаги новыхъ гражданскихъ общинъ были всѣ поставлены членами религіознаго рода Кодра. Слѣдствіемъ этого было, что эти колонисты вмѣсто того, чтобы имѣть главами людей своего племени, напримѣръ, пелазги какого-нибудь пелазга, аванты и эолійцы какого-нибудь аванта или эолійца, передали царское достоинство во всѣхъ своихъ двѣнадцати городахъ—кодридамъ [2]). Конечно, послѣднія лица не овладѣли этой властью насиліемъ, потому что они были почти единственными аѳинянами въ этомъ многочисленномъ обществѣ людей. Но такъ какъ именно они поставили очаги, то имъ же принадлежало право ихъ поддерживать. Царское достоинство, такимъ образомъ, было предоставлено имъ безъ всякаго спора и осталось наслѣдственнымъ въ ихъ родѣ. Баттъ основалъ Кирену въ Африкѣ: баттіады долгое время владѣли тамъ царскимъ саномъ. Протинъ основалъ Марсель: протіады отъ отца къ сыну исполняли тамъ жреческія обязанности и пользовались большими преимуществами.

Слѣдовательно, не сила установила начальниковъ или царей въ древнихъ гражданскихъ общинахъ. Было бы несогласно съ истиной сказать, что первымъ царемъ былъ у нихъ счастливый воинъ. Власть вышла, какъ то прямо говоритъ Аристотель, изъ культа очага. Религія создала царя въ гражданской общинѣ, подобно тому какъ она создала семейнаго главу въ домѣ.

Вѣрованіе неоспоримое и безусловное утверждало, что наслѣдственный жрецъ очага есть въ то же время хранитель всѣхъ святынь и стражъ боговъ. Какъ отказать въ повиновеніи такому человѣку? Царь былъ существо священное; βασιλεῖς ἱεροί, говоритъ Пиндаръ. Въ немъ видѣли если не совершеннаго бога, то по крайней мѣрѣ „человѣка, наиболѣе властнаго утолить гнѣвъ боговъ“ [3]),—человѣка,

---

1) Мы говорили здѣсь только о первоначальномъ періодѣ гражданскихъ общинъ. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, настало время, когда наслѣдственность перестала считаться за правило; въ Римѣ, царская власть никогда не была наслѣдственна, а это произошло оттого, что Римъ сравнительно недавняго происхожденія и основаніе его совпадаетъ со временемъ упадка значенія царской власти повсюду.
2) Геродотъ, I, 142—148. Павзаній, VII, 1—5.
3) Софоклъ, *Эдипъ царь*, 34.

безъ чьей помощи никакая молитва не была дѣйствительна и никакая жертва не принималась.

Подобная полурелигіозная и полуполитическая царская власть установилась во всѣхъ городахъ съ самаго ихъ возникновенія безъ всякихъ усилій со стороны царей, безъ всякаго сопротивленія со стороны подданныхъ. Мы не видимъ при возникновеніи древнихъ обществъ тѣхъ колебаній и той борьбы, какими отмѣчено трудное происхожденіе современныхъ обществъ. Извѣстно, сколько потребовалось времени послѣ паденія Римской Имперіи для того, чтобы вновь отыскать основы и нормы правильнаго общежитія. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ многія противоположныя начала оспаривали другъ у друга въ Европѣ господство надъ народами, а народы иногда уклонялись отъ всякой общественной организаціи. Ничего подобнаго мы не видимъ ни въ древней Греціи, ни въ древней Италіи; исторія ихъ не начинается столкновеніями; перевороты появились только въ концѣ. У этихъ народовъ общество образовалось медленно, исподволь, постепенно, переходя отъ семьи къ трибѣ, а отъ трибы къ гражданской общинѣ, но безъ всякихъ потрясеній и борьбы. Царская власть естественно появилась сперва въ семьѣ, а потомъ уже въ гражданской общинѣ. Она не была придумана честолюбіемъ: она вытекла изъ необходимости для всѣхъ вполнѣ очевидной. Въ теченіе долгихъ вѣковъ она пользовалась миромъ, почетомъ и повиновеніемъ. Цари не нуждались во внѣшней силѣ; у нихъ не было ни войска, ни казны, но власть ихъ, поддерживаемая могучими вѣрованіями надъ душою, была священна и неприкосновенна.

Впослѣдствіи царская власть была низвержена во всѣхъ городахъ переворотомъ, о которомъ мы будемъ говорить далѣе. Но и въ паденіи своемъ она не оставила по себѣ никакой ненависти въ сердцахъ людей. Она никогда не испытала на себѣ того озлобленнаго презрѣнія, какое обыкновенно неразрывно связано съ павшимъ величіемъ. И въ паденіи своемъ она пользовалась въ воспоминаніи людей любовью и уваженіемъ. Въ Греціи мы видимъ нѣчто не совсѣмъ обычное въ исторіи: въ городахъ, гдѣ не угасъ еще царскій родъ, его не только не изгоняли, но тѣ же люди, которые лишили его власти, продолжали воздавать ему почетъ. Въ Эфесѣ въ Марселѣ, въ Киренѣ царскій родъ, лишенный своей власти, жилъ въ полномъ почетѣ у народа и сохранялъ за собою названіе и знаки царскаго достоинства [1]).

Народы перешли къ республиканскому строю, но имя царя, отнюдь не обратившись въ порицаніе, осталось почетнымъ прозваніемъ. Обыкновенно говорятъ, что слова эти вызывали ненависть и презрѣніе: странное заблужденіе! Римляне прилагали его къ богамъ въ своихъ молитвахъ. Если похитители

1) Страбонъ, XIV, 1, 3. — Атеней, XIII, 36, стр. 576.

власти не осмѣливались никогда принимать этого титула, то это не оттого, что онъ былъ ненавистенъ, а скорѣй оттого, что священенъ [1]). Въ Греціи единодержавіе многократно возобновлялось въ городахъ; но новые правители никогда не считали себя вправѣ называться царями и довольствовались прозваніемъ тирановъ [2]). Различіе этихъ двухъ названій отнюдь не обусловливалось тѣми или другими нравственными качествами правителя; это не значитъ, что царемъ назывался добрый правитель, а тираномъ злой; одна религія установляла между ними различіе. Древніе цари исполняли обязанность жрецовъ и получали свою власть отъ очага; тираны позднѣйшей эпохи были лишь политическими вождями и обязаны были своею властью силѣ или избранію.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Магистратъ.

Соединеніе власти политической и обязанностей жреца въ одномъ и томъ же лицѣ не прекратилось вмѣстѣ съ царскимъ саномъ. Переворотъ, установившій республиканскій строй, не повелъ за собою раздѣленіе обязанностей, сліяніе которыхъ казалось весьма естественнымъ и было тогда основнымъ закономъ человѣческаго общежитія. Лицо, замѣнившее собою царя, было, подобно ему, и жрецомъ и политическимъ главою въ одно и то же время.

Иногда такое, ежегодно выбираемое, лицо продолжало еще носить священный титулъ царя [3]). Въ другомъ случаѣ сохраненное для него названіе „притана" указывало на его главную обязанность [4]). Въ иныхъ городахъ за нимъ утверждалось названіе архонта. Въ Ѳивахъ, напримѣръ, главный магистратъ города носилъ такой титулъ; но изъ того, что говоритъ Плутархъ, видно, что обязанности этого магистрата мало отличались отъ обязанностей жреца. Этотъ архонтъ во все время своего служенія долженъ былъ носить вѣнокъ [5]), какъ подобало жрецу; религія запрещала ему отпускать волосы и носить при себѣ что либо изъ желѣза,— предписаніе, установляющее сходство между нимъ и римскими фламинами. Въ городѣ Платеѣ также былъ архонтъ, и религія этого города

1) Титъ Ливій, III, 39: *nec nominis (regii) homines tum pertaesum esse, quippe quo Jovem appellari fas sit, quod sacris etiam ut solemne retentum sit.— Sanctitas regum* (Светоній, *Julius*, 6).

2) Цицеронъ, *De rep.*, I, 33: *Cur enim regem appellem, Jovis Optimi nomine, hominem dominandi cupidum aut populo oppresso dominantem, non tyrannum potius?*

3) Въ Мегарѣ, въ Самофрасѣ. Титъ Ливій, XLV, 5. Бёкъ, *Corp. inscr. gr.*, № 1052.

4) Пиндаръ, *Немеянки*, XI.

5) Плутархъ, *Quest rom.*, 40.

повелѣвала ему во все время исполненія его обязанностей одѣваться въ бѣлое, т.-е. въ священный цвѣтъ [1]).

Аѳинскіе архонты въ день своего вступленія на должность поднимались въ Акрополь съ миртовымъ вѣнкомъ на головѣ и совершали жертвоприношеніе божеству, покровителю города [2]). При исполненіи своихъ обязанностей они носили на головѣ [3]), согласно обычаю, вѣнокъ изъ листьевъ. А извѣстно, что вѣнокъ, сдѣлавшійся въ концѣ концовъ и оставшійся навсегда эмблемою власти, былъ тогда только религіознымъ отличіемъ, внѣшнимъ знакомъ, сопровождавшимъ молитвы и жертвоприношенія [4]). Изъ среды девяти архонтовъ тотъ, который назывался царемъ, былъ по преимуществу главою религіи; но и у каждаго изъ его товарищей также была та или другая жреческая обязанность, которую онъ долженъ былъ исполнять [5]).

У грековъ было одно общее выраженіе для обозначенія магистратовъ; они говорили: οἱ ἐν τέλει, что буквально значило: „совершающій жертвоприношеніе“ [6]): древнее выраженіе, объясняющее первоначальное понятіе о магистратѣ. Пиндаръ говоритъ объ этихъ лицахъ, что они приносимыми ими жертвами на очагѣ обезпечиваютъ благополучіе гражданской общины.

Въ Римѣ первымъ дѣломъ вновь избраннаго консула было совершеніе жертвоприношенія на форумѣ. На площадь приводили жертвенныхъ животныхъ; когда верховный жрецъ объявлялъ ихъ годными для жертвы, тогда консулъ собственноручно закалывалъ ихъ въ то время, какъ глашатай призывалъ толпу къ благоговѣйному молчанію и игралась на флейтѣ священная мелодія [7]). Чрезъ нѣсколько дней консулъ отправлялся въ Лавиніумъ, откуда произошли римскіе пенаты, и тамъ еще разъ совершалъ жертвоприношеніе.

Если хоть сколько-нибудь внимательно изслѣдовать характеръ магистрата у древнихъ, то тотчасъ же станетъ ясно все его несходство съ государственными представителями современныхъ обществъ. Жреческія обязанности, отправленіе

---

[1]) Плутархъ, *Аристидъ*, 21.

[2]) Ѳукидидъ, VIII, 70. Аполлодоръ, *Fragm.*, 21 (изд. Дидо, т. I, стр. 432).

[3]) Демосѳенъ, *in Midiam*, 33. Эсхинъ, *in Timarch.*, 19.

[4]) Вѣнокъ носился въ хорахъ и въ процессіяхъ: Плутархъ, *Nicias*, 3; *Фокіонъ*, 37; Цицеронъ, *in Verr.*, IV, 50.

[5]) Поллуксъ, VIII, гл. IX, №№ 89 и 90; Лизій, *de Ev. prob.*, 6–8; Демосѳенъ, *in Neaeram*, 74–79; Ликургъ, изд. Дидо, т. II, стр. 362; Лизій, *in Andoc.*, 4.

[6]) Выраженія οἱ ἐν τέλει или τὰ τέλη одинаково употреблялись для обозначенія магистратовъ какъ въ Спартѣ, такъ и въ Аѳинахъ. Ѳукидидъ, I, 58; II, 10; III, 36; IV, 65; VI, 88; Ксенофонтъ, *Агезилай*, I, 36; *Эллиника*, VI, 1. Сравнить: Геродотъ, I, 133; III, 18; Эсхилъ, *Персы*, 204; *Агамемн.*, 1202; Эврипидъ, *Trach.*, 238.

[7]) Цицеронъ, *De lege agr.*, II, 34. Титъ Ливій, XXI, 63; IX, 8; XLI, 10. Макробій, *Saturn.*, III, 3.

правосудія, начальствованіе надъ войсками—все это соединялось въ одномъ лицѣ. Онъ — представитель гражданской общины, а она настолько же союзъ религіозный, какъ и политическій. Въ его рукахъ ауспиціи, обряды, молитвы, покровительство боговъ. Консулъ есть нѣчто большее, чѣмъ простой человѣкъ; онъ посредникъ между человѣкомъ и божествомъ. Съ его судьбой связана судьба общества; онъ какъ бы геній покровитель гражданской общины. Смерть консула несчастіе для республики [1]). Когда консулъ Клавдій Неронъ покидаетъ свое войско, отправляясь, какъ можно быстрѣе, на помощь своему сотоварищу, Титъ Ливій разсказываетъ, какъ безпокоился Римъ объ участи этого войска; это происходило оттого, что войско, лишенное своего вождя, въ то же время лишалось и небеснаго покровительства; вмѣстѣ съ консуломъ ушли и ауспиціи, т.-е. религія и боги [2]).

Другія гражданскія должности въ Римѣ, бывшія какъ бы вѣтвями, выросшими изъ консульства, совмѣщали въ себѣ подобно ему обязанности жреческія и политическія. Въ опредѣленные дни цензоръ съ вѣнкомъ на головѣ совершалъ жертвоприношенія отъ имени гражданской общины и собственноручно закалывалъ жертвы. Преторы и курульные эдилы руководили священными празднествами [3]). Не было ни одной магистральной должности, съ которой не было бы связано какой-либо священной обязанности: по мысли древнихъ, всякая власть была религіозною. Плебейскіе трибуны только одни не приносили никакихъ жертвъ; за то они и не считались среди настоящихъ магистратовъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что власть ихъ была совершенно исключительнаго свойства.

Священный характеръ, не отдѣлимый отъ магистрата, особенно ясно высказывается въ способѣ его избранія. Въ глазахъ древнихъ общаго одобренія и согласія людей было еще недостаточно для утвержденія главы гражданской общины. Пока длилась первоначальная царская власть, казалось естественнымъ, чтобъ этотъ глава указывался самимъ рожденіемъ, а въ силу религіознаго закона, предписывавшаго сыну наслѣдовать отцу въ его жреческихъ обязанностяхъ, здѣсь само рожденіе повидимому достаточно являло собою волю боговъ. Когда перевороты упразднили повсюду царскую власть, люди, казалось, долго искали такой способъ избранія, который, замѣнивъ собою рожденіе, былъ бы угоденъ богамъ. Аѳиняне, подобно большинству греческихъ народовъ, не нашли лучшаго исхода, какъ предоставить выборъ жребію. Но не надо составлять себѣ ложное понятіе объ этомъ способѣ, за который падаетъ столько обвиненій на аѳинскую

---

[1]) Титъ Ливій, XXVII, 40.

[2]) Титъ Ливій, XXVII, 44: *castra relicta sine imperio, sine auspicio.*

[3]) Варронъ, *L. L.*, VI, 54. Атеней, XIV, 79.

демократію, а для этого необходимо вникнуть въ мысль древнихъ. Для нихъ жребій не былъ простою случайностью, а проявленіемъ воли боговъ. Подобно тому, какъ прибѣгали къ нему въ храмахъ для открытія тайнъ свыше, такъ точно и въ гражданской общинѣ къ нему обращались при выборѣ магистрата. Всѣ были убѣждены, что боги указывали на достойнѣйшаго, допустивъ жребію пасть на его имя. Платонъ выражалъ мысль древнихъ, говоря: „Человѣкъ, указанный жребіемъ, угоденъ богамъ, и мы находимъ справедливымъ, чтобы онъ управлялъ. По всѣмъ должностямъ, касающимся священныхъ предметовъ, мы полагаемся на жребій, предоставляя самому божеству выборъ тѣхъ, кто ему угоденъ". Такимъ образомъ гражданская община была твердо убѣждена, что ея власть исходитъ отъ бога [1]).

Въ сущности то же самое происходило и въ Римѣ, но только подъ иной внѣшностью. Назначеніе консула не должно было быть дѣломъ однихъ людей. Воля или произволъ народа не

[1]) Платонъ, *Законы*, III, стр. 690; II, стр. 752. Современные историки полагаютъ, что способъ выбора по жребію есть изобрѣтеніе аѳинской демократіи, и что было навѣрное время, когда архонты выбирались чрезъ χειροτονία. Это одна голая гипотеза, не подкрѣпляемая ни однимъ фактомъ. Тексты, наоборотъ, говорятъ о выборѣ по жребію, какъ о весьма древнемъ обычаѣ, κλῆρος, τῷ κυάμῳ λαχεῖν. Плутархъ, описывающій жизнь Перикла, говоритъ, что Периклъ не былъ никогда архонтомъ, потому что этотъ санъ доставался по жребію во всей древности, ἐκ παλαίου (Плут., *Периклъ*, 9). (Димитрій Фалерскій, написавшій сочиненіе объ аѳинскомъ законодательствѣ, а главнымъ образомъ объ архонтствѣ, прямо говоритъ, что Аристидъ былъ архонтомъ по жребію (Димитрій, цитированный Плутархомъ, *Аристидъ*, I). Правда, Идоменей Лампсакскій, позднѣйшій писатель, утверждалъ, что Аристидъ исполнялъ эту должность по выбору согражданъ; но Плутархъ, который передаетъ это утвержденіе (*ibidem*), прибавляетъ, что еслибы оно было точно, то должно было сообщить, что аѳиняне сдѣлали исключеніе ввиду выдающихся заслугъ Аристида. Геродотъ, VI, 109, разсказываетъ, что во время Мараѳонской битвы девять архонтовъ, среди нихъ Полемархъ, были выбраны по жребію. Демосѳенъ, *in Leptinem*, 90, приводитъ одинъ законъ, изъ котораго видно, что во времена Солона архонты назначались по жребію. Наконецъ Павзаній, IV, 5, сообщаетъ, что архонты, выбираемые по жребію срокомъ на годъ, слѣдовали немедленно за архонтами, выбиравшимися на десять лѣтъ, что было около 683 года. Правда, Солонъ былъ выбранъ архонтомъ, ᾑρέθη ἄρχων; быть-можетъ также и Аристидъ; но ни одинъ текстъ не утверждаетъ, что правило избранія было въ постоянномъ употребленіи. Выборъ по жребію повидимому также древенъ, какъ и самое архонтство; по крайней мѣрѣ, мы должны такъ предполагать ввиду отсутствія противорѣчащихъ текстовъ. Во всякомъ случаѣ онъ не былъ демократическимъ созданіемъ. Димитрій Фалерскій говоритъ, что во времена Аристида жребій бросался лишь среди самыхъ богатыхъ семей. До Солона жребій кидался только между эвпатридами. Также во времена Лизія и Демосѳена въ урну опускались имена не всѣхъ гражданъ (Лизій, *De invalido*, 13; *in Andocidem*, 4; Исократъ, 150). — Правила этого выбора по жребію, ввѣренныя законохранителямъ, неизвѣстны; можно утверждать только то, что никогда тексты не указываютъ на употребленіе χειροτονία для выбора девяти архонтовъ. Надо замѣтить, что когда демократія держала верхъ, она создала стратеговъ и отдала имъ всю власть; этихъ начальниковъ она никогда не думала выбирать по жребію, а предпочитала выборъ чрезъ подачу голосовъ. Такимъ образомъ существовалъ выборъ по жребію для должностей, относившихся къ вѣку аристократическому и выборъ чрезъ подачу голосовъ для должностей вѣка демократическаго.

могли служить законнымъ основаніемъ для выбора магистрата. Консулъ выбирался такимъ образомъ: одинъ изъ магистратовъ, т.-е. человѣкъ уже облеченный священнымъ характеромъ, назначалъ изъ числа благопріятныхъ дней тотъ, когда надлежало выбрать консула. Всю ночь наканунѣ этого дня онъ проводилъ безъ сна на открытомъ воздухѣ, устремивъ глаза на небо, и наблюдалъ знаменія, посланныя богами, мысленно произнося въ то же время имена нѣсколькихъ кандидатовъ на консульское достоинство. Если знаменія были благопріятны, это значило, что кандидаты угодны богамъ. На другой день народъ собирался на Марсовомъ полѣ; собраніемъ руководило то же самое лицо, которое вопрошало боговъ. Громкимъ голосомъ предсѣдатель провозглашалъ имена кандидатовъ, о которыхъ собралъ предвѣщанія; если среди домогавшихся консульства онъ находилъ кого-либо, кому не благопріятствовали предвѣщанія, онъ опускалъ его имя. Народъ пускалъ на голоса только имена, объявленныя предсѣдателемъ [1]). Если предсѣдатель называлъ только двухъ кандидатовъ, то народъ по необходимости подавалъ за нихъ голоса; если онъ называлъ троихъ, то народъ выбиралъ между ними. Но никогда народное собраніе не имѣло права подавать голоса за другихъ людей, не указанныхъ предсѣдателемъ, потому что только для нихъ были благопріятны предвѣщанія, только за ними обезпечено согласіе боговъ [2]).

Этотъ способъ избранія, тщательно соблюдавшійся въ первые вѣка республики, объясняетъ намъ нѣкоторыя черты римской исторіи, приводившія насъ вначалѣ въ изумленіе.

[1]) Валерій Максимъ, I, 1, 3. Плутархъ, *Marcellus*, 5. Титъ Ливій, IV, 7.

[2]) Эти порядки древняго общественнаго права въ Римѣ вышли изъ употребле-
нія въ послѣдніе вѣка республики и засвидѣтельствованы многочисленными тек-
стами. Діонисій, IV, 84, указываетъ очень ясно, что народъ подаетъ голоса
только за имена, предложенныя предсѣдателемъ комицій. Если нѣкоторые центу-
ріи подавали голоса за другія имена, то президентъ могъ не считаться съ
этими голосованіями; Титъ Ливій, III, 21: *Consules edicunt ne quis L. Quinc-
tium consulem faceret; si quis fecisset, se id suffragium non observaturos.* Титъ
Ливій, VII, 22: *Consules... rationem ejus se habituros negabant.* Послѣднее со-
бытіе произошло уже въ 352 г. до Р. Х. и разсказъ Тита Ливія обнаружи-
ваетъ право предсѣдателя, не признанное на этотъ разъ народомъ. Право это
стало отнынѣ мертвою буквой, но не было однако уничтожено по закону и вно-
слѣдствіи нѣкоторые консулы осмѣливались напоминать его. Авлъ Геллій, VI,
9: *Fulvium pro tribu aedilem curulem renuntiaverunt; at aedilis qui comitia ha-
bebat negat accipere*; здѣсь предсѣдатель, простой эдилъ, отказывается при-
нять и сосчитать голоса. Въ другомъ мѣстѣ, консулъ Порцій объявляетъ, что
онъ не приметъ такого-то кандидата, *non accipere nomen ejus* (Титъ Ливій,
XXXIX, 39). Валерій Максимъ, III, 8, 3, разсказываетъ, что въ началѣ комицій
просили предсѣдателя К. Пизона, въ случаѣ если народъ подастъ голоса за
Лоллія Паликана, объявить его избраннымъ. Пизонъ отвѣчаетъ, что онъ не
объявитъ, *non renuntiabo;* тогда собраніе подаетъ свои голоса за другого. У
Веллія, II, 92, мы видѣли, что предсѣдатель комицій запрещаетъ одному кан-
дидату выступать на выборы, *profiteri vetuit,* и когда послѣдній настаиваетъ,
то онъ объявляетъ, что онъ не признаетъ выбора, даже если за него подастъ
голоса весь народъ. Слѣдовательно, объявленіе предсѣдателя, *renuntiatio*, было
необходимо и безъ него не было избранія.

Такъ, напримѣръ, мы часто видимъ, что народъ почти единодушно хочетъ возвесть въ консулы какія-нибудь два лица и однако не можетъ: все дѣло въ томъ, что или предсѣдатель не собралъ на ихъ счетъ надлежащихъ знаменій, или собранныя имъ знаменія не оказались благопріятными. Наоборотъ, много разъ приходится народу назначать консулами людей ему ненавистныхъ [1]), такъ какъ предсѣдатель назвалъ только ихъ два имени. Надо было подавать за нихъ голоса, такъ какъ самое голосованіе выражалось только словами: „да“ или „нѣтъ“; каждая избирательная дощечка должна была заключать въ себѣ только два собственныхъ имени и не дозволялось вписывать другихъ именъ, кромѣ указанныхъ. Народъ въ случаѣ, если предложенные кандидаты были ему ненавистны, могъ, правда, выразить свой гнѣвъ, удалившись безъ подачи голосовъ, но оставалось всегда достаточно гражданъ, чтобы состояться голосованію [2]).

Отсюда видно, насколько сильна была власть предсѣдателя комицій, и насъ не удивитъ болѣе обычное выраженіе „creat consules“, прилагаемое не къ народу, но къ предсѣдателю комицій. Дѣйствительно, скорѣе о немъ, чѣмъ о народѣ можно было сказать: „Онъ творитъ консуловъ“, потому что онъ одинъ обнаруживаетъ волю боговъ. Если и не самъ онъ творилъ консуловъ, то по крайней мѣрѣ черезъ него творили ихъ боги. Власть народа не шла далѣе утвержденія этого выбора или въ большинствѣ случаевъ далѣе выбора изъ трехъ или четырехъ именъ, если ауспиціи оказывались одинаково благопріятными для трехъ или четырехъ кандидатовъ.

Несомнѣнно, что такой способъ веденія дѣлъ былъ очень выгоденъ для римской аристократіи; но было бы ошибочно видѣть во всемъ этомъ одну нарочно придуманную ею хитрость. Подобная хитрость была невозможна въ тѣ вѣка, когда вѣра въ религію была еще сильна. Съ политической точки зрѣнія она была безполезна въ первое время, потому что патриціямъ и безъ того принадлежало тогда большинство голосовъ на выборахъ. Она могла бы даже обратить ее противъ себя, облекая одно лицо столь значительною властью. Единственно возможное объясненіе этихъ обычаевъ или скорѣе этихъ обрядовъ избранія кроется въ томъ всеобщемъ убѣжденіи, что выборъ магистрата принадлежитъ не народу, а богамъ. Человѣкъ, которому предстояло завѣдывать религіею и судьбою гражданской общины, долженъ былъ быть указанъ свыше.

Первымъ правиломъ избранія магистрата Цицеронъ ставитъ слѣдующее: „Чтобы онъ былъ назначенъ согласно обрядамъ“ [3]). Если нѣсколько мѣсяцевъ спустя сенату доносили, что при выборѣ консуловъ былъ опущенъ или неточно исполненъ какой-либо обрядъ, то сенатъ предписывалъ консуламъ сложить съ себя званіе, и они повиновались. Подобныхъ примѣровъ очень много; и если относительно двухъ или трехъ изъ нихъ позволительно думать, что сенатъ былъ радъ освободиться отъ неспособнаго или неблагомыслящаго консула, то за то въ большинствѣ случаевъ нельзя предполагать за нимъ иныхъ побужденій, кромѣ религіозныхъ опасеній.

Правда, что когда жребій въ Аѳинахъ, или ауспиціи въ Римѣ назначали архонта или консула, то происходило еще какъ бы испытаніе достоинства новаго избранника [1]). Это испытаніе покажетъ намъ, чего именно требовала гражданская община отъ своего магистрата; она искала не человѣка самаго храбраго на войнѣ или самаго искуснаго или справедливаго въ мирѣ, но наиболѣе любимаго богами. Дѣйствительно аѳинскій сенатъ спрашивалъ у новаго избранника, есть ли у него домашнее божество [2]), участвуетъ ли онъ во фратріи, есть ли у него семейная усыпальница и исполняетъ ли онъ всѣ обязанности къ усопшимъ [3]). Къ чему эти вопросы? Затѣмъ, что тотъ, у кого не было семейнаго культа, не могъ принимать участія въ культѣ національномъ и не былъ способенъ совершать жертвоприношенія отъ лица гражданской общины. Тотъ, кто оставлялъ въ пренебреженіи культъ своихъ умершихъ, тотъ подвергался ихъ грозному гнѣву и подвергался преслѣдованію невидимыхъ враговъ. Было бы безразсудно со стороны гражданской общины ввѣрить свою судьбу подобному человѣку. Она желала, чтобы новый магистратъ происходилъ, по выраженію Платона, „изъ незапятнанной семьи“ [4]). Такъ что, если кто-либо изъ его предковъ совершилъ что-либо оскорбительное противъ религіи, то очагъ семьи навсегда оставался оскверненнымъ, а потомки вѣчно пребывали ненавистными богамъ. Вотъ главные вопросы, съ которыми обращались къ лицу, которому предстояло сдѣлаться магистратомъ. Казалось, не было никакого дѣла

1) Титъ Ливій, II, 42; II, 43. Діонисій, VIII, 87.

2) Два примѣра того у Діонисія, VIII, 82, и у Тита Ливія, II, 64.

3) Цицеронъ, *De legibus*, III, 3: *Auspic a patrum sunto, ollique ex se produnto qui comitiatu creare consules rite possint*. Извѣстно, что въ трактатѣ *De legibus* Цицеронъ только возстановляетъ и объясняетъ законы Рима.

1) Δοκιμασία или ἀνάκρισις ἀρχόντων. Различные вопросы, положенные въ основаніе этого испытанія находятся перечисленными у Динарха, *in Aristogitonem*, слово 17—18, и у Поллукса, VIII, 85—86. Ликургъ, стр. 24, и Гарпократіонъ, слово ἕρκειος.

2) Εἰ φράτορες εἰσὶν αὐτῷ καὶ βῶμοι Διός ἑρκείου καὶ Ἀπόλλωνος πατρῴου (Динархъ у Гарпократіона). — Εἰ Ἀπόλλων ἐστὶν αὐτοῖς πατρῷος καὶ Ζεὺς ἕρκιος (Поллуксъ, VIII, 85).

3) Динархъ, *in Aristog.*, 17—18.

4) Платонъ, *Законы*, VI, стр. 759: ὡς ὅτι μάλιστα ἐκ τῶν καθαρευουσῶν οἰκήσεων.—На основаніи такихъ же мотивовъ изъ архонтовъ устранялся человѣкъ болѣзненный и безобразный (Лизій, *De invalido*, 13). Тѣлесный недостатокъ, какъ знакъ неблаговоленія боговъ, дѣлалъ человѣка недостойнымъ ни къ какому священнодѣйствію, а слѣдовательно и къ исполненію какой-либо общественной должности.

ни до его характера, ни до его способностей. Главное было удостовѣриться, способенъ ли онъ къ выполненію жреческихъ обязанностей, и не пострадаетъ ли религія гражданской общины въ его рукахъ.

Подобное испытаніе было также обычнымъ явленіемъ и въ Римѣ. Правда, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о тѣхъ вопросахъ, на которые надлежало отвѣчать консулу; но мы тѣмъ не менѣе знаемъ, что подобныя испытанія производились верховными жрецами, и есть полное основаніе предполагать, что оно касалось только религіозной правоспособности магистрата.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Законъ.

У грековъ и у римлянъ, равно какъ и у индусовъ, законъ входилъ въ составъ религіи. Древніе кодексы гражданскихъ общинъ были собраніемъ обрядовъ, священныхъ постановленій, молитвъ и вмѣстѣ съ тѣмъ законодательныхъ распоряженій. Узаконенія, касающіяся права собственности и права наслѣдованія, перемѣшивались здѣсь съ постановленіями о совершеніи жертвоприношеній, погребенія и культа мертвыхъ.

То, что осталось намъ отъ древнѣйшихъ законовъ Рима, извѣстныхъ подъ названіемъ „царскихъ", столько же касается культа, какъ и условій гражданской жизни. Одинъ изъ нихъ запрещалъ виновной женщинѣ приближаться къ алтарямъ, другой возбранялъ употребленіе извѣстныхъ яствъ при священныхъ пиршествахъ, третій предписывалъ, какой религіозный обрядъ долженъ совершить побѣдоносный полководецъ при возвращеніи въ городъ. Законы Двѣнадцати Таблицъ, хотя и болѣе поздняго происхожденія, все еще заключаютъ въ себѣ подробныя предписанія касательно религіозныхъ обрядовъ погребенія. Законодательный трудъ Солона былъ собраніемъ всякаго рода постановленій,—законовъ относительно государственнаго строя и священныхъ обрядовъ; въ немъ опредѣлялся и порядокъ жертвоприношеній, и цѣна жертвенныхъ животныхъ, а также брачные обряды и культъ мертвыхъ.

Цицеронъ въ своемъ трактатѣ „О законахъ" набрасываетъ планъ законодательства, который ни въ какомъ случаѣ нельзя приписать его личному творчеству. И по внутреннему содержанію, и по внѣшней формѣ своего трактата онъ подражаетъ древнимъ. Вотъ первые изъ его законовъ: „Пусть никто не подходитъ къ богамъ иначе, какъ съ чистыми руками; пусть всякій блюдетъ храмы отцовъ и жилище домашнихъ ларъ;

[1]) Діонисій, II, 73: οἱ ποντίφικες... τὰς ἀρχὰς ἁπάσας ἐξετάζουσι. — Въ послѣдніе вѣка республики это испытаніе стало пустою формальностью.

пусть жрецы употребляютъ на священныхъ пиршествахъ только дозволенныя яства; пусть воздаютъ богамъ манамъ культъ имъ подобающій".

Несомнѣнно, римскій философъ мало заботился объ этой религіи мановъ и ларъ; но онъ писалъ свой трактатъ по образцу древнихъ и считалъ необходимымъ внести въ него правила культа.

Въ Римѣ считалось вполнѣ несомнѣннымъ, что нельзя было быть хорошимъ верховнымъ жрецомъ, не зная гражданскаго права [1]), и наоборотъ нельзя было быть хорошимъ правовѣдомъ безъ знанія религіи. Верховные жрецы долгое время были единственными правовѣдами. Такъ какъ не было почти ни одного случая въ жизни, который не имѣлъ бы какого-либо отношенія къ религіи, то почти все подлежало вѣдѣнію этихъ жрецовъ, и они являлись единственными компетентными судьями въ безчисленномъ множествѣ судебныхъ дѣлъ. Всѣ тяжбы относительно брака, развода, гражданскихъ или религіозныхъ правъ дѣтей подлежали ихъ суду. Они судили и за кровосмѣшеніе, и за безбрачіе. Такъ какъ усыновленіе касалось религіи, то оно могло состояться только съ соизволенія верховнаго жреца. Составить завѣщаніе—это значило нарушить порядокъ, установленный религіею, въ наслѣдственной передачѣ имущества и культа; оттого вначалѣ духовное завѣщаніе подлежало утвержденію верховнаго жреца. Такъ какъ границы всякой земельной собственности намѣчались религіей, то въ случаѣ спора между двумя сосѣдями, они должны были судиться передъ верховными жрецами, называвшимися „арвалами" [2]). Вотъ почему одни и тѣ же лица были и жрецами, и правовѣдами; право и религія составляли одно цѣлое [3]).

Въ Аѳинахъ первый архонтъ и царь имѣли почти одни и тѣ же судебныя права, какъ и верховный жрецъ въ Римѣ. Обязанность архонта состояла въ наблюденіи за непрерывностью домашнихъ культовъ [4]), а на обязанности царя, весьма походившаго на „верховнаго жреца" въ Римѣ, лежало высшее управленіе религіею гражданской общины. Оттого первый разбиралъ всѣ тяжбы, касавшіяся семейныхъ правъ, а второй—всѣ проступки, затрогивавшіе религію [5]).

Способъ возникновенія древнихъ законовъ становится теперь яснымъ. Это дѣло рукъ не одного человѣка. Солонъ,

[1]) Цицеронъ, *De legibus*, II, 19: *Pontificem neminem bonum esse nisi qui jus civile cognoscit.*

[2]) Цицеронъ, *De legibus*, II, 9, 19, 20, 21; *De aruspic. resp.*, 7; *Pro domo*, 12, 14. Діонисій, II, 73. Тацитъ, *Annales*, I, 10; *Ист.*, I, 15. Діонъ Кассій, XLVIII, 44. Плиній, *Естеств. ист.*, XVIII, 2. Авлъ Геллій, V, 19; XV, 27. Помпоній къ Дигестѣ, *De origine juris*.

[3]) Отсюда вышло то древнее опредѣленіе, какое правовѣды сохранили до Юстиніана: *Juris prudentia est rerum divinarum atque humanarum notitia.*

[4]) Изей, *De Apollod. hered.*, 30.

[5]) Поллуксъ, VIII, 90. Андокидъ, *de Mysteriis*, III.

Ликургъ, Миносъ, Нума могли записать законы своихъ гражданскихъ общинъ, но не они ихъ создали. Если мы разумѣемъ подъ именемъ законодателя какое-нибудь лицо, создавшее извѣстный кодексъ силою своего генія и заставившее другихъ людей принять его, то подобнаго законодателя никогда не существовало у древнихъ народовъ. Древній законъ отнюдь не вытекалъ также и изъ народныхъ постановленій. Мысль, что число поданныхъ голосовъ можетъ создать законъ, явилась у гражданскихъ общинъ значительно позднѣе и уже послѣ двухъ преобразовавшихъ ее переворотовъ. До этого законы являются чѣмъ-то древнимъ, неприкосновеннымъ, чтимымъ. Они такъ же древни, какъ и гражданская община, и установлены самимъ основателемъ въ одно время съ устройствомъ общественнаго очага, *moresque viris et moenia ponit*. Онъ установилъ ихъ одновременно съ религіей. Но все-таки нельзя сказать, что они выдуманы имъ самимъ. Кто же ихъ истинный творецъ? Изслѣдуя выше строй семьи и греческіе и римскіе законы, касавшіеся собственности, наслѣдованія, духовнаго завѣщанія, усыновленія, мы имѣли случай наблюдать, до какой степени точно соотвѣтствовали эти законы вѣрованіямъ древнихъ поколѣній. Если сопоставить эти законы съ естественною справедливостью, они зачастую окажутся въ явномъ противорѣчіи съ нею, и тогда становится достаточно очевиднымъ, что не въ понятіи безусловнаго права и не въ чувствѣ справедливаго коренится ихъ основаніе. Но сопоставьте эти же самые законы съ культомъ мертвыхъ и очага, сравните ихъ съ разнообразными предписаніями этой первобытной религіи,—и вы убѣдитесь въ ихъ полномъ взаимномъ соотвѣтствіи.

Человѣку не пришлось изучать для этого свое сознаніе и говорить самому себѣ: это справедливо, а это—нѣтъ. Древнее право возникло не такъ.

Человѣкъ вѣровалъ, что священный очагъ въ силу религіознаго закона переходилъ отъ отца къ сыну; отсюда слѣдовало, что домъ семьи сталъ наслѣдственнымъ владѣніемъ. Человѣкъ, схоронившій своего отца на родовомъ полѣ, твердо вѣрилъ, что духъ усопшаго навсегда овладѣлъ этимъ полемъ и требовалъ отъ своего потомства вѣчнаго культа; отсюда послѣдовало, что поле, какъ владѣніе усопшаго и мѣсто для совершенія жертвоприношеній, стало неотчуждаемою собственностью семьи. Религія гласила: культъ продолжается сыномъ, а не дочерью; а законъ за одно съ религіей подтвердилъ: наслѣдуетъ сынъ, а не дочь; наслѣдуютъ родственники по мужской линіи, а не по женской. Вотъ какимъ образомъ образовался законъ; онъ явился самъ собою, безъ всякихъ поисковъ за нимъ со стороны людей. Онъ былъ прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ вѣрованій; онъ былъ та же религія въ приложеніи ко взаимнымъ отношеніямъ людей между собою. Древніе говорили, что ихъ законы вели свое начало

отъ боговъ. Жители Крита приписывали свои законы не Миносу, а Юпитеру; лакедемоняне вѣровали, что ихъ законодателемъ былъ не Ликургъ, а Аполлонъ. Римляне утверждали, что Нума писалъ свои законы со словъ одного изъ самыхъ могущественныхъ божествъ древней Италіи, богини Эгеріи. Законы этрусковъ получены ими отъ бога Тагеса. Во всѣхъ этихъ преданіяхъ есть доля истины. Истинными законодателями у древнихъ считались не люди, а религіозныя вѣрованія, въ нихъ пребывавшія.

Законы долгое время оставались чѣмъ-то священнымъ. Даже когда для созданія закона стало достаточно воли одного человѣка или всеобщей подачи голосовъ, и тогда считали еще нужнымъ совѣщаться съ религіей или, по крайней мѣрѣ, спрашивать ея согласія. Въ Римѣ единогласная подача голосовъ еще не считалась достаточною для созданія закона, а сверхъ того требовалось, чтобы рѣшеніе народа было одобрено верховными жрецами и чтобы авгуры удостовѣрили благосклонность боговъ къ новому закону [1]). Однажды, когда плебейскіе трибуны хотѣли, чтобы какой-то законъ былъ принятъ въ собраніи трибъ, то одинъ патрицій сказалъ имъ: „Какое право имѣете вы издавать новые законы, или трогать существующіе? Вы, которые не пользуетесь ауспиціями, которые не совершаете никакихъ священнодѣйствій на вашихъ собраніяхъ, что общаго имѣете вы съ религіей и со всею святыней, къ которымъ должно причислить и законъ?“ [2]).

Послѣ этого вполнѣ понятны то уваженіе и привязанность, съ какими древніе долгое время смотрѣли на свои законы. Въ нихъ они видѣли не дѣло рукъ человѣческихъ,—происхожденіе ихъ было божественное. Это не пустыя слова, когда Платонъ говоритъ, что повиноваться законамъ значитъ повиноватьси богамъ. Онъ только выражаетъ общую идею грековъ, когда въ „Критонѣ“ представляетъ намъ Сократа, готоваго умереть по требованію законовъ. Еще раньше Сократа было написано на скалѣ въ Өермопилахъ: „Путникъ, возвѣсти Спартѣ, что мы пали здѣсь, вѣрные ея законамъ“. Законъ у древнихъ былъ всегда священенъ; во времена царской власти онъ былъ царемъ царей; во времена республикъ онъ былъ царемъ народовъ. Ослушаться его значило совершить святотатство.

Въ сущности законъ не подлежалъ измѣненію въ силу своего божественнаго начала. Надо замѣтить, что законы никогда не отмѣнялись. Можно было издавать новые, но древніе продолжали существовать по-прежнему, несмотря ни на какія взаимныя противорѣчія. Законы Солона [3]) не уничтожили

[1]) Діонисій, IX, 41. Правило это, тщательно соблюдавшееся въ первый вѣкъ республики, впослѣдствіи было устранено.

[2]) Діонисій, X, 4: τίνος ὑμῖν μέτεστι τῶν ἱερῶν, ὧν ἕν τι καὶ νόμος ἦν. Титъ Ливій, III, 41: *nec plebem nec tribunos legem ferre posse.*

[3]) Андокидъ, *De mysteriis*, 82. Демосөенъ, *in Evergum*, 71; *in Leptinem*,

законодательства Дракона, а законы Двѣнадцати Таблицъ — законовъ царскихъ. Камень, съ написаннымъ на немъ закономъ, считался неприкосновеннымъ, развѣ только болѣе дерзкіе позволяли себѣ повернуть его обратною стороной. Это коренное начало было основною причиной немалаго безпорядка, замѣчаемаго въ древнемъ правѣ. Различные законы различныхъ эпохъ оставались въ немъ соединенными и пользующимися одинаковымъ уваженіемъ. Въ одной изъ судебныхъ рѣчей Изея два лица оспариваютъ между собою наслѣдство; каждый изъ нихъ приводитъ въ свою пользу законъ; оба эти законы совершенно противорѣчивы, но равно священны. Оттого же и въ собраніи законовъ Ману сохранился древній законъ, установлявшій право старшинства на-ряду съ другимъ позднѣйшимъ, предписывавшимъ равный раздѣлъ между братьями.

Древній законъ никогда не подкрѣплялъ себя объяснительными указаніями; да и къ чему они ему? Онъ властенъ не давать отчета; онъ существуетъ потому, что его создали боги. Онъ не вступаетъ въ препирательства, а повелѣваетъ; онъ — созданіе высшаго могущества, и люди повинуются ему, вѣря въ него.

Въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній законы оставались неписанными; они передавались отъ отца къ сыну вмѣстѣ съ вѣрованіями и формулами молитвъ. Они были тѣмъ священнымъ преданіемъ, что вѣчно было связано съ очагомъ семьи или гражданской общины.

Когда же приступили къ записыванію законовъ, то ихъ стали собирать въ священныя книги вмѣстѣ съ обрядами и молитвами. Варронъ приводитъ одинъ древній законъ города Тускулума и прибавляетъ, что онъ прочелъ его въ священныхъ книгахъ этого города [1]). Діонисій Галикарнасскій, справлявшійся съ подлинными документами, говоритъ, что въ Римѣ до эпохи децемвировъ всѣ писанные законы находились въ священныхъ книгахъ [2]). Впослѣдствіи законъ выдѣлился изъ священныхъ книгъ и сталъ писаться отдѣльно; но обычай помѣщать его въ храмѣ сохранился, и жрецы по-прежнему были его хранителями.

Эти законы, писанные или нѣтъ, всегда выражались въ весьма краткихъ изреченіяхъ, какія можно сравнить по формѣ со стихами книги Моисея и со слоками книги Ману. Весьма вѣроятно, что слова закона имѣли ритмическій размѣръ [3]). Аристотель говоритъ, что до того времени, когда законы были записаны, ихъ обыкновенно распѣвали [4]). Слѣды этого остались

158. Поллуксъ, IX, 61. — Авлъ Геллій, XI, 18: *Draconis leges, quoniam videbantur acerbiores, non decreto jussoque, sed tacito illiteratoque Atheniensium consensu obliteratae sunt.*

[1]) Варронъ, *De ling. lat.*, VI, 16.
[2]) Діонисій, X, 1: ἐν ἱεραῖς βίβλοις ἀποκείμενα.
[3]) Эліанъ, *H. V.*, II, 39.
[4]) Аристотель, *Probl.*, XIX, 28.

въ языкѣ; римляне называли законы *carmina* [1]), стихами, а греки — νόμοι, пѣснями [2]).

Эти древніе стихи были неизмѣняемымъ текстомъ. Измѣнить одну букву, перемѣстить одно слово, исказить ритмъ — значило нарушить самый законъ, разрушивъ ту священную форму, въ какой онъ былъ явленъ людямъ. Законъ, подобно молитвѣ, былъ угоденъ божеству только подъ условіемъ точной передачи, и перемѣна одного слова являлась уже нечестіемъ. Въ первобытномъ правѣ внѣшняя форма, буква — все; здѣсь нечего искать смысла или духа закона. Законъ цѣненъ не по заключающемуся въ немъ нравственному началу, а по словамъ, заключающимся въ его выраженіи. Вся его сила — въ священныхъ словахъ, изъ какихъ онъ состоитъ. У древнихъ и особенно въ Римѣ идея права была неразлучна съ употребленіемъ извѣстныхъ священныхъ словъ. Напримѣръ, если дѣло шло о принятіи какого-либо обязательства, то одинъ долженъ былъ сказать: *Dari spondes?* А другой долженъ былъ отвѣтить: *Spondeo.* Безъ произнесенія этихъ словъ не было и договора. Напрасно бы тогда кредиторъ сталъ требовать уплаты долга, — должникъ ничего ему не былъ долженъ. Это оттого, что въ древнемъ правѣ человѣка связывала не совѣсть, не чувство справедливости, а только священная формула. Произнесеніе такой формулы установляло между двумя людьми правовую связь. Гдѣ не было формулы, тамъ не было и права.

Странныя формы древняго римскаго процесса не станутъ болѣе удивлять насъ, когда мы сообразимъ, что древнее право было религіей, законъ — священнымъ текстомъ, правосудіе — собраніемъ обрядовъ. Истецъ преслѣдуетъ по закону, *agit lege.* По слову закона онъ торжествуетъ надъ отвѣтчикомъ. Но пусть онъ остережется, — для того, чтобы быть за одно съ закономъ, надо точно знать его выраженіе и точно его произносить. Если онъ замѣнитъ одно слово другимъ, законъ перестаетъ для него существовать и не можетъ болѣе защитить его. Гай разсказываетъ объ одномъ человѣкѣ, у котораго сосѣдъ вырубилъ виноградникъ; дѣло говорило само за себя; онъ произнесъ формулу закона, но въ законѣ стояло слово „деревья", а онъ сказалъ „виноградникъ" — и онъ проигралъ свой процессъ [3]).

Но одного точнаго произнесенія закона все-таки не было достаточно. Необходимо было, чтобъ оно сопровождалось внѣшними дѣйствіями, которыя составляли какъ бы обряды этой религіозной церемоніи, называвшейся договоромъ или судебнымъ процессомъ. Вотъ на какомъ основаніи при всякой

[1]) Титъ Ливій, I, 26: *Lex horrendi carminis erat.*
[2]) Νέμω, дѣлить; νόμος, дѣленіе, мѣра, ритмъ, напѣвъ; смотри у Плутарха, *De musica*, стр. 1133; Пиндаръ, *Pyth.*, XII, 41; *Fragm.*, 190 (изд. Гейне). Схоліастъ Аристофана, *Всад.*, 9: Νόμοι καλοῦνται δι εἰς θεοὺς ὕμνοι.
[3]) Гай, *Институціи*, IV, 11.

продажѣ слѣдовало употреблять кусокъ мѣди и вѣсы, а при куплѣ какого-либо предмета надлежало прикоснуться къ нему рукою, *mancipatio;* вотъ почему, если споръ шелъ о какой-либо собственности, происходила „притворная борьба“, *manum consertio*. Отсюда же образовались формы при отпущеніи на волю, при выдѣлѣ изъ семьи и при судебной тяжбѣ, а также и всѣ внѣшнія дѣйствія при этомъ.

Законъ, составляя часть религіи, носилъ на себѣ таинственный характеръ подобно самой религіи гражданскихъ общинъ. Формулы закона держались втайнѣ, подобно формуламъ культа. Ихъ скрывали отъ чужеземцевъ, даже отъ плебеевъ. Это не потому, что патриціи разсчитывали, что при исключительномъ вѣденіи законовъ они будутъ обладать большею властью, но потому, что законъ и по своему происхожденію, и по своей природѣ являлся долгое время таинствомъ, къ которому нельзя было допустить человѣка, не посвятивъ его предварительно въ народный и семейный культъ.

Религіозное начало древняго права объясняетъ намъ сверхъ того еще одну изъ его существенныхъ особенностей. Религія была всецѣло *гражданской*, т.-е. особой для каждой гражданской общины. Поэтому она могла дать начало только *гражданскому* праву. Но важно выяснить себѣ смыслъ этого слова у древнихъ. Говоря *„право гражданское“*, *jus civile*, νόμοι πολιτικοί, они разумѣли только, что у каждой гражданской общины имѣлось свое собраніе законовъ, какъ теперь у каждаго государства существуетъ свой кодексъ. Они хотѣли выразить, что ихъ законы простирали свою силу и дѣйствіе только на членовъ одной гражданской общины. Было недостаточно жить въ какомъ-либо городѣ, чтобы подчиняться его законамъ и пользоваться ими: надо было быть его гражданиномъ. Закона не существовало для раба, не было его также и для чужеземца. Далѣе мы увидимъ, что чужеземецъ, поселившійся въ городѣ, не могъ въ немъ ни пріобрѣтать себѣ собственности, ни наслѣдовать, ни завѣщать, ни заключать никакого договора, ни выступать передъ обыкновеннымъ судомъ гражданъ. Въ Аѳинахъ, если онъ оказывался кредиторомъ гражданина, онъ не могъ преслѣдовать его судомъ для уплаты долга, такъ какъ законъ не признавалъ никакой силы за его договоромъ.

Такой порядокъ древняго права былъ совершенно логиченъ. Право родилось не изъ идеи справедливости, но изъ религіи и отдѣльно отъ нея было немыслимо. Чтобъ образовалось правовое отношеніе между двумя лицами, необходимо было, чтобы между ними существовало прежде всего религіозное общеніе, т.-е. они должны были чтить одинъ и тотъ же очагъ и совершать общія жертвоприношенія. Если же между двумя лицами не было такого религіознаго общенія, то повидимому не могло быть и никакого правоваго отношенія. А ни рабъ,

ни чужеземецъ не принимали участія въ религіи гражданской общины. Чужеземецъ и гражданинъ могли жить рядомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, а все-таки возможность правовой связи между ними была немыслима. Право было лишь одною изъ сторонъ религіи. Нѣтъ общей религіи — нѣтъ и общаго закона.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Гражданинъ и чужеземецъ.

Гражданиномъ считался тотъ, кто участвовалъ въ общемъ культѣ гражданской общины, и изъ этого религіознаго общенія вытекали всѣ его гражданскія и политическія права. Отречься отъ культа — значило отречься отъ правъ. Выше мы говорили объ общественныхъ столахъ, составлявшихъ главный обрядъ національнаго культа. Въ Спартѣ тотъ, кто не участвовалъ въ нихъ, хотя бы и не по своей винѣ, немедленно переставалъ быть гражданиномъ [1]). Каждая гражданская община требовала отъ своихъ членовъ обязательнаго участія въ празднествахъ своего культа [2]). Въ Римѣ необходимо было присутствовать при священномъ обрядѣ очищенія (lustratio), чтобы сохранить за собою права гражданина [3]). Лицо, не принимавшее въ немъ участія, т.-е. не присутствовавшее при общей молитвѣ и жертвоприношеніи, не считалось гражданиномъ вплоть до слѣдующаго очищенія.

Если бы кто-либо захотѣлъ охарактеризовать гражданина античныхъ временъ по его наиболѣе существенному отличію, то онъ долженъ былъ бы выразиться, что это—человѣкъ, который одной религіи съ гражданской общиной и чтитъ общихъ съ нею боговъ [4]). За него ежедневно [5]) архонтъ или пританъ приноситъ жертву, и онъ вправѣ приближаться къ алтарямъ, можетъ проникать въ священную ограду, гдѣ происходятъ народныя собранія; онъ присутствуетъ при празднествахъ, сопровождаетъ религіозныя процессіи и присоединяется къ священнымъ гимнамъ; онъ возсѣдаетъ на священныхъ пирахъ и получаетъ свою часть отъ жертвенныхъ животныхъ. Кромѣ того этотъ человѣкъ въ тотъ день, когда его заносили въ списокъ гражданъ, поклялся, что онъ будетъ соблюдать культъ боговъ

---

[1]) Аристотель, *Политика*, II, 6, 21. (II, 7).

[2]) Бёкъ, *Corp. inscr.*, № 3641 *b*, т. II, стр. 1131. Также и въ Аѳинахъ: человѣкъ, назначенный участвовать въ общественныхъ столахъ и не исполнившій этой обязанности, подвергался суду и наказанію; смотри законъ, цитированный Атенеемъ, VI, 26.

[3]) Діонисій, IV, 15; V, 75. Цицеронъ, *Pro Coecina*, 34. Веллей, II, 15. Допускалось исключеніе только для воиновъ въ походѣ; но имена ихъ заносились въ списокъ и они считались какъ бы присутствующими.

[4]) Οὓς ἡ πόλις νομίζει θεοὺς νομίζων (Ксенофонтъ, *Мемор.*, I, 1).

[5]) Относительно жертвоприношеній, совершавшихся ежедневно пританами отъ лица города, см. у Антифона, *super choreuta*, 45.

гражданской общины и бороться [1]) въ защиту ихъ. Обратите вниманіе на термины языка: быть допущеннымъ въ число гражданъ выражается по гречески словами: μετεῖναι τῶν ἱερῶν, принимать участіе въ священныхъ обрядахъ [2]).

Чужеземецъ, напротивъ, не имѣетъ доступа къ культу; ему не покровительствуютъ боги гражданской общины, и онъ не имѣтъ права къ нимъ обращаться. Эти національные боги благоволятъ принимать мольбы и приношенія только отъ гражданина; они отвергаютъ чужеземца; входъ въ храмы ему воспрещенъ, и его присутствіе при церемоніяхъ является святотатствомъ. Свидѣтельствомъ подобнаго древняго чувства отчужденія остался для насъ одинъ изъ существенныхъ обрядовъ римскаго культа; верховный жрецъ, совершая богослуженіе на открытомъ воздухѣ, долженъ былъ имѣть голову покрытою, „потому что передъ священнымъ огнемъ, среди религіознаго моленія національнымъ богамъ, лицо чужеземца не должно попадаться на глаза жреца; въ противномъ случаѣ ауспиціи потеряли бы свое значеніе" [3]). Священный предметъ, какъ только попадалъ случайно въ руки чужеземца, становился тотчасъ оскверненнымъ; онъ могъ вернуть свои священныя свойства только послѣ очистительной церемоніи [4]). Если врагъ завладѣвалъ городомъ, и граждане опять его возвращали себѣ, прежде всего слѣдовало очистить храмы, погасить и снова возжечь всѣ очаги,—они были осквернены прикосновеніемъ чужеземца [5]).

Такимъ образомъ религія устанавливала глубокое и неизгладимое [6]) различіе между гражданиномъ и чужеземцемъ. Эта же религія, пока была могущественна надъ душами людей, возбраняла даровать чужеземцу право гражданства. Во времена Геродота Спарта не предоставляла его никому, за исключеніемъ прорицателя; сверхъ того для этого требовалось и положительное повелѣніе оракула [7]). Аѳины иногда давали это право, но съ какими предосторожностями! Прежде

1) Καὶ τὰ ἱερὰ τὰ πάτρια τιμήσω ... ἀμυνῶ δὲ ὑπὲρ ἱερῶν. Полная формула этой клятвы у Поллукса, VIII, 105—106.

2) Демосѳенъ, *in Neoeram*, 104. *Ibidem*, 113: τελετῶν καὶ ἱερῶν καὶ τιμῶν μετέχειν. Исократъ, Panegyr., 43, и Страбонъ, IX, 3, 5.

3) Вергилій, *Эн.*, III, 406. Фестъ, сл. *Exesto: Lictor in quibusdam sacris clamitabat, hostis exesto.* Извѣстно, что *hostis* означало чужеземца, посторонняго (Макробій, I, 17; Варронъ, *De ling. lat.*, V, 3. Плавтъ, *Trinumus*, 1, 2, 65); *hostilis facies*, у Вергилія, значитъ лицо посторонняго, чужеземца.

4) *Дигестъ*, кн. XI, гл. 6, 36.

5) Примѣръ подобнаго правила относительно Греціи можно видѣть у Плутарха, *Аристидъ*, 20, и относительно Рима, у Тита Ливія, V, 50.

6) Впослѣдствіи эти правила древнихъ временъ значительно смягчились; чужестранцы получили право входить въ храмы гражданской общины и дѣлать приношенія. Но все еще оставались такія празднества и жертвоприношенія, на которыя все время чужестранецъ не имѣлъ доступа; см. Бёкъ, *Corp. inscri.*, № 101: Πειραιεῦσι νόμιμόν ἐστιν εἰσίεναι ἄλλῳ δὲ μή.

7) Геродотъ, IX, 33—35. Аристотель говоритъ, что древніе цари Спарты охотно давали право гражданства (*Полит.*, II, 9, 12).

всего было необходимо, чтобы собравшійся народъ согласился на принятіе чужеземца; но это еще ничего не значило: надо было, чтобы спустя девять дней второе собраніе постановило то же самое рѣшеніе при тайномъ голосованіи и чтобы получилось не менѣе шести тысячъ благопріятныхъ голосовъ: число громадное, если сообразить, что крайне рѣдко аѳинское народное собраніе состояло изъ такого множества гражданъ. Наконецъ всякій изъ аѳинянъ могъ противопоставить свое veto, выступить передъ судомъ противъ постановленія, какъ несогласнаго съ древними законами, и добиться отмѣны его. Не было ни одного общественнаго акта, обставленнаго законодателемъ большими трудностями и предосторожностями, какъ тотъ, который давалъ чужеземцу право гражданина; было гораздо меньше формальностей при объявленіи войны или при изданіи новаго закона. Отчего же выставлялось столько препятствій чужеземцу, желавшему стать гражданиномъ? Конечно, не изъ боязни, что его голосъ нарушитъ равновѣсіе въ народныхъ собраніяхъ. Демосѳенъ выясняетъ намъ истинный мотивъ и дѣйствительную мысль аѳинянъ относительно этого: „Важнѣе всего заботиться о богахъ и блюсти жертвоприношенія въ ихъ чистотѣ". Не допускать чужеземца это значило „радѣть о священныхъ обрядахъ". Допустить чужеземца въ среду гражданъ значило позволить ему участвовать въ религіозныхъ церемоніяхъ и жертвоприношеніяхъ [1]). Для подобнаго рѣшенія народъ чувствовалъ себя недостачно властнымъ и тревожился религіозными опасеніями, потому что онъ зналъ, что національные боги гнушались поклоненіемъ чужеземцевъ и что жертвоприношенія могутъ быть осквернены присутствіемъ вновь допущеннаго. Дарованіе чужеземцу права гражданства было истиннымъ нарушеніемъ основныхъ началъ національнаго культа; оттого то вначалѣ гражданская община относилась къ нему такъ осмотрительно. Къ тому же надо еще замѣтить, что человѣкъ, съ такимъ трудомъ принятый въ число гражданъ, не могъ быть ни архонтомъ, ни жрецомъ. Гражданская община разрѣшала ему участвовать въ своемъ культѣ, но руководить имъ—это было уже слишкомъ.

Нельзя было сдѣлаться аѳинскимъ гражданиномъ, будучи гражданиномъ другого города [2]). Было невозможно въ религіозномъ отношеніи быть одновременно членомъ двухъ гражданскихъ общинъ, какъ было невозможно считаться членомъ двухъ разныхъ семей. Нельзя было принадлежать къ двумъ религіямъ въ одно и то же время.

Участіе въ культѣ влекло за собою обладаніе правами. Если гражданинъ могъ присутствовать при совершеніи жертвоприношенія, которымъ начиналось народное собраніе, то онъ

1) Демосѳенъ, *in Neaeram*, 89, 91, 92, 113, 114.

2) Плутархъ, *Солонъ*, 24. Цицеронъ, *Pro Caecina*, 34.

могъ также и подавать на немъ свой голосъ. Если онъ могъ совершать жертвоприношенія отъ лица гражданской общины, онъ могъ сдѣлаться пританомъ и архонтомъ. А какъ участникъ въ религіи гражданской общины, онъ могъ обращаться къ ея закону и выполнять всѣ обряды при судебномъ процессѣ.

Чужеземецъ, наоборотъ, не принадлежавшій къ той же религіи, не обладалъ никакими правами. Если онъ переступалъ священный кругъ, начерченный жрецомъ для народнаго собранія, онъ наказывался смертью. Для него не существовали законы гражданской общины. Если онъ совершалъ какой-либо проступокъ, съ нимъ поступали какъ съ рабомъ, и наказывали безъ всякаго суда, такъ какъ гражданская община не обязана была оказывать ему правосудіе [1]). Когда же настала необходимость даровать и чужеземцамъ правосудіе, пришлось учредить особый трибуналъ. Въ Римѣ былъ особый преторъ для суда надъ чужеземцами *(praetor peregrinus)*. Въ Аѳинахъ судьею чужеземцевъ былъ полемархъ, т. е. тотъ самый магистратъ, на обязанности котораго лежало веденіе войны и переговоровъ съ непріятелемъ [2]).

Ни въ Римѣ, ни въ Аѳинахъ чужеземецъ не могъ быть собственникомъ [3]). Онъ не могъ вступать въ бракъ; по крайней мѣрѣ его бракъ не признавался законнымъ; дѣти, рожденныя отъ союза гражданина съ чужестранкой, считались побочными [4]). Онъ не могъ вступать ни въ какой договоръ съ гражданиномъ; по крайней мѣрѣ законъ не признавалъ никакой силы за подобнымъ договоромъ. Вначалѣ онъ не имѣлъ права торговать [5]). Римскій законъ запрещалъ ему наслѣдовать гражданину и даже гражданину — наслѣдовать ему [6]). Строгость этого принципа доходила до того, что если чужеземецъ получалъ право римскаго гражданства, а сынъ, рожденный до этого времени, не получилъ, то послѣдній становился по отношенію къ отцу чужимъ и не могъ наслѣдовать ему [7]). Различіе между гражданиномъ и чужеземцемъ было сильнѣе, чѣмъ естественная связь между сыномъ и отцомъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что нарочно заботились объ установленіи цѣлаго ряда стѣсненій противъ чужеземцевъ, но этого вовсе не было. Въ Аѳинахъ и въ Римѣ они встрѣчали напротивъ радушный пріемъ и покровитель-

1) Аристотель, *Политика*, III, 1, 3. Платонъ, *Законы*, VI.
2) Демосѳенъ, *in Neaeram*, 49. Лизій, *in Pancleonem*, 2, 5, 13. Поллуксъ, VIII, 91. Гарпократіонъ, сл. πολέμαρχος.
3) Ксенофонтъ, *De vectigal.*, II, 6.
4) Демосѳенъ, *in Neaeram*, 16. Аристофанъ, *Птицы*, 1652. Аристотель, *Полит.*, III, 3, 5. Плутархъ, *Периклъ*, 37. Поллуксъ, III, 21. Атеней, XIII, 38. Титъ Ливій, XXXVIII, 36 и 43. Гай, I, 67. Ульпіанъ, V, 4—9. Павелъ, II, 9.
5) Ульпіанъ, XIX, 4. Демосѳенъ, *Pro Phorm.*, 6; *in Euhulidem*, 31.
6) Цицеронъ, *pro Archia*, 5. Гай, II, 110.
7) Павзаній, VIII, 43.

ство въ торговыхъ и политическихъ видахъ. Но ни расположеніе, ни выгода не могли уничтожить силы древнихъ законовъ, установленныхъ религіей. Эта религія не позволяла чужеземцу быть земельнымъ собственникомъ, потому что онъ не могъ имѣть доли въ священной землѣ гражданской общины. Она не позволяла ни чужеземцу наслѣдовать гражданину, ни наоборотъ, потому что всякая передача имущества влекла за собою передачу культа, а гражданину было такъ же невозможно выполнять культъ чужеземца, какъ и чужеземцу культъ гражданина.

Можно было принимать чужеземца, заботиться о немъ, даже почитать его, если онъ былъ богатъ и уважаемъ, но нельзя было допускать его къ участію въ религіи и въ правѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ рабомъ обращались лучше, чѣмъ съ нимъ, такъ какъ рабъ, въ качествѣ члена какой-либо семьи, къ культу которой онъ принадлежалъ, былъ связанъ съ гражданскою общиною черезъ своего господина, и боги покровительствовали ему. Такъ римская религія утверждала, что могила раба священна, а могила чужеземца нѣтъ [1]).

Для того, чтобы чужеземецъ могъ значить что-либо въ глазахъ закона, чтобы могъ производить торговлю, совершать договоры, пользоваться въ безопасности своимъ достояніемъ, чтобы правосудіе гражданской общины могло дѣйствительно защищать его, ему надо было сдѣлаться кліэнтомъ одного изъ гражданъ. Въ Римѣ и въ Аѳинахъ требовалось, чтобы всякій чужеземецъ выбиралъ себѣ патрона [2]). Дѣлаясь кліэнтомъ и подпадая подъ зависимость гражданина, онъ вступалъ черезъ него въ связь съ гражданской общиной. Онъ пользовался тогда нѣкоторыми преимуществами гражданскаго права, пріобрѣталъ себѣ покровительство законовъ.

Древнія гражданскія общины наказывали за большинство совершенныхъ противъ нихъ преступленій лишеніемъ виновнаго правъ гражданина. Это наказаніе называлось ἀτιμία [3]). Человѣкъ, подвергшійся этому наказанію, не могъ занимать никакой общественной должности, ни участвовать въ судахъ, ни говорить въ народныхъ собраніяхъ. Въ то же время онъ былъ устраненъ отъ участія въ религіи. Приговоръ гласилъ: „Онъ не долженъ входить ни въ одно изъ святилищъ граж-

1) *Дигестъ*, кн. XI, гл. 7, 2; кн. XLVII, гл. 12, 4.
2) Гарпократіонъ, προστάτης. Поллуксъ, III, 56. Ликургъ, *in Leocratem*, 21. Аристотель. *Политика*, III, 1, 3.
3) Объ ἀτιμία въ Аѳинахъ см. у Эсхина, *in Timarchum*, 21; у Андокида, *de Mysteriis*, 73—80; у Плутарха, *Фокіонъ*, 26, 33, 34, 37. — Объ ἀτιμία въ Спартѣ—у Геродота, VII, 231; у Ѳукидида, V, 34; у Плутарха, *Агезилай*, 30.— То же наказаніе было и въ Римѣ; оно обозначалось словами *infamia* или *tribu movere;* Титъ Ливій, VII, 2; XXIV, 18; XXIX, 37; XLII, 10; XLV, 15; Цицеронъ, *Pro Cluentio*, 43; *de Oratore*, II, 67; Валерій-Максимъ, II, 9, 6; Асконій, изд. Орелли, стр. 103; *Дигестъ*, кн. III, гл. 2. Діонисій, XI, 63, переводитъ *infames* черезъ ἄτιμοι и Діонъ Кассій, XXXVIII, 13, передаетъ выраженіе *tribu movere* чрезъ ἀτιμάζειν.

данской общины, не долженъ надѣвать вѣнокъ въ тотъ день, когда это дѣлаютъ всѣ граждане, и не смѣетъ переступить священную черту на площади, намѣченную очистительною водою и кровью жертвенныхъ животныхъ" [1]). Боги гражданской общины для него болѣе не существовали. Въ то же время онъ терялъ и всѣ гражданскія права и не выступалъ болѣе передъ судомъ даже въ качествѣ свидѣтеля; онъ не могъ даже принести жалобу; „его можно было ударить безнаказанно" [2]); ему не покровительствовали болѣе законы гражданской общины; для него не существовало ни купли, ни продажи, ни какого-либо договора [3]). Онъ сталъ чужимъ въ родномъ городѣ и лишился сразу и религіи, и правъ политическихъ и гражданскихъ. Все это было совмѣстно съ званіемъ гражданина и все это терялось вмѣстѣ съ нимъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Любовь къ отечеству. Изгнаніе.

Слово отечество обозначало у древнихъ землю отцевъ, *terra patria*. Отечествомъ каждаго была та часть земли, которая освящена его семейною или національною религіею, земля, гдѣ покоился прахъ его предковъ и гдѣ жили ихъ души. Въ маломъ видѣ отечество заключалось въ небольшомъ огороженномъ пространствѣ земли, гдѣ помѣщались могилы и очагъ одного семейства. Въ большомъ же видѣ отечествомъ была гражданская община съ пританеемъ и героями, съ священной оградою въ предѣлахъ, указанныхъ религіей. „Священная земля отечества", говорили греки. И это было не пустое слово. Земля эта была дѣйствительно священна для человѣка, ибо здѣсь жили его боги. Государство, гражданство и отечество: эти слова не были отвлеченнымъ понятіемъ, какъ у новыхъ народовъ, но они представляли дѣйствительно собраніе мѣстныхъ божествъ съ ежедневнымъ служеніемъ и вѣрованіями, всесильными надъ душою.

Вотъ гдѣ кроется объясненіе патріотизма древнихъ, властнаго чувства, которое считалось у нихъ наивысшей добродѣтелью и которое поглощало въ себѣ всѣ прочія добродѣтели. Все, что человѣкъ имѣлъ самаго дорогаго, тѣсно сливалось для него съ отечествомъ. Въ немъ онъ находилъ свое благосостояніе, свою безопасность, свою правоспособность, свою вѣру и своихъ боговъ. Лишаясь отечества, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишался всего. Было почти невозможно, чтобы частный

1) Эсхинъ, *in Timarchum*.—Лизій, *in Andocidem*, 24.

2) Плутархъ, *Агезилай*, 30: παίει ὁ βουλόμενος αὐτούς.—Лизій, *in And.*, 24.— Демосѳенъ, *in Midiam*, 92.

3) Въ Спартѣ онъ не могъ ни покупать, ни продавать, ни заключить законнаго брака, ни выдать дочь замужъ за гражданина. Ѳукидидъ, V, 34; Плутархъ, *Агезилай*, 30.

интересъ расходился съ общественнымъ. Платонъ говоритъ: „Отечество насъ порождаетъ, вскармливаетъ и воспитываетъ". И Софоклъ также восклицаетъ: „Отечество насъ охраняетъ".

Такое отечество въ глазахъ человѣка не есть только мѣсто его пребыванія. Внѣ этихъ священныхъ стѣнъ и за предѣлами своей родной земли онъ болѣе не найдетъ для себя ни другой религіи, никакого другого общественнаго союза. Нигдѣ кромѣ своего отечества онъ не принимаетъ никакого участія ни въ обыденной, ни въ правовой жизни, повсюду онъ лишенъ боговъ и устраненъ отъ условій нравственной жизни. Только въ своемъ отечествѣ онъ обладаетъ достоинствомъ человѣка и имѣетъ свои обязанности. Только тамъ онъ можетъ назваться человѣкомъ.

Отечество привязываетъ къ себѣ человѣка священными узами. Его слѣдуетъ любить такъ же, какъ любятъ религію, повиноваться ему, какъ повинуются Богу. „Надо всецѣло отдаться ему, положить въ него всю душу, посвятить ему все". Слѣдуетъ любить его и въ славѣ и въ униженіи, въ счастіи и въ несчастіи, любить его въ его благодѣяніяхъ, а также и въ его тягостяхъ. Сократъ, несправедливо осужденный отечествомъ на смерть, не менѣе горячо любитъ его. Его должно любить, какъ Авраамъ любилъ своего Бога, до готовности принести ему въ жертву своего сына. Особенно надо умѣть умереть за отечество. Грекъ или римлянинъ никогда не пожертвуетъ своею жизнью изъ преданности къ одному человѣку, или изъ чувства чести, но для отечества онъ готовъ пожертвовать жизнью. Ибо нападая на его отечество, нападаютъ и на его религію. И онъ дѣйствительно борется за свои алтари, за свои очаги, *pro aris et focis* [1]), такъ какъ, если врагъ овладѣетъ его городомъ, его алтари будутъ ниспровергнуты, его очаги потушены, могилы осквернены, боги истреблены, культъ уничтоженъ. Любовь къ отечеству—вотъ благочестіе древнихъ.

Обладаніе отечествомъ, очевидно, цѣнилось высоко; древніе не могли представить себѣ болѣе жестокой кары, какъ лишить человѣка отечества. Обычнымъ наказаніемъ за выдающіяся преступленія служило изгнаніе.

Изгнаніе не только было запрещеніемъ оставаться въ городѣ или удаленіемъ съ родной земли, но оно было вмѣстѣ съ тѣмъ отлученіемъ отъ культа; оно заключало въ себѣ то, что современные народы называютъ отлученіемъ отъ церкви. Изгнать человѣка—это значило, согласно обычному выраженію римлянъ, воспретить ему пользованіе огнемъ и водою [2]). Подъ этимъ огнемъ надо понимать огонь жертвоприношеній, подъ водою — очистительную воду [3]). Такимъ образомъ из-

1) Отсюда формула (клятвы), которую произносилъ молодой аѳинянинъ: ἀμυνῶ ὑπὲρ τῶν ἱερῶν. Поллуксъ, VIII, 105. Ликургъ, *in Leocratem*, 78.

2) Цицеронъ, *Pro domo*, 18. Титъ-Ливій, XXV, 4. Ульпіанъ, X, 3.

3) Testus, изд. Мюллеръ, стр. 2.

гнаніе ставило человѣка внѣ религіи. Въ Спартѣ человѣку, лишенному гражданскихъ правъ, было запрещено пользоваться огнемъ [1]). Аѳинскій поэтъ влагаетъ въ уста одного изъ своихъ героевъ грозныя слова, бичующія изгнанника: „Пусть онъ бѣжитъ,—гласилъ приговоръ,—и пусть никогда не приближается къ храмамъ. Пусть ни одинъ изъ гражданъ не заговоритъ съ нимъ и не приметъ его къ себѣ; пусть никто не допуститъ его къ служенію богамъ и къ жертвоприношеніямъ; пусть наконецъ никто не даетъ ему очистительной воды“ [2]). Каждый домъ осквернялся его присутствіемъ. Человѣкъ, принявшій его къ себѣ, становился нечистымъ отъ его прикосновенія, и „тотъ, кто будетъ ѣсть или пить съ нимъ,—гласитъ законъ,—или дотронется до него, долженъ будетъ очиститься“ [3]). Подъ гнетомъ этого отлученія изгнанникъ не могъ принимать участія ни въ одной религіозной церемоніи, онъ не имѣлъ болѣе культа, не могъ присутствовать на священныхъ пиршествахъ и при моленіяхъ; онъ былъ лишенъ участія въ религіи.

Надо однако помнить, что, по мнѣнію древнихъ, богъ не былъ вездѣсущъ. Если они и имѣли смутное представленіе о божествѣ всей вселенной, то не его считали они своимъ провидѣніемъ и не къ нему обращались съ молитвою. Богами каждаго человѣка были тѣ, что жили въ его домѣ, въ его родѣ, въ его городѣ. Изгнанникъ, покидая свое отечество, покидалъ также своихъ боговъ, нигдѣ уже не находилъ онъ религіи, способной его утѣшить и взять подъ защиту; онъ болѣе не чувствовалъ надъ собою заботящагося о немъ провидѣнія; онъ лишался счастія молиться. Все, что могло удовлетворить его душевныя потребности, было удалено отъ него.

Сверхъ того религія была источникомъ, откуда вытекали гражданскія и политическія права. Изгнанникъ лишался всего, теряя религію отечества. Исключенный изъ культа гражданской общины, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ себя отторгнутымъ отъ своего домашняго культа и долженъ былъ потушить свой очагъ [4]). Право собственности теперь для него не существовало; его земля и все его достояніе отбиралось въ пользу боговъ или государства [5]). Не имѣя культа, онъ лишался семьи и переставалъ быть супругомъ и отцомъ. Сыновья не находились болѣе подъ его властью [6]); жена его

1) Геродотъ, VII, 231.

2) Софоклъ (Царь Эдипъ, 229—250).—То же самое заключала въ себѣ ἀτιμία, которое было, какъ бы внутреннее изгнаніе.

3) Платонъ, *Законы*, IX, стр. 881.

4) Овидій, *Tristes*, I, 3, 4: *exstinctos focos*.

5) Титъ Ливій, III, 58; XXV, 4. Діонисій, XI, 46. Демосѳенъ, *in Midiam*, 43. Ѳукидидъ, V, 60. Плутархъ, *Ѳемистоклъ*, 25. Поллуксъ, VIII, 99.—Платонъ, *Законы*, IX, стр. 877. Не надо смѣшивать остракизма съ изгнаніемъ,—первый не влекъ за собою конфискаціи.

6) *Институціи* Юстиніана, I, 12, 1. Гай, I, 128: *Cui aqua et igni interdicitur, proinde ac mortuo eo liberi desinunt in potestate esse*. Изгнанный выходилъ изъ власти отца (Гай, *ibidem*). Узы семьи распадались, а вмѣстѣ исчезали и права на наслѣдство.

переставала быть для него женою и могла немедленно выбрать себѣ другого мужа [1]). Вспомните Регула, попавшаго въ руки непріятелей; римскій законъ уподобляетъ его изгнаннику; когда сенатъ спрашиваетъ его мнѣніе, онъ отказывается высказать его, такъ какъ изгнанникъ уже не можетъ быть сенаторомъ; когда жена и дѣти бѣгутъ за нимъ, онъ отталкиваетъ ихъ объятія, ибо для изгнанника не существуетъ ни дѣтей, ни жены:

Fertur pudicae conjugis osculum
Parvosque natos, *ut capitis minor*,
A se removisse [2]).

Такимъ образомъ изгнанникъ лишался, на-ряду съ религіей и правами гражданской общины, семейной религіи и семейныхъ правъ; у него не было ни очага, ни жены, ни дѣтей. Послѣ смерти онъ не могъ быть погребенъ ни на землѣ гражданской общины, ни въ усыпальницѣ своихъ предковъ [3]); онъ дѣлался какъ бы чужеземцемъ.

Не удивительно теперь, что древнія республики почти всегда допускали виновнаго избѣгать смерти посредствомъ бѣгства. Изгнаніе считалось наказаніемъ не менѣе тяжкимъ, чѣмъ смерть [4]), и римскіе правовѣды называли его самымъ тяжкимъ наказаніемъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

О муниципальномъ духѣ.

Все, что мы до сихъ поръ видѣли изъ древнихъ учрежденій и въ особенности изъ древнихъ вѣрованій, могло дать намъ представленіе о глубокомъ различіи, всегда существовавшемъ между двумя гражданскими общинами. Несмотря на самое близкое сосѣдство, они всегда составляли два общества, совершенно разобщенныя другъ отъ друга. Между ними было нѣчто большее, чѣмъ одно разстояніе, лежащее нынѣ между двумя городами, нѣчто большее, чѣмъ граница, раздѣляющая два государства; у нихъ были разные боги, церемоніи и моленія. Культъ одной гражданской общины

1) Смотри у Діонисія, VIII, 41, прощаніе Коріолана съ женою: „У тебя нѣтъ больше мужа; быть можетъ ты найдешь другого, болѣе счастливаго, чѣмъ я!“ Онъ прибавляетъ, что у его дѣтей нѣтъ больше отца. Это — не пустыя слова, а точное выраженіе древняго права.

2) Горацій, *Оды*, III, 5. — Слова: *capitis minor*—объясняются выраженіемъ *capitis deminutio* римскаго права, что было слѣдствіемъ изгнанія. — Гай, I, 129: *Si ab hostibus captus fuerit parens, pendet jus liberorum*.—Цицеронъ, *De officiis*, III, 27.

3) Ѳукидидъ, I, 138.

4) Эта же мысль выражена Эврипидомъ, *Электра*, 1315; *Финик.*, 388, и Платономъ, *Критонъ*, стр. 52.

былъ недоступенъ человѣку сосѣдней общины. Существовало вѣрованіе, что боги города отвергаютъ приношенія и моленія всякаго, кто не изъ ихъ согражданъ.

Правда, эти старинныя вѣрованія постепенно принимали другой видъ и смягчались; но они были въ полной силѣ въ то время, когда образовались общества, и послѣднія навсегда сохраняли ихъ отпечатокъ. Само собою понятны двѣ вещи: во-первыхъ, что религія, свойственная каждому городу, должна была придавать гражданской общинѣ чрезвычайно сильный и непоколебимый характеръ; въ самомъ дѣлѣ, удивительно, какъ долго существовала эта общественная организація, несмотря на свои недостатки и на всю вѣроятность распаденія; во-вторыхъ, что эта религія должна была въ теченіе долгихъ вѣковъ сдѣлать невозможнымъ возникновеніе другаго общественнаго строя, кромѣ гражданской общины.

Всякая гражданская община, по требованію самой религіи, должна быть вполнѣ независима. Каждая имѣла непремѣнно свой особенный кодексъ, вслѣдствіе того, что она имѣла свою особую религію, изъ которой вытекалъ законъ, каждая должна имѣть свое высшее судилище, и не могло быть суда выше суда гражданской общины. Во всякой общинѣ были свои религіозныя празднества и свой календарь; мѣсяцы и годъ не могли быть одинаковы въ двухъ городахъ, вслѣдствіе того что порядокъ религіозныхъ празднествъ былъ различенъ. Каждая имѣла свои особенные денежные знаки, которые вначалѣ обыкновенно обозначались ея религіозной эмблемой; у каждой были свой вѣсъ и своя мѣра. Не допускалось имѣть ничего общаго между двумя общинами. Разграниченіе было такъ глубоко, что съ трудомъ додумались до позволительности брачныхъ союзовъ между членами двухъ различныхъ городовъ. Такой союзъ казался всегда страннымъ и долгое время считался незаконнымъ. Римское и аѳинское законодательства повидимому неохотно допускали его. Почти повсюду дѣти, рождавшіяся отъ такого брака, считались въ числѣ незаконныхъ и лишались правъ гражданства [1]). Чтобы брачный союзъ между жителями двухъ городовъ считался законнымъ, необходимо требовался особенный договоръ между этими городами (*jus connubii*, ἐπιγαμία) [2]).

Каждая гражданская община имѣла кругомъ своей земли межу, указывавшую ея священные предѣлы. То было граница ея національной религіи и ея боговъ. За этими предѣлами царили другіе боги, и соблюдался другой культъ [3]).

---

[1]) Поллуксъ, III, 21. Демосѳенъ, *in Neoeram*, 16. Плутархъ, *Периклъ*, 37

[2]) Лизій, *De antiqua reip. forma*, 3. Демосѳенъ, *Pro corona*, 91. Исократъ, *Plataic.*, 51.—Гай, I, 67. Ульпіанъ, V, Титъ Ливій, XLIII, 3; XXXVIII, 36.

[3]) Плутархъ, *Тезей*, 25. Платонъ, *Законы*, VIII, стр. 842. Павзаній, *passim* Поллуксъ, I, 10. Бёкъ, Corp. inscript., т. II, стр. 571 и 837. — Священная граница *Agri romani* существовала еще во времена Страбона и на каждомъ изъ камней, расположенныхъ на ней, ежегодно совершались жрецомъ жертвоприношенія (Страбонъ, V, 3, 2).

Самою выдающеюся чертою исторій Греціи и Италіи до римскаго завоеванія является раздробленіе, доводимое до крайнихъ предѣловъ, и духъ обособленности каждой общины. Греціи никогда не удалось образовать одно государство; ни латинскіе города, ни этрусскіе, ни родовые союзы самнитовъ никогда не могли образовать одного цѣлаго. Причину неискоренимой раздробленности грековъ полагали въ природѣ ихъ страны и говорили, что горы, которыя тамъ сходятся, ставили между жителями естественные рубежи. Но между Ѳивами и Платеей, между Аргосомъ и Спартою, между Сибарисомъ и Кротоной — не было горъ; ихъ не было также ни между городами Лаціума, ни между 12-ю общинами Этруріи. Физическая природа имѣетъ, безъ всякаго сомнѣнія, нѣкоторое дѣйствіе на исторію народовъ, но вѣрованія человѣка гораздо болѣе могущественны. Между двумя сосѣдними общинами было нѣчто болѣе непроходимое, чѣмъ горы: священныя границы, различіе культовъ—вотъ преграда, которую каждая община воздвигала между чужеземцемъ и своими богами. Она запрещала чужеземцу входить въ храмы ея боговъ; она требовала отъ своихъ городскихъ божествъ ненависти къ чужеземцу и готовности вступить съ нимъ въ борьбу за общину [1]).

Вотъ причина того, что древніе не могли ни установить, ни даже вообразить себѣ какую-либо иную соціальную организацію, кромѣ гражданской общины. Ни греки, ни италійцы, ни сами римляне очень долго не приходили къ мысли, что можно многимъ городамъ соединиться и жить на равныхъ правахъ подъ однимъ и тѣмъ же правленіемъ. Между двумя гражданскими общинами могъ, правда, существовать союзъ, кратковременное соглашеніе для достиженія какой-либо выгоды или для устраненія опасности, но полнаго союза не было никогда. Религія дѣлала изъ каждаго города нѣчто цѣлое и мѣшала ему тѣсно слиться съ другимъ. Обособленность гражданской общины была главнымъ ея закономъ.

Съ тѣми вѣрованіями и религіозными обычаями, какіе мы видѣли выше, какимъ путемъ могли бы многіе города слиться между собою въ одно единое государство? Допускалась и казалась законною только та человѣческая ассоціація, которая основывалась на религіи. Символомъ такой ассоціаціи было священное пиршество, устроенное для всѣхъ. Нѣсколько тысячъ гражданъ могли еще, на самомъ дѣлѣ, собраться вокругъ одного пританея, прочитать общую молитву и подѣлить между собою священную пищу. Но попытайтесь при этихъ обычаяхъ образовать одно единое государство изъ всей Греціи! Какъ устроить общественный столъ и всѣ тѣ священныя церемоніи, при которыхъ необходимо присутствіе

---

[1]) Достаточно ясно, что мы говоримъ здѣсь только о древней порѣ гражданской общины. Съ теченіемъ времени чувства эти значительно ослабли.

всѣхъ гражданъ? Гдѣ будетъ пританей? Какъ совершать годичное очищеніе гражданъ? Что станется съ неприкосновенными границами, обозначавшими вначалѣ предѣлы земли гражданской общины и отдѣлившими ее навсегда отъ остальной земли? Что случится со всѣми мѣстными культами, съ городскими божествами, съ героями? Въ землѣ Аѳинъ погребенъ герой Эдипъ, враждебный Ѳивамъ: какъ же соединить Аѳины и Ѳивы въ одномъ культѣ и подъ однимъ правленіемъ?

Когда эти вѣрованія ослабѣли (а ослабѣли они въ умѣ народа очень поздно), было уже не время приступать къ новой государственной организаціи. Рознь была освящена привычкою, интересомъ, застарѣлою злобою, воспоминаніемъ о прежней борьбѣ. Къ прошлому не было возврата.

Каждый городъ крѣпко держался за свою *автономію*; такъ называлъ онъ то совокупное цѣлое, куда входили его культъ, его право, его правленіе, его полная религіозная и политическая независимость.

Много легче было для одной гражданской общины подчинить себѣ другую, чѣмъ присоединить ее къ себѣ. Побѣдою можно было обратить всѣхъ гражданъ завоеваннаго города въ рабовъ, но нельзя было сдѣлать изъ нихъ согражданъ побѣдителя. Соединить двѣ гражданскія общины въ одно единое государство, сблизить побѣжденный народъ съ народомъ побѣдителемъ, объединить ихъ подъ однимъ правленіемъ—вотъ событіе, котораго мы не находимъ у древнихъ, за однимъ единственнымъ исключеніемъ, о чемъ мы скажемъ впослѣдствіи. Если Спарта завоевываетъ Мессенію, то она дѣлаетъ это не затѣмъ, чтобы соединить спартанцевъ и мессенянъ въ одинъ народъ; она изгоняетъ или обращаетъ въ рабство всѣхъ побѣжденныхъ и завладѣваетъ ихъ землями. Аѳины дѣлаютъ то же самое относительно Саламина, Эгины, Мелоса.

Мысль допустить побѣжденныхъ въ гражданскую общину побѣдителей—не могла никому притти въ голову. Гражданская община обладала богами, гимнами, праздниками, законами, составлявшими ея драгоцѣнное родовое наслѣдіе, и старательно остерегалась подѣлиться ими съ побѣжденными. Она даже не имѣла на то права: могли ли Аѳины допустить жителя Эгины войти въ храмъ мѣстной богини Аѳины? Могли ли дозволить ему чтить культомъ Тезея, принимать участіе въ священныхъ обѣдахъ, поддерживать, въ званіи притана, огонь общественнаго очага? Религія запрещала все это. Такимъ образомъ, побѣжденный народъ острова Эгины не могъ слиться въ одно общее государство съ народомъ Аѳинъ. У нихъ были разные боги, а потому они не могли имѣть общихъ законовъ и управленія.

Но, по крайней мѣрѣ, не могли ли Аѳины, оставивъ въ цѣлости завоеванный городъ, послать туда для управленія имъ своихъ магистратовъ? Допустить чужого человѣка, не гражданина, къ управленію гражданскою общиною было бы совершенно противно основнымъ началамъ гражданскаго строя у древнихъ. Въ самомъ дѣлѣ, магистратъ долженъ быть религіознымъ главою, и его главною обязанностью было совершать жертвоприношенія отъ лица гражданской общины. Чужеземецъ, не гражданинъ, не имѣвшій права приносить жертвы, не могъ, слѣдовательно, быть магистратомъ. Не исполняя никакой религіозной обязанности, онъ не имѣлъ въ глазахъ людей никакой законной власти. Спарта пыталась ставить въ чужихъ городахъ гармостовъ, но эти лица не были магистратами: они не судили и не появлялись на народныхъ собраніяхъ. За отсутствіемъ всякаго законнаго отношенія къ народонаселенію этихъ городовъ, они не могли долго удержаться.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что побѣдителю предоставлялось на выборъ одно изъ двухъ: или разрушить завоеванный городъ или оставить за нимъ его полную независимость. Между этими крайностями средины не было. Гражданская община или переставала существовать, или оставалась самодержавнымъ государствомъ. Такъ какъ она имѣла свой культъ, то она должна была имѣть и свое правительство. Лишаясь одного, она теряла и другое.

Эта безусловная независимость древней гражданской общины не могла прекратиться ранѣе того, когда совершенно забылись и исчезли тѣ вѣрованія, на какихъ она была основана. Послѣ того какъ измѣнились понятія, и древнія общества прошли черезъ рядъ переворотовъ, тогда только могла возникнуть мысль объ основаніи государства болѣе обширнаго и управляемаго иными законами. Но для этого требовалось, чтобы люди нашли иныя основанія и иную общественную связь, чѣмъ въ древности.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Взаимныя отношенія гражданскихъ общинъ; война; миръ; союзъ боговъ.

Религія, имѣвшая большое значеніе во внутренней жизни гражданскихъ общинъ, вступалась также властно и во всѣ взаимныя отношенія гражданскихъ общинъ между собою. Это можно видѣть изъ того, какъ люди древнихъ вѣковъ вели войну между собою, какъ они заключали миръ и какъ они составляли союзы.

Двѣ гражданскія общины — двѣ религіозныя ассоціаціи, у которыхъ разные боги. Когда онѣ вели войну между собою, то сражались не одни только люди, но въ борьбѣ принимали участіе и сами боги. Не надо думать, что то было простымъ поэтическимъ вымысломъ. У древнихъ было очень опредѣленное старинное вѣрованіе, въ силу котораго каждое войско, выступая въ походъ, брало съ собою своихъ боговъ. Было

всеобщее убѣжденіе, что боги сражаются въ битвѣ; воины защищали боговъ, а боги воиновъ. Сражаясь съ врагами, каждый былъ убѣжденъ, что онъ сражается также съ богами противной гражданской общины; то были чужіе боги и ихъ позволялось презирать, оскорблять и сражаться съ ними; ихъ можно было взять въ плѣнъ.

Война представляла странное зрѣлище. Вообразите себѣ два небольшія войска другъ противъ друга; у каждаго въ его срединѣ находятся его священныя статуи, его алтарь, его знамена со священными эмблемами [1]); у каждаго—свой оракулъ, обѣщавшій успѣхъ, свои гадатели и прорицатели, убѣдившіе его въ будущей побѣдѣ.

Передъ сраженіемъ каждый воинъ въ обоихъ войскахъ думаетъ и говоритъ какъ одинъ грекъ у Эврипида: „Боги, сражающіеся за насъ, сильнѣе тѣхъ, которые заодно съ нашими врагами“. Каждое войско призываетъ проклятіе на врага; формула этого проклятія сохранена для насъ Макробіемъ: „О боги! Распространите ужасъ, страхъ и зло между врагами. Пусть эти люди и всѣ живущіе въ ихъ поляхъ и городѣ будутъ лишены солнечнаго свѣта. Пусть ихъ городъ, поля и они сами будутъ обречены [2]) вамъ“. Въ слѣдъ за этимъ проклятіемъ съ обѣихъ сторонъ начинается битва съ тѣмъ дикимъ ожесточеніемъ, какое возникаетъ изъ мысли, что, сражаясь заодно съ своими богами, сражались противъ боговъ чужеродныхъ. Врагу нѣтъ пощады; война—безжалостна; борьбою руководитъ религія и возбуждаетъ бойцовъ. Тутъ не можетъ быть никакого высшаго правила, которое бы удержало отъ желанія убить; позволялось умерщвлять плѣнныхъ и добивать раненыхъ.

Даже и внѣ поля битвы относительно врага не существовало никакой обязанности. Для чужеземца не было права, ни справедливости; въ случаѣ же войны это выступало еще рѣзче. Относительно его нечего было разбирать справедливое отъ несправедливаго. Муцій Сцевола и всѣ римляне были убѣждены, что убить врага достойно похвалы. Консулъ Марцій публично хвастался, что обманулъ македонскаго царя. Павелъ Эмилій продалъ въ рабство сто тысячъ жителей Эпира, добровольно отдавшихся ему въ руки [3]).

Лакедемонянинъ Февидъ среди полнаго мира завладѣлъ акрополемъ въ Ѳивахъ. У Агезилая спросили, справедливъ ли такой поступокъ. „Смотрите только на то, есть ли въ немъ польза, сказалъ царь; всякое дѣло, полезное для отечества—, прекрасно и достойно похвалы“. Таково международное право у древнихъ. Другой спартанскій царь, Клеоменъ, говорилъ, что всякое зло, причиненное врагу, всегда справедливо въ глазахъ людей и боговъ [4]).

1) Ἐπὶ τὰς ἱερὰς ἐτάττοντο σημείας. Діонисій, X, 16.
2) Макробій, *Сатурналіи*, III, 9.
3) Титъ Ливій, XLII, 57; XLV, 34.
4) Плутархъ, *Агезилай*, 23; Плутархъ, *Жизнь Аристида*, 25.

Побѣдитель могъ пользоваться своей побѣдой какъ ему угодно; никакой законъ—ни божескій, ни человѣческій не сдерживалъ его мстительности или жадности. Въ тотъ день, когда Аѳины постановили истребить всѣхъ митиленцевъ безъ различія пола и возраста, они и не думали выступать изъ границъ своего права; когда же на слѣдуюцій день они отмѣнили свое постановленіе и ограничились осужденіемъ на смерть только тысячи гражданъ и конфискаціей всѣхъ земель,—они почли себя человѣколюбивыми и милосердными. Послѣ взятія Платеи всѣ мужчины были перебиты, а женщины проданы въ рабство, и никто не обвинилъ побѣдителей въ нарушеніи права [1]).

Война велась не съ одними воинами, а со всѣмъ населеніемъ, съ мужчинами, съ женщинами, съ дѣтьми и съ рабами. Война велась и не съ одними людьми: она велась съ полями и жатвами. Дома сожигались, деревья вырубались; жатва врага почти всегда присуждалась подземнымъ богамъ и слѣдовательно истреблялась огнемъ [2]). Стада избивались; истреблялись даже посѣвы, которые могли бы принести плодъ въ слѣдующемъ году. Война могла сразу уничтожить весь народъ и даже самое его названіе и обратить плодородную страну въ пустыню. Въ силу этого военнаго права Римъ расширилъ вокругъ себя пустыя области; изъ земли вольсковъ, гдѣ у нихъ было двадцать три города, онъ сдѣлалъ Понтійскія болота. Въ Лаціумѣ исчезли всѣ пятьдесятъ три города, въ Самніумѣ можно было долго спустя узнать мѣста, гдѣ прошло римское войско,—не по слѣдамъ отъ его лагерей, а по пустынѣ, царившей кругомъ [3]).

Если побѣдитель не избивалъ побѣжденныхъ, то онъ имѣлъ право уничтожить ихъ гражданскую общину, т.-е. порвать ихъ религіозную и политическую ассоціацію. Тогда прекращались культы и забывались боги [4]). Религія гражданской общины переставала существовать, а вмѣстѣ съ нею прекращалась и религія каждой семьи. Очаги потухали. Вмѣстѣ съ культомъ уничтожались и законы, гражданское право, семья, собственность,—все, что основывалось на религіи [5]).

1) Ѳукидидъ, III, 50; III, 68.
2) Титъ Ливій, VI, 31; VII, 22: *Cum agris magis quam cum hominibus urendo populandoque gesserunt bella.*
3) Титъ Ливій, II, 34; X, 15. Плиній, *Естеств. Ист.*, XXXV, 12.
4) Эврипидъ, *Троянки*, 25—28: νοσεῖ τὰ τῶν θεῶν οὐδὲ τιμᾶσθαι θέλει. Иногда побѣдитель уводилъ боговъ съ собою. Иногда, если онъ селился на завоеванной землѣ, онъ считалъ себя вправѣ продолжать культъ мѣстныхъ боговъ и героевъ. Титъ Ливій разсказываетъ, что римляне, овладѣвъ Ланувіумомъ, „возвратили ему его культы“,—доказательство того, что однимъ фактомъ завоеванія они уже отняли ихъ у него; они вернули имъ ихъ съ тѣмъ условіемъ, что имъ будетъ дано право входить въ храмъ Юноны Ланувіумской (Титъ Ливій, VIII, IV).
5) Побѣжденные теряли право собственности на свои земли. Ѳукидидъ, I, 98; III, 50; III, 58. Плутархъ, *Периклъ*, 11.—Сикулъ Флаккъ, *De cond. agror.*, въ *Gramatici*, изд. Лахмана, стр. 138: *Bellis gestis victores populi terras omnes*

побѣжденнаго, которому даровали жизнь, заставляли произносить слѣдующую формулу: „Я отдаю себя самого, свой городъ, землю и воды, на ней текущія, своихъ боговъ термовъ, свои храмы, всю свою движимость и все, что принадлежитъ богамъ, я отдаю во власть римскому народу“ [1]). Съ этого времени боги, храмы, дома, земли, люди—все принадлежало побѣдителю. Впослѣдствіи мы скажемъ, что происходило съ ними подъ владычествомъ Рима.

При заключеніи мирнаго договора требовалось религіозное дѣйствіе. Въ Иліадѣ мы видимъ „священныхъ вѣстниковъ, которые несутъ приношенія, назначенныя для клятвы богамъ, т.-е. жертвенныхъ животныхъ и вино; начальникъ войска, возложивъ руку на главу жертвъ, обращается къ богамъ съ мольбою и даетъ обѣты; затѣмъ онъ закалываетъ жертвы и совершаетъ возліяніе въ то время, какъ войско произноситъ такую формулу молитвы: О безсмертные боги! пусть первый, кто нарушитъ эту клятву, погибнетъ и умретъ подобно этой жертвѣ“ [2]). Подобные обряды совершались во все время греческой исторіи. Еще во времена Ѳукидида договоръ заключался жертвоприношеніемъ. Народные старѣйшины, возложивъ руку на закланную жертву [3]), произносятъ установленную формулу молитвы и заключаютъ договоръ передъ богами. Каждый народъ обращается къ своимъ отдѣльнымъ богамъ [4]) и произноситъ свою собственную формулу клятвы [5]).

Произнесеніемъ этой молитвы и клятвы установлялся договоръ между обѣими сторонами. Греки не говорили: подписать договоръ; они говорили: заклать клятвенную жертву, ὅρκια τέμνειν, или совершить возліяніе, σπένδεσθαι; если же историкъ захочетъ назвать имена тѣхъ, кто на современномъ языкѣ называются лицами, подписавшими договоръ, то онъ говоритъ: вотъ имена тѣхъ, кто совершали возліяніе [6]).

Вергилій, который такъ тщательно и подробно описывалъ нравы и обряды римлянъ, не намного удаляется отъ Гомера, показывая намъ способъ заключенія договора: „Между двумя

ex quibus victos ejecerunt publicavere. Сикулъ Флаккъ, стр. 136: *Ut vero Ro-*
mani omnium gentium potiti sunt. agros ex hoste captos in victorem populum
partiti sunt. Цицеронъ, *in Verrem*, II, III, 6; *De lege agraria*, I, 2; II, 15.
Аппій, *Гражданскія войны*, I, 7. Именно въ силу этого принципа *solum pro-*
vinciale принадлежала по праву римскому народу; Гай, II, 7: *In provincia-*
le solo dominium populi romani est.

1) Титъ Ливій, I, 38; VII, 31; XXVIII, 34. Полибій, XXXVI, 2. Формула сдачи встрѣчается у Плавта, *Amphitryon: Urbem, agrum, aras, focos seque uti dederent* (ст. 71); *deduntque se, divina humanaque omnia, urbem et liberos* (ст. 101).

2) *Иліада*, III, 245—301.

3) Κατὰ ἱερῶν τελείων. Ѳукидидъ, V, 47. Ксенофонтъ, *Анабазисъ*, II, 2, 9: σφάξαντες ταῦρον καὶ κάπρον καὶ κρίον, καὶ βάπτοντες ξίφος.

4) Ѳукидидъ, II, 71.

5) Idem, V, 47: ὀμνύντων τὸν ἐπιχώριον ὅρκον ἕκαστοι.

6) Idem, V, 19.

войсками ставится очагъ и воздвигается алтарь божества, общаго для нихъ. Жрецъ, одѣтый во все бѣлое, приводитъ жертву; оба военачальника совершаютъ возліяніе, призываютъ боговъ и произносятъ взаимныя обѣщанія; затѣмъ жертва закалывается и мясо ея возлагаютъ на жертвенный огонь“ [1]). Титъ Ливій говоритъ замѣчательно ясно и точно относительно этого пункта въ общественномъ правѣ Рима: „Договоръ не можетъ быть заключенъ безъ участія феціаловъ и безъ исполненія священныхъ обрядовъ; мирный договоръ—это не простая сдѣлка, *sponsio*, между людьми: онъ заключается произнесеніемъ молитвы, *precatio*, въ которой просится, чтобы народъ, пренебрегшій выраженными въ ней условіями, былъ пораженъ богами подобно жертвѣ, только что закланной жрецомъ-феціаломъ“ [2]).

Одна религіозная церемонія придавала международнымъ соглашеніямъ ненарушимый священный характеръ. Всѣмъ извѣстно позорное событіе въ Кавдинскомъ ущельѣ. Цѣлое войско чрезъ посредство своихъ консуловъ, квесторовъ, трибуновъ и центуріоновъ заключило договоръ съ самнитами. Но при этомъ не было ни принесено жертвъ, ни прочтено молитвы. Сенатъ счелъ себя вправѣ сказать, что договоръ не имѣетъ никакого значенія. При уничтоженіи этого договора никому не могло притти на мысль, что тѣмъ самымъ совершалось незаконное дѣло.

У древнихъ было постоянное убѣжденіе, что обязанности каждаго человѣка дѣйствительны только по отношенію къ его отдѣльнымъ богамъ. Припомните слова одного грека, гражданина общины, исполнявшей культъ героя Алаванда; онъ обращался къ другому человѣку изъ другого города, почитавшаго Геркулеса: „Алавандъ,—говорилъ онъ,—настоящій богъ, а Геркулесъ нѣтъ“ [3]). При такихъ понятіяхъ было необходимо при заключеніи мирнаго договора, чтобы каждая гражданская община призывала въ свидѣтели своей клятвы своихъ собственныхъ боговъ. „Мы заключили договоръ, совершили возліяніе,—говорятъ платейцы спартанцамъ,—и призывали въ свидѣтели: вы—боговъ отцовъ вашихъ, мы—боговъ, правящихъ нашею страной“ [4]). При этомъ старались по возможности обращаться къ божествамъ общимъ для обоихъ городовъ. Клялись тѣми богами, которые видимы для всѣхъ: солнцемъ, свѣтящимъ повсюду; землею, которая даетъ всѣмъ пропитаніе. Но боги каждой гражданской общины, ея герои и покровители были гораздо дороже для людей, и если требовалось связать города дѣйствительно религіозными узами, то

1) Вергилій, XII, ст. 13, 118—120, 170—174, 200—215; VIII, 641: *et caesa jungebant foedera porca*.

2) Титъ Ливій, IX, 5. Полибій, III, 25.

3) Цицеронъ, *De nat. Deorum*, III, 19.

4) Ѳукидидъ, II, 71.

необходимо было договаривающимся сторонамъ призвать именно этихъ боговъ въ свидѣтели своей клятвы.

Подобно тому, какъ на войнѣ боги становились въ ряды сражающихся, такъ и при заключеніи мирнаго договора они должны принимать участіе. Слѣдовательно заключалось условіе о томъ, что впредь будетъ дружескій союзъ между богами, какъ и между людьми двухъ городовъ. Для обозначенія этого союза боговъ случалось иногда, что два народа давали другъ другу право присутствовать на своихъ священныхъ празднествахъ [1]). Иногда они отворяли свои храмы и даже мѣнялись религіозными обрядами. Римъ заключилъ однажды условіе, что божество города Ланувіума будетъ покровительствовать съ тѣхъ поръ римлянамъ, которые получатъ право обращаться къ нему съ молитвою и входить въ его храмъ [2]). Часто каждая изъ двухъ договаривающихся сторонъ обязывалась чтить культомъ боговъ противной стороны. Такъ элейцы заключили договоръ съ этолянами и приносили потомъ годичную жертву героямъ своихъ союзниковъ [3]). Иногда два города заключали условіе, что каждый изъ нихъ внесетъ имя другого въ свои молитвы [4]).

Зачастую случалось, что вслѣдствіе союза изображали боговъ двухъ различныхъ городовъ, въ видѣ статуй или на медаляхъ, подающими другъ другу руки. Есть медали, на которыхъ изображены вмѣстѣ Аполлонъ Милетскій и Геній Смирнскій, Паллада Сидонская и Артемида Пергейская, Аполлонъ Іерапольскій и Артемида Эфесская. Вергилій, говоря о союзѣ троянъ съ Ѳракіей, представляетъ пенатовъ обоихъ народовъ вступившими въ союзъ [5]) между собою.

Эти странные обычаи вполнѣ соотвѣтствовали понятію древнихъ людей о своихъ богахъ. Такъ какъ у каждой гражданской общины были свои боги, то казалось вполнѣ естественнымъ, что они принимаютъ участіе въ ихъ войнахъ и мирныхъ договорахъ. Война и миръ между двумя городами были въ то же время войной или миромъ между двумя религіями. Народное право древнихъ долгое время основывалось на этомъ принципѣ. Когда боги были враги между собою,—была война безпощадная и жестокая; какъ только они вступали въ дружескій союзъ другъ съ другомъ, то и люди установляли дружескую связь между собою и получали сознаніе взаимныхъ обязанностей. Если можно было предположить, что божества двухъ гражданскихъ общинъ имѣли хоть какое-нибудь основаніе быть союзниками другъ другу, то этого было вполнѣ

1) Ѳукидидъ, V, 23. Плутархъ, *Тезей*, 25, 33.
2) Титъ Ливій, VIII, 14.
3) Павсаній, V, 15, 12.
4) Такъ, напримѣръ, Аѳины молились за Хіосъ и наоборотъ. См. у Аристофана, *Птицы*, ст. 880.
5) Вергилій, *Энеида*, III, 15: *Sociique penates*. Титъ Ливій, I, 45: *deos consociatos*.

достаточно для заключенія союза между двумя гражданскими общинами. Первымъ городомъ, съ которымъ Римъ заключилъ союзъ дружбы, былъ Цере въ Этруріи, и Титъ Ливій объясняетъ намъ, почему это случилось: во время бѣдствія нашествія галловъ римскіе боги нашли себѣ убѣжище въ Цере; они жили въ этомъ городѣ и принимали тамъ поклоненіе. Такимъ образомъ образовалась священная связь гостепріимства между римскими богами и этрусскою гражданскою общиною [1]); съ тѣхъ поръ религія не допускала эти два города сдѣлаться врагами другъ другу; они были союзниками навсегда.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Конфедераціи и колоніи.

Греческій умъ, повидимому, безъ всякаго усилія возвысился надъ муниципальнымъ порядкомъ; нѣсколько гражданскихъ общинъ весьма рано соединились между собою въ видѣ федераціи; но и здѣсь религіозные обряды также играли большую роль. Подобно тому, какъ у гражданской общины имѣлся свой очагъ въ пританеѣ, такъ и у общинъ, вступившихъ между собою въ ассоціацію, имѣлся общій очагъ [2]). У гражданской общины были свои герои, свои городскія божества, свои праздники, у конфедераціи точно также имѣлся свой храмъ, свой богъ, свои церемоніи, свои годичныя празднества со священными обѣдами и играми.

Двѣнадцать іонійскихъ колоній въ Малой Азіи имѣли свой общій храмъ, называвшійся Паніоніонъ [3]); онъ былъ посвященъ Посейдону Геликонскому, котораго эти колонисты чтили въ Пелопонесѣ прежде своего переселенія [4]). Каждый годъ они собирались въ этомъ священномъ мѣстѣ на праздникъ, называвшійся Πανιώνια; они совершали сообща жертвоприношенія и подѣляли между собою жертвенное мясо [5]). Дорійскіе города въ Азіи имѣли свой общій храмъ на мысѣ Тріопіумѣ; храмъ этотъ былъ посвященъ Аполлону и Посейдону, и въ дни годичныхъ праздниковъ тамъ справлялись пышныя игры [6]).

Въ Греціи группа беотійскихъ гражданскихъ общинъ имѣла свой храмъ, посвященный Аѳинѣ Итонской [7]), и свои ежегодныя празднества, *Pamboeotia*. Ахейскіе города совершали об-

1) Титъ Ливій, V, 50. Авлъ Гелій, XVI. 13.
2) Ἑστία κοινὴ τῶν Ἀρκάδων, Павсаній VIII, 53.
3) Геродотъ, I, 143.
4) Страбонъ, VIII, 7, 2.
5) Геродотъ, I, 148. συλλεγόμενοι Ἴωνες ἄγεσκον ὁρτήν, τῇ ἔθεντο οὔνομα Πανιώνια. Страбонъ, XIV, I, 20: Πανιώνια, κοινὴ πανήγυρις τῶν Ἰώνων συντελεῖται τῷ Ποσειδῶνι καὶ θυσία.—Діодоръ, XV, 49
6) Геродотъ, I, 144. Аристидъ Милетскій, въ *Fragmenta hist. graec.*, изд. Дидо, т. IV, стр. 324.
7) Павсаній, IX, 34.

щія жертвоприношенія въ Эгіумѣ и чтили культомъ Деметру Панахейскую [1]).

Слово 'Ἀμφικτυονία было, повидимому, древнимъ выраженіемъ, обозначавшимъ ассоціацію нѣсколькихъ гражданскихъ общинъ. Въ Греціи съ самыхъ первыхъ временъ было довольно большое число амфиктіоній. Такъ, напримѣръ, былъ извѣстенъ амфиктіоновъ союзъ Калауріи, Делоса, а также Ѳермопильскій и Дельфійскій. Островъ Калаурія былъ центромъ, соединявшимъ города: Герміонъ, Празію, Эпидавръ, Навплію, Эгину, Аѳины, Орхоменъ; эти города совершали жертвоприношеніе, къ участію въ которомъ никто кромѣ нихъ не допускался [2]). То же самое было на Делосѣ, куда съ самой глубокой древности сосѣдніе острова посылали своихъ представителей, чтобъ отпраздновать торжество въ честь Аполлона жертвоприношеніемъ, хорами и играми [3]).

Ѳермопильскій амфиктіоновъ союзъ, наиболѣе извѣстный въ исторіи, былъ такого же рода, какъ и предыдущіе. Онъ образовался сперва между сосѣдними городами [4]) и имѣлъ свой храмъ, посвященный Деметрѣ, свое жертвоприношеніе и свой ежегодный праздникъ [5]).

Безъ культа не было ни амфиктіоніи, ни федераціи, „потому что, говоритъ одинъ древній, таже самая мысль, которая руководила основаніемъ городовъ, установила также и общее жертвоприношеніе для союза нѣсколькихъ гражданскихъ общинъ; сосѣдство и взаимная нужда сблизили ихъ, и они справляютъ вмѣстѣ религіозныя празднества; союзъ дружбы родился изъ священнаго обѣда и возліянія, совершеннаго сообща [6])“.

Гражданскія общины, вступившія въ конфедерацію, посылали въ дни, указанные религіей, нѣсколькихъ лицъ, облеченныхъ жреческимъ характеромъ и называвшихся теорами (θεωρός), пилагорами (πυλαγόρας), или гіеромнемонами (ἱερομνήμων). Передъ ними въ честь союзнаго бога закалывалась жертва и мясо ея, изжаренное на огнѣ, раздѣлялось между всѣми представителями гражданскихъ общинъ. Это общее вкушеніе пищи сопровождалось гимнами, молитвами, играми и было знакомъ и связью этого союза.

Если единство греческой націи представилось во всей своей ясности уму грековъ, то это случилось главнымъ образомъ благодаря общимъ имъ богамъ и тѣмъ священнымъ церемо-

---

1) Павзаній, VII, 24.
2) Страбонъ, VIII, 6, 14.
3) Ѳукидидъ, III, 104.
4) Эсхинъ, π. παραπρεσβ., 116, перечисляетъ народы, сообща владѣвшіе храмомъ, ἔθνη μετέχοντα τοῦ ἱεροῦ; то были: ѳессалійцы, беотійцы, дорійцы, іонійцы, долопы, локрійцы, этейцы, фтіоты, малійцы, фокеяне, магнеты, перхэбы. Спарта участвовала какъ колонія дорид овъ, Аѳины—какъ часть іонійскаго народа. Павзаній, X, 8; Гарпократіонъ, сл. ἀμφικτύονες.
5) Страбонъ, IX, 5, 17.
6) Idem, IX, 3, 6. Та же мысль выражена и Діонисіемъ Галикарнасскимъ, IV, 25.

ніямъ, на которыя они всѣ собирались. Въ лицѣ городскихъ божествъ они почитали Зевса Всеэллинскаго. Игры олимпійскія, истмійскія, немейскія, пиѳійскія были торжественными религіозными празднествами, на которыя допускались всѣ греки. Каждый городъ посылалъ туда свое посольство (θεωρία) чтобы принять участіе въ совершеніи жертвоприношенія [1]). Греческій патріотизмъ долгое время былъ связанъ только съ такою религіозною формой. Ѳукидидъ нѣсколько разъ вспоминаетъ боговъ, общихъ всѣхъ эллинамъ [2]), а Аристофанъ убѣждаетъ своихъ согражданъ отказаться отъ междоусобной борьбы, говоря имъ: „Вы, возливающіе на алтари общую очистительную воду въ Олимпіи, въ Ѳермопилахъ и въ Дельфахъ, не губите Грецію вашими раздорами, но соединитесь другъ съ другомъ противъ варваровъ“ [3]).

Эти амфиктіоніи и конфедераціи имѣли мало политическаго значенія. Было бы большой ошибкой представлять себѣ посольства (θεωρία), отправляемыя въ Ѳермопилы, въ Паніоніумъ или въ Олимпію, конгрессомъ или федеральнымъ сенатомъ. Если этимъ лицамъ и доводилось иногда заниматься матеріальными и политическими интересами ассоціаціи, то это случалось лишь въ исключительныхъ случаяхъ и подъ давленіемъ особенныхъ обстоятельствъ. Амфиктіоніи не препятствовали своимъ членамъ участникамъ вести войны между собою. Ихъ религіозныя полномочія состояли не въ разсмотрѣніи интересовъ, а въ обязанности чтить боговъ, совершать церемоніи, поддерживать священное перемиріе во время празднествъ, и если эти посольства (θεωρία) присвоивали себѣ иногда право суда и налагали наказаніе на какой-либо союзный городъ,—это бывало только въ томъ случаѣ, когда этотъ городъ пренебрегалъ религіозной обязаностію или силою завладѣвалъ какою либо землей, посвященною божеству [4]).

Подобныя же учрежденія царили и въ древней Италіи. Города Лаціума справляли свои религіозныя празднества (*feriae*): ихъ представители ежегодно собирались въ святилищѣ Юпитера Лаціарскаго на Альбанской горѣ. Тутъ приносился въ жертву бѣлый волъ, а мясо его дѣлилось на столько частей, сколько было союзныхъ городовъ. [5]) У двѣнадцати городовъ въ Этруріи имѣлся также свой общій храмъ, свой ежегодный праздникъ, свои игры подъ руководствомъ верховнаго жреца [6]).

Ни греки, ни римляне не совершали, какъ извѣстно, коло-

---

1) Платонъ, *Законы*, XII, стр. 950.
2) Τὰ ἱερὰ τὰ κοινὰ τῆς Ἕλλαδος (Ѳукид., III, 58).—Ѳукидидъ, III, 59; V 18.
3) Аристофанъ, *Lysistrata*, ст. 1130 и слѣд.
4) Значительно позднѣе, только во времена Филиппа Македонскаго, амфиктіоны стали заниматься политическими дѣлами.
5) Діонисій, IV, 49. Варонъ, VI, 25: *Latinae feriae, a Latinis populis qui*-*bus ex sacris carnem petere jus fuit cum Romanis*. Плиній, *Ест. Ист.*, III, 9, 69: *Cum his carnem in monte albano soliti accipere populi*. Титъ Ливій, XLI, 16. Діонисій, IV, 49.
6) Титъ Ливій, V, 1.

низаціи такъ, какъ теперь дѣлаютъ современные народы. Колонія не была въ зависимости или въ подчиненіи отъ того государства, откуда она вышла; она сама по себѣ была полнымъ и независимымъ государствомъ. Тѣмъ не менѣе, между колоніей и метрополіей существовала связь особаго рода, проистекавшая изъ того способа, какимъ основывалась всякая колонія.

Въ самомъ дѣлѣ, мы не должны думать, что колонія могла образоваться случайно, по произволу извѣстнаго числа переселенцевъ. Толпа однихъ бродягъ не могла никогда основать города и, по мнѣнію древнихъ, не имѣла даже права организоваться въ гражданскую общину. Первымъ условіемъ для этого требовалось обладаніе священнымъ огнемъ; второе условіе состояло въ томъ, чтобъ увести съ собою въ новую колонію такое лицо, которое могло бы исполнить обряды основанія. Все это переселенцы просили у метрополій. Они брали съ собой огонь, возженный отъ ея очага [1]); они увозили съ собой въ то же время основателя, который долженъ былъ принадлежать къ одной изъ священныхъ семей гражданской общины [2]). Послѣдній и совершалъ основаніе новаго города согласно тѣмъ обрядамъ, какіе нѣкогда были соблюдены при основаніи его родного города [3]). Огонь очага установлялъ навсегда религіозную и родственную связь между двумя городами. Тотъ изъ нихъ, который снабдилъ его священнымъ огнемъ, назывался городомъ-матерью [4]). Тотъ, который получилъ его, находился по отношенію къ нему на положеніи дочери [5]). Двѣ колоніи одного и того же города назывались между собою сестрами [6]).

У колоніи былъ тотъ же культъ, какъ и у метрополіи [7]); у ней могли быть и особые боги, но она должна была беречь и чтить боговъ того города, откуда она ведетъ свое начало. Двѣнадцать іонійскихъ городовъ въ Малой Азіи, считавшіеся колоніями Аѳинъ не потому, что они состояли изъ аѳинянъ, но оттого что они взяли священный огонь изъ аѳинскаго пританея и ихъ основателями были аѳиняне,—чтили культомъ аѳинскихъ боговъ, справляли ихъ праздники [8]) и посылали туда каждый годъ торжественное посольство для совершенія жертвоприношенія [9]). Точно такъ же поступали колоніи Коринѳа

[1]) Геродотъ, I, 136.
[2]) Геродотъ, I, 146; Ѳукидидъ, I, 24; VI, 3—5; Діодоръ, V, 53, 59, 81, 83, 84; Плутархъ, *Тимолеонъ*.
[3]) Ѳукидидъ, III, 34; VI, 4. Варронъ, *De lingua lat.*, V, 143: *coloniae nostrae item conditae ut Roma.*
[4]) Аѳиняне названы *отцами* іонійцевъ Геродотомъ, VII, 51: VIII, 22.
[5]) Эта мысль много разъ выражалась древними. Полибій, XII, 10; Діонисій, III, 7; Титъ Ливій, XXVII, 9; Платонъ, *Законы*, VI; Ѳукидидъ, I, 38.
[6]) Полибій, XXII, 7, 11; Плутархъ, *Timoleon*, 15.
[7]) Ѳукидидъ, VI 4; Полибій, IX, 7; Страбонъ, IV, I, 4.
[8]) Геродотъ, I, 147; VII, 95.
[9]) Ѳукидидъ, I, 25; Схоліастъ Аристофана, *Облака*, 385; Исократъ, *Панегирикъ*, 7, 31.

и колоніи Наксоса [1]). Точно такъ же Римъ, колонія Альбы и, слѣдовательно, Лавиніума, совершалъ ежегодно жертвоприношеніе на Альбанской горѣ и посылалъ жертвенныхъ животныхъ въ Лавиніумъ, „гдѣ были его пенаты" [2]). У грековъ существовалъ древній обычай, чтобы колонія получала отъ метрополіи жрецовъ, которые руководили бы ея культомъ и наблюдали бы за исполненіемъ обрядовъ [3]).

Эти религіозныя узы между колоніей и метрополіей оставались въ полной силѣ вплоть до V вѣка до нашей эры. Что касается до связи политической, то древніе долгое время не помышляли объ ея установленіи.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Римлянинъ; аѳинянинъ.

Та же самая религія, которая основала общества и долгое время ими управляла, образовала и душу человѣка и повліяла на образованіе его характера. Своимъ ученіемъ и своими обрядами она внушила римлянину и греку извѣстный образъ мысли и дѣйствія и извѣстныя привычки, избавиться отъ которыхъ они долгое время были не въ состояніи. Она указывала человѣку боговъ повсюду, боговъ незначительныхъ, боговъ легко раздражающихся и зложелательныхъ; она подавляла человѣка страхомъ возбудить противъ себя гнѣвъ боговъ и не оставляла ему никакой свободы въ его дѣйствіяхъ.

Надо было видѣть, какое мѣсто занимала религія въ жизни римлянина: его домъ былъ для него тѣмъ же, чѣмъ храмъ для насъ; въ немъ былъ его культъ, его боги. Его очагъ—богъ; стѣны, двери, порогъ — также боги; межевые знаки, окружавшіе его поле, также — боги. Могила для него — алтарь, а его предки—божественныя существа.

Каждое изъ его дѣйствій самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ—обрядъ; весь его день принадлежитъ религіи. Утромъ и вечеромъ онъ чтитъ поклоненіемъ свой очагъ, своихъ пенатовъ и предковъ; выходя изъ дому и возвращаясь въ него, онъ обращается къ нимъ съ молитвою. Каждый обѣдъ—религіозное дѣйствіе, въ которомъ принимаютъ участіе его домашніе боги. Рожденіе, посвященіе въ культъ, облаченіе въ тогу, бракъ, а затѣмъ годовщина всѣхъ этихъ событій—все это торжественные акты его культа.

Онъ выходитъ изъ дому и на первомъ же шагу ему непремѣнно попадается какой либо священный предметъ: — или

[1]) Діодоръ, XII, 30; Ѳукидидъ, VI, 3.
[2]) Варронъ, *De lingua lat.*, V, 144; Діонисій, II, 52; Плутархъ, *Коріоланъ*, 28.
[3]) Схоліастъ Ѳукидида, I, 25.

какой-нибудь храмъ, или просто мѣсто, куда нѣкогда ударила молнія, или могила; то ему надо благоговѣйно настроиться и произнесть молитву; то ему надо отвернуться и закрыть лицо, чтобъ избѣжать вида нечестиваго предмета.

Каждый день онъ совершалъ жертвоприношеніе въ своемъ домѣ, каждый мѣсяцъ—въ своей куріи, нѣсколько разъ въ году—въ своемъ *родѣ* (*gens*) или въ своей трибѣ. Кромѣ всѣхъ этихъ боговъ, онъ долженъ былъ еще чтить культомъ боговъ гражданской общины. Въ Римѣ было больше боговъ, чѣмъ гражданъ.

Онъ совершаетъ жертвоприношеніе, чтобы возблагодарить боговъ или чтобы смягчить ихъ гнѣвъ. Въ одинъ день онъ участвуетъ въ процессіи въ священной пляскѣ подъ древній ритмъ при звукѣ священной флейты. Въ другой разъ, онъ везетъ колесницы со статуями боговъ [1]). А то справляется *lectisternium*; на улицѣ ставится столъ, а на него кушанье; на ложахъ вокругъ него возлежатъ статуи боговъ, и каждый римлянинъ, поклонившись, проходитъ мимо, съ вѣнкомъ на головѣ и съ лавровою вѣтвію въ рукѣ [2]).

Справлялся праздникъ посѣва, праздникъ жатвы и сбора винограда. Прежде чѣмъ выколосится хлѣбъ, совершалось не менѣе десяти жертвоприношеній и призывалось въ молитвѣ не менѣе десяти божествъ для успѣха жатвы. Особенно было много праздниковъ въ честь мертвыхъ, потому что они внушали страхъ [3]).

Онъ никогда не выходитъ изъ дому, не посмотрѣвъ напередъ, не пролетитъ ли гдѣ птица, предвѣщающая несчастіе. Есть слова, которыя онъ не осмѣлится произнести во всю свою жизнь. Появится у него какое-нибудь желаніе,—онъ запишетъ его на дощечку и положитъ ее къ подножію статуи какого-нибудь божества [4]).

Каждую минуту онъ спрашиваетъ совѣта у боговъ и жаждетъ узнать ихъ волю. Всѣ свои рѣшенія онъ находитъ во внутренностяхъ жертвы, въ полетѣ птицъ, въ предвѣщаніяхъ молніи [5]). Слухъ о кровавомъ дождѣ или о говорящемъ быкѣ повергаетъ его въ смущеніе и трепетъ; онъ успокоится только тогда, когда очистительная церемонія примиритъ его съ богами [6]).

---

[1]) О процессіи *tensae*, см. Титъ Ливій, V, 41; Светоній, *Веспасіанъ*, 5; Фестъ, изд. Мюллеръ, стр. 364.

[2]) Титъ Ливій, XXXIV, 55; XL, 37; Плиній, XXXII, 2, 10.

[3]) Плавтъ, *Amphitryon*, II, 2, 145; Овидій (*Фасты*, V, 421 и слѣд.) описываетъ обряды, употреблявшіеся, чтобы прогнать привидѣнія; надо встать въ полночь, пройти босикомъ по дому, ударяя среднимъ пальцемъ по большому, взять въ ротъ черныхъ бобовъ и повернувъ голову, выплюнуть ихъ, сказавъ: „Я отдаю вамъ это и откупаюсь этими бобами“. Духи собираютъ бобы и удаляются вполнѣ удовлетворенные. Таковъ былъ древній обычай.

[4]) Ювеналъ, *Сатиры*, X, 55.

[5]) Цицеронъ, *De divin.*, I, 2: *nihil publice sine auspiciis nec domi nec militiae gerebatur*. Валерій Максимъ, II, 2, 1: *Apud antiquos, non solum publice, sed etiam privatim, nihil gerebatur sine auspicio prius sumpto.*

[6]) Титъ Ливій, XXIV, 10; XXVII, 4; XXVIII, 11, *et alias passim.*

Выходя изъ дома онъ дѣлаетъ первый шагъ правой ногой. Онъ обрѣзаетъ волосы только во время полнолунія. Онъ носитъ при себѣ амулеты. Противъ пожара онъ покрываетъ стѣны своего дома магическими надписями. Онъ знаетъ формулы, чтобъ избѣгнуть болѣзни, и другія—чтобъ выздоровѣть; но ихъ надо повторить двадцать семь разъ и отплевываться каждый разъ особеннымъ образомъ [1]).

Въ сенатѣ онъ не начнетъ засѣданія, если жертвы не дали благопріятныхъ признаковъ. Онъ покидаетъ народное собраніе, если услышитъ пискъ мыши. Онъ откажется отъ самыхъ твердыхъ намѣреній, если замѣтитъ малѣйшее дурное предвѣщаніе или услышитъ какое-нибудь зловѣщее слово. Онъ храбръ въ битвѣ, но только въ томъ случаѣ, когда ауспиціи убѣдили его въ побѣдѣ.

Описанный нами здѣсь римлянинъ—не человѣкъ изъ народа, со слабо развитымъ умомъ, неразлучный съ суевѣріемъ, вслѣдствіе нужды и невѣжества. Мы говоримъ о патриціи, человѣкѣ знатномъ, сильномъ и богатомъ. Этотъ патрицій попеременно бываетъ то воиномъ, то магистратомъ, то консуломъ, то земледѣльцемъ, то торговцемъ; но вездѣ и всегда онъ—жрецъ, и его мысль устремлена къ богамъ. Патріотизмъ, жажда славы, влеченіе къ богатству, какъ бы сильны ни были эти чувства въ его душѣ, страхъ передъ богами царитъ надъ всѣми. Горацій далъ наиболѣе вѣрное опредѣленіе римлянина, а именно, что онъ, страшась боговъ, сталъ владыкой земли,

Dis te minorem quod geris, imperas.

Говорили, что то была религія политическаго разсчета. Но какъ можемъ мы предположить, чтобы сенатъ, состоявшій изъ трехсотъ членовъ, чтобы сословіе патриціевъ, доходившее до трехъ тысячъ человѣкъ, сговорились съ такимъ единодушіемъ для обмана невѣжественнаго народа? И чтобы въ теченіе вѣковъ среди яраго соперничества, безпрерывной борьбы и постоянной личной ненависти никогда ни одинъ голосъ не возвысился, чтобы сказать: Все это ложь. Еслибъ кто изъ патриціевъ выдалъ тайны своей касты и, обратясь къ плебеямъ, нетерпѣливо переносившимъ иго этой религіи, освободилъ бы ихъ сразу отъ ауспицій и святынь, то человѣкъ этотъ немедленно пріобрѣлъ бы такое значеніе и вліяніе, что сталъ бы во главѣ государства. Еслибъ патриціи не вѣровали въ религію, ими исполняемую, то подобное искушеніе было бы достаточно сильно, чтобы побудить по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ къ открытію тайны. Предположить, что религія можетъ установиться по соглашенію и под-

---

[1]) См. формулы у Катона, *De re rust.*, 160, и Варронъ, *De re rust.*, II, 1; I, 37. Плиній, *Естеств. Ист.*, XXVIII, 2—5 (4—23). — Законъ Двѣнадцати Таблицъ наказываетъ человѣка *qui fruges excantassit* (Плиній, XXVIII, 2, 17; Сервій, *ad Eclogas*. VIII, 99; Цицеронъ, *De rep.*, IV, 10).

держиваться обманомъ, это значитъ, глубоко ошибаться относительно человѣческой природы. Изъ Тита Ливія видно, какъ часто эта религія стѣсняла самихъ патриціевъ, какъ часто она затрудняла сенатъ и мѣшала ему въ его дѣйствіяхъ и послѣ этого можно ли сказать, что она придумана для удобства въ видахъ государственныхъ цѣлей. Только во времена Цицерона начали думать, что религія полезна для управленія, но тогда религія уже умерла въ душахъ.

Возьмемъ, напримѣръ, римлянина первыхъ вѣковъ; выберемъ одного изъ величайшихъ воиновъ, Камилла, который пять разъ былъ диктаторомъ и одержалъ побѣду болѣе чѣмъ въ десяти сраженіяхъ. Но чтобы не ошибиться, его надо представлять себѣ столько же жрецомъ, какъ и воиномъ. Онъ принадлежитъ къ роду Фуріевъ; его прозвище—имя, обозначающее священную обязанность. Ребенкомъ онъ носитъ претексту (тога, обшитая пурпуромъ), которая указываетъ на его званіе, и буллу (дѣтскій амулетъ), избавлявшую отъ злой участи. Онъ выросъ, присутствуя ежедневно при церемоніяхъ культа; онъ провелъ свою молодость въ изученіи обрядовъ религіи. Правда, началась война и жрецъ сталъ воиномъ; раненый въ ногу въ одномъ конномъ сраженіи, онъ вырвалъ желѣзо изъ раны и продолжалъ сражаться. Послѣ нѣсколькихъ походовъ онъ возвысился до государственныхъ должностей; какъ магистратъ онъ совершалъ общественныя жертвоприношенія, судилъ, начальствовалъ надъ войскомъ. Разъ было рѣшено назначить его диктаторомъ. Бывшій тогда магистратъ Рима въ ясную ночь совѣщался съ богами; думая постоянно о Камиллѣ и произнося про себя его имя, онъ пристально смотрѣлъ на небо, стараясь отыскать тамъ нужныя предзнаменованія. Предзнаменованія получились прекрасныя; значитъ, Камиллъ угоденъ богамъ; тогда его и назначили диктаторомъ.

Теперь онъ главный начальникъ войска; посовѣтовавшись съ ауспиціями и принеся множество жертвъ, онъ выступаетъ изъ города. Подъ его начальствомъ всѣ военные чины, множество жрецовъ, авгуровъ, аруспиковъ и другихъ гадателей и лицъ, на обязанностяхъ которыхъ лежитъ закалывать жертвы или носить очагъ.

Ему поручаютъ окончить войну противъ Веій, которые безуспѣшно осаждаются въ теченіе девяти лѣтъ. Веіи - этрускій городъ, т.-е. городъ почти святой; для успѣха борьбы здѣсь нужнѣе благочестіе, чѣмъ мужество. Если въ теченіе девяти лѣтъ римляне терпѣли неудачу, то это произошло оттого, что этрускамъ лучше извѣстны обряды, угодные богамъ, и магическія формулы, доставляющія ихъ благоволеніе. Римъ, съ своей стороны, справился съ книгами Сивиллы, желая узнать изъ нихъ волю боговъ. Онъ замѣтилъ, что его латинскіе праздники искажены въ своей внѣшней обрядности, и онъ возобновилъ обрядъ жертвоприношенія. Однако этруски все еще непобѣдимы; остается послѣднее средство — захватить этрусскаго жреца и вывѣдать у него тайну боговъ. Одинъ изъ веійскихъ жрецовъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ сенатъ: „Чтобы Риму завладѣть Веіей, — сказалъ онъ, — ему надо понизить уровень альбанскаго озера, не допустивъ воду утечь въ море“. Римъ исполняетъ это; выкапывается безчисленное множество каналовъ разныхъ величинъ, и вода озера разливается по полямъ.

Именно въ это время Камиллъ выбранъ диктаторомъ. Онъ отправляется къ войску подъ Веіями. Онъ увѣренъ въ успѣхѣ, потому что всѣ прорицанія теперь извѣстны, всѣ велѣнія боговъ исполнены; къ тому же, передъ отбытіемъ изъ Рима, онъ обѣщалъ богамъ покровителямъ праздники и жертвоприношенія. Онъ не пренебрегаетъ и человѣческими средствами для побѣды; онъ увеличиваетъ войско, укрѣпляетъ дисциплину, приказываетъ выкопать подземный ходъ, чтобы чрезъ него проникнуть въ городъ. Насталъ день приступа; Камиллъ выходитъ изъ своей палатки, справляется съ ауспиціями и совершаетъ жертвоприношеніе. Окруженный жрецами и авгурами, облаченный въ *paludamentum* (военный плащъ), онъ призываетъ боговъ: „Подъ твоимъ предводительствомъ, о Аполлонъ, и вдохновленный твоеюволею, я иду взять и разрушить городъ Веіи; если я буду побѣдителемъ, я обѣщаю тебѣ десятую часть добычи“. Но имѣть за одно съ собою боговъ еще недостаточно. У врага также есть могущественное божество, ему покровительствующее. Камиллъ обращается къ нему съ такими словами: „Царица Юнона, обитающая нынѣ въ Веіяхъ, умоляю тебя, пойдемъ съ нами, побѣдителями; послѣдуй за нами въ нашъ городъ, прими нашъ культъ, и нашъ городъ станетъ твоимъ!“ Затѣмъ, по окончаніи жертвоприношенія и по прочтеніи молитвъ и заклятій, когда римляне убѣдились, что всѣ боги на ихъ сторонѣ и никакое уже божество не защищаетъ болѣе враждебнаго города, начался приступъ, и городъ былъ взятъ.

Таковъ былъ Камиллъ. Римскій полководецъ — человѣкъ, умѣющій превосходно сражаться, особенно умѣющій внушить къ себѣ повиновеніе, но твердо вѣрящій въ авгуровъ, исполняющій ежедневно религіозныя дѣйствія и убѣжденный, что важнѣе всего не храбрость, не дисциплина, а произнесеніе извѣстныхъ формулъ во всей точности согласно обрядамъ. Эти формулы, обращенныя къ богамъ, склоняютъ ихъ и принуждаютъ ихъ почти всегда даровать побѣду. Для такого полководца высшею наградой является разрѣшеніе сената совершить тріумфальное жертвоприношеніе. Тогда онъ всходитъ на священную колесницу, запряженную четырьмя бѣлыми лошадьми, тѣми самыми, которыя возятъ статую Юпитера во время большихъ процессій; онъ одѣтъ въ священное платье, въ то самое, какое надѣвается на бога въ дни празднествъ; его голова украшена вѣнкомъ, въ правой

рукѣ онъ держитъ лавровую вѣтвь, въ лѣвой — жезлъ изъ слоновой кости; все это въ точности аттрибуты и одежды статуи Юпитера [1]). Въ такомъ-то почти божественномъ величіи онъ является своимъ согражданамъ и направляется засвидѣтельствовать свое благоговѣніе истинному величію величайшаго изъ римскихъ боговъ. Онъ поднимается на Капитолійскій холмъ и, прибывъ къ храму Юпитера, совершаетъ жертвоприношеніе.

Чувство страха передъ богами было свойственно не однимъ римлянамъ, оно царило также и въ сердцахъ грековъ. Эти народы, получившіе свой первобытный строй отъ религіи и ею уже воспитанные и вскормленные, долгое время сохраняли слѣдъ своего первоначальнаго воспитанія. Извѣстна мнительность спартанца, который никогда не выступалъ въ походъ до полнолунія [2]), безпрестанно совершалъ жертвоприношенія, чтобъ узнать, надо ли ему сражаться, и отказывался отъ самыхъ необходимыхъ и прекрасно обдуманныхъ предпріятій только потому, что его устрашало какое-либо дурное предвѣщаніе. Аѳинянинъ разнится отъ римлянина и спартанца многочисленными сторонами характера и ума; но онъ вполнѣ сходится съ ними въ страхѣ передъ богами. Аѳинское войско никогда не выступитъ въ походъ раньше седьмого дня мѣсяца, а когда флоту предстоитъ отправиться въ море, то тщательно заботятся вновь вызолотить всѣ статуи Паллады.

Ксенофонтъ увѣряетъ, что изъ всѣхъ греческихъ народовъ у аѳинянъ больше всѣхъ религіозныхъ праздниковъ [3]). „Сколько жертвъ богамъ,—говоритъ Аристофанъ [4]), сколько храмовъ, сколько статуй, сколько священныхъ процессій! Круглый годъ совершаются религіозныя празднества и пышныя жертвоприношенія“.—„Мы совершаемъ,—говоритъ Платонъ, самыя многочисленныя жертвоприношенія, и устраиваемъ въ честь боговъ самыя пышныя и блестящія процессіи“ [5]). Городъ Аѳины и его область сплошь покрыты храмами и молельнями; одни изъ нихъ для культа гражданской общины или для культа демъ или семействъ. Каждый домъ самъ по себѣ — храмъ, и почти въ каждомъ полѣ есть священная могила.

Аѳинянинъ, котораго представляютъ себѣ такимъ непостояннымъ, легкомысленнымъ и вольнодумнымъ, оказываетъ, напротивъ, чрезвычайное почтеніе древнимъ преданіямъ и обычаямъ. Его главная религія, которой онъ оказываетъ самую пылкую преданность,—это религія предковъ и героевъ. Онъ чтитъ культомъ мертвыхъ и боится ихъ. Одинъ изъ его законовъ обязываетъ его ежегодно приносить имъ въ жертву часть своей новой жатвы; другой законъ запрещаетъ ему произносить хотя бы одно слово, которое могло бы возбудить ихъ гнѣвъ [1]). Все касающееся старины священно для аѳинянина. У него есть древніе сборники, гдѣ записаны всѣ его обряды, и онъ никогда отъ нихъ не отступаетъ [2]); если бы какой-либо жрецъ попытался ввести въ культъ хотя бы самое пустое нововведеніе, онъ неизбѣжно былъ бы наказанъ смертью. Самые странные обряды сохранялись изъ вѣка въ вѣкъ. Въ извѣстный день въ году аѳиняне совершали жертвоприношеніе въ честь Аріаны, а такъ какъ, по преданію, эта любовница Тезея умерла родами, то при этомъ надо было подражать криками и движеніями женщинѣ, мучающейся родами. Аѳинянинъ справлялъ также другой годовой праздникъ, который назывался Осхофоріями и который представляетъ собой какъ бы возвращеніе Тезея въ Аттику; жезлъ герольда или вѣстника украшался вѣнкомъ, потому что вѣстникъ Тезея также украсилъ свой жезлъ вѣнкомъ; при этомъ испускали извѣстный крикъ, предполая, что именно такъ кричалъ вѣстникъ, а затѣмъ составлялась процессія, въ которой каждый былъ одѣтъ въ платье, употреблявшееся во времена Тезея. Былъ одинъ день, когда аѳинянинъ непремѣнно варилъ овощи въ особомъ котлѣ; это былъ обрядъ, начало котораго терялось въ глубокой древности; смыслъ его былъ неизвѣстенъ, но онъ тѣмъ не менѣе благочестиво повторялся каждый годъ [3]).

У аѳинянина, какъ и у римлянина, есть дни тяжелые, несчастные; въ эти дни не заключаются браки, не начинается никакое предпріятіе, не созывается народное собраніе, не отправляется правосудіе. Восемнадцатый и девятнадцатый день каждаго мѣсяца посвящались очищенію. Въ день Плинтерій, самый тяжелый и роковой изъ всѣхъ, статуя главнаго божества города [4]) завѣшивалась покрываломъ. Напротивъ, въ день Панаѳиней покрывало богини торжественно носили въ большой процессіи, и всѣ граждане, безъ всякаго различія возраста и званія, должны были участвовать въ шествіи. Аѳинянинъ совершалъ жертвоприношенія при началѣ жатвы; онъ совершалъ ихъ, прося дождя или хорошей погоды; онъ со-

---

1) Титъ Ливій, V, 23: *Curru albis equis juncto... Jovis Solisque equis.* Id., X, 7: *Qui Jovis Optimi Maximi ornatu decoratus, curru curato vectus in Capitolium.* Плиній, *Ест. Ист.*, XXXIII, 7, 36: *Jovis simulacri faciem minio inlini solitum triumphantiumque corpora.* Діонисій, II, 34; V, 47. Аппій, *Пуническія войны*, 66. Ювеналъ, X, 38: *in tunica Jovis.*

2) Геродотъ, VI, 106.

3) Ксенофонтъ, *Resp. ath.*, III, 2. Софоклъ говоритъ, что Аѳины — одинъ изъ самыхъ благочестивыхъ городовъ (Эдипъ въ Колонѣ, 1007). Павсаній замѣчаетъ, I, 24, что аѳиняне были внимательнѣе прочихъ народовъ къ соблюденію культа боговъ.

4) Аристофанъ, *Облака.*

5) Платонъ, *Алквіадъ*, II, стр. 148.

1) Плутархъ, *Солонъ*, 21.

2) Смотрите, что говоритъ Исократъ о вѣрности древнихъ къ стариннымъ обычаямъ, *Areopagitique*, 29—30. Лизій, *adv. Nicomach.*, 19. Демосѳенъ, *in Neaeram, Pax*, 75.

3) Плутархъ, *Тезей*, 20, 22, 23.

4) Платонъ, *Законы*, VII, стр. 800. Филохоръ, *Отрывки*, 183. Ксенофонтъ, *Греч. ист.*, I, 4, 13.

вершалъ ихъ, чтобъ избавиться отъ болѣзней и избѣгнуть голода или заразы.

Въ Аѳинахъ были свои собранія древнихъ прорицаній, подобно тому какъ въ Римѣ были книги Сивиллы; въ аѳинскомъ пританеѣ содержались на счетъ города люди, возвѣщавшіе будущее [1]). На улицахъ то и дѣло попадались прорицатели, жрецы, истолкователи сновъ [2]). Аѳинянинъ вѣрилъ въ предзнаменованія и примѣты; чиханіе или звонъ въ ушахъ удерживали его отъ начатаго предпріятія [3]). Онъ никогда не пускался въ море, не вопросивъ напередъ судьбу ауспиціями [4]). Прежде чѣмъ вступить въ бракъ, онъ считалъ непремѣннымъ долгомъ справиться съ полетомъ птицъ [5]). Онъ вѣрилъ въ магическія слова и, когда хворалъ, то вѣшалъ на шею разные амулеты [6]). Народное собраніе немедленно расходилось какъ только кто-нибудь заявлялъ, что на небѣ явилось недоброе знаменіе [7]). Если жертвоприношеніе нарушалось полученіемъ дурного извѣстія, надо было его начать снова [8].

Аѳинянинъ не начиналъ разговора, не пожелавъ напередъ благополучія [9]). На трибунѣ ораторъ обыкновенно начиналъ свою рѣчь воззваніемъ къ богамъ и героямъ страны. Излагая затѣмъ прорицанія, онъ склонялъ къ своему мнѣнію народъ. Когда ораторы хотѣли настоять на своемъ мнѣніи, они безпрестанно повторяли: Такъ повелѣваетъ богиня [10]).

Никій принадлежалъ къ знатной и богатой семьѣ. Еще юношей онъ ведетъ къ делосскому святилищу θεωρία, т.-е. жертвенныхъ животныхъ, а также хоръ для пѣнія гимновъ богу во время совершенія жертвоприношенія. Возвратившись въ Аѳины, онъ посвящаетъ богамъ часть своего состоянія, воздвигаетъ статую богинѣ Аѳинѣ и храмъ Діонисію. Постепенно онъ дѣлается то *гестіаторомъ* и готовитъ на свой счетъ священные обѣды своей трибы, то хорегомъ и содержитъ на свои средства хоръ для религіозныхъ празднествъ. Ежедневно ему приходится совершать жертвоприношенія какому-

1) Аристофанъ, *Pax*, 1084.
2) Ѳукидидъ, II, 8. Платонъ, *Политика*, II.
3) Аристофанъ и Схоліастъ, *Aves*, 721. Эврипидъ, *Іонъ*, 1189.
4) Аристофанъ, *Aves*, 596.
5) Аристофанъ, *Aves*, 718. Ксенофонтъ, *Меморабилія*, I, 1, 3: „Они вѣрятъ прорицаніямъ; они гадаютъ по птицамъ, по голосамъ, по внутренностямъ животныхъ“. Ксенофонтъ увѣряетъ, что Сократъ вѣрилъ въ авгуровъ и совѣтовалъ изучать прорицанія; *ibidem*, I, 1, 6; IV, 7, 10: Самъ онъ былъ также суевѣренъ; онъ вѣрилъ въ сновидѣнія (*Анабазисъ*, III, 1; IV, 3); онъ гадалъ по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ (ibid., IV, 3); онъ былъ окруженъ прорицателями (ibid., V, 2, 9; VI, 4, 13) Смотри въ *Анабазисъ* (III, 2) сцену чиханія.
6) Эту подробность Плутархъ сообщаетъ по поводу самого Перикла (Плут., *Периклъ*, 37, по Теофрасту).
7) Аристофанъ, *Ахарняне*, 171.
8) Плутархъ, *Тезей*, 22.
9) Аристофанъ, *Aves*, 436.
10) Ликургъ, *in Leocratem*, 1. Аристофанъ, *Всадники*, 903, 999, 1171, 1179.

либо богу. У него есть свой прорицатель, съ которымъ онъ не разстается и постоянно совѣтуется какъ о дѣлахъ общественныхъ, такъ и о своихъ личныхъ. Выбранный полководцемъ онъ завѣдуетъ походомъ противъ Коринѳа; возвращаясь побѣдителемъ въ Аѳины, онъ узнаетъ, что двое изъ его убитыхъ воиновъ остались безъ погребенія на землѣ врага; имъ овладѣваетъ религіозное безпокойство; онъ останавливаетъ свой флотъ и посылаетъ къ коринѳянамъ вѣстника съ просьбою дозволить ему похоронить убитыхъ. Нѣсколько времени спустя, аѳинскій народъ разсуждаетъ объ экспедиціи въ Сицилію. Никій всходитъ на трибуну и объявляетъ, что его жрецы и прорицатель указываютъ знаменія, неблагопріятныя экспедиціи. Правда, у Алкивіада свои прорицатели и они пророчатъ противное. Народъ находится въ нерѣшимости. Въ это время пріѣзжаютъ посланные изъ Египта; они спрашивали совѣта у бога Аммона, начинавшаго тогда входить въ славу, и принесли его отвѣтъ: Аѳиняне возьмутъ всѣхъ сиракузянъ. Тогда народъ тотчасъ рѣшается на войну [1]).

Никій, совсѣмъ противъ своего желанія, начальствуетъ надъ экспедиціей. Прежде чѣмъ отправиться въ плаваніе, онъ, согласно обычаю, совершаетъ жертвоприношеніе. Подобно всѣмъ полководцамъ, онъ беретъ съ собою цѣлую толпу прорицателей, гадальщиковъ, вѣстниковъ и жрецовъ. На флотѣ находится и его очагъ; у каждаго судна есть своя эмблема, изображающая какое-нибудь божество.

У Никія мало надежды на побѣду. Несчастный исходъ былъ заранѣе предвѣщенъ столькими знаменіями. Вороны попортили статую Паллады, кто-то кастрировалъ себя на алтарѣ, а самое отплытіе случилось въ тяжелые дни Плинтерій! Никій былъ глубоко убѣжденъ, что война эта будетъ гибельна и для него и для отечества. Оттого во все время экспедиціи онъ крайне остороженъ и осмотрителенъ; онъ почти никогда не осмѣливался подать сигналъ къ битвѣ, онъ, кого всѣ знали за храбраго воина и прекраснаго полководца.

Взять Сиракузы оказалось невозможнымъ и послѣ жестокихъ потерь надо было рѣшиться вернуться въ Аѳины. Никій готовитъ флотъ къ отплытію; море еще свободно. Но тутъ случается лунное затмѣніе. Онъ совѣщается съ прорицателемъ; прорицатель отвѣчаетъ, что знаменія враждебны и что надо подождать трижды девять дней. Никій повинуется и проводитъ все время въ бездѣйствіи, принося множество жертвъ, чтобъ утолить гнѣвъ боговъ. Въ это время враги запираютъ ему выходъ изъ гавани и уничтожаютъ флотъ. Остается одно — отступить сухимъ путемъ, а это невозможно; онъ самъ и всѣ воины достаются въ руки сиракузянъ.

Что сказали аѳиняне, узнавъ объ этомъ бѣдствіи? Они знали личное мужество Никія и его удивительное постоянство. Они

1) Плутархъ, *Nicias*, 4, 5, 6, 13.

не могли и подумать упрекнуть его за то, что онъ послѣдовалъ указаніямъ религіи. Только въ одномъ могли они упрекнуть его, за то что онъ взялъ съ собою дурного прорицателя. Прорицатель обманулся относительно знаменія затмѣнія луны; онъ долженъ былъ знать, что для войска, приготовившагося къ отступленію, луна, скрывающая свой свѣтъ,—признакъ вполнѣ благопріятный.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

О полнотѣ власти государства. Древніе не знали индивидуальной свободы.

Гражданская община покоилась своимъ основаніемъ на религіи и была устроена подобно церкви. Отсюда—источникъ ея силы, отсюда также полнота ея власти и неограниченное владычество ея надъ своими членами. Въ обществѣ, обоснованномъ на такихъ началахъ, индивидуальная свобода существовать не могла. Гражданинъ былъ подчиненъ во всемъ безъ исключенія гражданской общинѣ; онъ ей принадлежалъ всецѣло. Религія, породившая государство, и государство, поддерживавшее религію, опирались другъ на друга и составляли одно нераздѣльное цѣлое; двѣ эти соединенныя и слитыя силы образовали власть почти сверхчеловѣческую, которой равно подчинены были какъ душа, такъ и тѣло.

Въ человѣкѣ не было ничего независимаго. Его тѣло принадлежало государству и было обречено на его защиту; въ Римѣ военная служба была обязательна до сорока шести лѣтъ, а въ Аѳинахъ и въ Спартѣ во всю жизнь [1]). Его имущество всегда находилось въ распоряженіи государства; если гражданская община нуждалась въ деньгахъ, она могла повелѣть женщинамъ отдать ихъ драгоцѣнности, кредиторамъ — передать ей ихъ долги, владѣльцамъ оливковыхъ садовъ уступить ей безплатно все выдѣланное ими масло [2]).

Частная жизнь также не ускользала отъ всевластія государства. Многія греческія гражданскія общины запрещали человѣку оставаться неженатымъ [3]). Спарта наказывала не только того, кто не женился, но даже и тѣхъ, кто вступалъ въ бракъ поздно. Государство могло предписывать работу въ Аѳинахъ, праздность [4])—въ Спартѣ. Оно простирало свое владычество до мельчайшихъ вещей; въ Локрахъ законъ за-

[1]) Ѳукидидъ, I, 105; Плутархъ, *Фокіонъ*, 24. Павзаній, I, 26. Ксенофонтъ, *Греч. Исторія*, VI, 4, 17.

[2]) Аристотель, *Экон.*, II. Авторъ приводитъ примѣры: Византіи, Аѳинъ, Лампсака, Гераклеи Понтійской, Хіоса, Клазомена, Эфеса.

[3]) Полуксъ, III, 48; VIII, 40. Плутархъ, *Лизандръ*, 30.—Въ Римѣ по опредѣленію цензоровъ холостые наказывались штрафомъ. Валерій-Максимъ, II, 9; Авлъ Гелій, I, 6; II, 15. Цицеронъ говоритъ еще: *Censores.... coelibes esse prohibento* (*De legib.*, III, 3).

[4]) Плутархъ, *Ликургъ*, 24. Поллуксъ, VIII, 42. Теофрастъ, стр. 99.

прещалъ мужчинамъ употребленіе чистаго, не смѣшаннаго съ водою вина; въ Римѣ, въ Милетѣ, въ Марселѣ то же самое было запрещено для женщинъ [1]). Одежда также обыкновенно устанавливалась законами каждой гражданской общины: законодательство Спарты опредѣляло головной уборъ женщинъ, а законодательство аѳинское запрещало имъ брать съ собою въ путешествіе болѣе трехъ одеждъ [2]). Въ Родосѣ законъ запрещалъ брить бороды; въ Византіи наказывался штрафомъ тотъ, кто владѣлъ бритвою; въ Спартѣ, напротивъ, закономъ требовалось бритье усовъ [3]).

Государство имѣло право не допускать, чтобъ его граждане были безобразны или уродливы. Вслѣдствіе этого оно повелѣвало отцу уродливаго ребенка убить его при рожденіи. Такой законъ встрѣчается въ древнихъ кодексахъ Спарты и Рима [5]). Существованіе такого же закона въ Аѳинахъ намъ неизвѣстно; мы знаемъ только, что Аристотель и Платонъ предписываютъ его въ своихъ идеальныхъ законодательствахъ.

Въ исторіи Спарты есть одна черта, вызывавшая сильное удивленіе Плутарха и Руссо. Спарта только-что потерпѣла пораженіе при Левктрахъ, гдѣ погибло множество ея гражданъ. При извѣстіи объ этомъ несчастіи родственники убитыхъ должны были показаться народу съ веселыми лицами. Мать, знавшая, что сынъ ея избѣжалъ погибели и что вскорѣ ей предстояло увидаться съ нимъ, показывала свою печаль и плакала. Та же, которая знала, что ей не видать болѣе своего сына, высказывала свою радость и посѣщала храмы, вознося благодаренія богамъ. Слѣдовательно, какъ сильна была власть государства, если оно, предписывая извращеніе естественныхъ чувствъ, успѣвало добиться повиновенія.

Государство не позволяло никому относиться безразлично къ его интересамъ; философъ, ученый не имѣли права уклоняться отъ житейскихъ обязанностей. Подавать голоса на собраніи и исполнять общественныя должности въ свою очередь, считалось для нихъ, какъ и для всѣхъ, обязанностью. Въ то время, когда борьба партій была явленіемъ постояннымъ, аѳинскій законъ запрещалъ гражданину оставаться внѣ той или другой партіи; онъ долженъ былъ стоять и бороться за одну изъ нихъ; на того, кто стремился оставаться въ сторонѣ отъ хода вещей и пребывать въ покоѣ, законъ налагалъ тяжелое наказаніе, лишеніе правъ гражданства [4]).

Воспитаніе не было свободнымъ у грековъ. Напротивъ здѣсь

[1]) Атеней, X, 33. Эліанъ, *H. V.*, II, 38. Теофрастъ, стр. 117.

[2]) Ксенофонтъ, *Лакед. прав.*, 7. Ѳукидидъ, I, 6. Плутархъ, *Ликургъ*, 9. Гераклидъ Понтійскій, *Fragmenta*, изд. Дидо, т. II, стр. 211. Плутархъ, *Солонъ*, 21.

[3]) Атеней, XIII, 18. Плутархъ, *Клеоменъ*, 9.—„Римляне не думали, что должно предоставить каждому свободу жениться, обзаводиться дѣтьми, жить по своему произволу, устраивать празднества, преслѣдовать свои желанія, не подвергая его надзору и суду". Плутархъ, *Катонъ*, 23.

[4]) Плутархъ, *Солонъ*, 20.

государство наиболѣе старательно берегло свое владычество. Въ Спартѣ отецъ не имѣлъ никакого права на воспитаніе своего ребенка. Въ Аѳинахъ законъ повидимому былъ менѣе строгъ въ этомъ отношеніи; здѣсь гражданская община требовала, чтобы воспитаніе было общее для всѣхъ подъ руководствомъ воспитателей, ею же выбранныхъ. Аристофанъ, въ одномъ краснорѣчивомъ мѣстѣ, представляетъ намъ аѳинскихъ дѣтей, отправляющихся въ школу; въ порядкѣ, распредѣленныя по мѣсту жительства, они идутъ тѣсными рядами въ дождь ли, въ снѣгъ, или въ солнечный день; дѣти эти какъ будто бы уже сознаютъ, что выполняютъ гражданскую обязанность [1]). Государство стремилось взять на себя руководство воспитаніемъ, и Платонъ передаетъ намъ причину такого стремленія [2]). „Родителямъ нельзя предоставлять права посылать или нѣтъ своихъ дѣтей къ учителямъ, выбраннымъ гражданскою общиною, потому что дѣти принадлежатъ болѣе государству, чѣмъ своимъ родителямъ“. Государство смотрѣло на тѣло и на душу каждаго гражданина какъ на свою собственность, оттого оно и стремилось воспитать это тѣло и душу такъ, чтобъ извлечь изъ нихъ какъ можно больше пользы. Оно обучало гимнастикѣ, потому что тѣло человѣка было орудіемъ гражданской общины, а орудіе это должно быть, насколько возможно, сильнымъ и ловкимъ. Оно обучало религіознымъ гимнамъ, священнымъ пляскамъ, потому что такое познаніе было необходимо для правильнаго исполненія жертвоприношеній и празднествъ гражданской общины [3]).

За государствомъ оставалось право не допускать свободнаго преподаванія рядомъ съ своимъ собственнымъ. Въ Аѳинахъ разъ былъ изданъ законъ, запрещавшій обученіе юношества безъ разрѣшенія властей; другой законъ запрещалъ именно обученіе философіи [4]).

Человѣкъ не былъ свободенъ въ своихъ вѣрованіяхъ. Онъ обязанъ былъ вѣровать въ религію гражданской общины и подчиняться ея велѣніямъ. Было можно ненавидѣть или презирать боговъ сосѣдняго города, а что касается до божествъ общаго и міроваго характера, какъ, напримѣръ, Юпитеръ Небесный или Кибела или Юнона, то можно было вѣровать въ нихъ или нѣтъ по личному усмотрѣнію. Но нельзя было и подумать усомниться въ богинѣ Аѳинѣ Поліадѣ, Эрехтеѣ или въ Кекропсѣ Въ этомъ было бы великое нечестіе, одновременно касающееся и религіи, и государства, и подлежащее тяжелому наказанію. За подобное преступленіе Сократъ былъ

[1]) Аристофанъ, *Облака*, 960—965.
[2]) Платонъ, *Законы*, VII.
[3]) Аристофанъ, *Облака*, 966—968. То же относительно Спарты: Плутархъ, *Ликургъ*, 21.
[4]) Ксенофонтъ, *Мемор.*, I, 2, 31. Діогенъ Лаэрцій, *Теофр.*, 5. Эти оба закона существовали не долго; но, тѣмъ не менѣе, они прекрасно показываютъ, какое полновластіе признавалось за государствомъ въ дѣлѣ образованія.

осужденъ на смерть [1]). Свобода мысли относительно религіи гражданской общины была совершенно неизвѣстна древнимъ. Надо было сообразоваться со всѣми правилами культа, принимать участіе во всѣхъ процессіяхъ и присутствовать за священнымъ общественнымъ столомъ. Аѳинское законодательство налагало наказаніе на тѣхъ, кто уклонялся отъ участія въ національномъ празднествѣ [2]).

Такимъ образомъ древніе не знали ни свободы частной жизни, ни свободы воспитанія, ни свободы религіозной. Человѣческая личность цѣнилась слишкомъ низко въ сравненіи съ тою святою и почти божественною властью, которая называлась отечествомъ или государствомъ. Государству принадлежало не одно только право правосудія по отношенію къ своимъ гражданамъ, какъ то бываетъ теперь въ нашихъ современныхъ обществахъ. Тогда государство могло карать и безвиннаго, если только того требовала общественная польза. Аристидъ конечно не совершилъ никакого преступленія и даже ни въ чемъ не подозрѣвался; но гражданская община имѣла право изгнать его изъ своихъ предѣловъ за одно то, что Аристидъ, въ силу своихъ добродѣтелей, пріобрѣлъ слишкомъ большое вліяніе и могъ сдѣлаться опаснымъ, если бы того захотѣлъ. Это называлось остракизмомъ; такое учрежденіе было свойственно не однимъ Аѳинамъ; оно встрѣчается также въ Аргосѣ, въ Мегарѣ, въ Сиракузахъ, а согласно Аристотелю, оно существовало во всѣхъ греческихъ городахъ съ демократическимъ образомъ правленія [3]). Остракизмъ не былъ наказаніемъ, а только предосторожностью со стороны гражданской общины по отношенію къ гражданину, котораго она подозрѣвала въ возможности причинить ей когда-нибудь безпокойство. Въ Аѳинахъ было возможно обвинить и осудить человѣка за негражданскій образъ мыслей и дѣйствій, т.-е. за недостаточную привязанность къ государству. Жизнь отдѣльнаго лица не обезпечена ничѣмъ, разъ только дѣло шло объ интересѣ гражданской общины. Римъ издалъ законъ, дозволявшій убивать всякаго, кто имѣетъ замыселъ сдѣлаться царемъ [4]). Подавляющее правило, что благополучіе государства—высшій законъ, было формулировано древностью [5]). Думали, что право, провосудіе, нравственность, однимъ словомъ, все должно было уступать передъ интересомъ отечества.

Вотъ почему величайшимъ изъ всѣхъ человѣческихъ заблужденій была мысль, что въ древнихъ гражданскихъ об-

[1]) Обвинительный актъ гласилъ: ἀδικεῖ Σωκράτης οὓς ἡ πόλις νομίζει θεοὺς οὐ νομίζων (Ксенофонтъ, *Меморобилія*, I, 1). Относительно γραφὴ ἀσεβείας смотр. Плутархъ, *Периклъ*, 32; рѣчь Лизія противъ Андокида; Поллуксъ, VIII, 90.
[2]) Поллуксъ, VIII, 46. Ульпіанъ, *Schol. in Demosth. in Midiam*.
[3]) Аристотель, *Политика*, III, 8, 2; V, 2, 5. Діодоръ, XI, 87. Плутархъ, *Аристидъ*, 1; *Ѳемистоклъ*, 22. Филохоръ, изд. Дидо, стр. 396. Схоліастъ Аристофана, *Всадники*, 855.
[4]) Плутархъ. *Публикола*, 12.
[5]) Цицеронъ, *De legib.*, III, 3.

щинахъ человѣкъ пользовался свободой. Онъ даже не имѣлъ о ней понятія. Онъ и не думалъ, что онъ могъ лично по праву существовать наравнѣ съ гражданской общиной и ея богами. Мы увидимъ, что образъ правленія много разъ измѣнялся въ своей формѣ, но природа государства оставалась почти та же самая, а его полновластіе почти не уменьшилось. Форма правленія называлась по-очереди то монархіей, то аристократіей, то демократіей, но не одинъ изъ этихъ переворотовъ не далъ людямъ истинной свободы, свободы личной. Обладать политическими правами, подавать голосъ, назначать магистратовъ, имѣть право сдѣлаться архонтомъ—вотъ что называлось свободой у древнихъ; но при всемъ этомъ человѣкъ былъ порабощенъ государству. Древніе, а въ особенности греки, всегда преувеличивали значеніе и права общества, что происходило несомнѣнно отъ того священнаго и религіознаго характера, какой усвоило себѣ общество съ самаго начала.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПЕРЕВОРОТЫ.

Нельзя ничего вообразить себѣ болѣе прочнымъ, какъ строй семьи древнихъ вѣковъ, содержавшей въ себѣ и своихъ боговъ, и свой культъ, и своихъ жрецовъ и магистратовъ. Нельзя ничего представить себѣ сильнѣе гражданской общины, также заключавшей въ себѣ и свою религію, и своихъ боговъ покровителей, и свое независимое жречество; она повелѣвала какъ душою, такъ и тѣломъ человѣка и безконечно могущественнѣе, чѣмъ теперь государство, соединяла въ себѣ двоякую власть, нынѣ раздѣлившуюся между государствомъ и церковью. Если какое-нибудь общество могло разсчитывать на долгое существованіе, то именно это. Однако и оно, подобно всему человѣческому, испытало рядъ переворотовъ.

Мы не можемъ опредѣленно сказать, когда именно начались эти перевороты. Въ самомъ дѣлѣ понятно, что время это не можетъ быть одинаково для различныхъ городовъ Греціи и Италіи. Очевидно только, что, начиная съ VII вѣка до нашей эры, соціальная организація стала почти вездѣ подвергаться нападкамъ и критикѣ. Съ этого времени она держалась съ усиліемъ и только путемъ болѣе или менѣе ловкихъ попытокъ сопротивленія и уступокъ. Такимъ образомъ въ теченіе многихъ вѣковъ защищалась она среди вѣчной борьбы, пока наконецъ не погибла.

Причины, приведшія ее къ упадку, могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ. Первая состоитъ въ перемѣнѣ, исподволь происшедшей въ мысляхъ людей вслѣдствіе естественнаго развитія человѣческаго ума, которая, изглаживая и уничтожая древнія вѣрованія, въ то же время подкопалась подъ общественное зданіе, ими возведенное и ими одними поддерживаемое. Другая причина кроется въ существованіи цѣлаго класса людей, помѣщеннаго внѣ подобной организаціи гражданской общины, страдавшаго отъ такого положенія дѣлъ, страстно желавшаго ея погибели и вступавшаго съ нею въ непрерывную войну.

Какъ только вѣрованія, на какихъ основывался этотъ общественный строй, ослабли, и интересы большинства оказались съ нимъ въ противорѣчіи, онъ неизбѣжно былъ обреченъ па-

денію. Ни одна гражданская община не избѣгла этого закона преобразованій, ни Спарта, ни Аѳины, ни Римъ. Подобно тому какъ мы видѣли, что народы Греціи и Италіи имѣли вначалѣ общія вѣрованія, и что у нихъ установился одинаковый рядъ схожихъ учрежденій, такъ и теперь мы увидимъ, что всѣ гражданскія общины испытали одни и тѣ же перевороты.

Надо изучить, какъ и почему люди удалились постепенно отъ своей древней организаціи, не съ тѣмъ чтобы въ концѣ концовъ погибнуть, а чтобы приблизиться, напротивъ, къ иной лучшей, болѣе широкой и новой формѣ общежитія. Каждая изъ ихъ соціальныхъ перемѣнъ, хотя и подъ видомъ безпорядка, а иногда даже упадка, приближала ихъ къ цѣли, предугадать которую они были не въ состояніи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Патриціи и кліэнты.

До сихъ поръ мы не говорили о низшихъ классахъ, и говорить о нихъ пока было не мѣсто. Надо было описать первобытный строй гражданской общины, а низшіе классы въ немъ ровно ничего не значили. Гражданская община была устроена такимъ образомъ, какъ будто бы этихъ классовъ вовсе не существовало. Слѣдовательно мы вполнѣ основательно могли отложить ихъ изученіе до того времени, когда придется говорить о переворотахъ.

Древняя гражданская община, какъ и всякое человѣческое общество, представляла въ средѣ своей разные порядки, отличія и неравенства. Такъ извѣстно первоначальное различіе въ Аѳинахъ между эвпатридами и ѳетами; въ Спартѣ мы находимъ классъ равныхъ и классъ низшихъ; въ Эвбеѣ — всадниковъ и простой народъ. Исторія Рима полна борьбы патриціевъ и плебеевъ, борьбы, встрѣчавшейся также и во всѣхъ другихъ гражданскихъ общинахъ сабинскихъ, латинскихъ и этрусскихъ. Можно даже замѣтить, что чѣмъ дальше углубляться въ исторію Греціи и Италіи, тѣмъ рѣзче являются различія и тѣмъ опредѣленнѣе общественные разряды: несомнѣнное доказательство, что неравенство произошло не постепенно съ теченіемъ вѣковъ, но что оно существовало съ самаго начала и что оно современно возникновенію гражданскихъ общинъ.

Важно найти, на какихъ началахъ основывалось это дѣленіе классовъ. Тогда будетъ много легче понять, въ силу какихъ идей или потребностей должна была возгорѣться борьба, что именно потребовали себѣ низшіе классы и во имя какихъ принциповъ высшіе защищали свои преимущества.

Выше было видно, что гражданская община вышла изъ федераціи или союза семей и трибъ. Слѣдовательно еще ранѣе

возникновенія гражданской общины семья заключала уже въ себѣ дѣленіе на классы. Дѣйствительно, семья не распадалась; она была такъ же недѣлима, какъ и первобытная религія очага. Старшій сынъ, единственный наслѣдникъ отца, бралъ въ свои руки религію, собственность, власть, и его братья находились съ нимъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ съ отцомъ. Изъ поколѣнія въ поколѣніе передавалась семейная власть отъ старшаго къ старшему; глава семьи совершалъ жертвоприношенія, произносилъ молитвы, судилъ, управлялъ. Ему одному вначалѣ принадлежало названіе *pater*, такъ какъ слово это, означавшее власть, а не общаго отца, могло прилагаться тогда только къ главѣ семьи. Его сыновья, его братья, его слуги,—всѣ называли его такъ.

Такимъ образомъ вотъ первое основаніе неравенства во внутреннемъ строѣ семьи. Старшій владѣетъ преимуществомъ въ культѣ, въ наслѣдованіи, въ управленіи. Спустя нѣсколько поколѣній въ каждой изъ такихъ большихъ семей естественно образуются младшія вѣтви, которыя въ силу религіи и привычки находятся въ низшемъ положеніи относительно старшей и которыя живутъ подъ ея покровительствомъ и ей повинуются.

Затѣмъ у семьи есть слуги, которые не разстаются съ нею, такъ какъ наслѣдственно къ ней прикрѣплены и надъ ними *pater* или *патронъ* имѣетъ троякую власть господина, судьи и жреца. Они носятъ разныя названія въ различныхъ мѣстахъ, но наиболѣе извѣстныя изъ этихъ названій—кліэнты и ѳеты.

Вотъ еще низшій классъ. Кліэнтъ стоялъ ниже не только верховнаго главы семьи, но также и младшихъ вѣтвей. Между ними и имъ—то различіе, что членъ младшей отрасли, восходя въ ряду своихъ предковъ, всегда находилъ въ ихъ числѣ *pater*, т.-е. главу семьи, одного изъ тѣхъ божественныхъ предковъ, къ которымъ семья возноситъ свои молитвы. А такъ какъ онъ происходитъ отъ *pater*, то онъ и зовется по-латыни *patricius*. Сынъ кліэнта, напротивъ, какъ бы глубоко не искалъ въ своей родословной, всегда доходитъ до кліэнта или раба. У него нѣтъ *pater* среди его предковъ. Отсюда вытекаетъ для него то состояніе подчиненности, изъ котораго ничто не можетъ вывести его.

Различіе между этими двумя классами людей вполнѣ ясно въ томъ, что касается матеріальныхъ интересовъ. Собственность семьи принадлежитъ всецѣло главѣ ея, который пользуется ею сообща съ младшими отраслями и даже съ кліэнтами. Но въ то время, какъ младшая вѣтвь имѣетъ по крайней мѣрѣ при случайности право на собственность, если прекратится старшая линія, кліэнтъ не можетъ никогда сдѣлаться собственникомъ. Земля, которую онъ воздѣлываетъ, дана ему лишь на время и по смерти его возвращается къ патрону; римское право позднѣйшихъ временъ сохранило слѣдъ того

древняго правила, что называлось *jus applicationis* [1]). Даже деньги кліэнта не принадлежали ему; ихъ настоящимъ владѣльцемъ былъ патронъ, и онъ могъ завладѣть ими для своихъ личныхъ потребностей. Именно въ силу этого древняго правила римское право гласитъ, что кліэнтъ обязанъ одѣлить приданымъ дочь своего патрона, что онъ долженъ платить за него денежные штрафы, вносить за него выкупъ и участвовать въ издержкахъ при занимаемыхъ имъ общественныхъ должностяхъ.

Въ религіи различіе еще болѣе ясно. Потомокъ *отца*, *patris*, только одинъ можетъ совершать обряды семейнаго культа. Кліэнтъ присутствуетъ при этомъ; за него приносится жертва, но совершать жертвоприношеніе самъ онъ не можетъ. Между нимъ и домашнимъ божествомъ всегда стоитъ посредникъ. Онъ даже не можетъ замѣстить собою семью въ случаѣ ея отсутствія. Если семья эта угаснетъ, кліэнты не продолжаютъ ея культа; они расходятся, кто куда. Это оттого, что религія для нихъ не родовое наслѣдіе, она—не связана съ ними кровными узами и досталась имъ не отъ ихъ собственныхъ предковъ. Она заимствована у другихъ; они ею пользовались, но не владѣли.

Вспомнимъ еще, что, по понятіямъ древнихъ поколѣній, право имѣть бога и молиться ему—было наслѣдственно. Священное преданіе, обряды, завѣтныя слова, могущественныя формулы заклятій, имѣвшихъ принудительную силу надъ богами,—все это передавалось вмѣстѣ съ кровью. Слѣдовательно было вполнѣ естественно, что въ каждой изъ этихъ древнихъ семей, свободная и природная часть ея, несомнѣнно происходившая отъ перваго предка, одна обладала правомъ служенія богамъ. Патриціи или эвпатриды пользовались преимуществомъ быть жрецами и имѣть религію, считавшуюся ихъ неотъемлемою собственностью [2]).

Такимъ образомъ еще раньше выхода изъ чисто семейнаго быта уже существовало различіе между классами; древняя домашняя религія установила эту разницу. Когда потомъ образовалась гражданская община, ничто не подверглось измѣненію во внутреннемъ строѣ семьи. Мы раньше показали, что гражданская община была вначалѣ не союзомъ отдѣльныхъ личностей, но федераціей трибъ, курій и семей, и что въ союзѣ подобнаго рода каждая изъ составныхъ этихъ частей осталась тѣмъ же, чѣмъ и раньше. Главы ихъ соединились между собою, но каждый изъ нихъ остался полнымъ хозяиномъ въ томъ самомъ обществѣ, гдѣ онъ былъ главою. Оттого-то римское право такъ долго сохраняло за отцомъ (*pater*) полную власть надъ его семьею и неограниченное право и судъ относительно его кліэнтовъ. Различіе между

[1]) Цицеронъ, *de oratore* I, 39; Авлъ-Геллій, V, 13.
[2]) Діодоръ, I, 28; Поллуксъ, VIII, 3; *Etymologicum magnum*, p. 395.— Діонисій Галикарн., II, 9; Титъ Ливій, X, 6—8; IV, 2; VI, 41.

классами, возникнувъ въ семьѣ, продолжалось и въ гражданской общинѣ.

Гражданская община въ первое время была союзомъ главъ отдѣльныхъ семей. Есть свидѣтельства о томъ времени, когда только они одни могли быть гражданами. Можно отыскать еще слѣдъ этого древняго правила въ древнемъ законѣ Аѳинъ, который гласитъ, что для того, чтобы стать гражданиномъ, надо имѣть свое домашнее божество [1]).

Аристотель замѣчаетъ, что въ древности въ нѣкоторыхъ городахъ было правило, что сынъ не могъ быть гражданиномъ при жизни отца, а послѣ его смерти—одинъ только старшій сынъ пользовался его политическими правами [2]). Стало быть законъ не причислялъ къ гражданской общинѣ младшія отрасли, а тѣмъ менѣе, кліэнтовъ. Вотъ почему Аристотель прибавляетъ, что настоящихъ гражданъ тогда было очень небольшое число.

Собраніе, завѣдывавшее общими интересами гражданской общины, состояло въ эти отдаленныя времена только изъ главъ отдѣльныхъ семей, или *patres*. Можно не повѣрить Цицерону, когда онъ утверждаетъ, что Ромулъ назвалъ *отцами* сенаторовъ, чтобъ выразить этимъ отеческую любовь ихъ къ народу. Члены древняго сената естественно носили это названіе потому, что они были главами родовъ (*gentes*). Въ то же время какъ всѣ они вмѣстѣ представляли гражданскую общину, каждый изъ нихъ порознь оставался полнымъ владыкой своего *рода*, гдѣ онъ какъ бы царствовалъ. Съ самыхъ первыхъ временъ Рима мы видимъ еще другое болѣе многочисленное собраніе,—по куріямъ; но оно мало разнится отъ собранія отцовъ (*patres*). Главная составная часть и этого собранія состоитъ изъ нихъ же, только съ тою разницею, что каждый *pater* является здѣсь окруженный своею семьею; его родственники и даже кліэнты сопровождаютъ его и свидѣтельствуютъ объ его могуществѣ. Каждая семья, впрочемъ, владѣетъ на этихъ комиціяхъ только однимъ голосомъ [3]).

Можно думать, что глава совѣщался со своими родственниками и даже кліэнтами, но ясно, что голосъ подаетъ онъ одинъ. Законъ къ тому же запрещалъ кліэнту держаться иного мнѣнія, чѣмъ его патронъ [4]). Если кліэнты и связаны съ гражданскою общиною, то только чрезъ посредство своихъ патриціанскихъ главъ. Они участвуютъ въ общественномъ культѣ, выступаютъ передъ судомъ и входятъ на народныя собранія, но только за своими патронами.

Не надо воображать себѣ гражданскую общину древнихъ вѣковъ какъ собраніе людей, живущихъ въ безпорядкѣ въ

[1]) Гарпократіонъ, сл. Ζεὺς ἑρκεῖος.
[2]) Аристотель, *Политика*, V, 5, 3.
[3]) Авлъ Геллій, XV, 27. Мы увидимъ, что впослѣдствіи положеніе кліэнтовъ измѣнилось; здѣсь мы говоримъ только о первыхъ вѣкахъ Рима.
[4]) Діонисій, II, 10: οὔτε ὅσιον οὔτε θέμις ψῆφον ἐναντίαν φέρειν.

предѣлахъ городскихъ стѣнъ. Городъ въ первое время не былъ мѣстомъ жительства; онъ былъ святилищемъ, гдѣ обитали боги общины; онъ былъ крѣпостью, которая ихъ оберегала и сама освящалась ихъ присутствіемъ; здѣсь было главное мѣсто союза, пребываніе царя и жрецовъ, здѣсь творился судъ и расправа; но люди здѣсь не жили. Въ теченіе многихъ поколѣній люди продолжали жить внѣ города, отдѣльными семьями, разсѣявшимися по странѣ. Каждая семья занимала особую область, гдѣ у ней было свое особое святилище и гдѣ она составляла, подъ властью *отца* (*pater*), нераздѣльную группу [1]). Затѣмъ въ извѣстные дни, если того требовали интересы гражданской общины или общій культъ, главы этихъ семей отправлялись въ городъ и собирались вокругъ царя или для обсужденія чего-либо, или для совершенія жертвоприношенія. Если дѣло шло о войнѣ, каждый родоначальникъ приходилъ съ своею семьею и слугами (*sua manus*); они выстраивались по фратріямъ или куріямъ и составляли войско гражданской общины подъ главнымъ начальствомъ царя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Плебеи.

Теперь надо указать на другую составную часть населенія, которая стояла ниже самихъ кліэнтовъ и которая, слабая и незначительная вначалѣ, пріобрѣла незамѣтно достаточно силы что разбить и нарушить древнюю социальную организацію. Этотъ классъ, сдѣлавшійся болѣе многочисленнымъ въ Римѣ, чѣмъ въ какой-либо иной гражданской общинѣ, назывался плебсомъ. Надо узнать происхожденіе и характеръ этого класса для того, чтобъ понять ту роль, которую онъ сыгралъ въ исторіи гражданской общины и семьи въ древнемъ мірѣ.

Плебеи не были кліэнты; историки древности никогда не смѣшиваютъ эти два класса между собою. Титъ Ливій говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „Плебсъ не хотѣлъ принять участія въ выборѣ консуловъ; оттого консулы были выбраны патриціями и ихъ кліэнтами“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „Плебсъ жаловался, что у патриціевъ слишкомъ много вліянія въ комиціяхъ, благодаря голосамъ ихъ кліэнтовъ“ [3]). У Діонисія Галикарнасскаго читаемъ: „Плебеи вышли изъ Рима и удалились на Священную гору; въ городѣ остались одни патриціи съ ихъ кліэнтами“. И далѣе: „Недовольные плебеи отказались вступать въ ряды войска, тогда патриціи взялись

[1]) Θукидидъ, II, 15—16, описываетъ древніе нравы, существовавшіе въ Аѳинахъ до его времени: τῇ κατὰ χώραν αὐτονόμῳ οἰκήσει μετεῖχον οἱ Ἀθηναῖοι, ἐν τοῖς ἀγροῖς πανοικησίᾳ οἰκήσαντες. Только вначалѣ Пелопонесской войны покинули они οἰκίας καὶ ἱερὰ ἃ διὰ παντὸς ἦν αὐτοῖς ἐκ τῆς κατὰ τὸ ἀρχαῖον πολιτείας πάτρια.

[2]) Титъ Ливій, II, 64.

[3]) Титъ Ливій, II, 56.

за оружіе съ своими кліэнтами и началась война [1])“. Этотъ плебсъ, совершенно отдѣльный отъ класса кліэнтовъ, не составлялъ, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка, части того, что называлось римскимъ народомъ. Въ одной древней формулѣ молитвы, употреблявшейся еще во времена пуническихъ войнъ, къ богамъ обращались съ просьбою быть милостивыми „къ народу и къ плебсу“ [2]).

Слѣдовательно плебсъ не входилъ въ составъ народа вначалѣ. Народъ состоялъ изъ патриціевъ и кліэнтовъ; плебсъ состоялъ внѣ его.

Относительно первоначальнаго образованія плебса древніе даютъ намъ мало указаній. Однако мы имѣемъ нѣкоторое основаніе предположить, что онъ состоялъ, по большей части, изъ древнихъ покоренныхъ и порабощенныхъ населеній. Тѣмъ не менѣе намъ странно читать у Тита Ливія, прекрасно знавшаго древнія преданія, что патриціи упрекали плебеевъ не тѣмъ, что они происходятъ отъ покореннаго населенія, а неимѣніемъ религіи и даже семьи. Упрекъ этотъ, уже незаслуженный во времена Лицинія Столона и почти непонятный для современника Тита Ливія, очевидно восходитъ къ эпохѣ крайне отдаленной и переноситъ насъ къ первоначальнымъ временамъ гражданской общины.

Дѣйствительно въ самой природѣ древнихъ религіозныхъ понятій кроются многочисленныя причины, повлекшія за собою образованіе низшаго класса. Домашняя религія не распространялась; родившись въ семьѣ, она и осталась въ ней замкнутой; каждая семья сама должна была создать себѣ свое вѣрованіе, своихъ боговъ, свой культъ. Но могло случиться такъ, что нѣкоторыя семьи не имѣли достаточно духовной силы, чтобы создать себѣ особое божество, установить въ честь него культъ, сочинить гимнъ и ритмъ молитвы. Уже чрезъ одно это такія семьи очутились въ положеніи болѣе низкомъ въ отношеніи тѣхъ, у кого была религія, и онѣ не могли входить въ сообщество съ ними. Могло случиться конечно и такъ, что у семей былъ уже домашній культъ, но онѣ утеряли его, или по нерадѣнію и забвенію обрядовъ или вслѣдствіе одного изъ тѣхъ преступленій и одного изъ тѣхъ проступковъ, которые влекли за собою запрещеніе для человѣка приближаться къ своему очагу и продолжать свой культъ. Наконецъ могло случиться, что кліэнты,

[1]) Діонисій, VI, 46; VII, 19; X, 27.

[2]) Титъ Ливій, XXIX, 27: *Ut ea mihi populo plebique romanae bene verruncent.* — Цицеронъ, *pro Murena*, I: *Ut ea res mihi magistratuique meo, populo plebique romanae bene atque feliciter eveniat.* — Макробій (*Saturn.*, I, 17) приводитъ древнее изреченіе прорицателя Марція, гласившее: *Praetor qui jus populo plebique dabit.* Древніе писатели не всегда давали себѣ отчетъ въ этомъ существенномъ отличіи между *populus* и *plebs;* это происходило оттого, что въ ихъ время этого значенія уже не существовало. Во времена Цицерона уже давно *plebs* составлялъ часть *populus*. Но древнія формулы остались какъ слѣды того времени, когда эти оба различныя населенія еще не сливались воедино.

исполнявшие все время культъ своего патрона и не знавшие никакого иного, были исключены изъ семьи или сами покинули ее по своей охотѣ. Это было отреченіе отъ религіи. Прибавимъ еще, что сынъ, рожденный отъ брака, заключеннаго безъ соблюденія священныхъ обрядовъ, считался побочнымъ, подобно рожденному отъ простой связи, и домашняя религія не существовала для него. Всѣ эти люди, исключенные изъ семей и отрѣшенные отъ культа, попали въ разрядъ людей, не имѣющихъ своего очага. Существованіе плебса было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ исключительной природы античнаго организма.

Этотъ классъ людей встрѣчался почти во всѣхъ древнихъ гражданскихъ общинахъ, но стоялъ отдѣльно, отдѣленный отъ нея раздѣлительною чертою. Греческій городъ—двойственнаго вида; прежде всего онъ состоялъ изъ города, въ собственномъ смыслѣ этого слова, πόλις, возвышавшагося обыкновенно на вершинѣ какого-либо холма; онъ былъ основанъ съ соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ и заключалъ въ себѣ святилище городскихъ божествъ. У подножія холма находилось собраніе домовъ, построенныхъ безъ всякихъ религіозныхъ церемоній и безъ священной ограды; здѣсь мѣсто жительства плебса, который не можетъ проживать въ священномъ городѣ.

Въ Римѣ первоначальное различие между двумя населеніями—поразительно. Городъ патриціевъ и ихъ кліэнтовъ—тотъ самый, который былъ основанъ Ромуломъ согласно религіознымъ обрядамъ на холмѣ Палатинскомъ. Мѣстопребываніемъ плебса было убѣжище (asylum), огороженное пространство земли на склонѣ Капитолійскаго холма, гдѣ первый римскій царь помѣстилъ всѣхъ лицъ, не имѣвшихъ ни священнаго огня, ни постояннаго пріюта; онъ не могъ позволить имъ войти въ его городъ. Впослѣдствіи, когда въ Римъ сошлись новые плебеи, то ихъ, какъ чуждыхъ религіи гражданской общины, водворили на Авентинскомъ холму, т.-е. внѣ священной ограды и религіознаго города [1]).

Одно слово характеризуетъ этихъ плебеевъ: у нихъ нѣтъ культа; по крайней мѣрѣ патриціи упрекаютъ ихъ въ томъ: „У нихъ нѣтъ предковъ", говорятъ ихъ противники, а это значитъ, что у нихъ нѣтъ извѣстныхъ и законно признанныхъ предковъ. „У нихъ нѣтъ отцовъ", т.-е. въ ряду ихъ нисходящихъ предковъ у нихъ нѣтъ никого, кто былъ бы главою религіозной семьи, *pater*. „У нихъ нѣтъ рода, *gentem non habent*", т.-е. у нихъ только естественный родъ и семья; что же касается до рода (*gens*) настоящаго, образованнаго и установленнаго религіею, то его у нихъ нѣтъ [2]).

---

[1]) Авлъ Геллій, XIII, 14; Титъ Ливій, I, 33.

[2]) Существованіе плебейскихъ *родовъ* (gentes) достовѣрно извѣстно только въ послѣдніе три вѣка республики. Тогда плебсъ уже преобразовался и пріобрѣлъ многія права патриціевъ; въ то же время онъ усвоилъ ихъ нравы и видоизмѣнилъ свое устройство по ихъ образцу.

Для нихъ не существуетъ священнаго брака, и обряды его имъ неизвѣстны. Такъ какъ у нихъ нѣтъ очага, то и союзъ, установляемый очагомъ, имъ недоступенъ. Вотъ почему патрицій, не вѣдающій иного законнаго союза, кромѣ того, который соединяетъ супруга и супругу предъ лицомъ домашняго божества, имѣетъ основаніе сказать о плебеяхъ: *Connubia promiscua habent more ferarum*.

Если для нихъ не существуетъ семьи, то у нихъ нѣтъ и отцовской власти. Они могутъ имѣть надъ своими дѣтьми только ту власть, какую даетъ простая сила или естественное чувство; но у нихъ нѣтъ той священной власти, какую одна религія даетъ отцу.

Для нихъ не существуетъ и права собственности, такъ какъ всякая собственность устанавливается и освящается непремѣнно очагомъ, могилою предковъ, богами термами, т.-е. всѣми элементами домашняго культа. Если плебей владѣетъ землею, то земля эта не имѣетъ священнаго характера; она — простая обыкновенная земля и не обозначена межевыми знаками. Да и могъ ли еще онъ владѣть землею въ первые вѣка? Извѣстно, что въ Римѣ правомъ собственности могли пользоваться только одни граждане, плебей же въ первыя времена Рима не былъ гражданиномъ. Въ правѣ сказано, что собственникомъ можно быть только по праву квиритовъ, плебей же вначалѣ не считался среди квиритовъ. При возникновеніи Рима *ager romanus* было раздѣлено между трибами, куріями и родами [1]); плебеи же не принадлежали ни къ какой изъ этихъ группъ, а оттого конечно и не участвовали въ раздѣлѣ. Плебеямъ, не имѣвшимъ религіи, недоставало того, что даетъ человѣку возможность наложить свой отпечатокъ на часть земли и сдѣлать ее своею. Извѣстно, что они долгое время жили на Авентинскомъ холму и строили тамъ себѣ жилища; но только три вѣка спустя и послѣ долгой борьбы они получили наконецъ въ собственность эту землю [2]).

Для плебеевъ нѣтъ ни закона, ни правосудія, такъ какъ законъ есть постановленіе религіи, а отправленіе правосудія—собраніе обрядовъ. Кліэнтъ пользуется правами гражданской общины чрезъ посредство патрона, но для плебея право это не существуетъ. Одинъ древній историкъ говоритъ вполнѣ опредѣленно, что первые законы даны были плебсу шестымъ римскимъ царемъ, тогда какъ законы патриціевъ существовали уже долгое время [3]). Кажется даже, что законы эти впослѣдствіи были отняты у плебса или что патриціи отказались исполнять ихъ, такъ какъ они не были основаны на религіи; по крайней мѣрѣ мы видимъ у того же истори-

---

[1]) Варронъ, *De ling. lat.*, V, 55; Діонисій, II, 7.

[2]) Діонисій, X, 32; Титъ Ливій, III, 31.

[3]) Діонисій, IV, 43.

ка, что когда была установлена должность трибуновъ, понадобился особый законъ для охраны ихъ жизни и свободы, и этотъ законъ излагался такъ: „Пусть никто не осмѣлится ударить или убить трибуна, какъ простого плебея“ [1]). Такимъ образомъ, какъ кажется, можно было по праву ударить или убить плебея или, по крайней мѣрѣ, подобный проступокъ, совершенный противъ лица, стоявшаго внѣ закона, не наказывался закономъ.

Для плебеевъ не было политическихъ правъ. Прежде всего, они—не граждане, и никто изъ нихъ не могъ сдѣлаться магистратомъ. Въ Римѣ въ теченіе двухъ вѣковъ не было иного собранія, какъ только по куріямъ; куріи же въ первые три вѣка Рима заключали въ себѣ только патриціевъ и ихъ кліэнтовъ. Плебсъ не входилъ даже въ составъ войска, пока оно распредѣлялось по куріямъ.

Главнѣйшее отличіе плебея отъ патриція заключалось въ томъ, что плебей не принадлежалъ къ религіи гражданской общины. Ему невозможно было исполнять какую-либо должность священнаго характера. Возможно предполагать, что въ первые вѣка ему запрещалась даже молитва и нельзя было открывать ему тайны обрядовъ. То же самое было и въ Индіи, гдѣ „судрѣ никогда нельзя узнать священныхъ формулъ“. Плебей—человѣкъ посторонній, чужой, и, слѣдовательно, одно его присутствіе оскверняетъ жертвоприношеніе. Богамъ не угодно его присутствіе и моленіе. Между нимъ и патриціемъ все то огромное различіе, какое только можетъ религія установить между людьми. Плебсъ—классъ презрѣнныхъ, низкихъ людей, стоящихъ внѣ религіи, внѣ закона, внѣ общества, внѣ семьи. Патрицій можетъ сравнивать подобное существованіе только съ образомъ жизни животныхъ, *more ferarum*. Прикосновеніе плебея—нечисто и оскверняетъ. Децемвиры упустили изъ вида запретить заключеніе брака между этими двумя классами въ своихъ первыхъ Десяти Таблицахъ; это случилось оттого, что всѣ первые децемвиры были патриціи и никому изъ нихъ не могла и въ голову притти мысль о возможности подобнаго брачнаго союза.

Въ первобытную эпоху гражданскихъ общинъ нѣсколько классовъ наслоились одинъ на другой. Во главѣ стояла аристократія изъ семейныхъ главъ или старѣйшинъ, называвшихся на оффиціальномъ языкѣ Рима *patres*; кліэнты звали ихъ *reges*, а въ Одиссеѣ они носятъ названіе βασιλεῖς или ἄνακτες. Ниже стояли младшія вѣтви семей, еще ниже—кліэнты, а еще ниже, совсѣмъ внизу и почти внѣ общества,—плебеи.

Такое различіе между классами вышло изъ религіи. Въ то еще время, когда предки грековъ, италійцевъ и индусовъ жили вмѣстѣ въ центральной Азіи, религія сказала имъ:

1) Діонисій, VI, 89; ὡς ἕνα τῶν πολλῶν. Выраженіе οἱ πολλοί часто употребляется у Діонисія при обозначеніи плебса.

„Пусть старшій будетъ творить молитву“. Отсюда вышло преимущество старшаго во всемъ; старшая отрасль во всякой семьѣ всегда сохраняла за собою право служенія богамъ, а оттого и право господства. Религія однако ставила высоко и младшія вѣтви, которыя служили ей какъ бы вспомогательнымъ средствомъ для того, чтобы, когда будетъ нужно, замѣнить собою угасшую старшую вѣтвь и спасти тѣмъ культъ. Наконецъ, религія цѣнила нѣсколько кліэнта и даже раба, такъ какъ они присутствовали при религіозныхъ дѣйствіяхъ; но что касается до плебея, не имѣвшаго никакого участія въ культѣ, она не цѣнила его ни во что. Вотъ какимъ путемъ установились между людьми классовыя различія.

Однако ни одна изъ соціальныхъ формъ, придуманныхъ и установленныхъ человѣкомъ, не была неизмѣнна; та же, о которой у насъ идетъ рѣчь, носила въ самой себѣ зародышъ болѣзни и смерти, а именно черезчуръ значительное неравенство. Великое множество людей было заинтересовано въ разрушеніи такой соціальной организаціи, которая не доставляла имъ ни малѣйшаго благополучія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первый переворотъ.

1. *Цари лишаются политической власти.*

Мы уже сказали, что вначалѣ царь былъ религіознымъ главою гражданской общины, верховнымъ жрецомъ общественнаго очага, и что съ своей религіозною властью онъ соединялъ и власть политическую, такъ какъ казалось вполнѣ естественнымъ, чтобы человѣкъ, представлявшій собою религію гражданской общины, былъ въ то же время и предсѣдателемъ собранія, и судьею, и начальникомъ войска. Въ силу этого принципа произошло то, что вся власть въ государствѣ сосредоточилась въ рукахъ царя.

Но главы отдѣльныхъ родовъ, *patres*, а надъ нимъ—главы фратрій и трибъ составляли вокругъ царя очень сильную аристократію. Царь не былъ единственнымъ царемъ, каждый *pater* былъ такимъ же царемъ въ своемъ *родѣ* (gens); въ Римѣ былъ даже древній обычай называть каждаго изъ могущественныхъ патроновъ—царемъ; въ Ѳивахъ у всякой фратріи и трибы имѣлся свой особый глава, и наравнѣ съ царемъ гражданской общины были цари отдѣльныхъ трибъ, φυλοβασιλεῖς. То была цѣлая іерархія вождей, имѣвшихъ, въ области болѣе или менѣе широкой, одинаковыя свойства и преимущества и одну и ту же неприкосновенность. Царь гражданской общины не простиралъ свою власть на все населеніе; внутренній составъ семей и все кліэнтство ускользали изъ-подъ

его вѣдѣнія. Подобно феодальному царю, подданные котораго состояли всего-на-всего изъ нѣсколькихъ могущественныхъ вассаловъ, царь древней гражданской общины простиралъ свою власть только на вождей отдѣльныхъ трибъ и *родовъ*, изъ которыхъ каждый лично могъ быть могущественнымъ не менѣе его и которые, соединившись вмѣстѣ, были много его сильнѣе. Надо полагать, что ему не легко было заставить себя слушаться. Людямъ приходилось оказывать ему большое почтеніе, такъ какъ онъ былъ главою культа и хранителемъ очага, но они мало оказывали ему покорности, потому что у него было мало силы. Правитель и управляемые несомнѣнно скоро замѣтили, что они различнаго мнѣнія относительно предѣла должнаго повиновенія. Цари стремились стать могущественными, *отцы* же желали совсѣмъ противнаго. Такимъ образомъ возгорѣлась борьба во всѣхъ гражданскихъ общинахъ между аристократіей и царями.

Исходъ борьбы былъ вездѣ одинаковъ: царская власть потерпѣла пораженіе. Однако не надо упускать изъ виду, что первоначальная царская власть была священнаго характера. Царь — это человѣкъ, произносившій молитвы, совершавшій жертвоприношенія, обладавшій еще по праву наслѣдованія властью призывать на городъ благоволеніе боговъ. Слѣдовательно, нельзя было и думать обойтись безъ царя; царь требовался и для религіи, и для благополучія гражданской общины. Вотъ отчего, какъ мы видимъ, во всѣхъ гражданскихъ общинахъ, исторія которыхъ намъ извѣстна, сначала и не коснулись религіозной власти царя, а удовольствовались отнятіемъ у него власти политической, которая была только какъ бы дополненіемъ его власти религіозной, а вслѣдствіе этого и не имѣла священнаго и ненарушимаго характера, подобно послѣдней. Можно было отнять ее отъ царя безъ всякой опасности поколебать религію.

Такимъ образомъ, царская власть была сохранена, но, лишенная своего могущества, она обратилась въ простое достоинство жреца. „Во времена весьма древнія, говоритъ Аристотель, цари пользовались неограниченною властью и во время мира и на войнѣ; но впослѣдствіи одни изъ нихъ сами отказались отъ этой власти, у другихъ она была отнята силою, такъ что царямъ оставлена была только одна забота о совершеніи жертвоприношенія". Плутархъ говоритъ то же самое: „Такъ какъ цари явили себя гордыми и жестокими въ управленіи, то большинство грековъ лишили ихъ власти и предоставили имъ одно только попеченіе о религіи" [1]). Геродотъ, разсказывая о городѣ Киренѣ, говоритъ: „Ваттосу, потомку царей, было предоставлено попеченіе о культѣ и владѣніе священными землями, но у него отобрали всю ту власть, какою пользовались его предки".

[1]) Аристотель, *Политика*, III, 9, 8. Плутархъ, *Римскіе вопросы*, 63.

Царскій санъ, сведенный такимъ образомъ къ одному исполненію жреческихъ обязанностей, оставался долгое время наслѣдственнымъ въ священной семьѣ, воздвигшей нѣкогда очагъ и положившей основаніе національному культу. Во времена римской исторіи, т.-е. семь или восемь вѣковъ послѣ такого переворота, въ Эфесѣ, въ Марселѣ, въ Ѳеспіяхъ были еще семьи, сохранявшія титулъ и внѣшніе знаки древняго царскаго достоинства и являвшіяся еще руководителями религіозныхъ церемоній [1]). Въ другихъ городахъ священные роды угасли, царскій санъ сдѣлался выборнымъ, и обыкновенно на годичный срокъ.

2. Исторія этого переворота въ Спартѣ.

Въ Спартѣ всегда были цари, но однако переворотъ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, совершился и тамъ точно такъ же, какъ и въ другихъ гражданскихъ общинахъ.

Первые дорійскіе цари, по всей видимости, пользовались властью неограниченною. Но, начиная съ третьяго поколѣнія, возгарается распря между царями и аристократіей. Въ теченіе двухъ вѣковъ происходитъ цѣлый рядъ междоусобныхъ столкновеній, сдѣлавшихъ изъ Спарты одну изъ наиболѣе безпокойныхъ общинъ въ Греціи [2]); извѣстно, что одинъ изъ этихъ царей, а именно отецъ Ликурга, палъ жертвою въ междоусобной войнѣ [3]).

Исторія Ликурга одна изъ наиболѣе темныхъ; его древній біографъ начинаетъ разсказъ такими словами: „О немъ нельзя ничего сказать, что не вызывало бы спора". Повидимому вполнѣ достовѣрно, что Ликургъ появился въ эпоху междоусобій, „въ то время, когда правительство постоянно колебалось вѣчными смутами" [4]). Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ о немъ свѣдѣній яснѣе всего извѣстно, что его реформа нанесла царской власти ударъ, отъ котораго ей никогда не удалось поправиться. „При Харилаѣ,—говоритъ Аристотель, монархія уступила мѣсто аристократіи" [5]).

Этотъ Харилай былъ царемъ, когда Ликургъ осуществилъ свою реформу. Притомъ изъ Плутарха извѣстно, что на Ликурга была возложена обязанность законодателя во время возмущенія, когда самому царю Харилаю пришлось искать убѣжища въ храмѣ. Ликургъ былъ въ то время властенъ совсѣмъ уничтожить царское достоинство, но онъ этого не сдѣлалъ, считая царскую власть необходимою, а право царствующей семьи — ненарушимымъ. Но онъ сдѣлалъ такъ, что цари съ тѣхъ поръ

[1]) Страбонъ, XIV, 1, 3. Діодоръ, IV, 29.
[2]) Ѳукидидъ, I, 18. Геродотъ, I, 65.
[3]) Страбонъ, VIII, 5. Плутархъ, *Ликургъ*, 2.
[4]) Плутархъ, *Ликургъ*, 5, *ibid.*, 8.
[5]) Аристотель, *Политика*, V, 10, 3 изд. Дидо, стр. 589. Гераклидъ въ *Отрывкахъ греческихъ историковъ*, собр. Дидо, т. II, стр. 210.

стали подчинены сенату во всемъ, что касалось управленія и обратились въ простыхъ предсѣдателей этого собранія и въ исполнителей его рѣшеній. Спустя одинъ вѣкъ царскій санъ былъ еще болѣе ослабленъ, и самая власть исполнительная была отъ него отнята; она была ввѣрена магистратамъ, выбиравшимся ежегодно и называвшимся эфорами.

По правамъ, предоставленнымъ эфорамъ, легко судить о той незначительной власти, которая оставлена была за царями. Эфоры творили правосудіе въ дѣлахъ гражданскихъ, сенатъ рѣшалъ дѣла уголовныя [1]). Эфоры, согласно рѣшенію сената, объявляли войну или установляли условія мирнаго договора. Во время войны два эфора сопровождали царя, чтобы наблюдать за нимъ; они опредѣляли планъ похода и заправляли всѣмъ его ходомъ [2]). Слѣдовательно, что же оставалось на долю царей, если у нихъ были отняты и правосудіе, и внѣшнія сношенія, и военныя операціи? Имъ оставалось жреческое достоинство. Геродотъ описываетъ ихъ прерогативы: „Когда гражданская община совершаетъ жертвоприношеніе, то первое мѣсто на священномъ пиршествѣ принадлежитъ царямъ, имъ первымъ подаются кушанья и всѣ въ двойномъ количествѣ. Они первые совершаютъ возліянія, и имъ принадлежатъ шкуры жертвенныхъ животныхъ. Каждому изъ нихъ даютъ два раза въ мѣсяцъ жертву, которую царь и приноситъ въ честь Аполлона“ [3]). „Цари—говоритъ Ксенофонтъ,—совершаютъ общественныя жертвоприношенія и получаютъ лучшую часть жертвеннаго мяса“. Если они не судятъ ни въ гражданскихъ, ни въ уголовныхъ дѣлахъ, то по крайней мѣрѣ за ними осталось право суда по нѣкоторымъ дѣламъ, касающимся религіи. Въ случаѣ войны одинъ изъ двухъ царей выступаетъ всегда во главѣ войска, совершая ежедневно жертвоприношенія и справляясь съ предвѣщаніями. Въ виду непріятеля онъ приноситъ жертвы и, если знаменія получаются благопріятныя, онъ даетъ сигналъ къ битвѣ. Въ сраженіи онъ окруженъ прорицателями, открывающими ему волю боговъ, и игроками на флейтѣ, исполняющими священные гимны. Спартанцы говорятъ, что начальствуетъ царь, потому что въ его рукахъ

---

[1]) Аристотель, *Политика*, III, 1, 7.

[2]) Ксенофонтъ, *Resp. Lac.*, 8, 11, 15; Элленика, II, 4, 36; VI, 4, 1. Эфоры предсѣдательствовали въ собраніи: Ѳукидидъ, I, 87. Они предписывали наборы войска: Ксенофонтъ, *Resp. Lac.*, 11; Эллен., VI, 4, 17. Они имѣли право судить царей, сажать ихъ въ темницы, приговаривать къ штрафу: Геродотъ, VI, 85, 82; Ѳукидидъ, I, 131; Плутархъ, *Ликургъ*, 12; *Агисъ*, 11; *Apohth. lac.*, стр. 221. Аристотель называетъ должность эфоровъ ἀρχὴ κυρία τῶν μεγίστων (*Политика*. II, 6, 14).—Цари сохранили за собою нѣкоторыя военныя права, но зачастую видно, что эфоры управляли ихъ экспедиціями или отзывали ихъ въ Спарту: Ксенофонтъ, *Элл.*, VI, 4, 1; Ѳукидидъ, V, 63; Плутархъ, *Агезилай*, 10, 17, 23, 28; *Лизандръ*, 23.

[3]) Геродотъ, VI, 56, 57; Ксенофонтъ, *Resp. Lac.*, 14. Аристотель, *Политика*, III, 9, 2.

религія и ауспиція; но всѣми движеніями войска [1]) завѣдуютъ эфоры и полемархи.

Слѣдовательно, вполнѣ справедливо можно сказать, что царскій санъ въ Спартѣ—наслѣдственное жреческое достоинство. Тотъже переворотъ, который отнялъ у царя политическую власть во всѣхъ гражданскихъ общинахъ, лишилъ его ея также и въ Спартѣ. Въ дѣйствительности власть принадлежала сенату, а исполненіе его повелѣній лежало на эфорахъ. Цари во всемъ, что только не касается религіи, подвластны эфорамъ. Вотъ почему Геродотъ вправѣ сказать, что Спартѣ неизвѣстенъ монархическій режимъ, а Аристотель,—что образъ правленія Спарты аристократическій [2]).

3. Тотъ же переворотъ въ Аѳинахъ.

Выше мы видѣли, въ какомъ состояніи находилось первобытное населеніе Аттики. Извѣстное число семей, вполнѣ независимыхъ и ничѣмъ не связанныхъ между собою, занимали всю страну; каждая семья составляла собою маленькое общество, управляемое наслѣдственнымъ главою. Затѣмъ эти семьи вступили между собою въ союзъ, и изъ ихъ ассоціаціи произошла аѳинская гражданская община. Приведеніе къ концу великаго дѣла объединенія Аттики приписывалось Тезею. Преданія прибавляли къ этому, съ чѣмъ мы легко соглашаемся, что Тезею пришлось одолѣть не мало препятствій. Сопротивленіе ему исходило не изъ класса кліэнтовъ и бѣдняковъ, разсѣянныхъ по мѣстечкамъ и родамъ. Эти люди скорѣе должны были радоваться перемѣнѣ, дававшей новаго главу ихъ вождямъ и тѣмъ самымъ обезпечивавшей имъ заступничество и покровительство. Отъ такой перемѣны пострадали главы отдѣльныхъ семей, вожди мѣстечекъ и трибъ, βασιλεῖς, φιλοβασιλεῖς, и тѣ эвпатриды, которые владѣли наслѣдственнымъ правомъ верховной власти въ ихъ родѣ или трибѣ. Они защищали, насколько могли, свою независимость, а утративъ ее, сожалѣли о ней.

По крайней мѣрѣ они удержали отъ своей древней власти все, что только могли удержать. Каждый изъ нихъ остался всесильнымъ главою своей трибы, своего рода. Тезей не могъ разрушить власть, установленную религіей, отъ которой она получила свой неприкосновенный характеръ. Этого еще мало. Если прослѣдить преданія, относящіяся къ этой эпохѣ, можно замѣтить, что могущественные эвпатриды согласились вступить между собою въ союзъ, чтобы образовать гражданскую общину съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ управленіе было дѣйствительно федеральное и чтобы въ немъ участвовали всѣ

---

[1]) Ксенофонтъ, *Resp. Lac.*, 13—15. Геродотъ, VI, 56.

[2]) Геродотъ, V, 92. Аристотель, *Политика*, V, 10. Исократъ, *Никоклесъ*, 24. Плутархъ. *De unius in rep. dominatione*, 3.

они. Правда, здѣсь надъ ними былъ верховный царь, но когда дѣло касалось общихъ интересовъ, то требовалось созваніе собранія вождей и нельзя было предпринять ничего важнаго безъ согласія такого подобія сената.

Всѣ эти преданія на языкѣ слѣдующихъ поколѣній выражались приблизительно такъ: Тезей измѣнилъ образъ правленія въ Аѳинахъ и изъ монархическаго онъ сдѣлалъ его республиканскимъ. Такъ утверждаютъ Аристотель, Исократъ, Демосѳенъ, Плутархъ. Подъ этой не совсѣмъ вѣрной формой кроется основная истина. Тезей, какъ говоритъ преданіе, „передалъ верховную власть въ руки народа“. Только слово народъ, δῆμος, сохраненное преданіемъ, не имѣло во времена Тезея того широкаго приложенія, какъ во времена Демосѳена. Этотъ народъ или это политическое сословіе состояли тогда изъ одной только аристократіи, т.-е. изъ собранія главъ отдѣльныхъ родовъ [1]).

Тезей, установивъ это собраніе, сдѣлался новаторомъ не по собственной охотѣ. Образованіе великаго аѳинскаго единства измѣнило, помимо его, условія управленія. Какъ только эти эвпатриды, власть которыхъ оставалась неприкосновенною въ ихъ родахъ, соединились въ одну гражданскую общину, они образовали могущественное цѣлое, которое имѣло свои права и могло имѣть свои требованія. Царь небольшого утеса Кекропса сдѣлался царемъ всей Аттики, но въ то время, какъ въ своемъ маленькомъ владѣніи онъ былъ царемъ неограниченнымъ, онъ сталъ теперь только главою федеральнаго государства, т.-е. первымъ между равными.

Между такой аристократіей и царскою властью не замедлило произойти столкновеніе. „Эвпатриды сожалѣли о той истинно-царской власти, какою до тѣхъ поръ каждый изъ нихъ пользовался въ своемъ владѣніи“. Какъ кажется, эти воины-жрецы выдвинули впередъ религію и стали утверждать, что мѣстные культы стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ. Если правда, какъ то утверждаетъ Ѳукидидъ, что Тезей пытался уничтожить пританеи въ мѣстечкахъ, то не удивительно, что противъ него возмутилось и возстало религіозное чувство. Невозможно сказать, сколько столкновеній пришлось ему выдержать, сколько возмущеній долженъ былъ онъ подавить ловкостью или силою; достовѣрно только, что въ концѣ концовъ онъ былъ побѣжденъ, изгнанъ изъ Аттики и умеръ въ изгнаніи [2]).

Такимъ образомъ эвпатриды одержали верхъ; они не уничтожили царскаго сана, но поставили царя по своему выбору,—Менесѳея. Послѣ него родъ Тезея снова захватилъ въ свои руки власть и сохранялъ ее за собою въ теченіе трехъ

[1]) Плутархъ, *Тезей*, 25; Аристотель, цитир. Плутархомъ, *ibidem*; Исократъ, *Елена*, 36; Демосѳенъ, *in Neaeram*, 75.

[2]) Плутархъ, *Тезей*, 25 и 32. Діодоръ, IV, 62.

поколѣній. Затѣмъ онъ былъ замѣненъ другимъ, родомъ Мелантидовъ. Все это время, несомнѣнно, было полно смутъ, но воспоминаніе о междоусобныхъ войнахъ сохранилось весьма неясно.

Смерть Кодра совпадаетъ съ окончательною побѣдой эвпатридовъ. Они все-таки и на этотъ разъ не уничтожили царскаго сана, такъ какъ сдѣлать это имъ запрещала религія, но они отняли у него всю его политическую власть. Павсаній, жившій много спустя послѣ всѣхъ этихъ событій, но занимавшійся изслѣдованіемъ древнихъ преданій, говоритъ, что царское званіе потеряло тогда большую часть своихъ правъ и „стало зависимымъ“; это безъ всякаго сомнѣнія значитъ, что съ тѣхъ поръ царская власть была ограничена сенатомъ изъ эвпатридовъ. Новѣйшіе историки называютъ этотъ періодъ въ исторіи Аѳинъ архонтствомъ и не забываютъ при этомъ утвердительно сказать, что царское достоинство было тогда упразднено. Это не вполнѣ вѣрно. Потомки Кодра наслѣдовали другъ другу отъ отца къ сыну въ теченіе тринадцати поколѣній. Они носили титулъ архонтовъ, но есть древнія свидѣтельства, называющія ихъ также царями [1]), а выше мы сказали, что эти два титула были вполнѣ однозначащи. Слѣдовательно, въ теченіе этого длиннаго періода въ Аѳинахъ все еще были наслѣдственные цари, но у нихъ была отнята ихъ власть, а сохранены за ними только ихъ религіозныя обязанности. То же самое, что произошло и въ Спартѣ.

По истеченіи трехъ вѣковъ эвпатриды нашли религіозную царскую власть все еще сильнѣе, чѣмъ бы имъ хотѣлось, и они опять подвергли ее ограниченію. Было рѣшено, что одинъ и тотъ же человѣкъ не можетъ оставаться въ такомъ высокомъ религіозномъ санѣ болѣе десяти лѣтъ. Впрочемъ попрежнему оставались того мнѣнія, что древній царскій родъ одинъ способенъ выполнять обязанности архонта [2]).

Такъ прошло около сорока лѣтъ. Но однажды царскій родъ осквернилъ себя преступленіемъ. Это поставили ему препятствіемъ въ выполненіи религіозныхъ обязанностей [3]); рѣшено было, что съ тѣхъ поръ архонты будутъ выбираться внѣ царскаго рода и что званіе это доступно всѣмъ эвпатридамъ. Спустя сорокъ лѣтъ еще для ослабленія и этой царской власти и для того, чтобы раздѣлить ее между нѣсколькими лицами, ее сдѣлали выборною на годичный срокъ и въ то же время ее подраздѣлили на двѣ отдѣльныя магистратуры. До этого времени архонтъ былъ также и царь; съ этихъ поръ эти два титула раздѣлились. Два магистрата, одинъ подъ именемъ архонта, другой—царя, подѣлили между собою всѣ

[1]) Смотри *Паросскіе мраморы*; Павсаній, I, 3, 2; IV, 5, 10; VII, 2, 1; Платонъ, *Менексенъ*, стр. 238; Эліанъ, *Ист.*, V, 13.

[2]) Павсаній, IV, 5, 10.

[3]) Гераклидъ Понтійскій, въ *Fragmenta*, т. II, стр. 208; Николай Дамасскій, *Fragm.*, 51. Діодоръ, *Fragm.*, кн. VIII.

обязанности древней религіозной царской власти. Обязанность блюсти за непрекращаемостью родовъ, разрѣшать и запрещать усыновленіе, принимать духовныя завѣщанія, судить въ дѣлахъ, касающихся недвижимой собственности, и вообще все, въ чемъ заинтересованной являлась религія,—было предоставлено архонту. Обязанность совершать торжественныя жертвоприношенія и разбирать судныя дѣла, касающіяся нечестія, достались на долю царя. Такимъ образомъ титулъ царя, титулъ священный и необходимый для религіи, продолжалъ существовать въ гражданской общинѣ вмѣстѣ съ жертвоприношеніями и національнымъ культомъ. Царь и архонтъ вмѣстѣ съ полемархомъ и съ шестью ѳесмоѳетами (θεσμοθέτης), существовавшими быть-можетъ уже давно, составляли полное число девяти, ежегодно выбираемыхъ, магистратовъ, которыхъ привыкли потомъ называть девятью архонтами, по имени перваго изъ нихъ.

Переворотъ, лишившій царя его политической власти, совершился подъ различными формами во всѣхъ гражданскихъ общинахъ. Въ Аргосѣ, еще при второмъ поколѣніи дорійскихъ царей, царская власть была ослаблена до такой степени, что „потомкамъ Теменоса досталось одно только названіе царя безъ всякой власти“; впрочемъ царскій санъ оставался наслѣдственнымъ въ теченіе многихъ вѣковъ [1]). Въ Киренѣ потомки Ваттоса соединяли сначала въ своихъ рукахъ власть политическую и религіозную, но, начаная съ четвертаго поколѣнія, имъ была предоставлена одна только власть религіозная [2]). Въ Коринѳѣ царская власть первоначально передавалась наслѣдственно въ родѣ Вакхидовъ; переворотъ сдѣлалъ ее выборною съ ежегоднымъ срокомъ, но не вынося ее изъ предѣловъ этого рода, члены котораго пользовались ею по очереди въ теченіе одного столѣтія [3]).

4. Тотъ же переворотъ въ Римѣ.

Царская власть въ Римѣ была сначала таже что и въ Греціи. Царь былъ верховнымъ жрецомъ гражданской общины; въ то же время онъ былъ и верховнымъ судьею; во время войны онъ начальствовалъ надъ вооруженными гражданами. Рядомъ съ нимъ стояли главы отдѣльныхъ родовъ, *patres*, которые и составляли изъ себя сенатъ. Царь былъ одинъ, потому что религія предписывала единство въ исполненіи культа и единство въ управленіи. Но само собою разумѣлось, что царь обязанъ былъ во всякомъ важномъ дѣлѣ совѣщаться со старѣйшинами или вождями родовъ, вступившихъ въ кон-

[1]) Павсаній, II, 9.
[2]) Геродотъ, IV, 161. Діодоръ, VIII, *Fragm.*
[3]) Діодоръ, VII; Геродотъ, V, 92; Павсаній, II, 3 и 4. Родъ Вакхидовъ состоялъ почти изъ 200 членовъ.

федерацію [1]). Съ этой эпохи историки упоминаютъ уже о народномъ собраніи. Но надо спросить себя, что могло означать тогда слово народъ (populus), т.-е. изъ чего состояло политическое цѣлое во времена первыхъ царей. Всѣ свидѣтельства согласны между собою въ указаніи, что народъ этотъ собирался всегда по куріямъ, куріи же были союзомъ *родовъ*; каждый *родъ* отправлялся туда во всемъ своемъ составѣ и имѣлъ лишь одинъ голосъ. Тутъ же находились и кліэнты, собранные вокругъ патрона; съ ними быть можетъ совѣщались, у нихъ быть можетъ спрашивали ихъ мнѣніе, допуская и ихъ къ составленію единственнаго голоса, подаваемаго цѣлымъ *родомъ*, но запрещая имъ держаться иного мнѣнія, чѣмъ *pater*. Такое собраніе курій было, слѣдовательно, не что иное какъ патриціанская гражданская община, собранная предъ лицомъ царя.

Отсюда видно, что Римъ находился въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и другія гражданскія общины. Царь стоялъ рядомъ съ аристократическимъ строемъ, крѣпко сложившимся и почерпавшимъ свою силу въ религіи. Такимъ образомъ мы опять встрѣчаемъ въ исторіи Рима тѣ же столкновенія, какія мы видѣли въ Греціи.

Исторія семи царей—вотъ исторія этой долгой борьбы. Первый царь хочетъ увеличить свое могущество и освободиться изъ-подъ опеки и власти сената. Онъ привлекаетъ къ себѣ любовь низшихъ классовъ, но *отцы* относятся къ нему враждебно [2]), и онъ погибаетъ, убитый на одномъ изъ собраній сената.

Аристократія пытается тогда упразднить царское достоинство, и *отцы* по очереди исполняютъ царскія обязанности. Правда низшіе классы начинаютъ волноваться; они не хотятъ, чтобы ими правили главы *родовъ*: они требуютъ возстановленія царской власти [3]). Но патриціи утѣшаются рѣшеніемъ, что съ тѣхъ поръ власть эта будетъ выборною, и устанавливаютъ съ замѣчательной ловкостью формальности избранія: право избирать кандидата предоставляется сенату; патриціанское собраніе по куріямъ утверждаетъ это избраніе и наконецъ патриціанскіе авгуры рѣшаютъ, угоденъ ли новоизбранный богамъ.

Нума былъ избранъ согласно этимъ правиламъ. Онъ оказался царемъ весьма религіознымъ, скорѣе жрецомъ, чѣмъ воиномъ, тщательнымъ выполнителемъ всѣхъ обрядовъ культа и, слѣдовательно, крайне преданнымъ религіозному строю семьи и гражданской общины. Онъ былъ царемъ по душѣ патриціямъ и скончался мирно на своемъ ложѣ.

[1]) Цицеронъ, *De republ.*, II, 8.
[2]) Титъ Ливій, I, 15: *Multitudini gratior quam Patribus.*
[3]) Титъ Ливій, I, 17: *Fremere plebs multiplicatam servitutem, centum pro uno dominos factos, nec ultra nisi regem et ab ipsis creatum videbantur passuri.* Цицеронъ, *De rep.*, II, 12: *Senatus tentavit ut ipse gereret sine rege rempublicam; populus id non tulit et regem flagitare non destitit.*

Въ царствованіе Нумы царская власть, повидимому, была вся сведена къ выполненію религіозныхъ обязанностей, какъ то же самое случилось и въ греческихъ гражданскихъ общинахъ. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что религіозная и политическая власть царя были вполнѣ между собою раздѣльны, и одна изъ нихъ не влекла за собою неизбѣжно другую. Доказательствомъ этому служитъ двойное избраніе. Въ силу одного перваго избранія царь являлся только религіознымъ главою; если къ этому достоинству онъ хотѣлъ присоединить и власть политическую, *imperium*, для этого было нужно, чтобы гражданская община вручила ее ему особымъ декретомъ. Это ясно вытекаетъ изъ того, что говоритъ намъ Цицеронъ о древнемъ строѣ государства [1]). Такимъ образомъ власть религіозная и свѣтская были раздѣльны; онѣ могли быть ввѣрены и въ однѣ руки, но для того требовались двойное народное собраніе и двойное избраніе.

Третій царь соединялъ также обѣ власти въ своемъ лицѣ. Онъ пользовался какъ властью религіозною, такъ и политическою; онъ былъ даже больше воинъ, чѣмъ жрецъ; онъ пренебрегалъ религіей и стремился уменьшить ея значеніе, составлявшее силу аристократіи. Онъ принимаетъ въ Римъ цѣлую толпу чужеземцевъ, вопреки религіозному принципу, ихъ исключавшему; онъ доводитъ свою смѣлость до того что живетъ среди нихъ на холмѣ Целіи. Онъ распредѣляетъ между плебеями нѣкоторыя земли, доходъ съ которыхъ употреблялся до сихъ поръ на издержки жертвоприношеній. Патриціи обвиняютъ его въ нерадѣніи къ обычаямъ и, даже еще въ болѣе важномъ, въ ихъ измѣненіи и искаженіи. Оттого онъ и умираетъ подобно Ромулу; патриціанскіе боги поражаютъ его громомъ вмѣстѣ съ его сыновьями.

Такой исходъ возвращаетъ власть сенату, который и назначаетъ царя по своему выбору. Анкъ Марцій тщательно соблюдаетъ религію, воздерживается по возможности отъ войнъ и проводитъ всю жизнь въ храмахъ. Высоко цѣнимый патриціями, онъ умираетъ естественною смертью.

Пятый царь былъ Тарквиній, получившій царскую власть противъ воли сената, благодаря поддержкѣ низшихъ классовъ. Онъ мало религіозенъ и глубоко невѣрующій. Чтобы

---

[1]) Цицеронъ, *De rep.*, II, 13: *Quamquam populus eum curiatis comitiis regem esse jusserat, tamen ipse de suo imperio curiatam legem tulit. Ibidem*, II, 17; II, 20: *Tullus Hostilius, rex creatus, populum de imperio consuluit curiatim*; II, 20: *Cunctis populi suffragiis rex est creatus L. Tarquinius, isque de suo imperio legem tulit.* Если эти лица, уже законные цари, имѣютъ еще надобность въ особомъ законѣ, вручающимъ имъ *imperium*, то это оттого, что царское достоинство и *imperium*—различныя вещи. Надо замѣтить, что слово *imperium* не обозначало собою исключительно только начальствованіе надъ войскомъ, но прилагалось также къ власти гражданской и политической; примѣры подобнаго значенія: у Тита Ливія, I, 17; I, 59; XXVI, 28; XXVII, 22; XXXII, 1; у Цицерона, *De rep.*, II, 13; у Тацита, *Лѣтоп.* VI, 10; у Діона Кассія, XXXIX, 19; LII, 41,

убѣдить его въ знаніи авгуровъ, требуется, по крайней мѣрѣ, чудо. Онъ врагъ древнихъ родовъ и собственною волею возводитъ въ достоинство патриціевъ; по мѣрѣ возможности онъ измѣняетъ древній религіозный строй гражданской общины. Тарквиній погибаетъ убитый.

Шестой царь завладѣлъ царскою властью обманомъ; какъ кажется, сенатъ даже не признавалъ его никогда законнымъ царемъ. Онъ покровительствуетъ низшимъ классамъ, раздаетъ имъ земли, не признавая древняго основанія права собственности; онъ даже даетъ имъ мѣсто въ войскѣ и въ гражданской общинѣ. Сервій умираетъ убитый на ступеняхъ сената.

Распря между царями и аристократіей приняла характеръ соціальной борьбы. Цари опирались на народъ и пріобрѣтали себѣ союзниковъ въ лицѣ плебса и кліэнтовъ. Противъ патриціевъ съ ихъ сильною организаціей они выдвинули низшіе классы, весьма многочисленные въ Римѣ. Аристократія очутилась тогда въ двойной опасности, изъ которой необходимость смириться передъ царскою властью нельзя еще было назвать худшею. Въ тылу у ней начинали подниматься классы, которые она презирала. Возставалъ плебсъ, классъ людей безъ религіи и очага. На нее нападали быть можетъ и кліэнты внутри самого рода, строй котораго, а равно право и религія стали подвергаться обсужденію и критикѣ. Слѣдовательно для аристократіи цари были ненавистными врагами, стремившимися, въ видахъ расширенія своего могущества, разрушить священную организацію семьи и гражданской общины.

Сервію наслѣдуетъ второй Тарквиній, но онъ обманываетъ надежду сенаторовъ, которые его избрали; онъ хочетъ быть властелиномъ, *de rege dominus exstitit*. Онъ вредитъ, сколько въ силахъ, патриціямъ, убиваетъ наиболѣе знатныхъ и сильныхъ, царствуетъ, не спрашивая совѣта сената, ведетъ войны и заключаетъ миръ по личному своему усмотрѣнію. Патриціи повидимому побѣждены окончательно.

Но вотъ настаетъ удобный случай. Тарквиній далеко отъ Рима, и не только онъ, но и войско, т.-е. то, въ чемъ его сила. Городъ мгновенно очутился въ рукахъ патриціевъ. Начальникомъ города, т.-е. лицомъ, въ рукахъ котораго находилась гражданская власть въ отсутствіе царя, былъ одинъ изъ патриціевъ, Лукреціи. Начальникомъ конницы, т.-е. лицо, обладавшее высшею властью въ войскѣ послѣ царя, — былъ патрицій Юній [1]). Эти два человѣка подготовляютъ возстаніе. Они уговариваются съ другими патриціями, съ Валеріемъ и Тарквиніемъ Коллатиномъ. Мѣстомъ собранія назначается не Римъ, а небольшой городокъ Коллацій, составлявшій собственность одного изъ заговорщиковъ. Тамъ они показываютъ

---

[1]) Родъ Юнія былъ патриціанскій. Діонисій, IV, 68. Юніи, встрѣчающіеся въ дальнѣйшей исторіи Рима,—плебеи.

народу трупъ женщины и говорятъ, что эта женщина сама убила себя изъ-за преступленія, совершеннаго надъ нею однимъ изъ сыновей царя. Народъ въ Коллаціи поднимается, дѣло переходитъ въ Римъ, тамъ происходитъ то же самое. Все въ смятеніи, сторонники царя смущены; ко всему тому еще, въ эту минуту, законная власть въ Римѣ принадлежитъ Юнію и Лукрецію.

Заговорщики остерегаются созвать народное собраніе; они отправляются въ сенатъ. Сенатъ постановляетъ, что Тарквиній низложенъ, а царское достоинство отмѣнено. Но постановленіе сената должно быть утверждено гражданскою общиной. Лукрецій, въ качествѣ начальника города, имѣетъ право созывать народное собраніе. Собираются куріи; онѣ во всемъ согласны съ заговорщиками; онѣ утверждаютъ низложеніе Тарквинія и замѣщеніе царской власти двумя консулами.

Когда этотъ главный вопросъ рѣшенъ, право назначать консула предоставляется собранію по центуріямъ. Но это собраніе, гдѣ подаютъ голоса и плебеи, не пойдетъ ли оно противъ того, что рѣшили патриціи въ сенатѣ и въ куріяхъ? Оно не можетъ этого сдѣлать. Всякое римское собраніе происходитъ подъ предсѣдательствомъ магистрата, который обозначаетъ предметъ, подлежащій разсмотрѣнію и подачѣ голосовъ, и никто не можетъ поставить на рѣшеніе иной вопросъ. Даже болѣе того: въ то время право произносить рѣчь передъ собраніемъ принадлежало одному только предсѣдателю. Если дѣло идетъ о какомъ-либо законѣ, центуріи могутъ вотировать только да или нѣтъ. Если дѣло идетъ о какомъ-либо избраніи, предсѣдатель предлагаетъ кандидатовъ, и всѣ обязаны подавать голоса только за одного изъ предложенныхъ кандидатовъ. Въ данномъ случаѣ, предсѣдателемъ, назначеннымъ сенатомъ, является Лукрецій, одинъ изъ заговорщиковъ. Онъ указываетъ на избраніе консуловъ, какъ на единственный предметъ для подачи голосовъ и предлагаетъ двухъ лицъ на выборъ центурій, Юнія и Тарквинія Коллатина. Оба эти человѣка по необходимости выбираются. Затѣмъ сенатъ утверждаетъ избраніе и, наконецъ, авгуры удостовѣряютъ его отъ имени боговъ.

Этотъ переворотъ понравился въ Римѣ не всѣмъ. Множество плебеевъ соединились съ царемъ и испытали одинаковую съ нимъ судьбу [1]). Зато богатому сабинскому патрицію, могущественному главѣ многочисленнаго рода, гордому Атту Клавзу, новое правительство пришлось до того по сердцу, что онъ переселился въ Римъ.

Впрочемъ, упразднена была только одна политическая власть

[1]) Діонисій, V, 26, 53, 58, 59, 63, 64. Титъ Ливій не указываетъ на эти событія, но онъ намекаетъ на нихъ, говоря, что патриціи принуждены были сдѣлать уступки плебсу, *inservire plebi* (II, 21).

царя; власть же религіозная осталась священною и неприкосновенною. Поэтому поспѣшили назначить царя, но царя исключительно для жертвоприношеній, *rex sacrorum*. Приняты были всевозможныя предосторожности, чтобъ этотъ царь-жрецъ не могъ никогда злоупотребить своимъ вліяніемъ, являвшимся слѣдствіемъ его обязанностей, для того, чтобы захватить власть въ свои руки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Аристократія управляетъ гражданскими общинами.

Подобный переворотъ въ слегка измѣненной формѣ произошелъ въ Аѳинахъ, въ Спартѣ, въ Римѣ и, наконецъ, во всѣхъ гражданскихъ общинахъ, исторія которыхъ намъ извѣстна. Вездѣ онъ являлся дѣломъ аристократіи и вездѣ онъ имѣлъ своимъ слѣдствіемъ уничтоженіе политической власти царскаго сана, оставляя за нимъ въ неприкосновенности его религіозную власть. Начиная съ этого времени и въ теченіе цѣлаго періода, весьма различнаго по своей продолжительности для разныхъ городовъ, управленіе гражданскою общиною находилось въ рукахъ аристократіи.

Аристократія эта была основана на происхожденіи и вмѣстѣ съ тѣмъ на религіи. Начало ея заключалось въ религіозномъ строѣ семьи. Источникъ ея происхожденія — тѣ самыя правила, которыя мы нашли выше въ домашнемъ культѣ и въ частномъ правѣ, т.-е. законъ наслѣдственности очага, преимущество старшаго, право молиться, связанное съ рожденіемъ. Въ наслѣдственной религіи кроется основаніе притязаній аристократіи на неограниченную власть. Отъ нея получила она всѣ права, казавшіяся ей священными. Согласно древнимъ вѣрованіямъ собственникомъ земли могъ быть только тотъ, у кого былъ домашній культъ; только тотъ былъ членомъ гражданской общины, кто носилъ въ себѣ религіозный характеръ, дѣлавшій его гражданиномъ; только тотъ могъ быть жрецомъ, кто происходилъ изъ семьи, обладавшей собственнымъ культомъ; только тотъ могъ быть магистратомъ, кто имѣлъ право совершать жертвоприношенія. Человѣкъ, не имѣвшій наслѣдственнаго культа, долженъ былъ дѣлаться кліэнтомъ другого или, если онъ этого не дѣлалъ, оставаться внѣ всякаго общества. Въ теченіе длиннаго ряда поколѣній людямъ и въ голову не приходило сомнѣніе въ справедливости подобнаго неравенства и мысль о возможности устроить человѣческое общество на другихъ основаніяхъ.

Въ Аѳинахъ послѣ смерти Кодра до Солона вся власть находилась въ рукахъ эвпатридовъ. Они одни были жрецами и архонтами. Они одни творили судъ и знали законы, еще не записанные, но передававшіеся отъ отца къ сыну въ священныхъ формулахъ.

Семьи эти берегли, насколько было возможно, древнія формы патріархальнаго порядка. Онѣ жили не въ городѣ; онѣ продолжали обитать въ разныхъ частяхъ Аттики, каждая въ своемъ обширномъ владѣніи, окруженная своими многочисленными слугами, подъ управленіемъ своего главы — эвпатрида, исполняя въ полной независимости свой наслѣдственный культъ [1]). Аѳинская гражданская община въ теченіе первыхъ четырехъ вѣковъ была только конфедераціей такихъ могущественныхъ семейныхъ вождей, собиравшихся въ извѣстные дни для отправленія общаго культа или въ видахъ дѣлъ общаго интереса.

Часто замѣчали, какъ бѣдна исторія свѣдѣніями объ этомъ длинномъ періодѣ въ существованіи Аѳинъ и вообще въ существованіи всѣхъ греческихъ гражданскихъ общинъ. Можно удивиться, какимъ образомъ она, сохранивъ воспоминаніе о многихъ событіяхъ изъ временъ древнихъ царей, не сберегла въ своей памяти ничего изъ временъ аристократическаго управленія. Несомнѣнно это объясняется тѣмъ, что въ то время случилось слишкомъ мало событій, имѣвшихъ общій интересъ. Возвратъ къ патріархальному режиму почти вездѣ подавилъ жизнь національную. Люди жили порознь, и общихъ интересовъ у нихъ было крайне мало. Кругъ дѣйствія каждаго ограничивался тою небольшою группою или тѣмъ маленькимъ поселеніемъ, гдѣ онъ проводилъ свою жизнь на положеніи эвпатрида или простого служителя.

Въ Римѣ также каждая патриціанская семья жила въ своемъ владѣніи, окруженная своими кліэнтами. Въ городъ приходили только на праздники общественнаго культа или для собраній. Въ годы, слѣдовавшіе за изгнаніемъ царей, власть аристократіи была неограничена. Никто кромѣ патриція не могъ выполнять жреческія обязанности въ гражданской общинѣ; только изъ одного священнаго сословія можно было выбирать весталокъ, жрецовъ, фламиновъ, авгуровъ. Одни патриціи могли быть консулами; изъ нихъ однихъ состоялъ сенатъ. Хотя собраніе по центуріямъ, куда имѣли доступъ плебеи, и не было уничтожено, но за то на собраніе по куріямъ смотрѣли какъ на единственное законное и священное. Повидимому центуріи выбирали консуловъ, но мы видѣли, что онѣ могли подавать голоса только за лицъ, предложенныхъ имъ патриціями, и къ тому же ихъ рѣшеніе подлежало тройному утвержденію сената, курій и авгуровъ. Одни патриціи совершали отправленіе правосудія и знали формулы закона.

Такой политическій порядокъ продержался въ Римѣ не долго. Въ Греціи, напротивъ, время владычества аристократіи было весьма продолжительно. Въ *Одиссеѣ* мы видимъ вѣрную картину подобнаго соціальнаго быта въ западной части Греціи.

[1]) Ѳукидидъ, II, 15 - 16.

Мы, на самомъ дѣлѣ, видимъ тутъ патріархальный порядокъ весьма схожій съ тѣмъ, какой мы подмѣтили въ Аттикѣ. Нѣсколько большихъ и богатыхъ семей владѣютъ всею страною; многочисленные слуги воздѣлываютъ землю и берегутъ стада; жизнь крайне проста; господинъ и слуги собираются за однимъ столомъ. Семейные вожди носятъ имя, ставшее въ другихъ обществахъ пышнымъ титуломъ, ἄνακτες, βασιλεῖς. Такъ аѳиняне первобытной эпохи называли βασιλεύς вождя или главу рода (γένος), а римскіе кліэнты удержали въ обычаѣ названіе *rex* для главы рода. Семейные вожди носятъ въ себѣ священный характеръ; поэтъ называетъ ихъ божественными царями. Итака—островъ очень маленькій, однако въ немъ много подобныхъ царей. Правда, среди нихъ есть одинъ верховный царь, но онъ не имѣетъ никакого особаго значенія и все его преимущество состоитъ, повидимому, въ одномъ предсѣдательствѣ на совѣтѣ вождей. Кажется даже по нѣкоторымъ признакамъ, что онъ подлежалъ избранію; такъ ясно видно, что Телемакъ сдѣлается верховнымъ царемъ надъ островомъ только тогда, когда другіе вожди, равные ему по власти, захотятъ избрать его. Улиссъ, возвращаясь на родину, не имѣетъ, кажется, иныхъ подданныхъ, кромѣ слугъ, принадлежавшихъ ему въ собственность; когда онъ убиваетъ нѣкоторыхъ изъ вождей, слуги послѣднихъ берутся за оружіе, и возгорается борьба, которую поэтъ отнюдь не находитъ предосудительною. У феаковъ Алкиной обладаетъ верховною властью, но мы видимъ, что онъ отправляется на собраніе вождей, и можно подмѣтить, что не онъ созвалъ собраніе, но что собраніе потребовало къ себѣ царя. Поэтъ описываетъ собраніе гражданской общины феаковъ, и это собраніе совсѣмъ не сборище простого народа; собраніе состояло изъ однихъ вождей, созванныхъ, каждый отдѣльно, черезъ герольда, подобно тому, какъ то дѣлалось въ Римѣ для *comitia calata*; всѣ садятся на каменныя сѣдалища; царь начинаетъ рѣчь и называетъ присутствующимъ именемъ царей-властителей.

Въ городѣ, откуда былъ родомъ Гезіодъ, въ каменистой Аскрѣ, мы находимъ классъ людей, которыхъ поэтъ называетъ вождями или царями, которые и творятъ судъ надъ народомъ. Пиндаръ также представляетъ намъ классъ вождей въ Кадмеѣ; въ Ѳивахъ онъ выхваляетъ священный родъ Спартовъ, отъ котораго, впослѣдствіи, Эпаминондъ выводилъ свою родословную [1]). Читая Пиндара, нельзя не поразиться аристократическимъ духомъ, господствовавшимъ еще въ греческомъ обществѣ во времена мидійскихъ войнъ; изъ одного этого легко сообразить, насколько могущественна была аристократія за одинъ или два вѣка раньше. Поэтъ всего болѣе восхваляетъ въ своихъ герояхъ ихъ происхожденіе, и мы должны сдѣлать предположеніе, что подобный родъ похвалы имѣлъ въ

[1]) Пиндаръ, *Isth.*, I. 41; Павсаній, VIII, 11; IX, 5.

то время большое значеніе и что происхожденіе казалось еще высшимъ благомъ. Пиндаръ перечисляетъ намъ знатныя семьи, блиставшія тогда въ каждой гражданской общинѣ; въ одной Эгинѣ онъ называетъ Мидилидовъ, Ѳеандридовъ, Эвксенидовъ, Влепсіадовъ, Харіадовъ, Валихидовъ. Въ Сиракузахъ онъ воспѣваетъ жреческую семью Ямидовъ, въ Агригентѣ—семью Эммениловъ, и такъ далѣе во всѣхъ городахъ, о которыхъ приходится ему вести рѣчь.

Въ Эпидаврѣ все сословіе гражданъ, т.-е. всѣхъ лицъ, обладавшихъ политическими правами, долгое время состояло всего лишь изъ 180 членовъ; все прочее „было внѣ гражданской общины [1]". Еще меньше настоящихъ гражданъ было въ Гераклеѣ, гдѣ младшіе члены значительныхъ родовъ не имѣли политическихъ правъ [2]). То же самое долгое время было въ Книдѣ, въ Истрѣ, въ Марсели. На Ѳерѣ вся власть находилась въ рукахъ нѣсколькихъ семей, считавшихся священными. То же было и въ Аполлоніи [3]). Въ Эритрахъ существовалъ аристократическій классъ, называвшійся Василидами [4]). Въ городахъ на островѣ Эвбеѣ господствующій классъ назывался всадниками [5]). По этому поводу можно замѣтить, что у древнихъ, какъ и въ средніе вѣка, считалось преимуществомъ сражаться на лошади.

Въ Коринѳѣ уже не существовало болѣе монархіи, когда изъ него вышла колонія для основанія Сиракузъ. Оттого и вновь возникшая гражданская община не знала царской власти и управлялась съ самого начала аристократіей. Классъ этотъ назывался геоморами (γεωμόρος), т.-е. землевладѣльцами. Онъ состоялъ изъ семей, между которыми, въ день основанія, были распредѣлены съ соблюденіемъ обычныхъ обрядовъ священные участки земли. Эта аристократія въ теченіе многихъ поколѣній оставалась во главѣ неограниченнаго правленія и сохранила за собою свое названіе *землевладѣльцевъ*, что, повидимому, указываетъ на то, что низшіе классы не имѣли на землю [6]) права собственности. Подобная же аристократія долгое время господствовала въ Милетѣ и въ Самосѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Второй переворотъ; измѣненія въ строѣ семьи; право старшинства исчезаетъ; родъ распадается.

Переворотъ, уничтожившій царскую власть, измѣнилъ только внѣшнюю форму правленія, не касаясь самаго строя общества. Онъ былъ дѣломъ не низшихъ классовъ, имѣвшихъ свой интересъ въ разрушеніи старинныхъ учрежденій, но аристократіи, стремившейся къ ихъ поддержанію. Слѣдовательно онъ совершенъ былъ не съ тѣмъ, чтобы нарушить древнюю организацію семьи, но, напротивъ, сохранить ее. Цари нерѣдко пытались возвышать низшіе классы и ослаблять *роды*, за это-то именно и упразднили царскую власть. Аристократія произвела политическій переворотъ, чтобы помѣшать произойти перевороту соціальному и семейному. Она захватила въ свои руки власть не столько изъ жажды господства, сколько для того, чтобы защитить отъ нападеній свои старинныя учрежденія, свои древнія начала, свой домашній культъ, свою отцовскую власть, *родовой* порядокъ и, наконецъ, все частное право, установленное первобытною религіей.

Такимъ образомъ это всеобщее и чрезвычайное усиліе аристократіи было вызвано опасностью, но, какъ кажется, несмотря на всѣ ея усилія и даже побѣду, опасность не исчезла. Древнія учрежденія начали испытывать потрясенія, и важныя перемѣны готовы были совершиться во внутреннемъ строѣ семьи.

Старинный родовой порядокъ, основанный семейною религіей, не погибъ въ тотъ день, когда люди перешли къ порядку гражданской общины. Отъ него не захотѣли, да и нельзя было отказаться немедленно, такъ какъ съ одной стороны семейные главы стремились сохранить свою власть, а съ другой—низшіе классы не вдругъ пришли къ мысли освободиться. Такимъ путемъ родовой порядокъ примирили съ порядкомъ гражданской общины. Но въ сущности то были два противоположные между собою порядка, которыхъ нельзя было и надѣяться примирить навсегда и которымъ предстояло рано или поздно вступить во взаимную борьбу. Семья, недѣлимая и многочисленная, была слишкомъ сильна и независима для того, чтобы не вызвать со стороны общественной власти въ видахъ необходимости желанія ее ослабить. Или гражданская община должна была распасться, или же она должна была разрушить семью.

Древній родъ съ своимъ единымъ очагомъ, съ своимъ верховнымъ главою, съ своимъ недѣлимымъ владѣніемъ—понятенъ до тѣхъ поръ, пока продолжается состояніе обособленности и розни и пока нѣтъ другого общества, кромѣ рода; но какъ только люди соединились въ гражданскую общину, власть древняго родового главы поневолѣ уменьшилась, потому что, оставаясь полнымъ владыкою у себя, онъ сталъ членомъ общины; а въ качествѣ послѣдняго общіе интересы обязываютъ его на уступки и жертвы, а общіе законы требуютъ отъ него повиновенія. Въ его собственныхъ глазахъ и особенно въ глазахъ подвластныхъ его достоинство умалилось. Къ тому же въ этой общинѣ, какъ бы ни былъ

1) Плутархъ, *Греч. вопр.*, 1.
2) Аристотель, *Политика*, V, 5, 2.
3) Idem., *ibid.*, III, 9, 8; VI, 3, 8.
4) Idem., *ibid.*, V, 5, 4.
5) Ἱππόβοται. Геродотъ, V, 77. Плутархъ, *Периклъ*, 23. Страбонъ, X, 1, 8. Аристотель, *Политика*, IV, 3, 2.
6) Геродотъ, VII, 155. Діодоръ, VIII, 5. Діонисій, VI, 62.

аристократиченъ ея строй, низшіе классы все же кое-что значатъ, хотя бы въ силу одной своей численности. Семья, состоящая изъ многочисленныхъ отраслей и отправляющаяся на комиціи, окруженная толпою кліэнтовъ, естественно имѣетъ больше значенія въ общемъ обсужденіи, чѣмъ семья малочисленная, бѣдная числомъ рабочихъ рукъ и воиновъ. Конечно, низшій классъ не замедлилъ почувствовать свою силу и значеніе; въ немъ родилось нѣкоторое чувство гордости и жажда лучшей участи. Прибавьте къ этому соперничество между семейными вождями, спорившими изъ-за преобладанія и старавшимися взаимно другъ друга ослабить. Прибавьте еще, что они дѣлаются охочими до высшихъ должностей въ гражданской общинѣ, стараются для достиженія ихъ угодить народу, а при исполненіи ихъ небрегутъ и позабываютъ свою мѣстную верховную власть. Всѣ эти причины вызвали маломалу нѣкоторое ослабленіе въ строѣ рода; тѣ, которые были заинтересованы въ поддержаніи этого строя, всего менѣе о томъ заботились; тѣ, у кого былъ интересъ въ его измѣненіи, становились все сильнѣе и смѣлѣе.

Правило недѣлимости, составлявшее главную силу древней семьи, мало-помалу перестало соблюдаться. Право старшинства, первое условіе ея единства, тоже исчезло. Нельзя конечно думать, что кто-нибудь изъ древнихъ авторовъ можетъ сообщить намъ точное время этой великой перемѣны. Возможно, что точнаго времени и нельзя установить, потому что событіе это произошло не въ одинъ годъ. Оно совершалось исподволь, сначала въ одной семьѣ, потомъ въ другой и постепенно во всѣхъ. Оно закончилось, а никто, такъ сказать, его и не замѣтилъ.

Весьма возможно также предположить, что люди не сразу, однимъ скачкомъ, перешли отъ недѣлимости родового имѣнія къ равному раздѣлу между братьями. Вѣроятно, что между этими двумя порядками была переходная ступень. Быть-можетъ дѣло совершилось въ Греціи и Италіи, также какъ и въ древнемъ индусскомъ обществѣ, гдѣ религіозный законъ, предписавъ нераздѣльность родового имѣнія, предоставилъ на усмотрѣніе отца право удѣлять изъ него часть младшимъ сыновьямъ; потомъ, установивъ, чтобы старшій получалъ, по крайней мѣрѣ, двойную долю, сперва только разрѣшилъ равный дѣлежъ, а потомъ, наконецъ, даже отдалъ ему преимущество [1]).

Но относительно всего этого у насъ нѣтъ никакихъ точныхъ указаній. Достовѣрно одно: право старшинства и нераздѣльность имѣнія существовали въ первые вѣка древности, а затѣмъ они исчезли.

[1]) Раздѣлъ отцовскаго имѣнія уже въ обычаяхъ въ Римѣ въ срединѣ V вѣка; законъ Двѣнадцати Таблицъ допускаетъ *actio familiae erciscundae* (Гай, къ Дигесту, X, 2, 1).

Эта перемѣна произошла не въ одно время и не одинаковымъ образомъ во всѣхъ гражданскихъ общинахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ законъ поддерживалъ довольно долго нераздѣльность родового имущества. Въ Ѳивахъ и въ Коринѳѣ она все еще была въ силѣ въ восьмомъ вѣкѣ. Въ Аѳинахъ законодательство Солона отдаетъ еще нѣкоторое предпочтеніе старшему. Есть города, въ которыхъ право старшинства исчезло только вслѣдствіе возстанія. Въ Гераклеѣ, въ Книдѣ, въ Истрѣ, въ Марселѣ младшія вѣтви взялись за оружіе, чтобъ разомъ низвергнуть и отцовскую власть, и преимущество старшаго [1]). Съ этого времени иная греческая гражданская община, съ трудомъ насчитывавшая въ себѣ сотню лицъ, пользовавшихся политическими правами, стала насчитывать ихъ до пяти или шести сотъ. Всѣ члены аристократическихъ семей сдѣлались гражданами, и имъ открылся доступъ на высшія должности гражданской общины и въ сенатѣ.

Невозможно сказать, когда именно преимущество старшаго исчезло въ Римѣ. Весьма вѣроятно, что цари, среди борьбы своей съ аристократіей, сдѣлали все, что могли, чтобъ отмѣнить его и такимъ путемъ расшатать строй рода. При началѣ республики, сто сорокъ новыхъ членовъ вошли въ сенатъ. Они были, говоритъ Титъ Ливій, изъ первыхъ рядовъ сословія всадниковъ [2]). А мы знаемъ, что первыя шесть всадническихъ центурій состояли изъ патриціевъ [3]). Стало-быть эти лица, замѣстившія пустыя мѣста въ сенатѣ, были всетаки патриціи. Но Титъ Ливій прибавляетъ одну весьма знаменательную подробность: съ этого времени стали различаться два разряда сенаторовъ,—однихъ называли *patres*, другихъ—*conscripti* [4]). Всѣ они одинаково патриціи; но *patres* были вожди 160 существовавшихъ еще родовъ, а *conscripti* были избраны изъ среды младшихъ отраслей этихъ родовъ. Можно, дѣйствительно, предположить, что классъ этотъ, многочисленный и энергическій, оказалъ свою поддержку дѣлу Брута и *отцовъ*, подъ условіемъ получить за то гражданскія и политическія права. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ, благодаря одной надобности въ его помощи, то, что этотъ же классъ завоевалъ себѣ оружіемъ въ Гераклеѣ, въ Книдѣ и въ Марсели.

Право старшинства исчезло, такимъ образомъ, повсюду: важный переворотъ, начавшій собою преобразованіе общества. Италійскій *gens* и греческій γένος лишились своего первоначальнаго единства. Отдѣлились родовыя вѣтви; каждая изъ нихъ имѣла съ тѣхъ поръ свою часть собственности,

[1]) Аристотель, *Политика*, V, 5, 2, изд. Дидо, стр. 571.
[2]) Титъ Ливій, II, 1: *primoribus equestris gradus lectis*.
[3]) См. Бело, Исторія римскихъ всадниковъ, кн. I, гл. 2.
[4]) Титъ Ливій, II, 1: *qui patres quique conscripti essent*. Фестъ, изд. Мюллера, стр. 41: *conscripti dicebantur qui ex equestri ordine patribus ascribebantur*. Въ теченіе многихъ вѣковъ сохранилось различіе между *patres* и *conscripti*; см. Плутархъ, *Римск. вопр.*, 58.

свое жилище, свои особые интересы, свою независимость. *Singuli singulas familias incipiunt habere*, говоритъ законовѣдъ. Въ латинскомъ языкѣ есть одно древнее выраженіе, повидимому относящееся къ этой эпохѣ: *familiam ducere*,—такъ говорили о томъ, кто отдѣлялся отъ рода и самъ становился творцомъ новой семьи, подобно тому, какъ говорили *ducere coloniam*—о томъ, кто покидалъ родной городъ и отправлялся вдаль основывать колонію. Братъ, отошедшій такимъ образомъ отъ старшаго брата, имѣлъ съ тѣхъ поръ свой собственный очагъ, зажженный имъ, конечно, отъ общаго родового очага, подобно тому какъ колонія возжигала свой отъ очага въ пританеѣ родного города. Родъ сохранилъ за собою по отношенію къ различнымъ семьямъ, отдѣлившимся отъ него, только нѣкоторую власть религіозную. Его культъ занималъ первенствующее мѣсто среди всѣхъ прочихъ. Онъ не допускалъ ихъ забывать, что онѣ вышли именно изъ этого рода; онѣ продолжали носить его имя; въ назначенные дни онѣ собирались вокругъ общаго очага для воздаянія общей почести древнему предку или божеству—покровителю. Онѣ по-прежнему имѣли одного религіознаго главу и возможно, что старшій сохранилъ за собой преимущество въ отправленіи жреческой обязанности, которая долгое время оставалась наслѣдственною. Кромѣ этого онѣ во всемъ были независимы.

Это распаденіе рода имѣло важныя послѣдствія. Древняя священная семья, составлявшая сильно сплоченное, крѣпко устроенное и могущественное цѣлое, — ослабѣла на вѣки. Этотъ переворотъ подготовилъ почву и облегчилъ путь для другихъ перемѣнъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Кліэнты освобождаются.

1. Что такое было первоначально кліэнтство и какъ оно преобразовалось.

Вотъ еще одинъ переворотъ, о которомъ также нельзя съ точностью сказать, когда онъ произошелъ, но который неоспоримо внесъ большія измѣненія во внутренній строй какъ семьи, такъ и самого общества. Древняя семья заключала въ себѣ, подъ властью единаго главы, два неравные класса: съ одной стороны, младшія вѣтви, т.-е. людей естественно свободныхъ; съ другой—слугъ или кліэнтовъ, людей низшихъ по рожденію, но сближенныхъ съ главою семьи ихъ участіемъ въ домашнемъ культѣ. Какъ мы только-что видѣли, первый изъ этихъ двухъ классовъ вышелъ изъ своего болѣе низкаго положенія; второй также рано начинаетъ стремиться къ освобожденію. Въ концѣ концовъ онъ достигаетъ успѣха; тогда кліэнтство преобразуется и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ.

Какая громадная перемѣна, а между тѣмъ древніе писатели

ничего намъ о ней не говорятъ. Все равно, какъ, въ средніе вѣка, лѣтописцы ничего не упоминаютъ о томъ, какимъ путемъ мало-помалу преобразовалось деревенское населеніе. Въ жизни человѣческихъ обществъ было не мало переворотовъ, воспоминаніе о которыхъ не сохранилось ни въ одномъ писанномъ документѣ. Писатели не обратили на нихъ вниманія, потому что они совершались медленно и незамѣтно, безъ всякой явной борьбы; это были глубокіе и скрытые перевороты, колебавшіе самое основаніе человѣческаго общества, ничѣмъ не обнаруживаясь на поверхности, и остававшіеся незамѣтными даже для тѣхъ поколѣній, которыя сами надъ нимъ старались. Исторія замѣчаетъ ихъ только долго спустя послѣ ихъ совершенія, когда, сравнивая двѣ эпохи въ жизни одного народа, она обнаруживаетъ между ними такія громадныя различія, что въ промежуткѣ, ихъ раздѣляющемъ, по всей очевидности, долженъ былъ произойти какой-то громадный переворотъ.

Если судить по тому, что намъ передаютъ древніе писатели о первоначальномъ кліэнтствѣ въ Римѣ, то оно было по истинѣ учрежденіемъ золотаго вѣка. Что можетъ быть человѣчнѣе этого патрона, который защищаетъ своего кліэнта на судѣ, помогаетъ ему деньгами, если онъ бѣденъ, и заботится о воспитаніи его дѣтей? Что можетъ быть трогательнѣе этого кліэнта, который въ свою очередь поддерживаетъ своего патрона, впавшаго въ нужду, платитъ его долги и отдаетъ все, что имѣетъ, чтобы внести за него выкупъ [1]? Но въ законахъ древнихъ народовъ нѣтъ такого изобилія чувствительности. Безкорыстная привязанность и преданность никогда не являлись предметомъ требованія закона. Намъ надо составить себѣ иное понятіе о кліэнтствѣ и патронствѣ.

Относительно кліэнта мы съ наибольшею достовѣрностью знаемъ то, что онъ не могъ ни отойти отъ патрона, ни выбрать себѣ новаго, и что онъ былъ связанъ съ одною семьей [2]) наслѣдственно, отъ отца къ сыну. Если бы мы знали только одно это, то и этого было бы вполнѣ достаточно, чтобы заключить, что положеніе кліэнта едва ли было хорошо. Прибавимъ, что кліэнтъ не владѣетъ землею; земля принадлежитъ патрону, который, какъ глава домашняго культа и также какъ членъ гражданской общины, имѣетъ одинъ право быть собственникомъ земли. Если кліэнтъ обрабатываетъ землю, то только отъ лица и въ пользу своего патрона. Онъ не владѣетъ вполнѣ даже движимостью, своими деньгами, своимъ благопріобрѣтеннымъ добромъ. Доказательство этому въ томъ, что патронъ можетъ взять у него все, чтобы заплатить свои собственные долги или свой выкупъ. Такимъ образомъ у него

[1]) Плутархъ, *Ромулъ*, 13. Діонисій, II, 9—10.

[2]) Относительно этого смотри любопытный фактъ, сообщаемый Плутархомъ въ *Жизни Марія*, 5. Цицеронъ, *De oratore*, I, 39.

нѣтъ ничего своего. Правда, патронъ обязанъ прокормить его и его дѣтей, но за то онъ обязанъ патрону своею работой. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ въ полномъ смыслѣ рабъ, но у него есть господинъ, которому онъ принадлежитъ и волѣ котораго онъ во всемъ подвластенъ. Во всю жизнь онъ остается кліэнтомъ, а послѣ него также и его сыновья.

Есть нѣкоторое сходство между кліэнтомъ древнихъ временъ и крѣпостнымъ среднихъ вѣковъ. Правда, основаніе, принуждающее ихъ къ повиновенію, не одно и то же. Для крѣпостного основаніе это лежитъ въ правѣ собственности, предъявлявшемся одновременно какъ на землю, такъ и на человѣка; для кліэнта, оно коренится въ семейной религіи, съ которою онъ связанъ подъ властью патрона, ея жреца. Впрочемъ и для кліэнта и для крѣпостного зависимость одна и та же: первый связанъ съ своимъ патрономъ, какъ другой съ своимъ господиномъ; кліэнтъ не можетъ покинуть свой *родъ*, какъ крѣпостной—свой участокъ земли. Кліэнтъ, какъ и крѣпостной, остается потомственно въ зависимости своего господина. Одно мѣсто у Тита Ливія заставляетъ предполагать, что кліэнту было запрещено жениться внѣ своего рода, подобно тому, какъ крѣпостному дозволялось брать жену только изъ той же деревни [1]). Извѣстно также, что кліэнтъ не могъ вступать въ бракъ безъ согласія патрона. Патронъ можетъ отнять землю, обрабатываемую кліэнтомъ, и деньги, какими онъ владѣетъ, все равно какъ господинъ можетъ сдѣлать то же самое съ крѣпостнымъ. Если кліэнтъ умираетъ, то все, чѣмъ онъ пользовался, возвращается къ патрону, точно также какъ и наслѣдство крѣпостного принадлежитъ господину.

Патронъ не только господинъ, онъ—судья; онъ можетъ осудить кліэнта на смерть. Кромѣ того, онъ—религіозный глава. Кліэнтъ подавленъ этою властью, вмѣстѣ и физическою и духовною, посягающею на него со стороны и его тѣла и его души. Правда, та же религія налагаетъ обязанности и на патрона, но обязанности, которыхъ онъ единый судія и для которыхъ нѣтъ никакого установленія свыше. Кліэнтъ нигдѣ не видитъ себѣ покровительства; самъ по себѣ онъ—не гражданинъ; если онъ захочетъ обратиться къ суду гражданской общины, надо чтобъ его сопровождалъ патронъ и ходатайствовалъ за него. Захочетъ ли онъ сослаться на законъ, но онъ не знаетъ священныхъ его формулъ; да еслибъ онъ и зналъ ихъ, для него первый законъ—никогда не свидѣтельствовать и не выступать съ обвиненіемъ противъ его патрона. Безъ патрона — нѣтъ суда; противъ патрона — нѣтъ защиты.

Кліэнты существовали не въ Римѣ только; мы находимъ ихъ у сабинянъ и у этрусковъ, гдѣ они находились подъ

[1]) Титъ Ливій, XXXIX, 19.

властью (*in manu*) у каждаго семейнаго главы [1]). Кліэнты встрѣчаются точно также въ древнемъ эллинскомъ родѣ, какъ и въ родѣ италійскомъ. Правда, не надо пытаться найти кліэнтовъ въ дорійскихъ гражданскихъ общинахъ, гдѣ родовой порядокъ исчезъ весьма рано и гдѣ побѣжденные были прикрѣплены не къ семьѣ господина, но къ земельному участку. Мы находимъ ихъ въ Аѳинахъ и въ гражданскихъ общинахъ какъ іонійскихъ, такъ и эолійскихъ подъ именемъ *ѳетовъ* или *пелатовъ*. До тѣхъ поръ, пока длился аристократическій порядокъ, ѳетъ не входилъ въ составъ гражданской общины; заключенный въ семьѣ, откуда онъ не могъ выйти, онъ находился подъ властью эвпатрида, носившаго въ себѣ тотъ же характеръ и ту же власть, какъ и римскій патронъ.

Есть основаніе сдѣлать предположеніе, что между патрономъ и кліэнтомъ весьма рано зародилась ненависть. Легко представить себѣ, что за житье было въ такой семьѣ, гдѣ одинъ обладалъ полною властью, а другой былъ вполнѣ безправенъ, гдѣ повиновеніе безъ предѣла и безъ надежды стояло бокъ о бокъ съ полновластіемъ, не знавшимъ границъ, гдѣ самый лучшій господинъ не лишенъ былъ горячности и капризовъ, гдѣ слуга самый сдержанный испытывалъ и злобу, и гнѣвъ, и негодованіе. Улиссъ былъ прекраснымъ господиномъ: смотрите какую отеческую привязанность питаетъ онъ къ Эвмею и Филетію. Но онъ повелѣваетъ предать смерти слугу, оскорбившаго его не узнавши, и служанокъ, впавшихъ въ вину, на какую вызвало ихъ его же отсутствіе. За смерть жениховъ онъ—въ отвѣтѣ предъ гражданскою общиной, но въ смерти его слугъ у него никто не властенъ спросить отчета.

Въ томъ состояніи разобщенности и обособленности, въ какомъ долгое время прожила семья, кліэнтство могло образоваться и держаться. Домашняя религія была въ то время всемогуща надъ человѣческою душою. Человѣкъ, являвшійся ея жрецомъ въ силу наслѣдственнаго права, казался низшимъ классамъ божественнымъ существомъ. Онъ былъ не простой человѣкъ, а посредникъ между людьми и богомъ. Изъ его устъ выходила могущественная молитва, непреодолимая формула, вызывавшая милость или гнѣвъ божества. Передъ такою силой надо было преклониться; повиновеніе требовалось и вѣрою, и религіей. Притомъ, какъ было кліэнту пытаться освободиться? Вокругъ него была только одна эта семья, съ которою все его связывало. Въ ней одной онъ находилъ спокойную жизнь, обезпеченное существованіе; въ ней одной, имѣя господина, онъ имѣлъ и покровителя; въ ней одной, наконецъ, онъ находилъ алтарь, къ которому могъ приближаться, и боговъ, къ которымъ ему дозволялось обращаться съ молитвою. Покинуть эту семью значило очутиться внѣ

[1]) Діонисій, V, 20; IX, 5. Титъ Ливій, II, 16.

всякой соціальной организаціи и всякаго права; это значило—утратить своихъ боговъ и отказаться отъ права молиться.

Когда же основалась гражданская община, тогда кліэнты различныхъ семей могли видаться между собою, бесѣдовать, сообщать другъ другу свои желанія и обиды, сравнивать различныхъ господъ и предвидѣть для себя лучшую участь. Затѣмъ взглядъ ихъ сталъ расширяться и за границы семьи. Они видѣли, что и внѣ ея существуетъ общество, правила, законы, алтари, храмы, боги. Выйти изъ семьи имъ теперь не казалось такимъ непоправимымъ несчастіемъ. Желаніе изо дня въ день становилось все сильнѣе; кліэнтство представлялось бременемъ все болѣе и болѣе тяжкимъ, и мало-помалу пропала вѣра въ законность и святость господской власти. Тогда загорѣлось въ сердцахъ этихъ людей страстное желаніе стать свободными.

Исторія не сохранила воспоминанія о всеобщемъ возстаніи этого класса ни въ одной гражданской общинѣ. Если и были стычки съ оружіемъ въ рукахъ, то онѣ происходили въ нѣдрахъ каждой семьи. Нѣсколько поколѣній велась здѣсь упорная борьба, употребляя съ одной стороны энергическія усилія добиться своей независимости, съ другой непреклонныя мѣры къ подавленію этого стремленія. Не было дома, гдѣ не разыгралось бы длинной драматической исторіи, разсказать которую теперь нѣтъ никакой возможности. Одно можно сказать, что усилія низшихъ классовъ не остались безъ результатовъ. Неизбѣжная необходимость принудила мало-помалу господъ поступиться кое-чѣмъ изъ своей власти. Послѣ того какъ власть перестала казаться справедливою подчиненнымъ, требуется еще время, чтобъ она перестала казаться такою и господамъ; но это наступаетъ постепенно, и тогда господинъ, не вѣрящій болѣе въ законность своей власти, плохо ее оберегаетъ или, наконецъ, даже отказывается отъ нея. Прибавьте къ этому, что низшій классъ былъ полезенъ, что его руками, воздѣлывавшими землю, создавалось богатство господина, и что на немъ же опиралась его сила среди взаимныхъ столкновеній семей, а потому слѣдовательно само благоразуміе требовало удовлетворить его требованіямъ, что совѣтовалъ сдѣлать и самъ интересъ за одно съ человѣчностью.

Весьма вѣроятно, что условія положенія кліэнтовъ улучшились понемногу. Сначала они жили въ домѣ господина, обрабатывая сообща общее имѣніе. Впослѣдствіи каждому изъ нихъ отведенъ былъ особый участокъ земли. Кліэнтъ долженъ былъ уже чувствовать себя счастливѣе. Правда, онъ работалъ все еще въ пользу своего господина; земля также не принадлежала ему,—скорѣе онъ самъ принадлежалъ ей. Что нужды, онъ воздѣлывалъ ее въ теченіе долгаго ряда лѣтъ и любилъ ее. Между нимъ и землею возникла тѣсная

связь,—не та связь, что была создана религіей собственности, но связь иная, возникающая путемъ труда и даже мученій между человѣкомъ, отдающимъ свой трудъ, и землею, несущею свои плоды.

Затѣмъ произошло новое улучшеніе. Кліэнтъ сталъ работать уже не на господина, а на самого себя. Подъ условіемъ уплаты оброка, сначала подвергавшагося измѣненію по своей величинѣ, но впослѣдствіи ставшаго постоянно-опредѣленнымъ, онъ началъ самъ пользоваться своею жатвою. Его труды, такимъ образомъ, увѣнчались успѣхомъ, и жизнь его сдѣлалась и болѣе свободной, и болѣе независимой. „Семейные вожди,—говоритъ одинъ древній,—отводили своимъ подвластнымъ участки земли, какъ будто бы они были ихъ собственными дѣтьми“ [1]). Также читаемъ въ *Одиссеѣ*: „Доброжелательный господинъ даетъ своему слугѣ и домъ, и землю“; а Эвмей прибавляетъ: „и жену по сердцу“, потому что кліэнтъ не можетъ еще вступить въ бракъ безъ разрѣшенія господина, который самъ и выбираетъ ему подругу.

Но это поле, гдѣ протекала съ тѣхъ поръ его жизнь, въ чемъ полагалъ онъ весь свой трудъ и всю свою отраду,—не было еще его собственностью. Кліэнтъ вѣдь не обладалъ тѣмъ священнымъ характеромъ, въ силу котораго земля могла сдѣлаться собственностью человѣка. Занимаемый имъ участокъ земли продолжалъ сохранять священный межевой знакъ бога Терма, нѣкогда водруженнаго семьею его господина. Этотъ ненарушимый межевой знакъ свидѣтельствовалъ, что поле, связанное съ семьею господина священными узами, не могло никогда перейти въ собственность къ освобожденному кліэнту. Въ Италіи поле и домъ, занятые какимъ-либо *villicus*, кліэнтомъ патрона, заключали въ себѣ очагъ, *Lar familiaris*; но этотъ очагъ принадлежалъ не земледѣльцу, то былъ очагъ господина [2]). Одно это сразу устанавливало право собственности патрона и религіозную зависимость кліэнта, который, какъ бы далеко ни былъ отъ патрона, все-таки отправлялъ его культъ.

Кліэнтъ, сдѣлавшись владѣльцемъ, горевалъ о томъ, что онъ не полный собственникъ, и желалъ имъ сдѣлаться. Онъ счелъ дѣломъ своего самолюбія уничтожить на этомъ полѣ, казалось бы принадлежащемъ ему по праву труда, тотъ священный межевой знакъ, что дѣлалъ изъ него разъ на всегда собственность древняго владѣльца.

Въ Греціи кліэнты очевидно достигли своей цѣли, но какими средствами мы не знаемъ. Можно только догадываться, сколько времени и усилій потребовалось, чтобы добиться этого. Можетъ-быть въ древности совершился тотъ же рядъ соціальныхъ перемѣнъ, какія произошли въ Европѣ въ сред-

---

[1]) Фестъ, сл. *Patres*, изд. Мюллера, стр. 246.
[2]) Катонъ, *De re rust.*, 143. Колумела, XI, I, 19.

ніе вѣка, когда сельскіе рабы сдѣлались земельными крѣпостными, а крѣпостные съ произвольнымъ оброкомъ — крѣпостными обязанными, пока, наконецъ, не обратились въ крестьянъ собственниковъ.

2. Кліэнтство исчезаетъ въ Аѳинахъ; дѣло Солона.

Переворотъ такого рода точно отмѣченъ въ исторіи Аѳинъ. Упраздненіе царской власти имѣло своимъ результатомъ оживленіе родового порядка; семьи снова вернулись къ прежней обособленной жизни и каждая изъ нихъ опять стала составлять какъ бы небольшое государство, съ эвпатридомъ во главѣ и съ толпою кліэнтовъ или слугъ, называвшихся на древнемъ языкѣ ѳетами [1]),—въ видѣ подданныхъ. Этотъ порядокъ, повидимому, тяжело отозвался на аѳинскомъ населеніи, потому что оно сохранило о немъ дурное воспоминаніе. Народъ началъ считать себя до того несчастнымъ, что предшествующая эпоха стала казаться ему золотымъ вѣкомъ; онъ съ сожалѣніемъ вспомнилъ о царяхъ и вообразилъ себѣ даже, что въ періодъ монархіи онъ былъ счастливъ и свободенъ, что онъ пользовался тогда равенствомъ и что только со времени паденія царей начались для него неравенство и тягости. Но это было не больше какъ печальное заблужденіе, что часто бываетъ съ народомъ; народное преданіе отнесло начало наравенства къ тому времени, когда народъ впервые его возненавидѣлъ. Это кліэнтство, родъ рабства, столь же древнее установленіе, какъ и сама семья, пріурочено было къ той эпохи, когда люди впервые почувствовали его тягость и поняли его несправедливость. Однако вполнѣ очевидно, что не къ седьмому вѣку относится установленіе эвпатридами тяжелыхъ законовъ кліэнтства. Эвпатриды только охраняли ихъ и только въ этомъ ихъ и можно винить; они поддерживали эти законы далѣе того срока, пока народъ выносилъ ихъ безъ протеста, они поддерживали ихъ на перекоръ общему желанію. Эвпатриды этой эпохи быть-можетъ были господами болѣе человѣчными, чѣмъ ихъ предки, однако ихъ ненавидѣли гораздо больше.

Кажется даже, что подъ владычествомъ аристократіи условія положенія низшаго класса нѣсколько улучшились, потому что именно тогда, какъ это ясно видно, онъ получилъ во владѣніе участки земли подъ единственнымъ условіемъ уплачивать подать, опредѣленную въ шестую часть жатвы [2]). Такимъ образомъ люди эти почти совсѣмъ освободились; имѣя свой собственный пріютъ и не находясь болѣе постоянно подъ

[1]) Слово это употребляется въ смыслѣ слуги Гезіодомъ, *Opera et dies*, ст. 563, и въ *Одиссеѣ*, IV, 644. Діонисій Галикарнасскій, II, 9, уподобляетъ древнихъ аѳинскихъ ѳетовъ римскимъ кліэнтамъ.

[2]) Плутархъ, *Солонъ*, 13; *Поллуксъ*, IV, 165; VII, 151.

надзоромъ господина, они вздохнули свободнѣе и трудились уже въ свою пользу.

Но такова человѣческая природа, что люди эти, по мѣрѣ того какъ улучшилось ихъ положеніе, все горче чувствовали остававшееся надъ ними неравенство. Не быть гражданиномъ и не принимать никакого участія въ управленіи гражданской общины—это, конечно, тревожило ихъ очень мало; но невозможность сдѣлаться собственниками земли, гдѣ они рождались и умирали, это безпокоило ихъ значительно болѣе. Прибавимъ къ этому, что все сносное въ ихъ настоящемъ положеніи лишено было устойчивости. Вѣдь если они, правда, и владѣли землею, то все же никакой точный законъ не обезпечивалъ имъ ни этого владѣнія, ни независимости, изъ него проистекавшей. Изъ Плутарха видно, что древній патронъ могъ опять подчинить себѣ бывшаго слугу; если годичный оброкъ не былъ уплаченъ или по иной какой-либо причинѣ, люди эти снова впадали въ рабское состояніе.

Такимъ образомъ важные вопросы рѣшались въ Аттикѣ въ теченіе четырехъ или пяти поколѣній. Низшіе классы не могли оставаться въ томъ ненадежномъ и неустойчивомъ положеніи, къ которому привелъ ихъ незамѣтный прогрессъ и изъ котораго являлось два выхода: или, утративъ это положеніе, они должны были снова подпасть подъ власть тяжкаго кліэнтства, или, окончательно освободившись, они должны подняться до степени полныхъ собственниковъ земли и свободныхъ людей.

Можно себѣ представить, сколько усилій затрачено было тутъ со стороны земледѣльца, бывшаго кліэнта, сколько сопротивленія оказано со стороны собственника, прежняго патрона. То была не гражданская война, иначе аѳинскія лѣтописи сохранили бы воспоминаніе о какомъ-либо сраженіи; то была война домашняя, происходившая въ каждомъ поселеніи, въ каждомъ домѣ, и притомъ наслѣдственная.

Эта борьба, повидимому, имѣла различный исходъ въ различныхъ частяхъ Аттики. Въ равнинѣ, гдѣ у эвпатридовъ было главное владѣніе и гдѣ они сами всегда присутствовали, власть ихъ оставалась почти неприкосновенною надъ небольшою группой слугъ, всегда находившихся передъ глазами; вотъ почему жители равнинъ (πεδιεῖς) вообще оказывались преданными старинному порядку; но жители горной части Аттики (Διάκριοι), обработывавшіе съ трудомъ склоны горъ, находились вдали отъ господъ и, привыкнувъ въ независимой жизни, стали смѣлѣе и отважнѣе и затаили въ глубинѣ сердецъ своихъ жестокую ненависть къ эвпатридамъ съ твердымъ рѣшеніемъ освободиться. Эти именно люди чувствовали себя оскорбленными, видя на своемъ полѣ „священный межевой знакъ“ господина и чувствуя „свою землю рабскою“ [1]).

[1]) Солонъ, изд. Баха, стр. 104, 105: γῆ δουλεύουσα. Плутархъ, *Солонъ* 15: γῆ ὑποκειμένη.

Что же касается до жителей приморской области (παράλιοι), то право собственности на землю мало ихъ интересовало; передъ ними разстилалось море, а благодаря ему и торговля и промышленность. Многiе изъ нихъ разбогатѣли, а при богатствѣ они стали почти свободными. Поэтому они не раздѣляли пылкихъ стремленiй жителей горныхъ областей и не питали особенной ненависти къ эвпатридамъ. Но у нихъ не было и трусливой покорности жителей равнинъ; они требовали себѣ болѣе устойчиваго положенiя и правъ лучше обезпеченныхъ.

Солонъ удовлетворилъ всѣ эти желанiя, насколько то было возможно. Одна сторона дѣла этого законодателя извѣстна намъ изъ древнихъ писателей весьма недостаточно, а какъ кажется, именно здѣсь—центръ тяжести его труда. До Солона большая часть жителей въ Аттикѣ принуждена была довольствоваться непрочнымъ обладанiемъ землею и всегда могла снова впасть въ личное рабство. Послѣ же него этотъ многочисленный классъ людей совсѣмъ исчезаетъ; мы не находимъ болѣе ни оброка, ни „рабской земли", и право собственности стало доступнымъ для всѣхъ. Во всемъ этомъ громадная перемѣна, творцомъ которой могъ быть одинъ Солонъ.

Правда, если полагаться на слова Плутарха, все дѣло Солона ограничилось смягченiемъ законодательства о долгахъ, лишенiемъ кредитора права порабощать должника. Но надо тщательно разсмотрѣть, что это за долги, возмутившiе аѳинскую гражданскую общину, равно какъ и всѣ прочiя въ Грецiи и въ Италiи, и сообщаемые намъ писателемъ, жившимъ много позднѣе этой эпохи. Трудно повѣрить, чтобы до Солона денежное обращенiе было настолько велико, что могло оказаться много и заимодавцевъ, и должниковъ. Объ этой порѣ не слѣдуетъ судить по временамъ, за нею послѣдовавшимъ. Торговля тогда развита была крайне слабо; долговой обмѣнъ былъ неизвѣстенъ, и займы, по всему, весьма рѣдки. Подъ какой залогъ могъ бы сдѣлать заемъ человѣкъ, не имѣвшiй никакой собственности? Ссужать въ долгъ тому, у кого ничего нѣтъ, не въ обычаѣ нигдѣ. Правда, основываясь больше на переводчикахъ Плутарха, чѣмъ на самомъ Плутархѣ, утверждаютъ, что заемщикъ закладывалъ свою землю [1]). Но даже допустивъ, что земля эта была его собственностью, онъ все же не могъ бы заложить ее, потому что залогъ недвижимости не былъ еще тогда извѣстенъ и прямо противорѣчилъ природѣ права собственности [2]). Подъ этими должни-

[1]) Плутархъ говоритъ объ ὅροι (закладныя таблицы). Во времена Плутарха и даже Демосѳена уже были ипотечные ὅροι. Въ эпоху Солона ὅρος не было и могъ быть только *terminus*, какъ эмблема и обезпеченiе собственности. Въ данномъ случаѣ ὅρος указывало на то, что поле, занятое ѳетомъ, находится во владѣнiи эвпатрида.

[2]) Собственность все еще принадлежала скорѣе семьѣ, чѣмъ отдѣльному лицу. Только позднѣе право собственности обратилось въ право личное. Тогда только залогъ недвижимости могъ войти въ употребленiе; въ аѳинское право онъ былъ допущенъ въ видѣ продажи подъ условiемъ выкупа.

ками, о которыхъ намъ собщаетъ Плутархъ, надо разумѣть старинныхъ слугъ или клiэнтовъ, а подъ ихъ долгами — годичную подать, которую они обязаны были уплачивать своимъ прежнимъ господамъ; въ случаѣ неуплаты они впадали въ зависимость: надъ ними снова возстановлялось прежнее клiэнтство.

Солонъ быть-можетъ отмѣнилъ подать или, что еще вѣроятнѣе, настолько понизилъ ее, что выкупъ сталъ дѣломъ легкимъ; къ этому онъ прибавилъ, что на будущее время неуплата не должна уже повергать человѣка въ рабскую зависимость.

Онъ сдѣлалъ болѣе. До него, древнiе клiэнты, сдѣлавшiеся неполными владѣльцами земли, не могли стать полными ея собственниками, потому что на ихъ полѣ вѣчно возвышался священный ненарушимый межевой знакъ прежняго патрона. Для освобожденiя земли и земледѣльца надлежало уничтожить этотъ межевой знакъ. Солонъ такъ и сдѣлалъ: мы находимъ свидѣтельство этой великой реформы въ нѣсколькихъ стихахъ самого Солона: „То было дѣло нежданное,—говоритъ онъ;—я свершилъ его съ помощью боговъ. Ссылаюсь въ томъ на свидѣтельство богини-матери, черной земли, у которой во многихъ мѣстахъ я уничтожилъ межевые знаки, и земля, бывшая въ неволѣ, стала теперь свободною". Сдѣлавъ это, Солонъ совершилъ значительный переворотъ. Онъ устранилъ древнюю религiю собственности, которая, именемъ бога неподвижнаго Терма, удерживала землю въ немногихъ рукахъ. Онъ освободилъ землю отъ религiи съ тѣмъ, чтобъ отдать ее труду. Уничтоживъ власть эвпатрида на землю, онъ уничтожилъ и его власть надъ человѣкомъ, такъ что вполнѣ могъ сказать въ своихъ стихахъ: „Я сдѣлалъ свободными всѣхъ, кто терпѣлъ жестокую неволю на этой землѣ и трепеталъ передъ господиномъ".

Возможно, что именно это освобожденiе современники Солона назвали именемъ σεισάχθεια (уничтоженiе бремени, облегченiе въ пользу должниковъ). Слѣдующiя поколѣнiя, привыкнувъ къ свободѣ, не хотѣли или не могли допустить мысли, что ихъ отцы были въ неволѣ и дали этому слову то объясненiе, что будто бы оно значило только уничтоженiе долговъ. Но въ немъ скрыто значенiе, указывающее на переворотъ несравненно большiй. Прибавимъ къ этому изреченiе Аристотеля, который, не передавая подробностей дѣла Солона, говоритъ просто: „Онъ уничтожилъ рабство народа" [1]).

3. Преобразованiе клiэнтства въ Римѣ.

Борьба клiэнтовъ съ патронами наполняетъ собою долгiй перiодъ въ исторiи Рима. Титъ Ливiй, правда, ничего не го-

[1]) Аристотель, *Политика*, II, 9, 2; καὶ δουλεύοντα τὸν δῆμον παῦσαι.

воритъ объ этомъ, потому что не въ его привычкѣ наблюдать подробно измѣненія учрежденій; къ тому же лѣтописи жрецовъ и тому подобные документы, откуда черпали свои свѣдѣнія древніе историки, на которыхъ основывался Титъ Ливій, не могли содержать въ себѣ разсказа объ этой семейной борьбѣ.

По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно одно. Въ началѣ Рима были кліэнты; до насъ дошли даже весьма точныя свидѣтельства о той степени зависимости, въ какой держали ихъ патроны. Однако, если, нѣсколько вѣковъ спустя, мы станемъ искать этихъ кліэнтовъ, мы ихъ болѣе не найдемъ. Сохранилось одно слово, но самое кліэнтство исчезло. Нѣтъ ничего общаго между кліэнтами первоначальной эпохи и тѣми плебеями временъ Цицерона, что называли себя кліэнтами какого-либо богача съ тѣмъ, чтобъ имѣть право на подачку.

Отпущенники [1]) болѣе всего имѣютъ сходства съ древними кліэнтами. Подъ конецъ республики, все равно какъ и въ первые вѣка Рима, человѣкъ, выходя изъ рабства, не вдругъ дѣлался свободнымъ и гражданиномъ. Онъ все еще остается въ подчиненіи у господина. Прежде его звали кліэнтомъ, теперь стали звать отпущенникомъ; измѣнилось одно только названіе. Что касается до господина, то не измѣнилось даже его имя; встарину его называли патрономъ, также зовутъ его и теперь. Отпущенникъ, какъ нѣкогда кліэнтъ, оставался прикрѣпленнымъ къ семьѣ; онъ носитъ ея названіе, точно также какъ и древній кліэнтъ. Онъ зависитъ отъ своего патрона; онъ обязанъ ему не только признательностью, но и настоящею службою, мѣру которой опредѣляетъ одинъ господинъ. Патронъ имѣетъ право суда надъ своимъ отпущенникомъ, какъ онъ имѣлъ его прежде надъ кліэнтомъ; за простую неблагодарность [2]) онъ можетъ вновь обратить его въ рабство. Такимъ образомъ отпущенникъ во всемъ напоминаетъ древняго кліэнта. Между ними только одно различіе: въ прежнее время кліэнтство было наслѣдственно и переходило отъ отца къ сыну; теперь положеніе отпущенника прекращалось со вторымъ или, по крайней мѣрѣ, съ третьимъ поколѣніемъ. Слѣдовательно кліэнтство не исчезло; оно завладѣваетъ еще человѣкомъ въ ту самую минуту, какъ только онъ выходитъ изъ рабства; оно только болѣе не наслѣдственно. Одно это составляетъ уже значительную перемѣну, но невозможно сказать, когда именно она произошла.

---

[1]) Отпущенникъ сталъ кліэнтомъ. Тождественность этихъ двухъ выраженій подтверждается однимъ мѣстомъ у Діонисія, IV, 23.

[2]) *Дигестъ*, кн. XXV, гл. 2, 5; кн. L, гл. 16, 195. Валерій-Максимъ, V, 1, 4. Светоній, *Клавдій*, 25. Діонъ Кассій, LV. То же законодательство и въ Аѳинахъ; см. Лизія и Гиперида у Гарпократіона, сл. 'Αποστασίου. Демосѳенъ, *in Aristogitonem*, и Свидасъ, сл. 'Αναγκαῖον. Обязанности отпущенниковъ перечислены у Платона, *Законы*, XI, стр. 915. Во всякомъ случаѣ очевидно, что во времена Платона эти старинные законы болѣе не соблюдались.

Можно различить всѣ послѣдовательныя смягченія, внесенныя въ судьбу кліэнта, и тотъ путь, какимъ онъ достигъ наконецъ права собственности. Вначалѣ глава рода назначалъ ему участокъ земли для обработки [1]). Тогда кліэнтъ не замедлилъ обратиться въ скорости въ пожизненнаго владѣльца этого участка подъ условіемъ участія во всѣхъ издержкахъ, падающихъ на его прежняго господина. Тяжелыя постановленія древняго закона, обязывавшія уплачивать выкупъ за патрона, давать приданое его дочери и платить наложенные на него штрафы по суду, доказываютъ по крайней мѣрѣ, что въ то время, когда писался этотъ законъ, кліэнтъ могъ уже обладать собственностью. Затѣмъ кліэнтъ успѣваетъ еще болѣе: онъ получаетъ право передавать по смерти все, что имѣетъ, своему сыну; правда, что если у него нѣтъ сына, его имущество возвращается къ патрону. Затѣмъ вотъ еще новый успѣхъ: кліэнтъ, не имѣющій сына, получаетъ право завѣщать. Здѣсь обычай колеблется и мѣняется: то патронъ удерживаетъ за собою половину всего имущества, то воля завѣщателя исполняется всецѣло; во всякомъ случаѣ, завѣщаніе кліэнта всегда имѣетъ силу [2]). Такимъ образомъ кліэнтъ, хотя еще и не можетъ назваться полнымъ собственникомъ, обладаетъ по крайней мѣрѣ пользованіемъ широкимъ настолько, насколько возможно.

Конечно, это еще не полное освобожденіе, но никакой документъ не даетъ намъ возможности установить точно то время, когда кліэнты окончательно освободились отъ патриціанскихъ семей. У Тита Ливія [3]) есть нѣсколько текстовъ, которые, если взять ихъ буквально, показываютъ, что съ самыхъ первыхъ временъ республики кліэнты были гражданами. Весьма правдоподобно, что они были уже гражданами во времена царя Сервія Туллія; быть-можетъ въ комиціяхъ по куріямъ они подавали голоса съ самаго начала Рима; но отсюда нельзя еще заключить, что они тогда совершенно освободились, такъ какъ весьма возможно, что патриціи нашли свою выгоду въ дарованіи политическихъ правъ своимъ кліэнтамъ и въ допущеніи ихъ къ голосованію въ комиціяхъ, не согласившись даровать имъ также и права гражданскія, т.-е. освободить ихъ изъ-подъ своей власти.

Переворотъ, освободившій кліэнтовъ въ Римѣ, произошелъ повидимому не сразу, какъ то было въ Аѳинахъ. Онъ совершился крайне медленно, почти незамѣтно, такъ что никогда не былъ подкрѣпленъ ни однимъ положительнымъ закономъ. Узы кліэнтства ослабли мало-по малу, и кліэнтъ незамѣтно отошелъ отъ патрона.

---

[1]) Фестъ, сл. *Patres*.

[2]) *Институціи* Юстіановы, III, 7.

[3]) Титъ Ливій, II, 16: *Atti Clausi clientibus civitas data*. II, 64: *Per patres clientesque patrum consules creati*.

Царь Сервій произвелъ большую реформу въ пользу кліэнтовъ: онъ измѣнилъ организацію войска. До него войско на походѣ дѣлилось на трибы; на куріи и на роды; то было патриціанское дѣленіе; каждый глава рода стоялъ во главѣ своихъ кліэнтовъ. Сервій же раздѣлилъ войско на центуріи; каждый занялъ мѣсто по своему имущественному положенію. Отсюда получилось то слѣдствіе, что кліэнтъ занялъ мѣсто врозь отъ своего патрона, что онъ уже не зналъ его больше какъ начальника въ битвѣ и усвоилъ себѣ привычку къ независимости.

Это измѣненіе повлекло за собою другое въ строеніи комицій. Ранѣе собраніе дѣлилось по куріямъ и родамъ, и кліэнтъ, если онъ подавалъ свой голосъ, дѣлалъ это подъ надзоромъ господина. Но когда дѣленіе по центуріямъ было установлено также и для комицій, какъ и для войска, кліэнтъ оказался не въ одной группѣ съ своимъ патрономъ. Правда, древній законъ все еще повелѣвалъ ему голосовать за одно съ патрономъ, но какъ повѣрить его голосовавіе?

Разлучить кліэнта отъ патрона въ наиболѣе торжественные моменты жизни, во время битвы и голосованія,—было очень важно. Власть патрона сильно уменьшилась и то, что ему отъ нея осталось, со дня на день все болѣе и болѣе подвергалось спору. Какъ только кліэнтъ отвѣдалъ независимости, онъ пожелалъ ее вполнѣ. Онъ сталъ стремиться отдѣлиться отъ рода и войти въ плебсъ, гдѣ было свободно. Случаевъ представилось ему не мало. При царяхъ онъ былъ увѣренъ въ ихъ помощи, такъ какъ имъ было очень желательно ослабленіе родовъ. При республикѣ онъ нашелъ себѣ покровительство въ самомъ плебсѣ и въ трибунахъ. Такимъ образомъ освободилось множество кліэнтовъ, и родъ не могъ ихъ удержать. Въ 472 году до Р. Х. число кліэнтовъ было еще довольно значительно, потому что плебсъ жаловался, что своими голосами въ комиціяхъ по центуріямъ они склоняютъ равновѣсіе на сторону патриціевъ [1]). Около того же времени, когда плебсъ отказался вступить въ ряды войска, патриціи были въ состояніи образовать войско изъ своихъ кліэнтовъ [2]). Кажется, однако, кліэнтовъ этихъ не было вполнѣ достаточно для обработки земель патриціевъ, и послѣдніе должны были заимствоваться рабочими руками изъ плебса [3]). Весьма вѣроятно, что установленіе должности трибуновъ, обезпечивая освободившимся кліэнтамъ покровительство противъ ихъ прежнихъ патроновъ и сдѣлавъ положеніе плебеевъ болѣе завиднымъ и прочнымъ, ускорило это постепенное движеніе къ освобожденію. Въ 372 году кліэнтовъ болѣе уже не существовало, и нѣкто Манлій могъ сказать плебсу: „Сколько кліэнтовъ имѣли вы нѣкогда вокругъ каждаго изъ патроновъ, столько союзниковъ у васъ теперь противъ одного врага [1])“. Съ этихъ поръ мы не встрѣчаемъ болѣе въ исторіи Рима древнихъ кліэнтовъ, этихъ людей, наслѣдственно прикрѣпленныхъ къ роду. Первоначальное кліэнтство уступило мѣсто кліэнтству новаго рода, узамъ добровольнымъ и почти фиктивнымъ, не влекшимъ за собою болѣе тѣхъ же самыхъ обязательствъ. Съ этихъ поръ въ Римѣ нельзя уже различить трехъ классовъ: патриціевъ, кліентовъ и плебеевъ; ихъ осталось только два, а кліэнты слились съ плебсомъ.

[1]) Титъ Ливій, II, 56.
[2]) Діонисій, VII, 19; X, 27.
[3]) *Inculti per secessionem plebis agri.* Титъ Ливій, II, 34.

Марцеллы были повидимому вѣтвью, отдѣлившеюся, такимъ образомъ, отъ рода Клавдіевъ. Ихъ имя было также Клавдіи, но такъ какъ они не были патриціи, то они должны были входить въ составъ рода только въ качествѣ кліэнтовъ. Освободившись весьма рано и обогатившись средствами, намъ неизвѣстными, они возвысились сперва до должностей плебейскихъ, а затѣмъ и до должностей гражданской общины. Въ теченіе многихъ вѣковъ родъ Клавдіевъ, повидимому, забылъ всѣ свои древнія права на нихъ. Однако въ одинъ прекрасный день, во времена Цицерона [2]), онъ неожиданно вспомнилъ о нихъ. Какой-то отпущенникъ или кліэнтъ Марцелловъ умеръ и оставилъ послѣ себя наслѣдство, которое, согласно закону, должно было вернуться къ патрону. Клавдіи патриціи утверждаютъ, что Марцеллы, въ силу того, что сами кліэнты, не могли имѣть кліэнтовъ и что отпущенники ихъ, какъ лично такъ и ихъ имущество, должны поступать въ распоряженіе главы патриціанскаго рода, какъ единственнаго лица, которое въ состояніи исполнять право патронства. Процессъ этотъ весьма удивилъ всѣхъ и поставилъ въ затрудненіе правовѣдовъ. Самъ Цицеронъ нашелъ вопросъ этотъ весьма неяснымъ. Но не таковъ онъ былъ четыре вѣка назадъ, и Клавдіи выиграли бы тогда свое дѣло. Во времена же Цицерона право, на которомъ они основывали свое требованіе, было настолько древне, что уже было забыто, и судъ нашелъ возможнымъ рѣшить дѣло въ пользу Марцелловъ. Древнее кліэнтство болѣе не существовало.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Третій переворотъ; плебсъ входитъ въ составъ гражданской общины.

1. *Общая исторія этого переворота.*

Перемѣны, совершившіяся съ теченіемъ времени во внутреннемъ строѣ семьи, повлекли за собою другія и въ строе-

[1]) Титъ Ливій, VI, 18.
[2]) Цицеронъ, *De oratore*, I, 39.

нiи гражданской общины. Древняя аристократическая семья съ жреческомъ характеромъ замѣтно ослабѣла. Съ исчезновенiемъ права старшинства она лишилась своего единства и крѣпости; когда же освободилось и большинство клiэнтовъ, тогда она лишилась и большей части подвластныхъ ей людей. Лица низшаго класса не распредѣлялись болѣе по родамъ; выйдя изъ нихъ, они образовали между собою нѣчто цѣлое. Отъ этого гражданская община измѣнила свой видъ; тогда какъ прежде она была слабо связаннымъ собранiемъ стольких небольшихъ самостоятельныхъ государствъ, сколько было семей, теперь сложился новый союзъ съ одной стороны между членами патрицiанскихъ родовъ, съ другой—между людьми низшаго класса. Такимъ образомъ стали лицомъ къ лицу двѣ большiя партiи, два общества другъ другу враждебныя. Теперь болѣе не было мѣста скрытой борьбѣ въ нѣдрахъ семьи, какъ въ предшествовавшую эпоху; теперь въ каждомъ городѣ возгорѣлась открытая война. Изъ двухъ враждебныхъ классовъ одинъ хотѣлъ сохранить религiозный строй гражданской общины и оставить управленiе, равно какъ и жречество, въ рукахъ священныхъ семей; другой хотѣлъ уничтожить тѣ древнiя преграды, что ставили его внѣ права, внѣ религiи, внѣ политическаго общества.

Въ первую половину борьбы преимущество было на сторонѣ аристократiи по рожденiю. Правда, у ней не было болѣе ея прежнихъ подданныхъ, и ея матерiальная сила уменьшилась, но за ней остались еще обаянiе ея религiи, ея правильная организацiя, ея привычка къ управленiю, ея преданiя, ея наслѣдственная гордость. Она не сомнѣвалась въ своемъ правѣ и, защищаясь, полагала, что отстаиваетъ религiю. Народъ же имѣлъ за себя только свою большую численность. Онъ еще стѣснялся привычнымъ уваженiемъ, отдѣлаться отъ котораго ему было не такъ легко. Къ тому же у него не было вождей и никакой организацiи. Въ самомъ началѣ онъ скорѣе былъ безсвязною толпою, чѣмъ стройно сложеннымъ и сильнымъ тѣломъ. Если мы припомнимъ себѣ, что люди не знали тогда иного принципа ассоцiацiи кромѣ наслѣдственной семейной религiи или иного происхожденiя власти, какъ изъ культа, то мы легко поймемъ, что этотъ плебсъ, стоявшiй внѣ культа и внѣ религiи, и не могъ вначалѣ составить изъ себя правильное общество и что ему потребовалось не мало времени на то, чтобы найти въ самомъ себѣ начала дисциплины и правила управленiя.

Этотъ низшiй классъ въ своемъ безсилiи не видалъ сперва иного средства бороться съ аристократiей, какъ противопоставивъ ей монархiю.

Въ городахъ, гдѣ народный классъ образовался уже во времена древнихъ царей, онъ поддерживалъ ихъ изъ всей своей силы и поощрялъ ихъ къ увеличенiю ихъ могущества. Въ Римѣ онъ потребовалъ возстановленiя царского достоинства

послѣ Ромула; онъ провозгласилъ Гостилiя и сдѣлалъ царемъ Тарквинiя Древняго; онъ горячо любилъ Сервiя и оплакивалъ Тарквинiя Гордаго.

Когда цари были повсюду побѣждены и аристократiя взяла въ свои руки все управленiе, народъ не ограничился однимъ сожалѣнiемъ о монархiи; онъ стремился возстановить ее въ новой формѣ. Въ Грецiи въ теченiе шестого вѣка ему удалось вообще дать себѣ вождей; не имѣя возможности назвать ихъ царями, потому что титулъ этотъ совмѣщалъ въ себѣ понятiе о религiозныхъ обязанностяхъ и могъ быть носимъ только жреческими семьями, онъ назвалъ ихъ тиранами [1]).

Каковъ бы ни былъ первоначальный смыслъ этого слова, очевидно, что оно не заимствовано изъ религiознаго языка; его нельзя было приложить къ богамъ, какъ то можно было сдѣлать съ именемъ царя; оно не упоминалось и въ молитвахъ. Дѣйствительно оно обозначало нѣчто совсѣмъ новое среди людей,—власть, происшедшую не изъ культа, установленную не религiей. Появленiе этого слова въ греческомъ языкѣ указываетъ на появленiе новаго принципа, неизвѣстнаго предшествовавшимъ поколѣнiямъ, принципа повиновенiя человѣка человѣку. До этихъ поръ не было иныхъ главъ государства, кромѣ главъ религiи; они одни управляли гражданскою общиной, совершали жертвоприношенiя и призывали боговъ; повинуясь имъ, повиновались только религiозному закону, и покорность изъявлялась только божеству. Повиновенiе человѣку, власть данная одному человѣку другими людьми, власть происхожденiя и природы чисто-человѣческой: все это было неизвѣстно древнимъ эвпатридамъ и было понято впервые только тогда, когда низшiе классы свергли иго аристократiи и стали искать новаго управленiя.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ Коринѳѣ „народъ съ трудомъ выносилъ владычество Вакхидовъ; Кипселъ, видя всеобщую къ нимъ ненависть и замѣтивъ, что народъ ищетъ лишь вождя, который повелъ бы его по пути освобожденiя“, вызвался быть этимъ вождемъ; народъ согласился, сдѣлалъ его тиранномъ, изгналъ Вакхидовъ и повиновался съ той поры Кипселу [2]). Въ Милетѣ сталъ тираномъ нѣкто Ѳразивулъ; Митилена изъявляла покорность Питтаку, Самосъ—Поликрату. Мы встрѣчаемъ тирановъ въ Аргосѣ, въ Эпидаврѣ въ Мегарѣ, въ Халкидѣ, въ теченiе шестаго вѣка. Въ Сикiонѣ правили тираны въ теченiе ста тридцати лѣтъ безъ перерыва [3]). Между греками въ Италiи тираны встрѣчаются въ Кумахъ, въ Кротонѣ, въ Сибарисѣ, вездѣ. Въ Сиракузахъ въ 484 го-

---

[1]) Названiе царя оставлялось иногда за этими народными вождями, если они происходили изъ религiозныхъ семей. Геродотъ, V, 92.

[2]) Геродотъ. V, 92. Аристотель. *Полит.*, V, 9, 22. Дiодоръ, VII, 2. Павзанiй, II, 3—4. Николай Дамаскiй, стр. 58.

[3]) Геродотъ, I, 20; V, 67, 68; Аристотель, *Полит.*, III, 8, 3; V, 4, 5; V, 8, 4; Плутархъ, *Солонъ*, 14.

ду низшій классъ завладѣлъ городомъ и изгналъ аристократію, но онъ не могъ ни удержаться, ни управиться и къ концу года принужденъ былъ дать себѣ тирана [1]).

Тираны вездѣ, съ большею или меньшею жестокостью, вели одну и ту же политику. Одинъ коринѳскій тиранъ просилъ однажды у тирана милетскаго совѣта относительно управленія. Послѣдній вмѣсто отвѣта срѣзалъ всѣ хлѣбные колосья, превышавшіе своимъ ростомъ прочихъ. Такимъ образомъ правиломъ ихъ поведенія было рубить головы, поднимавшіяся черезчуръ высоко, и, опираясь на народъ, наносить удары аристократіи.

Римскій плебсъ составлялъ сперва заговоры для возстановленія Тарквинія. Затѣмъ онъ пытался создать тирановъ и по очереди обращалъ свои взоры то на Публиколу, то на Спурія Кассія, то на Манлія. Обвиненіе, такъ часто обращаемое патриціями къ тѣмъ изъ своихъ, кто становился слишкомъ популярнымъ, не всегда бывало чистою клеветой. Боязнь высшихъ классовъ свидѣтельствуетъ о стремленіяхъ и желаніяхъ плебса.

Но при этомъ надо замѣтить, что если народъ въ Греціи и въ Римѣ и стремился къ возстановленію монархіи, то вовсе не изъ истинной привязанности къ этому порядку. Онъ не столько любилъ тирановъ, сколько ненавидѣлъ аристократію. Монархія (въ видѣ тираніи) являлась для него средствомъ побѣдить и отомстить, но никогда это правленіе, выходившее изъ одного права силы и не основанное ни на какомъ священномъ преданіи, не укоренилось крѣпко въ сердцахъ населенія. Тиранъ являлся вслѣдствіе необходимости борьбы; потомъ за нимъ оставляли власть изъ признательности или по необходимости; но какъ только проходило нѣсколько лѣтъ, и воспоминаніе о тягостной олигархіи забывалось, тиранъ обыкновенно свергался. Это правленіе никогда не пользовалось любовью грековъ; они мирились съ нимъ какъ со средствомъ, оказавшимся подъ рукою, ожидая того времени, когда народная партія найдетъ новый лучшій порядокъ или почувствуетъ въ себѣ достаточно силы, чтобъ управляться сама собою.

Низшій классъ возрасталъ мало-помалу. Нѣкоторые шаги прогресса, хотя и сдѣланные незамѣтно, рѣшаютъ однако иногда будущность цѣлаго класса и преобразуютъ все общество. Около шестого вѣка до нашей эры въ Греціи и Италіи открылся новый источникъ богатства. Религія не удовлетворяла болѣе всѣмъ потребностямъ человѣка; вкусы стремились къ изяществу и къ роскоши; зародились искусства, а промышленность и торговля стали необходимостью. Мало-помалу образовалось движимое богатство; стали чеканить монету; появились деньги. Появленіе же денегъ произвело великій переворотъ. Деньги не подлежали тѣмъ же условіямъ

[1]) Геродотъ, VII, 155. Діодоръ, XIII, 22. Аристотель, V, 2, 6.

собственности, какъ земля; онѣ были, по выраженію правовѣда, *res nec mancipi*; онѣ могли переходить изъ рукъ въ руки безъ всякой религіозной формальности и безпрепятственно попадать къ плебею. Религія, наложившая свою печать на землю, была безсильна надъ деньгами.

Низшіе классы узнали тогда новое занятіе помимо обработки земли: появились ремесленники, моряки, промышленники, торговцы; скоро въ средѣ ихъ явились и богачи. Замѣчательное новшество! Прежде собственниками могли быть только главы родовъ, а тутъ древніе кліэнты или плебеи начинаютъ богатѣть и щеголять своимъ достаткомъ. Затѣмъ роскошь, обогощавшая простой народъ, разоряла эвпатридовъ; во многихъ гражданскихъ общинахъ, особенно въ Аѳинахъ, часть аристократическаго класса впадаетъ въ нужду. А въ обществѣ, гдѣ перемѣстилось богатство, скоро падутъ и всѣ сословныя различія.

Другимъ послѣдствіемъ этой перемѣны было то, что въ самомъ народѣ установились различія и степени, какъ то необходимо во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Нѣкоторыя семьи выдвинулись впередъ; нѣкоторыя имена мало-по-малу пріобрѣли большое значеніе. Въ плебсѣ образовалась своего рода аристократія; въ этомъ не было ничего дурного; плебсъ пересталъ быть безпорядочною массой и началъ походить на благоустроенное цѣлое. Имѣя свои разряды внутри себя, плебсъ могъ выбрать себѣ самъ вождей, не имѣя болѣе необходимости брать изъ среды патриціевъ перваго честолюбца, пожелавшаго взять въ свои руки власть. Эта плебейская аристократія скоро пріобрѣла тѣ качества, что всегда обыкновенно сопровождаютъ богатство, нажитое личнымъ трудомъ, т.-е. чувство собственнаго достоинства, любовь къ спокойной свободѣ и ту мудрость, которая, желая улучшеній, остерегается рискованныхъ предпріятій. Плебсъ допустилъ этихъ избранныхъ руководить собою, гордясь имѣть ихъ въ своей средѣ. Онъ отказался отъ тирановъ, какъ только почувствовалъ, что самъ въ себѣ обладаетъ необходимыми элементами лучшаго управленія. Наконецъ богатство стало на нѣкоторое время, какъ мы это сейчасъ увидимъ, принципомъ соціальной организаціи.

Надо сказать еще объ одной перемѣнѣ, также сильно способствовавшей возрастанію низшаго класса: это перемѣна, происшедшая въ военномъ искусствѣ. Въ первые вѣка исторіи гражданскихъ общинъ сила войска состояла въ конницѣ. Настоящимъ воиномъ былъ тотъ, кто сражался на колесницѣ или на лошади; пѣхотинецъ, мало полезный въ битвѣ, цѣнился очень низко. Вотъ почему древняя аристократія повсюду сохраняла за собою право сражаться конною [1]); въ

[1]) Аристотель дѣлаетъ замѣчаніе, что во всѣхъ древнихъ гражданскихъ общинахъ, гдѣ конница была преобладающимъ войскомъ, правленіе было олигархическимъ, *Политика*, IV, 3, 2.

нѣкоторыхъ городахъ высшій классъ даже назывался всадниками. *Celeres* Ромула всѣ патриціи. У древнихъ конница считалась всегда благороднымъ войскомъ. Однако мало-помалу пѣхота пріобрѣла нѣкоторое значеніе. Прогрессъ въ выдѣлкѣ оружія и появленіе дисциплины дали ей возможность сопротивляться конницѣ. Достигнувъ этого, она тотчасъ заняла первое мѣсто въ сраженіяхъ, потому что она была болѣе сподручна, а движенія ея много легче; легіонеры, гоплиты стали съ тѣхъ поръ главной силою войска. А легіонеры и гоплиты были плебеи. Прибавьте, что флотъ разросся, ссобенно въ Греціи, что стали происходить морскія сраженія и что участь иной гражданской общины часто находилась въ рукахъ гребцовъ, т.-е. плебеевъ. Классъ же, достаточно сильный для внѣшней защиты общества, достаточно силенъ и для того, чтобы завоевать себѣ въ немъ право и пользоваться въ немъ законнымъ вліяніемъ. Общественное и политическое положеніе народа всегда въ зависимости отъ характера и состава его войскъ.

Наконецъ низшему классу удалось создать себѣ также религію У этихъ людей также таилось въ сердцахъ религіозное чувство, неотдѣлимое отъ нашей природы и создающее для насъ необходимость поклоненія и молитвы. Они, слѣдовательно, страдали, видя себя устраненными отъ религіи древнимъ правиломъ, предписывавшимъ, чтобы каждый богъ принадлежалъ одной только семьѣ и чтобы право молиться передавалось только съ кровью. Они стремились также пріобрѣсть себѣ культъ.

Нѣтъ возможности подробно разсмотрѣть здѣсь всѣ сдѣланныя ими усилія, всѣ придуманныя ими средства, всѣ представившіяся имъ трудности и облегченія. Трудъ этотъ, долгое время индивидуальный, долго оставался тайною каждаго отдѣльнаго сознанія; мы можемъ видѣть только его общіе результаты. То какая либо плебейская семья сама воздвигаетъ себѣ очагъ, или дерзнувъ сама возжечь его или доставъ гдѣ-либо священнаго огня: тогда она обзаводилась своимъ собственнымъ культомъ, своимъ святилищемъ, своимъ божествомъ-покровителемъ, своимъ жречествомъ, по образцу патриціанской семьи. То плебей, не имѣя домашняго культа, получилъ доступъ въ храмы гражданской общины; въ Римѣ тѣ, у кого не было своего очага и, слѣдовательно, никакого домашняго праздника, совершали каждый годъ жертвоприношеніе богу Квирину [1]). Когда высшій классъ продолжалъ упорно не допускать въ свои храмы классъ низшій, то послѣдній самъ воздвигъ себѣ особые храмы; въ Римѣ одинъ изъ такихъ храмовъ, посвященный Діанѣ, находился на Авентинскомъ холмѣ; у него былъ также храмъ плебейской стыдливости. Восточные культы, вторгшіеся, начиная съ

[1]) Варронъ, *De ling lat.*, VI, 13.

шестого вѣка, въ Грецію и въ Италію, охотно принимались плебсомъ; то были культы, которые, подобно буддизму, не допускали различія ни кастъ, ни племенъ. Часто, наконецъ, плебсъ творилъ себѣ святыню по аналогіи съ богами курій и патриціанскихъ трибъ. Такимъ образомъ царь Сервій воздвигъ по алтарю въ каждой части города для того, чтобы толпа могла совершать жертвоприношенія; точно также Пизистратиды воздвигли *гермовъ* на улицахъ и площадяхъ Аѳинъ [1]). Это были боги демократіи. Плебсъ, бывшій нѣкогда сборищемъ людей безъ культа, сталъ исполнять съ тѣхъ поръ свои религіозныя церемоніи и свои празднества. Онъ получилъ право молиться, а это много значило въ обществѣ, гдѣ на религіи было основано достоинство человѣка.

Какъ только низшій классъ осуществилъ съ успѣхомъ свои различныя стремленія, какъ только въ средѣ его оказались и богачи, и воины, и жрецы, какъ только онъ овладѣлъ всѣмъ, что придаетъ человѣку чувство собственнаго достоинста и силы, какъ только, наконецъ, онъ принудилъ высшій классъ считаться съ собою въ жизни, то тогда уже было невозможно удержать его въ сторонѣ отъ общественной и политической жизни, и гражданской общинѣ нельзя было больше оставаться для него закрытою.

Вступленіе низшаго класса въ гражданскую общину являлось переворотомъ, наполнявшимъ собою всю исторію Греціи и Италіи, начиная съ седьмого вѣка по пятый. Стремленія народа вездѣ восторжествовали, но не вездѣ одинаковыми средствами.

Въ одномъ мѣстѣ народъ, какъ только почувствовалъ свою силу, поднялъ возстаніе; съ оружіемъ въ рукахъ, онъ вошелъ въ ворота города, гдѣ ему было запрещено жить. Овладѣвъ властью, онъ или изгналъ аристократію и занялъ ея дома, или же удовлетворился установленіемъ равенства въ правѣ. Такъ было въ Сиракузахъ, въ Эритреѣ, въ Милетѣ.

Въ другомъ мѣстѣ народъ воспользовался средствами менѣе жестокими. Не вступая въ борьбу вооруженною силой, одной только своей духовной силою, пріобрѣтенною имъ изъ его послѣднихъ успѣховъ, онъ принудилъ аристократію пойти на уступки. Тогда назначали законодателя, и общественный строй подвергался измѣненію. Такъ оно было въ Аѳинахъ.

Въ иномъ мѣстѣ низшій классъ достигъ своей цѣли постепенно, безъ потрясенія и смутъ. Такъ, напримѣръ, въ Кумахъ число членовъ гражданской общины, сперва крайне незначительное, возросло на первый разъ вслѣдствіе принятія въ свою среду тѣхъ лицъ изъ народа, которыя обладали достаточными средствами для прокормленія одной лошади. Впослѣдствіи число гражданъ увеличилось до тысячи, а наконецъ постепенно дошли и до демократіи [2]).

[1]) Діонисій, IV, 5. Платонъ, *Гиппархъ*. Гарпократіонъ, сл. ἑρμαῖ.
[2]) Гераклидъ, въ *Отрыв. Греч. Ист.*, собр. Дидо, т. II, стр. 217.

Въ нѣкоторыхъ городахъ принятіе плебса въ среду гражданъ было дѣломъ царей; такъ онъ было въ Римѣ. Въ другихъ оно было дѣломъ народныхъ тирановъ, какъ напримѣръ въ Коринѳѣ, въ Сикіонѣ, въ Аргосѣ. Когда аристократія опять брала верхъ, она обыкновенно имѣла благоразуміе оставлять за низшимъ классомъ званіе гражданина, дарованное ему царями или тиранами. На Самосѣ аристократія только тогда положила конецъ своей борьбѣ съ тиранами, когда освободила самые низшіе классы народа. Было бы долго перечислять всѣ различныя формы, подъ которыми совершился этотъ великій переворотъ. Результатъ былъ повсюду одинаковъ; низшій классъ былъ принятъ въ гражданскую общину и вошелъ въ составъ политическаго организма.

Поэтъ Ѳеогнидъ даетъ намъ довольно ясное понятіе объ этомъ переворотѣ и его послѣдствіяхъ. Онъ говоритъ намъ, что въ Мегарѣ, его отечествѣ, есть два разряда людей. Одинъ изъ нихъ онъ называетъ классомъ *хорошихъ*, ἀγαθοί; такое названіе, дѣйствительно, употребительно въ большей части греческихъ городовъ. Другой разрядъ онъ называетъ классомъ *дурныхъ*, κακοί; это названіе также обыкновенно прилагалось къ низшему классу. Поэтъ описываетъ намъ прежнее положеніе этого класса: „Было время, когда онъ не зналъ ни суда, ни закона“,—то-есть просто онъ не владѣлъ правами гражданства. Людямъ этимъ не позволялось даже подходить близко къ городу; „Они жили внѣ города подобно дикимъ животнымъ“. Они не присутствовали на религіозныхъ обѣдахъ; они не имѣли права заключать брачные союзы съ классомъ *хорошихъ*.

Но какъ все измѣнилось! Сословныя преимущества перемѣстились и „дурныя поставлены были выше хорошихъ“. Правосудіе поколебалось; древніе законы отжили свой вѣкъ, а мѣсто ихъ заняли непривычные новые. Богатство стало единственнымъ предметомъ людскихъ желаній, потому что оно несло съ собою могущество. Человѣкъ знатнаго происхожденія охотно женится на дочери богатаго плебея, и „бракъ перемѣшиваетъ происхожденіе“.

Ѳеогнидъ, происходившій изъ аристократической семьи, напрасно пытался выказать сопротивленіе ходу дѣлъ. Присужденный къ изгнанію, лишенный своего имущества, онъ владѣетъ только однимъ оружіемъ борьбы и протеста—своими стихами. Но если онъ и не надѣется на успѣхъ, онъ все же убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла; онъ признаетъ себя побѣжденнымъ, но сохраняетъ за собою сознаніе своего права. Въ его глазахъ свершившійся переворотъ—нравственное зло и преступленіе. Какъ потомку аристократіи ему кажется, что этотъ переворотъ не имѣетъ за себя ни справедливости, ни боговъ и что онъ посягаетъ на религію. „Боги, говоритъ онъ, покинули землю; никто ихъ не боится. Благочестивые люди перевелись; никому больше нѣтъ дѣла до безсмертныхъ“.

Эти сожалѣнія не ведутъ ни къ чему, и онъ самъ это знаетъ. Если же онъ скорбитъ такимъ образомъ, то единственно изъ сознанія благочестивой обязанности, потому что онъ унаслѣдовалъ отъ древнихъ „святое преданіе“ и долженъ его продолжать. Но все напрасно: само преданіе скоро увянетъ, а потомки знатныхъ позабудутъ свою знатность; скоро они всѣ сольются черезъ бракъ съ плебейскими семьями, „будутъ пить на ихъ праздникахъ и ѣсть за ихъ столомъ“; скоро усвоятъ они себѣ и ихъ чувства. Во времена Ѳеогнида греческой аристократіи не оставалось ничего кромѣ сожалѣнія, да и послѣднее скоро исчезнетъ.

Дѣйствительно, послѣ Ѳеогнида знатность была однимъ воспоминаніемъ. Значительныя семьи продолжали благочестиво хранить домашній культъ и память предковъ, но вотъ и все. Были еще люди, чувствовавшіе удовольствіе при перечичисленіи своихъ предковъ, но эти люди были уже смѣшны [1]).

Сохранился обычай писать на нѣкоторыхъ могилахъ, что умершій былъ знатнаго происхожденія, но никто и не пытался возстановить порядокъ, рухнувшій навсегда. Исократъ вполнѣ справедливо говоритъ, что въ его время знатныя семьи существовали въ Аѳинахъ единственно только въ ихъ могилахъ.

Такимъ образомъ преобразовалась постепенно древняя гражданская община. Вначалѣ она была ассоціацiей сотни семейныхъ главъ. Потомъ число гражданъ увеличилось, вслѣдствіе того, что младшія вѣтви достигли равенства. Еще позднѣе освободившіеся кліэнты, плебсъ, все это сборище людей, въ теченіе вѣковъ остававшееся внѣ религіозной и политической ассоціаціи, а иногда даже и внѣ священной ограды города, опрокинуло и уничтожило всѣ препятствія, поставленныя ему поперекъ пути, и вступило въ гражданскую общину, гдѣ и стало тотчасъ же во главѣ власти.

2. *Исторія этого переворота въ Аѳинахъ.*

Послѣ уничтоженія царской власти Аѳинами управляли эвпатриды въ теченіе четырехъ вѣковъ. Объ этомъ длинномъ владычествѣ исторія хранитъ полное молчаніе; о немъ намъ извѣстно только то, что оно было ненавистно низшимъ классамъ и что народъ стремился избавиться отъ такого положенія.

Около 612 года всеобщее недовольство и опредѣленные признаки, возвѣщавшіе близость переворота, пробудили честолюбіе одного эвпатрида Килона, задумавшаго свергнуть господство своей касты и самому сдѣлаться народнымъ тираномъ. Энергія архонтовъ помѣшала его предпріятію, но волненіе

[1]) Мы дѣлаемъ исключеніе для Рима, гдѣ знатность, испытавъ преобразованіе, сохранила за собою обаяніе и силу.

продолжалось и послѣ него. Тщетно эвпатриды пускали въ ходъ всѣ средства своей религіи. Напрасно утверждали они, что боги раздражены и являются знаменія. Напрасно устроили они очищеніе города отъ всѣхъ преступленій народа и воздвигли два алтаря Насилію и Дерзости для того, чтобы удовлетворить этихъ обоихъ божествъ, подъ дурнымъ вліяніемъ которыхъ развратились всѣ умы [1]). Все это не послужило ни къ чему. Чувства ненависти ни мало оттого не смягчились. Призвали съ Крита благочестиваго Эпименида, таинственную личность, слывшаго сыномъ одной богини; поручили ему совершить цѣлый рядъ очистительныхъ церемоній; надѣялись, поразивъ такимъ образомъ народное воображеніе, снова вызвать къ жизни религію и этимъ укрѣпить аристократію. Но народъ остался равнодушенъ; религія эвпатридовъ была уже безсильна надъ его душою; онъ продолжалъ упорствовать на требованіи преобразованій.

Еще шестнадцать лѣтъ продолжалась жестокая борьба эвпатридовъ противъ суроваго сопротивленія бѣдныхъ жителей горной области и противъ терпѣливаго упорства богатыхъ жителей приморскаго края. Наконецъ, все что было благоразумнаго во всѣхъ трехъ партіяхъ, согласилось довѣрить Солону заботу покончить эти раздоры и тѣмъ предупредить бѣдствія еще большія. Солонъ по рѣдкой счастливой случайности принадлежалъ одновременно и къ эвпатридамъ—по рожденію, и къ торговому классу—по занятіямъ въ своей юности. Въ своихъ произведеніяхъ онъ является намъ человѣкомъ свободнымъ отъ всѣхъ предразсудковъ его касты; своимъ миротворнымъ характеромъ, своей привязанностью къ богатству и къ роскоши, своею любовью къ удовольствіямъ, онъ далеко разошелся съ древними эвпатридами и принадлежалъ уже къ новымъ Аѳинамъ.

Выше мы сказали, что Солонъ началъ свое дѣло освобожденіемъ земли отъ древней зависимости, наложенной на нее семейною религіей эвпатридовъ. Онъ уничтожилъ узы кліэнтства. Подобный переворотъ въ общественномъ состояніи повлекъ за собою такой же переворотъ и въ порядкѣ политическомъ. Надо было сдѣлать такъ, чтобы низшіе классы, по выраженію самого Солона, нашли себѣ средство отстаивать свою недавнюю свободу. Такимъ средствомъ самообороны было предоставленіе политическихъ правъ.

Общественное устройство, созданное Солономъ, намъ далеко не вполнѣ ясно; по крайней мѣрѣ, повидимому, можно предположить, что съ этихъ поръ всѣ аѳиняне стали участвовать въ народномъ собраніи и что въ составъ сената вошли уже не одни эвпатриды; кажется даже, что архонтовъ допущено было выбирать изъ всѣхъ гражданъ, а не изъ одной только

[1]) Плутархъ, *Солонъ*, 12. Діогенъ Лаэрцій, I, 110. Цицеронъ, *De leg.*, II, 11. Атеней, XIII, 78.

древней жреческой касты. Эти важныя нововведенія нарушили совсѣмъ древній порядокъ гражданской общины: подача голосовъ, магистратуры, жречество, общественное управленіе: всѣмъ этимъ эвпатриду пришлось подѣлиться съ человѣкомъ низшей касты. Въ новомъ общественномъ устройствѣ права происхожденія стали считаться ни во что; классовыя различія остались, но источникомъ ихъ стало служить одно богатство [1]). Съ этой поры владычество эвпатридовъ прекращается. Эвпатридъ, если только онъ не былъ богатъ, потерялъ всякое значеніе; онъ цѣнился уже по богатству, а не по происхожденію. Тогда поэтъ былъ вправѣ сказать: „Въ бѣдности знатный человѣкъ не значитъ болѣе ничего"; а въ театрѣ народъ рукоплескалъ такой выходкѣ актера: „Какого происхожденія этотъ человѣкъ? Изъ богатыхъ. Теперь кто богатъ тотъ и знатенъ" [2]).

Основанный такимъ образомъ, порядокъ имѣлъ двоякаго рода враговъ: эвпатридовъ, сожалѣвшихъ о своихъ потерянныхъ преимуществахъ, и бѣдняковъ, все еще страдавшихъ отъ неравенства.

Волненіе началось снова, едва только Солонъ успѣлъ окончить свое дѣло. „Бѣдные оказались, говоритъ Плутархъ, ярыми врагами богатыхъ". Новое управленіе быть можетъ было имъ такъ же непріятно, какъ и правленіе эвпатридовъ. Притомъ, видя что эвпатриды все еще могутъ быть и архонтами, и сенаторами, большинство полагало, что переворотъ не былъ доведенъ до конца. Солонъ удержалъ республиканскія формы, а народъ продолжалъ еще питать безотчетную ненависть къ этимъ формамъ правленія, подъ которыми въ теченіе четырехъ вѣковъ онъ привыкъ видѣть владычество аристократіи. И онъ, по примѣру большинства греческихъ гражданскихъ общинъ, пожелалъ имѣть тирана.

Пизистратъ, эвпатридъ по происхожденію, но преслѣдуя свои личныя честолюбивыя цѣли, обѣщалъ бѣднымъ раздѣленіе земель и заручился черезъ это ихъ расположеніемъ. И вотъ однажды онъ явился на народное собраніе и, заявивъ, что онъ раненъ, потребовалъ себѣ стражу для охраны. Люди высшихъ классовъ пытались ему возразить и обличить его ложь, но „народъ, чтобы поддержать Пизистрата, готовъ былъ уже вступить въ рукопашную; увидѣвъ это, богатые разбѣжались въ безпорядкѣ". Такимъ образомъ, одно изъ первыхъ рѣшеній народнаго собранія, только-что утвержденнаго, состояло въ оказаніи помощи отдѣльному человѣку сдѣлаться господиномъ отечества [3]).

Впрочемъ правленіе Пизистрата повидимому ничѣмъ не

[1]) О новыхъ четырехъ классахъ и о τιμήματα, см. Плутархъ, *Солонъ*, 18; Аристотель, цитир. Гарпократіономъ, слово ἱππας; Поллуксъ, VIII, 129.

[2]) Эврипидъ, Финикіянки. Алексидъ въ Атенеѣ, IV, 49.

[3]) О союзѣ Пизистрата съ низшими классами смотри, Геродотъ, I, 59; Плутархъ, *Солонъ*, 29, 30; Аристотель, *Политика*, V, 4, 5, изд. Дидо, стр. 571.

помѣшало дальнѣйшему развитію аѳинской гражданской общины. Напротивъ, главною его цѣлью было укрѣпить и обезпечить отъ реакціи только-что совершившееся [1]) великое соціальное и политическое преобразованіе.

Народъ не выказывалъ никакого желанія вновь вернуть себѣ свободу; дважды союзъ знати и богатыхъ свергалъ Пизистрата, и каждый разъ онъ снова возвращалъ себѣ власть, а послѣ него въ Аѳинахъ царилъ его старшій сынъ. Потребовалось вмѣшательство спартанской военной силы въ дѣла Аттики для того, чтобы положить конецъ владычеству этой семьи [2]).

Древняя аристократія надѣялась было воспользоваться паденіемъ Пизистратидовъ для того, чтобы вернуть себѣ свои привилегіи. Ей это не только не удалось, но она даже получила самый жестокій ударъ изъ всѣхъ ею уже испытанныхъ. Клисѳенъ, происходившій родомъ изъ эвпатридовъ, но изъ семьи, которую они покрывали позоромъ и повидимому устраняли изъ своей среды въ теченіе трехъ поколѣній, нашелъ вѣрнѣйшее средство отнять у нихъ навсегда весь послѣдній остатокъ могущества [3]). Солонъ, измѣнивъ политическое устройство, оставилъ въ силѣ древнее религіозное устройство аѳинскаго общества. Населеніе по-прежнему дѣлилось на двѣсти или триста родовъ, на двѣнадцать фратрій и четыре трибы. Въ каждой изъ этихъ группъ имѣлся еще, какъ и въ предшествовавшую эпоху, особый наслѣдственный культъ, особый жрецъ, который былъ изъ эвпатридовъ, и особый глава, совмѣщавшій въ себѣ обыкновенно и обязанности жреца. Все это было остаткомъ давно прошедшаго, которому трудно было исчезнуть; вотъ почему преданія, обычаи, правила и различія, господствовавшія въ древнемъ общественномъ быту, не исчезли, а продолжали жить. Эти группы были установлены религіей, и въ свою очередь онѣ поддерживали религію, т.-е. могущество большихъ семей. Въ каждой изъ этихъ группъ имѣлись два класса людей: съ одной стороны—эвпатриды, владѣвшіе по наслѣдству и жречествомъ, и властью, съ другой стороны люди болѣе низкаго положенія, которые хотя и не были больше ни слугами, ни кліэнтами, но которые все еще оставались подъ властью эвпатрида въ религіозномъ отношеніи. Тщетно законъ Солона провозглашалъ, что всѣ аѳиняне свободны. Древняя религія становилась лицомъ къ лицу съ человѣкомъ,

[1]) Геродотъ, I, 59, и Ѳукидидъ, VI, 54, утверждаютъ, что Пизистратъ сохранилъ въ неприкосновенности существовавшее устройство и законы, т.-е. законы и общественное устройство Солона.

[2]) Геродотъ, V, 63—65; VI, 123; Ѳукидидъ, I, 20; VI, 54—59. Оба эти историка ясно указываютъ, что тиранія была уничтожена не Армодіемъ и Аристогитономъ, но спартанцами. Аѳинская легенда исказила факты.

[3]) Геродотъ, V, 66—69, даетъ намъ ясное понятіе о борьбѣ Клисѳена противъ Исагора и объ его союзѣ съ низшими классами народа.

только что покинувшимъ народное собраніе, гдѣ онъ по собственному рѣшенію свободно подалъ свой голосъ, для того что бы сказать ему: Ты связанъ съ эвпатридомъ общимъ культомъ; ты обязанъ ему уваженіемъ, покорностью, послушаніемъ; Солонъ освободилъ тебя, какъ члена гражданской общины, но, какъ членъ трибы, ты обязанъ повиноваться эвпатриду; какъ членъ фратріи, ты опять имѣешь своего вождя въ лицѣ эвпатрида; наконецъ, въ самой семьѣ, въ томъ родѣ, гдѣ явились на свѣтъ твои предки и откуда ты не можешь выйти, ты еще разъ сталкиваешься съ властью эвпатрида. Что толку было, если политическій законъ дѣлалъ изъ человѣка гражданина, а религія и нравы продолжали въ то же время удерживать его кліэнтомъ? Правда, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній и внѣ этихъ группъ оказалось не мало людей, то переселившихся изъ чужой страны, то покинувшихъ родъ и трибу для того, чтобы стать свободными. Но эти люди страдали въ иномъ отношеніи: находясь внѣ трибъ, они находились въ болѣе низкомъ нравственномъ положеніи сравнительно съ другими людьми, и самая ихъ независимость несла въ себѣ какъ бы нѣчто позорное.

Слѣдовательно послѣ политическаго преобразованія Солона предстояло совершиться перевороту и въ области религіи. Клисѳенъ произвелъ реформу, замѣнивъ четыре древнія религіозныя трибы—десятью новыми трибами, раздѣленными на извѣстное число демъ [1]).

Эти трибы и эти демы походили по своему виду на древніе трибы и роды. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ имѣлся свой культъ, жрецъ, судья, собранія для совершенія религіозныхъ церемоній, собранія для обсужденія общихъ интересовъ [2]). Но новыя группы разнились отъ старыхъ въ двухъ существенныхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, всѣ свободные люди въ Аѳинахъ, даже и тѣ, которые не входили въ составъ древнихъ трибъ и родовъ, были распредѣлены по разрядамъ, установленнымъ Клисѳеномъ [3]): значительное преобразованіе, даровавшее культъ всѣмъ, у кого еще не было, и допустившее къ религіозному общенію всѣхъ, кто до этого исключался отъ всякаго общенія. Во-вторыхъ, всѣ были распредѣлены по трибамъ и по демамъ уже не по ихъ происхожденію, какъ нѣкогда, а по мѣсту ихъ жительства. Происхожденіе при этомъ не играло никакой роли; люди считались всѣ равными, и привилегіи были уничтожены. Культъ, для отправленія котораго слагалась новая триба или демъ, уже не былъ наслѣдственнымъ культомъ какой-либо древней семьи; собраніе не происходило больше у очага какого-либо эвпатрида. Не древняго эвпатрида чти-

[1]) Геродотъ, I, 66, 69.

[2]) Эсхинъ, *in Ctesiph.*, 30. Демосѳенъ, *in Eubul.* Поллуксъ, VIII, 19, 95, 107.

[3]) Аристотель, *Политика*, III, I, 10. Схоліастъ Эсхина, издан. Дидо, стр. 511.

ла триба или демъ въ качествѣ божественнаго предка,—у трибъ были новые герои-эпонимы, выбранные изъ числа древнихъ людей, о которыхъ народъ сохранилъ хорошее воспоминаніе, а что касается до демъ, то они всѣ вообще усвоили себѣ боговъ-покровителей, *Зевса Оградохранителя* и *Аполлона*. Съ тѣхъ поръ не было болѣе основанія, чтобы жречество оставалось наслѣдственнымъ въ демѣ, какимъ оно было въ родѣ; тѣмъ болѣе не было никакого основанія, чтобы жрецомъ былъ непремѣнно эвпатридъ. Въ новыхъ группахъ санъ жреца и главы сдѣлался выборнымъ на годичный срокъ, и всякій членъ могъ нести его въ свой чередъ.

Эта реформа окончательно сломила аристократію эвпатридовъ. Съ этого времени уже не было болѣе религіозной касты; уничтожены преимущества происхожденія какъ въ религіи, такъ и въ политикѣ. Аѳинское общество приняло совершенно другой видъ [1]).

Уничтоженіе древнихъ трибъ, замѣненныхъ трибами новыми, куда всѣ люди имѣли свободный доступъ и гдѣ они всѣ были равны, не было явленіемъ исключительнымъ въ исторіи Аѳинъ. Такой же переворотъ произошелъ въ Киренѣ, въ Сикіонѣ, въ Элидѣ, въ Спартѣ и вѣроятно въ большей части остальныхъ греческихъ гражданскихъ общинъ [2]). Изъ всѣхъ средствъ для ослабленія древней аристократіи Аристотель не находитъ ни одного болѣе дѣйствительнаго, кромѣ слѣдующаго: „Если желательно укрѣпить демократію,—говоритъ онъ,—надо сдѣлать то, что сдѣлалъ Клисѳенъ у Аѳинянъ: установить новыя трибы и новыя фратріи; наслѣдственныя жертвоприношенія семей замѣнить свободными жертвоприношеніями съ допущеніемъ къ нимъ всѣхъ; перемѣшать по возможности всѣ отношенія людей между собою, позаботившись также уничтожить всѣ прежніе союзы“ [3]).

Когда это преобразованіе обошло всѣ гражданскія общины, тогда вправѣ можно сказать, что древняя форма общества распалась и что начался процессъ образованія новаго общественнаго тѣла. Такая перемѣна въ общественныхъ группахъ, установленныхъ древнею наслѣдственною религіей и ею же провозглашенныхъ ненарушимыми, обозначаетъ собою конецъ религіознаго режима для гражданской общины.

3. *Исторія этого переворота въ Римѣ.*

Плебсъ издавна пріобрѣлъ въ Римѣ большое значеніе. Положеніе города посреди латинянъ, сабинянъ и этрусковъ обрекало его на постоянныя войны, а войны требовали многочисленнаго населенія. Поэтому цари призывали и принимали всѣхъ чужеземцевъ, не заботясь объ ихъ происхожденіи. Войны безпрерывно слѣдовали одна за другой, а такъ какъ въ людяхъ чувствовался постоянный недостатокъ, то наиболѣе обыкновеннымъ слѣдствіемъ каждой побѣды было то, что у побѣжденнаго города отнималось его населеніе и переводилось въ Римъ. Какая участь предстояла этимъ людямъ, взятымъ вмѣстѣ съ добычею? Если среди нихъ оказывались жреческія и патриціанскія семьи, то сословіе патриціевъ спѣшило присоединить ихъ къ себѣ. Что касается простого народа, то одна часть его дѣлалась кліэнтами знати или самого царя, а другая включалась въ плебсъ.

Въ составъ плебса входили еще и другіе элементы. Не мало чужеземцевъ собиралось въ Римѣ, такъ какъ по своему положенію онъ былъ удобенъ для торговли. Всѣ чѣмъ-либо недовольные изъ Сабины, изъ Этруріи и изъ Лаціума—находили здѣсь себѣ убѣжище. Все это также входило въ составъ плебса. Кліэнтъ, которому удалось освободиться изъ рода, дѣлался плебеемъ. Патрицій, вступившій въ неравный недозволенный бракъ или совершившій одинъ изъ тѣхъ проступковъ, что влекли за собою лишеніе правъ, также попадалъ въ плебсъ. Всѣ незаконнорожденные отвергались религіей благочестивыхъ семей и дѣлались плебеями.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ плебсъ постоянно численно возрасталъ. Борьба, возгорѣвшаяся между патриціями и царями, увеличила его значеніе. Царская власть и плебсъ поняли весьма рано, что у нихъ одинъ общій врагъ. Цари стремились къ тому, чтобъ освободиться отъ древнихъ принциповъ управленія, мѣшавшихъ проявленію ихъ власти. Плебсъ стремился уничтожить старинныя преграды, устранявшія его отъ религіознаго и политическаго общенія. Между ними состоялось безмолвное соглашеніе; цари покровительствовали плебсу, а плебсъ оказывалъ поддержку царямъ.

Первые успѣхи плебеевъ относятся преданіями и свидѣтельствами древности ко времени царствованія Сервія Туллія. Ненависть патриціевъ къ этому царю свидѣтельствуетъ достаточно ясно о направленіи его политики. Первая его реформа состояла въ дарованіи земли плебсу,—правда, не на *ager romanus*, но на территоріяхъ, отнятыхъ у врага; тѣмъ не менѣе было важнымъ нововведеніемъ дарованіе права собственности на землю тѣмъ семьямъ, которыя до тѣхъ поръ могли воздѣлывать только чужую землю [1]).

Еще важнѣе было то, что Сервій обнародовалъ законы для плебса, раньше ихъ не имѣвшаго.

---

1) Древнія фратріи и роды не были совершенно упразднены; напротивъ они продолжали существовать до самаго конца греческой исторіи; о томъ упоминаютъ ораторы (Демосѳ., *in Macart.*, 14, 57; *in Neaeram*, 61; *in Eubulid.*, 23, 54; Изей, *de Cironis her.*, 19). Но эти фратріи и роды были только религіозными группами безъ всякаго политическаго значенія.

2) Геродотъ, V, 67, 68. Аристотель, *Политика*, VII, 2, 11. Павзаній, V, 9.

3) Аристотель, *Политика*, V, 2, 11. Изд. Дидо, стр. 594, 595.

1) Титъ Ливій, I, 47. Діонисій, IV, 13. Уже и предшествовавшіе цари раздавали земли, завоеванныя у непріятеля; но неизвѣстно, участвовалъ ли плебсъ въ этомъ дѣлежѣ.

Эти законы касались почти всѣхъ обязательствъ, въ какія только могъ вступать плебей съ патриціемъ. То было начало общаго права для обоихъ классовъ, а для плебса и начало равенства [1]).

Вслѣдъ затѣмъ этотъ же царь установилъ новое дѣленіе гражданской общины. Оставивъ въ неприкосновенности три древнія трибы, въ которыхъ патриціанскія семьи и кліэнты распредѣлялись по рожденію, онъ образовалъ четыре новыхъ трибы, въ которыхъ все населеніе было распредѣлено по мѣсту жительства. Мы уже видѣли подобную реформу въ Аѳинахъ и уже сказали объ ея послѣдствіяхъ; такія же послѣдствія были и въ Римѣ. Плебсъ, не входившій въ составъ древнихъ трибъ, былъ принятъ въ трибы новыя [2]). Тогда эта толпа, до тѣхъ поръ не осѣдлая и какъ бы вродѣ кочевого населенія, не имѣвшаго никакого мѣста въ гражданской общинѣ, получила свое прочное распредѣленіе и правильное устройство. Образованіе этихъ трибъ, гдѣ перемѣшались другъ съ другомъ оба класса, несомнѣнно знаменуетъ собою вступленіе плебса въ гражданскую общину. Каждой трибѣ данъ былъ свой очагъ и свои жертвоприношенія; Сервій поставилъ боговъ ларовъ въ каждомъ кварталѣ города, въ каждомъ сельскомъ округѣ. Они служили божествами тѣмъ, у кого ихъ не было отъ рожденія. Плебей справлялъ религіозные праздники своего квартала и селенія (*compitalia, paganalia*), подобно тому, какъ патрицій праздновалъ совершеніе жертвоприношеній своего рода и своей куріи. Плебей получилъ религію.

Въ то же самое время произошла большая перемѣна и въ священной церемоніи очищенія. Народъ пересталъ выстраиваться по куріямъ съ исключеніемъ всѣхъ, кто не входилъ въ составъ курій. Всѣ свободные жители Рима, всѣ тѣ, кто входилъ въ составъ новыхъ трибъ, участвовали при священномъ актѣ. Здѣсь въ первый разъ собрались всѣ люди, безъ различія патриціевъ, кліэнтовъ, плебеевъ. Царь обходилъ вокругъ этого смѣшаннаго собранія, гоня передъ собою жертвенныхъ животныхъ и воспѣвая торжественный гимнъ. Послѣ окончанія церемоніи всѣ одинаково оказывались гражданами.

До Сервія въ Римѣ различались только два разряда людей: жреческое сословіе патриціевъ съ ихъ кліэнтами и классъ плебеевъ. Между ними не было иной разницы, кромѣ той, какую установляла для нихъ наслѣдственная религія. Сервій произвелъ новое дѣленіе, имѣвшее своимъ основаніемъ богатство. Онъ раздѣлилъ жителей Рима на двѣ большія категоріи: въ одной находились тѣ, у кого была хоть какая-нибудь собственность, въ другой—тѣ, у кого не было ничего.

1) Діонисій, IV, 13; IV, 43.
2) Діонисій, IV, 26.

Первая сама дѣлилась на пять классовъ, по которымъ люди распредѣлялись по степени своей состоятельности [1]).

Сервій ввелъ этимъ въ римское общество начало совершенно новое: съ этихъ поръ общественные классы опредѣлялись уже богатствомъ, а не религіей, какъ раньше.

Сервій примѣнилъ это дѣленіе римскаго населенія и къ военной службѣ. До него плебеи въ сраженіи не входили въ составъ легіоновъ. Когда же Сервій сдѣлалъ изъ нихъ собственниковъ и гражданъ, тогда онъ могъ также сдѣлать ихъ и легіонерами. Съ той поры войско перестало состоять единственно изъ одинхъ только членовъ курій; всѣ свободные люди, всѣ тѣ, по крайней мѣрѣ, которые владѣли хоть какою-нибудь собственностью, входили въ составъ войска, и одни только пролетаріи по прежнему были изъ него выключены. Съ этого времени вооруженіе каждаго воина, а также и его мѣсто въ битвѣ, не зависѣло болѣе отъ его званія патриція или кліэнта; войско дѣлилось на классы, совершенно также какъ населеніе, по мѣрѣ своей зажиточности. Первый классъ, имѣвшій полное вооруженіе, и два слѣдующіе, имѣвшіе по крайней мѣрѣ щитъ, шлемъ и мечъ, составляли изъ себя три первые ряда легіона. Классъ четвертый и пятый, легко вооруженные, составляли особые отряды велитовъ или пращниковъ. Каждый классъ дѣлился на роты, называвшіяся центуріями. Въ первомъ классѣ ихъ было, говорятъ, восемьдесятъ; въ четырехъ остальныхъ по двадцати или тридцати центурій въ каждомъ. Конница не входила въ это дѣленіе, и въ этомъ отношеніи Сервій ввелъ также важное нововведеніе: тогда какъ до него центуріи конницы состояли изъ одной патриціанской молодежи, Сервій разрѣшилъ извѣстному числу плебеевъ, выбранныхъ изъ наиболѣе зажиточныхъ, сражаться съ лошади и образовалъ изъ нихъ двѣнадцать новыхъ центурій.

Но нельзя было коснуться войска, не затрогивая въ то же время и политическаго устройства. Плебеи почувствовали, что ихъ значеніе въ государствѣ возросло; у нихъ были свое оружіе, своя дисциплина, свои вожди; у каждой центуріи имѣлся свой центуріонъ и свое священное знамя. Такая военная организація была постоянна и не распадалась съ наступленіемъ мира. Правда, по возвращеніи изъ похода, воины покидали свои ряды: законъ запрещалъ имъ входить въ городъ военнымъ строемъ. Но потомъ, по первому сигналу, граждане

1) Современные историки насчитываютъ обыкновенно шесть классовъ. На самомъ дѣлѣ ихъ только пять: Цицеронъ, *De republ.*, II, 22; Авлъ Геллій, X, 28. Всадники и пролетаріи стояли внѣ этихъ классовъ. Замѣтимъ кстати, что слово *classis* на древнемъ языкѣ не заключало въ себѣ понятія, сходнаго съ понятіемъ нашего слова „классъ"; оно обозначало военную группу (Фабій Пикторъ, у Авла Геллія, X, 15; ibid, I, 11; Фестъ, изд. Мюллера, стр. 189 и 225). Это значитъ, что дѣленіе, установленное Сервіемъ, было скорѣе военное, чѣмъ политическое.

собирались во всеоружіи на Марсово поле, гдѣ каждый находилъ свою центурію и свое знамя. Случилось разъ, 25 лѣтъ спустя послѣ Серія Туллія, что явилась мысль созвать войско безъ всякой военной цѣли. Войско собралось и выстроилось, каждая центурія съ своимъ центуріономъ во главѣ и со своимъ знаменемъ посрединѣ; магистратъ открылъ собраніе, сталъ отбирать мнѣнія, велѣлъ подавать голоса [1]). Первыми подали голоса шесть патриціанскихъ центурій и двѣнадцать центурій плебейскихъ всадниковъ, послѣ нихъ пѣхотныя центуріи перваго класса, а затѣмъ и всѣ прочія. Такимъ образомъ установилось собраніе по центуріямъ, гдѣ всякій воинъ имѣлъ право подавать свой голосъ и гдѣ уже не было никакого различія между плебеемъ и патриціемъ [2]).

Всѣ эти реформы странно измѣнили видъ римской гражданской общины. Сословіе патриціевъ оставалось по-прежнему со своими наслѣдственными культами, своими куріями, своимъ сенатомъ, но плебеи пріобрѣли привычку къ независимости, богатство, религію, доступъ въ войско. Плебсъ не смѣшивался съ сословіемъ патриціевъ, но росъ самостоятельно рядомъ съ нимъ.

Правда, сословіе патриціевъ добилось своего. Оно сначало умертвило Сервія, затѣмъ изгнало Тарквинія. Вмѣстѣ съ царскою властью побѣжденъ былъ и плебсъ.

Патриціи позаботились отнять у него всѣ пріобрѣтенія, отвоеванныя имъ въ царствованіе царей. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ ихъ было отобраніе у плебеевъ земель, данныхъ имъ Сервіемъ Тулліемъ; при этомъ можно замѣтить, что

1) Діонисій Галикарнасскій, VII, 59; IV, 84.

2) Намъ кажется неподлежащимъ сомнѣнію, что комиціи по центуріямъ были не чѣмъ инымъ какъ собраніемъ римскаго войска. Это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что собраніе это часто называется войскомъ у латинскихъ писателей *urbanus exercitus*, Варронъ, VI, 93; *quum comitiorum causa exercitus eductus esset,* Титъ Ливій, XXXIX, 15; *miles ad suffragia vocatur et comitia centuriata dicuntur,* Ампелій, 48; во-вторыхъ, тѣмъ, что комиціи эти созывались точно также, какъ войско передъ выступленіемъ въ походъ, т.-е. звукомъ трубы (Варронъ, V, 91), и двумя флагами вывѣшенными на крѣпости, изъ которыхъ одинъ былъ красный для созыва пѣхоты, а другой — темнозеленый для созыва конницы; въ-третьихъ, тѣмъ, что комиціи эти собирались всегда на Марсовомъ полѣ, потому что войско не могло собираться внутри города (Авлъ-Геллій, XV. 27); въ-четвертыхъ, тѣмъ, что они состояли изъ всѣхъ носившихъ оружіе (Діонъ Кассій, XXXVII, 28) и даже, кажется, что вначалѣ туда и сходились вооруженными (Діонисій, IV, 84, *in fine*); въ-пятыхъ тѣмъ, что выстраивались по центуріямъ, пѣхота на одной сторонѣ, конница на другой; въ-шестыхъ, тѣмъ, что во главѣ каждой центуріи стоялъ ея центуріонъ и ея знамя, ὥσπερ ἐν πολέμῳ, Діонисій, VII, 59; въ-седьмыхъ, тѣмъ, что шестидесятилѣтніе старики, не входившіе уже въ составъ войска, не имѣли также и права подавать голоса въ этихъ комиціяхъ, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка: Макробій, I, 5; Фестъ, слово *Depontani*. Прибавимъ еще, что на древнемъ языкѣ слово *classis* означало военный отрядъ, а слово *centuria* обозначало военную роту. — Пролетаріи сначала не являлись на это собраніе; однако такъ какъ обыкновенно они составляли изъ себя въ войскѣ одну центурію, употреблявшуюся для работъ, то они могли также составить и особую центурію на этихъ комиціяхъ.

единственнымъ основаніемъ такого отобранія выдвигалось то, что они были плебеи [1]). Такимъ образомъ патриціи снова вводили въ употребленіе древній принципъ, по которому право собственности было основано только на одной религіи и который не позволялъ человѣку безъ религіи и безъ предковъ имѣть какое-либо право на землю.

Законы, изданные Сервіемъ для плебса, были также отмѣнены. Если вмѣстѣ съ тѣмъ не были уничтожены и система классовъ, и собраніе по центуріямъ, то это случилось прежде всего оттого, что военное время не позволяло вносить безпорядокъ въ строеніе войска, а также и потому, что патриціи съумѣли окружить комиціи такими формальностями, которыя обезпечили имъ полное господство на выборахъ. Отнять же у плебеевъ званіе гражданина они не посмѣли и не препятствовали имъ участвовать въ переписи и очищеніи. Однако ясно, что хотя патриціи и оставили плебсъ составною частью гражданской общины, но они не подѣлились съ нимъ ни политическими правами, ни религіей, ни законами. Номинально плебсъ остался въ составѣ гражданской общины; фактически онъ былъ изъ нея исключенъ.

Не будемъ чрезмѣрно обвинять патриціевъ и не станемъ предполагать у нихъ хладнокровно обдуманнаго намѣренія придавить и сокрушить плебсъ. Патрицій, какъ потомокъ какой-нибудь священной семьи и наслѣдникъ культа, не могъ и представить себѣ иной соціальный порядокъ, кромѣ установленнаго на правилахъ древней религіи. Въ его глазахъ основнымъ элементомъ всякаго общества былъ родъ съ его культомъ, съ его наслѣдственнымъ главою, съ его кліентствомъ. Для патриція гражданская община не могла быть ничѣмъ инымъ какъ союзомъ родовыхъ главъ. Ему и на мысль не приходило, что возможно существованіе иной политической системы, помимо той, что основывалась на культѣ, — иныхъ магистратовъ, кромѣ тѣхъ, которые совершали общественныя жертвоприношенія, — иныхъ законовъ, не считая тѣхъ, священныя формулы которыхъ переданы религіей. Нельзя даже возразить ему, что у плебеевъ теперь уже есть религія, что и они совершаютъ жертвоприношенія ларамъ отдѣльныхъ частей города. На это онъ могъ отвѣтить, что культъ этотъ лишенъ существеннаго характера истинной религіи, что онъ не наслѣдственный, что очаги эти недавняго происхожденія и что эти боги лары — не истинные предки. Къ этому онъ прибавилъ бы, что плебеи, создавъ себѣ культъ, сдѣлали то, чего не имѣли никакого права дѣлать; что для этого они нарушили всѣ правила, что они взяли одну внѣшность культа и отняли у него существенный принципъ — наслѣдственность, и что, наконецъ, ихъ подобіе религіи — полная ей противоположность.

1) Кассій Гемина, у Нонія, кн. II, слово *Plevitas*.

Такъ какъ патрицій упорствовалъ на мысли, что наслѣдственная религія должна одна управлять людьми, то отсюда вытекало то слѣдствіе, что онъ не могъ вообразить себѣ возможности правительства для плебса. Ему было непонятно, какъ могла общественная власть правильно проявляться на этомъ классѣ людей. Священный законъ къ нимъ былъ неприложимъ; правосудіе и судъ были священной почвой, для него недоступной. Пока существовали цари, они брали на себя управленіе плебсомъ и правили имъ по извѣстнымъ правиламъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ древнею религіей и вытекшимъ изъ необходимости или изъ общественной выгоды. Но послѣ переворота, изгнавшаго царей, религія вернула себѣ все свое могущество, и тогда силою вещей весь плебейскій классъ былъ поставленъ внѣ соціальныхъ законовъ.

Патриціи образовали тогда правленіе сообразное ихъ собственнымъ принципамъ; но они и не подумали сдѣлать тоже самое для плебса. У нихъ не было мужества изгнать его изъ Рима, но они также не видѣли средства устроить его въ правильное общество. Такимъ образомъ въ Римѣ находились цѣлыя тысячи семей, для которыхъ не было ни опредѣленныхъ законовъ, ни общественнаго порядка, ни магистратуръ. Гражданская община, *populus*, т.-е. патриціанское общество, съ оставшимися еще у него кліэнтами, возвышалось могущественное, благоустроенное, величественное. Вокругъ него жила толпа плебеевъ, не входившихъ въ составъ народа и не составлявшихъ политическаго цѣлаго. Консулы, главы патриціанской гражданской общины, поддерживали внѣшній порядокъ въ этомъ смѣшанномъ населеніи; плебеи повиновались; безсильные, обыкновенно бѣдные, они покорялись силѣ патриціанскаго строя.

Проблема, отъ рѣшенія которой зависѣла будущность Рима, была такова: какимъ путемъ предстоитъ плебсу сдѣлаться правильно устроеннымъ обществомъ?

Патриціи, подъ владычествомъ строгихъ правилъ своей религіи, видѣли только одно средство разрѣшить эту задачу, а именно ввести плебсъ, черезъ кліэнтство, въ священный строй рода. Въ этомъ смыслѣ, какъ можно предполагать, была сдѣлана одна попытка. Вопросъ о долгахъ, волновавшій Римъ въ это время, не можетъ быть объясненъ иначе, какъ тѣмъ, что въ немъ былъ скрытъ вопросъ болѣе важный о кліэнтствѣ и рабствѣ. Римскій плебсъ, лишенный своихъ земель, не имѣлъ средствъ къ существованію. Патриціи полагали, что при затратѣ нѣкотораго количества денегъ имъ удастся связать его съ собою крѣпкими узами. Плебей дѣлалъ заемъ. Занимая, онъ отдавалъ себя кредитору, прикрѣплялся къ нему особымъ родомъ дѣйствія, что называлось у римлянъ *nexum*. То былъ родъ продажи, происходившей *per aes et libram*, т.-е. съ той торжественной формальностью, какая совершалась обыкновенно для передачи человѣку права собственности на какую-нибудь вещь [1]). Правда, плебей принималъ мѣры безопасности противъ закрѣпощенія; нѣкотораго рода договоромъ по довѣрію онъ выговаривалъ себѣ условіе, что онъ сохранитъ свое званіе свободнаго человѣка до срока платежа и что, заплативъ въ этотъ срокъ свой долгъ, онъ опять избавится отъ всякой зависимости. Но если срокъ наставалъ, а долгъ не былъ погашенъ, плебей терялъ преимущество своего договора. Сдѣлавшись *addictus*, онъ поступалъ въ полное распоряженіе своего кредитора, который уводилъ его къ себѣ въ домъ и обращалъ его въ слугу. Во всемъ этомъ патрицій не видѣлъ ничего безчеловѣчнаго; общественнымъ идеаломъ въ его глазахъ былъ родовой порядокъ, и онъ находилъ вполнѣ законнымъ и прекраснымъ дѣломъ возвращать къ этому порядку людей какимъ бы то ни было средствомъ. Еслибъ этотъ планъ удался, плебсъ исчезъ бы въ самое короткое время, а римская гражданская община осталась бы только союзомъ патриціанскихъ родовъ, подѣлившихъ между собою толпу кліэнтовъ.

Но къ узамъ этого кліэнтства плебей относился со страхомъ. Онъ упорно отстаивалъ свою свободу отъ патриція, который, имѣя въ рукахъ его неуплаченный долгъ, хотѣлъ его сдѣлать кліэнтомъ. Кліэнтство для плебея было равносильно рабству; домъ патриція въ его глазахъ былъ тюрьмою (ergastulum). Не разъ плебей, схваченный рукой патриція, взывалъ о помощи къ своимъ собратьямъ и возмущалъ плебсъ, громко крича, что онъ человѣкъ свободный, и выставлялъ, какъ доказательство, свои раны, полученныя имъ въ битвахъ за Римъ. Разсчетъ патриціевъ повелъ только къ возбужденію плебса. Плебсъ увидалъ опасность и положилъ всю свою энергію на то, чтобы выйти изъ печальнаго положенія, въ какое поставило его паденіе царской власти. Онъ потребовалъ себѣ законовъ и правъ.

Плебеи повидимому не сразу пожелали добиться своей доли участія въ законахъ и правахъ патриціевъ. Быть-можетъ и они думали, подобно самимъ патриціямъ, что не могло быть ничего общаго между этими двумя разрядами. Никто и не мечталъ о равенствѣ гражданскомъ и политическомъ. Возвышеніе плебса до уровня патриціанскаго сословія равно казалось не возможнымъ какъ патрицію, такъ и плебею. Слѣдовательно, отнюдь не добиваясь равенства въ правахъ и законахъ, люди эти сначала, кажется, даже предпочитали полную раздѣльность. Въ Римѣ они не могли найти никакого средства улучшить свое положеніе; имъ представлялся только одинъ путь выйти изъ своего низкаго состоянія, а именно— удалиться изъ Рима.

Древній историкъ вѣрно передаетъ ихъ мысль, приписывая

[1]) Варронъ, *De ling. lat.*, VII, 105. Титъ Ливій, VIII, 28. Авлъ Геллій, XX, 1. Фестъ, слово *Nexum*.

имъ такую рѣчь: „Такъ какъ патриціи хотятъ одни владѣть гражданскою общиною, то пусть они ею и пользуются. Для насъ Римъ—ничто. У насъ нѣтъ ни очаговъ, ни жертвоприношеній, ни отечества. Мы покидаемъ лишь чужой городъ; мы не связаны съ этимъ мѣстомъ наслѣдственною религіей. Намъ вездѣ на землѣ одинаково хорошо; тамъ же, гдѣ мы найдемъ свою свободу, тамъ будетъ и наше отечество“ [1]). И они пошли поселиться на Священной горѣ, внѣ предѣловъ римскаго поля (ager romanus).

Въ виду такого событія сенатъ раздѣлился во мнѣніяхъ. Самые крайніе изъ патриціевъ открыто высказали, что уходъ плебса ихъ совсѣмъ не безпокоитъ. Отнынѣ патриціи остались бы въ Римѣ одни со своими кліэнтами, сохранившими еще къ нимъ вѣрность. Риму пришлось бы отказаться отъ своего будущаго величія, но патриціи сохранили бы въ немъ свое господство. Не нужно было бы больше заботиться объ этомъ плебсѣ, къ которому не приложимы обыкновенныя правила управленія и который всегда представлялъ изъ себя больное мѣсто въ гражданской общинѣ. Его быть-можетъ слѣдовало бы изгнать вмѣстѣ и заодно съ царями, а разъ онъ самъ рѣшилъ удалиться, то надо оставить его въ покоѣ и радоваться.

Но другіе, менѣе вѣрные древнимъ принципамъ или же болѣе заботливые о римскомъ величіи, тревожились уходомъ плебса. Римъ терялъ цѣлую половину своихъ воиновъ. Что будетъ съ нимъ среди столькихъ враговъ: латиновъ, сабиновъ, этрусковъ? Плебсъ былъ полезенъ; зачѣмъ же не съумѣли воспользоваться имъ для пользы гражданской общины? Такимъ образомъ сенаторы эти хотѣли цѣною нѣкоторыхъ уступокъ, всѣхъ послѣдствій которыхъ они быть-можетъ и не предвидѣли, вернуть въ городъ эти тысячи плебеевъ, составлявшихъ силу легіоновъ.

Съ другой стороны, и плебсъ увидалъ въ концѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что ему нельзя оставаться жить на Священной горѣ. Онъ дѣйствительно добывалъ себѣ все необходимое для пропитанія, но у него не было ничего, что дѣлало бы изъ него организованное общество. Основать здѣсь городъ онъ не могъ, потому что у него не было жреца, который съумѣлъ бы совершить религіозную церемонію основанія. Онъ не могъ создать себѣ магистратовъ, такъ какъ у него не было пританея, возженнаго согласно правиламъ, гдѣ магистратъ могъ бы совершать жертвоприношенія. Онъ не могъ найти основанія для своихъ соціальныхъ законовъ, потому что единственные законы, о которыхъ въ то время человѣкъ имѣлъ понятіе, происходили изъ религіи патриціевъ. Однимъ словомъ, онъ не находилъ въ самомъ себѣ элементовъ, необходимыхъ для образованія гражданской об-

[1]) Діонисій, VI, 45; VI, 79.

щины. Плебсъ ясно увидалъ, что онъ не сдѣлался счастливѣе, оттого что сталъ независимымъ; онъ не составилъ изъ себя общества болѣе правильно устроеннаго, чѣмъ то, въ какомъ онъ былъ въ Римѣ; такимъ образомъ задача, рѣшеніе которой было для него такъ важно, все еще не была рѣшена. Уходъ изъ Рима не повелъ ни къ чему; необходимые ему законы и права онъ не могъ найти въ своемъ одиночествѣ на Священной горѣ.

Такимъ образомъ оказалось, что плебсъ и патриціи, не имѣя между собою ничего общаго, не могли однако жить другъ безъ друга. Они снова сошлись вмѣстѣ и заключили союзный договоръ. Этотъ договоръ, какъ кажется, былъ заключенъ въ точно такихъ же формахъ, въ какихъ составлялись договоры, оканчивавшіе войну между двумя разными народами; плебеи и патриціи, на самомъ дѣлѣ, не составляли ни одного и того же народа, ни одной и той же гражданской общины [1]). Этимъ договоромъ патриціи все еще не допустили плебсъ войти въ составъ религіозной и политической гражданской общины; кажется даже, что плебсъ этого и не добивался. Соглашеніе состоялось въ томъ, что впредь плебсъ, организованный въ почти правильное общество, имѣлъ своихъ вождей изъ своей же среды [2]). Вотъ гдѣ начало плебейскихъ трибуновъ, — учрежденія совершенно новаго и не схожаго ни съ чѣмъ, что до сихъ поръ было извѣстно гражданской общинѣ.

Власть трибуновъ была иной природы, чѣмъ власть магистрата,—она не выходила изъ культа гражданской общины. Трибунъ не совершалъ никакой религіозной церемоніи; онъ выбирался безъ ауспицій, и соизволеніе боговъ не требовалось для его утвержденія [3]). У него не было ни курульнаго кресла, ни пурпуровой одежды, ни вѣнка изъ листьевъ, ни одного изъ тѣхъ знаковъ, какіе во всѣхъ древнихъ гражданскихъ общинахъ указывали на почтеніе, оказываемое магистратамъ-жрецамъ. Онъ не считается настоящимъ римскимъ магистратомъ [4]).

Итакъ, какова же была природа и каково было основаніе власти трибуна? Здѣсь прежде всего намъ нужно отрѣшиться мысленно отъ всѣхъ современныхъ идей и привы-

[1]) Титъ Ливій, IV, 6: *Foedere icto cum plebe*. Діонисій, VI, 89, называетъ прямо феціаловъ. Текстъ этого договора, называвшагося *lex sacrata*, долгое время сохранялся въ Римѣ; Діонисій приводитъ изъ него извлеченія (VI, 89; X, 32; X, 42). Фестъ, стр. 318.

[2]) Титъ Ливій, II, 33: *concessum ut plebi sui magistratus essent*.

[3]) Діонисій, X, 4.

[4]) Плутархъ, *Римскіе вопр.*, 81. Титъ Ливій, II, 56, говоритъ, что въ глазахъ патриція трибунъ былъ *privatus, sine imperio, sine magistratu*. Слѣдовательно только вслѣдствіе невѣрнаго употребленія слово *magistratus* прилагалось иногда къ трибунамъ. Установленіе трибуновъ было уже значительно преобразовано, когда Цицеронъ, въ краснорѣчивомъ увлеченіи, по праву назвалъ его *sanctissimus magistratus* (*pro Sextio*, 38).

чекъ и по возможности перенестись въ среду древнихъ вѣрованій. До сихъ поръ люди признавали власть только въ видѣ слитнаго прибавленія съ достоинствомъ жреца. Когда же они захотѣли установить новую власть, которая не была бы связана съ культомъ, и новыхъ вождей, которые не были бы жрецами, имъ пришлось придумать странный обходъ. Для этого, въ тотъ день, когда были выбраны первые трибуны, совершена была религіозная церемонія особаго характера [1]). Историки не описываютъ намъ ея обрядовъ; они говорятъ только, что церемонія эта дѣлала первыхъ трибуновъ священными (*sacrosancti*). Выраженіе это не надо понимать въ условномъ или фигуральномъ смыслѣ. Слово *sacrosanctus* означало нѣчто очень точное на религіозномъ языкѣ древнихъ. Оно прилагалась къ предметамъ, которые посвящались богамъ и прикасаться къ которымъ было запрещено. Почетнымъ и священнымъ объявлено было не достоинство трибуна, а его личность; трибунъ находился въ такихъ отношеніяхъ съ богами, что самое его тѣло [2]) стало священнымъ предметомъ. Съ тѣхъ поръ нельзя было толкнуть его, такъ какъ это считалось преступленіемъ и нечестіемъ [3]).

Плутархъ сообщаетъ намъ по этому поводу странный обычай: кажется, что если кто либо встрѣчалъ трибуна на улицѣ, то, по требованію религіознаго правила, онъ долженъ былъ совершить очищеніе, какъ будто бы онъ былъ оскверненъ этою встрѣчей [4]). Обычай этотъ, соблюдавшійся еще иногда во времена Плутарха, даетъ намъ нѣкоторое понятіе о томъ, какими глазами смотрѣли на званіе трибуновъ за пять вѣковъ раньше.

Священный характеръ оставался за личностью трибуна во все время исполненія имъ его обязанностей; затѣмъ, передавая свое званіе преемнику, онъ передавалъ ему и свой священный характеръ, совершенно также какъ консулъ, по выборѣ новыхъ консуловъ, передавалъ имъ ауспиціи и право совершать священные обряды. Въ 449 году должность трибуновъ была упразднена на два года, тогда при установленіи новыхъ трибуновъ понадобилось снова совершить религіозную церемонію, совершенную раньше на Священной горѣ.

Мы не знаемъ въ достаточной полнотѣ мыслей древнихъ, чтобы сказать, дѣлалъ ли этотъ священный характеръ личность трибуна почетною въ глазахъ патриція, или же, напротивъ, дѣлалъ его предметомъ проклятія и ужаса. По-

1) Титъ Ливій ничего не упоминаетъ объ этой церемоніи во время установленія должности трибуновъ, но онъ передаетъ о ней во время возстановленія упраздненныхъ трибуновъ, въ 449: *Ipsis quoque tribunis, ut sacrosancti viderentur, relatis quibusdam caerimoniis, renovarunt et inviolatos eos quum religione tum lede fecerunt* (III, 55). Діонисій, IX, 47.

2) Діонисій, VI, 89; IX, 48.

3) Діонисій, VI, 89.

4) Плутархъ, *Римскіе вопр.*, 81.

слѣднее заключеніе достаточно согласно съ вѣроятностью, по крайней мѣрѣ въ первое время. Во всякомъ случаѣ очевидно, что трибунъ являлся совершенно неприкосновеннымъ, и рука патриція не могла коснуться его безъ великаго нечестія.

Законъ подтвердилъ и обезпечилъ эту неприкосновенность: онъ объявилъ, что „никто не смѣетъ оказать насиліе надъ трибуномъ, ни ударить его, ни убить“. Онъ прибавилъ еще, что „тотъ, кто совершитъ одинъ изъ этихъ проступковъ противъ трибуна, будетъ считаться нечистымъ, имущество его конфискуется въ пользу храма Цереры, а его самого можно убить безнаказанно“ [1]). Законъ оканчивался слѣдующею формулой, самая неопредѣленность которой много способствовала будущимъ успѣхамъ трибуновъ: „Ни магистратъ, ни частное лицо не имѣютъ права что-либо учинить противъ трибуна“ [2]). Всѣ граждане произнесли клятву „о священныхъ предметахъ“, которою они обязались вѣчно соблюдать этотъ странный законъ, и каждый изъ нихъ прочелъ установленную формулу молитвы, въ которой онъ призывалъ на себя гнѣвъ боговъ въ случаѣ нарушенія имъ закона, прибавляя при этомъ, что „если кто окажется виновнымъ въ посягательствѣ на трибуна, тотъ осквернитъ себя величайшимъ нечестіемъ“ [3]).

Это исключительное право неприкосновенности простиралось такъ далеко, насколько сама личность трибуна могла простирать свое непосредственное дѣйствіе. Если, напримѣръ, какой-нибудь плебей терпѣлъ отъ консула, присуждавшаго его къ тюрьмѣ, или если какой-либо кредиторъ накладывалъ на него руку, являлся трибунъ, становился между ними (*intercessio*) и удерживалъ руку патриція. Кто посмѣлъ бы „учинить что-либо противъ трибуна“ или подвернуться прикосновенію?

Но трибунъ пользовался этою странною властью только тамъ, гдѣ онъ былъ на-лицо. Вдали отъ него, можно было притѣснять плебеевъ. Онъ не имѣлъ никакой силы надъ тѣмъ, что происходило внѣ его руки, внѣ его глазъ, внѣ его рѣчи [4]).

Патриціи не дали плебсу правъ; они только допустили неприкосновенность для нѣкоторыхъ плебеевъ. Но уже и этого было достаточно, чтобы создать хоть какую-нибудь безопасность для всѣхъ. Трибунъ былъ какъ бы живымъ алтаремъ, съ которымъ связано было право убѣжища [5]).

Трибуны вполнѣ естественно сдѣлались вождями плебса и

1) Діонисій, VI, 89; Титъ Ливій, III, 55.

2) Діонисій, X, 32.

3) Діонисій, VI, 89.

4) *Tribuni antiquitus creati, non juri dicundo nec causis querelisque de absentibus noscendis, sed intercessionibus faciendis quibus* praesentes *fuissent, ut injuria*, quae coram fieret *arceretur*. Авлъ Геллій, XIII, 12.

5) Плутархъ, *Римскіе вопр.*, 81: ὥσπερ βῶμος.

присвоили себѣ право суда. Правда, они не имѣли права звать къ себѣ на судъ даже плебея, но они могли взять подъ стражу [1]). Попавъ въ ихъ руки, человѣкъ долженъ былъ повиноваться. Достаточно было даже находиться въ предѣлахъ, куда достигали ихъ слова; слово ихъ было неизбѣжно, ему надо было покориться, къ кому бы оно ни относилось, къ патрицію или къ консулу.

Въ первое время трибунъ не имѣлъ никакой политической власти. Не будучи магистратомъ, онъ не могъ созывать ни курій, ни центурій. Онъ не могъ вносить въ сенатъ ни одного предложенія; вначалѣ даже не думали, чтобъ ему возможно было туда явиться. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ истинною гражданскою общиной, т.-е. съ общиною патриціанскою, гдѣ за нимъ не признавали никакой власти. Онъ былъ трибуномъ не народа, а одного только плебса [2]).

Такимъ образомъ въ Римѣ, какъ и раньше, существовали бокъ о бокъ два общества: гражданская община и плебсъ; одно прочно организованное съ законами, магистратами и сенатомъ; другое все еще оставалось толпою безъ права и безъ закона и находило своихъ единственныхъ заступниковъ и судей въ лицѣ одних трибуновъ.

Въ послѣдующіе годы можно увидать, насколько смѣлы становятся трибуны и какое непредвидѣнное своеволіе позволяютъ они себѣ. У нихъ нѣтъ никакого полномочія чтобы созывать плебсъ, а они его созываютъ. Ничто не призывало ихъ въ сенатъ, а они сначала садятся у входа въ собраніе, а затѣмъ и внутри. У нихъ не было никакого права, чтобы судить патрицієвъ, а они ихъ судятъ и осуждаютъ. Все это было послѣдствіемъ ихъ неприкосновенности, свойственной ихъ священной личности. Передъ ними ослабѣвала всякая сила. Патриціи обезоружили себя въ тотъ день, когда они съ торжественными обрядами поклялись, что всякій прикоснувшійся къ трибуну осквернится. Законъ гласилъ: Не учини ничего противъ трибуна. Слѣдовательно, если этотъ трибунъ созывалъ плебсъ, плебсъ собирался, и никто не могъ распустить это собраніе, которое однимъ присутствіемъ трибуна становилось внѣ власти патрицієвъ и законовъ. Если трибунъ входилъ въ сенатъ, никто не могъ заставить его удалиться. Если онъ бралъ консула подъ стражу, никто его не могъ освободить изъ рукъ трибуна. Ничто не могло противостоять смѣлости трибуна. Противъ трибуна никто не имѣлъ силы, кромѣ только другого трибуна.

Какъ только плебсъ пріобрѣлъ себѣ такимъ образомъ своихъ собственныхъ вождей, онъ не замедлилъ устроить себѣ и свои совѣщательныя собранія. Собранія эти не имѣли ничего схожаго съ собраніями патриціанской гражданской общины.

[1]) Авл. Геллій, XV, 27. Діонисій, VIII, 87; VI, 90.

[2]) Титъ Ливій, II, 56, 12: *tribunos non populi, sed plebis.*

Плебсъ въ своихъ комиціяхъ распредѣлялся по трибамъ; мѣсто каждаго человѣка обусловливалось его жительствомъ, а не религіей и не богатствомъ. При открытіи собранія не происходило жертвоприношенія; религія здѣсь была не при чемъ. Предзнаменованія здѣсь не имѣли силы, и голосъ авгура или жреца не могъ принудить народъ разойтись. То были настоящія плебейскія комиціи, и въ нихъ не было и слѣда ни древнихъ правилъ, ни религіи патрицієвъ.

Правда, сначала эти собранія не занимались общими интересами гражданской общины: они не назначали магистратовъ и не издавали законовъ. Они совѣщались только о нуждахъ плебса, назначали однихъ только плебейскихъ должностныхъ лицъ и постановляли только опредѣленія плебса (plebiscitum). Долгое время въ Римѣ существовалъ двойной рядъ постановленій: опредѣленій сената (senatus-consultum) для патрицієвъ и опредѣленій плебса (plebiscitum) для плебеевъ. Ни плебсъ не исполнялъ постановленій сената, ни патриціи—постановленій плебса. Въ Римѣ было два народа.

Эти два народа жили лицомъ къ лицу и въ однихъ и тѣхъ же стѣнахъ, но они не имѣли ничего общаго между собою. Плебей не могъ быть консуломъ гражданской общины, а патрицій—плебейскимъ трибуномъ. Плебей не имѣлъ доступа на собраніе по куріямъ, а патрицій — на собраніе по трибамъ [1]).

То были два народа, которые даже не понимали другъ друга, не имѣя, такъ сказать, никакихъ общихъ идей. Если патрицій говорилъ отъ имени религіи и законовъ, то плебей отвѣчалъ, что онъ не признаетъ ни этой наслѣдственной религіи, ни законовъ, изъ нея вытекавшихъ. Если патрицій ссылался на освященный вѣками обычай, то плебей приводилъ въ доводъ свое естественное право. Они упрекали другъ друга въ несправедливости; каждый изъ нихъ былъ вполнѣ справедливъ по своимъ собственнымъ принципамъ, но несправедливъ по принципамъ и вѣрованіямъ другого. Собраніе по куріямъ и собраніе *отцовъ* (patres) казались плебею несправедливыми преимуществами. Въ собраніи по трибамъ патрицій видѣлъ незаконное собраніе, не признанное религіей. Консульство казалось плебею властью произвольною и тираническою; трибуны были въ свою очередь въ глазахъ патриція чѣмъ-то неестественнымъ, нечестивымъ, противнымъ всѣмъ принципамъ; патрицій никакъ не могъ понять такого рода власть, которая не совмѣщалась съ саномъ жреца и выбиралась безъ ауспицій. Трибуны вносили неурядицу въ священный порядокъ гражданской общины; ихъ можно уподобить

[1]) Титъ Ливій, II, 60. Діонисій, VII, 16. Фестъ, слово *Scita plebis*. Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ о первыхъ временахъ. Патриціи записаны были въ трибы, но они, безъ сомнѣнія, не принимали участія въ этихъ собраніяхъ, которыя собирались безъ ауспицій и безъ религіозной церемоніи и за которыми они долгое время не признавали никакой законной силы.

какъ бы ереси въ религіи; они искажали общественный культъ. „Боги будутъ противъ насъ,—говорилъ одинъ патрицій,—до тѣхъ поръ, пока будетъ разъѣдать насъ эта язва, разлагающая весь общественный строй". Исторія Рима въ теченіе цѣлаго столѣтія была полна подобными недоразумѣніями между этими двумя сословіями, говорившими на различныхъ языкахъ. Патриціи упорно старались удержать плебсъ внѣ политическаго строя; съ своей стороны плебсъ самъ создавалъ себѣ собственныя учрежденія. Двойственность римскаго населенія обнаруживалась все яснѣе и яснѣе изо дня въ день.

Однако между патриціями и плебеями было нѣчто такое, что соединяло ихъ вмѣстѣ, а именно война. Патриціи не могли не заботиться о томъ, чтобъ имѣть достаточное число воиновъ. Они оставили за плебеями званіе гражданъ, хотя бы только затѣмъ, чтобъ ихъ можно было зачислить въ легіоны. Притомъ, такъ какъ была сдѣлана оговорка, что неприкосновенность трибуновъ не простирается за предѣлы Рима, то было рѣшено, что трибунъ никогда не долженъ покидать города. Такимъ образомъ въ войскѣ не было уже двойной власти, и плебсъ былъ въ полномъ подчиненіи; предъ лицомъ непріятеля Римъ снова становился единымъ и цѣлымъ.

Затѣмъ, благодаря усвоенному послѣ изгнанія царей обыкновенію собирать войско для совѣщанія съ нимъ объ общественныхъ дѣлахъ и о выборѣ магистратовъ, существовали еще такія смѣшанныя собранія, въ которыхъ плебсъ являлся наряду съ патриціями. Такъ изъ исторіи намъ ясно видно, какъ мало-по-малу увеличили свое значеніе комиціи по центуріямъ и какъ они незамѣтно сдѣлались тѣмъ, что было названо большими комиціями. Дѣйствительно, въ распрѣ, возникшей между собраніемъ по куріямъ и собраніемъ по трибамъ, вполнѣ естественно было, что собраніе по центуріямъ сдѣлалось какъ бы центральною почвою, гдѣ по преимуществу разбирались общіе интересы.

Плебей не всегда былъ бѣднымъ. Часто онъ принадлежалъ къ семьѣ, которая была родомъ изъ другого города, гдѣ она была и богата, и вліятельна и откуда судьба войны перенесла ее въ Римъ, не лишивъ ее ни ея богатства, ни того чувства собственнаго достоинства, какое обыкновенно сопровождаетъ богатство. Въ иныхъ случаяхъ плебей могъ разбогатѣть отъ собственнаго труда, особенно во времена царей. Когда Сервій Туллій раздѣлилъ все населеніе на классы по мѣрѣ состоятельности, то нѣкоторые плебеи вошли въ первый классъ. Патриціи или не осмѣлились, или не смогли уничтожить это дѣленіе на классы. Такимъ образомъ были и такіе плебеи, которые сражались вмѣстѣ съ патриціями въ первыхъ рядахъ легіона и которые вмѣстѣ съ ними подавали свои голоса въ первыхъ центуріяхъ.

Этотъ богатый, гордый и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожный

классъ, который не могъ любить смутъ, а напротивъ долженъ былъ бояться ихъ, который потерялъ бы слишкомъ много въ случаѣ паденія Рима и также много выигрывалъ въ случаѣ его возвышенія,—былъ естественнымъ посредникомъ между двумя враждебными сословіями.

Плебсъ отнесся повидимому вполнѣ спокойно къ установленію въ средѣ его самого различія, вносимаго богатствомъ. Черезъ тридцать шесть лѣтъ послѣ установленія трибуновъ число ихъ достигло до десяти, такъ что въ каждомъ изъ пяти классовъ было по два трибуна. Такимъ образомъ плебсъ усвоилъ и сохранилъ дѣленіе, установленное Сервіемъ. Даже часть бѣдняковъ, не входившая въ составъ этихъ классовъ, не протестовала противъ такого дѣленія и различія; она предоставила болѣе состоятельнымъ ихъ преимущества и не требовала того, чтобы трибуны выбирались также и изъ ея среды.

Что касается до патриціевъ, они отнюдь не страшились той важной роли, какую начинало играть богатство: вѣдь они сами были богаты. Римскіе патриціи были много благоразумнѣе и счастливѣе, чѣмъ аѳинскіе эвпатриды, которые впали въ ничтожество, какъ только управленіе обществомъ перешло въ руки богатства; патриціи никогда не пренебрегали ни земледѣліемъ, ни торговлею, ни даже промышленностью. Ихъ постоянною заботою было увеличеніе ихъ состояній. Трудолюбіе, воздержность, разсчетливость были ихъ постоянными добродѣтелями. Къ тому же каждая побѣда надъ врагомъ, каждое завоеваніе увеличивали ихъ владѣнія. Вотъ почему они и не видѣли особеннаго зла въ томъ, что могущество перешло въ руки богатства.

Въ силу своихъ привычекъ и своего характера патриціи не могли чувствовать презрѣнія къ богатому, хотя бы онъ былъ и плебей. Богатый плебей имѣлъ къ нимъ доступъ и жилъ съ ними общею жизнію; между ними установились тѣсныя отношенія взаимной выгоды и дружбы. Это постоянное общеніе повлекло за собою обмѣнъ идей. Плебей мало-по-малу заставилъ патриція понять и оцѣнить требованія и права плебса. Патрицій въ концѣ концовъ пришелъ къ убѣжденію и согласился; его мнѣніе о своемъ превосходствѣ незамѣтно смягчилось; онъ не былъ уже такъ увѣренъ въ своемъ правѣ. А когда аристократія сама начинаетъ сомнѣваться въ законности своей власти, она или не имѣетъ достаточно мужества, чтобы защищать эту власть, или если защищаетъ, то слабо. Какъ только преимущества патриціевъ стали сомнительны для нихъ самихъ, можно сказать, что сословіе патриціевъ уже на половину побѣждено.

Богатый классъ, повидимому, оказывалъ дѣйствіе и другого рода на плебсъ, изъ котораго онъ вышелъ и въ связи съ которымъ продолжалъ еще оставаться. Такъ какъ онъ имѣлъ свою выгоду въ величіи Рима, то онъ желалъ единенія меж-

ду двумя сословіями. Къ тому же онъ былъ честолюбивъ; онъ разсчитывалъ, что полное раздѣленіе двухъ сословій навсегда положитъ предѣлъ его карьерѣ, приковывая его на вѣки къ низшему классу, тогда какъ ихъ единеніе откроетъ ему путь, которому не видно и предѣла. Слѣдовательно съ своей стороны онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы дать иное направленіе идеямъ и желаніямъ плебса. Вмѣсто того, чтобы настаивать на образованіи отдѣльнаго сословія, вмѣсто того, чтобы стараться создавать себѣ особые законы, которыхъ никогда не признаетъ высшій классъ, вмѣсто того, чтобы медленно создавать себѣ путемъ своихъ плебисцитовъ особаго рода законы для собственнаго употребленія и выработать кодексъ, который никогда не получилъ бы оффиціальнаго значенія, богатый классъ внушалъ плебсу желаніе проникнуть въ патриціанскую гражданскую общину и воспользоваться законами, установленіями и преимуществами патриціевъ. Тогда желанія плебса обратились къ единенію обоихъ сословій подъ условіемъ равенства.

Какъ только плебсъ пошелъ по этому пути, онъ началъ требовать себѣ собраніе законовъ. Въ Римѣ и во всѣхъ городахъ были свои законы, законы неизмѣнные, святые и священные, записанный текстъ которыхъ хранился жрецами [1]). Но эти законы, составлявшие часть религіи, прилагались только къ однимъ членамъ религіозной гражданской общины. Плебей не имѣлъ права знать ихъ, и можно думать, что онъ точно также не имѣлъ права на нихъ ссылаться. Законы эти существовали для курій, для родовъ, для патриціевъ и для ихъ кліэнтовъ, но не для остальныхъ. Они не признавали права собственности за тѣмъ, у кого не было *sacra*; они не оказывали правосудія тому, у кого не было патрона. Этотъ-то исключительно религіозный характеръ закона плебсъ и хотѣлъ уничтожить. Онъ требовалъ не только того, чтобы законы были изложены письменно и обнародованы, но чтобы были изданы такіе законы, которые были бы равно приложимы какъ къ патриціямъ, такъ и къ плебеямъ.

Повидимому трибуны желали сначала, чтобы законы были составлены плебеями. Патриціи отвѣчали, что, очевидно, трибунамъ неизвѣстно, что такое законъ, иначе они никогда не высказали бы такой мысли. „Плебеямъ, — говорили они, невозможно создавать законы; у васъ нѣтъ ауспицій, вы не исполняете никакихъ религіозныхъ обрядовъ; что же у васъ общаго со всею тою святыней, среди которой надо считать и законъ“ [2])? Требованіе плебса казалось патриціямъ

[1]) Существованіе писаннаго законодательства болѣе древняго, чѣмъ законы децемвировъ, подтверждается многочисленными текстами; Діонисій, X, 1; III, 36; Цицеронъ, *De rep.*, II, 14; Помпоній къ Дигестѣ, I, 2. Многіе изъ этихъ древнихъ законовъ цитированы Пливіемъ, XIV, 12; XXXII, 2; Сервіемъ, *ad Eclogas*, IV, 43; *ad Georg.*, III, 387; Фестомъ, *passim*.

[2]) Титъ Ливій, III, 31. Діонисій, X, 4.

чудовищнымъ и нечестивымъ. Вотъ почему древнія лѣтописи, откуда Титъ Ливій и Діонисій черпали свѣдѣнія объ этомъ періодѣ римской исторіи, упоминаютъ о страшныхъ чудесныхъ явленіяхъ, о небѣ въ огнѣ, о призракахъ, летавшихъ по воздуху, о кровавыхъ дождяхъ [1]). Настоящимъ же чудомъ было то, что плебеи задумали создавать законы. Восемь лѣтъ колебалась республика въ нерѣшимости между этими двумя классами, изъ которыхъ каждый удивлялся настойчивости другого. Но вотъ трибуны пришли къ соглашенію: „Такъ какъ вы не хотите, чтобы законъ писался плебеями, — говорили они, — то выберемъ себѣ законодателей изъ обоихъ сословій“. Этимъ они думали уступить много; но это было слишкомъ мало, сообразуясь съ строгими основаніями патриціанской религіи.

Сенатъ отвѣчалъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ изданія свода законовъ, но что законы эти могутъ быть составлены только одними патриціями. Наконецъ, нашли средство примирить интересы плебса съ религіозною необходимостью, на которую ссылались патриціи: было рѣшено, что всѣ законодатели будутъ патриціи, но что ихъ собраніе законовъ, прежде чѣмъ быть обнародованнымъ и вступить въ силу, будетъ выставлено передъ народомъ и подвергнется предварительному одобренію всѣхъ классовъ.

Здѣсь не мѣсто разбирать собраніе законовъ децемвировъ. Надо только тутъ же замѣтить, что трудъ законодателей, предварительно выставленный на форумѣ и свободно обсужденный всѣми гражданами, былъ потомъ принятъ центуріатными комиціями, т.-е. собраніемъ, гдѣ присутствовали оба сословія. Въ этомъ было важное нововведеніе. Съ тѣхъ поръ одинъ и тотъ же законъ, одобренный всѣми классами, прилагался ко всѣмъ безъ исключенія. Въ томъ, что осталось намъ отъ этого собранія законовъ, мы не находимъ ни одного слова, которое указывало бы на неравенство между плебеемъ и патриціемъ ни въ правѣ собственности, ни въ договорѣ и обязательствахъ, ни въ судебномъ разбирательствѣ.

Съ этой минуты плебей появляется вмѣстѣ съ патриціемъ передъ общимъ судомъ и пользуется общимъ закономъ. Переворотъ былъ самый полный; въ Римѣ измѣнилось все: ежедневныя привычки, нравы, взаимныя чувства людей, понятіе личнаго достоинства, основное начало права.

Такъ какъ надо было составить и еще нѣсколько законовъ, то назначили новыхъ децемвировъ, а въ томъ числѣ трехъ плебеевъ. Такимъ образомъ послѣ энергичнаго провозглашенія, что право изданія законовъ принадлежитъ исключительно классу патриціевъ, совершился столь быстрый прогрессъ въ понятіяхъ, что чрезъ одинъ только годъ плебеи были уже допущены въ число законодателей.

[1]) Юлій Обсеквенсъ, 16.

Нравы стали стремиться къ равенству. Разъ вступивъ на наклонную плоскость, они не могли оставаться безъ движенія. Появилась необходимость въ изданіи закона, который запрещалъ бы бракъ между двумя сословіями: явное доказательство, что религія и нравы перестали быть къ тому достаточными препятствіями. Но едва издали этотъ законъ, какъ пришлось отмѣнить его вслѣдствіе всеобщаго осужденія. Нѣкоторые патриціи продолжали еще ссылаться на религію: „Наша кровь осквернится, и наслѣдственный культъ каждой семьи покроется безчестіемъ; никто не будетъ знать, отъ какой крови онъ происходитъ и какія жертвоприношенія долженъ онъ совершать; то будетъ нарушеніемъ всѣхъ постановленій божескихъ и человѣческихъ“.

Плебеи ничего не видѣли въ этихъ доказательствахъ, которыя казались имъ мелочными и пустыми. Разсуждать о законахъ вѣры съ людьми, у которыхъ нѣтъ религіи, — напрасный трудъ. Трибуны возражали къ тому же съ полнымъ основаніемъ: „Если это правда, что ваша религія говоритъ вамъ такъ громко, то къ чему вамъ этотъ законъ? Онъ вамъ не послужитъ ни къ чему; отмѣните его и вы будете также свободны, какъ и раньше, вступать или нѣтъ въ союзы съ плебейскими семьями“. Законъ былъ отмѣненъ. Брачные союзы между двумя классами не замедлили участиться. Богатые плебеи цѣнились уже такъ высоко, что, говоря только объ однихъ Лициніяхъ, мы видимъ, что они вступаютъ въ родственный союзъ съ тремя патриціанскими родами, съ Фабіями, съ Корнеліями, съ Манліями [1]). Тогда явно обнаружилось, что законъ былъ единственною преградой, раздѣлявшей оба сословія. Съ этого времени кровь патриція и плебея смѣшалась.

Какъ только было завоевано равенство въ частной жизни, то самое трудное было уже сдѣлано, и казалось вполнѣ естественнымъ, что равенство должно распространиться и на жизнь политическую. Такимъ образомъ плебсъ спросилъ себя, почему запрещено ему консульство, и не нашелъ никакого основанія оставаться при такомъ устраненіи навсегда.

Однако основаніе для такого устраненія было довольно сильно. Консульство не было простымъ начальствованіемъ: оно вмѣщало въ себѣ жреческія обязанности. Для того, чтобы быть консуломъ, недостаточно было еще представить полное доказательство въ способностяхъ, мужествѣ и честности; надо было еще быть способнымъ къ выполненію церемоній общественнаго культа. Прежде всего нужно было позаботиться объ исполненіи обрядовъ и объ удовлетвореніи боговъ. Патриціи же одни носили священный характеръ, дозволявшій имъ произносить молитвы и низводить божественное благоволеніе на гражданскую общину. У плебеевъ не было ничего общаго

[1]) Титъ Ливій, V, 12; VI, 34; VI, 39.

съ культомъ; такимъ образомъ религія возставала противъ того, чтобы плебей былъ консуломъ, *nefas plebeium consulem fieri*. Можно вообразить себѣ удивленіе и негодованіе патриціевъ, когда плебеи въ первый разъ выразили свое желаніе быть консулами. Казалось, что опасность грозила самой религіи. Постарались дать понять это плебсу; говорили ему о важномъ значеніи религіи гражданской общины, о томъ, что на религіи основанъ городъ, что религія руководитъ всѣми общественными дѣлами, управляетъ народными собраніями и даетъ республикѣ ея власти. Прибавляли къ этому, что религія, согласно древнему правилу (*more majorum*), была родовымъ наслѣдіемъ патриціевъ, что ея обряды могли быть извѣстны и исполнены только ими одними, что еще, наконецъ, сами боги не приняли бы жертвоприношенія отъ плебеевъ. Предлагать выбрать консуловъ изъ плебеевъ значитъ пытаться уничтожить религію гражданской общины; съ той поры культъ былъ бы поруганъ, и гражданская община не могла бы оставаться въ мирѣ со своими богами [1]).

Патриціи со всей силой и ловкостью старались устранить плебеевъ отъ своихъ магистратуръ. Они отстаивали въ одно и то же время и свою религію, и свое могущество. Какъ только они замѣтили, что консульству грозитъ опасность сдѣлаться доступнымъ для плебса, они отдѣлили отъ этого званія религіозную обязанность, самую важную изъ всѣхъ, а именно ту, которая состояла въ совершеніи очищенія (*lustratio*) надъ гражданами; такимъ образомъ были установлены цензоры. Одно время, когда патриціямъ казалось слишкомъ трудно сопротивляться желаніямъ плебеевъ, они замѣнили консульство военнымъ трибунствомъ. Впрочемъ, плебсъ велъ себя крайне терпѣливо; ему пришлось ждать семьдесятъ пять лѣтъ, прежде чѣмъ его желаніе было исполнено. Очевидно, что онъ стремился съ меньшимъ жаромъ получить себѣ доступъ въ высшія магистратуры, чѣмъ нѣкогда, когда онъ стремился добиться трибунства и собранія законовъ.

Но если плебсъ относился къ этому довольно равнодушно, за то плебейская аристократія сильно того желала. Вотъ легенда, относящаяся къ этой эпохѣ: „Фабій Амбустъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ патриціевъ, выдалъ замужъ своихъ двухъ дочерей, одну за патриція, который сдѣлался военнымъ трибуномъ, другую—за Лицинія Столона, человѣка весьма выдающагося, но плебея. Случилось однажды, что вторая дочь была у своей сестры въ то время, когда ликторы, сопровождавшіе военнаго трибуна до его дома, застучали въ дверь своими фасцами. Такъ какъ она не знала этого обычая, то она испугалась. Насмѣшки и ироническіе разспросы ея сестры показали ей, до какой степени замужство съ плебеемъ унизило ее, помѣстивъ ее въ такомъ домѣ, куда навсегда

[1]) Титъ Ливій, VI, 41.

закрытъ входъ для достоинства и почестей. Ея отецъ угадалъ ея печаль, утѣшилъ ее и обѣщалъ ей, что она увидитъ когда-нибудь и у себя то, что она видѣла въ домѣ своей сестры. Онъ уговорился съ своимъ зятемъ, и оба стали стремиться къ общей цѣли". Легенда эта, несмотря на нѣкоторыя дѣтскія и неправдоподобныя подробности, сообщаетъ намъ по крайней мѣрѣ двѣ вещи: во-первыхъ, что плебейская аристократія, поживъ общей жизнью съ патриціями, усвоила себѣ ихъ честолюбіе и стала стремиться къ почестямъ; во-вторыхъ, что и среди патриціевъ были люди, ободрявшіе и возбуждавшіе честолюбіе этой новой аристократіи, связанной съ ними тѣсными узами

Лициній и присоединившійся къ нему Секцій не разсчитывали, повидимому, на то, что плебсъ станетъ черезчуръ добиваться, чтобы доставить имъ право сдѣлаться консулами. Поэтому они нашли необходимымъ предложить три закона сразу. Одному изъ этихъ законовъ, постановлявшему, чтобы одинъ изъ консуловъ непремѣнно выбирался изъ среды плебса, предшествовали два другіе закона, изъ которыхъ одинъ уменьшалъ долги, а другой надѣлялъ народъ землею. Вполнѣ очевидно, что первые два закона служили къ тому, чтобы возбудить благосклонность плебса въ пользу третьяго. Но плебсъ оказался на этотъ разъ очень догадливымъ: онъ принялъ въ предложеніяхъ Лицинія все, что относилось къ нему, т.-е. уменьшеніе долговъ и распредѣленіе земель, и оставилъ въ сторонѣ консульство. Но Лициній сказалъ, что всѣ три закона нераздѣльны, что ихъ надо или всѣ принять, или всѣ отбросить. Римское устройство допускало такой пріемъ. Разумѣется, что плебсъ пожелалъ лучше все принять, чѣмъ отъ всего отказаться.

Но одного желанія плебса издать законъ было еще недостаточно; въ эту эпоху еще требовалось, чтобы сенатъ созвалъ большія комиціи и потомъ утвердилъ ихъ постановленія [1]). Онъ отказывался отъ этого въ теченіе десяти лѣтъ. Наконецъ случается событіе, которое Титъ Ливій оставляетъ слишкомъ въ тѣни [2]); какъ кажется, плебсъ взялся за оружіе, и въ Римѣ вспыхнула междоусобная война. Побѣжденные патриціи издали постановленіе сената, которое заранѣе одобряло и утверждало всѣ народныя рѣшенія, постановленныя въ этотъ годъ.

Теперь ничто уже не мѣшало трибунамъ провести свои три закона. Съ этихъ поръ плебсъ ежегодно выбиралъ одного изъ двухъ консуловъ, а вскорѣ затѣмъ достигъ и другихъ почетныхъ должностей. Плебей надѣлъ на себя пурпуровую одежду, и передъ нимъ стали носить фасцы; онъ сталъ творить судъ, сдѣлался сенаторомъ и получилъ доступъ къ упра-

---

1) Титъ Ливій, IV, 49.
2) Титъ Ливій, VI, 42.

вленію гражданской общиной и къ начальству надъ легіонами.

У патриціевъ остались однѣ только жреческія обязанности, и отнять ихъ, повидимому, было невозможно. Непоколебимымъ догматомъ древней религіи было то, что право произносить молитву и касаться священныхъ предметовъ передавалось только по кровному происхожденію. Знаніе обрядовъ, равно какъ и самые боги, было наслѣдственно. Подобно тому, какъ домашній культъ былъ родовымъ наслѣдіемъ, въ которомъ никто изъ постороннихъ не могъ принимать никакого участія, такъ и культъ гражданской общины принадлежалъ исключительно семьямъ, образовавшимъ изъ себя первоначальную гражданскую общину. Несомнѣнно, въ первые вѣка Рима никому и въ голову не могло притти, что плебей могъ быть жрецомъ.

Но понятія измѣнились. Плебсъ, устранивъ изъ религіи правило наслѣдственности, создалъ себѣ свою собственную религію. Онъ создалъ себѣ домашнихъ ларовъ, алтари въ разныхъ частяхъ города и очаги трибъ. Патриціи относились сначала съ презрѣніемъ къ этой пародіи на ихъ религію. Но со временемъ дѣло стало вполнѣ серьезно, и плебей самъ сталъ думать, что съ точки зрѣнія культа, въ отношеніи къ богамъ, онъ равенъ патрицію.

Два различныя начала столкнулись здѣсь лицомъ къ лицу. Патриціи продолжали настаивать, что жречество и право поклоненія божеству наслѣдственны. Плебсъ освобождалъ религію и жречество отъ древняго правила наслѣдственности; онъ утверждалъ, что каждый человѣкъ способенъ творить молитву, что, если только онъ гражданинъ, онъ имѣетъ и право совершать религіозныя церемоніи при исполненіи культа гражданской общины; онъ приходилъ къ тому заключенію, что плебей могъ быть верховнымъ жрецомъ.

Если бы жречество было вполнѣ раздѣльно отъ управленія и отъ политики, тогда весьма возможно, что плебеи не стремились бы къ нему съ такимъ жаромъ. Но все было смѣшано: жрецъ былъ магистратомъ, верховный жрецъ былъ судьею, авгуръ могъ распускать народныя собранія. Плебсъ не замедлилъ замѣтить, что безъ права на жречество онъ въ сущности не имѣлъ равенства ни гражданскаго, ни политическаго. Такимъ образомъ онъ потребовалъ, чтобъ его допустили къ участію въ качествѣ жреца подобно тому, какъ съ нимъ подѣлились консульствомъ.

Трудно было возражать ему его религіозной неспособностью, такъ какъ уже шестьдесятъ лѣтъ плебей, въ качествѣ консула совершалъ жертвоприношенія, въ качествѣ цензора творилъ очищенія, а какъ побѣдитель врага исполнялъ священные обряды тріумфа. Черезъ магистратуру плебсъ завладѣлъ уже отчасти жречествомъ; не легко было уберечь отъ него и остальное. Вѣра въ принципъ религіозной наслѣд-

ственности была поколеблена среди самихъ патрицiевъ. Нѣкоторые изъ нихъ напрасно ссылались на древнее правило и говорили: „Культъ исказится и осквернится недостойными руками; вы нападаете на самихъ боговъ; остерегитесь, какъ бы гнѣвъ ихъ не обрушился на нашъ городъ“ [1]). Доказательства эти, повидимому, не дѣйствовали на плебсъ, да и большинство патрицiевъ ими не трогалось. Новые нравы повели къ торжеству плебейскаго начала. Было рѣшено, что половина жрецовъ и авгуровъ будетъ выбираться съ тѣхъ поръ изъ среды плебса.

То было послѣднею побѣдой низшаго класса: больше ему нечего было желать. Патрицiи потеряли все, кончая своимъ религiознымъ преимуществомъ. Между ними и плебсомъ больше не было различiя. Патрицiй былъ только одно названiе или воспоминанiе. Древнiя основанiя, на которыхъ покоилась римская гражданская община, подобно всѣмъ прочимъ общинамъ древности,—исчезли. Отъ древней наслѣдственной религiи, долгое время правившей людьми и установившей между ними различiе,—не осталось болѣе ничего, кромѣ внѣшнихъ формъ. Четыре столѣтiя боролся съ нею плебсъ и во времена республики, и во времена царей, пока, наконецъ, не одержалъ побѣды.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Измѣненiе въ частномъ правѣ; законы Двѣнадцати Таблицъ; законы Солона.

Право по своей природѣ не можетъ быть безусловнымъ и неизмѣняемымъ; оно подвержено перемѣнамъ и преобразованiямъ, какъ и всякое человѣческое дѣло. У каждаго общества имѣется свое право, которое слагается и развивается вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ нимъ измѣняется и, наконецъ, слѣдуетъ всегда за измѣненiемъ его учрежденiй, его нравовъ, его вѣрованiй.

Люди древнѣйшихъ вѣковъ находились въ полной власти религiи, тѣмъ болѣе могущественной надъ ихъ душами, чѣмъ грубѣе была она сама; эта религiя создала ихъ право, подобно тому, какъ она же создала и ихъ политическiя учрежденiя. Но вотъ общество преобразовалось. Патрiархальный порядокъ, порожденный этой наслѣдственною религiей, перешелъ мало-помалу въ порядокъ гражданской общины. Незамѣтнымъ образомъ родъ распался, младшiй освободился отъ старшаго, слуга отъ господина; низшiй классъ возросъ въ числѣ; онъ взялся за оружiе и кончилъ тѣмъ, что побѣдилъ

[1]) Титъ Ливiй, X, 6: *Deos visuros ne sacra sua polluantur.* Титъ Ливiй, повидимому, убѣжденъ, что доказательство это—одно притворство; но въ эту эпоху (301 г. до нашей эры) вѣрованiя еще недостаточно ослабли, чтобы подобное выраженiе не могло быть искреннимъ въ устахъ многихъ патрицiевъ.

аристократiю и завоевалъ себѣ равенство. Такая перемѣна въ общественномъ состоянiи должна была неизбѣжно повлечь за собою другую перемѣну въ области права. Насколько эвпатриды и патрицiи были привязаны къ своей древней семейной религiи, а слѣдовательно и къ древнему праву, настолько низшiй классъ питалъ глубокую ненависть къ этой наслѣдственной религiи, которая долгое время обусловливала его обездоленность, и къ этому античному праву, которое его такъ подавляло. Онъ не только его ненавидѣлъ, онъ даже его не понималъ. Такъ какъ у него не было тѣхъ вѣрованiй, на которыхъ основывалось это право, то оно казалось ему лишеннымъ всякаго основанiя. Онъ находилъ его несправедливымъ, а потому оно и не могло остаться неизмѣннымъ.

Если сравнить право той эпохи, когда плебсъ возросъ и вошелъ въ составъ политическаго цѣлаго, съ правомъ первобытнымъ, то прежде всего бросится въ глаза значительное измѣненiе. Первымъ и наиболѣе замѣтнымъ измѣненiемъ является то обстоятельство, что право сдѣлалось общимъ и всѣмъ извѣстнымъ. То уже болѣе не священная таинственная пѣснь, передававшаяся изъ вѣка въ вѣкъ почтительно, благоговѣйно, записанная одними жрецами и доступная знанiю только религiозныхъ семей. Право вышло изъ сборниковъ обрядовъ и священныхъ книгъ и лишилось своей религiозной таинственности; оно стало доступно для всѣхъ.

Во всѣхъ этихъ собранiяхъ законовъ обнаруживается еще нѣчто болѣе важное. Природа закона и самое его основанiе—уже не тѣ, какъ въ предшествующiй перiодъ. Прежде законъ былъ повелѣнiемъ религiи; онъ считался откровенiемъ, даннымъ богами предкамъ, божественному основателю, священнымъ царямъ или жрецамъ-магистратамъ. Въ новыхъ же собранiяхъ законовъ, напротивъ, законодатель говоритъ совсѣмъ не отъ имени боговъ; римскiе децемвиры получили свою власть отъ народа; точно также и Солону народъ вручилъ право издать законы. Такимъ образомъ законодатель уже не являетъ болѣе собою религiозное преданiе, но народную волю. Законы отнынѣ имѣютъ своимъ главнымъ началомъ человѣческiй интересъ, а своимъ основанiемъ—согласiе большинства.

Отсюда вытекаютъ два слѣдствiя. Прежде всего законъ перестаетъ быть неизмѣняемой и неоспоримой формулой. Обратившись въ созданiе рукъ человѣческихъ, онъ оказался доступнымъ измѣненiю. Двѣнадцать Таблицъ говорятъ объ этомъ: „Что постановило народное голосованiе въ послѣднiй разъ, то—законъ“ [1]).

Изъ всѣхъ текстовъ, сохранившихся до насъ изъ этого кодекса, текстъ этотъ самый важный и яснѣе другихъ говоритъ намъ о сущности переворота, происшедшаго въ правѣ.

[1]) Титъ Ливiй, VII, 17; IX, 33, 34.

Законъ ужъ не священное преданіе, *mos*; онъ — простой текстъ, *lex*, а такъ какъ онъ установленъ человѣческою волей, то та же самая воля можетъ его и измѣнить.

Другое слѣдствіе слѣдующее. Законъ, который составлялъ раньше часть религіи и вслѣдствіе того былъ родовымъ наслѣдіемъ священныхъ семей, сдѣлался отнынѣ общимъ достояніемъ всѣхъ гражданъ.

Плебей также могъ на него сослаться и укрыться подъ его защитою. Самое большее, что могъ сдѣлать римскій патрицій, болѣе упрямый и хитрый, чѣмъ аѳинскій эвпатридъ, —это развѣ только попытаться скрыть отъ толпы формы судебнаго процесса; но и самыя эти формы въ скоромъ времени были обнародованы.

Такимъ образомъ право измѣнилось въ самой своей сущности. Съ этой поры оно не могло уже вмѣщать въ себѣ тѣхъ же предписаній, какъ въ предшествующую эпоху. Въ то время, пока религія простирала надъ нимъ свою власть, оно регулировало взаимныя отношенія людей между собою согласно основаніямъ этой религіи. Но низшій классъ, который принесъ съ собою въ гражданскую общину иныя основанія, не понималъ ничего ни въ древнихъ правилахъ права собственности, ни въ древнемъ правѣ наслѣдованія, ни въ безусловной власти отца, ни въ родствѣ агнатовъ; онъ пожелалъ, чтобы все это исчезло.

Понятно, такое преобразованіе права не могло совершиться вдругъ. Если иногда и возможно для человѣка рѣзко измѣнить свои общественныя учрежденія, за то свои законы и свое частное право онъ можетъ измѣнить только медленно и постепенно. Это равно доказывается какъ исторіей права римскаго, такъ и исторіей права аѳинскаго.

Двѣнадцать Таблицъ, какъ мы выше видѣли, были составлены въ эпоху общественнаго преобразованія; онѣ были составлены патриціями, но составлены по требованію плебса и для его пользованія. Законодательство это уже не первоначальное право Рима, но оно также и не право преторіанское: оно—переходъ отъ одного къ другому.

Вотъ сначала тѣ пункты, въ которыхъ оно не отступаетъ еще отъ древняго права.

Оно подерживаетъ власть отца; оно оставляетъ за нимъ право судить своего сына, приговаривать его къ смерти, продавать его. При жизни отца сынъ никогда не совершеннолѣтній. Что касается до наслѣдованія, право также сохраняетъ въ силѣ древнія правила; наслѣдство переходитъ къ агнатамъ, а если нѣтъ агнатовъ, то—къ *gentilibus*. Что касается до когнатовъ, т.-е. до родственниковъ по женщинамъ, законъ еще не признаетъ ихъ; они не наслѣдуютъ между собою; ни мать не наслѣдуетъ своему сыну, ни сынъ своей матери [1].

[1]) Гай, III, 17; III, 24. Ульпіанъ, XVI, 4. Цицеронъ, *De invent.*, I, 5.

За эманципацией и за усыновленіемъ оно сохраняетъ тотъ же характеръ и тѣ же слѣдствія, какіе оба эти дѣйствія имѣли въ античномъ правѣ. Выдѣленный сынъ не участвуетъ больше въ культѣ семьи, а слѣдовательно онъ не имѣетъ и никакихъ правъ на наслѣдство.

Теперь вотъ тѣ пункты, которыми это законодательство разнится отъ права первоначальнаго:

Оно вполнѣ допускаетъ раздѣлъ отцовскаго наслѣдства между братьями, разрѣшая *actio familiae erciscundae* [1]). Оно говоритъ, что отецъ властенъ только трижды располагать личностью своего сына и что послѣ третьей продажи сынъ становится свободнымъ [2]). Вотъ первое ограниченіе отцовской власти въ римскомъ правѣ. Другое еще болѣе важное измѣненіе состояло въ предоставленіи человѣку права завѣщать. Прежде сынъ былъ *собственнымъ и необходимымъ* наслѣдникомъ, *heres suus et necessarius*; если не было сына, то наслѣдовалъ ближайшій агнатъ; если не было агнатовъ, то имущество возвращалось въ родъ, — остатокъ отъ того времени, когда родъ, еще не распавшійся, былъ единственнымъ собственникомъ владѣнія, относительно котораго впослѣдствіи былъ допущенъ раздѣлъ. Двѣнадцать Таблицъ оставили въ сторонѣ эти устарѣвшіе принципы; онѣ считаютъ собственность принадлежащею не роду, а отдѣльному лицу; слѣдовательно онѣ признаютъ за человѣкомъ право располагать своимъ имуществомъ по завѣщанію.

Нельзя сказать, что завѣщаніе было вполнѣ неизвѣстно въ первобытномъ правѣ. Человѣкъ могъ уже выбирать себѣ наслѣдника и внѣ своего рода, но подъ условіемъ, что его выборъ будетъ утвержденъ собраніемъ по куріямъ, такъ что одна только воля всей гражданской общины могла отмѣнить порядокъ, установленный нѣкогда религіей. Новое право освобождаетъ завѣщаніе отъ подобнаго стѣснительнаго правила и даетъ ему форму болѣе удобную, форму мнимой продажи. Человѣкъ долженъ притвориться, что онъ продаетъ свое имущество тому, кого онъ выбираетъ своимъ наслѣдникомъ; въ дѣйствительности онъ сдѣлалъ завѣщаніе, и ему нѣтъ никакой нужды являться для этого передъ народнымъ собраніемъ.

Такая форма завѣщанія имѣла еще то большое преимущество, что она была доступна и плебею. Такъ какъ плебей не имѣлъ ничего общаго съ куріями, то до этихъ поръ онъ не имѣлъ никакого средства дѣлать завѣщанія [3]). Отнынѣ онъ могъ пользоваться формой притворной продажи и распо-

[1]) Гай, къ *Дигестѣ*, X, 2. 1.
[2]) Ульпіанъ, *Fragm*, X, 1
[3]) Правда, существовало еще завѣщаніе *in procinctu*, но о немъ намъ не сохранилось достаточно свѣдѣній; быть-можетъ оно относилось къ завѣщанію *calatis comitiis* точно такъ, какъ собраніе по центуріямъ относилось къ собранію по куріямъ.

лагать своимъ добромъ по своему усмотрѣнію. Самое замѣчательное въ этомъ періодѣ исторіи римскаго законодательства состоитъ во введеніи нѣкоторыхъ новыхъ формъ, вслѣдствіе чего право могло расширить свое дѣйствіе и свое благодѣяніе на низшіе классы. Древнія правила и формальности могли еще, какъ прежде, такъ и теперь, довольно удобно прилагаться къ религіознымъ семьямъ; но пришлось придумать новыя правила и новыя формы, которыя были бы приложимы также и къ плебеямъ.

По той же причинѣ и въ силу той же потребности сдѣланы были нововведенія и въ той части права, которая касалась брака. Ясно, что плебейскія семьи не пользовались священнымъ бракомъ, и можно думать, что для нихъ брачный союзъ всецѣло основывался на взаимномъ согласіи сторонъ (*mutuus consensus*) и на любви, какую онѣ другъ другу обѣщали (*affectio maritalis*).

При этомъ не совершалось никакой ни гражданской, ни религіозной формальности. Въ концѣ концовъ такой плебейскій бракъ получилъ преимущество и въ нравахъ и въ правѣ, но сначала законы патриціанской гражданской общины не признавали за нимъ никакого значенія. Однако это вело къ важнымъ послѣдствіямъ. Такъ какъ власть мужа или отца вытекала въ глазахъ патриція изъ одной только религіозной церемоніи, пріобщавшей жену къ культу супруга, то отсюда вытекало то, что у плебея не было этой власти. Законъ не признавалъ за нимъ семьи, и частнаго права для него не существовало. Такое положеніе не могло дольше продолжаться. Придумали въ пользу плебея такую формальность, которая въ гражданскомъ отношеніи влекла за собою тѣ же послѣдствія, какъ и священный бракъ. Здѣсь также, какъ и въ вопросѣ о завѣщаніи, прибѣгли къ притворной продажѣ. Жена покупалась мужемъ (*coemptio*); въ силу этого она признавалась правомъ какъ часть его собственности (*familia*); она была *у него въ рукѣ* и занимала въ отношеніи къ нему положеніе дочери, все равно какъ еслибы надъ ними была совершена религіозная церемонія [1]).

Нельзя утвердительно сказать, что этотъ пріемъ не употреблялся и ранѣе Двѣнадцати Таблицъ. По крайней мѣрѣ достовѣрно то, что законность его была признана новымъ законодательствомъ Такимъ образомъ оно давало плебею такое частное право, которое по своимъ дѣйствіямъ сходно съ правомъ патриціевъ, хотя и разнится отъ него по своимъ основаніямъ.

Coemptioni соотвѣтствовало *usus*; это—двѣ формы одного и того же акта. Всякій предметъ можетъ поступать въ собственность безразлично двумя способами, покупкою или пользованіемъ; то же самое было и съ фиктивной собственностью

[1]) Гай, I, 113—114.

на жену. Пользованіе здѣсь значило сожительство въ теченіе одного года; оно устанавливало между супругами тѣ же правовыя отношенія, какъ покупка или какъ религіозная церемонія. Нѣтъ надобности прибавлять, конечно, что сожительству долженъ былъ предшествовать бракъ, по крайней мѣрѣ бракъ плебейскій, заключавшійся въ согласіи обѣихъ сторонъ. Ни *coemptio*, ни *usus* не создавали никакого нравственнаго союза между супругами; какъ то, такъ и другое всегда слѣдовали только за бракомъ и влекли за собою только правовую связь. То отнюдь не различные виды брачнаго союза: это только средства для пріобрѣтенія отеческой и супружеской власти [1]).

Власть мужа въ древнѣйшія времена имѣла такія послѣдствія, что въ историческую эпоху, до которой мы теперь дошли, стала казаться черезчуръ значительною. Мы видѣли, что жена была безусловно подчинена мужу и что послѣдній, въ силу своего права, могъ даже отчуждать ее и продавать [2]). Съ другой стороны, власть мужа влекла за собой такія послѣдствія, которыя казались вполнѣ непонятными здравому смыслу плебея; такъ, напримѣръ, жена, перейдя *въ руку* своего мужа, безусловно отрѣшалась отъ своей отцовской семьи, не могла по ней наслѣдовать и не сохраняла съ ней въ глазахъ закона никакихъ связей, никакого родства. Все это имѣло смыслъ въ первоначальномъ правѣ, когда религія запрещала одному и тому же лицу входить въ составъ двухъ родовъ, совершать жертвоприношенія у двухъ очаговъ и наслѣдовать двумъ разнымъ семьямъ. Но власть мужа понималась теперь уже не съ такою строгостію, и можно было найти много основаній желать уклониться отъ подобныхъ тяжелыхъ послѣдствій.

Вотъ почему законъ Двѣнадцати Таблицъ, постановивъ, что сожительство въ теченіе одного года ставитъ жену подъ власть мужа, вынужденъ былъ предоставить супругамъ на выборъ, заключать или нѣтъ такой строгій союзъ. Достаточно было женѣ каждый годъ прерывать свое сожительство, хотя бы только на три ночи,—и власть мужа не устанавливалась надъ ней. Въ такомъ случаѣ жена сохраняла связь со своею собственною семьей и могла по ней наслѣдовать.

Не входя въ дальнѣйшія подробности, можно видѣть, что законы Двѣнадцати Таблицъ значительно уже разнятся отъ первобытнаго права. Римское законодательство преобразуется вмѣстѣ съ управленіемъ и съ общественнымъ бытомъ. Мало-

[1]) Гай, I, III: *Quae anno continuo nupta perseverabat. Coëmptio* до такой степени не былъ видомъ брака, что жена могла заключать его не только съ мужемъ, но, напримѣръ, и съ опекуномъ.

[2]) Гай, I, 117, 118. Подчиненность жены мужу во времена Гая несомнѣнно была весьма мала, но не такова была она вначалѣ. Впрочемъ бракъ вслѣдствіе простого *consensus* (согласія) былъ совсѣмъ не то, что бракъ священный, установлявшій между супругами ненарушимый союзъ.

помалу и почти въ каждомъ новомъ поколѣніи происходитъ въ немъ какое-нибудь измѣненіе. По мѣрѣ того какъ низшіе классы все болѣе и болѣе улучшаютъ свое положеніе въ политическомъ отношеніи, вносится новое измѣненіе и въ постановленія права. Прежде всего разрѣшается бракъ между патриціемъ и плебеемъ. Затѣмъ законъ Папирія запрещаетъ должнику отдавать свою личность въ залогъ кредитору.

Потомъ упрощается судебная процедура къ большой выгодѣ плебеевъ, вслѣдствіе отмѣны *legis actionum* (древнихъ формъ судопроизводства). Наконецъ, преторъ, продолжая итти по пути, проложенному впервые законами Двѣнадцати Таблицъ, создаетъ новое право безъ всякаго участія религіи, которое все болѣе и болѣе приближается къ естественному праву.

Подобный переворотъ совершился и въ правѣ аѳинскомъ. Какъ извѣстно, въ Аѳинахъ были составлены два собранія законовъ, одно послѣ другого черезъ тридцать лѣтъ, первое Дракона и второе Солона. Законы Дракона были написаны въ самый разгаръ борьбы между двумя классами, когда эвпатриды не были еще побѣждены. Солонъ издалъ свои законы въ то время, когда низшій классъ одержалъ верхъ. Вотъ почему между этими двумя законодательствами такое большое различіе.

Драконъ былъ эвпатридъ; онъ носилъ въ себѣ всѣ чувства своей касты и „былъ свѣдущъ въ религіозномъ правѣ". Какъ кажется, все его дѣло ограничилось тѣмъ, что онъ записалъ древніе обычаи безъ всякаго измѣненія. Его первый законъ такой: „Надлежитъ чтить боговъ и героевъ страны, совершать имъ годичныя жертвоприношенія, слѣдуя въ точности обрядамъ предковъ". Сохранилось воспоминаніе о его законахъ относительно убійства; они предписывали отлучить виновнаго отъ храма и запрещали ему прикасаться къ очистительной водѣ и къ священнымъ сосудамъ [1]).

Законы эти показались жестокими слѣдующимъ поколѣніямъ. На самомъ дѣлѣ они были продиктованы неумолимой религіей, которая видѣла въ каждомъ проступкѣ оскорбленіе божеству, а въ каждомъ оскорбленіи божества—неизгладимое преступленіе. Воровство наказывалось смертію, потому что оно было посягательствомъ на религію собственности.

Одна любопытная статья, сохранившаяся отъ этого законодательства, показываетъ намъ, въ какомъ духѣ оно было составлено. Оно предоставляло право преслѣдовать убійство по суду однимъ только родственникамъ покойнаго или членамъ его рода [2]). Отсюда мы видимъ, насколько могущественъ былъ родъ въ эту эпоху, такъ какъ онъ не допускалъ гражданскую общину вмѣшиваться въ его дѣла, хотя бы для

[1]) Авлъ Геллій, XI, 18. Демосѳенъ, *in Leptinem*, 158. Порфирій, *De abstinentia*, IX.

[2]) Демосѳенъ, *in Evergum*, 68—71; *in Macartatum*, 37.

наказанія или мести. Человѣкъ все еще принадлежалъ больше семьѣ, чѣмъ гражданской общинѣ.

Изъ всего, что намъ осталось отъ этого законодательства, мы видимъ, что оно всецѣло воспроизводило древнее право. Оно сохранило въ себѣ всю суровость и строгость древняго неписаннаго закона. Можно думать, что оно создавало цѣлую пропасть между двумя классами, потому что низшій классъ всегда его ненавидѣлъ и черезъ тридцать лѣтъ потребовалъ себѣ новаго законодательства.

Законы Солона совсѣмъ иного характера; по всему видно, что они соотвѣтствуютъ великому общественному перевороту. Первое, что бросается въ глаза, это то, что законы для всѣхъ одни. Они не устанавливали никакого различія между эвпатридомъ и простымъ свободнымъ человѣкомъ или ѳетомъ. Даже словъ этихъ мы не встрѣчаемъ ни въ одной изъ дошедшихъ до насъ статей. Солонъ хвалится въ своихъ стихахъ тѣмъ, что далъ одни и тѣ же законы всѣмъ безъ различія [1]).

Подобно Двѣнадцати Таблицамъ, собраніе законовъ Солона во многомъ разнится отъ античнаго права, но иногда остается ему вѣрнымъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что римскіе децемвиры прямо списали законы Аѳинъ, но оба законодательства, созданія одной и той же эпохи и слѣдствія одного и того же общественнаго переворота, не могли не имѣть сходства между собою. Къ тому же такое сходство мы найдемъ только въ духѣ обоихъ законодательствъ, сравненіе же отдѣльныхъ статей обнаруживаетъ многочисленныя различія. Есть вопросы, по которымъ законы Солона остаются ближе къ первобытному праву, чѣмъ законы Двѣнадцати Таблицъ, равно какъ есть и другіе, по которымъ они отъ него значительно удаляются.

Древнѣйшее право предписывало, чтобы старшій сынъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ. Законъ Солона отступаетъ отъ этого правила и говоритъ въ такихъ точныхъ выраженіяхъ: „Братья должны раздѣлить между собою отцовское наслѣдство". Но законодатель еще не настолько удалился отъ первобытнаго права, чтобы допустить и сестру къ участію въ наслѣдованіи: „Раздѣлъ,—говоритъ онъ, долженъ происходить только *между сыновьями* [2]).

Мало этого: Если у отца остается только одна дочь, то эта единственная дочь не можетъ быть наслѣдницей; наслѣдство получаетъ ближайшій агнатъ. Въ этомъ Солонъ согласенъ съ древнимъ правомъ; но онъ все-таки пытается предоставить дочери пользованіе отцовскимъ имуществомъ, обязывая наслѣдника взять ее за себя замужъ [3]).

[1]) Θεσμοὺς δ'ὁμοίως τῷ κακῷ τε κ'ἀγαθῷ ἔγραψα. Солонъ, изд. Буассонадъ, стр. 105.

[2]) Изей, *de Apollod. hered.*, 20; *de Pyrrhi hered.*, 51. Демосѳенъ, *in Macart.*, 51; *in Boeotum de dote*, 22—24.

[3]) Изей, *de Aristarchi hered.*, 5; *de Cironis her.*, 31; *de Pyrrhi her*, 74; *de Cleonymi her.*, 39.

Родство по женщинамъ было неизвѣстно въ древнемъ правѣ; въ новомъ правѣ Солонъ допускаетъ его, но ставитъ его значительно ниже родства по мужчинамъ Вотъ его законъ [1]): „Если отецъ умретъ безъ завѣщанія, оставивъ по себѣ одну только дочь, то ему наслѣдуетъ ближайшій агнатъ, женившись на его дочери. Если онъ не оставитъ дѣтей, то ему наслѣдуетъ его братъ, но не сестра,—его родной братъ или единокровный, но не единоутробный. Если нѣтъ братьевъ, или сыновей братьевъ, то наслѣдство переходитъ къ сестрѣ. Если нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ, ни племянниковъ, то наслѣдуютъ двоюродные братья съ отцовской стороны. Если нѣтъ двоюродныхъ братьевъ съ отцовской стороны (т.-е. среди агнатовъ), то наслѣдство переходитъ къ побочнымъ родственникамъ со стороны матери (т.-е. къ когнатамъ)". Такимъ образомъ женщины также начинаютъ пріобрѣтать права на наслѣдство, но права стоящія ниже мужскихъ; законъ прямо устанавливаетъ такое правило: „Мужчины и потомки мужчинъ устраняютъ отъ наслѣдства женщинъ и ихъ потомковъ". Во всякомъ случаѣ родство этого рода уже признано и нашло свое мѣсто въ законѣ; вотъ положительное доказательство того, что естественное право начинаетъ говорить также громко и властно, какъ и древняя религія.

Солонъ внесъ въ аѳинское законодательство еще одно нововведеніе, а именно завѣщаніе. До него имущество переходило непремѣнно къ ближайшему агнату или, если не было агнатовъ, то къ членамъ одного съ нимъ рода *(gentiles)* [2]); это происходило отъ того, что собственность считалась принадлежащею не отдѣльному лицу, а семьѣ. Во времена Солона стали иначе понимать право собственности; распаденіе древняго рода сдѣлало изъ каждаго владѣнія личную собственность отдѣльнаго лица. Поэтому законодатель разрѣшилъ человѣку располагать своимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію и выбирать себѣ наслѣдника. Однако, уничтожая право рода на имущество каждаго изъ его членовъ, онъ сохранилъ въ силѣ право естественной семьи; сынъ остался необходимымъ наслѣдникомъ; если умирающій оставлялъ по себѣ одну только дочь, онъ могъ самъ себѣ выбирать наслѣдника, но подъ единственнымъ условіемъ, чтобъ этотъ наслѣдникъ женился на его дочери; у кого же не было дѣтей, тотъ былъ свободенъ завѣщать кому угодно [3]). Послѣднее правило было совершенною новостью въ аѳинскомъ правѣ, и мы можемъ судить по немъ, до какой степени уже укоренились новыя понятія о семьѣ и насколько стали различать ее отъ древняго рода.

---

[1]) Изей, *de Hagniae hered.*, 11—12; *de Apollod. hered.*, 20. Демосѳенъ, *in Macartatum*, 51.

[2]) Плутархъ, *Солонъ*, 21.

[3]) Изей, *de Pyrrhi hered.*, 68. Демосѳенъ, *in Stephanum*, II, 14. Плутархъ, *Солонъ*, 21.

Первобытная религія давала отцу верховную власть въ домѣ. Античное право Аѳинъ дозволяло ему даже продать или убить своего сына [1]).

Солонъ, сообразуясь съ новыми нравами, ограничилъ эту власть [2]); достовѣрно извѣстно, что онъ запретилъ отцу продавать свою дочь, если только она не провинилась въ какомъ-нибудь важномъ проступкѣ; вѣроятно такое же запрещеніе ограждало и сына. Отцовская власть слабѣла мало-по-малу по мѣрѣ того, какъ древняя религія лишалась своей власти, а это случилось въ Аѳинахъ раньше, чѣмъ въ Римѣ. Вотъ почему аѳинское право не ограничивалось постановленіемъ Двѣнадцати Таблицъ: „Послѣ троекратной продажи сынъ свободенъ". Оно позволило сыну, достигшему опредѣленнаго возраста, освобождаться отъ власти отца. Нравы, если не законы, нечувствительно привели къ установленію совершеннолѣтія сына и при жизни отца. Намъ извѣстенъ одинъ аѳинскій законъ, повелѣвающій сыну кормить своего отца въ старости или болѣзни; такой законъ неизбѣжно указываетъ на то, что сынъ могъ уже быть собственникомъ и что, слѣдовательно, онъ былъ уже свободенъ отъ отцовской власти. Такого закона не было въ Римѣ, потому что тамъ сынъ никогда не имѣлъ никакой собственности и всегда оставался въ зависимости.

Относительно женщинъ законъ Солона былъ заодно съ древнимъ правиломъ, запрещая ей дѣлать завѣщанія, потому что женщина никогда не была въ дѣйствительности собственницей и могла имѣть только право пользованія. Но законъ отступилъ отъ этого древняго права, разрѣшивъ женщинѣ брать назадъ свое приданое [3]).

Въ этомъ собраніи законовъ были и другія нововведенія. Въ противоположность Дракону, давшему право преслѣдовать по суду убійство одной только семьѣ потерпѣвшаго, Солонъ предоставилъ его каждому гражданину [4]). Этимъ отмѣнялось еще одно правило древняго патріархальнаго права.

Такимъ образомъ, какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Римѣ право стало преобразовываться. Для новаго общественаго быта потребовалось и новое право. Какъ только измѣнились вѣрованія, нравы и учрежденія, то законы, казавшіеся раньше справедливыми и прекрасными, перестали казаться такими и мало-помалу забылись.

---

[1]) Плутархъ, *Солонъ*, 13.

[2]) Плутархъ, *Солонъ*, 23.

[3]) Изей, *de Pyrrhi hered.*, 8—9, 37—38. Демосѳенъ, *in Onetorem*, I, 8; *in Aphobum*, I, 15; *in Boeotum de dote*, 6; *in Phoenippum*, 27; *in Neoeram*, 51, 52.—Нельзя утвердительно сказать, что возвратъ приданаго установленъ при Солонѣ, но онъ обыкновенно практиковался во времена Изея и Демосѳена. Надо сдѣлать еще замѣчаніе: древній принципъ, требовавшій, чтобы мужъ былъ собственникомъ имущества, приносимаго женою, оставался еще въ законѣ (Дем., *in Phoenippum*, 27); но мужъ дѣлался должникомъ по отношенію къ κύριοι жены на сумму, равную приданому, подъ обезпеченіе ея имущества Поллуксъ, III, 36; VIII, 142; Бёкъ, *Corpus inscript. gr.*, №№ 1037 и 2261.

[4]) Плутархъ, *Солонъ*, 18.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Новый принципъ управленія.— Общій интересъ и подача голосовъ.

Переворотъ, уничтожившій господство жреческаго сословія и возвысившій низшій классъ до уровня древнихъ родовыхъ вождей, послужилъ началомъ новому періоду въ исторіи гражданскихъ общинъ. Произошло какъ бы общественное обновленіе. Одинъ классъ людей не просто смѣнилъ собою другой классъ во власти: устранены были древнія начала, и новыя правила вступили въ управленіе человѣческими обществами.

Правда, гражданская община сохранила внѣшнія формы, какія она имѣла въ предшествующую эпоху. Республиканскій порядокъ продолжалъ существовать; магистраты почти повсюду сохранили свои древнія названія; въ Аѳинахъ все еще были архонты, а въ Римѣ—консулы. Не произошло никакой перемѣны и въ церемоніяхъ общественной религіи; обѣды въ пританеяхъ, жертвоприношенія при началѣ собранія, ауспиціи и молитвы,—все осталось по прежнему. Людямъ свойственно желать сохранить хоть одну внѣшность того, что ими покинуто.

Въ сущности все измѣнилось. Ни учрежденія, ни право, ни вѣрованія, ни нравы не были въ этотъ новый періодъ тѣмъ, чѣмъ они были въ предыдущій. Древній порядокъ исчезъ, унося съ собою и суровыя правила, во всемъ имъ установленныя; образовался новый порядокъ, и человѣческая жизнь измѣнилась.

Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ религія была единственнымъ принципомъ управленія. Теперь надлежало найти новый принципъ, который былъ бы въ состояніи замѣнить ее и подобно ей могъ бы управлять обществами, ограждая ихъ по возможности отъ колебаній и столкновеній. Принципомъ, на которомъ отнынѣ основывается управленіе гражданскихъ общинъ, является общественный интересъ.

Надо обратить вниманіе на этотъ новый догматъ, появившійся въ умахъ людей и въ исторіи. Прежде верховнымъ правиломъ, породившимъ общественный порядокъ, былъ не интересъ, а религія. Обязанность совершать обряды культа служила общественною связью. Изъ этой религіозной необходимости вытекли: для однихъ—право повелѣвать, для другихъ—обязанности повиноваться; отсюда вышли всѣ порядки суда, всѣ порядки общественныхъ собраній, всѣ правила войны. Гражданскія общины не задавались вопросомъ, полезны ли созданныя ими учрежденія: эти учрежденія появились потому, что религія того требовала. Ни интересъ, ни выгода не принимали участія въ ихъ установленіи; если жреческое сословіе боролось за ихъ защиту, то отнюдь не во имя общественнаго интереса, а во имя религіознаго преданія.

Но въ періодъ, куда мы теперь вступаемъ, преданію нѣтъ болѣе мѣста, а религіи—власти. Отнынѣ единственнымъ руководящимъ принципомъ, дающимъ силу и жизненность всѣмъ учрежденіямъ, стоящимъ выше единичныхъ желаній и властнымъ принудить ихъ къ повиновенію,—является общественный интересъ. Древняя религія была замѣщена тѣмъ, что у латиновъ называлось respublica, а у грековъ τὸ κοινόν. Вотъ чѣмъ опредѣляются отнынѣ учрежденія и законы, именно къ этому относятся всѣ важные акты гражданской общины. Въ обсужденіяхъ сената и народныхъ собраній, когда рѣчь идетъ о какомъ-нибудь доходѣ или о формѣ управленія, о какомъ-нибудь вопросѣ частнаго права или политическаго установленія, уже не спрашивается болѣе, что предписываетъ древняя религія, а чего требуетъ общій интересъ.

Солону приписывается одно слово, которое прекрасно характеризируетъ новый порядокъ. Кто-то спросилъ у него, не думаетъ ли онъ, что онъ далъ своему отечеству лучшее устройство? „Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—но самое подходящее". Въ этомъ требованіи отъ закона и отъ формы правленія одного только относительнаго достоинства, кроется нѣчто совсѣмъ новое. Древнее государственное устройство, основанное на правилахъ культа, провозглашало себя непогрѣшимымъ и неизмѣннымъ; оно обладало суровостью и непреклонностью религіи. Своимъ отвѣтомъ Солонъ указалъ на то, что въ будущемъ политическое устройство должно всегда сообразоваться съ потребностями, съ нравами, съ интересами людей каждой эпохи. Дѣло шло уже не о безусловной истинѣ; порядокъ управленія долженъ былъ сдѣлаться съ тѣхъ поръ легко доступнымъ измѣненію. Какъ говорятъ, Солонъ желалъ самое большее, чтобъ его законы соблюдались только одно столѣтіе [1]).

Требованія общественной пользы не такъ безусловны, не такъ ясны и очевидны, какъ требованія религіи. Ихъ можно всегда оспаривать; они не сразу бросаются въ глаза. Самый простой и вѣрный способъ узнать, чего требуетъ общественный интересъ, заключался, повидимому, въ томъ, чтобы собрать людей и спросить ихъ совѣта. Способъ этотъ признанъ былъ почти необходимымъ, и имъ пользовались почти ежедневно. Въ предшествующую эпоху почти всѣ разсужденія ограничивались одними ауспиціями; мнѣніе жреца, царя, магистрата было всесильно; голоса подавались рѣдко, да и то скорѣе для того, чтобъ исполнить формальность, чѣмъ для того, чтобъ узнать мнѣніе каждаго. Съ этихъ же поръ голоса подавались рѣшительно обо всемъ; требовалось знать мнѣніе всѣхъ, чтобы навѣрное узнать общій интересъ.

---

[1]) Плутархъ, *Солонъ*, 25. Если вѣрить Геродоту, I, 29, Солонъ заставилъ аѳинянъ поклясться, что они будутъ соблюдать его законы въ теченіе десяти лѣтъ.

Подача голосовъ сдѣлалась главнымъ средствомъ управленія. Она стала источникомъ учрежденій и главнымъ правиломъ права; она рѣшала все, и то, что полезно, и то, что справедливо. Она стояла выше магистратовъ и даже выше законовъ; ей принадлежала верховная власть въ гражданской общинѣ.

Управленіе также измѣнилось по самой своей природѣ. Существенною его обязанностью не было уже болѣе правильное совершеніе религіозныхъ церемоній; его назначеніе состояло въ поддержаніи порядка и мира внутри, достоинства и могущества извнѣ. То, что было прежде на второмъ планѣ, стало теперь на первомъ. Политика выдвинулась впередъ религіи, людское управленіе стало дѣломъ вполнѣ человѣческимъ. Вслѣдствіе этого были созданы или новыя магистратуры или, по крайней мѣрѣ, древнія магистратуры усвоили себѣ новый характеръ. Примѣры тому можно видѣть въ исторіи Аѳинъ и Рима.

Въ Аѳинахъ во время господства аристократіи архонты по преимуществу были жрецами; обязанность судить, управлять, вести войну сводилась почти къ пустякамъ и безъ всякаго неудобства могла быть присоединена къ званію жреца. Когда аѳинская гражданская община оставила въ сторонѣ древніе религіозные пріемы управленія, она не упразднила архонтства, такъ какъ вообще не любила отмѣнять то, что было древне. Но, на-ряду съ архонтами, она установила другихъ магистратовъ, которые по самой природѣ своихъ обязанностей лучше соотвѣтствовали потребностямъ эпохи. То были *стратеги*. Слово это означаетъ главу войска, но власть ихъ не была всецѣло военной; на ихъ обязанности лежали сношенія съ другими гражданскими общинами, завѣдываніе финансами и все, что касалось городского благоустройства. Можно сказать, что въ завѣдываніи архонтовъ находилась религія и все, что къ ней относилось, вмѣстѣ съ отправленіемъ правосудія, тогда какъ власть стратеговъ была политическая. Архонты сохраняли власть въ томъ видѣ, какъ она понималась въ древніе вѣка; власть стратеговъ была установлена новыми народившимися потребностями. Мало-по-малу дошло до того, что у архонтовъ остался только одинъ призракъ власти, которая вся всецѣло перешла въ руки стратеговъ. Эти новые магистраты не были уже жрецами, они всего-на-всего совершали только церемоніи, необходимыя въ военное время. Управленіе все болѣе и болѣе отдалялось отъ религіи.

Стратеги могли выбираться и внѣ класса эвпатридовъ. При испытаніи, которому ихъ подвергали, прежде чѣмъ назначить (δοκιμασία), не спрашивали, подобно тому, какъ спрашивали у архонта, есть ли у нихъ домашній культъ и происходятъ ли они изъ чистой семьи; было достаточно, если они всегда выполняли свои гражданскія обязанности и владѣли собственностью въ Аттикѣ [1]). Архонты назначались по жребію, т.-е. волею самихъ боговъ; со стратегами было совсѣмъ иначе. Такъ какъ управленіе стало значительно труднѣе и сложнѣе, такъ какъ благочестіе перестало быть главнымъ качествомъ, а кромѣ него потребовались еще ловкость, осторожность, мужество и умѣнье повелѣвать, то уже не думали болѣе, что одного указанія жребія достаточно для выбора хорошаго магистрата. Гражданская община не желала болѣе связывать себя мнимою волей боговъ, а хотѣла имѣть за собою право свободнаго выбора своихъ вождей. Было естественно, чтобы архонтъ, который былъ въ то-же время и жрецомъ, назначался богами, но стратегъ, въ рукахъ котораго находились одни лишь внѣшніе интересы гражданской общины, долженъ былъ выбираться людьми.

Если изслѣдовать подробнѣе римскія учрежденія, то легко увидать, что и тамъ произошли перемѣны такого же рода. Съ одной стороны трибуны плебса до такой степени увеличили свою власть, что управленіе республикой, по крайней мѣрѣ во всемъ, что касалось внутреннихъ дѣлъ, перешло въ ихъ завѣдываніе. Трибуны же эти, не имѣвшіе никакого жреческаго характера, весьма походили на аѳинскихъ стратеговъ. Съ другой стороны, само консульство не могло остаться безъ перемѣны въ своей сущности. Все, что было въ немъ жреческаго, все это мало-по-малу изгладилось и забылось. Правда, уваженіе римлянъ къ преданіямъ и формамъ старины требовало, чтобы консулъ продолжалъ совершать религіозныя церемоніи, установленныя предками. Но вполнѣ понятно, что въ то время, когда плебеи стали консулами, всѣ эти церемоніи были только пустою обрядностью. Консульство все меньше и меньше становилось жречествомъ, а все больше и больше простымъ начальствомъ. Преобразованіе это совершалось медленно, нечувствительно, незамѣтно; но оно совершилось вполнѣ. Консульство не было уже, конечно, во времена Сципіона тѣмъ, чѣмъ оно было во времена Публиколы. Военные трибуны, утвержденные сенатомъ въ 443-мъ году и недостаточно описанные намъ древними, были, быть-можетъ, переходною ступенью между консульствомъ первой эпохи и консульствомъ второй.

Можно также замѣтить, что произошло измѣненіе и въ самомъ способѣ избранія консуловъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ первые вѣка голосованіе центурій для выбора магистрата было, какъ мы это уже видѣли, одной пустой формальностью. Въ сущности ежегодный консулъ выбирался консуломъ прошлогоднимъ, который передавалъ ему ауспиціи, предварительно спросивъ согласія боговъ. Центуріи подавали свои голоса только за двухъ или трехъ кандидатовъ, предложенныхъ прежнимъ консуломъ; при этомъ не было мѣста для преній.

[1]) Динархъ, *in Demosthenem*, 71.

Народъ могъ ненавидѣть намѣченнаго кандидата, тѣмъ не менѣе онъ былъ принужденъ подавать за него свои голоса. Въ эпоху, до которой мы теперь добрались, избраніе происходитъ совсѣмъ иначе, хотя формы его все еще тѣ же. При этомъ, какъ и въ прошломъ, совершалась религіозная церемонія и подача голосовъ, но религіозная церемонія сдѣлалась пустою формою, а все значеніе перешло къ подачѣ голосовъ. Кандидатъ все еще долженъ представляться предсѣдательствующимъ консуломъ, но за то консулъ обязанъ, если не по закону, то по крайней мѣрѣ по обычаю, принимать всѣхъ кандидатовъ и объявлять, что ауспиціи всѣмъ имъ одинаково благопріятны. Такимъ образомъ центуріи выбираютъ того, кого хотятъ. Избраніе не принадлежитъ волѣ боговъ, оно находится въ рукахъ народа. Боги и ауспиціи спрашиваются еще, но только подъ единственнымъ условіемъ быть безпристрастными ко всѣмъ кандидатамъ. Выборъ сталъ дѣломъ вполнѣ человѣческимъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Образуется аристократія богатства.—Усиленіе демократіи.—Четвертый переворотъ.

Порядокъ, послѣдовавшій за владычествомъ религіозной аристократіи, не былъ сразу демократическимъ. Мы видѣли уже, какъ, напримѣръ, въ Римѣ и Аѳинахъ, что совершившійся переворотъ не былъ дѣломъ низшихъ классовъ. Правда, было нѣсколько городовъ, гдѣ эти классы сами было возстали; но они не могли создать ничего прочнаго; доказательство тому въ тѣхъ безконечныхъ безпорядкахъ, которые привели къ погибели Сиракузы, Милетъ и Самосъ. Новый режимъ вполнѣ прочно установился только тамъ, гдѣ онъ нашелъ при самомъ своемъ возникновеніи высшій классъ, который могъ бы взять въ свои руки на нѣкоторое время политическую и нравственную власть, отнятую у эвпатридовъ или патриціевъ.

Какая же могла быть эта новая аристократія? Такъ какъ наслѣдственная религія была устранена, то не было никакого иного основанія для общественнаго различія, кромѣ богатства. Такимъ образомъ отъ богатства требовалось установленіе различій, такъ какъ люди не могли еще сразу допустить, что равенство должно быть безусловнымъ.

Такъ Солонъ не нашелъ возможности уничтожить древнее различіе, основанное на наслѣдственной религіи иначе, какъ установивъ новое дѣленіе, основанное на богатствѣ. Онъ раздѣлилъ всѣхъ людей на четыре класса; для того, чтобы достигнуть высшихъ должностей, требовалось быть богатымъ; надо было по крайней мѣрѣ принадлежать къ одному изъ

двухъ среднихъ классовъ, чтобъ имѣть доступъ въ сенатъ и въ суды [1]).

То же самое было и въ Римѣ. Мы уже видѣли, что Сервій уменьшилъ власть патриціевъ тѣмъ, что далъ имъ въ соперницу новую аристократію. Онъ установилъ двѣнадцать центурій всадниковъ, выбранныхъ изъ среды богатыхъ плебеевъ; это было начало сословія всадниковъ, которое съ тѣхъ поръ сдѣлалось самымъ богатымъ сословіемъ Рима. Плебеи, не владѣвшіе установленнымъ цензомъ, для того чтобы быть всадниками, распредѣлялись по пяти классамъ, сообразно степени своей состоятельности. Пролетаріи находились внѣ всякихъ классовъ. У нихъ не было никакихъ политическихъ правъ; если они и участвовали въ комиціяхъ по центуріямъ, то по крайней мѣрѣ вѣрно то, что они не имѣли права голоса [2]). Республиканское устройство сохранило свои различія, установленныя царемъ, и плебсъ никогда не желалъ особенно страстно установить равенство между своими членами.

Но что такъ ясно обнаруживается въ исторіи Аѳинъ и Рима, можно встрѣтить и почти во всѣхъ прочихъ гражданскихъ общинахъ. Въ Кумахъ, напримѣръ, политическія права были даны сначала только тѣмъ, кто, владѣя лошадьми, входилъ въ составъ сословія всадниковъ; впослѣдствіи классъ, слѣдующій за нимъ по своей состоятельности, получилъ тѣ же самыя права, и эта послѣдняя мѣра возвысила число гражданъ всего только до тысячи человѣкъ. Въ Регіумѣ правленіе долгое время находилось въ рукахъ одной тысячи богатыхъ людей гражданской общины. Въ Ѳуріяхъ требовался очень значительный цензъ для того, чтобы войти въ составъ политическаго тѣла. Изъ стихотворенія Ѳеогнида мы ясно видимъ, что въ Мегарѣ послѣ паденія аристократіи власть перешла къ богатству. Въ Ѳивахъ, для того чтобы пользоваться правами гражданина, нельзя было быть ни ремесленникомъ, ни купцомъ [3]).

Такимъ образомъ политическія права, которыя въ предшествующую эпоху были неразлучны съ происхожденіемъ, сдѣлались съ теченіемъ нѣкотораго времени неразлучными съ богатствомъ. Эта аристократія богатства образовалась во всѣхъ гражданскихъ общинахъ не вслѣдствіе какого-либо разсчета, но по самой природѣ человѣческаго ума, который, выходя изъ порядка полнѣйшаго неравенства, не могъ перейти сразу къ полному равенству.

Надо замѣтить, что эта аристократія основывала свое пре-

---

1) Плутархъ, *Солонъ,* 1 и 18; *Аристидъ*, 13. Аристотель, цитированный Гарпократіономъ при словахъ Ἱππεῖς, Θῆτες. Поллуксъ, VIII, 129. Изей, *de Apollod. her.*, 39.

2) Титъ Ливій, I, 43. Діонисій, IV, 20.

3) Аристотель, *Политика,* III, 3, 4; VI, 4, 5; Гераклидъ, въ *Отрывк. греч. ист.*, т. II, стр. 217 и 219. Ѳеогнидъ, 502, 525—529.

имущество не на одномъ только богатствѣ, – повсюду она была также военнымъ классомъ. Она ставила своею задачей не только управлять гражданской общиной, но также и защищать ее. Она сохранила за собою лучшія вооруженія и наибольшую долю опасности въ битвахъ, желая подражать въ этомъ знати, которую она замѣнила. Во всѣхъ гражданскихъ общинахъ самые богатые составляли конницу [1]), а классъ людей зажиточныхъ поступалъ въ разрядъ гоплитовъ или легіонеровъ [2]). Бѣдные совсѣмъ освобождались отъ военной службы; самое большее – они употреблялись иногда какъ велиты или пельтасты или же какъ гребцы во флотѣ [3]). Организація войска вполнѣ соотвѣтствовала такимъ образомъ политической организаціи гражданской общины. Опасности были пропорціональны преимуществамъ, а матеріальная сила находилась въ тѣхъ же рукахъ, какъ и богатство [4]).

Такимъ образомъ почти во всѣхъ гражданскихъ общинахъ, исторія которыхъ намъ извѣстна, встрѣчается періодъ, въ теченіе котораго богатый классъ или, по крайней мѣрѣ, зажиточный имѣлъ въ своихъ рукахъ управленіе. У этого политическаго режима были свои достоинства, подобно тому, какъ они есть и у всякаго другого, если онъ только соотвѣтствуетъ нравамъ своей эпохи и не сталкивается съ противорѣчащими ему вѣрованіями. Жреческая аристократія предшествующей эпохи несомнѣнно оказала большія услуги, потому что она первая установила законы и положила основаніе правильному управленію. Благодаря ей человѣческія общества прожили нѣсколько вѣковъ въ спокойствіи и тишинѣ. За аристократіей богатства была другого рода заслуга: она дала обществу и сознанію новый толчокъ. Порожденная трудомъ во всѣхъ его многочисленныхъ видахъ, она его чтила и уважала. Новый порядокъ придавалъ наибольшую политическую цѣнность человѣку наиболѣе трудолюбивому, дѣятельному и искусному; слѣдовательно, онъ способствовалъ развитію промышленности и торговли; онъ содѣйствовалъ также и умственному прогрессу, такъ какъ пріобрѣтеніе богатства, которое или наживалось или терялось обыкновенно по способностямъ каждаго, дѣлало образованіе первою потребностью, а умъ — самымъ могущественнымъ руководителемъ въ человѣческихъ дѣлахъ. Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что подъ владычествомъ этого режима какъ Греція, такъ и Римъ расширили границы своей духовной культуры и намного двинули впередъ свою цивилизацію.

[1]) Ксенофонтъ, *Гиппархъ*, I, 9; *Греч. Исторія*, VI, 4, 10. Аристотель, *Политика*, VI, 4, 3. Лизій, *in Alcibiad.*, I, 8; II, 7.

[2]) Титъ Ливій, I, 42; Діонисій, IV, 17—20; VII, 59; *Саллюстій*, *Югурта*, 86; Авлъ Геллій, XVI, 10.

[3]) Θῆτες οὐκ ἐστρατεύοντο, Гарпократіонъ.

[4]) Два мѣста у Өукидида показываютъ, что въ его время четыре класса все еще рознились по военной службѣ. Лица двухъ первыхъ служили въ кавалеріи, лица третьяго—были гоплиты; поэтому историкъ упоминаетъ, какъ о странномъ исключеніи, что они были взяты при необходимости матросами во флотъ (III, 16). Въ другомъ мѣстѣ Өукидидъ, перечисляя жертвы чумы, раздѣляетъ ихъ на три категоріи: всадниковъ, гоплитовъ и наконецъ ὁ ἄλλος ὄχλος, чернь (III, 87).—Мало-помалу өеты были приняты въ ряды войска (Өукид., VI, 43. Антифонъ, у Гарпократіона, слово Θῆτες).

Богатый классъ не съумѣлъ сохранить свое господство такъ долго, какъ сохраняла его нѣкогда древняя наслѣдственная знать. Ихъ права на господство были разной цѣнности. У богатаго класса не было того священнаго характера, который носилъ въ себѣ древній эвпатридъ; власть его не вытекала ни изъ вѣрованій, ни изъ воли боговъ; въ ней не было ничего, что вліяло бы на сознаніе и принуждало бы человѣка къ повиновенію. Человѣкъ преклоняется только передъ тѣмъ, что онъ считаетъ за право, или передъ тѣмъ, что въ его мнѣніи стоитъ значительно выше его. Онъ могъ долгое время склоняться передъ превосходствомъ эвпатрида, который творилъ молитву и обладалъ богами. Богатство же не внушало ему покорности. Передъ богатствомъ обычнымъ чувствомъ было не уваженіе, а зависть. Политическое неравенство, вытекавшее изъ неравенства въ имущественномъ состояніи, скоро показалось несправедливостью, и люди позаботились объ его уничтоженіи.

Притомъ рядъ переворотовъ, уже начавшійся, не могъ остановиться. Древнія основы были нарушены, и не было уже болѣе ни преданія, ни твердыхъ правилъ. Осталось всеобщее чувство непрочности во всемъ, отчего никакое устройство не могло длиться очень долго. Такимъ образомъ на новую аристократію сдѣлано было нападеніе, какъ и на древнюю; бѣдные пожелали сдѣлаться гражданами и стали стараться въ свою очередь войти въ составъ гражданской общины.

Невозможно входить въ подробности этой новой борьбы. Исторія гражданскихъ общинъ, по мѣрѣ того, какъ она удаляется отъ своего начала, становится все разнообразнѣе. Всѣ гражданскія общины проходятъ черезъ тотъ же рядъ переворотовъ; но перевороты эти являются подъ самыми разнообразными формами. По крайней мѣрѣ можно сдѣлать то замѣчаніе, что въ городахъ, гдѣ главной основой богатства являлось землевладѣніе, богатый классъ долгое время пользовался уваженіемъ и сохранялъ за собою господство, и что напротивъ, въ гражданскихъ общинахъ, какъ напримѣръ въ Аѳинахъ, гдѣ богатства, заключеннаго въ землѣ, было мало, и гдѣ оно пріобрѣталось преимущественно промышленностью и торговлею, тамъ непрочность состояній весьма рано пробудила зависть и надежду въ низшихъ классахъ, и аристократія много раньше подверглась нападенію.

Въ Римѣ богатый классъ сопротивлялся гораздо лучше, чѣмъ въ Греціи; это происходило по причинамъ, о которыхъ мы скажемъ далѣе. При чтеніи греческой исторіи съ невольнымъ удивленіемъ замѣчаешь, какъ слабо защищалась новая

аристократія. Правда, ей нельзя было, какъ эвпатридамъ, выставить противъ своихъ противниковъ вѣское и сильное доказательство въ преданіи и благочестіи. Ей нельзя было призвать къ себѣ на помощь ни предковъ, ни боговъ. У ней не было даже поддержки и въ ея собственныхъ вѣрованіяхъ; она сама не вѣровала въ законность своихъ преимуществъ.

Сила оружія была, конечно, на ея сторонѣ, но она, въ концѣ концовъ, лишилась и этого преимущества. Учрежденія, созданныя государствомъ для своихъ цѣлей, безъ сомнѣнія, существовали бы дольше, если бы каждое государство могло жить въ полной обособленности, или если по крайней мѣрѣ оно могло бы вѣчно оставаться въ мирѣ со всѣми. Но война вноситъ разстройство въ порядокъ учрежденій и ускоряетъ перемѣны. Между гражданскими общинами Греціи и Италіи велись почти непрерывныя войны. Вся тягость военной службы падала, главнымъ образомъ, на богатый классъ, потому что именно онъ занималъ первый рядъ въ битвахъ. Часто, по возвращеніи съ похода, онъ вступалъ въ городъ крайне ослабленный потерей многихъ своихъ, вслѣдствіе чего часто не въ силахъ былъ устоять во главѣ народной партіи. Въ Тарентѣ, напримѣръ, когда высшій классъ потерялъ большую половину своихъ членовъ въ войнѣ съ япигами, демократія тотчасъ овладѣла гражданскою общиной. То же самое событіе произошло и въ Аргосѣ за тридцать лѣтъ раньше: вслѣдствіе несчастной войны со спартанцами число настоящихъ гражданъ стало настолько незначительно, что потребовалось даровать права гражданства цѣлой толпѣ *періэковъ* [1]). Именно изъ нежеланія впасть въ такую же крайность Спарта относилась такъ бережно къ жизни настоящихъ спартанцевъ. Что касается до Рима, то его безпрерывныя войны объясняютъ большую часть его переворотовъ. Война прежде всего нанесла пораженіе сословію патрицiевъ; изъ трехсотъ семей, составлявшихъ эту касту во времена царей, осталось всего-на-всего около трети послѣ завоеванія Самніума. Затѣмъ война нанесла ударъ и первоначальному плебсу, плебсу богатому и мужественному, собравшему изъ себя всѣ пять классовъ и наполнявшему собою легіоны.

Однимъ изъ послѣдствій войны было то, что гражданскія общины почти всегда оказывались вынужденными призывать къ оружію и низшіе классы. Такъ, напримѣръ, въ Аѳинахъ и во всѣхъ приморскихъ городахъ потребность флота и морскія битвы доставили бѣдному классу то значеніе, отъ котораго устраняло его государственное устройство. Ѳеты, возвысясь до званія гребцовъ, матросовъ и даже солдатъ и имѣя, такимъ образомъ, въ своихъ рукахъ безопасность отечества, почувствовали свою необходимость и стали много смѣлѣе. Таково было начало аѳинской демократіи. Спарта боя-

---

[1]) Аристотель, *Политика*, V, 2, 8.

лась войны. У Ѳукидида можно видѣть, съ какою неохотой и медленностью выступаетъ она въ походъ. Она противъ воли допустила увлечь себя въ пелопонесскую войну, и скольких усилій ей стоило отъ нея отдѣлаться. Такъ ей пришлось вооружить своихъ ὑπομείονες, своихъ неодамодовъ, лаконцевъ и даже илотовъ; она прекрасно знала, что всякая война, призывая къ оружію угнетенные классы, подвергала ее саму опасности переворота и что по возвращеніи войска ей придется или подпасть подъ власть илотовъ, или найти средство перебить ихъ всѣхъ безъ огласки [1]). Плебеи несправедливо обвиняли римскій сенатъ, упрекая его въ желаніи начинать новыя войны. Сенатъ былъ для этого слишкомъ благоразуменъ. Онъ зналъ, что эти войны стоили ему уступокъ и неудачъ на форумѣ, но избѣжать этихъ войнъ ему не было возможности, потому что Римъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ врагами.

Такимъ образомъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что война мало-по-малу уничтожила разстояніе, отдѣлявшее аристократію отъ низшихъ классовъ. Вслѣдствіе этого скоро оказалось, что учрежденія не согласуются уже съ общественнымъ состояніемъ, и явилась надобность въ ихъ измѣненіи. При этомъ надо сознаться, что всякое преимущество неизбѣжно находилось въ противорѣчіи съ принципомъ, управлявшимъ тогда людьми. Общественный интересъ не былъ такимъ принципомъ, который по природѣ своей былъ склоненъ къ установленію и поддержанію неравенства. Онъ неизбѣжно велъ общества къ демократическому строю.

Это до такой степени вѣрно, что пришлось вездѣ раньше или позже дать всѣмъ свободнымъ людямъ политическія права. Какъ только римскій плебсъ пожелалъ имѣть свои собственныя комиціи, онъ долженъ былъ допустить туда и пролетаріевъ и не могъ уже установить тамъ дѣленіе на классы. Въ большинствѣ гражданскихъ общинъ именно такимъ путемъ образовались вполнѣ народныя собранія и была установлена всеобщая подача голосовъ.

Право подачи голосовъ имѣло тогда несравненно большее значеніе, чѣмъ то, какимъ оно пользуется въ современныхъ государствахъ. Благодаря ему самый послѣдній изъ гражданъ принималъ участіе во всѣхъ дѣлахъ, выбиралъ магистратовъ, постановлялъ законы, отправлялъ правосудіе, рѣшалъ вопросъ о войнѣ или мирѣ и заключалъ союзные договоры. Слѣдовательно, довольно было одного расширенія права голосованія для того, чтобы управленіе сдѣлалось вполнѣ демократическимъ. Надо сдѣлать еще одно послѣднее замѣчаніе. Быть-можетъ и удалось бы избѣгнуть господства демократіи, если бы было можно основать то, что Ѳукидидъ называетъ ὀλιγαρχία ἰσόνομος, т.-е. управленіе для немногихъ и свобода

---

[1]) Ѳукидидъ, IV, 80.

для всѣхъ. Но греки не имѣли яснаго понятія о свободѣ; права личности у нихъ никогда не были обезпечены. Мы знаемъ изъ Ѳукидида, который, конечно, не могъ возбудить подозрѣнія въ излишней преданности къ демократическому строю, что подъ владычествомъ олигархіи народъ подвергался очень часто притѣсненіямъ, произвольнымъ осужденіямъ, жестокимъ взысканіямъ. У этого историка мы читаемъ: „Потребовался демократическій порядокъ, который взялъ бы бѣдныхъ подъ свою защиту, а на богатыхъ наложилъ бы узду". Греки никогда не съумѣли примирить равенство гражданское съ неравенствомъ политическимъ. Для того, чтобъ бѣдный не терпѣлъ никакой несправедливости въ своихъ личныхъ интересахъ, имъ казалось необходимымъ дать ему права голосованія, сдѣлать его судьею въ судахъ и открыть ему доступъ къ высшимъ должностямъ. Если мы къ тому еще припомнимъ, что у грековъ государство было безусловною властью, съ которою не могло сравниться никакое личное право, мы поймемъ, какой громадный интересъ заключался для каждаго человѣка, даже для самаго послѣдняго, въ обладаніи политическими правами, т.-е. въ участіи въ управленіи. Такая собирательная власть была настолько всесильна, что человѣкъ могъ еще быть чѣмъ-нибудь, только участвуя въ самой этой власти. Отъ этого зависѣли и его безопасность, и его достоинство. Политическія права были всѣмъ желательны, не потому что они давали настоящую свободу, но потому что въ нихъ по крайней мѣрѣ было то, что могло ее замѣнить.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Правила демократическаго управленія; примѣръ аѳинской демократіи.

По мѣрѣ того, какъ перевороты слѣдовали одинъ за другимъ и древній порядокъ все далѣе отступалъ на задній планъ, управленіе людьми становилось все труднѣе. Явилась надобность въ постановленіяхъ болѣе подробныхъ, въ механизмѣ болѣе сложномъ, но и болѣе чувствительномъ. Это можно видѣть изъ примѣра аѳинскаго управленія.

Въ Аѳинахъ было весьма много магистратовъ. Прежде всего Аѳины сохранили всѣхъ магистратовъ предшествующей эпохи: архонта, по имени котораго назывался годъ и на которомъ лежала обязанность блюсти за непрерывностью домашнихъ культовъ, — царя, совершавшаго жертвоприношенія, — полемарха, являвшагося начальникомъ войска и судившаго чужеземцевъ, — шести ѳесмоѳетовъ, которые повидимому обязаны были творить судъ и расправу, а на самомъ дѣлѣ они только предсѣдательствовали на судѣ; затѣмъ были еще десять ἱεροποιοι, которые должны были вопрошать оракуловъ и совершать нѣкоторыя жертвоприношенія; παράσιτοι,

сопровождавшіе всегда архонта и царя въ священныхъ церемоніяхъ; десять особыхъ распорядителей, называвшихся ἀθλοθέτης и остававшихся въ своемъ званіи въ теченіе четырехъ лѣтъ для приготовленія праздника богини Аѳины, и наконецъ пританы, которые въ числѣ пятидесяти наблюдали за священнымъ огнемъ общественнаго очага и за продолженіемъ священныхъ обѣдовъ. Изъ этого перечисленія мы видимъ, что Аѳины оставались вѣрными преданіямъ старины; нѣсколько совершившихся уже переворотовъ не могли еще окончательно разрушить ихъ мнительнаго благоговѣнія. Никто не смѣлъ дерзнуть нарушить древнія формы національной религіи; демократія продолжала культъ, установленный эвпатридами.

Затѣмъ шли магистраты, установленные преимущественно для демократіи, не исполнявшіе никакихъ жреческихъ обязанностей и вѣдавшіе только матеріальные интересы гражданской общины. То были, во-первыхъ, десять стратеговъ, занимавшіеся военными и политическими дѣлами, затѣмъ десять астиномовъ, (ἀστύνομος), заботившихся о городскомъ благоустройствѣ, десять агораномовъ (ἀγορανόμος), должностныхъ лицъ, наблюдавшихъ за торговлей и порядкомъ на рынкахъ, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ Пиреѣ; пятнадцать ситофилаковъ (σιτοφύλακες), лицъ, имѣвшихъ надзоръ за привозомъ и продажею хлѣба; пятнадцать метрономовъ, повѣрявшихъ мѣры и вѣсы; десять хранителей общественныхъ сокровищъ; десять сборщиковъ доходовъ и такъ называемые „одиннадцать", на обязанности которыхъ лежало выполненіе судебныхъ приговоровъ. Къ тому же большая часть этихъ магистратуръ встрѣчалась также и въ каждой трибѣ, и въ каждой демѣ. Самая ничтожная группа населенія въ Аттикѣ имѣла обыкновенно своего особаго архонта, своего жреца, своего военачальника. На каждомъ шагу какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ всегда можно было встрѣтить какого-либо магистрата.

Всѣ эти должности были годичны, а поэтому всякій могъ надѣяться занять ту или другую изъ нихъ въ свою очередь. Магистраты-жрецы выбирались по жребію. Магистраты, выполнявшіе только обязанности общественнаго порядка, выбирались всегда народомъ. Однако принимались предосторожности какъ противъ случайности жребія, такъ и противъ случайности всеобщей подачи голосовъ: каждый новоизбранный подвергался испытанію или передъ сенатомъ, или передъ магистратами, мѣста которыхъ имъ предстояло занять, или, наконецъ, передъ ареопагомъ. При этомъ не требовали доказательствъ въ способностяхъ и талантахъ, но ограничивались тѣмъ, что справлялись о честности человѣка, а также и объ его семьѣ; при этомъ также требовалось, чтобы всякій магистратъ владѣлъ родовою земельною собственностью [1]).

---

[1]) Динархъ, *adv. Demosthenem*, 71.

Можно было бы думать, что эти магистраты, избираемые голосованіемъ своихъ равныхъ, назначаемые на одинъ только годъ и къ тому же отвѣтственные и даже смѣняемые, не могли имѣть большого значенія и сильной власти. Однако, достаточно прочитать Ѳукидида и Ксенофонта, чтобъ убѣдиться, что они пользовались какъ почтеніемъ, такъ и повиновеніемъ. Въ характерѣ древнихъ, даже аѳинянъ, всегда было много готовности подчиняться дисциплинѣ, что быть-можетъ было слѣдствіемъ тѣхъ привычекъ повиновенія, какія воспитало въ нихъ управленіе жрецовъ. Они усвоили себѣ обыкновеніе глубоко почитать государство и всѣхъ тѣхъ, кто являлся его представителемъ въ той или другой степени. Они не могли и подумать о неуваженіи къ магистрату только потому, что они сами его избрали; подача голосовъ считалась однимъ изъ священныхъ источниковъ власти [1]).

Во главѣ магистратовъ, наблюдавшихъ за исполненіемъ законовъ, стоялъ сенатъ. Онъ былъ учрежденіемъ совѣщательнымъ, вродѣ государственнаго совѣта; онъ не судилъ, не управлялъ, не издавалъ законовъ. Составъ его ежегодно мѣнялся, и въ этомъ не находили никакого неудобства, потому что отъ его членовъ не требовалось ни выдающихся способностей, ни большой опытности. Онъ состоялъ изъ пятидесяти пританов каждой трибы, которые по очереди исполняли священныя обязанности и въ теченіе цѣлаго года совѣщались о религіозныхъ и политическихъ интересахъ города. Вѣроятно, именно потому и сохранился обычай назначать сенаторовъ по жребію, что сенатъ вначалѣ былъ не чѣмъ инымъ какъ собраніемъ пританов, т. е. выбранныхъ жребіемъ на одинъ годъ жрецовъ общественнаго очага. При этомъ надо замѣтить, что послѣ избранія по жребію каждый выбранный подвергался еще испытанію и устранялся въ томъ случаѣ, если онъ не являлся достаточно почтеннымъ [2]).

Выше сената стояло народное собраніе; истинная верховная власть находилась въ его рукахъ. Но подобно тому, какъ въ правильно устроенныхъ монархіяхъ монархъ самъ окружаетъ себя предосторожностями противъ своихъ собственныхъ капризовъ и заблужденій, такъ и демократія подчинялась особымъ неизмѣннымъ правиламъ.

Собраніе созывалось пританами или стратегами. Оно происходило въ оградѣ, освященной религіей; утромъ жрецы обходили кругомъ Пникса (такъ назывался холмъ въ Аѳинахъ,

[1]) Изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что аѳинскій магистратъ пользовался одинаковымъ почтеніемъ и внушалъ одинаковый страхъ, какъ спартанскіе эфоры или римскій консулъ. Каждый аѳинскій магистратъ не только долженъ былъ отдавать отчетъ о своей дѣятельности, но и въ самый годъ своей службы могъ быть смѣненъ постановленіемъ народа (Аристотель, у Гарпократіона, слово κυρία; Поллуксъ, VIII, 87; Демосѳенъ, *in Timotheum*, 9). Примѣры отрѣшенія магистрата отъ должности были относительно довольно рѣдки.

[2]) Эсхинъ, *in Ctesiph.*, 2. Демосѳенъ, *in Neoeram.*, 3. Лизій, *in Philon.*, 2. Гарпократіонъ, слово ἐπιλάχων.

гдѣ происходили народныя собранія), приносили жертвы и призывали покровительство боговъ. Народъ помѣщался на каменныхъ скамьяхъ. На особаго рода возвышеніяхъ помѣщались пританы, или πρόεδροι, предсѣдатели народнаго собранія. Когда всѣ размѣщались по мѣстамъ, жрецъ (κήρυξ) возвышалъ голосъ: „Храните молчаніе,—говорилъ онъ,—храните благоговѣйное молчаніе (εὐφημία); просите боговъ и богинь (при этомъ онъ называлъ главныя божества страны), да совершится все къ лучшему въ этомъ собраніи, къ наибольшему благополучію Аѳинъ и къ счастію всѣхъ гражданъ“. Затѣмъ весь народъ, или кто-нибудь одинъ отъ его имени, отвѣчалъ: „Молимъ боговъ, да явятъ свое благоволеніе гражданской общинѣ. Да восторжествуетъ мнѣніе мудрѣйшаго! Да будетъ проклятъ тотъ, кто дастъ намъ дурные совѣты, кто посягнетъ измѣнить законы и постановленія, или кто откроетъ наши тайны непріятелю [1])!“

Затѣмъ герольдъ по приказанію предсѣдателей объявлялъ, чѣмъ именно должно заняться собраніе. То, что предлагалось народу, должно было раньше быть обсуждено и изучено въ сенатѣ. У народа не было того права, что на современномъ языкѣ называется правомъ иниціативы; сенатъ предлагалъ ему проектъ постановленій; народъ могъ принять его или отвергнуть, но онъ не могъ разсуждать ни о чемъ иномъ.

Когда герольдъ прочитывалъ проектъ постановленія, то открывались пренія; герольдъ объявлялъ: „Кто хочетъ говорить?“ Ораторы входили на трибуну по старшинству лѣтъ. Говорить могъ каждый человѣкъ безъ различія, но подъ однимъ условіемъ, чтобъ онъ доказалъ, что онъ пользуется политическими правами, не состоитъ должникомъ государству, что его нравственность безупречна, что онъ женатъ законнымъ бракомъ, что онъ владѣетъ недвижимою собственностью въ Аттикѣ, что онъ исполняетъ всѣ свои обязанности по отношенію къ родителямъ, что онъ принималъ участіе во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ, куда былъ посылаемъ, и что никогда не оставлялъ онъ своего щита на полѣ битвы [2]).

За исключеніемъ этихъ предосторожностей, краснорѣчію предоставлялся полный просторъ. Аѳиняне, какъ говоритъ Ѳукидидъ, думали, что слово никогда не можетъ повредить дѣлу. Они, напротивъ, чувствовали необходимость во всемъ разобраться. Политика не была уже, какъ прежде, дѣломъ преданія и вѣры. Приходилось размышлять и разбираться въ обстоятельствахъ. Пренія стали необходимостью, потому что всякій вопросъ былъ болѣе или менѣе неясенъ, и одно только обсужденіе могло выяснить истину. Аѳинскій народъ требовалъ, чтобы каждое дѣло представлялось ему со всевозмож-

[1]) Эсхинъ, *in Timarch.*, 23; *in Ctesiph.*, 2—6. Динархъ, *in Aristogit.*, 14. Аристофанъ, *Thesmoph*, 295–350. Поллуксъ, VIII, 104.

[2]) Δοκιμασία ῥητόρων. Эсхинъ, *in Timarchum*, 27–33. Динархъ, *in Demosthenem*, 71.

ныхъ сторонъ и со всѣми доводами за и противъ его. Онъ очень дорожилъ своими ораторами и, какъ говорятъ, награждалъ ихъ деньгами за каждую рѣчь, произнесенную съ трибуны [1]). Онъ поступалъ еще лучше: онъ ихъ слушалъ. Мы не должны представлять себѣ народъ буйною шумной толпою; онъ держалъ себя, напротивъ, совсѣмъ иначе; поэтъ изображаетъ намъ его въ комическомъ видѣ, безмолвно слушающимъ разиня ротъ, неподвижнымъ на каменныхъ своихъ скамьяхъ [2]). Историки и ораторы часто описываютъ эти народныя собранія; но мы почти никогда не находимъ указанія, чтобы былъ прерванъ какой-нибудь ораторъ,—будь то Периклъ или Клеонъ, Эсхинъ или Демосѳенъ,- народъ одинаково внимателенъ; онъ выслушиваетъ все—и высказываемую ему лесть, и упреки. Онъ свободно, съ самымъ похвальнымъ терпѣніемъ, допускаетъ мнѣнія самыя противоположныя. Иногда раздается ропотъ, но никогда не крикъ и не свистъ. Ораторъ, чтобы онъ ни говорилъ, всегда можетъ довести свою рѣчь до конца.

Въ Спартѣ краснорѣчіе было неизвѣстно въ силу того, что тамъ принципы управленія были иные. Тамъ управляла аристократія, у которой имѣлись крѣпкія преданія, избавлявшія ее отъ необходимости обсуждать каждый вопросъ съ различныхъ сторонъ. Въ Аѳинахъ народъ самъ хочетъ все знать; онъ постановляетъ рѣшенія только послѣ долгаго разбирательства; онъ дѣйствуетъ только, когда онъ убѣжденъ, или когда считаетъ себя убѣжденнымъ. Чтобы пустить въ ходъ всеобщую подачу голосовъ, для этого требуется свободное обсужденіе; краснорѣчіе—пружина демократическаго правленія. По этой причинѣ ораторы рано усвоиваютъ себѣ названіе *демагоговъ*, т.-е. вожаковъ гражданской общины; да и на самомъ дѣлѣ они заставляютъ ее дѣйствовать и опредѣляютъ всѣ ея рѣшенія.

Былъ предусмотрѣнъ случай, когда ораторъ сдѣлаетъ предложеніе, противное существующимъ законамъ. Въ Аѳинахъ были особые магистраты, называвшіеся охранителями законовъ. Въ числѣ семи они наблюдали за собраніемъ, сидя на особомъ возвышеніи, и, казалось, представляли собою законъ, стоящій выше самого народа. Если они замѣчали, что ораторъ нападалъ на какой-нибудь законъ, они прерывали его рѣчь и немедленно распускали собраніе. Народъ расходился, не имѣя права приступить къ голосованію [3]).

Существовалъ одинъ законъ, правда, мало приложимый, который подвергалъ наказанію каждаго оратора, уличеннаго въ томъ, что онъ подалъ народу дурной совѣтъ. Былъ также другой законъ, который запрещалъ доступъ на трибуны

[1]) Аристофанъ. *Осы*, 691.
[2]) Аристофанъ, *Всадники*, 1119.
[3]) Поллуксъ, VIII, 94. Филохоръ, *Отрывки*, собр. Дидо, стр. 497.

всякому оратору, который три раза выступалъ съ предложеніями, противными существующимъ законамъ [1]).

Аѳины знали очень хорошо, что демократія можетъ держаться только уваженіемъ къ закону. Обязанность находить измѣненія въ существующемъ законодательствѣ принадлежала исключительно ѳесмоѳетамъ. Предложенія ихъ вносились въ сенатъ, который имѣлъ право отвергнуть ихъ, но не могъ одной своею властью обратить ихъ въ законъ. Въ случаѣ одобренія, сенатъ созывалъ народное собраніе и сообщалъ ему проектъ ѳесмоѳетовъ. Но народъ не долженъ былъ ничего рѣшать немедленно; онъ отлагалъ разсмотрѣніе до другого дня и въ то же время назначалъ пятерыхъ ораторовъ, на обязанность которыхъ возлагалъ защиту стараго закона и выясненіе всѣхъ неудобствъ предложеннаго нововведенія. Въ назначенный день народъ снова собирался, выслушивалъ сначала ораторовъ, говорившихъ въ защиту древнихъ законовъ, затѣмъ тѣхъ, которые стояли за новые. Выслушавъ рѣчи, народъ все еще не постановлялъ рѣшенія. Онъ ограничивался назначеніемъ коммиссіи, весьма многочисленной, но составленной исключительно изъ лицъ, когда-либо исполнявшихъ обязанности судьи. Коммиссія эта снова изслѣдовала все дѣло, выслушивала еще разъ ораторовъ, обсуждала и рѣшала. Если она отвергала предложенный законъ, рѣшеніе ея считалось окончательнымъ. Если же она одобряла его, то народъ собирался третій разъ, затѣмъ чтобы подать свои голоса, и большинство поданныхъ въ пользу предложеннаго проэкта голосовъ дѣлало изъ него законъ [2]).

Несмотря на такую предосторожность, все еще могло случиться, что принималось иногда предложеніе несправедливое и вредное. Но новый законъ всегда носилъ имя своего создателя, который могъ впослѣдствіи подвергнуться преслѣдованію по суду и потерпѣть наказаніе. Народъ, какъ настоящій носитель верховной власти, считался непогрѣшимымъ; но каждый ораторъ всегда оставался отвѣтственнымъ за данный имъ совѣтъ [3]).

Вотъ правила какимъ подчинялась демократія. Отсюда не слѣдуетъ заключать, что она никогда не впадала въ ошибки. Какова бы ни была форма правленія, монархія ли, аристократія ли, или демократія, всегда случается, что иной разъ управляетъ разумъ, а другой—страсти. Никакое устройство не можетъ уничтожить безъ слѣда слабости и недостатки человѣческой природы. Чѣмъ подробнѣе правила какого-нибудь общественнаго строя, тѣмъ болѣе свидѣтельствуютъ они о

[1]) Атеней, X, 73. Поллуксъ, VIII, 52. Смотри Ж. Перро *„Исторія общественнаго права Аѳинъ“*, глава II.
[2]) Относительно этихъ двухъ пунктовъ аѳинскаго государственнаго устройства смотри у Демосѳена двѣ рѣчи, противъ Лептина и противъ Тимократа; Эсхинъ, in Ctesiphontem, 38—40; Андокидъ, *de Mysteriis*, 83 84; Поллуксъ, VIII, 101.
[3]) Ѳукидидъ, Ш, 43. Демосѳенъ, *in Timocratem*.

томъ, что управленіе обществомъ крайне затруднительно и полно опасностей. Демократія могла держаться только въ силу своей осторожной осмотрительности.

Невольно также удивляешься той массѣ труда, какую эта демократія требовала отъ людей. Правленіе это было крайне трудолюбивое. Посмотрите, какъ проходитъ жизнь аѳинянина. Сегодня онъ присутствуетъ на собраніи своей демы, гдѣ онъ онъ обсуждаетъ религіозныя и финансовыя дѣла этой маленькой ассоціаціи. На другой день его приглашаютъ на собраніе трибы; дѣло идетъ объ установленіи религіознаго празднества, или о разсмотрѣніи расходовъ, или объ изданіи постановленій, или о назначеніи должностныхъ лицъ и судей. Три раза въ мѣсяцъ онъ обязательно долженъ присутствовать на общемъ собраніи народа, не явиться куда онъ не имѣетъ права. А собраніе длится долго; онъ является туда не для одной подачи голосовъ: онъ долженъ притти туда утромъ и оставаться тамъ весь день, пока не выслушаетъ ораторовъ. Онъ можетъ подавать свой голосъ только въ томъ случаѣ, если онъ присутствовалъ на собраніи съ самаго начала и слышалъ всѣ рѣчи. Подача голоса для него дѣло крайне серьезное: то требуется назначить политическихъ и военныхъ вождей, т.-е. тѣхъ, кому на цѣлый годъ ввѣряются его жизнь и личные интересы; то требуется установить новый налогъ, или отмѣнить законъ; то онъ долженъ подавать свой голосъ по вопросу насчетъ войны, зная, что ему придется поплатиться собственною кровью или кровью своего сына. Личные интересы неразрывно связаны съ интересами государства. Человѣкъ не могъ оставаться ни безразличнымъ, ни легкомысленнымъ. Въ случаѣ ошибки онъ знаетъ, что ему придется скоро понести за это возмездіе и что при каждой подачѣ голоса онъ рискуетъ и своимъ состояніемъ, и своею жизнію. Въ тотъ день, когда былъ рѣшенъ неудачный походъ на Сицилію, не было ни одного гражданина, который бы не зналъ, что кому-нибудь изъ его близкихъ придется въ немъ участвовать, и который поэтому не чувствовалъ бы себя обязаннымъ какъ можно внимательнѣе взвѣсить въ своемъ умѣ, какія опасности и выгоды несетъ за собою такая война. Въ высшей степени было важно все обдумать и все уяснить. Всякая неудача отечества была для каждаго гражданина умаленіемъ его личнаго достоинства, его безопасности, его богатства.

Обязанность гражданина не ограничивалась одною подачею голоса. Когда наступалъ его чередъ, ему приходилось быть магистратомъ въ своей демѣ, или въ своей трибѣ. Среднимъ числомъ [1]) черезъ два года на третій онъ бывалъ геліастомъ (ἡλιαστής—присяжный, судья), т.-е. судьею, и проводилъ весь этотъ годъ въ судахъ, выслушивая истцовъ и примѣняя законы. Не было гражданина, который бы дважды въ свою жизнь не участвовалъ въ „сенатѣ пятисотъ"; тогда въ теченіе цѣлаго года онъ засѣдалъ каждый день съ утра до поздняго вечера, принимая донесенія магистратовъ, отбирая отъ нихъ отчеты, отвѣчая иностраннымъ посланникамъ, составляя инструкціи посламъ аѳинскимъ, разбирая всякаго рода дѣла, которыя должны были вноситься на народныя собранія, и подготовляя всѣ постановленія. Наконецъ онъ могъ быть магистратомъ гражданской общины, архонтомъ, стратегомъ, астиномомъ, если ему выпадалъ жребій или его выбирало большинство. Отсюда видно, что быть гражданиномъ демократическаго государства было нелегкою обязанностью, что тутъ было чѣмъ наполнить почти всю жизнь и что оставалось очень мало времени для личныхъ трудовъ и для семейной жизни. Вотъ почему Аристотель вполнѣ справедливо могъ сказать, что человѣкъ, имѣющій нужду въ работѣ для своего существованія, не могъ быть гражданиномъ. Таковы были требованія демократіи. Гражданинъ, подобно нынѣшнему чиновнику, долженъ былъ весь принадлежать государству. Онъ проливалъ за него свою кровь на войнѣ, а во время мира посвящалъ ему все свое время. Онъ не имѣлъ права удалиться отъ общественныхъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы заняться болѣе тщательно своими дѣлами, чтобъ поработать на пользу гражданской общины. Люди проводили всю жизнь въ управленіи самими собою. Демократія могла держаться только подъ условіемъ непрерывнаго труда всѣхъ ея гражданъ. Едва ослабѣвало рвеніе, какъ демократіи предстояла погибель или распаденіе.

[1]) Полагаютъ, что было 6.000 геліастовъ на 18 000 гражданъ; но изъ послѣдняго числа надо исключить всѣхъ, кому еще не было тридцати лѣтъ, всѣхъ больныхъ, отсутствующихъ, участвующихъ въ походѣ, лишенныхъ правъ гражданства и наконецъ тѣхъ, которые вполнѣ очевидно неспособны были къ выполненію судейской обязанности.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Богатые и бѣдные; демократія погибаетъ; народные тираны.

Когда рядъ переворотовъ установилъ равенство между людьми и когда не было болѣе мѣста для борьбы за права и за начала, люди вступили въ борьбу изъ-за интереса. Этотъ новый періодъ въ исторіи гражданскихъ общинъ наступилъ для всѣхъ ихъ въ разное время. Въ однѣхъ изъ нихъ онъ наступилъ тотчасъ же за установленіемъ демократіи; въ другихъ онъ начался только спустя нѣсколько поколѣній, въ теченіе которыхъ въ управленіи господствовало полное спокойствіе. Но всѣ гражданскія общины рано или поздно испытали плачевную участь междоусобной борьбы.

По мѣрѣ удаленія отъ стараго порядка образовался мало-по-малу классъ бѣдняковъ. Прежде, когда каждый человѣкъ составлялъ часть какого-нибудь рода и имѣлъ своего господина, бѣдность была почти неизвѣстна. Человѣкъ кормился

около своего господина; тотъ, кому онъ отдавалъ себя въ полное распоряженіе, обязанъ былъ удовлетворить всѣмъ его насущнымъ потребностямъ. Но перевороты, приведшіе родъ къ распаденію, измѣнили также и условія человѣческой жизни. Въ тотъ день, когда человѣкъ освободился отъ узъ кліэнтства, онъ столкнулся впервые съ выросшими передъ нимъ нуждами и горестями существованія. Жизнь стала болѣе независимой, но за то и болѣе трудной и доступной всякимъ случайностямъ. Каждый заботился съ тѣхъ поръ о своемъ собственномъ благополучіи, у каждаго было свое наслажденіе, своя жизненная задача. Одинъ обогащался вслѣдствіе своей дѣятельности или удачи, другой оставался бѣднякомъ. Неравенство въ богатствѣ неизбѣжно во всякомъ обществѣ, которое не хочетъ оставаться въ патріархальномъ быту.

Демократія не уничтожила бѣдности,—напротивъ, она сдѣлала ее болѣе ощутительной. Равенство въ политическихъ правахъ дало еще болѣе почувствовать неравенство въ положеніяхъ.

Такъ какъ не было никакой власти, которая возвышалась бы вмѣстѣ и надъ богатыми и надъ бѣдными и которая могла бы принудить ихъ къ миру, то было бы желательно, чтобы экономическія начала и условія труда были таковы, чтобъ оба класса по необходимости оставались жить въ добромъ согласіи. Надо было, напримѣръ, сдѣлать такъ, чтобы они чувствовали взаимную необходимость другъ въ другѣ, чтобъ богатый не могъ обогатиться безъ труда бѣднаго, и чтобы бѣдный, отдавая свой трудъ богатому, находилъ бы въ этомъ средства къ существованію. Тогда неравенство состояній возбуждало бы въ человѣкѣ дѣятельность, предпріимчивость и не породило бы испорченности и гражданской войны.

Но во многихъ гражданскихъ общинахъ совсѣмъ не было ни промышленности, ни торговли: слѣдовательно у нихъ не было никакого источника увеличить общую сумму общественнаго богатства, съ тѣмъ, чтобъ удѣлить часть его въ пользу бѣдныхъ, не нарушая ничьихъ интересовъ. Тамъ же, гдѣ была развита торговля, почти всѣ выгоды ея находились на сторонѣ богатыхъ, вслѣдствіе чрезмѣрной цѣны денегъ. Если тамъ была промышленность, то всѣми рабочими являлись по преимуществу рабы. Извѣстно, что богачъ въ Аѳинахъ или въ Римѣ имѣлъ въ своемъ домѣ цѣлыя мастерскія ткачей, рѣзчиковъ, оружейниковъ, которые всѣ были рабы. Даже свободныя профессіи были почти недоступны для гражданина. Врачемъ зачастую былъ рабъ, который и лѣчилъ больныхъ въ пользу своего господина. Приказчики торговцевъ, многіе изъ архитекторовъ, а также изъ судостроителей и низшихъ государственныхъ чиновниковъ были рабы. Рабство было бичомъ, отъ котораго страдало свободное общество. Гражданинъ находилъ себѣ мало занятій и мало работы. Недостатокъ работы скоро сдѣлалъ его лѣнивымъ. Такъ какъ онъ

видѣлъ, что работаютъ одни только рабы, то онъ сталъ презирать трудъ. Такимъ образомъ экономическія привычки, нравственныя наклонности, предразсудки,—все соединилось вмѣстѣ, чтобы воспрепятствовать бѣдняку выйти изъ его бѣдности и зажить счастливою жизнью. Богатство и бѣдность находились тогда въ такихъ условіяхъ, что не могли оставаться другъ съ другомъ въ мирѣ.

Бѣдный пользовался равенствомъ правъ, но конечно, его ежедневныя страданія привели его къ мысли, что равенство состояній много предпочтительнѣй. И онъ не могъ не замѣтить вскорѣ, что равенство, которымъ онъ пользовался, могло послужить ему средствомъ къ пріобрѣтенію того, чего ему недоставало, и что, имѣя въ своихъ рукахъ большинство голосовъ, онъ можетъ овладѣть и богатствомъ.

Прежде всего онъ попробовалъ извлечь себѣ средства къ пропитанію изъ своего права на голосованіе. Онъ потребовалъ себѣ платы, какъ за присутствованіе на народномъ собраніи, такъ и за свое участіе въ судахъ [1]). Если гражданская община была недостаточно богата, чтобы покрыть всѣ эти расходы, то бѣдный находилъ иной исходъ. Онъ продавалъ свой голосъ, а такъ какъ случаи голосованія были часты, то онъ могъ кое-какъ существовать. Въ Римѣ этотъ торгъ велся открыто и правильно; въ Аѳинахъ предпочитали дѣлать это потихоньку. Въ Римѣ, гдѣ бѣдный не входилъ въ составъ суда, онъ продавалъ себя, какъ свидѣтель, а въ Аѳинахъ—какъ судья. Все это отнюдь не избавляло бѣдняка отъ его бѣдственнаго положенія, но только подвергало его униженію.

Когда эти средства не помогали, бѣдный прибѣгалъ къ дѣйствію болѣе энергичному. Онъ организовалъ правильную войну противъ богатства. Война эта сначала была облечена въ законную форму; на богатыхъ возложены были всѣ общественные расходы, обременили ихъ налогами, обязали ихъ строить триремы, потребовали отъ нихъ устройства праздниковъ для народа [2]). Затѣмъ увеличили въ судахъ денежные штрафы; установили конфискацію имущества за самое ничтожное преступленіе. Не мало лицъ были приговорены къ изгнанію только потому, что они были богаты. Имущество изгнанника переходило въ общественную казну, откуда оно переходило потомъ въ видѣ разной платы бѣднымъ. Но всѣ эти средства были недостаточны, такъ какъ число бѣдныхъ постоянно возростало. Тогда бѣдные, въ большинствѣ городовъ, стали пользоваться своимъ правомъ голосованія, чтобы постановлять или уничтоженіе долговъ, или сплошную конфискацію, а этимъ вносить всеобщее разстройство.

---

[1]) Μισθὸς ἐκκλησιαστικός, Аристофанъ, Eccles., 280.—Μισθὸς δικαστικός, Аристотель, *Политика*, II, 9, 3; Аристофанъ, *Всадники*, 51, 255; *Осы*, 682.

[2]) Ксенофонтъ, *Аѳинск. госуд.* I, 13; Аристофанъ, *Всадники*, 293.

Въ предшествующія эпохи право собственности пользовалось полнымъ уваженіемъ, потому что оно было основано на религіозномъ вѣрованіи. Пока каждое родовое наслѣдство было связано съ культомъ и считалось нераздѣльнымъ отъ домашнихъ боговъ данной семьи, никто и не думалъ, что можно по праву отнять у человѣка его поле. Но въ эпоху, куда привели насъ теперь перевороты, древнія вѣрованія были оставлены, а религія собственности позабыта. Богатство не считается болѣе священнымъ и ненарушимымъ. Оно перестаетъ казаться даромъ боговъ, но только даромъ случая. И вотъ является желаніе овладѣть богатствомъ, отнимая его у того, кто имъ владѣетъ; желаніе это, которое нѣкогда казалось нечестіемъ, теперь начинаетъ казаться вполнѣ законнымъ. Высшее основаніе, освящающее право собственности, позабыто; каждый чувствуетъ только свою личную нужду и ею измѣряетъ свое право.

Мы уже сказали, что гражданская община, въ особенности у грековъ, пользовалась безграничною властью, что свобода была неизвѣстна и что личное право не имѣло никакой цѣны въ сравненіи съ волею государства. Отсюда происходило то, что большинствомъ голосовъ можно было предписать конфискацію имущества у богатыхъ и что греки не видѣли въ этомъ ни беззаконія, ни несправедливости. Правомъ было то, что требовало государство. Такое отсутствіе личной свободы было причиною бѣдствій и неурядицы для Греціи, оттого Римъ, который чтилъ нѣсколько больше права человѣка, и пострадалъ менѣе.

Плутархъ разсказываетъ, что въ Мегарѣ, послѣ одного возстанія, было постановлено, чтобы всѣ долги были уничтожены и чтобы заимодавцы сверхъ потери капитала возвратили еще всѣ уплаченные раньше проценты [1]).

„Въ Мегарѣ, какъ и въ остальныхъ городахъ, говоритъ Аристотель [2]),—народная партія, захвативъ въ свои руки власть, постановила конфискацію имущества нѣкоторыхъ богатыхъ семей. Но вступивъ на этотъ путь, она не могла уже остановиться. Каждый день стала требоваться новая жертва, и въ концѣ концовъ число богатыхъ, подвергшихся конфискаціи и изгнанію, стало такъ велико, что они составили цѣлое войско“.

Въ 412-мъ году самосскій народъ умертвилъ около двухсотъ изъ своихъ противниковъ, изгналъ четыреста другихъ и подѣлилъ между собою ихъ земли и ихъ дома [3]).

Въ Сиракузахъ какъ только народъ освободился отъ тирана Діонисія, то на первомъ же собраніи онъ постановилъ раздѣленіе земель [4]).

---

1) Плутархъ, *Греческіе вопросы*, 18.
2) Аристотель, *Политика*, V, 4, 3.
3) Өукидидъ, VIII, 21.
4) Плутархъ, *Діонъ*, 37, 48.

Въ этотъ періодъ греческой исторіи во всѣхъ гражданскихъ войнахъ богачи находятся на одной сторонѣ, а бѣдные на другой. Бѣдные стремятся овладѣть богатствомъ, богатые же пытаются уберечь его или вернуть его. „Въ каждой гражданской войнѣ,—говоритъ одинъ греческій историкъ,—дѣло идетъ о перемѣщеніи богатствъ [1])“. Всякій демагогъ при случаѣ поступалъ подобно Молпагору Хіосскому, который отдавалъ въ руки народа всѣхъ состоятельныхъ людей, однихъ избивалъ, другихъ изгонялъ а имущество ихъ распредѣлялъ между бѣдными. Въ Мессенѣ, какъ только народная партія одержала верхъ, она изгнала всѣхъ богатыхъ и подѣлила ихъ земли [2]).

Высшіе классы у древнихъ никогда не владѣли достаточной умѣлостью и ловкостью для того, чтобы поставить бѣдняковъ на путь труда и помочь имъ выйти честнымъ образомъ изъ нужды и разврата. Нѣсколько отважныхъ людей пытались сдѣлать это, но они не имѣли успѣха. По этой причинѣ гражданская община постоянно колебалась между двумя переворотами: одинъ изъ нихъ отнималъ у богатыхъ все ихъ имущество, другой—возвращалъ ихъ къ обладанію ихъ состояній. Такое положеніе дѣлъ продолжалось, начиная съ пелопонесской войны, вплоть до завоеванія Греціи Римомъ.

Въ каждой гражданской общинѣ бѣдный и богатый были два врага, которые жили вмѣстѣ одинъ подлѣ другого и изъ которыхъ первый завистливо смотрѣлъ на богатство, а другой замѣчалъ эту зависть. Между ними не было никакихъ отношеній, никакихъ взаимныхъ услугъ, никакой общей работы, ничего, чтобы ихъ соединяло. Бѣднякъ могъ пріобрѣсть богатство только однимъ путемъ, а именно, отнявъ его у богатаго. Богатый могъ защитить свое имущество только исключительной ловкостью и силой. Они питали другъ къ другу взаимную ненависть. Въ каждомъ городѣ былъ какъ бы двойной заговоръ: бѣдные составляли заговоръ изъ алчности, богатые изъ опасенія. Аристотель говоритъ, что богатые давали другъ другу такую клятву: „Клянусь, что я буду вѣчнымъ врагомъ народа и что сдѣлаю ему столько зла, сколько буду въ состояніи [3])“.

Нельзя сказать, на какой сторонѣ изъ этихъ двухъ партій было больше злодѣйствъ и преступленій. Взаимная ненависть уничтожала въ сердцахъ всякое чувство состраданія и человѣчности. „Въ Милетѣ велась война между богатыми и бѣдными. Сначала верхъ одержали послѣдніе и принудили богатыхъ бѣжать изъ города. Но потомъ, сожалѣя, что они не могли ихъ умертвить, они схватили ихъ дѣтей, собрали ихъ въ своихъ сараяхъ и побросали ихъ подъ ноги быкамъ. Бо-

---

1) Полибій, XV, 21, 3.
2) Полибій, VII, 10, изд. Дидо.
3) Аристотель, *Политика*, V, 7, 19. Плутархъ, *Лизандръ*, 19.

гатые впослѣдствіи вновь вступили въ городъ и сдѣлались въ немъ опять хозяевами. Тогда они въ свою очередь захватили дѣтей бѣдныхъ, обмазали ихъ смолой и сожгли живыми [1]".

Что тогда дѣлала демократія? Она, конечно, не можетъ вполнѣ отвѣчать за всѣ эти крайности злодѣйства, но она первая отъ нихъ страдала. Болѣе не было сдерживающихъ правилъ, а демократія могла существовать только при наличности строгихъ и точно соблюдаемыхъ правилъ. Болѣе не было настоящихъ правительствъ, но у власти стояли партіи. Магистратъ употреблялъ свою власть не въ пользу мира и законности, но въ пользу выгоды и желаній какой-либо партіи. Начальствованіе не носило больше въ себѣ ни священнаго характера, ни законныхъ основаній; повиновеніе перестало быть добровольнымъ и стремилось вернуть себѣ свободу дѣйствія. Гражданская община, какъ говоритъ Платонъ, была ничто иное, какъ собраніе людей, изъ которыхъ одна часть была господами, другая—рабами. Объ управленіи говорили, что оно аристократическое, когда во главѣ власти стояли богатые, и демократическое, когда всѣмъ распоряжались бѣдные. Въ дѣйствительности истинной демократіи уже не существовало.

Демократія измѣнилась и исказилась съ того самаго дня, когда въ нее впервые вторглись житейскія нужды и матеріальные интересы. Демократія съ богатыми во главѣ сдѣлалась насильственною олигархіей; демократія бѣдныхъ—тираніей. Съ пятаго по второй вѣкъ до нашей эры мы видимъ, что во всѣхъ гражданскихъ общинахъ Греціи и Италіи, за исключеніемъ одного Рима, республиканскія формы наканунѣ гибели, что онѣ стали ненавистными извѣстной партіи. При этомъ можно ясно различить и тѣхъ, кто хочетъ ихъ уничтожить, и тѣхъ, кто желалъ бы ихъ сохранить. Люди богатые, болѣе просвѣщенные и гордые, остаются вѣрными республиканскому порядку, между тѣмъ какъ люди бѣдные, для которыхъ политическія права имѣютъ меньшую цѣну, охотно выбираютъ себѣ тирановъ. Когда бѣдный классъ послѣ многихъ гражданскихъ войнъ замѣтилъ, что всѣ его побѣды не ведутъ ни къ чему, что противная партія всегда снова возвращается къ власти и что послѣ длиннаго ряда конфискацій и обратнаго возврата имуществъ снова и снова разгорается борьба, онъ рѣшилъ установить такой монархическій порядокъ, который во всемъ бы согласовался съ его интересами и который, подавивъ навсегда противную партію, обезпечилъ бы ему въ будущемъ плоды этой побѣды. Для этой цѣли демократія и создала себѣ тирановъ. Съ этого времени партіи мѣняютъ свое названіе: нѣтъ болѣе ни аристократа, ни демократа; борьба идетъ за свободу или за тиранію. Но подъ этими двумя названіями все еще боролись между собою богатство и бѣдность. Подъ свободой разумѣлось то правленіе, гдѣ власть находилась въ рукахъ богатыхъ, защищавшихъ свое положеніе. Подъ тираніей разумѣлось совсѣмъ противуположное.

[1] Гераклидъ Понтійскій, у Атенея, XII, 26. Обыкновенно упрекаютъ аѳинскую демократію въ томъ, что она первая подала Греціи примѣръ этой крайности и неурядицы. Напротивъ, Аѳины—это почти единственная греческая гражданская община, извѣстная намъ, въ стѣнахъ которой не было жестокой войны между богатыми и бѣдными. Этотъ умный и разсудительный народъ понялъ съ того самаго дня, какъ начались перевороты, что общество вступило на такой путь, гдѣ его спасти можетъ только одинъ трудъ. Поэтому она стала способствовать труду и дѣлать его почтеннымъ. Солонъ предписалъ, чтобы всякій человѣкъ, не имѣющій никакой работы, лишался политическихъ правъ. Периклъ желалъ, чтобы ни одинъ рабъ не участвовалъ въ сооруженіи великихъ памятниковъ, имъ воздвигаемыхъ и, предоставилъ всѣ эти работы однимъ свободнымъ людямъ. Собственность была до такой степени подѣлена, что въ концѣ пятаго вѣка на небольшомъ пространствѣ Аттики насчитывалось болѣе десяти тысячъ гражданъ, бывшихъ земельными собственниками, противъ пяти тысячъ другихъ гражданъ, не владѣвшихъ землею (Діонисій Галикарнасскій, *de Lysia*, 32). Вотъ почему Аѳины, пользуясь лучшимъ порядкомъ, чѣмъ другія гражданскія общины, не испытали такой неурядицы, какъ вся остальная Греція. Борьба бѣдныхъ съ богатыми была и въ Аѳинахъ, какъ и вездѣ, но здѣсь она была менѣе жестока и не приводила къ такимъ крайнимъ безпорядкамъ; она ограничилась системой налоговъ, которые разоряли богатый классъ, и судебною системой, которая подавляла ихъ и уничтожала ихъ значеніе, но по крайней мѣрѣ она никогда не доходила до уничтоженія долговъ и до раздѣла земель.

Общимъ явленіемъ въ исторіи Греціи и Италіи является то обстоятельство, что тираны почти всегда выходятъ изъ народной партіи и всегда борются съ аристократіей. „Назначеніе тирана,—говоритъ Аристотель,—одно: защищать народъ противъ богатыхъ; онъ всегда сперва являлся демагогомъ, и сущность тираніи состоитъ въ борьбѣ съ аристократіей". — „Средство достичь тираніи,—говоритъ онъ еще,—состоитъ въ томъ, чтобы добиться довѣрія толпы; а довѣріе это пріобрѣтается объявленіемъ себя врагомъ богатыхъ. Именно такъ поступали Пизистратъ въ Аѳинахъ, Ѳеагенъ въ Мегарѣ, Діонисій въ Сиракузахъ [1]".

Тиранъ велъ постоянную борьбу съ богатыми. Въ Мегарѣ Ѳеагенъ внезапно нападаетъ въ деревняхъ на сборище богатыхъ людей и убиваетъ ихъ. Въ Кумахъ Аристодемъ уничтожаетъ долги и отнимаетъ земли у богатыхъ съ тѣмъ, чтобы раздать ихъ бѣднымъ. Такъ же поступаетъ Никоклесъ въ Сикіонѣ и Аристомахъ въ Аргосѣ. Писатели изображаютъ намъ всѣхъ этихъ тирановъ крайне жестокими, но едва ли возможно, чтобъ они были всѣ таковы по своей природѣ; они были жестоки вслѣдствіе крайней необходимости, въ какой они находились, чтобы надѣлить бѣдныхъ землею и деньгами. Они могли держаться у власти только до тѣхъ поръ, пока удовлетворяли желанія толпы и разжигали ея страсти.

Тираны греческихъ гражданскихъ общинъ такія личности, о которыхъ ничто въ настоящее время не можетъ дать понятія. То былъ человѣкъ, жившій посреди своихъ поддан-

[1] Аристотель, *Политика*, V, 8, 2—3; V, 4, 5.

ныхъ безъ всякихъ посредниковъ и министровъ и распоряжавшійся съ ними непосредственною властью. Его положеніе нельзя уподобить тому высокому и независимому положенію, какое занимаетъ государь большого государства. У тирана всегда были на-лицо всѣ мелкія страсти частнаго человѣка; онъ не прочь извлечь себѣ выгоду изъ какой-либо конфискаціи; онъ легко поддается и личному гнѣву, и желанію личной мести; онъ—въ вѣчномъ страхѣ; онъ знаетъ, что окруженъ врагами и что общественное мнѣніе на сторонѣ убійства, когда жертвой его является тиранъ. Легко угадать, чѣмъ могло быть правленіе такого человѣка. За исключеніемъ двухъ или трехъ почетныхъ исключеній, всѣ тираны, появлявшіеся во всѣхъ греческихъ городахъ въ четвертомъ и въ третьемъ вѣкахъ, могли держаться у власти, только потакая низменнымъ инстинктамъ толпы и насильственно губя все, что выдавалось по своему происхожденію, богатству или заслугѣ. Власть ихъ была безгранична; греки узнали тогда, какъ легко республиканское правленіе обращается въ деспотизмъ, если только оно не основывается на признаніи личныхъ правъ. Древніе дали государству такую власть, что, когда ее захватилъ въ свои руки тиранъ, люди оказались передъ нимъ безсильны и безправны; онъ по закону былъ господиномъ ихъ жизни и ихъ имущества.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Перевороты въ Спартѣ.

Нельзя допустить мысли, что Спарта, просуществовавъ десять вѣковъ, не испытала никакихъ переворотовъ. Напротивъ, Ѳукидидъ передаетъ намъ, что „она терпѣла отъ раздоровъ болѣе, чѣмъ какая-либо другая греческая гражданская община [1]". Правда, исторія этихъ внутреннихъ раздоровъ намъ почти неизвѣстна, но это происходитъ отъ того, что правительство Спарты, въ силу закона и привычки, окружало себя глубокою тайной [2]). Большинство, волновавшихъ его раздоровъ, были скрыты и забыты; мы знаемъ все-таки о нихъ достаточно, чтобъ имѣть возможность сказать, что если исторія Спарты и разнится значительно отъ исторіи другихъ городовъ, то тѣмъ не менѣе она испытала тотъ же рядъ переворотовъ.

Дорійцы были уже вполнѣ сложившимся народомъ, когда они завоевали Пелопонесъ. Что принудило ихъ покинуть свою собственную страну,—вторженіе ли другого народа, или внутренніе перевороты,—неизвѣстно. Очевидно только, что въ этотъ моментъ исторіи дорійскаго народа древняго родового

[1]) Ѳукидидъ, I, 18.
[2]) Ѳукидидъ, V, 68.

порядка у него уже не было. У него не замѣтно уже древней организаціи земли; у него не видно ни слѣдовъ патріархальнаго быта, ни остатковъ религіозной знати или наслѣдственнаго кліэнтства. Мы видимъ только равноправныхъ воиновъ подъ владычествомъ царя. Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что первый общественный переворотъ произошелъ раньше или въ Доридѣ, или во время пути, который привелъ этотъ народъ въ Спарту. Если сравнить дорійское общество девятаго вѣка съ обществомъ іонійскимъ той же эпохи, то можно замѣтить, что первое стоитъ далеко впереди въ ряду происшедшихъ перемѣнъ. Іонійская раса вступила позднѣе на путь переворотовъ, но за то она и прошла его быстрѣе.

Если у дорійцевъ во время ихъ прибытія въ Спарту не было уже родового порядка, то они все-таки не могли съ нимъ вполнѣ развязаться, не сохранивъ нѣкоторыхъ учрежденій, напримѣръ, недѣлимость и неотчуждаемость родового наслѣдства. Эти учрежденія не замедлили установить въ спартанскомъ обществѣ аристократію.

Всѣ преданія ясно передаютъ намъ, что въ эпоху появленія Ликурга спартанцы раздѣлялись на два класса, боровшіеся другъ съ другомъ [1]). Царская власть вполнѣ естественно склонялась на сторону низшаго класса. Ликургъ, не бывшій царемъ, „ставъ во главѣ аристократіи" [2]), принудилъ царя дать клятву, уменьшавшую его власть, учредилъ сенатъ изъ олигархіи и, по выраженію Аристотеля, измѣнилъ тиранію на аристократію [3]).

Разсужденіе нѣкоторыхъ древнихъ писателей и большинства современныхъ о мудрости спартанскихъ учрежденій, о неизмѣнномъ счастіи, какимъ тамъ наслаждались, о равенствѣ и объ общиной жизни,—не должны вводить насъ въ обманъ. Изъ всѣхъ городовъ, бывшихъ на землѣ, Спарта быть можетъ единственный, гдѣ аристократія царствовала такъ жестоко, а равенства было такъ мало. Нѣтъ надобности говорить о равномъ раздѣлѣ земель; если равенство это и было когда-либо установлено, то по крайней мѣрѣ вѣрно, что оно не долго продержалось. Такъ, во время Аристотеля „одни обладали обширными помѣстьями, а у другихъ не было ничего или почти ничего; во всей Лаконіи едва насчитывалась тысяча землевладѣльцевъ [4])".

Оставимъ въ сторонѣ илотовъ и лаконцевъ и займемся изученіемъ одного спартанскаго общества: мы встрѣтимъ здѣсь іерархію классовъ, нагроможденныхъ одинъ на другой. Первое мѣсто занимаютъ неодамоды, по всей видимости освобожденные прежніе рабы [5]), потомъ эпевнакты, принятые въ

[1]) Плутархъ, *Ликургъ*, 8.
[2]) Idem, *ibid.*, 5: τοὺς ἀρίστους προσῆγε.
[3]) Аристотель, *Политика*, V, 10, 3.
[4]) Аристотель, *Политика*, II, 6, 18 и 11. Плутархъ, *Агисъ*, 5.
[5]) Миронъ Пріэнскій, у Атенея, VI.

число спартанцевъ для пополненія ихъ рядовъ, опустошенныхъ войною [1]); нѣсколько выше стоятъ моѳаки, весьма похожіе на домашнихъ кліэнтовъ, такъ какъ они жили при господинѣ, сопровождали и охраняли его, дѣлили его занятія, его труды и праздники, а на войнѣ сражались съ нимъ рядомъ [2]). Затѣмъ шелъ классъ незаконнорожденныхъ, νόθοι, потомковъ истинныхъ спартанцевъ, но удаленныхъ изъ ихъ числа религіей и закономъ [3]); затѣмъ еше одинъ классъ, который назывался классомъ низшимъ, ὑπομείονες [4]), и который быть-можетъ состоялъ изъ лишенныхъ наслѣдства младшихъ членовъ семей. Наконецъ, выше всего этого стоялъ классъ аристократическій, состоявшій изъ такъ называемыхъ „равныхъ“, ὅμοιοι. Люди эти на самомъ дѣлѣ были равноправны между собою, но стояли значительно выше всего остального. Число членовъ этого класса намъ неизвѣстно; мы знаемъ только, что оно было очень ограничено. Однажды одинъ изъ противниковъ пересчиталъ ихъ на общественной площади, и ихъ оказалось всего только шестьдесятъ человѣкъ среди толпы изъ четырехъ тысячъ [5]). Эти „равные“ одни управляли гражданскою общиной. „Стоять внѣ этого класса,—говоритъ Ксенофонтъ,—это значитъ не входить въ составъ политическаго тѣла [6])“. Демосѳенъ говоритъ, что человѣкъ входящій въ составъ класса „равныхъ“ уже чрезъ одно это является „однимъ изъ хозяевъ управленія [7])“.— „Ихъ называютъ *равными*,—говоритъ онъ,—еще потому, что равенство должно царить между членами олигархіи“.

Одни „равные“ имѣли полныя права гражданина; изъ нихъ однихъ состоялъ въ Спартѣ такъ называемый народъ, т.-е. политическое тѣло. Изъ этого класса путемъ избранія назначались двадцать восемь сенаторовъ. Попасть въ сенатъ на оффиціальномъ языкѣ Спарты называлось получить *награду за добродѣтель* [8]). Мы не знаемъ, какія заслуги, какое происхожденіе, какое богатство требовались для этой награды. Какъ ясно видно, одного происхожденія еще не было достаточно, такъ какъ здѣсь имѣло мѣсто избраніе [9]); можно думать, что богатство много значило въ городѣ, „который въ высшей степени любилъ деньги и въ которомъ богатымъ все позволялось [10])“.

Какъ бы то ни было, сенаторы эти, которые были пожиз-

1) Ѳеопомпъ, у Атенея, VI.
2) Атеней, VI, 102. Плутархъ, *Клеоменъ*, 8. Эліанъ, XII, 43.
3) Аристотель, *Политика*, VIII, 6 (V, 6). Ксенофонтъ, *Греч. Ист.*, V, 3, 9.
4) Ксенофонтъ, *Греч. Ист.*, III, 3, 6.
5) Idem, *ibid.*, III, 3, 5.
6) Ксенофонтъ, *Лакед. Прав.*, 10.
7) Домосѳенъ, *in Leptinem*, 107.
8) Ἆθλον или νικητήριον τῆς ἀρετῆς. Аристотель, II, 6, 15. Демосѳенъ, *in Lept.*, 107; Плутархъ, *Ликургъ*, 26.
9) Аристотель, *Политика*, II, 6, 18. Плутархъ, *Ликургъ*, 26.
10) Аристотель, *Политика*, II, 6, 5; V, 6, 7.

ненны, пользовались большою властью, потому что Демосѳенъ говоритъ, что со дня вступленія въ сенатъ человѣкъ становится деспотомъ для народа [1]). Сенатъ этотъ, въ которомъ цари были только простыми членами, управлялъ государствомъ съ обычными пріемами аристократическаго сословія; магистраты, избраніе которыхъ принадлежало косвеннымъ образомъ ему же, управляли отъ его имени съ безусловною властью. Такимъ образомъ въ Спартѣ существовало республиканское правленіе; у ней даже были всѣ внѣшнія формы демократіи,—и цари-жрецы, и ежегодно выбираемые магистраты, и совѣщательный сенатъ, и народное собраніе. Но весь этотъ народъ состоялъ всего-на-всего изъ двухъ или трехсотъ человѣкъ.

Таково было управленіе Спарты послѣ Ликурга и особенно послѣ установленія эфоровъ. Аристократія, состоявшая изъ богачей, держала подъ тяжелымъ игомъ илотовъ, лаконцевъ и даже весьма значительное число спартанцевъ. Вслѣдствіе своей энергіи, своей ловкости, вслѣдствіе своей неразборчивости въ средствахъ и своего пренебреженія къ нравственнымъ законамъ, спартанская аристократія могла удержаться у власти въ теченіе пяти вѣковъ. Но она вызывала противъ себя жестокую ненависть, и ей пришлось подавить не мало возстаній.

Намъ незачѣмъ говорить о заговорахъ илотовъ, а заговоры спартанцевъ намъ неизвѣстны. Правительство было настолько ловко, что постаралось изгладить объ нихъ даже воспоминанія. Тѣмъ не менѣе однако были такіе заговоры, забыть которые исторія не могла. Такъ извѣстно, что колонисты, основавшіе Тарентъ,—спартанцы, пытавшіеся низвергнуть правленіе. Нескромность поэта Тиртея сообщила Греціи, что во времена мессенскихъ войнъ одна партія пыталась добиться раздѣла земель [2]).

Спарта спасалась только тѣмъ несогласіемъ, какое ей удавалось поселять между самихъ низшихъ классовъ. Илоты враждовали съ лаконцами; моѳаки презирали неодамодовъ. Благодаря этому невозможно было никакое соглашеніе, и аристократія, въ силу своего военнаго воспитанія и тѣснаго союза между своими членами, всегда была достаточно сильна для того, чтобъ одолѣть порознь каждый изъ враждебныхъ классовъ.

Цари также пытались осуществить то, что не удавалось ни одному классу. Всѣ тѣ изъ нихъ, которые желали выйти изъ состоянія приниженности, въ которой ихъ держала аристократія, искали себѣ поддержки у низшихъ классовъ. Во время Мидійской войны Павсаній задумалъ уничтожить олигархію и возвысить значеніе царской власти, а вмѣстѣ съ

1) Демосѳенъ, *in Lept.*, 107. Ксенофонтъ, *Лакед. Правл.*, 10.
2) Аристотель, *Политика*, V, 6, 2.

тѣмъ и низшихъ классовъ. Спартанцы умертвили его, обвинивъ въ сношеніяхъ съ персидскимъ царемъ, тогда какъ его настоящимъ преступленіемъ, быть-можетъ, было желаніе освободить илотовъ [1]). Можно сосчитать, какъ велико число царей, изгнанныхъ эфорами; причину этихъ приговоровъ легко угадать; ее высказываетъ Аристотель: „Спартанскіе цари, чтобъ имѣть возможность противустоять эфорамъ и сенату, дѣлались обыкновенно демагогами" [2]).

Въ 397-мъ году одинъ заговоръ едва не ниспровергъ эту олигархію. Нѣкій Кинадонъ, не принадлежавшій къ классу „равныхъ", сдѣлался главою заговорщиковъ. Когда онъ хотѣлъ привлечь кого-нибудь къ своему заговору, онъ велъ его на общественную площадь и заставлялъ его пересчитать всѣхъ гражданъ; число послѣднихъ вмѣстѣ съ царями, съ эфорами и съ сенаторами едва достигало семидесяти. И тогда Кинадонъ говорилъ ему: „Эти люди—наши враги, всѣ же другіе, наполняющіе эту площадь свыше четырехъ тысячъ человѣкъ—наши союзники". Къ этому онъ прибавлялъ: „Когда ты встрѣчаешь внѣ города спартанца, смотри на него, какъ на врага и господина; всѣ же остальные люди—твои друзья". Илоты, лаконцы, неодамоды, ὑπομείονες, всѣ на этотъ разъ соединились вмѣстѣ и сдѣлались соучастниками Кинадона. „Всѣ они, — говоритъ историкъ, — питали такую ненависть къ своимъ властителямъ, что не было среди нихъ ни одного, который не признался бы, что погибель ихъ была бы ему пріятна". Но спартанское правительство устроено было замѣчательно и отъ него ничто не могло укрыться. Эфоры объявили, что по внутренностямъ жертвъ они узнали о заговорѣ. Заговорщикамъ не дали времени начать дѣйствовать, ихъ всѣхъ схватили и тайнымъ образомъ перебили. Такимъ образомъ олигархія спаслась еще разъ [3]).

Благодаря этому правительству неравенство все болѣе и болѣе возростало. Пелопонесская война и экспедиціи въ Азію вызвали притокъ денегъ въ Спарту, но они распредѣлились крайне неравнымъ образомъ и обогатили тѣхъ, кто и безъ того былъ богатъ. Въ тоже самое время исчезла мелкая собственность. Число земельныхъ собственниковъ, которыхъ было около тысячи во времена Аристотеля, черезъ столѣтіе спустилось до ста [4]). Вся земля находилась въ нѣсколькихъ рукахъ; промышленности и торговли не существовало, и бѣдный не зналъ куда обратиться съ своимъ трудомъ, такъ какъ обширныя владѣнія богатыхъ воздѣлывались рабами. Такимъ образомъ съ одной стороны стояло нѣсколько человѣкъ, обладавшихъ всѣмъ, съ другой стороны—цѣлое множество, у которыхъ рѣшительно ничего не было. Плутархъ, въ описаніи

1) Аристотель, *Политика*, V, 1, 5. Θукидидъ, I, 13, 2.
2) Аристотель, *Политика*, II, 6, 14.
3) Ксенофонтъ, *Греч. Ист.*, III, 3.
4) Плутархъ, *Агисъ*, 5.

жизни Агиса и Клеомена, изображаетъ намъ картину спартанскаго общества; тутъ мы видимъ безумную жажду богатства, которая все собою подавляетъ; въ небольшомъ количествѣ людей—роскошь, изнѣженность, желаніе всегда безъ конца увеличивать свое состояніе; затѣмъ ничего кромѣ жалкой толпы безъ всякихъ средствъ къ существованію, безъ политическихъ правъ, безъ всякаго значенія въ гражданской общинѣ, — толпы завистливой и полной ненависти, которую само общественное положеніе вынуждало желать переворотовъ.

Когда такимъ образомъ олигархія довела положеніе дѣлъ до послѣднихъ предѣловъ возможнаго, переворотъ неизбѣжно долженъ былъ совершиться, и демократіи, такъ долго жившей подъ гнетомъ богатыхъ, удалось, наконецъ, сокрушить всѣ преграды. Легко также угадать, что послѣ столь продолжительнаго гнета демократія не могла остановиться на однихъ политическихъ реформахъ, но на первыхъ же порахъ должна была заняться реформами соціальными.

Малочисленность природныхъ спартанцевъ (ихъ было во всѣхъ классахъ всего-на-всего около семисотъ человѣкъ) и упадокъ нравовъ, вслѣдствіе долгаго угнетенія, были причиною того, что первый сигналъ къ перемѣнамъ вышелъ не изъ низшихъ классовъ. Первый шагъ сдѣлалъ царь. Агисъ попытался произвести этотъ переворотъ законными средствами, а это еще болѣе увеличило трудности предпріятія. Онъ представилъ въ сенатъ, т.-е. самимъ богатымъ, два проэкта закона объ уничтоженіи долговъ и о раздѣлѣ земель. Не надо удивляться тому, что сенатъ не отвергъ эти предложенія. Агисъ быть-можетъ принялъ свои мѣры, чтобы заставить его принять свои предложенія. Но когда законы были приняты, ихъ оставалось еще привести въ исполненіе; преобразованія такого рода всегда настолько трудны для исполненія, что и самые отважные люди часто терпѣли при томъ неудачи. Агисъ, вскорѣ остановленный сопротивленіемъ эфоровъ, былъ принужденъ выйти изъ предѣла законности: онъ смѣстилъ этихъ магистратовъ, назначивъ другихъ своею собственною властью; затѣмъ онъ вооружилъ своихъ сторонниковъ и установилъ на цѣлый годъ террористическое правленіе. Въ теченіе этого времени онъ успѣлъ примѣнить законъ о долгахъ и сжечь всѣ долговыя обязательства на публичной площади. Но онъ не успѣлъ подѣлить земли. Неизвѣстно, самъ ли Агисъ колебался относительно этого пункта и устрашился самъ своего дѣла, или же олигархіи удалось возбудить противъ него искусное обвиненіе; во всякомъ случаѣ народъ отступился отъ него и далъ ему погибнуть. Эфоры умертвили его, и аристократическое правленіе было возстановлено.

Клеоменъ, въ свою очередь, взялся за осуществленіе проэктовъ Агиса, но съ большей ловкостью и меньшей разборчивостью въ средствахъ. Прежде всего онъ перебилъ эфоровъ,

смѣло уничтожилъ самое это званіе, ненавистное царямъ и народной партіи, и изгналъ богатыхъ. Послѣ этого государственнаго переворота онъ исполнилъ задуманный планъ, постановилъ раздѣлъ земель и даровалъ право гражданства четыремъ тысячамъ лаконцевъ. Важно замѣтить, что ни Агисъ, ни Клеоменъ не признавали, что они предпринимаютъ переворотъ, но оба, ссылаясь на древняго законодателя Ликурга, утверждали, что они только возвращаютъ Спарту къ древнимъ обычаямъ. Но, конечно, конституція Клеомена была отъ нихъ весьма далека. Царь сталъ неограниченнымъ властелиномъ, въ противовѣсъ ему не было никакой власти; онъ царствовалъ на подобіе тирановъ, бывшихъ тогда въ большей части греческихъ городовъ, а спартанскій народъ, довольный тѣмъ, что получилъ себѣ землю, казалось, совсѣмъ не заботился о политической свободѣ. Такое положеніе продолжалось недолго. Клеоменъ захотѣлъ подчинить демократическому порядку весь Пелопоннесъ, гдѣ въ то же самое время Аратъ старался возстановить господство свободы и благоразумной аристократіи. Во всѣхъ городахъ народная партія волновалась именемъ Клеомена, надѣясь добиться, какъ въ Спартѣ, уничтоженія долговъ и раздѣла земель. Это неожиданное возстаніе низшихъ классовъ заставило Арата измѣнить всѣ его планы; онъ рѣшилъ, что онъ можетъ разсчитывать на Македонію, царь которой Антигонъ Досонъ держался тогда политики преслѣдованія повсюду тирановъ и народной партіи. Аратъ ввелъ его въ Пелопонессъ, Антигонъ и ахейцы побѣдили Клеомена при Селласіи. Демократія въ Спартѣ еще разъ потерпѣла пораженіе; македоняне установили въ ней прежнее правленіе (за 222 года до Рождества Христова).

Но олигархія была уже не въ состояніи держаться. Начались безконечныя смуты; въ одинъ годъ три эфора, стоявшіе на сторонѣ народной партіи, умертвили двухъ своихъ сотоварищей: на слѣдующій годъ всѣ пять эфоровъ принадлежали къ партіи олигархіи; народъ взялся за оружіе и всѣхъ ихъ умертвилъ. Олигархія совсѣмъ не желала царской власти, но народъ хотѣлъ того; назначили царя, выбравъ его не изъ царскаго рода, чего до сихъ поръ никогда не бывало въ Спартѣ. Этотъ царь, по имени Ликургъ, два раза свергался съ трона; въ первый разъ народомъ за то, что онъ отказывалъ въ раздѣлѣ земель, и во второй разъ—аристократіей, за то, что она подозрѣвала его въ желаніи устроить этотъ раздѣлъ. Неизвѣстно, чѣмъ онъ кончилъ; но послѣ него мы находимъ въ Спартѣ тирана Маханида: вѣрное доказательство, что народная партія одержала верхъ. Филопеменъ, который во главѣ Ахейскаго союза велъ вездѣ войну съ демократическими тиранами, побѣдилъ и убилъ Маханида. Спартанская демократія тотчас же приняла другого тирана, Навида. Послѣдній даровалъ право гражданства всѣмъ свободнымъ людямъ, возвысивъ лаконцевъ до званія спартанцевъ; онъ пошелъ еще далѣе и освободилъ илотовъ. По обычаю греческихъ городовъ онъ явился вождемъ бѣдныхъ противъ богатыхъ; „онъ изгналъ или умертвилъ всѣхъ, кого богатство возвышало надъ общимъ уровнемъ“ [1]).

Новая демократическая Спарта не лишена была величія: Навидъ ввелъ въ Лаконіи порядокъ, давно въ ней невиданный; онъ покорилъ Спартѣ Мессенію, часть Аркадіи и Элиду. Онъ овладѣлъ Аргосомъ. Онъ построилъ морской флотъ, что далеко расходилось отъ древнихъ преданій спартанской аристократіи; благодаря своему флоту, онъ установилъ свое господство надъ всѣми островами, окружающими Пелопонесъ, и распространилъ свое вліяніе до самаго Крита. Повсюду онъ поднималъ демократію; овладѣвъ Аргосомъ, онъ прежде всего поспѣшилъ конфисковать имущества богатыхъ, уничтожить долги и раздѣлить земли. У Полибія можно видѣть, какъ ненавидѣлъ Ахейскій союзъ этого демократическаго тирана. Онъ склонилъ Фламинина объявить ему войну отъ имени Рима. Десять тысячъ лаконцевъ, не считая наемниковъ, взялись за оружіе, чтобы защищать Навида. Послѣ одного пораженія онъ хотѣлъ заключить миръ; но народъ не согласился на это,—до такой степени дѣло тирана было дѣломъ всей демократіи! Фламининъ, побѣдивъ его, отнялъ у него часть его могущества, но оставилъ его царемъ въ Лаконіи отчасти потому, что невозможность возстановленія древняго управленія была слишкомъ очевидна, отчасти потому, что въ интересахъ Рима было имѣть нѣсколько тирановъ въ видѣ противовѣса Ахейскому союзу. Впослѣдствіи Навидъ былъ убитъ однимъ этоляниномъ, но его смерть не возстановила олигархіи; перемѣны, произведенныя имъ въ общественномъ быту, остались и послѣ него: самъ Римъ отказался вернуть Спарту въ ея прежнее положеніе.

---

[1]) Полибій, XIII, 6; XVI, 12. Титъ Ливій, XXXII, 38, 40; XXXIV, 26, 27.

КНИГА ПЯТАЯ.

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ПОРЯДОКЪ ИСЧЕЗАЕТЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Новыя вѣрованія. Философія измѣняетъ правила политики.

Изъ предыдущаго видно, какимъ образомъ сложился муниципальный порядокъ въ древнемъ обществѣ. Первобытная религія создала сперва семью, а потомъ гражданскую общину; она установила сначала домашнее право и родовое управленіе, а затѣмъ уже гражданскіе законы и муниципальныя управленія. Государство было тѣсно связано съ религіей; оно вышло изъ нея и постоянно съ нею смѣшивалось. По этой причинѣ всѣ политическія учрежденія первоначальной гражданской общины были учрежденіями религіозными, праздники—религіозными церемоніями, законы—священными формулами, цари и магистраты—жрецами. По этой же причинѣ была неизвѣстна личная свобода, и человѣкъ не могъ укрыть даже свое сознаніе отъ всевластія гражданской общины. Та же причина, наконецъ, обусловила то, что государство, ограничиваясь предѣлами одного города, никогда не могло переступить за черту, проведенную нѣкогда его родными богами. Каждая гражданская община владѣла не только политическою независимостью, но также имѣла свой особый культъ и свое собраніе законовъ. Религія, право, правленіе—все было муниципально. Гражданская община была единственною живою силой; ни выше, ни ниже ея не было ничего, ни національнаго единства, ни личной свободы.

Намъ остается сказать, какъ исчезъ этотъ порядокъ, т.-е. какимъ образомъ, послѣ того, какъ измѣнился самый принципъ человѣческой ассоціаціи, управленіе, религія, право лишились того муниципальнаго характера, какой имѣли они въ древности.

Паденіе политическаго режима, созданнаго Греціей и Италіей можно пріурочить къ двумъ главнымъ причинамъ. Одна изъ этихъ причинъ принадлежитъ къ разряду фактовъ моральныхъ и интеллектуальныхъ, другая—къ разряду фактовъ матеріальныхъ; первая причина—измѣненіе вѣры, вторая—римское завоеваніе. Оба эти явленія одновременны;

они развились и совершились вмѣстѣ въ теченіе пяти вѣковъ, предшествовавшихъ христіанской эрѣ.

Первоначальная религія, символами которой являлись неподвижный камень очага и могила предковъ,—религія, образовавшая древнюю семью и организовавшая потомъ гражданскую общину, съ теченіемъ времени исказилась и устарѣла. Человѣческій духъ выросъ силами и создалъ себѣ новыя вѣрованія. Прежде всего у человѣка явилось понятіе о природѣ духовной; познаніе человѣческой души сдѣлалось болѣе точно, и почти въ то же самое время въ умахъ зародилось понятіе о божественномъ разумѣ.

Что должны были подумать тогда люди о божествахъ первыхъ вѣковъ, объ этихъ мертвецахъ, живущихъ въ могилѣ, объ этихъ богахъ-ларахъ, бывшихъ прежде людьми, объ этихъ священныхъ предкахъ, которыхъ надо было вѣчно питать приношеніями? Такая вѣра стала невозможной. Подобныя вѣрованія не соотвѣтствовали уже развитію человѣческаго духа. Конечно, предразсудки эти, какъ бы грубы ни были, не легко было вырвать изъ невѣжественнаго сознанія толпы; тамъ они властвовали еще довольно долго; но, начиная съ пятаго вѣка до нашей эры, думающіе люди освободились отъ этихъ заблужденій. Они иначе поняли смерть: одни стали вѣрить въ полное уничтоженіе, другіе—во второе существованіе, всецѣло духовное въ мірѣ душъ; во всякомъ случаѣ, ни тѣ, ни другіе не могли допустить, что мертвецъ жилъ въ могилѣ, питаясь приношеніями. Точно также стало являться понятіе божественнаго, настолько высокое, что стало уже невозможно вѣровать въ божественность усопшихъ. Напротивъ, явилось представленіе о томъ, что человѣческая душа или отходитъ въ Элизіумъ за наградой, или несетъ кару за свои грѣхи. Вслѣдствіе замѣтнаго прогресса изъ людей обоготворялись теперь только тѣ, кого признательность или лесть ставили выше всего человѣчества.

Идея божества преобразовалась мало-по-малу подъ естественнымъ вліяніемъ возрастающей силы ума. Идея эта, впервые приложенная человѣкомъ въ той невидимой силѣ, какую онъ чувствовалъ въ самомъ себѣ, была пересена имъ потомъ на силу несравненно болѣе могущественную, которую онъ находитъ въ природѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не возвысился до понятія особаго существа, стоящаго внѣ и выше всей природы; тогда боги-лары и герои лишились поклоненія всѣхъ мыслящихъ людей.

Что касается до очага, имѣвшаго смыслъ только въ связи съ культомъ мертвыхъ, онъ также потерялъ все свое значеніе. Въ каждомъ домѣ по-прежнему все еще находился домашній очагъ, по прежнему ему поклонялись, творили возліянія; но все это было только привычкой, неоживленной никакимъ вѣрованіемъ.

Очагъ городовъ, или пританей, также незамѣтно потерялъ вся-

кое значеніе, какъ и домашній очагъ. Позабыли его сокровенное значеніе, позабыли, что неугасимый огонь пританея олицетворялъ собою невидимую жизнь предковъ, основателей, національныхъ героевъ. Продолжали поддерживать этотъ огонь, совершать общественные обѣды, пѣть старинные гимны, но все это были пустыя церемоніи, отъ которыхъ не хватало смѣлости отступить, но въ которыхъ никто уже не находилъ никакого смысла. Даже божества внѣшней природы, присоединенныя къ очагамъ, измѣнились въ своемъ характерѣ. Сдѣлавшись вначалѣ домашними божествами, а позднѣе и божествами гражданской общины, они продолжали измѣняться. Люди, наконецъ, замѣтили, что различныя существа, называемыя ими Юпитеромъ, могли быть однимъ и тѣмъ же единымъ существомъ; то же и съ другими богами. Человѣкъ чувствовалъ затрудненіе отъ множества боговъ и нашелъ необходимымъ уменьшить ихъ число. Поняли, что боги не принадлежатъ болѣе, каждый порознь, тому или другому городу или семьѣ, но что они всѣ принадлежатъ человѣческому роду и простираютъ свою власть на всю вселенную. Поэты ходили изъ города въ городъ и учили людей вмѣсто гимновъ гражданской общины новымъ пѣснямъ, въ которыхъ не говорилось уже ни о богахъ ларахъ, ни о городскихъ божествахъ, но въ которыхъ передавались легенды о великихъ богахъ земли и неба; греческій народъ забывалъ свои старинные домашніе и національные гимны ради этой новой поэзіи, порожденной не религіей, но искусствомъ и свободнымъ воображеніемъ. Въ то же самое время нѣкоторыя великія святилища, напримѣръ въ Дельфахъ и на Делосѣ, привлекали къ себѣ людей и заставляли ихъ забывать мѣстные культы. Мистеріи и содержавшееся въ нихъ ученіе пріучали людей относиться съ пренебреженіемъ къ пустой и безсодержательной религіи гражданской общины.

Такимъ образомъ умственный переворотъ совершился медленно и втихомолку. Сами жрецы не оказывали сопротивленія до тѣхъ поръ, пока жертвы продолжали приноситься въ назначенные дни; имъ казалось, что древняя религія здрава и невредима; идеи могли мѣняться, вѣра могла погибнуть, только бы обряды оставались неизмѣнными. Такимъ образомъ случилось, что въ то время какъ обряды оставались неизмѣнными, вѣрованія преобразовались, и домашняя муниципальная религія потеряла всякую власть надъ душами.

Тутъ явилась философія, разрушившая всѣ правила древней политики. Нельзя было коснуться людскихъ мнѣній, не касаясь въ то же время основныхъ принциповъ правленія. Пиѳагоръ, имѣя еще смутное понятіе о Верховномъ Существѣ, относился съ пренебреженіемъ къ мѣстнымъ культамъ, и одного этого было ему достаточно, чтобъ отвергнуть всѣ прежніе способы управленія и попытаться основать новое общество.

Анаксагоръ понялъ Бога какъ разумъ, царящій надъ всѣми людьми и надъ всѣми существами. Отступивъ отъ древнихъ вѣрованій, онъ отступился также и отъ древней политики. Такъ какъ онъ не вѣровалъ въ боговъ пританея, то онъ и не выполнялъ всѣхъ своихъ обязанностей гражданина; онъ не посѣщалъ народныхъ собраній и не желалъ быть магистратомъ. Его ученіе шло въ разрѣзъ съ религіей гражданской общины; аѳиняне осудили его на смерть.

Затѣмъ пришли софисты и оказали дѣйствіе болѣе сильное, чѣмъ Пиѳагоръ и Анаксагоръ. Софисты горячо боролись противъ старинныхъ заблужденій. Въ борьбѣ, предпринятой ими противъ всего древняго, они не пощадили ни учрежденій гражданской общины, ни религіозныхъ предразсудковъ. Они смѣло разбирали и обсуждали законы, управлявшіе государствомъ и семьею. Они переходили изъ города въ городъ, проповѣдуя новые принципы, учили различать справедливое отъ несправедливаго и провозглашали новую справедливость, не такую узкую и исключительную, какъ древняя, но болѣе человѣчную, разумную и освобожденную отъ формулъ прошедшихъ вѣковъ. То было смѣлое предпріятіе, поднявшее бурю ненависти и злобы. Ихъ обвинили въ томъ, что у нихъ нѣтъ ни религіи, ни нравственности, ни патріотизма. Правда, у нихъ не было ни о чемъ опредѣленной доктрины, и все свое призваніе они видѣли въ борьбѣ съ предразсудками. Они привели въ движеніе, какъ говоритъ Платонъ, то, что до нихъ оставалось неподвижнымъ. Они обосновали законы религіознаго чувства и законы политики въ человѣческомъ сознаніи, а не въ обычаяхъ предковъ и не въ неподвижномъ преданіи. Они учили грековъ, что для того, чтобъ управлять государствомъ, недостаточно ссылаться на древніе обычаи и священные законы, но что надо дѣйствовать на убѣжденіе и свободную волю людей. Знаніе древнихъ обычаевъ они замѣнили искусствомъ разсуждать и говорить, — діалектикой и реторикой. Противники боролись съ ними преданіемъ, а не краснорѣчіемъ и умомъ.

Какъ только такимъ образомъ появилась способность думать, человѣкъ не захотѣлъ болѣе вѣровать, не отдавая себѣ отчета въ своихъ вѣрованіяхъ, не хотѣлъ управляться, не обсуждая свои учрежденія. Онъ усомнился въ справедливости своихъ древнихъ соціальныхъ законовъ, и передъ нимъ выяснились другіе принципы. Платонъ влагаетъ въ уста одного софиста такія прекрасныя слова: „Вы всѣ присутствующіе здѣсь, по моему мнѣнію, родные другъ другу. Природа, помимо закона, сдѣлала васъ согражданами. Но законъ, этотъ тиранъ человѣка, насилуетъ природу во многихъ случаяхъ“. Противопоставить такимъ образомъ природу закону и обычаю значило напасть на самое основаніе древней политики. Напрасно аѳиняне изгнали Протагора и сожгли его сочине-

нія; ударъ былъ нанесенъ; ученіе софистовъ повлекло за собою громадныя послѣдствія. Авторитетъ древнихъ учрежденій исчезъ вмѣстѣ съ авторитетомъ національныхъ боговъ, и привычка къ свободному изслѣдованію установилась какъ въ частныхъ жилищахъ, такъ и на общественной площади.

Сократъ, не одобрявшій въ софистахъ злоупотребленіе правомъ сомнѣваться, былъ однако изъ ихъ же школы. Подобно имъ, онъ не признавалъ господства преданія и полагалъ, что правила поведенія должны быть заключены въ человѣческомъ сознаніи. Все различие между софистами и Сократомъ именно въ томъ и состоитъ, что онъ благоговѣйно изучалъ это сознаніе съ твердымъ желаніемъ найти въ немъ основаніе для обязанности быть справедливымъ и творить добро. Онъ ставилъ истину выше обычая, а справедливость выше закона. Онъ освободилъ нравственность отъ религіи. До него нравственный долгъ считался лишь заповѣдью древнихъ боговъ; онъ первый показалъ, что основаніе нравственнаго долга въ душѣ человѣческой. Всѣмъ этимъ, хотѣлъ ли онъ того, или нѣтъ, онъ велъ войну съ культами гражданской общины. Напрасно заботился онъ присутствовать на всѣхъ праздникахъ и участвовать на всѣхъ жертвоприношеніяхъ,—его вѣрованія, его слова противорѣчили его поступкамъ. Онъ основалъ новую религію совершенно противоположную религіи гражданской общины. Его справедливо обвинили въ томъ, „что онъ не чтитъ боговъ, чтимыхъ государствомъ". Его осудили на смерть за его нападки на обычаи и вѣрованія предковъ или, какъ говорили, за порчу подрастающаго поколѣнія. Непопулярность Сократа и сильное озлобленіе его согражданъ легко объяснить, если представить себѣ религіозныя привычки аѳинскаго общества, въ которомъ было такъ много жрецовъ и гдѣ они были такъ могущественны. Но переворотъ, начатый софистами и продолженный Сократомъ въ болѣе умѣренномъ духѣ, не могъ быть остановленъ смертью одного старика. Съ каждымъ днемъ греческое общество все болѣе и болѣе освобождалось изъ-подъ власти древнихъ вѣрованій и древнихъ учрежденій. Послѣ Сократа философы стали вполнѣ свободно обсуждать принципы и законы человѣческаго общежитія. Платонъ, Критонъ, Антисѳенъ, Спевсиппъ, Аристотель, Ѳеофрастъ и многіе другіе написали трактаты о политикѣ. Настало время изысканій и изслѣдованій; великія проблемы организаціи государства, власти и повиновенія, правъ и обязанностей стали занимать всѣ умы. Конечно, мысль не легко освобождается отъ узъ, наложенныхъ на нее привычками. Платонъ подпадаетъ еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подъ власть древнихъ идей. Воображаемое имъ государство все еще античная гражданская община; оно крайне ограничено; въ немъ не должно быть болѣе пяти тысячъ членовъ. Управленіе все еще организовано на основаніи древнихъ принциповъ; свобода въ немъ

неизвѣстна. Цѣль, предполагаемая законодателемъ, состоитъ скорѣе въ безопасности и величіи ассоціаціи, чѣмъ въ развитіи и совершенствованіи человѣка. Даже семья была совсѣмъ урѣзана, затѣмъ чтобъ она не могла соперничать съ гражданской общиной. Одно государство владѣло землею; оно одно было свободно. Оно одно имѣло свободную волю, религію и вѣрованія, и всякій думающій вопреки государству долженъ погибнуть. Однако среди всего этого сіяютъ и новыя идеи. Платонъ провозглашаетъ заодно съ Сократомъ и съ софистами, что правила нравственности и политики—въ насъ самихъ, что преданіе—ничто, что надо совѣтоваться съ разумомъ и что законы справедливы только въ такой мѣрѣ, въ какой они сообразны съ человѣческою природой.

Эти идеи еще опредѣленнѣе у Аристотеля. „Законъ,—говоритъ онъ,—это разумъ". Онъ учитъ, что надо искать не того, что согласно съ обычаями отцовъ, но того, что хорошо само по себѣ. Онъ прибавляетъ еще, что съ теченіемъ времени надо измѣнять учрежденія. Онъ оставляетъ въ сторонѣ уваженіе къ предкамъ, когда говоритъ: „Наши первые предки—родились ли они изъ нѣдръ земли, или пережили какой-либо потопъ—походили по всей видимости на то, что ни на есть теперь въ людяхъ самаго невѣжественнаго и грубаго. Было бы очевидной нелѣпостью держаться мнѣнія этихъ людей". Аристотель, какъ и всѣ философы, совсѣмъ не догадывался о религіозномъ происхожденіи человѣческаго общества; онъ ничего не говоритъ о пританеяхъ; онъ не знаетъ, что мѣстные культы были основаніемъ государству. „Государство,—говоритъ онъ,—не что иное какъ ассоціація равныхъ между собою существъ, ищущихъ сообща благополучнаго и легкаго существованія. Такимъ образомъ философія отбрасываетъ прежнее общественное начало и отыскиваетъ новое основаніе, на которомъ она могла бы обосновать социальные законы и идеи отечества [1]).

Школа циниковъ пошла еще дальше. Она отрицала самое отечество. Діогенъ хвастался тѣмъ, что у него нѣтъ никакихъ гражданскихъ правъ, а Кратесъ говорилъ, что отечество его—презрѣніе къ чужимъ мнѣніямъ. Циники провозгласили также ту истину, тогда еще новую, что человѣкъ—гражданинъ вселенной и что отечество его не можетъ заключаться въ узкихъ предѣлахъ одного города. Они смотрѣли на муниципальный патріотизмъ какъ на предразсудокъ и выключали изъ числа обязательныхъ чувствъ любовь къ гражданской общинѣ.

Изъ нерасположенія или изъ пренебреженія философы все болѣе и болѣе уклонялись отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. Сократъ еще исполнялъ свои обязанности гражданина; Платонъ пытался потрудиться на пользу государства,

---

[1]) Аристотель, *Политика*, II, 5, 12; IV, 5; IV, 7, 2; VII, 4.

взявшись за его преобразованіе. Аристотель былъ уже гораздо безразличнѣе: онъ ограничился ролью простого наблюдателя и сдѣлалъ изъ государства предметъ научнаго изученія. Эпикурейцы также оставляли въ сторонѣ общественныя дѣла. „Не вмѣшивайтесь въ нихъ,—говоритъ Эпикуръ,—если только какая-нибудь высшая власть васъ къ тому не принудитъ". Циники не хотѣли быть даже гражданами.

Стоики вернулись къ участію въ политикѣ. Зенонъ, Клеанѳъ, Хризиппъ писали многочисленные трактаты объ управленіи государствомъ. Но ихъ принципы были очень далеки отъ прежней муниципальной политики. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ одинъ древній отзывается объ ученіи, содержавшемся въ ихъ сочиненіяхъ: „Зенонъ въ своемъ трактатѣ о правленіи задался цѣлью показать намъ, что мы не только жители такой-то демы или такого-то города, отдѣленные другъ отъ друга особыми правами и исключительными законами, но что мы должны видѣть во всѣхъ людяхъ своихъ согражданъ, какъ будто бы всѣ мы принадлежали къ одной и той же гражданской общинѣ" [1]). Отсюда видно, какъ далеко ушли впередъ понятія отъ Сократа до Зенона. Сократъ считалъ еще своимъ долгомъ почитать по мѣрѣ возможности боговъ государства. Платонъ не понималъ еще иного правленія, кромѣ правленія гражданской общины. Зенонъ выходитъ изъ этихъ узкихъ предѣловъ человѣческой ассоціаціи. Онъ пренебрегаетъ дѣленіями, установленными религіей древнихъ вѣковъ. Такъ какъ онъ уже составилъ себѣ понятіе о Богѣ вселенной, то у него также есть представленіе о такомъ государствѣ, куда вошелъ бы человѣческій родъ весь цѣликомъ [2]).

Но вотъ еще болѣе новый принципъ. Стоицизмъ, расширяя человѣческую ассоціацію, освобождаетъ индивидуальную личность. Такъ какъ онъ отвергаетъ религію гражданской общины, то онъ отвергаетъ также и рабское положеніе гражданина. Онъ не хочетъ, чтобы человѣческая личность приносилась въ жертву государству. Онъ различаетъ и ясно отдѣляетъ то, что должно оставаться свободнымъ въ человѣкѣ, и освобождаетъ по крайней мѣрѣ его сознаніе. Стоицизмъ говоритъ человѣку, что онъ долженъ обратиться къ самому себѣ и въ самомъ себѣ найти и долгъ, и добродѣтель, и награду за нихъ. Онъ не запрещаетъ ему принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, онъ даже совѣтуетъ ему это, но предупреждаетъ его, что его главною задачей должно быть его личное совершенствованіе, и что каково бы ни было правленіе, его сознаніе должно оставаться незави-

[1]) Псевдо-Плутархъ, *Судьба Александра*, 1.

[2]) Идея всемірной гражданской общины высказана Сенекой, *ad Marciam*, 4; *De tranquillitate*, 14; Плутархомъ, *De exsilio*; Маркомъ Авреліемъ: „Какъ Антонину, отечество мнѣ—Римъ, какъ человѣку—весь міръ".

симымъ. Великое правило, котораго никогда не знало античное общество и которому предстояло сдѣлаться однимъ изъ величайшихъ правилъ политики.

Тутъ только начинаютъ понимать, что есть другія обязанности, кромѣ обязанностей къ государству, другія добродѣтели, кромѣ добродѣтелей гражданскихъ. Душа привязывается и къ инымъ предметамъ, кромѣ отечества. Древняя гражданская община была такъ могущественна и всепоглощающа, что человѣкъ сдѣлалъ себѣ изъ нея цѣль всего своего жизненнаго труда и всѣхъ своихъ добродѣтелей. Она была мѣриломъ прекраснаго и добраго, и внѣ ея не было героизма. Но вотъ Зенонъ поучаетъ человѣка, что у него кромѣ достоинства гражданскаго есть еще достоинство человѣческое, что помимо обязанностей къ закону у него есть другія обязанности къ самому себѣ и что высшая добродѣтель заключается не въ томъ, чтобы жить и умереть за государство, но чтобы быть добродѣтельнымъ и угоднымъ божеству. Добродѣтели эти нѣсколько эгоистичны; онѣ допустили паденіе національной независимости и свободы, но благодаря имъ возросла человѣческая личность. Общественныя добродѣтели все болѣе и болѣе исчезали, но добродѣтели личныя развились и ярко засіяли въ мірѣ. Имъ пришлось вначалѣ вступить въ борьбу или противъ всеобщаго разврата, или противъ деспотизма, но онѣ мало-по малу укрѣпились въ человѣчествѣ; въ концѣ-концовъ онѣ сдѣлались настолько могущественны, что всякое правительство должно было съ ними считаться, и правиламъ политики пришлось измѣниться для того, чтобы предоставить имъ болѣе простора.

Такимъ образомъ мало-по-малу измѣнились вѣрованія; муниципальная религія, истинное основаніе гражданской общины, угасла; муниципальный порядокъ, какъ понимали его древніе, долженъ былъ пасть вмѣстѣ съ нею. Незамѣтно отрѣшались отъ этихъ строгихъ правилъ и отъ этихъ узкихъ формъ правленія. Идеи болѣе высокія побуждали людей къ образованію болѣе обширныхъ обществъ. Все стало стремиться къ единству; таково было общее стремленіе двухъ вѣковъ, предшествовавшихъ христіанской эрѣ. Правда, плоды, приносимые этими умственными переворотами, зрѣютъ очень медленно. Но мы сейчасъ увидимъ, изучая исторію римскаго завоеванія, что событія шли заодно съ идеями, что они заодно съ ними стремились къ разрушенію стараго муниципальнаго порядка и подготовляли новые виды правленія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Римское завоеваніе.

Съ перваго взгляда покажется очень страннымъ, что среди тысячи гражданскихъ общинъ Греціи и Италіи нашлась одна,

способная подчинить себѣ всѣ другія. Это великое событіе легко однако объясняется обыкновенными причинами, опредѣляющими ходъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ. Римская мудрость состояла, какъ и всякая мудрость, въ томъ, чтобы пользоваться благопріятными обстоятельствами, какія ей встрѣчались.

Въ ходѣ римскаго завоеванія можно различить два періода. Первый совпадаетъ со временемъ полной силы и процвѣтанія муниципальнаго порядка. Именно въ это время пришлось Риму преодолѣть всего болѣе препятствій. Второй періодъ относится ко времени, когда муниципальный порядокъ значительно ослабѣлъ; завоеваніе стало тогда дѣломъ легкимъ и совершилось крайне быстро.

1. Нѣсколько словъ о происхожденіи Рима и его населеніи.

Происхожденіе Рима и составъ его народа достойны замѣчанія. И то и другое объясняютъ намъ особый характеръ его политики и исключительную роль, выпавшую ему съ самаго начала среди прочихъ гражданскихъ общинъ.

Римская раса была удивительно смѣшаннаго происхожденія. Главное ея основаніе составляли латины родомъ изъ Альбы; но сами эти альбанцы, согласно преданія, отбросить которое мы не имѣемъ никакого основанія, состояли изъ двухъ населеній, соединившихся между собою, но не слившихся: одинъ народъ изъ нихъ была раса коренная, настоящіе латины, другой былъ чужеземнаго происхожденія и, какъ говорятъ, прибылъ изъ Трои вмѣстѣ съ Энеемъ, жрецомъ-основателемъ. Эта часть по всей видимости была малочисленна, но она была очень значительна по культу и учрежденіямъ, которыя она привезла съ собою [1]).

Эти альбанцы, смѣсь двухъ расъ, основали Римъ на мѣстѣ, гдѣ уже возвышался другой городъ, Полланціумъ, основанный греками. Населеніе Полланціума осталось въ новомъ городѣ, и въ немъ сохранились обряды греческаго культа [2]). На томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщался потомъ Капитолій, находился еще другой городъ, подъ названіемъ Сатурнія, и какъ говорятъ, также основанный греками [3]).

Такимъ образомъ въ Римѣ сошлись и смѣшались всѣ расы: здѣсь были латинцы, троянцы и греки; затѣмъ пришли сабины и этруски. Взгляните на различные холмы Рима: Паллатинъ—латинскій городъ, бывшій прежде городомъ Эвандра; Капитолій, бывшій прежде жилищемъ спутниковъ Геркулеса, становится потомъ жилищемъ сабинянъ; Квириналъ получаетъ свое названіе отъ сабинскихъ квиритовъ или отъ сабинскаго бога Квирина; Целій былъ населенъ, повидимому, сначала этрусками. Римъ, повидимому, не одинъ цѣльный городъ: онъ—конфедерація нѣсколькихъ городовъ, изъ которыхъ каждый былъ связанъ по своему происхожденію съ другою конфедераціей. Онъ былъ центромъ, гдѣ встрѣчались латины и этруски, сабины и греки.

[1]) Троянское происхожденіе Рима было общепринятымъ мнѣніемъ еще прежде, чѣмъ Римъ вошелъ въ постоянныя сношенія съ Востокомъ. Одинъ древній прорицатель, въ одномъ прорицаніи, относящемся ко второй Пунической войнѣ, давалъ римлянину прозваніе *trojugena*. Титъ Ливій, XXV, 12.

[2]) Титъ Ливій I, 5 и 7. Вергилій, VIII. Овидій, *Фасты*, I, 579. Плутархъ, *Римскіе вопр.*, 76. Страбонъ, V, 3, 3. Діонисій, I, 31, 79, 89.

[3]) Діонисій, I, 45; I, 85. Варронъ, *de lingua lat.*, V, 42. Вергилій, VIII, 358. Плиній, *Естеств. Ист.*, III, 68.

Первымъ римскимъ царемъ былъ латинъ; вторымъ царемъ, согласно преданію, былъ сабинъ; пятымъ, какъ говорятъ, сынъ грека; шестой царь былъ изъ этрусковъ.

Языкъ его былъ смѣсью самыхъ различныхъ элементовъ; латинскій въ немъ преобладалъ, но также много было и корней сабинскихъ; корней греческихъ встрѣчалось въ немъ болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ средне-италійскомъ нарѣчіи. Что касается до самаго его имени, неизвѣстно къ какому языку оно принадлежало. По мнѣнію однихъ, Римъ — слово троянское, по мнѣнію другихъ—слово греческое; есть основаніе предполагать, что оно латинскаго происхожденія, хотя нѣкоторые древніе считали его словомъ этрускимъ.

Названія римскихъ семей свидѣтельствуютъ также о крайнемъ разнообразіи происхожденія. Во времена Августа было еще около пятидесяти семей, которыя, восходя въ ряду своихъ предковъ, доходили до спутниковъ Энея [1]). Другія считали себя потомками Эвандра изъ Аркадіи, и съ незапамятныхъ временъ лица этихъ семей носили на обуви отличительный знакъ—маленькій серебряный полумѣсяцъ [2]). Семьи Потиціевъ и Пинаріевъ вели свое происхожденіе отъ такъ называемыхъ спутниковъ Геркулеса, и ихъ родословная доказывалась наслѣдственнымъ культомъ этого бога [3]). Тулліи, Квинкціи, Сервиліи пришли изъ Альбы послѣ завоеванія этого города. Многія семьи присоединяли къ своему имени еще особое прозваніе, указывавшее на ихъ чужеземное происхожденіе: такъ были Сульпициі Камерины, Коминіи Аврунки, Сициніи Сабины, Клавдіи Регилленсы, Аквиліи Туски. Семья Навціевъ была троянскаго происхожденія; Авреліи были сабины; Цециліи были родомъ изъ Пренеста; Октавіи—изъ Велитръ.

Слѣдствіемъ подобной смѣси самыхъ различныхъ населеній было то, что Римъ былъ связанъ узами происхожденія со всѣми извѣстными ему народами. Онъ могъ назвать себя латинскимъ съ латинами, сабинскимъ съ сабинами, этрускимъ съ этрусками и греческимъ съ греками.

Его національный культъ былъ также собраніемъ многихъ

[1]) Діонисій, I, 85. Ювеналъ, I, 99. Сервій, ad Aen., V, 117, 123.

[2]) Плутархъ, *Римскіе вопр.*, 76.

[3]) Титъ Ливій, I, 7; IX, 29.

культовъ, безконечно различныхъ между собою, изъ которыхъ каждый соединялъ его узами съ однимъ изъ этихъ народовъ. У него были греческіе культы Эвандра и Геркулеса; онъ величался обладаніемъ троянскаго Палладіума. Его собственные пенаты находились въ латинскомъ городѣ Лавиніумѣ. Съ самаго начала онъ усвоилъ себѣ сабинскій культъ бога Конса. Другой сабинскій богъ Квиринъ утвердился въ немъ такъ крѣпко, что Римъ связалъ его съ Ромуломъ, своимъ основателемъ. У него были также боги этрусковъ, ихъ праздники, ихъ авгуры.

Въ то время, когда никто не имѣлъ права присутствовать при религіозныхъ праздникахъ какого-либо народа, если только онъ не принадлежалъ къ этому народу по происхожденію, римлянинъ имѣлъ то несравненное преимущество, что онъ могъ участвовать въ празднествахъ латинскихъ, сабинскихъ и этрускихъ, а также и на Олимпійскихъ играхъ [1]). Религія была могущественна. Когда два города исполняли какой-либо общій культъ, они считались родными; они должны были смотрѣть на себя какъ на союзниковъ и взаимно помогать другъ другу: въ древности не было извѣстно никакого другого союза, кромѣ установляемаго религіей. Вотъ по какой причинѣ Римъ сохранялъ съ величайшею заботливостью все, что могло свидѣтельствовать объ его драгоцѣнномъ родствѣ съ другими народами. Латинамъ онъ представлялъ свои преданія о Ромулѣ, сабинамъ—свою легенду о Тарпейѣ и Таціи; грекамъ онъ указывалъ на свои древніе гимны въ честь матери Эвандра, гимны, которые онъ не понималъ, но тѣмъ не менѣе продолжалъ пѣть по прежнему. Точно также онъ берегъ воспоминанія объ Энеѣ; потому что, если черезъ Эвандра онъ могъ назваться роднымъ для жителей Пелопонеса, черезъ Энея онъ вступалъ въ родственныя связи болѣе чѣмъ съ тридцатью городами, разсѣянными въ Италіи, въ Сициліи, въ Греціи, во Ѳракіи и въ Малой Азіи; всѣ они или считали Энея своимъ основателемъ, или были колоніями основанныхъ имъ городовъ, а вслѣдствіе этого у нихъ у всѣхъ былъ общій культъ съ Римомъ. Какую пользу извлекъ Римъ изъ этого древняго родства, это легко видѣть изъ примѣра веденныхъ имъ войнъ въ Сициліи противъ Карѳагена и въ Греціи противъ Филиппа.

Такимъ образомъ римское населеніе было смѣшеніемъ нѣсколькихъ расъ, его культъ—собраніемъ нѣсколькихъ культовъ, его національный очагъ — соединеніемъ нѣсколькихъ очаговъ. Римъ былъ почти единственная гражданская община, которая не разобщалась своею муниципальною религіей отъ всѣхъ прочихъ общинъ. Онъ соприкасался со всей Италіей и со всей Греціей. Не было народа, котораго онъ не могъ бы допустить къ своему очагу.

---

1) Титъ Ливій, XXXVII, 37; XXIX, 12; Цицеронъ, *in Verrem*, IV, 33; V, 47. Сервій, *ad Aen.*, III, 12. Павсаній, VIII, 43. Страбонъ, V, 3, 5.

2 *Первыя римскія завоеванія (753—350 до Р. Х.).*

Римъ сообразовалъ свою политику съ муниципальною религіей въ тѣ вѣка, когда она была еще вездѣ въ силѣ.

Говорятъ, что первымъ дѣломъ новой гражданской общины было похищеніе сабинскихъ женщинъ: легенда, кажущаяся весьма неправдоподобною, если припомнить святость брака у древнихъ. Но мы видѣли выше, что муниципальная религія запрещала бракъ между лицами разныхъ гражданскихъ общинъ, по крайней мѣрѣ, если эти гражданскія общины не были связаны между собою узами общаго происхожденія или общаго культа. Первые римляне имѣли право вступать въ бракъ съ женщинами изъ Альбы, откуда сами были родомъ, но они не имѣли его относительно своихъ другихъ сосѣдей, сабинянъ. Такимъ образомъ Ромулъ хотѣлъ завоевать прежде всего не просто нѣсколькихъ женщинъ, но право на бракъ, т.-е. право вступать въ правильныя сношенія съ сабинскимъ населеніемъ. Для этого нужно было установить между Римомъ и сабинянами религіозную связь; тогда Ромулъ усвоилъ культъ сабинскаго бога Конса и установилъ въ честь него праздникъ. Преданіе прибавляетъ, что во время этого праздника произошло похищеніе сабинскихъ женщинъ; еслибъ это было такъ, браки не могли бы быть заключены согласно обрядамъ, потому что первымъ и самымъ важнымъ условіемъ брака было *traditio in manum*, т.-е. выдача дочери самимъ отцомъ; Ромулъ не достигъ бы такъ своей цѣли. Но присутствіе сабинянъ съ ихъ семьями на религіозной церемоніи и ихъ участіе въ жертвоприношеніяхъ установляли уже между обоими народами такія отношенія, когда для *connubium* не могло быть препятствій. Не было надобности въ насильственномъ похищеніи; право на бракъ было получено инымъ путемъ. Вотъ почему историкъ Діонисій, изучавшій древніе тексты и гимны, увѣряетъ, что сабинянки были выданы замужъ съ соблюденіемъ самыхъ торжественныхъ обрядовъ, что подтверждаютъ Плутархъ и Цицеронъ [1]). Надо замѣтить, что первымъ дѣломъ римлянъ было уничтоженіе преградъ, воздвигнутыхъ муниципальною религіей между ними и сосѣдними народами. До насъ не дошло подобной же легенды относительно Этруріи, но, повидимому, Римъ находился съ этою страной въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ съ Лаціумомъ и съ Сабиною. Такимъ образомъ онъ съумѣлъ соединиться и культомъ, и кровью со всѣми народами, жившими вокругъ него. Онъ имѣлъ право на *connubium* со всѣми гражданскими общинами, а что онъ зналъ хорошо важность этихъ узъ, это доказывается тѣмъ, что онъ не желалъ, чтобы другія гражданскія общины, подвластныя ему, вступали въ ту же связь между собою [2]).

---

1) Діонисій, II, 30; Плутархъ, *Ромулъ*, 14, 15, 19; Цицеронъ, *de Rep*, II, 7; *de orat.*, I, 9: *Sabinorum connubia conjunxisse*.

2) Титъ Ливій, IX, 43; XXIII, 4.

Затѣмъ для Рима начался цѣлый рядъ войнъ. Первая война была противъ Таціевыхъ сабинянъ; она окончилась религіознымъ и политическимъ союзомъ между двумя этими народами [1]). Потомъ началась война съ Альбою; историки сообщаютъ, что Римъ осмѣлился напасть на этотъ городъ, хотя онъ самъ былъ его колоніей. Быть-можетъ именно потому, что онъ былъ его колоніей, Римъ и нашелъ нужнымъ разрушить его въ видахъ своего собственнаго величія. Дѣйствительно всякая метрополія имѣла надъ своими колоніями религіозное главенство. А религія пользовалась тогда такою властью, что пока существовала бы Альба, Римъ могъ быть только зависимой гражданской общиной, а его судьбѣ былъ бы положенъ предѣлъ.

Когда Альба была разрушена, Римъ не удовольствовался тѣмъ, что пересталъ быть колоніей,—онъ изъявилъ желаніе самъ сдѣлаться метрополіей, наслѣдуя права и религіозное главенство Альбы надъ тридцатью ея колоніями въ Лаціумѣ. Римъ предпринимаетъ длинный рядъ войнъ для того, чтобы добиться главенства на латинскихъ празднествахъ. Этимъ средствомъ онъ пріобрѣлъ единственное, возможное въ то время, превосходство.

Римъ воздвигъ у себя храмъ Діанѣ, принудилъ латинянъ совершать въ немъ жертвоприношенія и привлекъ туда даже сабинянъ [2]). Этимъ онъ пріучилъ оба народа дѣлить съ нимъ подъ своимъ главенствомъ и праздники, и молитвы, и священныя жертвы. Онъ ихъ соединилъ подъ своей религіозной верховною властью.

Римъ—единственная гражданская община, которая съумѣла войною увеличить свое народонаселеніе. Она вела политику, невѣдомую всему остальному греко-италійскому міру; она присоединяла къ себѣ все, что покоряла. Она уводила къ себѣ жителей завоеванныхъ городовъ, и побѣжденные мало-по малу обращались въ римлянъ. Въ то же время она посылала колонистовъ въ завоеванныя страны и такимъ образомъ она сѣяла Римъ повсюду, потому что эти колонисты, образуя съ политической точки зрѣнія общины совершенно отдѣльныя, сохраняли однако съ метрополіей религіозную общность; а этого было достаточно для того, чтобъ онѣ были вынуждены подчинять свою политику Риму, повиноваться ему и помогать ему во всѣхъ его войнахъ.

Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ чертъ римской политики состоитъ въ томъ, что Римъ усвоивалъ себѣ всѣ культы сосѣднихъ гражданскихъ общинъ. Онъ столько же старался завоевать боговъ, какъ и города. Онъ овладѣлъ Юноной изъ Веій, Юпитеромъ изъ Пренеста, Минервою изъ Фалисковъ, Юноною изъ Ланувіума, Венерою изъ Самніума и многими

[1]) *Sacris communicatis*, Цицеронъ, *de Rep.*, II, 7.
[2]) Титъ Ливій, I, 45. Діонисій, IV, 48, 49.

другими, которые намъ неизвѣстны [1]). „Въ Римѣ былъ обычай,—говоритъ одинъ древній [2]),—вводить къ себѣ религіи побѣжденныхъ городовъ; иногда ихъ распредѣляли между римскими родами, иногда же имъ давали мѣсто въ національной религіи“.

Монтескьё высказываетъ римлянамъ похвалу за то, что они не навязывали своихъ боговъ побѣжденнымъ народамъ, видя въ этомъ ловкій политическій пріемъ. Но это было бы совершенно противно идеямъ какъ римлянъ, такъ и всѣхъ древнихъ. Римъ бралъ боговъ у побѣжденныхъ, но не давалъ имъ своихъ. Онъ берегъ для себя своихъ покровителей и старался даже увеличить ихъ число. Онъ стремился къ тому, чтобы получить какъ можно болѣе культовъ и боговъ-покровителей.

Такъ какъ эти культы и эти боги были взяты большею частію у побѣжденныхъ, то Римъ находился черезъ нихъ въ религіозномъ общеніи со всѣми народами. Узы общаго происхожденія, завоеванное право на *connubium*, а также на главенство въ латинскихъ празднествахъ, усвоеніе себѣ побѣжденныхъ боговъ, вслѣдствіе чего Римъ считалъ себя въ правѣ совершать жертвоприношенія въ Олимпіи и въ Дельфахъ,—вотъ средства, которыми Римъ подготовлялъ свое владычество. Подобно всѣмъ прочимъ городамъ, у него была также своя муниципальная религія, источникъ его патріотизма, но онъ былъ единственнымъ городомъ, который съумѣлъ примѣнить эту религію къ своему величію. Въ то время, какъ вслѣдствіе религіи другіе города оставались изолированными, Римъ настолько умѣло или счастливо ею пользовался, что благодаря ей все къ себѣ привлекъ и покорилъ.

3. *Какимъ образомъ Римъ пріобрѣлъ владычество (350 — 140 до Р. Х.).*

Въ то время, какъ Римъ медленно возрасталъ такимъ образомъ, пользуясь всѣми средствами религіи и тогдашняго образа мыслей, находившимися въ его распоряженіи, рядъ соціальныхъ и политическихъ перемѣнъ, происходившихъ во всѣхъ гражданскихъ общинахъ и въ самомъ Римѣ, измѣнялъ одновременно и управленіе людей, и ихъ образъ мыслей. Выше мы описали этотъ переворотъ, здѣсь же надо замѣтить, что онъ совпадаетъ съ развитіемъ римскаго могущества. Оба эти событія, происшедшія въ одно время, не могли не оказать другъ на друга взаимнаго дѣйствія. Римскія завоеванія не были бы такъ легки, если бы не угасъ повсюду тогда древній муниципальный духъ; можно также думать, что муници-

[1]) Титъ Ливій, V, 21, 22; VI, 29. Овидій, *Фасты*, III, 837, 843. Плутархъ, *Сравн. греч. и римс. ист.*, 75.
[2]) Цинцій, приводимый Арнобіемъ, *Adv. gentes*, III, 38.

пальный порядокъ не палъ бы такъ скоро, если бы римское завоеванiе не нанесло ему послѣдняго удара.

Посреди перемѣнъ, происшедшихъ въ учрежденiяхъ, въ нравахъ, въ вѣрованiяхъ и въ правѣ, самъ патрiотизмъ измѣнился по своей сущности, что было одною изъ тѣхъ причинъ, которыя болѣе всего способствовали великимъ успѣхамъ Рима. Выше мы говорили, чѣмъ было это чувство въ первые вѣка гражданскихъ общинъ. Оно составляло часть религiи; отечество любили потому, что любили его боговъ—покровителей, потому, что въ немъ былъ пританей съ божественнымъ огнемъ, праздники, молитвы и гимны и потому что внѣ его не было ни боговъ, ни культа. Этотъ патрiотизмъ былъ вѣрою и благочестiемъ, но когда жреческое сословiе лишилось своего владычества, тогда этотъ родъ патрiотизма исчезъ вмѣстѣ съ древними вѣрованiями. Любовь къ гражданской общинѣ еще не погибла, но приняла новый видъ.

Отечество теперь любили уже не за религiю и не за боговъ, но его любили только за его законы, за его учрежденiя, за право и за безопасность, какую оно доставляло своимъ членамъ. Өукидидъ въ рѣчи въ честь павшихъ воиновъ, которую онъ приписываетъ Периклу, приводитъ тѣ причины, какiя заставляютъ любить Аөины; городъ этотъ „хочетъ общаго равенства передъ закономъ для всѣхъ; онъ даетъ людямъ свободу и открываетъ всѣмъ путь къ почестямъ; онъ поддерживаетъ общественный порядокъ, обезпечиваетъ магистратамъ власть, покровительствуетъ слабымъ, устраиваетъ для всего народа зрѣлища и праздники, воспитывающiе душу". Ораторъ оканчиваетъ свою рѣчь такими словами: „Вотъ почему наши воины погибли геройскою смертью, чтобы не додать погибнуть отечеству; вотъ почему тѣ, кто живы, готовы за него пострадать и погибнуть". Итакъ, у человѣка все еще есть обязанности по отношенiю къ гражданской общинѣ, но эти обязанности не вытекаютъ болѣе изъ прежняго принципа. Гражданинъ все еще жертвуетъ своею кровью и своею жизнью, но уже не для защиты нацiональныхъ боговъ и очага своихъ предковъ, но для защиты учрежденiй, которыми онъ пользуется, и тѣхъ выгодъ, какiя ему доставляетъ гражданская община.

Этотъ новый патрiотизмъ влекъ за собою иныя послѣдствiя, чѣмъ прежнiй; любили уже не пританей, не боговъ—покровителей и не священную землю, но только учрежденiя и законы, а такъ какъ послѣднiе въ виду неустойчиваго положенiя гражданскихъ общинъ въ то время часто измѣнялись, то и патрiотизмъ сталъ чувствомъ измѣнчивымъ и непостояннымъ, зависѣвшимъ отъ различныхъ обстоятельствъ и подверженнымъ тѣмъ же колебанiямъ, какъ и само правительство. Отечество любили теперь, насколько любили господствующiй въ немъ въ данное время порядокъ; кто находилъ законы его дурными, тотъ не имѣлъ уже ничего, что привязывало бы его къ нему.

Такимъ образомъ муниципальный патрiотизмъ ослабѣлъ и исчезъ безъ слѣда. Личное мнѣнiе для каждаго человѣка стало священнѣе, чѣмъ его отечество, а торжество его партiи стало ему много дороже, чѣмъ величiе и слава гражданской общины. Каждый сталъ предпочитать своему родному городу въ случаѣ, если тамъ не было потребныхъ ему учрежденiй, другой, въ которомъ эти учрежденiя господствовали. Тогда начали выселяться много охотнѣе, и изгнанiе стало менѣе страшнымъ. Что за важность лишиться доступа въ пританей и пользованiя очистительною водой? О богахъ-покровителяхъ перестали думать и легко привыкли обходиться безъ отечества.

Отсюда недалеко и до открытаго возстанiя противъ отечества. Сталъ возможнымъ союзъ съ враждебнымъ городомъ съ цѣлью доставить торжество своей партiи въ родномъ городѣ. Изъ двухъ аргивянъ одинъ желалъ аристократическаго правленiя, а потому предпочиталъ Спарту Аргосу; другой стоялъ на сторонѣ демократiи и любилъ больше Аөины. Ни тотъ, ни другой не дорожили независимостью своей гражданской общины и охотно отдались бы подъ власть другого города, если бы тотъ оказалъ поддержку ихъ партiи въ Аргосѣ. Изъ Өукидида и Ксенофонта видно, что именно вслѣдствiе такого настроенiя умовъ возникла и затянулась пелопоннесская война. Въ Платеѣ богатые находились на сторонѣ Өивъ и Лакедемона, демократы же на сторонѣ Аөинъ. Въ Корцирѣ народная партiя была за Аөины, а аристократiя—за Спарту [1]). Аөины имѣли своихъ союзниковъ во всѣхъ городахъ Пелопоннеса, а Спарта—во всѣхъ Iонiйскихъ городахъ. Өукидидъ и Ксенофонтъ согласно утверждаютъ, что не было гражданской общины, гдѣ народная партiя не склонялась бы на сторону аөинянъ, а аристократiя—на сторону спартанцевъ [2]). Война эта указываетъ на то общее усилiе, какое употребляли греки для того, чтобъ установить вездѣ одно и то же государственное устройство подъ гегемонiей одного города; но одни хотѣли аристократическаго правленiя подъ покровительствомъ Спарты, другiе—демократическаго подъ защитою Аөинъ. То же было во времена Филиппа. Аристократическая партiя во всѣхъ городахъ горячо желала владычества Македонiи. При Филопоменѣ роли перемѣнились, но чувства остались тѣ же: народная партiя соглашалась на владычество Македонiи, но вся аристократiя стояла на сторонѣ Ахейскаго союза. Такимъ образомъ желанiя и привязанности людей перестали имѣть своимъ предметомъ гражданскую общину. Мало было грековъ, которые не согласились бы пожертвовать своей му-

---

[1]) Өукидидъ, III, 69—72; IV, 46—48; III, 82.
[2]) Өукидидъ, III, 47; Ксенофонтъ, *Греч. Ист.*, VI, 3.

ниципальною независимостью, лишь бы добыть себѣ то государственное устройство, которое они предпочитали.

Что касается до людей честныхъ и добросовѣстныхъ, то безпрерывные раздоры, которыхъ они были свидѣтелями внушали имъ отвращеніе къ муниципальному порядку. Они не могли любить тотъ видъ общества, гдѣ надо было вѣчно бороться, гдѣ бѣдный и богатый были вѣчными врагами и гдѣ народныя насилія чередовались безъ конца со мстительностью аристократіи. Они желали перемѣны того порядка, который, породивъ истинное величіе, доставлялъ теперь только одни страданія и ненависть. Стала ощущаться надобность выйти изъ муниципальной системы и достичь иной формы управленія, чѣмъ гражданская община. Многіе помышляли по крайней мѣрѣ о томъ, чтобъ установить надъ общинами родъ верховной власти, которая наблюдала бы за поддержаніемъ порядка и принуждала бы жить въ мирѣ безпокойныя маленькія общества. Такъ Фокіонъ, примѣрный гражданинъ, совѣтовалъ своимъ согражданамъ отдаться подъ власть Филиппа и обѣщалъ имъ за это согласіе и безопасность.

Въ Италіи дѣло шло совершенно такъ же. Города Лаціума, Сабины, Этруріи волновались такими же переворотами и тою же борьбой; любовь къ гражданской общинѣ повсюду исчезала. Какъ и въ Греціи, каждый охотно приставалъ къ чужому городу, лишь бы въ своемъ родномъ доставить торжество своимъ мнѣніямъ и своимъ интересамъ.

Такое положеніе дѣлъ послужило къ счастію Рима. Онъ вездѣ поддерживалъ аристократію, а потому аристократія всегда была его союзникомъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Родъ Клавдіевъ покинулъ Сабину вслѣдствіе междоусобныхъ раздоровъ и переселился въ Римъ, потому что римскія учрежденія нравились ему болѣе родныхъ. Въ ту же самую эпоху многія латинскія семьи переселились въ Римъ, потому что имъ не нравился демократическій режимъ въ Лаціумѣ, а въ Римѣ только что было возстановлено господство патриціевъ [1]). Въ Ардеѣ вспыхнула борьба между аристократіей и плебсомъ; плебсъ призвалъ на помощь вольсковъ, а аристократія отдала городъ римлянамъ [2]). Этрурія была полна раздоровъ. Веіи низвергли свое аристократическое правленіе, тогда римляне напали на нихъ, а другіе этрусскіе города, гдѣ господствовала еще жреческая аристократія, отказались притти на помощь Веіямъ. Легенда прибавляетъ, что въ эту войну римляне захватили одного жреца изъ Веій и вынудили у него указанія, обезпечившія имъ побѣду; не указываетъ ли эта легенда на то, что этрускіе жрецы способствовали завоеванію города римлянами?

Впослѣдствіи, когда Капуя возмутилась противъ Рима, за-

[1]) Діонисій, VI, 2.
[2]) Титъ Ливій, IV, 9, 10.

мѣчено было, что всадники, т.-е. сословіе аристократическое, не принимали участія въ этомъ возстаніи [1]). Въ 313-мъ году города Авсона, Сора, Минтурнъ и Весція были выданы римлянамъ аристократическою партіей [2]). Когда этруски заключили союзъ противъ Рима, это произошло отъ того, что у нихъ установилось народное правленіе; въ этомъ союзѣ отказался принять участіе одинъ только городъ, а именно Арреціумъ; это объясняется тѣмъ, что тамъ власть находилась еще въ рукахъ аристократіи [3]). Во время нашествія Аннибала на Италію волненіе охватило всѣ города; но и здѣсь дѣло шло не о независимости: въ каждомъ городѣ аристократія стояла за Римъ, а плебсъ за Карѳагенъ [4]).

Образъ римскаго правленія можетъ объяснить намъ то постоянное предпочтеніе, какое питала аристократія къ Риму. Рядъ переворотовъ произошелъ въ Римѣ гораздо медленнѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ. Въ 509 мъ году, когда въ латинскихъ гражданскихъ общинахъ были уже тираны, въ Римѣ патриціямъ удалось снова захватить власть въ свои руки. Впослѣдствіи демократія вновь вошла въ силу, но только много спустя и притомъ съ крайней умѣренностью. Слѣдовательно римское правленіе оставалось аристократическимъ гораздо дольше, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, и могло долгое время служить надеждою аристократической партіи.

Правда, демократія одержала наконецъ верхъ и въ Римѣ; но даже и тогда всѣ пріемы и всѣ способы управленія остались аристократическими. Въ комиціяхъ по центуріямъ голоса распредѣлялись по богатству. Почти то же самое было въ комиціяхъ по трибамъ; въ правѣ недопускалось никакого различія, основаннаго на богатствѣ, но на дѣлѣ бѣдный классъ, раздѣленный на четыре городскія трибы, имѣлъ всего на-всего четыре голоса противъ тридцати одного класса собственниковъ. При томъ собранія эти отличались обыкновенно полнымъ спокойствіемъ; говорить на нихъ могъ только одинъ предсѣдатель или тотъ, кому онъ это разрѣшалъ; ораторовъ совсѣмъ не слушали, обсуждали мало; все дѣло сводилось чаще всего къ простому голосованію и къ счету голосовъ; послѣднее дѣйствіе, какъ крайне сложное, требовало много времени и полнаго спокойствія. Къ этому надо прибавить, что сенатъ не возобновлялся каждый годъ, какъ въ демократическихъ гражданскихъ общинахъ Греціи. По закону его составъ назначался цензорами при каждой новой люстраціи; въ дѣйствительности списки вполнѣ походили другъ на друга, и вычеркнутые члены составляли исключеніе, такъ что се-

[1]) Титъ Ливій, VIII, 11.
[2]) Титъ Ливій, IX, 24, 25.
[3]) Титъ Ливій, IX, 32; X, 3.
[4]) Титъ Ливій, XXIII, 13, 14, 39; XXIV, 2: *Unus velut morbus invaserat omnes Italiae civitates, ut plebs ab optimatibus dissentiret, senatus Romanis faveret, plebs ad Poenos rem traheret.*

натъ былъ пожизненъ и пополнялся почти самъ собою, причемъ можно замѣтить, что сыновья обыкновенно наслѣдовали отцамъ. Онъ былъ настоящимъ олигархическимъ учрежденіемъ.

Нравы были еще болѣе аристократичны, чѣмъ учрежденія. Для сенаторовъ имѣлись особыя мѣста въ театрѣ. Для однихъ богатыхъ была доступна служба въ конницѣ. Большая часть военныхъ должностей доставалась молодежи изъ знатныхъ семей; Сципіону еще не было и шестнадцати лѣтъ, а онъ уже начальствовалъ надъ эскадрономъ [1]).

Преобладающее значеніе богатаго класса сохранилось въ Римѣ гораздо дольше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ городѣ. Это произошло по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, произошли великія завоеванія, которыя еще болѣе обогатили богатый классъ; всѣ земли, отнятыя у побѣжденныхъ, достались только этому классу; онъ завладѣлъ также торговлею завоеванныхъ странъ и присоединилъ къ этому огромныя выгоды отъ сбора податей и отъ управленія провинціями. Семьи эти, все болѣе и болѣе обогащаясь такимъ образомъ въ каждомъ поколѣніи, стали чрезмѣрно богатыми. Вторая причина была та, что всякій римлянинъ, даже самый бѣдный, питалъ невольное уваженіе къ богатству. Въ это время настоящаго кліэнтства уже давно не существовало, но оно какъ бы воскресло вновь подъ видомъ почтенія, воздаваемаго людямъ съ большимъ состояніемъ; тогда установился обычай для бѣдныхъ людей ходить каждое утро привѣтствовать богатыхъ и выпрашивать у нихъ дневного пропитанія.

Борьба богатыхъ съ бѣдными происходила въ Римѣ, какъ и въ другихъ городахъ, но здѣсь она началась только во времена Гракховъ, т.-е. послѣ того, какъ завоеванія были почти окончены. Притомъ борьба эта въ Римѣ не имѣла того жестокаго характера, какъ вездѣ въ другихъ мѣстахъ. Народъ римскій не былъ жаденъ къ богатству; онъ плохо помогалъ Гракхамъ, не повѣрилъ имъ, что они трудились для него безкорыстно, и покинулъ ихъ въ рѣшительную минуту. Аграрные законы, такъ часто выдвигавшіеся, какъ угроза противъ богатыхъ, мало интересовали собою простой народъ и волновали его крайне незначительно. Вполнѣ очевидно, что у него не было сильнаго желанія получить собственную землю; притомъ, если ему и предлагался раздѣлъ общественныхъ земель, т.-е. государственнаго имущества, то по крайней мѣрѣ онъ никогда и не думалъ лишать богатыхъ ихъ

---

[1]) Плиній, XIV, 1, 5: *Senator censu legi, judex fieri censu, magistratum ducemque nihil magis exornare quam censum.* Эти слова Плинія не относятся только къ послѣднимъ годамъ республики. Въ Римѣ все время существовали особые цензы для того, чтобы быть сенаторомъ, всадникомъ и даже легіонеромъ. Когда создалась корпорація судей, то для участія въ ней требовалось быть богатымъ, потому что право суда было всегда преимуществомъ высшихъ классовъ.

собственности. Частію вслѣдствіе укоренившагося въ немъ уваженія и частію по привычкѣ ничего не дѣлать, онъ предпочиталъ жить въ сторонѣ, какъ бы въ тѣни богатыхъ.

Послѣдній классъ былъ настолько благоразуменъ, что принималъ въ свою среду всѣ наиболѣе значительныя семьи подвластныхъ городовъ. Все, что было богатаго въ Италіи, все это мало-по-малу вошло въ составъ римскаго богатаго класса. Сословіе это становилось все значительнѣе и важнѣе и сдѣлалось скоро владыкою государства. Оно одно занимало всѣ магистратуры, потому что купить ихъ стоило очень дорого; оно одно составляло весь сенатъ, такъ какъ для того, чтобы быть сенаторомъ, требовался очень высокій цензъ. Такимъ образомъ происходитъ странное явленіе: вопреки демократическимъ законамъ слагается новая знать, а народъ, при всемъ своемъ полновластіи, допускаетъ ее возвыситься надъ собою и въ сущности никогда ей ни въ чемъ не препятствуетъ. Такимъ образомъ Римъ въ третьемъ и во-второмъ вѣкѣ до нашей эры былъ наиболѣе аристократически управляемымъ городомъ Италіи и Греціи. Замѣтимъ еще, что если во внутреннихъ дѣлахъ сенатъ былъ обязанъ сообразоваться съ народомъ, за то во всѣхъ дѣлахъ внѣшнихъ онъ былъ неограниченнымъ господиномъ. Онъ принималъ пословъ, заключалъ союзы и раздавалъ провинціи и легіоны, утверждалъ распоряженія военачальниковъ и опредѣлялъ условія для побѣжденныхъ: все это такія дѣла, которыя вездѣ въ другихъ мѣстахъ находились въ вѣдѣніи народнаго собранія. Чужеземцы, слѣдовательно, никогда не сталкивались съ народомъ въ своихъ сношеніяхъ съ Римомъ; они постоянно слышали только о сенатѣ, и ихъ поддерживали въ томъ мнѣніи, что народъ не имѣетъ никакой власти; такую именно мысль высказалъ одинъ грекъ Фламинину: „Въ вашей странѣ,—сказалъ онъ,—управляетъ богатство, а все остальное ему подвластно [1])“.

Слѣдствіемъ этого было то, что во всѣхъ гражданскихъ общинахъ аристократія съ надеждой взирала на Римъ, разсчитывала на его поддержку, добивалась его покровительства и соединяла свою участь съ его судьбою. Это казалось тѣмъ болѣе дозволительнымъ, что Римъ ни для кого не былъ чужимъ городомъ: сабиняне, латины, этруски видѣли въ немъ городъ сабинскій, или латинскій, или этрусскій, а греки считали его греческимъ.

Какъ только Римъ появился въ Греціи (за 199 лѣтъ до Р. Х.), аристократія вся встала на его сторону. Почти никто тогда и не думалъ, что есть выборъ между независимостью и подчиненіемъ. Для большинства людей весь вопросъ заключался только въ сочувствіи или къ аристократіи, или къ народной партіи. Во всѣхъ городахъ народная партія стояла за Филиппа, за Антіоха или за Персея, а аристократія—всегда за

---

[1]) Титъ Ливій, XXXIV, 31.

Римъ. Такъ можно видѣть изъ Полибія и Тита Ливія, что если въ 198-мъ году Аргосъ отворилъ свои ворота македонянамъ, то это оттого, что власть тогда находилась въ рукахъ народа; въ слѣдующемъ году партія богатыхъ отдаетъ Опунтъ въ руки римлянъ; у акарнянъ аристократія заключила договоръ съ Римомъ, но черезъ годъ договоръ этотъ былъ нарушенъ, потому что въ это время демократія вновь вернула себѣ господство; Ѳивы все время остаются въ союзѣ съ Филиппомъ, пока тамъ во главѣ власти стоитъ народная партія и тотчасъ же сближаются съ Римомъ, какъ только аристократія беретъ верхъ; въ Аѳинахъ, въ Деметріадѣ, въ Фокеѣ народъ враждебенъ римлянамъ; Навидъ, демократическій тиранъ, ведетъ съ ними войну; ахейскій союзъ, пока онъ управляется аристократіей, вполнѣ имъ благопріятенъ; такіе люди, какъ Филопеменъ и Полибій, жаждутъ національной независимости, но они предпочитаютъ скорѣй владычество римлянъ, чѣмъ демократію; въ самомъ Ахейскомъ союзѣ настаетъ время, когда народная партія овладѣваетъ властью, и съ этой поры союзъ дѣлается врагомъ Рима. Діэй и Критолай являются въ одно и то же время и вождями народной партіи, и военачальниками Ахейскаго союза противъ римлянъ; они храбро сражаются при Скарфеѣ и Левкопетрѣ, не столько быть-можетъ за независимость Греціи, сколько за торжество демократіи.

Такіе факты говорятъ достаточно ясно, какимъ образомъ Римъ безъ большихъ усилій достигъ владычества. Муниципальный духъ исчезалъ мало-по-малу. Любовь къ независимости дѣлалась чувствомъ все болѣе рѣдкимъ, а главное мѣсто въ человѣческой жизни заняли интересы и страсти партій. Гражданская община незамѣтно стала забываться. Преграды, отдѣлявшія нѣкогда другъ отъ друга города и обособлявшія ихъ въ отдѣльные мірки съ ограниченнымъ кругозоромъ, падали одна за другою. Въ цѣлой Италіи и въ цѣлой Греціи можно было найти только два разряда людей: съ одной стороны классъ аристократическій, съ другой— народную партію; первый призывалъ владычество Рима, вторая его отвергала. Аристократія взяла верхъ, и Римъ достигъ владычества надъ міромъ.

4. *Римъ вездѣ уничтожаетъ муниципальный порядокъ.*

Учрежденія древней гражданской общины устарѣли и обезсилѣли вслѣдствіе цѣлаго ряда переворотовъ. Первымъ слѣдствіемъ римскаго владычества было ихъ окончательное разрушеніе и уничтоженіе всего, что отъ нихъ еще оставалось. Все это легко подмѣтить, если всмотрѣться въ условія, налагаемыя Римомъ на побѣжденные имъ народы.

Прежде всего намъ надо позабыть всѣ условія современной политики и не воображать себѣ, что народы входили одинъ за другимъ въ составъ римскаго государства, подобно тому

какъ въ наше время завоеванныя области присоединяются къ государству, которое, принимая въ себя этихъ новыхъ членовъ, раздвигаетъ свои границы. Римское государство, *civitas romana*, не увеличивалось завоеваніемъ: оно постоянно состояло только изъ тѣхъ семей, которыя участвовали въ религіозной церемоніи очищенія. Римская территорія, *ager romanus*, тоже не расширяла свои предѣлы; она оставалась ограниченною неизмѣнными предѣлами, обозначенными для нея царями и освящаемыми ежегодно церемоніей Амбарвалій. При каждомъ завоеваніи увеличивались, во-первыхъ, римское владычество, *imperium romanum*, и, во-вторыхъ, территорія, принадлежащая римскому государству, *ager publicus*.

Во время республики никому и въ голову не приходило, что римляне и другіе народы могли составлять одну націю. Римъ могъ, конечно, принимать къ себѣ нѣкоторыхъ побѣжденныхъ, поселять ихъ въ своихъ стѣнахъ и обращать ихъ въ концѣ концовъ въ римлянъ; но онъ не могъ слить все чужое населеніе съ своимъ населеніемъ, а его территорію съ своею. Это происходило не отъ особенной политики Рима, но вслѣдствіе постояннаго во всей древности принципа, изъ подъ власти котораго Римъ охотнѣе всякаго другого города старался, но не могъ вполнѣ освободиться. Такимъ образомъ покоренный народъ не входилъ въ римское государство, *in civitate*, но только вступалъ въ римское владычество, *in imperio*. Онъ не присоединялся къ Риму, подобно тому какъ въ настоящее времи провинціи соединены съ столицей; между Римомъ и покоренными народами возможна была только двоякаго рода связь: или союзъ, или подданство *(socii, dedititii)*.

Судя по этому можно было бы думать, что муниципальныя учрежденія должны были сохраняться въ неприкосновенности у побѣжденныхъ и что весь міръ долженъ быть огромной совокупностью различныхъ между собою гражданскихъ общинъ, подъ верховною властью одной общины. Однако не было ничего подобнаго. Римское завоеваніе повлекло за собою полное преобразованіе во внутреннемъ строѣ каждаго города.

Съ одной стороны были подданные, *dedititii*: это были тѣ, которые, произнесши формулу *deditionis*, передали во власть римскому народу „самихъ себя, свои стѣны, свои земли, свои воды, свои жилища, свои храмы, своихъ боговъ". Слѣдовательно, они отреклись не только отъ своего муниципальнаго управленія, но еще и отъ всего, что связывалось съ нимъ у древнихъ, т.-е. отъ своей религіи и отъ своего частнаго права. Съ этого времени люди эти уже не составляли болѣе между собой никакого политическаго цѣлаго; у нихъ не оставалось ничего, что связывало бы ихъ въ правильное общество. Городъ ихъ могъ оставаться невредимымъ, но ихъ гражданская община погибала. Если они и продолжали жить вмѣстѣ, то все же у нихъ не было ни учрежденій, ни зако-

новъ, ни магистратовъ. Произвольная власть префекта *(praefectus)*, присланнаго изъ Рима, поддерживала среди нихъ внѣшній порядокъ [1]).

Съ другой стороны стояли союзники, *foederati* или *socii*. Съ ними поступали не такъ дурно. Вступая подъ римское владычество, они выговаривали себѣ право сохранить свой муниципальный порядокъ и по-прежнему оставаться при своей общинной организаціи. Поэтому въ каждомъ городѣ они по-прежнему сохраняли свое собственное устройство, магистратуры, сенатъ, пританей, законы, судей. Городъ считался независимымъ, и всѣ его отношенія къ Риму были подобны отношеніямъ союзныхъ городовъ. Однако въ условіи договора, заключеннаго при самомъ завоеваніи, Римъ внесъ такую формулу: *majestatem populi romani comiter conservato* [2]). Слова эти установляли зависимость союзной гражданской общины отъ Рима, а такъ какъ слова эти были крайне неопредѣленны, то слѣдствіемъ этого было то, что мѣра этой зависимости зависѣла всегда отъ произвола болѣе сильнаго. Эти города, называвшіеся свободными, получали приказанія изъ Рима, повиновались его проконсуламъ и платили налоги его сборщикамъ; ихъ магистраты представляли свои отчеты правителю всей провинціи, который принималъ также жалобы на ихъ судей [3]). Но самая природа муниципальнаго порядка у древнихъ была такова, что для него требовалась полная независимость, иначе онъ обрекался на гибель. Между сохраненіемъ учрежденій гражданской общины и подчиненіемъ чужеземной власти было противорѣчіе, быть-можетъ не совсѣмъ ясное на нашъ взглядъ, но въ то время сильно поражавшее всѣхъ. Муниципальная свобода и владычество Рима были несовмѣстимы; первая могла быть только призракомъ, ложью, пустой внѣшностью, годною для обмана толпы. Каждый изъ такихъ городовъ посылалъ въ Римъ почти ежегодно посольство, и всѣ ихъ дѣла самыя близкія и самыя ничтожныя рѣшались въ сенатѣ. У нихъ были, правда, свои муниципальные магистраты, архонты и стратеги, выбираемые по ихъ полной волѣ; но у архонта была только одна обязанность—заносить свое имя въ общественные списки для обозначенія года, а стратегъ, нѣкогда бывшій главою войска и государства, завѣдывалъ только путями сообщенія и наблюдалъ за торговлею [4]) на городскихъ рынкахъ.

Муниципальныя учрежденія погибали, слѣдовательно, и у народовъ, называвшихся союзниками, точно также какъ у тѣхъ, которые считались подданными; между ними только та разница, что первые сохраняли еще свои внѣшнія формы. Въ сущности же гражданская община въ томъ видѣ, какъ понимала ее древность, не встрѣчалась болѣе нигдѣ, кромѣ какъ въ стѣнахъ Рима [5]).

1) Титъ Ливій, I, 38; VII, 31; IX, 20; XXVI, 16; XXVIII, 34. Цицеронъ, *De lege agr.*, I, 6; II, 32. Фестъ, слово *Praefecturae*.

2) Цицеронъ, *pro Balbo*, 16.

3) Титъ Ливій, XLV, 18. Цицеронъ, *ad Att.*, VI, 2. Аппій, *Гражд. войны*, I, 102. Тацитъ, XV, 45.

4) Филостратъ, *Жизнь софистовъ*, I, 23. Бекъ, *Corp. inscr.*, passim.

При томъ Римъ, разрушая повсюду внутренній порядокъ гражданской общины, не замѣщалъ его ничѣмъ. Народамъ, которыхъ онъ лишалъ родныхъ учрежденій, онъ не давалъ взамѣнъ своихъ собственныхъ. Онъ даже не помышлялъ о томъ, чтобы создать новыя учрежденія для ихъ пользованія. Онъ никогда не создалъ правильнаго устройства для народовъ, находившихся подъ его властію, и ему даже не удалось установить твердыя нормы для ихъ управленія. Самая власть, какою онъ пользовался надъ ними, не имѣла въ себѣ ничего правильнаго, законнаго. Такъ какъ они не входили въ составъ его государства, его гражданской общины, то онъ не имѣлъ на нихъ никакой законной силы. Его подданные были для него чужими; поэтому по отношенію къ нимъ онъ пользовался всей той беззаконною и неправильною властью, какую древнее муниципальное право давало гражданину надъ чужеземцемъ или врагомъ. Именно этимъ принципомъ долгое время руководилось римское управленіе, и вотъ какъ оно при этомъ поступало.

Римъ посылалъ одного изъ своихъ гражданъ въ какой-либо край; изъ этого края онъ дѣлалъ *провинцію* для этого человѣка, т.-е. предметъ его должности, его личной заботы, его личнаго дѣла; таковъ смыслъ слова *provincia* на древнемъ языкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вручалъ этому гражданину *imperium*; это значило, что онъ отступался въ его пользу на опредѣленное время отъ своей верховной власти на эту страну. Съ этой поры гражданинъ этотъ совмѣщалъ въ своемъ лицѣ всѣ права республики и въ силу этого являлся полнымъ властелиномъ. Онъ назначалъ сумму налоговъ; онъ завѣдывалъ военною силой и творилъ судъ. Его взаимныя отношенія съ подданными или союзниками не были обусловлены никакимъ закономъ. На судѣ онъ судилъ по одной своей волѣ; никакой законъ не былъ для него обязателенъ, ни законъ мѣстный, потому что онъ римлянинъ, ни законъ римскій, потому что онъ судилъ мѣстныхъ жителей провинціи. Между нимъ и его подвластными могли быть только тѣ законы, какіе онъ самъ издавалъ, потому что онъ одинъ могъ обязать себя. Это оттого, что данное ему *imperium* заключало въ себѣ также и законодательную власть. Вотъ почему правители провинцій имѣли право и усвоили себѣ за обычай, при своемъ пріѣздѣ въ провинцію, обнародывать сводъ законовъ, который они

1) Впослѣдствіи Римъ возстановилъ вездѣ муниципальный порядокъ, но надо хорошенько помнить, что муниципальный режимъ временъ имперіи не имѣетъ ничего общаго кромѣ внѣшности съ такимъ же режимомъ древнихъ временъ; и основанія, и духъ были уже иные. Гражданская община у галловъ или у грековъ во времена Антониновъ уже совсѣмъ не то, что древняя община.

называли своимъ эдиктомъ и который нравственно обязывались соблюдать. Но такъ какъ правители смѣнялись ежегодно, то и эти своды законовъ также мѣнялись каждый годъ вслѣдствіе того, что законы эти вытекали изъ личной воли человѣка, облеченнаго въ данное время *imperium*. Принципъ этотъ соблюдался такъ строго, что если какой-либо приговоръ былъ сдѣланъ правителемъ, но не выполненъ вполнѣ до его отбытія изъ провинціи, то пріѣздъ его преемника лишалъ это постановленіе всякаго значенія, и дѣло должно было разбираться снова [1]).

Вотъ до чего велика была власть правителя. Онъ былъ живой законъ. Обратиться къ римскому правосудію съ жалобою на его насилія или преступленія жители провинціи могли только въ томъ случаѣ, если они находили какого-нибудь римскаго гражданина, который согласился бы выступить въ качествѣ ихъ патрона [2]). Сами по себѣ они не имѣли права ни ссылаться на законъ гражданской общины, ни обращаться къ ея судамъ. Они—чужеземцы; на юридическомъ оффиціальномъ языкѣ они назывались *peregrini*; все, что законъ гласилъ относительно *hostis*, прилагалось и къ нимъ.

Законное положеніе жителей имперіи выясняется для насъ въ сочиненіяхъ римскихъ правовѣдовъ. Оказывается, что покоренные народы, теряя свои собственные законы, не пользовались однако законами римскими. Для нихъ, слѣдовательно, не было никакого права. Въ глазахъ римскаго правовѣда, всякій человѣкъ изъ провинціи—не мужъ и не отецъ; это значитъ, что законъ не признаетъ за нимъ ни мужней, ни отцовской власти. Собственности для него не существуетъ; онъ не можетъ быть собственникомъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, въ силу своего личнаго положенія, такъ какъ онъ не гражданинъ; во-вторыхъ, въ силу положенія его земли, такъ какъ земля эта не римская, а законъ признаетъ право полной собственности только въ предѣлахъ римской земли [3]) *(ager romanus)*. Вотъ почему правовѣды учатъ, что провинціальная земля никогда не бываетъ частною собственностью и что люди могутъ имѣть ее только во временномъ владѣніи и пользованіи [4]). Мнѣніе это, высказанное правовѣдами во второмъ вѣкѣ нашей эры о провинціальной землѣ, равно прилагалось и къ землѣ италійской, пока вся Италія не получила права римскаго гражданства, какъ мы сейчасъ это увидимъ.

Такимъ образомъ мы доказали, что народы, вступая подъ

---

1) Гай, IV. 103—106.

2) Относительно установленія патронатства и кліентства, примѣняемыхъ къ городамъ и провинціямъ. см. у Цицерона, *De Officiis*, II, 11; *in Coecilium*, 4; *in Verrem*, III, 18; Діонисій, II, 11; Титъ Ливій, XXV, 29; Валерій Максимъ, IV, 3, 6; Аппій, *Гражд. войны*, II, 4.

3) Впослѣдствіи въ предѣлахъ *agri italici*.

4) Гай, II, 7: *in provinciali solo dominium populi romani est*. Цицеронъ, *pro Flacco*, 32.

владычество Рима, теряли свою муниципальную религію, свое управленіе, свое частное право. Конечно, можно думать, что на дѣлѣ Римъ смягчалъ разрушительныя послѣдствія своего владычества. Такъ, напримѣръ, если римскій законъ и не признавалъ за подданными отцовской власти, то онъ все же оставлялъ ее въ неприкосновенности въ нравахъ и обычаяхъ. Если законъ и не дозволялъ такому человѣку называться собственникомъ земли, однако онъ оставлялъ ее въ его владѣніи; онъ воздѣлывалъ свою землю, продавалъ ее, завѣщалъ. Никогда не говорилось, что это земля—его, но что она какъ бы его, *pro suo*. Она не была его собственностью, *dominium*, но считалась въ числѣ его имущества, *in bonis* [1]). Римъ придумывалъ такимъ образомъ въ пользу подданнаго много обходовъ и искусныхъ подстановокъ. Хотя муниципальныя преданія мѣшали Риму издавать законы для побѣжденныхъ, однако римскій геній не могъ допустить общество до распаденія. Въ принципѣ ихъ ставили внѣ права; на дѣлѣ они жили, какъ будто были вполнѣ правоспособны. Благодаря этому, а также умѣренности побѣдителя, всѣмъ учрежденіямъ побѣжденныхъ предоставлялось свободно исчезать, а всѣмъ ихъ законамъ забываться. *Imperium romanum* представляло, особенно при республиканскомъ и сенаторскомъ режимѣ, странное зрѣлище: изо всѣхъ гражданскихъ общинъ уцѣлѣла только одна, сохранивъ въ цѣлости свои учрежденія и свое право; все же остальное, т. е. около 80 милліоновъ душъ, или совсѣмъ не имѣло болѣе никакихъ законовъ, или, по крайней мѣрѣ, не имѣло законовъ, которые признавались бы державной общиной. Міръ не былъ тогда вполнѣ хаосомъ, но общество, за отсутствіемъ законовъ и принциповъ, держалось только насиліемъ, произволомъ и условностью.

Таково было дѣйствіе римскаго завоеванія на народы, подпадавшіе другъ за другомъ подъ его владычество. Въ гражданской общинѣ все погибло: сперва религія, затѣмъ управленіе и наконецъ частное право; всѣ муниципальныя учрежденія, уже давно потрясенныя, были наконецъ вырваны съ корнемъ и уничтожены. Но никакое правильное общество, никакая система управленія не замѣстили немедленно собою то, что исчезло. Съ минуты, когда люди увидѣли паденіе муниципальнаго порядка, прошло нѣкоторое время прежде, чѣмъ народился новый видъ общества. Нація не сразу явилась вслѣдъ за гражданскою общиной, такъ какъ *imperium romanum* нисколько не походила на націю. То была нестройная масса, гдѣ только въ одномъ центральномъ пунктѣ существовалъ истинный порядокъ, а все остальное пользовалось порядкомъ искусственнымъ и переходнымъ, да и тотъ пріобрѣтался только цѣною покорности. Покоренные народы только тогда слагались въ организованное цѣлое, когда въ

---

1) Гай, I, 54; II, 5, 6, 7.

свою очередь завоевывали у Рима права и учрежденія, которыя онъ хотѣлъ сберечь только для себя; для этого имъ надо было войти въ составъ римской гражданской общины, приготовить себѣ тамъ мѣсто, тѣсно слиться съ нею и преобразовать ее такъ, чтобы образовать съ нею единое цѣлое. Такое дѣло было трудно и требовало много времени.

5. *Подвластные народы послѣдовательно вступаютъ въ римскую гражданскую общину.*

Мы только что видѣли, насколько плачевно было положеніе римскаго подданнаго и насколько зависима была судьба гражданина. Страдало не одно тщеславіе, страдали интересы наиболѣе насущные и дорогіе. Кто не былъ римскимъ гражданиномъ, тотъ не считался ни мужемъ, ни отцомъ; тотъ не могъ быть по закону ни собственникомъ, ни наслѣдникомъ. Званіе римскаго гражданина было такъ важно, что безъ него человѣкъ находился внѣ права и только черезъ него входилъ въ правильное общество. Слѣдовательно званіе это неизбѣжно должно было сдѣлаться предметомъ самыхъ жаркихъ людскихъ желаній. Латины, италійцы, греки, а затѣмъ испанцы и галлы, всѣ стремились сдѣлаться римскими гражданами, видя въ этомъ званіи единственное средство получить права и пріобрѣсть нѣкоторое значеніе. Всѣ они, одни за другими, приблизительно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они вступали подъ владычество Рима, старались войти въ римскую гражданскую общину, чего и добивались послѣ долгихъ усилій.

Это медленное вступленіе народа въ римское государство было послѣднимъ актомъ длинной исторіи соціальнаго преобразованія у древнихъ. Чтобы разсмотрѣть это великое событіе во всѣхъ его послѣдовательныхъ фазисахъ, надо обратиться къ самому его началу въ IV вѣкѣ до нашей эры.

Лаціумъ покоренъ давно; изъ сорока незначительныхъ народовъ, въ немъ обитавшихъ, Римъ половину истребилъ, у иныхъ отнялъ ихъ земли, а за третьими оставилъ названіе союзниковъ. Въ 340 году послѣдніе замѣтили, что союзъ ведетъ для нихъ только ко вреду, что они должны повиноваться во всемъ и что имъ приходится каждый годъ проливать свою кровь и тратить свои деньги въ пользу одного Рима. Тогда они вошли между собою въ соглашеніе; ихъ вождь Анній такъ изложилъ ихъ требованія въ римскомъ сенатѣ: „Пусть намъ дадутъ равенство и общіе законы; мы составимъ вмѣстѣ съ вами одно государство, *una civitas*; у насъ будетъ общее имя, и мы всѣ станемъ называться римлянами“ [1]). Анній высказалъ такимъ образомъ еще въ 340 году то самое желаніе, къ которому пришли всѣ народы имперіи одни за другими, но которое вполнѣ осуществилось только черезъ пять съ половиной вѣковъ. Въ то время подобная мысль была черезчуръ нова и неожиданна; римляне объявили ее чудовищной и преступной, да и въ самомъ дѣлѣ она была противна древней религіи и древнему праву гражданскихъ общинъ. Консулъ Манлій отвѣчалъ, что если случится, что подобное предложеніе будетъ принято, то онъ, консулъ, самъ своею рукою убьетъ перваго латина, дерзнувшаго притти въ сенатъ; затѣмъ повернувшись къ алтарю, онъ сказалъ, призвавъ боговъ въ свидѣтели: „Юпитеръ, ты слышалъ нечестивыя слова, исшедшія изъ устъ этого человѣка! Потерпишь ли ты, чтобы чужеземецъ возсѣдалъ въ твоемъ храмѣ, какъ сенаторъ или какъ консулъ?“ Манлій выразилъ этимъ то старинное чувство отвращенія, которое удаляло гражданина отъ чужеземца. Манлій былъ выразителемъ древняго религіознаго закона, предписывавшаго ненависть къ чужеземцу, такъ какъ онъ былъ ненавистенъ богамъ гражданской общины. Ему казалось невозможнымъ допустить латина сдѣлаться сенаторомъ, потому что мѣсто собранія сената былъ храмъ, а римскіе боги не могли терпѣть присутствія чужеземца въ своемъ святилищѣ [1]).

1) Титъ Ливій, VIII, 3, 4, 5.

Вспыхнула война; латины были побѣждены и обречены на *deditio*, т.-е. они должны были отдать римлянамъ свои города, свои культы, свои законы, свои земли. Положеніе ихъ было отчаянное. Одинъ изъ консуловъ сказалъ въ сенатѣ, что если не желательно имѣть вокругъ Рима обширную пустыню, то надо позаботиться о томъ, какъ бы получше устроить судьбу латиновъ. Титъ Ливій говоритъ очень не ясно о томъ, что было сдѣлано; если ему вѣрить, то латинамъ дано было право римскаго гражданства за исключеніемъ права голоса—въ отношеніи политическомъ и права брака—въ отношеніи гражданскомъ; сверхъ того можно замѣтить, что эти новые граждане не включены были въ ценсъ. Вполнѣ ясно, что сенатъ обманулъ латиновъ, давъ имъ названіе римскихъ гражданъ; за этимъ почетнымъ названіемъ скрывалось настоящее подданство, такъ какъ люди, носившіе его, исполняли всѣ обязанности гражданина, не имѣя при томъ ихъ правъ. Это настолько вѣрно, что многіе латинскіе города возмутились, требуя, чтобъ у нихъ взяли назадъ такое мнимое право гражданской общины.

Проходятъ еще сто лѣтъ и, хотя Титъ Ливій объ этомъ и умалчиваетъ, политика Рима рѣзко измѣняется. Нѣтъ болѣе латиновъ съ правомъ гражданской общины, но безъ права голоса и брака *(connubium)*. Римъ отобралъ у нихъ ихъ званіе гражданъ или, вѣрнѣе, онъ уничтожилъ эту ложь и рѣшился возвратить различнымъ городамъ ихъ муниципальное управленіе, ихъ законы и магистратуры.

1) Титъ Ливій, VIII, 5; легенда прибавляетъ, что авторъ этого нечестиваго предложенія, столь противнаго древнимъ принципамъ религіи гражданской общины, былъ пораженъ богами внезапною смертью при уходѣ изъ куріи.

Однако однимъ ловкимъ оборотомъ Римъ открылъ доступъ, хотя и крайне тѣсный, позволявшій подданнымъ входить въ римскую гражданскую общину. Онъ допустилъ, что всякій латинъ, исполнявшій магистральную должность въ своемъ родномъ городѣ, становился римскимъ гражданиномъ по окончаніи службы [1]). На этотъ разъ данное право гражданства было полно и безъ всякихъ исключеній: подача голоса, магистратуры, внесеніе въ списокъ, бракъ, частное право—все въ немъ заключалось. Римъ старался подѣлиться съ чужеземцемъ своею религіей, своимъ управленіемъ, своими законами; только милости эти были исключительны и обращались не на цѣлые города, но на отдѣльныхъ людей въ каждомъ изъ нихъ. Римъ принималъ въ свое лоно только самое лучшее, богатое и уважаемое, что было въ Лаціумѣ.

Тогда право гражданства стало цѣниться очень высоко, во-первыхъ—потому, что оно было полно, а во-вторыхъ—потому, что оно было преимуществомъ. Благодаря ему можно было принимать участіе въ комиціяхъ самаго могущественнаго города въ Италіи; можно было сдѣлаться консуломъ и начальствовать надъ легіонами. Въ немъ были и другія выгоды для удовлетворенія требованій болѣе скромныхъ: благодаря ему можно было вступить въ брачный союзъ съ какой-либо римскою семьей; можно было поселиться въ Римѣ и быть тамъ собственникомъ; можно было торговать въ Римѣ, сдѣлавшемся уже первымъ мѣстомъ міровой торговли; можно было участвовать въ компаніяхъ для сбора налоговъ, т.-е. пользоваться громадными барышами отъ взиманія податей и отъ спекуляцій на общественныя земли (*ager publicus*). Гдѣ бы ни жилъ тогда человѣкъ, вездѣ встрѣчалъ онъ самое надежное покровительство; онъ ускользалъ изъ-подъ власти муниципальныхъ магистратовъ и былъ гарантированъ отъ произвола даже самихъ римскихъ магистратовъ. Чрезъ званіе римскаго гражданина достигались и богатство, и почести, и безопасность.

Латины, конечно, дѣятельно стали добиваться этого званія и для пріобрѣтенія его прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ. Однажды, когда Римъ пожелалъ внести болѣе строгости въ это дѣло, было открыто, что 12.000 латиновъ получили обманомъ [2]) право римскаго гражданства.

Обыкновенно Римъ закрывалъ на это глаза, полагая, что отъ этого возрастаетъ его населеніе и вознаграждаются военныя потери. Однако латинскіе города неизбѣжно страдали; самые богатые изъ ихъ жителей сдѣлались римскими гражданами, и Лаціумъ обѣднѣлъ. Налоги, отъ которыхъ самые богатые исключались въ качествѣ римскихъ гражданъ, становились все тяжелѣе и тяжелѣе, а количество солдатъ, которыхъ

1) Аппій, *Гражд. войны*, II, 26. Гай, I, 95.
2) Титъ Ливій, XXXIX, 3.

надо было ежегодно выставлять Риму, набирать было все труднѣе и труднѣе. Чѣмъ больше возрастало число тѣхъ, кто получилъ право римскаго гражданства, тѣмъ непригляднѣе становилось положеніе тѣхъ, у кого его не было. Настало время, когда латинскіе города потребовали, чтобы право это перестало быть привилегіей.

Италійскіе города, покоренные около двухъ вѣковъ назадъ, находились почти въ томъ же положеніи, какъ и города латинскіе; самые богатые изъ ихъ жителей также покидали ихъ, дѣлаясь римлянами. Когда они замѣтили это, они потребовали себѣ права гражданства. Участь подданныхъ или союзниковъ въ эту эпоху стала еще болѣе тяжелою, оттого что римская демократія волновалась тогда важнымъ вопросомъ объ аграрныхъ законахъ. Основаніемъ же всѣхъ этихъ законовъ было то, что ни подданный, ни союзникъ не могли быть собственниками земли иначе, какъ вступивъ въ гражданскую общину, и что большая часть италійскихъ земель принадлежала государству; одна партія требовала, чтобъ эти земли, почти всѣ занятыя италійцами, были отобраны государствомъ и подѣлены между римскими бѣдняками. Такимъ образомъ италійцамъ грозила опасность сплошного разоренія; они поняли всю насущную необходимость добиться себѣ гражданскихъ правъ, получить которыя они могли только сдѣлавшись римскими гражданами.

Послѣдовавшая за этимъ война названа войной союзниковъ (*bellum sociale*); дѣйствительно, римскіе союзники взялись за оружіе, чтобы сдѣлаться римлянами. Римъ хотя и одержалъ верхъ, принужденъ былъ согласиться на то, что у него требовали, и италійцы получили право гражданства. Съ этихъ поръ, сравнявшись во всемъ съ римлянами, они могли подавать свои голоса на форумѣ; въ частной жизни они могли управляться римскими законами; ихъ право на землю было за ними признано, и италійская земля, наравнѣ съ землею римскою, могла дѣлаться собственностью. Тогда установилось *jus italicum*, право не отдѣльной личности италійца, такъ какъ онъ уже сталъ римляниномъ, но право италійской земли, на которую также распространилось право собственности какъ на *ager romanus* [1]).

Съ этого времени вся Италія составила одно государство. Оставалось только включить и провинціи въ римское единство.

Надо указать на различіе между провинціями Запада и

1) Вотъ почему она называется съ тѣхъ поръ въ правѣ *res mancipii*. Ульпіанъ, XIX, 1. *Jus italicum*, существовавшее уже, по всей видимости, во времена Цицерона, впервые упоминается Пдиніемъ, *Естест. ист.*, III, 3, 25; III, 21, 139; оно уже прилагается, вслѣдствіе естественнаго расширенія, къ территоріи многихъ городовъ, находящихся въ провинціяхъ. См. *Дигестъ*, кн. 4, гл. 15.

Греціей. На Западѣ находились Галлія и Испанія, не вѣдавшія, до завоеванія, настоящаго муниципальнаго порядка. Римъ поставилъ себѣ цѣлью ввести такой порядокъ у этихъ народовъ или потому, что не считалъ возможнымъ никакое иное управленіе, или потому, что приравнять ихъ постепенно къ италійскому населенію можно было только черезъ тотъ же путь, какимъ шло послѣднее. Вотъ причина того, почему императоры, подавлявшіе всѣ признаки политической жизни въ Римѣ, заботливо сохраняли формы муниципальной свободы въ провинціяхъ. Именно такимъ образомъ сложились гражданскія общины въ Галліи; въ каждой изъ нихъ былъ свой сенатъ, свое аристократическое сословіе, свои выборныя магистратуры; каждая изъ нихъ имѣла свой мѣстный культъ, своего *genius*, свое городское божество, на подобіе того, какъ было въ древней Греціи и Италіи. Но вводившійся такимъ образомъ муниципальный порядокъ отнюдь не препятствовалъ людямъ достичь римскаго гражданства; напротивъ, онъ ихъ къ этому приготовлялъ. Искусно установленная іерархія между этими городами указываетъ на тѣ ступени, какими они незамѣтно должны были приблизиться къ Риму съ тѣмъ, чтобы слиться съ нимъ. Различали: во 1-хъ, союзниковъ, пользовавшихся собственнымъ управленіемъ и законами и не имѣвшихъ никакой правовой связи съ римскими гражданами; во 2-хъ, колоніи, владѣвшія гражданскимъ правомъ римлянъ, за исключеніемъ ихъ политическихъ правъ; въ 3-хъ города, пользовавшіеся правомъ италійскимъ, т.-е. города, получившіе, вслѣдствіе милости Рима, право полной собственности на свои земли, какъ будто эти земли находились въ Италіи; въ 4-хъ, города, пользовавшіеся правомъ латинскимъ, т.-е. тѣ, жители которыхъ по обычаю, установившемуся издавна въ Лаціумѣ, могли сдѣлаться римскими гражданами, если только они исполняли какую-нибудь муниципальную магистратуру. Различія эти были такъ глубоки, что между лицами двухъ различныхъ категорій невозможны были ни бракъ, ни иной какой-либо законный союзъ. Однако императоры заботились доставить городамъ возможность возвышаться съ теченіемъ времени постепенно и изъ положенія подданныхъ и положенія союзниковъ переходить къ праву италійскому, а отъ права италійскаго къ праву латинскому. Когда городъ достигалъ послѣдней степени, тогда его главныя семьи становились одна за другою римскими. Греція также вошла мало-по-малу въ составъ римскаго государства. Каждый городъ сохранялъ сперва формы и устройство муниципальнаго режима. Въ эпоху завоеванія Греція обнаружила желаніе сохранить свою автономію, которая и сохранена была за ней въ неприкосновенности даже можетъ-быть на болѣе долгій срокъ, чѣмъ то желалось. Черезъ нѣсколько поколѣній она пожелала сама стать римскою; побуждали ее къ этому тщеславіе, честолюбіе и интересъ.

Греки не питали къ Риму той ненависти, какую обыкновенно чувствуютъ къ чужому владыкѣ; напротивъ, они удивлялись и воздавали ему поклоненіе; по собственному почину, они посвящали ему культъ и воздвигали ему храмы, какъ бы богу. Почти каждый городъ предавалъ забвенію свое городское божество, а вмѣсто него воздавалъ почести богинѣ Ромѣ (т.-е. Риму) и богу Цезарю; въ честь ихъ совершались самыя пышныя торжества, а высшее назначеніе первыхъ магистратовъ состояло въ устройствѣ съ возможнымъ великолѣпіемъ августовскихъ игръ [1]). Такимъ образомъ, люди привыкали смотрѣть выше своихъ гражданскихъ общинъ; они видѣли въ Римѣ настоящую общину, истинное отечество и пританей всѣхъ народовъ. Родной городъ казался слишкомъ ничтожнымъ, а его интересы не занимали болѣе мыслей; доставляемыя имъ почести не удовлетворяли болѣе честолюбія. Одно римское гражданство открывало путь къ почестямъ. Правда, во времена императоровъ званіе это не заключало въ себѣ никакихъ политическихъ правъ, но за то оно доставляло самыя широкія преимущества, такъ какъ человѣкъ, облеченный этимъ званіемъ, пользовался полнымъ правомъ собственности, правомъ брака, отеческою властью и всѣмъ частнымъ правомъ Рима. Законы, находимые каждымъ въ своемъ родномъ городѣ, были измѣнчивы и неустойчивы, они только терпѣлись до срока; римлянинъ относился къ нимъ презрительно, да и грекъ мало оказывалъ имъ почтенія. Существенно прочные законы, всѣми признанные и истинно священные, были законы римскіе.

Изъ исторіи не видно, чтобы не только вся Греція, но даже одинъ какой-либо городъ формально просили себѣ этого столь желаннаго права гражданства, но отдѣльные люди горячо стремились къ его пріобрѣтенію, а Римъ охотно его даровалъ. Одни получили его по милости императоровъ, другіе купили его за деньги; право римскаго гражданства давалось всѣмъ отцамъ, у которыхъ было трое дѣтей, и всѣмъ, кто служилъ въ извѣстныхъ отрядахъ войска; иногда для его полученія достаточно было выстроить торговый корабль опредѣленной грузовой емкости или же всего-на-всего привезти въ Римъ хлѣба. Самое легкое и быстрое средство получить это гражданство состояло въ продажѣ себя въ рабы римскому гражданину, такъ какъ освобожденіе съ соблюденіемъ законныхъ формъ доставляло право гражданства [2]).

Человѣкъ, получившій званіе римскаго гражданина, не принадлежалъ уже ни въ гражданскомъ, ни въ политическомъ отношеніи къ своему родному городу. Онъ могъ оставаться

---

[1]) Греки начали воздвигать храмы Риму съ 195 г., т.-е. еще раньше завоеванія Греціи римлянами. Тацитъ, *Лѣтоп.*, IV, 56; Титъ Ливій, XLIII, 6.

[2]) Светоній, *Неронъ*, 24. Петроній, 57. Ульпіанъ, III. Гай, I, 16, 17.

жить въ немъ, но онъ считался постороннимъ, чужеземцемъ; законы родной общины не имѣли уже на него никакой силы; онъ не повиновался ея магистратамъ, не участвовалъ въ денежныхъ повинностяхъ [1]). То было слѣдствіемъ древняго принципа, не позволявшаго одному и тому же человѣку принадлежать одновременно къ двумъ гражданскимъ общинамъ [2]). Вполнѣ естественно, что черезъ нѣсколько поколѣній въ каждомъ греческомъ городѣ образовалось довольно большое число лицъ, и обыкновенно наиболѣе богатыхъ, которыя не признавали ни управленія, ни правъ этого города. Муниципальный порядокъ погибалъ, такимъ образомъ, медленной, какъ бы естественной смертью. Настало время, когда гражданская община стала учрежденіемъ безъ всякаго содержанія, когда мѣстные законы перестали прилагаться къ кому бы то ни было, а муниципальнымъ судьямъ некого было судить.

Наконецъ, послѣ того какъ восемъ или десять поколѣній одно за другимъ потрудились надъ пріобрѣтеніемъ права римскаго гражданства и когда все болѣе или менѣе значительное получило его, тогда появился императорскій декретъ, даровавшій его всѣмъ свободнымъ людямъ безъ исключенія.

Странно только, что нельзя съ достовѣрностью установить ни время изданія этого декрета, ни имя государя, его обнародовавшаго. Честь его изданія приписываютъ съ нѣкоторою вѣроятностью Каракаллѣ, т.-е. государю, не имѣвшему никакихъ широкихъ и высокихъ взглядовъ; но за то она приписывается ему въ видѣ простой фискальной мѣры. Однако среди множества декретовъ это одинъ изъ самыхъ важныхъ: онъ уничтожилъ различіе, существовавшее съ самаго римскаго завоеванія между народомъ властителемъ и народами подвластными; онъ уничтожилъ также различіе, значительно болѣе древнее, установленное религіей и правомъ между гражданскими общинами. Между тѣмъ историки этого времени не упоминаютъ о немъ, и свѣдѣніе о немъ дошло до насъ только изъ двухъ неясныхъ текстовъ правовѣдовъ и краткаго указанія Діона Кассія [3]). Если этотъ декретъ не поразилъ современниковъ и ускользнулъ отъ вниманія тѣхъ, кто писалъ исторію, это произошло оттого, что онъ былъ законодательнымъ выраженіемъ давно уже совершившейся перемѣны. Неравенство между гражданами и подданными слабѣло съ каждымъ поколѣніемъ и сгладилось мало-по-малу. Декретъ могъ пройти незамѣченнымъ подъ видомъ фискальной мѣры; онъ провозглашалъ и проводилъ въ область права то, что было уже совершившимся фактомъ.

---

1) Онъ становился чужимъ даже относительно своей семьи, если только она, подобно ему, не получала также правъ гражданства. Онъ по ней не наслѣдовалъ. Плиній, *Панегирикъ*, 37.

2) Цицеронъ, *pro Balbo*, 28; *pro Archia*, 5; *pro Caecina*, 36. Корнелій Непотъ, *Atticus*, 3. Греція скоро оставила этотъ принципъ, но Римъ крѣпко его держался.

3) „*Antoninus Pius jus romanae civitatis omnibus subjectis donavit*". Юстиніанъ, *Новеллы*, 78, гл. 5. „*In orbe romano qui sunt, ex constitutione imperatoris Antonini, cives romani effecti sunt*". Ульпіанъ, къ *Дигестъ*, кн. I, гл. 5, 17. Отъ Спартіана извѣстно, что Каракалла именовался Антониномъ въ оффиціальныхъ актахъ. Діонъ Кассій (LXVII, 9) говоритъ, что Каракалла далъ всѣмъ жителямъ имперіи право римскаго гражданства для того, чтобы распространить на всѣхъ налогъ одной двадцатой части на всѣ освобожденія на волю и на всѣ наслѣдства, который *perigrini* не платили. Различіе между perigrini, латинами и гражданами не совсѣмъ еще исчезло; его еще можно найти у Ульпіана и въ Кодексѣ; казалось въ самомъ дѣлѣ естественнымъ, чтобы освобожденные рабы не сразу становились римскими гражданами, но проходили бы всѣ прежнія ступени, отдѣлявшія рабство отъ правъ гражданства. Замѣтно также по нѣкоторымъ признакамъ, что разница между италійскими землями и зомлями провинціальными существовала еще довольно долго (Кодексъ, VII, 25; VII, 31; X, 39; *Дигестъ*, кн. L, гл. 1). Такъ городъ Тиръ въ Финикіи даже послѣ Каракаллы пользовался преимуществомъ права италійскаго (*Дигестъ*, кн. V, гл. 15); поддержаніе этого различія объясняется интересомъ императоровъ, которымъ не хотѣлось лишиться сборовъ, поступавшихъ въ казну съ провинціальныхъ земель.

Званіе гражданина стало тогда выходить изъ употребленія, а если еще и употреблялось, то только для обозначенія свободнаго положенія человѣка, въ противоположность рабству. Съ этого времени все, что входило въ составъ Римской имперіи отъ Испаніи до Эвфрата, составило одинъ народъ и одно государство. Различіе между гражданскими общинами исчезло; различіе между націями обнаруживалось еще крайне слабо. Всѣ жители этой неизмѣримой имперіи были одинаково римлянами. Галлъ покинулъ свое имя галла и охотно назвался римляниномъ; точно также поступилъ испанецъ; также сдѣлалъ и житель Ѳракіи и Сиріи. Осталось только одно имя, только одно отечество, только одно правительство, только одно право.

Вотъ какимъ путемъ развивалась изъ вѣка въ вѣкъ римская гражданская община. Вначалѣ она заключала въ себѣ только патриціевъ и кліэнтовъ; затѣмъ въ нее проникъ плебейскій классъ, потомъ латины, потомъ италійцы, наконецъ и жители провинцій. Чтобы могла совершиться такая большая перемѣна одного завоеванія было еще недостаточно. Понадобилось медленное преобразованіе идей, осторожныя, но безпрерывныя уступки императоровъ и влеченіе личныхъ интересовъ. Тогда всѣ гражданскія общины исчезли мало-помалу; осталась одна римская община, да и та преобразовалась до такой степени, что обратилась въ сліяніе нѣсколькихъ народовъ подъ единымъ верховнымъ владычествомъ. Такъ погибъ муниципальный порядокъ.

Въ предметъ нашъ не входитъ необходимость сказать, какой системой правленія замѣненъ былъ этотъ порядокъ, и къ счастію или къ худу повела народы эта перемѣна. Мы должны остановиться въ тотъ моментъ, когда древнія социальныя формы, выработанныя древностью, исчезли навсегда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Христіанство измѣняетъ условія управленія.

Побѣда христіанства положила конецъ древнему обществу. Съ новою религіею оканчивается соціальное преобразованіе, начавшееся, какъ мы видѣли, за шесть или за семь вѣковъ до нашей эры.

Чтобы понять, до какой степени измѣнились тогда принципы и главныя правила политики, достаточно вспомнить, что древнее общество установлено было религіею, главный догматъ которой гласилъ, что каждый богъ покровительствуетъ исключительно одной семьѣ или одной гражданской общинѣ и для нея только одной существуетъ. То было время домашнихъ боговъ и городскихъ божествъ. Религія эта породила право: отношеніе людей другъ къ другу, собственность, наслѣдство, судъ—все это оказалось обусловленнымъ не принципами естественнаго равенства, но догматами этой религіи и требованіями ея культа. На религіи же основывалось и правительство между людьми: власть отца въ семьѣ, царя или магистрата въ гражданской общинѣ. Все вышло изъ религіи, т.-е. изъ мнѣнія, составленнаго человѣкомъ о божествѣ. Религія, право, управленіе—все было смѣшано одно съ другимъ и являло изъ себя одно подъ тремя различными видами.

Мы старались выяснить этотъ соціальный порядокъ у древнихъ, гдѣ религія была повелительницей какъ въ жизни частной, такъ и общественной, гдѣ государство было религіозною общиною, царь—верховнымъ жрецомъ, магистратъ—жрецомъ, законъ—священною формулою; гдѣ любовь къ родинѣ была благочестіемъ, изгнаніе—отлученіемъ отъ религіи; гдѣ личная свобода была неизвѣстна, гдѣ человѣкъ порабощенъ былъ государству и своею душою, и своимъ тѣломъ, и своимъ достояніемъ; гдѣ была обязательна ненависть къ чужеземцу, гдѣ понятіе права и долга, справедливости и привязанности останавливалось въ предѣлахъ гражданской общины; гдѣ людская ассоціація неизбѣжно ограничивалась извѣстнымъ кругомъ около пританея и гдѣ не видѣлось никакой возможности для основанія обществъ болѣе обширныхъ. Таковы были отличительныя черты греческихъ и италійскихъ гражданскихъ общинъ въ теченіе перваго періода ихъ исторіи.

Однако общество измѣнилось мало-по-малу, какъ мы это видѣли. Измѣненія одновременно произошли какъ въ управленіи и въ правѣ, такъ и въ вѣрованіяхъ. Уже въ теченіе пяти вѣковъ, предшествовавшихъ христіанству, связь между религіей съ одной стороны и правомъ и политикой—съ другой не была уже такъ тѣсна. Усилія угнетенныхъ классовъ, низверженіе жреческаго сословія, труды философовъ, прогрессъ мысли поколебали древніе устои человѣческой ассоціаціи. Человѣкъ пересталъ вѣрить въ свою древнюю религію и непрерывно сталъ стараться освободиться изъ-подъ ея власти; право и политика, равно какъ и нравственность, мало-по-малу также освободились изъ религіозныхъ узъ.

Только цѣною забвенія древней религіи добились такого раздѣленія; если право и политика стали сколько-нибудь независимыми, то только вслѣдствіе того, что люди позабыли свои вѣрованія; если общество перестало управляться религіею, то оттого, что сама религія потеряла всякую силу. Но насталъ день, когда религіозное чувство ожило и воскресло, и когда подъ христіанскою формою вѣра вновь вернула себѣ власть надъ душою. Не предстояло ли тогда опять явиться древнему смѣшенію правительства со священствомъ, вѣры—съ закономъ?

Вмѣстѣ съ христіанствомъ не только вновь ожило религіозное чувство, но оно приняло сверхъ того болѣе возвышенное и духовное выраженіе. Тогда какъ въ прежніе вѣка люди создавали себѣ боговъ изъ души человѣческой или изъ великихъ силъ природы, теперь перешли къ понятію Бога, какъ существа вполнѣ особаго по своей сущности и человѣческой природѣ и всему міру. Божественное было окончательно поставлено внѣ видимой природы и выше ея. Тогда какъ прежде каждый человѣкъ самъ создавалъ себѣ своего бога, и боговъ было столько, сколько существовало семей и гражданскихъ общинъ, теперь Богъ явился существомъ единымъ, безконечнымъ, вселенскимъ и животворящимъ всѣ міры. Прежде у народовъ Греціи и Италіи религія была ничѣмъ инымъ, какъ собраніемъ обрядовъ, исполнявшихся безъ пониманія ихъ смысла, собраніемъ формулъ часто вполнѣ непонятныхъ, потому что языкъ ихъ устарѣлъ, преданіемъ, передававшимся изъ вѣка въ вѣкъ и черпавшимъ въ своей древности свой священный характеръ,—теперь вмѣсто этого религія стала собраніемъ догматовъ и великимъ предметомъ для вѣры. Сущность ея перестала корениться во внѣшности, а перешла въ мысль человѣческую. Религія перестала быть вещественной, а стала духовною. Христіанство измѣнило природу и форму поклоненія: человѣкъ не приноситъ больше богу пищи и питія; молитва утратила свое заклинательное значеніе, она стала предметомъ вѣры и смиреннымъ прошеніемъ. Душа вступила въ иное отношеніе съ божествомъ: страхъ боговъ смѣнился любовью къ Богу.

Христіанство принесло съ собою и другія новшества. Оно не было ни домашнею религіей какой-либо семьи, ни національною религіей какой-либо гражданской общины или расы. Оно не принадлежало ни одной кастѣ, ни одной корпораціи. Съ самаго начала оно обратилось ко всему человѣчеству. Іисусъ Христосъ сказалъ своимъ ученикамъ: „Идите и научите *всѣ народы*".

Принципъ этотъ былъ до того необычаенъ и неожиданъ,

что первые ученики одно время находились въ нерѣшительномъ колебаніи; изъ Дѣяній Апостоловъ можно видѣть, что многіе отказались сперва проповѣдывать новое ученіе внѣ того народа, у котораго оно возникло. Эти ученики думали, какъ древніе евреи, что Богъ еврейскій не желаетъ поклоненія чужеземцевъ; подобно римлянамъ и грекамъ древнихъ временъ они думали, что у каждаго народа долженъ быть свой богъ, что проповѣдывать имя и культъ этого бога значило отказываться отъ собственнаго блага и исключительнаго покровителя и что такая проповѣдь противорѣчитъ какъ долгу, такъ и интересу. Но Петръ возразилъ этимъ ученикамъ: „Богъ не дѣлаетъ различія между язычниками и нами". Св. Павелъ охотно повторяетъ эту истину при всякомъ случаѣ и во всевозможной формѣ: „Богъ, говоритъ онъ, открываетъ язычникамъ врата вѣры. Развѣ Богъ есть Богъ однихъ евреевъ? Нѣтъ, Онъ также Богъ и язычниковъ... Язычники призваны къ тому же наслѣдію, какъ и евреи".

Во всемъ этомъ есть нѣчто крайне новое. Въ первые вѣка человѣчества божество вездѣ понималось какъ особая принадлежность каждаго народа. Евреи вѣровали въ Бога евреевъ, аѳиняне - въ Палладу аѳинскую, римляне—въ Юпитера Капитолійскаго. Право исполнять культъ было преимуществомъ. Чужеземецъ не допускался въ храмы; не еврей не могъ войти въ храмъ евреевъ; лакедемонянинъ не имѣлъ права обращаться съ молитвою къ Палладѣ аѳинской. Справедливость требуетъ сказать, что въ теченіе пяти вѣковъ, предшествовавшихъ христіанству, всѣ мыслящіе люди возставали противъ такихъ узкихъ правилъ. Философія учила много разъ, начиная съ Анаксагора, что Богъ вселенной принимаетъ безразлично поклоненіе всѣхъ людей. Религія Элевсиса допускала посвященныхъ изъ всѣхъ городовъ. Культы Кибелы, Сераписа и нѣкоторыхъ другихъ допускали въ число своихъ почитателей людей всѣхъ націй. Евреи также начали допускать чужеземцевъ въ свою религію, греки и римляне допустили ихъ въ свои гражданскія общины. Христіанство, припустили ихъ въ свои гражданскія общины. Христіанство, пришедшее послѣ всѣхъ этихъ успѣховъ въ мысляхъ и учрежденіяхъ, явило поклоненію всѣхъ людей Единаго Бога, Бога всей вселенной, Бога доступнаго для всѣхъ, не имѣвшаго никакого избраннаго народа и не различавшаго ни народовъ, ни семей, ни государствъ.

Для этого Бога не было чужеземцевъ. Чужеземецъ не осквернялъ болѣе храма однимъ своимъ присутствіемъ. Храмъ былъ открытъ для всѣхъ, кто вѣровалъ въ Бога. Священство перестало быть наслѣдственнымъ, потому что религія перестала быть родовымъ наслѣдіемъ. Культъ не держался уже въ секретѣ; обряды, молитвы, догматы ни отъ кого не скрывались; напротивъ, съ этихъ поръ началось религіозное ученіе, не только ни отъ кого не скрывавшееся, но охотно всѣмъ предлагавшееся, идущее навстрѣчу самымъ отдаленнымъ и

старающееся найти самыхъ равнодушныхъ. Духъ проповѣди замѣстилъ собою законъ исключительности.

Все это имѣло большія послѣдствія какъ во взаимныхъ отношеніяхъ народовъ, такъ и въ управленіи государствомъ.

Религія не внушала болѣе взаимной ненависти однимъ народамъ противъ другихъ; она не полагала въ обязанность гражданина вражду къ чужеземцу; напротивъ, она учила его, чтобы онъ исполнялъ относительно чужеземца и врага обязанности правосудія и милосердія. Такимъ образомъ преграды между народами и племенами если и не пали совсѣмъ, то понизились; *pomoerium* исчезло; „Іисусъ Христосъ, —говоритъ апостолъ, — раззорилъ преграду разобщенія и вражды". — „Членовъ много, — говоритъ онъ еще, — а тѣло едино. Нѣтъ болѣе ни язычника, ни еврея; ни обрѣзаннаго, ни необрѣзаннаго; ни варвара, ни скиѳа. Весь родъ человѣческій—одно цѣлое". Народамъ провозглашено было ученіе, что всѣ они происходятъ отъ одного общаго отца. Съ единствомъ Бога возникло въ умахъ людей и понятіе объ единствѣ человѣческаго рода: неизбѣжной заповѣдью религіи явилось тогда запрещеніе одному человѣку ненавидѣть другихъ людей.

Что касается до управленія государствомъ, то можно сказать, что христіанство преобразило его въ самой сущности, и именно потому, что оно имъ не занималось. Въ древніе вѣка религія и государство составляли одно цѣлое; каждый народъ чтилъ своего бога, и каждый богъ управлялъ своимъ народомъ; одинъ и тотъ же кодексъ опредѣлялъ какъ взаимныя отношенія людей, такъ и обязанности ихъ къ богамъ гражданской общины. Религія управляла тогда государствомъ и указывала ему его вождей путемъ или жребія, или ауспицій; государство, въ свою очередь, вмѣшивалось въ область сознанія и наказывало за всякое искаженіе или небреженіе обрядовъ и культа гражданской общины. Вмѣсто этого Іисусъ Христосъ учитъ, что Его власть не отъ міра сего. Религія, переставъ быть земною, вмѣшивается какъ можно меньше и рѣже въ земныя дѣла. Іисусъ Христосъ говоритъ еще: „Воздадите кесарево—кесарю, а божіе—Богу". Здѣсь въ первый разъ Богъ различается такъ ясно отъ государства. Цезарь, въ это время, все еще былъ верховнымъ жрецомъ, главою и представителемъ римской религіи; онъ былъ хранителемъ и истолкователемъ вѣрованій; онъ держалъ въ своихъ рукахъ культъ и ученіе. Самая его личность была священна и божественна, такъ какъ одною изъ особенностей политики интересовъ было то, что, желая окружить себя аттрибутами древней царской власти, они позаботились поддержать тотъ божественный характеръ, который въ древности былъ присущъ царямъ-жрецамъ и жрецамъ-основателямъ. Но вотъ Іисусъ Христосъ разрушаетъ этотъ союзъ, который хотѣлось возстановить язычеству и имперіи; Онъ провозглашаетъ, что

религія—не государство и что повиноваться цезарю—не одно и то же, что повиноваться Богу.

Христіанство окончательно разрушаетъ мѣстные культы; оно гаситъ священные огни въ пританеяхъ и уничтожаетъ городскія божества. Даже болѣе: оно не беретъ на себя власть, какую эти культы проявляли надъ гражданскимъ обществомъ. Оно провозвѣщаетъ, что между государствомъ и религіей нѣтъ ничего общаго; оно различаетъ то, что оставалось смѣшаннымъ во всей древности. При этомъ можно замѣтить, что въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ новая религія жила всецѣло внѣ государственнаго воздѣйствія; она съумѣла обойтись безъ его покровительства и даже бороться противъ него. Эти три вѣка установили цѣлую пропасть между областью правительства и областью религіи. Такъ какъ воспоминаніе объ этой величественной эпохѣ не могло изгладиться, то слѣдовательно различіе это стало общепринятою и несомнѣнною истиною, которую искоренить не удалось даже усиліямъ одной части церкви.

Основаніе это повело за собою большія послѣдствія. Съ одной стороны политика окончательно освободилась отъ строгихъ правилъ, наложенныхъ на нее древней религіею. Явилась возможность управлять людьми, не подчиняясь священнымъ обычаямъ, не совѣщаясь съ ауспиціями или оракулами, не подчиняя всѣ свои поступки вѣрованіямъ и требованіямъ культа. Политика стала свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ; никакая иная власть, кромѣ нравственнаго закона, не стѣсняла ея свободы дѣйствовать. Съ другой стороны, если государство и сдѣлалось сильнѣе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, за то предѣлъ его воздѣйствія значительно сократился. Отъ него ускользнула цѣлая половина человѣка. Христіанство учило, что человѣкъ принадлежалъ обществу только одною своею частью, что онъ подвластенъ ему чрезъ свое тѣло и свои вещественные интересы; что, если онъ подданный тирана, онъ долженъ ему покоряться, если онъ гражданинъ республики онъ долженъ отдать за нее жизнь, но душа его свободна и въ ней отвѣчаетъ онъ только передъ Богомъ.

Уже стоицизмъ подмѣтилъ это раздѣленіе; онъ возвратилъ человѣка самому себѣ и положилъ основаніе внутренней свободѣ. Но изъ этой не больше какъ энергической попытки мужественнаго ученія христіанство сдѣлало всеобщее и непоколебимое правило для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній; изъ этого ободренія доступнаго для немногихъ оно сдѣлало общее достояніе на благо всему человѣчеству.

Если теперь припомнить, что было сказано выше о полновластіи государства у древнихъ и если представить себѣ всю неограниченную власть гражданской общины, какую она присвоила себѣ въ силу своего священнаго характера и религіи, то можно увидать, что этотъ новый принципъ былъ источникомъ, откуда могла народиться свобода личности. Какъ только духовное существо человѣка оказалось освобожденнымъ, то самое трудное было уже сдѣлано, и свобода стала возможна въ соціальной жизни.

Вмѣстѣ съ политикой преобразовались также чувствованія и нравы. Былое понятіе объ обязанностяхъ гражданина стало ослабѣвать. Главная обязанность состояла теперь не въ томъ, чтобы отдавать свое время, свои силы и свою жизнь государству. Политика и война перестали быть всѣмъ для человѣка; всѣ добродѣтели не заключались уже въ одной любви къ отечеству, такъ какъ у души нѣтъ отечества. Человѣкъ сознаlъ, что у него есть иныя обязанности, чѣмъ жить и умереть за гражданскую общину. Христіанство установило различіе между добродѣтелями частными и общественными. Уменьшивъ вліяніе послѣднихъ, оно возвысило значеніе первыхъ; оно поставило Бога, семью, человѣческую личность выше отечества, а ближняго—выше согражданина.

Право также измѣнилось въ своей сущности. У всѣхъ древнихъ народовъ право было подвластно религіи и получало отъ нея всѣ свои правила. У персовъ и индусовъ, у евреевъ, у грековъ, у италійцевъ и галловъ законъ всегда сохранялся въ священныхъ книгахъ или въ религіозномъ преданіи. Оттого у всякой религіи право было создано по ея образу. Христіанство—первая религія, предоставившая праву полную независимость. Оно вѣдало обязанности людей, но не ихъ отношенія выгоды. Оно не вступалось въ установленіе ни права собственности, ни порядка наслѣдованія, ни взаимныхъ обязательствъ, ни судопроизводства. Оно помѣстилось внѣ права, равно какъ внѣ всѣхъ чисто-земныхъ дѣлъ. Право, слѣдовательно, стало независимо; оно могло черпать свои правила изъ природы, изъ человѣческаго сознанія, изъ присущей въ насъ могущественной идеи справедливаго. Оно могло развиваться на полной свободѣ, преобразовываться и улучшаться вполнѣ безпрепятственно, слѣдовать за прогрессомъ нравственности, приспособляться къ интересамъ и общественнымъ нуждамъ каждаго поколѣнія.

Благотворное вліяніе новой идеи скоро дало себя знать въ исторіи римскаго права. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, предшествующихъ полному торжеству христіанства, римское право старательно пыталось освободиться изъ-подъ власти религіи и приблизиться къ равенству и природѣ, но достигало оно этого только путемъ обходовъ и уловокъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ роняли его нравственное значеніе. Трудъ обновленія права, указанный философіей стоиковъ, продолженный благородными усиліями римскихъ правовѣдовъ и законченный тонкостями и хитростями претора, могъ быть вполнѣ довершенъ только благодаря независимости, предоставленной праву новою религіей. Нужно видѣть, какъ по мѣрѣ распространенія христіанства въ обществѣ, римскіе кодексы начинаютъ допускать новыя правила и уже не путемъ изворотовъ и ого-

ворокъ, но прямо и безъ всякаго колебанія. Домашніе пенаты были уничтожены, а очаги потушены; древній строй семьи исчезъ навсегда, а вмѣстѣ съ нимъ исчезли и правила, изъ него вытекавшія. Отецъ потерялъ свою безусловную власть, данную ему нѣкогда его жреческимъ характеромъ, и сохранилъ за собою только ту власть, какую сама природа вручаетъ ему на пользу ребенка. Жена, поставленная древнимъ культомъ въ низшее положеніе въ отношеніи къ мужу, стала теперь нравственно ему равной. Право собственности преобразовалось въ самой своей сущности; собственность стала брать свое начало не изъ религіи, но изъ труда; пріобрѣтеніе ея сдѣлалось значительно легче, и формальности стариннаго права были отмѣнены окончательно.

Такимъ образомъ отъ одного того, что семья лишилась своей домашней религіи, преобразовались и ея строй, и ея право; точно также благодаря тому, что у государства не было уже оффиціальной религіи, измѣнились навсегда и правила управленія людьми.

Наше изслѣдованіе должно кончиться на границѣ, отдѣляющей древнюю политику отъ современной. Здѣсь мы разсказали исторію одного вѣрованія. Когда вѣрованіе это укрѣпляется, человѣческое общество начинаетъ слагаться; съ измѣненіемъ этого вѣрованія происходитъ рядъ переворотовъ и въ обществѣ. Вѣрованіе, наконецъ, исчезаетъ, и общество мѣняетъ свой видъ. Таковъ законъ древнихъ временъ.

КОНЕЦЪ.